ЦАРЕУБІЙСТВО

11 МАРТА 1801 ГОДА

ЗАПИСКИ УЧАСТНИКОВЪ И СОВРЕМЕННИКОВЪ

(САБЛУКОВА, ВЕЛЬЯМИНОВА-ЗЕРНОВА, ГРАФА БЕНИГСЕНА, ФОНЪ-ВЕДЕЛЯ, ГРАФА ЛАНЖЕРОНА, ФОНВИЗИНА, КНЯГИНИ ЛИВЕНЪ, КНЯЗЯ ЧАРТОРЫЙСКАГО, БАРОНА ГЕЙКИНГА, КОЦЕБУ)

СЪ 17 ПОРТРЕТАМИ, ВИДАМИ И ПЛАНАМИ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1908

2002

Типографія А С Суворина, Эртелевъ пер , д 13

1992 год

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе I
Записки Н. А. Саблукова 1
Записки А. Н. Вельяминова-Зернова 107
Изъ записокъ графа Бенигсена 135
Изъ записокъ майора фонъ-Веделя 157
Изъ записокъ графа Ланжерона 173
Изъ записокъ Фонвизина 199
Изъ записокъ княгини Ливенъ 215
Записки князя Адама Чарторыйскаго 245
Записки барона Гейкинга 289
Записки Августа Коцебу 315

Портреты, виды и планы (на отдѣльныхъ листахъ):

Императоръ Павелъ I.
Императоръ Павелъ I.
Императрица Марія Ѳеодоровна.
Императоръ Александръ I.
Княгиня А. П. Гагарина, рожденная Лопухина.
Графъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ.
Графъ Никита Петровичъ Панинъ.
Леонтій Леонтьевичъ Бенигсенъ.
Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ.
Графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ.
Графъ Николай Александровичъ Зубовъ.
Главный фасадъ Михайловскаго замка со стороны подъѣзда.
Фасадъ Михайловскаго замка со стороны церкви.
Фасадъ Михайловскаго замка со стороны Фонтанки.
Фасадъ Михайловскаго замка со стороны Лѣтняго сада.
Планъ нижняго этажа Михайловскаго замка.
Планъ бельэтажа Михайловскаго замка.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Новыя условія печати дали возможность обнародовать многіе документы, до сихъ поръ бывшіе достояніемъ лишь спеціалистовъ и доступные только въ заграничныхъ изданіяхъ. Драгоцѣнное право свободы научнаго изслѣдованія, конечно, откроетъ новую эру въ русской исторіографіи, позволивъ освѣтить нѣкоторые важнѣйшіе моменты послѣднихъ двухъ столѣтій. Къ сожалѣнію, однако, пока правами свободы печати многіе пользуются болѣе съ полемическими и партійными цѣлями, чѣмъ въ видахъ раскрытія безпристрастной и строго научной истины. Болѣзненныя и кровавыя событія прошлаго, документы, относящіеся къ самымъ темнымъ страницамъ хроники петербургскаго періода русской исторіи, выбрасываются на книжный рынокъ, въ большую публику, въ плохихъ, но дешевыхъ изданіяхъ, безъ всякой критической оцѣнки и надлежащаго освѣщенія. Такія изданія, нерѣдко брошюры, разсчитаны исключительно на возбужденіе въ широкихъ кругахъ читателей недовольства и негодованія на темныя стороны прошлаго. При этомъ, однако, страдаетъ научная истина, плодъ спокойнаго изслѣдованія и объективнаго анализа документовъ. Чувство негодованія на неприглядныя сто-

роны прошлаго, конечно, законно и является движущимъ импульсомъ народовъ по пути прогресса и достиженія ими политическихъ правъ. Но только объективная научная истина, вносящая полный свѣтъ въ прошлое, только раскрытіе всѣхъ пружинъ прискорбныхъ событій этого прошлаго можетъ насъ научить, какъ избѣжать въ будущемъ новыхъ страданій, новыхъ дѣяній злобы, порока, крови и преступленія.

Одна изъ вопіющихъ и темныхъ страницъ русской исторіи послѣднихъ двухъ столѣтій—трагическая кончина императора Павла Петровича въ ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 года. Въ иностранныхъ источникахъ находимъ множество описаній страшныхъ событій въ мрачныхъ стѣнахъ Михайловскаго замка. Эти описанія (напримѣръ, въ большомъ энциклопедическомъ словарѣ Ларусса) переполнены измышленіями фантазіи. Вообще, всякій, кто занимался личностью, царствованіемъ и кончиной императора Павла Перваго, знаетъ, какой противорѣчивый матеріалъ даютъ источники, какъ мало основательны ходячія представленія объ этомъ монархѣ, сколько здѣсь непровѣреннаго, гадательнаго, шаткаго, а между тѣмъ соблазнительнаго для разныхъ компиляторовъ.

Съ другой стороны, кратковременное царствованіе Павла является переходнымъ, и въ немъ именно находимъ основанія политической, военной и гражданской системъ, пережившихъ несчастнаго государя и продолжавшихъ развиваться въ два послѣдовавшія царствованія. Поэтому изученіе и полное освѣщеніе царствованія Павла Петровича даетъ ключъ къ пониманію первой половины истекшаго столѣтія и очень важно для науки русской исторіи.

Цѣль настоящаго изданія—способствовать полному выясненію истины о кровавыхъ событіяхъ и переворотѣ 1801 года.

Въ видахъ достиженія этой цѣли, въ книгу вошли только показанія наиболѣе достовѣрныя и важныя, и при томъ лишь очевидцевъ событій, какъ непосредственныхъ участниковъ переворота, такъ и лицъ, близко стоявшихъ къ императору Павлу, его семейству, двору и лично знавшихъ всѣхъ дѣятелей того времени.

Сообразно такому выбору документовъ, приведены показанія главныхъ руководителей и исполнителей заговора—графа Палена и Бенигсена. Затѣмъ помѣщены записки Саблукова и Коцебу, взаимно другъ друга пополняющія и повѣряющія, а также отрывки изъ мемуаровъ княгини Ливенъ и барона Гейкинга, описаніе мартовскихъ событій Чарторыйскимъ и разсказъ Фонвизина, составленный на основаніи показаній участниковъ заговора и современниковъ событій. Въ книгѣ соединены наиболѣе достовѣрные источники, и не вошли всѣ тѣ разсказы и пересказы, въ которыхъ нѣтъ ничего новаго, кромѣ пылкой фантазіи, явно лживыхъ сплетенъ и неосновательныхъ слуховъ.

Записки Николая Александровича Саблукова, современника событій 11—12 марта 1801 года, представляютъ историческій документъ первостепенной важности, какъ по освѣдомленности автора, такъ и по высокимъ нравственнымъ качествамъ личности разсказчика, которыя сами по себѣ ручаются за его искренность и правдивость.

Однако, необходимо принять во вниманіе, что мы въ данномъ случаѣ не имѣемъ предъ глазами подлинника записокъ Саблукова, но лишь переводъ англійской статьи журнала «Frazer's Magazine» 1865 г., представляющей, какъ удостовѣряетъ ея заголовокъ, лишь нѣчто, извлеченное «from the papers of a deceased Russian general officer»—изъ бумагъ умершаго русскаго генерала. Переводчикъ англійской статьи, г. Военскій, основательно указываетъ на странное противорѣчіе между категорическимъ утвер-

жденіемъ, что слухи объ участіи англійскаго посла лорда Уитворда и англійскаго золота въ переворотѣ 11—12 марта ложны, и сообщеніемъ того разительнаго факта, что любовница посла, Жеребцова, почему-то называемая въ англійской статьѣ неопредѣленно «пріятельницей», предсказала печальное событіе въ Берлинѣ и, по совершеніи его, отправилась въ Лондонъ къ Уитворду. По совершенно основательной догадкѣ г. Военскаго, объясненіемъ этого противорѣчія можетъ служить то обстоятельство, что бумаги Саблукова обнародованы въ англійской редакціи. Но, вчитываясь въ записки русскаго генерала, находимъ и еще нѣсколько непостижимыхъ противорѣчій, обличающихъ тотъ же и весьма неискусный и беззастѣнчивый редакціонный карандашъ. Въ первой главѣ своихъ воспоминаній Саблуковъ говоритъ, что «Павелъ отнюдь не былъ человѣкомъ безнравственнымъ, напротивъ того, онъ былъ добродѣтеленъ», «ненавидѣлъ распутство», «искренно привязанъ къ супругѣ», связь его съ Нелидовой была «чисто платоническою», а во 2-й главѣ вдругъ сообщается, въ крайне пошломъ тонѣ, будто бы «поклоненіе женской красотѣ» заставляло Павла указывать на какую-нибудь Дульцинею, что его услужливый Фигаро-Кутайсовъ немедленно и принималъ къ свѣдѣнію, стараясь исполнить желаніе господина.

О нравственности императора Павла I мы имѣемъ довольно точныя свѣдѣнія. Бракъ его съ Маріей Ѳеодоровной былъ плодоносный и счастливый. Съ Нелидовой его связывала лишь платоническая дружба. Въ этомъ едва ли можетъ быть теперь сомнѣніе. Но показанія самой императрицы Маріи Ѳеодоровны, графини Головиной и графа Ѳеодора Головкина свидѣтельствуютъ, что во время беременности и по разрѣшеніи 28 января 1798 г. великимъ княземъ Михаиломъ доктора и въ частности берлинскій профессоръ Мекель заявили, что дальнѣйшее продолженіе супруже-

скихъ отношеній грозитъ жизни императрицы. Съ этого времени Павелъ Петровичъ уже спалъ въ особливомъ покоѣ. Но каковы были его отношенія къ дѣвицѣ Лопухиной, вскорѣ княгинѣ Гагариной? Они начались платоническими ухаживаніями, а болѣе близкія отношенія если и наступили, то лишь въ іюлѣ 1800 г. Значитъ, $2^1/_2$ года Павелъ Первый пребывалъ на положеніи вѣрнаго своимъ обѣтамъ монаха? Во всякомъ случаѣ, какъ гросмейстеръ Мальтійскаго ордена, онъ долженъ былъ соблюдать обѣтъ безбрачія. Но вотъ что послѣ рожденія Михаила объяснилъ Павелъ императрицѣ: «Qu'il était tout à fait mal en physique, qu'il ne connaissait plus de besoin, qu'il est tout à fait nul et que ce n'était plus une idée qui lui passait, par la tête, qu'enfin il était paralysé de ce côté...»

Если такое состояніе было и временнымъ, то лишь въ іюлѣ 1800 года отношенія Павла къ Лопухиной-Гагариной принимаютъ, повидимому, характеръ физической близости. Затѣмъ, помѣстившись во дворцѣ, она ежедневно вечеромъ видитъ у себя императора послѣ ужина, съ 9-ти часовъ до 11-ти. Только къ 21-му февраля 1801 года относится документъ, изъ котораго видно, что Павелъ ожидалъ разрѣшенія отъ бремени какой-то особы простого званія, и потомъ родившаяся дѣвочка получила фамилію Мусиной-Юрьевой. Начало этой темной связи, повидимому, тоже падаетъ на лѣто 1800 года.

Еще разительнѣе противорѣчіе въ началѣ 2-й главы. Саблуковъ говоритъ о великодушіи Павла, «готоваго прощать обиды и повиниться въ своихъ ошибкахъ». А нѣсколькими строками ниже— «почитая себя всегда правымъ», Павелъ «съ особеннымъ упорствомъ держался своего мнѣнія и ни за что не хотѣлъ отъ него отказаться». Наконецъ, въ концѣ 3-й главы сначала переодѣваніе и безпорядочное ликующее движеніе по улицамъ Петербурга на слѣдующій же

день послѣ ужаснаго событія признается показателемъ «легкомыслія и пустоты» публики того времени. А нѣсколькими строчками ниже напыщеннымъ тономъ говорится, что это движеніе «заставило всѣхъ ощущать, что съ рукъ ихъ, словно по волшебству, свалились цѣпи и что нація, какъ бы находившаяся въ гробу, снова вызвана къ жизни и движенію». Ясно, что эти противорѣчія—слѣдствіе редакціонныхъ вставокъ, и весьма неискусныхъ. Но если въ англійскихъ интересахъ было внести тенденціозныя дополненія въ разсказъ Саблукова, то можно предполагать и смягченія, пропуски непріятныхъ мѣстъ и т. д. То-есть, мы, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣемъ предъ собою значительно попорченный текстъ записокъ Саблукова; замѣтимъ, что почему-то даже и нумера англійскаго журнала съ его записками стали такой рѣдкостью, что это напоминаетъ изъятіе ихъ изъ обращенія; они не имѣются даже у наиболѣе извѣстныхъ заграничныхъ антикваріевъ.

Противоположностью запискамъ Саблукова, проникнутымъ благородной прямотой и искренностью, является исторія заговора Августа Коцебу; заискивающій, слащаво-добродѣтельный тонъ этого сочиненія чрезвычайно противенъ, тѣмъ болѣе, что онъ соединенъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ русскому народу; ничего удивительнаго въ этомъ нѣтъ, если мы вспомнимъ, что за личность Августъ-Фредерикъ-Фердинандъ фонъ-Коцебу (1761—1819). Плодовитѣйшій нѣмецкій драматургъ, истинный создатель мѣщанской драмы, авторъ 300 комедій и драмъ, составляющихъ 44 тома (изд. 1827—1829 г.г.), имѣвшихъ долгій и прочный успѣхъ, и въ то же время завистливый и низкій памфлетистъ, политическій проходимецъ и сгольдатай,—Коцебу снискалъ глубокое и единодушное презрѣніе своихъ соотечественниковъ. Въ литературныхъ памфлетахъ онъ оплевывалъ лучшихъ писателей Германіи

и Франціи. Свое перо журналиста запродалъ императору Александру I-му, и, вообще, за крупное вознагражденіе, въ періодъ 1814—1817 г.г., находясь то въ Веймарѣ, то въ Мангеймѣ, періодически сообщалъ русскому императору о внутреннихъ дѣлахъ своего отечества, чѣмъ заслужилъ ненависть всѣхъ нѣмецкихъ патріотовъ, какъ полнымъ отсутствіемъ нравственнаго чувства, такъ и утрированнымъ служеніемъ ретроградпымъ идеямъ и планамъ порабощенія народовъ; когда же переписка Коцебу съ Александромъ была обнародована, молодой фанатикъ-студентъ, Карлъ Зандъ, желая отомстить за отечество, убилъ Коцебу ударомъ кинжала въ собственномъ домѣ послѣдняго, въ Мангеймѣ, 23 марта 1819 г.,—дѣяніе безумное, ибо оно повлекло за собою долгую и безпросвѣтную реакцію.

Переводчикъ сочиненія Коцебу о заговорѣ 11—12 марта 1801 года, князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, опредѣляетъ, что въ настоящемъ видѣ сочиненіе это было окончено во второй половинѣ 1811 или въ началѣ 1812 г. Въ это время Коцебу состоялъ при русскомъ штабѣ въ качествѣ офиціознаго писателя, редактировалъ дипломатическія ноты императора Александра, издавалъ дышащіе ненавистью къ французамъ и Наполеону памфлеты. Конечно, такое положеніе сообщало перу его особую мягкость, когда онъ писалъ о столь деликатномъ предметѣ, оно же объясняетъ выходки его насчетъ «желѣзнаго скипетра», необходимаго для управленія русскимъ народомъ. Монархическій терроръ Павла Петровича Коцебу испыталъ, впрочемъ, на себѣ самомъ, когда, по возвращеніи изъ Вѣны въ Россію, былъ арестованъ и высланъ въ Сибирь, какъ предполагаемый авторъ какого-то памфлета на Павла; пьеса Коцебу «Лейбъ-кучеръ», случайно обратившая вниманіе императора, въ слѣдующемъ же году вернула драматурга въ Петербургъ. Сравнительное

изученіе сочиненія Коцебу, въ сопоставленіи съ другими источниками, доказываетъ, однако, что онъ дѣйствительно старался дать по возможности правдивое описаніе событій и прилагалъ усилія добыть истину, о чемъ самъ говоритъ: «Усилія эти были необходимы, потому что никогда не видѣлъ я столь явнаго отсутствія исторической истины; изъ тысячи слуховъ, которые въ то время ходили, многіе были въ прямомъ противорѣчіи между собою». Однако, мы не должны забывать, что имѣемъ предъ собою перо, менѣе всего привыкшее повиноваться требованіямъ истины, а чаще водимое личнымъ недоброжелательствомъ, или желаніемъ угодить покровителямъ. Несомнѣнно, что Коцебу могъ прибѣгать къ умолчанію о многомъ.

Переходимъ къ показаніямъ Палена и Бенигсена, руководителей заговора, изъ которыхъ разсказъ перваго мы имѣемъ только въ передачѣ графа Ланжерона. Показанія графа Палена отличаются циничской откровенностью. Паленъ сообщаетъ, что когда великій князь Александръ Павловичъ потребовалъ отъ него клятвеннаго обѣщанія, что не станутъ покушаться на жизнь его отца, онъ далъ ему слово, но «не былъ настолько лишенъ смысла, чтобы внутренно взять на себя обязательство исполнить вещь невозможную». Тутъ Паленъ обличаетъ въ себѣ истаго іезуита съ знаменитымъ reservatio mentalis. Онъ клялся на словахъ, но внутренно остался свободнымъ отъ обязательства!

Паленъ раскрываетъ адскій, приведенный имъ въ исполненіе, планъ усилить общее ожесточеніе противъ Павла Петровича, заставивъ прощенныхъ имъ офицеровъ умирать съ голоду у воротъ Петербурга; сообщаетъ и о томъ, какъ пагло обманулъ своего государя, увѣривъ его, что стоитъ во главѣ заговора лишь въ виду своей должности, съ цѣлью предать всѣхъ, когда дѣло созрѣетъ.

Показанія Бенигсена мы имѣемъ въ двухъ редакціяхъ—собственноручное его письмо или, точнѣе, часть письма къ фонъ-Фоку и передачу его словъ Лаижероиомъ.

Извлеченіе изъ мемуаровъ графа Бенигсена начинается словами, изъ которыхъ видно, что выше, въ не имѣющейся въ нашемъ распоряженіи части письма, находилось описаніе того положенія дѣлъ, замѣшательства во всѣхъ отрасляхъ правленія и всеобщаго недовольства, будто бы охватившаго «всю націю», которыя и побудили иностранца, ганноверца Бенигсена, рискуя головой, совершить «патріотическій» подвигъ освобожденія «отечества» отъ тирана... Характеръ письма Бенигсена уклончивый, съ постояннымъ и неумѣлымъ выгораживаніемъ себя и отчасти Палена, и съ инсинуаціей поведенія императрицы Маріи Ѳеодоровны послѣ гибели ея царственнаго супруга. Оба кондотьери, и Паленъ, и Бенигсенъ, съ одной стороны, рѣшительно главой заговора ставятъ великаго князя Александра, а съ другой—изображаютъ совершенное злодѣйство, какъ патріотическій подвигъ въ древне-римскомъ вкусѣ. ради спасенія отечества и даже всей Европы «отъ пропасти», куда ихъ ведетъ «тиранъ» и «сумасшедшій». Показанія Бенигсена особенно важны въ той ихъ части, гдѣ онъ, какъ очевидецъ, описываетъ все происходившее въ спальнѣ Павла Петровича.

Что касается разсказа княгини Д. Х. Ливенъ, то это передача наивныхъ впечатлѣній 15-тилѣтней женщины; тутъ важна характеристика Павла и показаніе о дружественныхъ сношеніяхъ съ мужемъ ея, военнымъ министромъ, графа Палена, который «заѣзжалъ ежедневно къ нему провести съ нимъ часъ-другой», причемъ сама Дарья Христофоровна «оказывалась лишнею» и ее «выпроваживали» прочь. Бенигсенъ Ливеновъ «тоже навѣщалъ, но не особенно часто».

Воспоминанія барона Гейкинга, женатаго на дочери начальницы Смольнаго института де-Лафонъ, и со всею партіей Нелидовой попавшаго въ немилость послѣ окончанія ея фавора, передаютъ весьма интересную бесѣду съ Паленомъ послѣ цареубійства 11 марта и хорошо рисуютъ Петербургъ въ первые дни воцаренія Александра, когда баронъ Гейкингъ пріѣхалъ въ столицу послѣ пребыванія въ Балтійскомъ краѣ.

Описаніе переворота, составленное Фонвизинымъ, бросаетъ свѣтъ на участіе въ немъ Англіи. Вступивъ въ службу въ гвардію въ 1803 году, онъ лично зналъ многихъ, участвовавшихъ въ заговорѣ, разсказами которыхъ и пользуется. Что касается записокъ Чарторыйскаго, то близость его къ Александру Павловичу и освѣдомленность вносятъ много драгоцѣнныхъ чертъ въ описаніе людей и событій того времени.

Сравнительный анализъ показаній очевидцевъ событій 1801 года поможетъ читателю отвѣтить на слѣдующіе основные вопросы: 1) Какія причины привели къ перевороту? 2) Кто были участники въ событіяхъ роковой ночи съ 11 на 12 марта? 3) Какимъ именно образомъ приведено въ исполненіе задуманное преступленіе? 4) Каковы были непосредственныя слѣдствія переворота?

Разсматривая разнообразныя причины, приводимыя какъ въ объясненіе, такъ и въ оправданіе злодѣйской расправы съ Павломъ Петровичемъ, прежде всего находимъ утвержденіе, что онъ былъ сумасшедшій и душевнобольной, усилившаяся болѣзнь превратила его въ свирѣпаго и сумасброднаго тирана, деспота, истязателя; и вотъ, наконецъ, «принято было рѣшеніе овладѣть особой императора и увезти его въ такое мѣсто, гдѣ онъ могъ бы находиться подъ надлежащимъ надзоромъ, и гдѣ бы онъ былъ лишенъ возможности дѣлать зло» (Бенигсенъ). Паленъ тоже свидѣтельствуетъ объ «изступленности бе-

зумія» Павла, «которое шло, все усиливаясь, и могло, въ концѣ концовъ, стать кровожаднымъ,—да и стало таковымъ» (по запискамъ Ланжерона). Фонвизинъ именуетъ Павла I-го—«безумнымъ». Итакъ, въ сущности, не было никакого заговора. Просто принималась необходимая мѣра обезопасить общество отъ больного человѣка, «изступленное безуміе» котораго стало наконецъ «кровожаднымъ». Возможно ли было оставлять власть въ его рукахъ?

Однако, утвержденія Палена и Бенигсена остаются голословными и не подтверждены ими рѣшительно ничѣмъ. Въ запискахъ же другихъ современниковъ образъ Павла рисуется совершенно инымъ. Всѣ они единогласно свидѣтельствуютъ о несдержанности, раздражительности, припадкахъ гнѣва, нетерпѣливой требовательности, вспыльчивости, чрезмѣрной поспѣшности въ принятіи рѣшеній, указываютъ на странности, страстные и подчасъ жестокіе порывы, подозрительность; «съ внезапностью принимая самыя крайнія рѣшенія, онъ былъ подозрителенъ, рѣзокъ и страшенъ до чудачества», говоритъ княгиня Ливенъ; въ минуты вспыльчивости Павелъ могъ казаться жестокимъ или даже быть таковымъ, но въ спокойномъ состояніи онъ былъ неспособенъ дѣйствовать безчувственно или неблагородно» (Коцебу). «Утверждалось не разъ», говоритъ княгиня Ливенъ: «будто Павелъ съ дѣтства обнаруживалъ явные признаки умственной аберраціи, но доказать, чтобъ онъ дѣйствительно страдалъ такимъ недугомъ, трудно». «Объ императорѣ Павлѣ принято, обыкновенно, говорить, какъ о человѣкѣ, чуждомъ всякихъ любезныхъ качествъ, всегда мрачномъ, раздражительномъ и суровомъ. На дѣлѣ же характеръ его вовсе не былъ таковъ» (Саблуковъ).

Онъ обладалъ прекрасными манерами и былъ очень вѣжливъ съ женщинами; онъ обладалъ литературною на-

читанностью и умомъ бойкимъ и открытымъ; склоненъ былъ къ шуткѣ и веселію; любилъ искусство; французскій языкъ и литературу зналъ въ совершенствѣ; его шутки никогда не носили дурного вкуса; трудно себѣ представить что-либо болѣе язящное, чѣмъ краткія милостивыя слова, съ которыми онъ обращался къ окружающимъ въ минуты благодушія (княгиня Ливенъ). Вотъ характеристика Саблукова: Павелъ Петровичъ былъ «полонъ жизни, остроумія и юмора»; онъ былъ добродѣтеленъ и ненавидѣлъ распутство; былъ весьма строгъ относительно всего, что касалось государственной экономіи, стремясь облегчить тягости, лежащія на народѣ; весьма щедръ при раздачѣ пенсій и наградъ; въ преслѣдованіи лихоимства, несправедливости, неправосудія непреклоненъ; глубоко религіозный, Павелъ высоко цѣнилъ правду, ненавидѣлъ ложь и обманъ; «въ основѣ характера» этого императора «лежало истинное великодушіе и благородство и, несмотря на то, что онъ былъ ревнивъ къ власти, онъ презиралъ тѣхъ, кто раболѣпно подчинялись его волѣ, въ ущербъ правдѣ и справедливости, и, наоборотъ, уважалъ людей, которые безстрашно противились вспышкамъ его гнѣва, чтобы защитить невиннаго»; онъ былъ «совершенный джентльменъ, который зналъ, какъ надо обращаться съ истинно-порядочными людьми, хотя бы они и не принадлежали къ родовой или служебной аристократіи; онъ зналъ въ совершенствѣ языки: славянскій, нѣмецкій и французскій, былъ хорошо знакомъ съ исторіей, географіей и математикой». Вотъ образъ, совершенно противоположный ходячему представленію о Павлѣ Петровичѣ.

Чрезвычайно важны показанія Саблукова, что Павелъ Петровичъ былъ однимъ изъ лучшихъ наѣздниковъ своего времени и съ ранняго возраста отличался въ каруселяхъ. Если такъ, то, очевидно, онъ былъ силенъ и ловокъ и

правильно развитъ физически. Плодовитость его брака доказываетъ то же самое. Система, порядокъ и планомѣрность видны во всѣхъ его предпріятіяхъ. Замѣчательно еще утвержденіе Саблукова:

«Я находился на службѣ въ теченіе всего царствованія этого государя, не пропустилъ ни одного ученія или вахтъ-парада и могу засвидѣтельствовать, что хотя онъ часто сердился, но я никогда не слыхалъ, чтобы изъ устъ его исходила обидная брань». И Саблуковъ отмѣчаетъ за четыре года лишь разъ расправу тростью съ тремя офицерами. Значитъ, вообще на ученьяхъ и парадахъ Павелъ не терялъ самообладанія. Разсказы о его безумныхъ расправахъ съ офицерами и полками явно требуютъ тщательной провѣрки. О состояніи здоровья Павла I мы знаемъ только одно — гастрическія страданія, даже сопровождавшіяся судорогами. Ихъ объясняютъ торопливостью, съ которой онъ ѣлъ, плохо прожевывая куски, затѣмъ не переваривавшіеся. Это относится къ ранней юности Павла; но, несомнѣнно, раздражительность его развивалась на почвѣ желудочныхъ недомоганій. Графъ Ѳедоръ Головкинъ замѣчаетъ, что Павлу «нужно было продолжать режимъ его хирурга Фрейганга, который каждое поволуніе «le purgeait» —противожелчное леченіе, благодѣтельно вліявшее на его характеръ». Очевидно, что сумасшествія слабительнымъ не вылечишь. Извѣстный разсказъ о галюцинаціи Павла, самъ по себѣ мало вѣроятный, вовсе не доказываетъ его душевной болѣзни, даже если и придавать ему значеніе. Если по однимъ источникамъ незадолго до гибели съ нимъ былъ припадокъ, причемъ ему нѣсколько покривило ротъ, то по другимъ это опровергается.

Если правленіе Павла Петровича было гибельно для Россіи и вызвало общее недовольство, то причина была

не въ безуміи императора, ибо онъ не былъ душевно больнымъ, хотя его характеръ былъ достаточно полонъ нетерпѣнія, вспыльчивости, подозрительности и перемѣнчивости, чтобы сдѣлать его несноснымъ для тѣхъ, кто имѣли съ нимъ ежедневное общеніе.

Обыкновенно, въ доказательство безумія императора Павла приводятъ донесенія сардинскаго посланника Бальбо въ мартѣ 1800 г. («l'empereur de Russie est fou»), англійскаго посланника Уитворда, что Павелъ «въ буквальномъ смыслѣ лишился разсудка», и письмо лейбъ-медика Роджерсона къ графу С. Р. Воронцову, что императоръ «не способенъ отличать добра отъ зла». Покойный профессоръ А. Г. Брикнеръ, въ книгѣ своей «О смерти Павла», вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ въ 1897 г. и нынѣ переведенной на русскій, находитъ, «что если будетъ когда-нибудь написана исторія царствованія императора Павла, то главнымъ источникомъ для нея долженъ служить «Архивъ князя Воронцова». Въ немъ высказываются министры, посланники и придворные». «Ихъ откровенныя письма», утверждаетъ профессоръ Брикнеръ, «доказываютъ, что на престолѣ находился душевно-больной монархъ и что въ интересахъ всего государства неотложною необходимостью было устранить его и сдѣлать безвреднымъ. Если такіе сановники, какъ Паninъ, Кочубей, Воронцовъ, Завадовскій, Бутурлинъ, такіе наблюдатели, какъ Николаи, Роджерсонъ, Гриммъ, Алексѣй Орловъ, Татищевъ и др., сходятся въ этомъ пунктѣ, то это дѣйствуетъ уничтожающимъ образомъ на жертву катастрофы и смягчаетъ вину ея зачинщиковъ. Патологическому состоянію, въ которомъ находились императорская фамилія, дворъ, правительственная машина и все государство, долженъ былъ быть положенъ конецъ». И далѣе Брикнеръ лицъ, исполнявшихъ повелѣнія императора Павла, прямо называетъ

«палачами душевно-больного злодѣя». Профессоръ Брикнеръ приводитъ и находитъ «вполнѣ вѣрнымъ» замѣчаніе Адама Чарторыйскаго, что «припадки ярости и неожиданные скачки мыслей Павла мѣшали всякой правильной функціи правительственной машины». «Революціонный характеръ капральскаго режима» Павловой эпохи профессоръ Брикнеръ характеризуетъ словами гвардейца Тургенева: «Весь государственный и правовой порядокъ былъ перевернутъ вверхъ дномъ; всѣ пружины государственной машины были поломаны и сдвинуты съ мѣстъ; все перепуталось». Далѣе приводятся безъ малѣйшей критики такіе отзывы: «Оставалась одна альтернатива — избавить міръ отъ чудовища», съ цѣлью «вернуть счастье 20 милліонамъ людей угнетенныхъ, измученныхъ, сосланныхъ, избитыхъ и искалѣченныхъ» (Ланжеронъ). Время Павла было «источникомъ безпорядка, дезорганизаціи, хаоса», «другая страна навѣрное должна была бы погибнуть при такихъ обстоятельствахъ» (графъ Кочубей). «Непрерывный рядъ ошибокъ и глупостей, который въ исторіи будетъ носить имя» царствованія Павла (Бутурлинъ)...

Вотъ ходячіе взгляды на царствованіе императора Павла, усвоенные не только русскимъ обществомъ, но и всей Европой и господствовавшіе въ умахъ и наукѣ, съ непререкаемымъ авторитетомъ цѣлое столѣтіе, такъ что еще въ 1897 году, какъ видимъ, ученый профессоръ-нѣмецъ на нихъ основываетъ все свое изслѣдованіе.

Однако, за немного лѣтъ, протекшихъ съ тѣхъ поръ, появилось нѣсколько научныхъ работъ, которыя значительно поколебали вышеизложенныя ходячія анекдотическія, и памфлетическія представленія о царствованіи Павла Перваго.

Эти изслѣдованія не давали вѣры «откровеннымъ письмамъ» современниковъ Павла потому лишь, что все это

«министры и посланники». Они постарались изучить военную и гражданскую систему императора Павла, и тогда картина представилась совершенно иная, хотя этому изученію только лишь положено начало и много остается сдѣлать. «Мы не имѣемъ возможности», говоритъ г. С. Панчулидзевъ во второмъ томѣ «Исторіи Кавалергардовъ», «представить здѣсь полную картину всего, что сдѣлано Павломъ I относительно вооруженныхъ силъ Россіи. Подобнаго рода работѣ долженъ былъ бы предшествовать цѣлый рядъ изслѣдованій отдѣльныхъ вопросовъ изъ разныхъ сферъ жизни арміи; но, насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ ничего подобнаго не сдѣлано. Въ общихъ чертахъ мы можемъ лишь свидѣтельствовать, что *многое* изъ заведеннаго Павломъ I сохранилось съ пользою для арміи до нашихъ дней, и, если безпристрастно отнестись къ его военнымъ реформамъ, то необходимо будетъ признать, что наша армія обязана ему весьма многимъ». (Стр. 203. Значеніе военныхъ реформъ Павла I-го). *Одиночнаго* обученія строю до императора Павла I почти не было. До Павла I «одиночное строевое образованіе солдатъ не было подчинено никакимъ опредѣленнымъ правиламъ и совершенно зависѣло отъ произвола частныхъ начальниковъ» (Диринъ. Исторія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, I, 344. Цитата Панчулидзева). При Екатеринѣ пороками арміи были: произволъ командировъ, откуда вытекало казнокрадство, жестокое, превышающее требованія закона обращеніе съ нижними чинами, притѣсненіе обывателей, несоблюденіе строевыхъ уставовъ. Стремленіе Павла было дать прочную организацію арміи.

Павелъ, по мнѣнію г. Панчулидзева и другихъ военныхъ историковъ, ясно видѣлъ зло и безошибочно находилъ средства къ его уничтоженію. Онъ именно завелъ инспекторовъ. Система, имъ проводимая, была взята имъ съ Запада и

тамъ въ свое время считалась образцовой. Значитъ, за ея недостатки Павелъ не отвѣтственъ. Во всякомъ случаѣ, эта система въ основахъ сохранялась и въ два послѣдующія царствованія. Что касается жестокихъ тѣлесныхъ наказаній и «экзерцирмейстерства», то «гоненіе сквозь строй» при императорѣ Павлѣ не только было урегулировано уставомъ, но было несравненно менѣе жестоко, нежели въ послѣдующія времена. «Экзерцирмейстерами» при Александрѣ I и Николаѣ I были старые павловскіе «гатчинцы» Аракчеевъ и Клейнмихель (при Николаѣ). Но Ланжеронъ, столь безпощадно отзывавшійся о царствованіи Павла I, свидѣтельствуетъ, что и при Румянцовѣ «строгость русскихъ полковыхъ командировъ и офицеровъ была доведена до самой ужасной степени жестокости, въ особенности въ полкахъ мастеровъ, желавшихъ сдѣлать танцоровъ или вольтижеровъ изъ бѣдныхъ крестьянъ, которыхъ приводили къ нимъ въ качествѣ рекрутъ». Отзывъ графа Ланжерона о гвардіи въ послѣдніе годы царствованія Екатерины таковъ: гвардія — «позоръ и бичъ русской арміи». Что касается кавалеріи вообще, то графъ Ланжеронъ характеризуетъ ее такъ: «кавалерія отвратительна», «лошадей дурно кормятъ», «русскіе кавалеристы едва умѣютъ держаться на сѣдлѣ», «старыя и изнуренныя лошади не имѣютъ ни ногъ, ни зубовъ», «русскіе кавалеристы никогда не упражняются въ сабельныхъ пріемахъ и едва умѣютъ владѣть саблею», «всѣ лошади безъ исключенія дурно взнузданы». «Наконецъ я полагаю», удостовѣряетъ графъ Ланжеронъ: «что въ Россіи достаточно быть кавалерійскимъ офицеромъ, чтобы не умѣть ѣздить верхомъ. Я зналъ лишь четырехъ полковыхъ командировъ, умѣвшихъ ѣздить верхомъ на лошадяхъ». Конечно, можно возразить на эти указанія недостатковъ екатерининской арміи, что и при

нихъ она побѣждала. Да, но не вслѣдствіе же этихъ недостатковъ побѣждала. Устраненіе недостатковъ и хотя бы обученіе кавалеристовъ верховой ѣздѣ, кажется, не можетъ вредить дѣлу? Но помимо несовершенства военной техники, по арміи чинились вопіющія злоупотребленія и крадства. «Всѣмъ извѣстно», разсказываетъ А. Т. Болотовъ: «что во время обладавшаго всѣмъ князя Потемкина за нѣсколько лѣтъ былъ у насъ одинъ рекрутскій наборъ съ женами рекрутскими, и что весь онъ былъ какъ имъ, такъ креатурами и любимцами его, разворованъ». Павелъ, едва вступилъ на престолъ, объ этомъ вспомнилъ и кому слѣдовало напомнилъ. Итакъ, разворовали цѣлый рекрутскій наборъ съ женами! И вообще, рекрутъ разворовывали и обращали въ собственность — въ своихъ крѣпостныхъ. По словамъ Безбородка, «растасканныхъ» разными способами изъ полковъ людей было въ 1795 году до 50,000 при 400,000-ной арміи. (Панчулидзевъ. II, стр. 214). Вопіющія злоупотребленія по гвардіи и борьбу съ ними Павла живописуетъ Болотовъ.

Перемѣна формы имѣла дурную сторону. Павелъ ввелъ опять пудру, пукли и штиблеты. Пудра и пукли вызывали головную боль. Штиблеты — «гной ногамъ», по выраженію Суворова. Но надо отмѣтить и положительную сторону реформы — она прекращала роскошь гвардейскихъ офицеровъ. При Екатеринѣ гвардейскій офицеръ долженъ былъ имѣть шесть или четверикъ лошадей, новомодную карету, много мундировъ, изъ которыхъ каждый стоилъ не менѣе 120 руб.,— принявъ во вниманіе цѣнность денегъ тогда,— огромная сумма; нѣсколько модныхъ фраковъ, множество жилетовъ, шелковыхъ чулокъ, башмаковъ, шляпъ и проч.; много слугъ, егеря или гусара, облитаго золотомъ и серебромъ; роскошь вела къ неоплатнымъ долгамъ и разоренію. Павелъ началъ борьбу

съ этой роскошью. Введенный имъ мундиръ стоилъ не болѣе 22 рублей. Шубы и дорогія муфты онъ совсѣмъ запретилъ носить. Представьте себѣ и въ наше время офицера съ муфтой! Но подъ камзолы Павелъ предлагалъ надѣвать фуфайки, а камзолы подбивать мѣхомъ и крыть стамедомъ; кромѣ того, мундиры были широкіе и застегивались сверху по поясъ, «а не попрежнему разнополые и истиметрскіе». Мундирами Павла всѣ возмущались. Александръ обрѣзалъ полы мундировъ по поясъ, зато воротники поднялъ подъ самыя уши, и всѣ не знали, какъ похвалить явно неудобный нарядъ!..

«Монархиня у насъ была милостивая и къ дворянству благорасположенная», говоритъ Болотовъ: «а господа гвардейскіе подполковники и майоры дѣлали, что хотѣли; но не только они, но даже самые гвардейскіе секретари были превеликіе люди и жаловали кого хотѣли за деньги. Словомъ, гвардейская служба составляла сущую кукольную комедію. Въ таковомъ-то положеніи засталъ гвардію государь... онъ прежде всего началъ... пробужденіемъ всѣхъ гвардейцевъ изъ прежняго ихъ дреманія и сна, такъ и нѣги и лѣни. Всѣ должны были совсѣмъ позабыть прежній свой и избалованный совсѣмъ образъ жизни, но пріучить себя вставать очень рано, быть до свѣта еще въ мундирахъ... наравнѣ съ солдатами быть ежедневно въ строю» («Любопытныя дѣянія и анекдоты». М. 1875 г., стр. 65). Извѣстно, что при Екатеринѣ не столько служили, сколько «записывались» въ службу. Унтеръ-офицеровъ и сержантовъ «набилось въ гвардію безчисленное почти множество», — въ одномъ Преображенскомъ полку считалось ихъ до нѣсколько тысячъ, а во всей гвардіи тысячъ до двадцати. Кромѣ дворянъ, начали записывать въ гвардію дѣтей купцы, секретари, подъячіе, мастеровые, духовенство и т. д. «чрезъ

деньги и разные прописки»; можно было записывать не только взрослыхъ, но и грудныхъ младенцевъ, записывали и совсѣмъ еще не родившихся и получали на нихъ паспорты съ оставленными для имени пустыми мѣстами. Итакъ, были гвардіи унтеръ-офицеры «имярекъ», въ утробахъ матерей и неизвѣстнаго еще пола!.. Изъ взрослыхъ большая часть вовсе не служила, и всѣ жили по домамъ и «либо мотали, вертопрашили, буянили, либо съ собаками по полямъ только рыскали», однако «чрезъ происки и деньги» добывали легко чины поручика и капитана; ихъ выпускали этимъ чиномъ въ армію, и эти тунеядцы и недоросли перебивали у дѣйствительныхъ служакъ линію и старшинство; каждое первое января цѣлыми сотнями выходили они изъ гвардіи; не знали въ арміи, куда ихъ дѣвать; не было полка, въ которомъ не было бы ихъ множества сверхъ комплекта и, несмотря на то, получающихъ жалованье. Что же дѣлаетъ Павелъ Петровичъ? «Къ числу первѣйшихъ и такихъ дѣяній новаго монарха, которыя надѣлали всего болѣе шума и движенія въ государствѣ», говоритъ Болотовъ: «принадлежало и сзываніе его всѣхъ отлучныхъ гвардейцевъ. Слухъ о семъ повелѣніи распространился какъ электрическій ударъ, въ единый почти мигъ, по всему государству. Не было ни единой губерніи, и ни единаго уѣзда, и ни единаго края или угла въ государствѣ, гдѣ бъ не было таковыхъ отлучныхъ и находящихся въ отпускахъ. Многіе, живучи многіе годы на свободѣ въ деревняхъ, даже поженились и нажили уже дѣтей себѣ и сихъ также имѣли уже въ гвардію записанныхъ и въ чинахъ унтеръ-офицеровъ, хотя и сами еще не несли никакой службы... Были примѣры, что иные по спискамъ полковымъ были 16-ти или 18-тилѣтними, а имъ и десяти лѣтъ еще не было... Словомъ, вездѣ и вездѣ слышны были одни только сѣтованія... Всѣ

Графъ Николай Александровичъ Зубовъ

Съ портрета, принадлежащаго Л. А Талызиной

большія дороги усѣяны были кибитками скачущихъ гвардейцевъ и матерей, везущихъ на службу и на смотръ къ государю своихъ малютокъ. Повсюду скачка и гоньба; повсюду сдѣлалась дороговизна въ наемкѣ лошадей и повсюду неудовольствія! Симъ-то образомъ», заключаетъ Болотовъ: «наказано было наше дворянство за безсовѣстное и безстыдное употребленіе во зло милости прежней милосердной монархини... и за обманы ихъ непростительные»

Обращаясь къ гражданской системѣ Павла, опять-таки видимъ съ его стороны стремленіе исправить тѣ злоупотребленія, которыя развились во всѣхъ вѣдомствахъ въ послѣдніе годы жизни состарѣвшейся императрицы. Постоянные рекрутскіе наборы, необходимые для побѣдъ и одолѣній, къ тому же расхищаемые, истощили силы страны. Рядомъ возрастаетъ задолженность страны. Скопилось огромное количество выпущенныхъ и обезцѣненныхъ ассигнацій. Расходы превышали доходы, и дефицитъ ежегодно возсталъ Невѣроятны были злоупотребленія въ гражданской администраціи и въ судахъ. Такъ, въ сенатѣ къ началу царствованія Павла было до 11,000 нерѣшенныхъ дѣлъ въ производствѣ, накопившихся годами. Сенаторы ничего не дѣлали Секретари грабили. Павелъ всѣхъ подтянулъ. «Міръ живетъ примѣромъ государя», пишетъ современникъ. «въ канцеляріяхъ, въ департаментахъ, въ коллегіяхъ, вездѣ въ столицахъ свѣчи горѣли съ пяти часовъ утра; съ той же поры въ вице-канцлерскомъ домѣ, что былъ прошивъ Зимняго дворца, всѣ люстры и всѣ камины пылали. Сенаторы съ восьми часовъ утра сидѣли за краснымъ столомъ» Сановники Екатерины, причастные «крадствамъ», то-есть почти всѣ, подверглись немилости императора Въ цѣломъ рядѣ указовъ проявилось стремленіе обуздать «тунеядцевъ-дворянъ» и облегчить тягости крестьянъ, «сихъ

добрыхъ и полезныхъ членовъ государства». Въ своемъ новомъ трудѣ о жизни и царствованіи императора Павла I Е. С. Шумигорскій говоритъ, что «масса простого народа, въ нѣсколько мѣсяцевъ получившая большее облегченіе въ тягостной своей долѣ, чѣмъ за все царствованіе Екатерины, и солдаты, освободившіеся отъ гнета произвольной командирской власти и почувствовавшіе себя на «государевой службѣ», съ надеждой смотрѣли на будущее: ихъ мало трогали «господскія» и «командирскія» тревоги». (Стр. 105). По приказанію Павла Петровича сожжено было предъ Зимнимъ дворцомъ ассигнацій на пять слишкомъ милліоновъ рублей, а пуды придворныхъ серебряныхъ сервизовъ переплавлены были въ монету. Общее государственное оскудѣніе отозвалось крайней дороговизной хлѣба. Для пониженія цѣнъ государь приказалъ продавать хлѣбъ изъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ. Послѣдствіемъ было огромное пониженіе цѣны хлѣба до двухъ рублей на четверть. Въ трудѣ своемъ г. Шумигорскій перечисляетъ рядъ мѣропріятій Павла I, показывающихъ кипучую дѣятельность его. За четыре года онъ успѣлъ совершить необыкновенно много, конечно, потому, что подготовилъ планы своихъ преобразованій еще въ Гатчинѣ. Его озабочиваютъ хлѣбные запасные магазины и удешевленіе соли, сбереженіе лѣсовъ и предохраненіе построекъ отъ пожаровъ; при Павлѣ начались торговыя сношенія съ Америкой и утверждена россійско-американская компанія; при Павлѣ учреждено высшее медицинское училище, преобразованное потомъ въ военно-медицинскую академію.

Даже краткаго, но безпристрастнаго обзора военныхъ и гражданскихъ преобразованій императора Павла достаточно, чтобы усомниться въ правдивости «откровенныхъ писемъ» сановниковъ и посланниковъ, которымъ придаетъ такое

безапелляціонное значеніе профессоръ Брикнеръ. Этотъ обзоръ заставляетъ усомниться въ томъ, что правительственная машина и все государство при Павлѣ находились въ «патологическомъ состояніи», что правительственная машина лишена была «правильныхъ функцій», всѣ ея пружины поломаны, порядокъ перевернутъ вверхъ дномъ и все царствованіе Павла—«рядъ ошибокъ и глупостей», свидѣтельствующихъ о безуміи правителя. Этотъ обзоръ всякаго заставитъ сказать, что въ военномъ и гражданскомъ управленіи Павла, напротивъ, сказался его сильный и систематическій умъ и благородныя побужденія сердца. Если въ военной и гражданской системахъ Павла были глубокіе недочеты, то недочеты не помѣшали этимъ системамъ пережить Павла. Несомнѣнно, что Россія и при Александрѣ I и при Николаѣ I управлялась все еще «по-гатчински», при чемъ выяснились и всѣ темныя стороны этого управленія—экзерцирмейстерство, жестокая муштра въ военномъ; бюрократизмъ и излишняя регламентація всѣхъ проявленій народной жизни въ гражданскомъ; но очевидное дѣло, что душевно-больной не могъ бы дать направленіе русской государственной жизни на полстолѣтія впередъ. Наконецъ, если «капральскій режимъ» Павла, по мнѣнію профессора Брикнера, оправдываетъ кровавую расправу съ нимъ, то какъ же онъ осудитъ преемниковъ Павла, которые примѣняли тотъ же гатчинскій «капральскій режимъ», но съ гораздо большей суровостью? Ясно, что невозможно судить эпоху, давно отжитую, съ современныхъ точекъ зрѣнія. И если уже ее судить, то справедливо возлагать вину на многія плечи, а не взваливать все на одного.

Въ конечномъ выводѣ изученіе военнаго и гражданскаго управленія Россіи при Павлѣ заставляетъ признать, что этотъ государь имѣлъ трезвый и практическій умъ

и способность къ системѣ; что мѣропріятія его направлены были противъ глубокихъ язвъ и злоупотребленій и въ значительной мѣрѣ ему удалось исцѣлить отъ нихъ имперію, внеся большій порядокъ въ гвардію и армію, сокративъ роскошь и безпутство, облегчивъ тягости народа, упорядочивъ финансы, улучшивъ правосудіе. Несомнѣнно, что всѣ мѣропріятія Павла источникомъ имѣли благороднѣйшія побужденія, и что если онъ и возбуждалъ недовольство и ненависть, то главнымъ образомъ въ худшихъ элементахъ гвардіи и дворянства, развращенныхъ долгимъ женскимъ правленіемъ.

Причиной переворота Бенигсенъ выставляетъ «всеобщее недовольство, охватившее всю націю», которое должно было привести имперію къ «паденію»; «всеобщее желаніе» было, чтобы «перемѣна царствованія предупредила несчастія, угрожавшія имперіи». Чтобы «удержать Россію на краю пропасти», «спасти государство», пришлось согласиться на переворотъ, ибо «революція. вызванная всеобщимъ недовольствомъ, должна была вспыхнуть не сегодня-завтра»; предстояло «предупредить несчастныя послѣдствія общей революціи», «спасти націю отъ пропасти». Паленъ тоже объясняетъ переворотъ желаніемъ «избавить Россію, а быть можетъ, и всю Европу отъ кровавой и неизбѣжной смуты».

Правда ли, что недовольство было всеобщимъ, охватило всю націю? Правда ли, что грозила революція? Ничего подобнаго. Въ гвардіи недовольство было лишь среди офицеровъ. «Несомнѣнно», говоритъ Бенигсенъ: «что императоръ никогда не оказывалъ несправедливости солдату и привязалъ его къ себѣ». «Достигнуть успѣха», говоритъ о заговорѣ графъ. Ланжеронъ, «можно было, только подкупивъ или поднявъ гвардію цѣликомъ, или только частью, а это было дѣло не легкое: солдаты

гвардіи любили Павла, первый батальонъ Преображенскаго полка въ особенности былъ очень къ нему привязанъ». «Лучше покойнаго ему не быть», сказалъ солдатъ про Александра, убѣдившись въ томъ, что Павелъ Петровичъ «крѣпко умеръ». Затѣмъ «публика, особенно же низшіе классы, и въ числѣ ихъ старообрядцы и раскольники, пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы выразить свое сочувствіе удрученной горемъ вдовствующей императрицѣ. Раскольники (т. е. старообрядцы, пріемлющіе священство) были особенно признательны императору Павлу, какъ своему благодѣтелю, даровавшему имъ право публично отправлять свое богослуженіе и разрѣшившему имъ имѣть свои церкви и общины». Саблуковъ прибавляетъ, что, какъ выраженіе сочувствія, они посылали со всѣхъ концовъ Россіи въ большомъ количествѣ образа съ надписями. Это говоритъ совсѣмъ о другомъ настроеніи «націи». Въ Москвѣ знали и любили Павла еще великимъ княземъ, но тоже въ низшихъ слояхъ. Коцебу говоритъ, что строгости Павла I-го не касались людей низшаго сословія и рѣдко касались частныхъ лицъ, не занимавшихъ никакой должности. Но высшіе классы опасались притѣснять крестьянъ и среднее сословіе; они знали, что всякому можно было писать прямо государю, и что государь читалъ каждое письмо.

Коцебу даже такъ описываетъ настроеніе народа и солдатъ послѣ переворота: «Народъ вспомнилъ быструю и скорую справедливость, которую ему оказывалъ императоръ Павелъ; онъ началъ страшиться высокомѣрія вельможъ, которое должно было снова пробудиться, и почти всѣ говорили: «Павелъ былъ нашъ отецъ».

Во всякомъ случаѣ, Фонвизинъ свидѣтельствуетъ, что «восторгъ изъявило, однако, одно дворянство, прочія сословія приняли эту вѣсть довольно равнодушно».

Изъ совокупности этихъ показаній должно заключить, что недовольства «всей націи» не было и общая революція не грозила. Было недовольство въ высшихъ классахъ и, сравнительно, въ незначительныхъ кружкахъ.

Кто именно былъ недоволенъ правленіемъ Павла Петровича и что было причиной этого недовольства? Показанія современниковъ даютъ полную возможность на это отвѣтить.

Гатчинскія «модельныя» войска Павла, въ бытность его великимъ княземъ, были раздѣлены на мелкіе отряды, изъ которыхъ каждый изображалъ какой-либо гвардейскій полкъ. Офицерскія должности были заняты людьми низкаго происхожденія, и по большей части — малороссами. По воцареніи Павла, гатчинскія войска, въ качествѣ представителей соотвѣтствующихъ гвардейскихъ полковъ. были включены въ нихъ и размѣщены по ихъ казармамъ. Зная токи прусскаго устава и дисциплины, «гатчинцы» стали инструкторами екатерининскихъ изнѣженныхъ и распущенныхъ гвардейцевъ: сто тридцать два офицера, принадлежавшихъ къ лучшимъ фамиліямъ русскаго дворянства, т. е. къ взысканнымъ милостью Екатерины, очутились на равной ногѣ съ офицерами изъ темныхъ хохловъ! Вотъ основная причина недовольства. Гвардейскіе офицеры-преторіанцы и совершили переворотъ. Но вотъ какъ ихъ аттестуетъ графъ Ланжеронъ: «офицеровъ очень легко было склонить къ перемѣнѣ царствованія, но требовалось сдѣлать очень щекотливый, очень затруднительный выборъ изъ числа 300 молодыхъ вѣтрениковъ и кутилъ, буйныхъ, легкомысленныхъ и несдержанныхъ». Паленъ подтверждаетъ отзывъ Ланжерона въ отношеніи офицеровъ Семеновскаго полка, бывшаго въ карауль 11 марта: «это были все люди молодые, легкомысленные, неопытные, безъ испытаннаго мужества»—«ватага вертопраховъ». Поведеніе «пья-

ный цареубійцъ» утромъ послѣ преступленія вполнѣ доказываетъ справедливость презрительнаго отзыва Палена.

Преслѣдованія лихоимцевъ возбудили противъ Павла Петровича высшую бюрократію, но Саблуковъ высказываетъ сожалѣніе, что «безусловно благородный, великодушный и честный» государь «не процарствовалъ долѣе и не очистилъ высшую чиновную аристократію въ Россіи отъ нѣкоторыхъ ея недостойныхъ членовъ».

Несомнѣнно, что въ значительной степени недовольство, какъ въ средѣ офицеровъ гвардіи, такъ и среди высшей чиновной аристократіи, объясняется противодѣйствіемъ Павла крайней распущенности, особенно развившейся въ концѣ царствованія состарѣвшейся Екатерины. Павелъ никого не казнилъ. Павелъ Петровичъ сослалъ многихъ. Однако, объясняется это не одной несдержанностью самовластія. Покушенія на императора были все время. Подозрительность его имѣла основанія. Его ужасный конецъ это доказалъ. Онъ основательно дрожалъ за свой престолъ. «Было до тридцати лицъ, коимъ поочередно предлагали пресѣчь жизнь государя ядомъ или кинжаломъ», пишетъ Коцебу: «но отравленіе не было единственною опасностью, которая ему угрожала. На каждомъ вахтъ-парадѣ, на каждомъ пожарѣ, на каждомъ маскарадѣ за нимъ слѣдили убійцы». Онъ же передаетъ слова Палена: «Я остановилъ два возстанія». Надо полагать, что, открывъ государю два неудачныхъ заговора, Паленъ пріобрѣлъ нужную степень его довѣрія, чтобы удачно привести къ концу третій. Обуздывая самовластіе вельможъ, распутство преторіанцевъ, лихоимство и неправосудіе, Павелъ являлся защитникомъ маленькихъ людей. «Корнетъ могъ свободно и безбоязненно требовать военнаго суда надъ своимъ полковымъ командиромъ, вполнѣ разсчитывая на безпристрастное разбирательство дѣла» (Саблуковъ). Это вызывало недоволь-

ство и заговоры. Кромѣ того, «достовѣрно извѣстно» (говоритъ Саблуковъ), что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины между ея ближайшими совѣтниками было рѣшено, что Павелъ будетъ устраненъ отъ преемственности престолонаслѣдія, если онъ откажется присягнуть конституціи. По прошествіи четырехъ лѣтъ царствованія, полагая власть свою упроченной, Павелъ объявляетъ помилованіе всѣмъ, кто былъ сосланъ имъ, или смѣщенъ съ должности, или удаленъ въ помѣстья. Что же сдѣлалъ Паленъ изъ этого великодушнаго поступка? Онъ самъ цинично объясняетъ, что заполучилъ нужныхъ ему Бенигсена и Зубовыхъ и въ то же время сумѣлъ еще усилить ожесточеніе противъ императора.

Прощенные чиновники и армейскіе офицеры прибыли большею частью нищими въ столицу изъ внутреннихъ областей имперіи и, не получивъ здѣсь никакой помощи, безъ всякихъ средствъ къ жизни, осуждены были умирать съ голоду у воротъ Петербурга. Паленъ все сваливаетъ на Павла, которому, будто бы, скоро надоѣло принимать прощенныхъ и онъ приказалъ ихъ гнать. Но въ этомъ должно усомниться. Какъ военный губернаторъ, имѣя въ своимъ распоряженіи гвардію, полицію, заставы, и какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, завѣдуя внѣшними сношеніями и перлюстраціей почты, причемъ вообще всѣ повелѣнія государя шли черезъ его руки, Паленъ систематически пользовался всякой вспышкой Павла и такъ грубо безжалостно приводилъ немедленно въ исполненіе его приказы, чтобы создавать недовольство всюду и размножать враговъ Павла. Эта адская махинація тѣмъ легче могла быть приведена въ дѣйствіе, когда Павелъ заперся въ Михайловскомъ замкѣ. Именемъ государя правилъ Паленъ и правилъ такъ, что, дѣйствительно, и за границей, и внутри Россіи создавалось представленіе, что правитъ

сумасшедшій деспотъ. Но когда Павелъ узналъ о томъ какъ жестоко исполнялось его приказаніе, онъ дѣлалъ все, чтобы исправить причиненное зло. Не въ расчетахъ Палена было, однако, давать эту возможность государю. Постоянно повторяемыя обвиненія Павла въ томъ, что онъ запрещалъ круглыя шляпы, жилеты, фраки, усматривая въ нихъ «якобинство», требовалъ, чтобы при встрѣчѣ съ нимъ дамы останавливали кареты и выходили, — конечно, справедливы. Это вмѣшательство въ жизнь обывателя было тяжело. Но особенно потому, что Паленомъ все дѣлалось, чтобы требованія государя выполнялись съ безсмысленной жестокостью, послѣдовательностью, крайностью. Сколько разъ Павелъ Петровичъ, подъѣзжая къ каретѣ, просилъ даму не безпокоиться.

Собравъ всѣ причины недовольства, должно признать, что, при всѣхъ недостаткахъ характера Павла, безъ коварной провокаціи графа Палена это недовольство не разрослось бы въ такой степени. Крутая муштровка, регламентація обывательской жизни, придирки и стѣсненія были и послѣ Павла. А всѣ терпѣли.

Замѣчательно, что самое спокойное время въ 1800 г. въ Петербургѣ было въ сентябрѣ и октябрѣ, когда графъ Паленъ былъ назначенъ командовать арміей на русской границѣ, а должность петербургскаго военнаго губернатора съ 14 августа исполнялъ генералъ-отъ-инфантеріи Свѣчинъ. (Шумигорскій).

Мы упоминали еще про идеологическую причину переворота—желаніе конституціи. Но послѣдующія событія показали, какъ жалко-ничтоженъ и безсиленъ былъ тотъ кружокъ идеалистовъ, которые мечтали «учредить законно-свободныя постановленія, которыя бы ограничивали царское самовластіе». Во главѣ конституціоналистовъ былъ Александръ. И, вступивъ на престолъ, онъ довольно

долго велъ послѣобѣденныя милыя, либеральныя бесѣды насчетъ преобразованій. Нельзя, конечно, сказать, что изъ первыхъ прогрессивныхъ порывовъ его ничего добраго и полезнаго для Россіи не произошло. Нѣкоторая струя мягкости, человѣчности влилась все же въ русскую жизнь. Но можно положительно утверждать, что конституціонныя стремленія русскаго общества въ эпоху Павла I не имѣли достаточно энергіи, чтобы сами по себѣ вызвать переворотъ.

Одна изъ темнѣйшихъ сторонъ царствованія Павла, которая должна была возбудить ненависть къ нему, какъ къ гонителю просвѣщенія, всѣхъ людей науки и мысли, это нестерпимый цензурный гнетъ. 17-го мая 1798 г. послѣдовалъ указъ объ учрежденіи цензуры во всѣхъ портахъ, а 18 апрѣля 1800 г. совершенно былъ запрещенъ ввозъ въ Россію иностранныхъ книгъ «и музыки». «Правительство, нынѣ во Франціи существующее», сказано въ указѣ 1798 г.: «желая распространить безбожныя свои правила на всѣ устроенныя государства, ищетъ развращать спокойныхъ обитателей оныхъ сочиненіями, наполненными зловредными умствованіями, стараясь тѣ сочиненія разными образами разсѣвать въ общество, наполняя даже оными газеты свои». Текущая журналистика и памфлеты якобинской эпохи конвента представляли достаточно отталкивающихъ сторонъ. Несомнѣнно развращающее и прямо преступное дѣйствіе на незрѣлые и невѣжественные умы анархическихъ изданій. Ненависть къ «идеологамъ» Павелъ раздѣлялъ съ Наполеономъ Бонапартомъ, создателемъ желѣзной цензурной системы. Но въ Россіи не находилось просвѣщенныхъ цензоровъ, которые могли бы разобраться въ содержаніи книгъ, привозимыхъ въ порты. Павелъ выпелъ изъ затрудненія тѣмъ, что приказалъ запрещать ввозъ всѣхъ книгъ, «коихъ время изданія помѣчено какимъ-нибудь годомъ Французской республики». Переводъ Виргиліевыхъ «Георгикъ»

Делиля, помѣченный годомъ республики, конечно, былъ запрещенъ.

Однако, и въ данномъ случаѣ вину цензурнаго оглупенія Россіи невозможно всецѣло возлагать на Павла, но справедливость требуетъ разложить это бремя и на другія плечи. Вспомнимъ расправу Екатерины съ Новиковымъ и Радищевымъ; вспомнимъ, что при Александрѣ, по словамъ Булгарина, цензура русская была «строже даже папской», и подъ конецъ его царствованія литература стала рукописной; вспомнимъ николаевскій грозный «бутурлинскій» комитетъ; вспомнимъ «либеральнаго» министра шестидесятыхъ годовъ Валуева, который, давъ «свободу печати», принялся истреблять ее на оба крыла, начавъ И. С. Аксаковымъ и М. Н. Катковымъ; вспомнимъ недавнихъ «начальниковъ печати»—гг. Лонгинова, Феоктистова и Соловьева...

Во всякомъ случаѣ, въ томъ комплексѣ причинъ, которыя обострили недовольство Павломъ, свою роль сыграла и «борьба съ книгой» этого императора.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ вопросъ: играли ли и какую именно роль въ цареубійствѣ 11 марта 1801 года англійская интрига и англійское золото? Въ своемъ послѣднемъ трудѣ Е. С. Шумигорскій отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: «что въ Лондонѣ не только знали о готовящемся заговорѣ на жизнь императора Павла, но даже способствовали успѣху заговора деньгами», «документальныхъ данныхъ отыскать нельзя», «участіе Англіи въ заговорѣ — вопросъ пока открытый, хотя, несомнѣнно, интересы ея и заговорщиковъ были въ данномъ случаѣ тождественны». Питтъ, стоявшій тогда во главѣ англійскаго министерства, никогда не отказывалъ въ субсидіяхъ на выгодныя для Англіи дѣла на континентѣ, а Наполеонъ, имѣвшій безспорно хорошія свѣдѣнія, успѣхъ заговора на жизнь императора Павла прямо объяснялъ дѣйствіемъ англійскаго золота.

Если на прямой вопросъ о роли англійскихъ агентовъ въ заговорѣ не можетъ быть точнаго отвѣта (не даромъ же Кочубей писалъ Воронцову: «если вамъ нужно сообщить мнѣ что-нибудь тайно, то пользуйтесь англійскими курьерами и пишите лимоннымъ сокомъ». Архивъ князя Воронцова, XVIII, 202—205. Цитата Брикнера), то постараемся освѣтить другой вопросъ: какое значеніе собственно для Англіи и для европейской политики вообще имѣло цареубійство 11 марта 1801 года?

Графъ Воронцовъ писалъ, что «образъ дѣйствій Павла относительно другихъ государей и государствъ доказываетъ, что духъ его помраченъ». Другіе современники шипутъ о непостижимыхъ перемѣнахъ во внѣшней политикѣ, которыя якобы проистекали изъ свойствъ душевной неуравновѣшенности Павла. На самомъ дѣлѣ Павелъ не изобрѣталъ собственной внѣшней политики. Сначала онъ примкнулъ къ коалиціи, созданной Вилліамомъ Питтомъ, затѣмъ, разочаровавшись въ этой системѣ, служившей лишь своекорыстнымъ расчетамъ Англіи и Австріи, принялъ систему, о которой мечтала и Екатерина Великая. Павелъ только разъ перемѣнилъ свою внѣшнюю политику. И когда онъ перемѣнилъ ее? Послѣ Маренго и Люневильскаго мира, то-есть когда весь міръ ее перемѣнилъ и когда коалиція—ухищренное созданіе дипломатическаго генія Питта—сама собой рушилась. Можно кратко характеризовать политику Павла: въ борьбѣ Питта съ Бонапартомъ Павелъ сначала сталъ на сторону Питта, потомъ Бонапарта.

Вступая въ коалицію, Павелъ увлекался рыцарской мыслью возстановленія потрясенныхъ троновъ; но имѣлись и положительныя цѣли; политическій результатъ былъ тотъ, что народы увидѣли русскихъ въ Италіи, Швейцаріи и Германіи, рѣшающихъ судьбы Европы. Первенствуя въ

коалиціи, рѣшая судьбы центральной и южной Европы, Павелъ возносилъ престижъ Россіи на недосягаемую высоту. Если онъ шелъ сначала объ руку съ Англіей, то во имя политическаго и національнаго вліянія своей имперіи.

Самое гросмейстерство Павла имѣло практическую сторону: обосноваться твердо на Мальтѣ и имѣть въ Средиземномъ морѣ опорный и питательный пунктъ. Въ инструкціяхъ, данныхъ Питтомъ посланнику Англіи, значилось, что лордъ Уитвордъ долженъ ласкать реализацію идей, которыя грезятся рыцарскому воображенію Павла, какъ-то возстановленіе древнихъ троновъ, возвращеніе Бурбоновъ во Францію и даже мальтійское гросмейстерство. Но въ то же время Уитвордъ добивался весьма существенныхъ ближайшихъ выгодъ, а именно коммерческаго преимущества въ Балтійскомъ морѣ; большая часть денежныхъ субсидій сама собой возвращалась съ барышомъ, ибо на занятыя у Англіи деньги русская и австрійская арміи снабжались Англіею же оружіемъ и обмундированіемъ. Поставки брала Англія. Мало того, вступивъ въ коалицію противъ Французской республики. Павелъ объявилъ войну Испаніи и наложилъ секвестръ на всѣ испанскіе корабли въ русскихъ портахъ. Это было весьма выгодно Англіи, такъ какъ ослабленіе Испаніи позволяло ей наложить руку на испанскія колоніи.

Коалиція была могущественна, но въ самой себѣ носила зародышъ разложенія. Вѣнцомъ англійскаго дипломатическаго искусства было это соединеніе подъ однимъ знаменемъ столь различныхъ кабинетовъ и столь взаимно враждебныхъ интересовъ. Самая конечная цѣль коалиціи различно представлялась Павломъ и его союзниками. Реставрація Бурбоновъ для Австріи имѣла второстепенный интересъ, и даже противно было ея выгодамъ возстановленіе абсолютной французской монархіи съ Эльзасомъ, Лотарингіей и Франшконте. Если возстановленіе правъ не-

неаполитанскаго короля привлекало по династическимъ причинамъ сочувствіе вѣнскаго кабинета, то возстановленіе королей Пьемонта и Сардиніи вызывало уже иныя чувства.

Революція уже дала Австріи, по трактату Кампо-Формію, Венецію, Истрію, Далмацію; мирное владѣніе Ломбардіей, крѣпости въ Пьемонтѣ, улучшеніе швейцарской и рейнской границъ—вотъ цѣли Австріи. Англія основой своей политики ставила морское преобладаніе, потому что для нея это было насущнѣйшей необходимостью. Потерявъ dominium maris, Англія болѣе не существовала бы, какъ нація; отсюда истекали два положенія: 1) что ей должно разрушать всѣ флоты, достойные съ ней бороться; 2) что она должна подрывать всякую промышленность и торговлю, возвысившуюся настолько, чтобы прямо бороться противъ англійскаго первенства. Замѣтимъ, что флотъ революціонной Франціи былъ достаточно внушителенъ и Бонапартъ могъ учинить блестящую морскую демонстрацію противъ Англіи, выведя 44 корабля изъ Бреста и совершивъ прогулку по океану.

Участіе въ коалиціи принесло Павлу глубокое разочарованіе. Павелъ понялъ, что онъ былъ только орудіемъ въ рукахъ коварныхъ союзниковъ и таскалъ для нихъ изъ огня каштаны. Поведеніе вѣнскаго гофкригсрата по отношенію къ Суворову возмущало государя. Суворовъ «очистилъ отъ французовъ» Италію, и она была порабощена Австріей. Въ возвращеніи Мальты Англія императору отказала. Между тѣмъ Маренго и Люневильскій миръ совершенно измѣнили положеніе перваго консула Наполеона Бонапарта. Тріумфальное возвращеніе побѣдителя при Маренго, спасителя Франціи, въ отечество въ іюлѣ 1800 года возвѣщало уже грядущее. И Павелъ его превосходно предугадалъ.

14 іюля первый консулъ Наполеонъ Бонапартъ праздновалъ взятіе Бастиліи и поднималъ бокалъ за «французскій народъ, нашего самодержца» (au peuple français

notre souverain)! Но въ сентябрѣ Павелъ такъ объяснялъ перемѣну своей политики датскому посланнику Розенкранцу: «Долгое время онъ былъ того мнѣнія, что справедливость находится на сторонѣ противниковъ Франціи, правительство которой угрожало всѣмъ державамъ; теперь же въ этой странѣ въ скоромъ времени водворится король, если не по имени, то, по крайней мѣрѣ, по существу, что̀ измѣняетъ дѣло».

Испытавъ коварство Англіи, каверзы вѣнскаго кабинета и гофкригсрата, Павелъ позналъ и эмигрантовъ съ ихъ интригами и происками и погналъ вонъ изъ Россіи Людовика XVIII и всѣ «сумасшедшія французскія головы». Все это сдѣлано самодержавно, однимъ жестомъ. Отправляя 18 декабря письмо первому консулу Наполеону Бонапарту, государь, однако, писалъ: «Я не говорю и не хочу спорить ни о правахъ человѣка, ни объ основныхъ началахъ, установленныхъ въ каждой странѣ. Постараемся возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которыхъ онъ такъ нуждается».

Какъ раньше Павелъ соединился съ первымъ министромъ Англіи Питтомъ съ цѣлью низвергнуть «le gouvernement sans loi qui domine la France», такъ теперь онъ соединяется съ первымъ консуломъ Франціи Бонапартомъ для обузданія англійскаго правительства. Создается планъ сѣверной коалиціи нейтральныхъ флотовъ — идея, лелѣемая Екатериной. Соединеніе флотовъ Франціи, Россіи, Даніи и Швеціи, несомнѣнно, угрожало бы морской гегемоніи Англіи. Замѣтимъ, что въ сужденіяхъ своихъ о значеніи Бонапарта русскій самодержецъ проявилъ не только прозорливость, но и широту взгляда. Ему нѣтъ дѣла до того, что первый консулъ пьетъ здоровье французскаго народа-самодержца, о правахъ человѣка онъ не хочетъ спорить. Онъ видитъ, что Франція склонилась предъ человѣкомъ, который является ея государемъ, если не по имени,

то по существу. А существо Наполеона, такого же неограниченнаго властителя, какъ онъ самъ, Павелъ вполнѣ постигъ.

Но и всякій государь на мѣстѣ Павла роковымъ образомъ долженъ былъ бы измѣнить внѣшнюю свою политику послѣ Маренго и Люневильскаго мира, когда на празднествахъ консула Наполеона Бонапарта въ Парижѣ присутствовали въ полномъ парадѣ послы и дипломаты всѣхъ государствъ, а Люсьенъ Бонапартъ явился въ Мадридъ въ обстановкѣ стараго церемоніала посланниковъ Людовика XIV и король устроилъ для него охоту въ лѣсахъ Аранжуэца — единственная и высшая любезность, позволенная этикетомъ испанскому монарху. Во Франціи кончалось время идеологіи и анархіи, и такъ какъ конституціонное представительство выказало все свое безсиліе, то наступила эпоха тріумфа административнаго централизма.

Первый консулъ соединилъ въ своихъ рукахъ всю власть конвента и комитета общественнаго спасенія — абсолютнѣйшую диктатуру; онъ глубоко презиралъ всѣ виды безсильной выборной администраціи; онъ желалъ создать центральное и сильное правительство; но для этого необходимо было молчаливое послушаніе, престижъ, незыблемо утвержденный въ загипнотизированныхъ блескомъ военныхъ успѣховъ консула умахъ; страхъ его передъ печатью поэтому былъ столь великъ, что онъ повсюду ее или преслѣдовалъ, или обращалъ въ послушное орудіе своей мысли; первый консулъ слѣдилъ за газетами всей Европы и всюду накладывалъ намордники на журналистовъ; лишь печать Англіи была недоступна для него, и онъ глубоко чувствовалъ удары англійскихъ памфлетовъ.

Національная побѣда Франціи-республики, которой она была одолжена генію Наполеона, возстановляла старый ея авторитетъ. Мысль была такая: «Республика при консулѣ должна возстановить, силою побѣды, то же между-

народное положеніе Франціи, какое занимала монархія Людовика XIV».

Консулъ республики явился носителемъ историческихъ традицій абсолютной монархіи. Слова Павла: «если не по имени, то по существу» у Франціи есть уже Бурбонъ со всѣми традиціями Бурбоновъ, показываютъ глубину политическаго смысла этого «умалишеннаго»! Какъ наслѣдникъ политическихъ традицій Короля-Солнца, первый консулъ республики, «по имени», сталкивался и со старой соперницей великаго Бурбона,—Англія двадцать лѣтъ боролась съ Людовикомъ XIV, съ цѣлью ослабить его могущество въ Европѣ. И Бонапартъ отлично понималъ, что Англія его единственный врагъ, котораго ему должно сломить; и чтобы уязвить ее въ чувствительнѣйшее мѣсто, Бонапартъ мечталъ о морскомъ могуществѣ и стремился съ величайшей энергіей къ этой цѣли. Три года, предшествовавшіе имперіи. были наполнены стараніями создать флотъ; Бонапартъ составляетъ планы, обсуждаетъ движенія эскадръ, диктуетъ приказы адмираламъ; въ то же время онъ мечтаетъ о грандіозной колоніальной системѣ; миссія полковника Себастіани въ Египетъ и Сирію показываетъ, что Бонапартъ стремился къ колонизаціи береговъ Нила съ цѣлью проникновенія затѣмъ въ Индію; консулъ страстно защищаетъ въ то же время принципъ свободы морей и независимости флотовъ; самая континентальная система, хотя и ложная по ея неосуществимости, всецѣло была направлена противъ англійской промышленности.

Люневильскій трактатъ нанесъ роковой ударъ политической системѣ Питта, геній котораго создалъ чудесныя и странныя политическія комбинаціи, едва ли еще находимыя въ новѣйшей исторіи: во время кампаніи 1799 г. русскіе шли въ союзѣ съ турками, неаполитанцы съ нѣмцами; Черное море было открыто флоту русскаго царя;

6,000 турокъ высадились въ Италіи, чтобы возвратить святѣйшему отцу папѣ его государства, которыхъ его лишили французы, древніе сыны церкви; Суворовъ сражался за сардинскаго короля. Эта коалиція была создана изъ столь различныхъ элементовъ, что въ февралѣ 1801 г. отъ нея ничего не осталось, и, во всякомъ случаѣ, если эта коалиція казалась бредомъ наяву, то этотъ бредъ выносила голова Питта, и онъ преподнесенъ былъ Павлу лордомъ Уитвордомъ. Въ февралѣ 1801 года носителемъ идей Павла явился Наполеонъ. Онъ возстановлялъ традиціи Бурбоновъ, предложилъ папѣ огромное содержаніе, задумывалъ уже возстановленіе католическаго культа во Франціи, а главное великолѣпной администраціи поповъ — дивнаго орудія въ рукахъ искуснаго правителя! Такимъ образомъ, мѣняя перваго министра Питта на перваго консула Бонапарта, гросмейстеръ Мальтійскаго ордена мѣнялъ дѣйствительно только «имя», а не «сущность». Если Павелъ, какъ гросмейстеръ, думалъ стоять во главѣ дворянства всей Европы, то и Наполеонъ уже понималъ, что безъ чиновъ, орденовъ, вельможъ и пэровъ сильная власть обойтись не можетъ.

Союзъ Павла и Наполеона, Россіи и Франціи и сѣверная лига флотовъ нейтральныхъ державъ представляли грозную опасность для Англіи, которой слѣдовало особенно бодрствовать въ Египтѣ, гдѣ экспедиція Наполеона и французская колонія, осѣненная трехцвѣтнымъ знаменемъ, была этапомъ дальнѣйшихъ выступленій въ Индіи, бодрствовать и въ Балтійскомъ морѣ, потому что именно тамъ, подъ высокой рукою россійскаго самодержца, состоялся вооруженный сѣверный нейтралитетъ, столь угрожавшій морскимъ правамъ Англіи. И какъ, вступивъ въ коалицію 1799 г., Павелъ наложилъ секвестръ на испанскіе корабли, такъ теперь закрыты были русскіе порты для англійскихъ

торговыхъ судовъ, а на товары англійскихъ купцовъ Россіи наложено амбарго. Громадное значеніе для Англіи имѣло расширеніе Россіи на Кавказѣ. 18 января 1801 года совершилось добровольное присоединеніе къ Россіи Грузіи. А 12 января 1801 года Павелъ, желая «атаковать англичанъ тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе и гдѣ меньше ожидаютъ», далъ приказаніе атаману войска Донского Орлову идти съ донскими казаками въ походъ на Индію. «Имѣете вы», писалъ Павелъ, «идти и завоевать Индію!» Казаки 18 марта 1801 года переправились черезъ Волгу и получили извѣстіе о кончинѣ императора.

Тутъ мы подходимъ къ весьма важному пункту. Походъ на Индію—вѣрнѣе, демонстрація съ цѣлью дать чувствительный ударъ Англіи—всегда выставляется. какъ яркое доказательство сумасшествія Павла. Однако это далеко не такъ. Когда разразилась революція, европейскіе кабинеты усмотрѣли въ волненіяхъ, терзавшихъ Францію. могущественное средство ослабленія дома Бурбоновъ. Это была наслѣдственная традиціонная ненависть. Особенно британскій кабинетъ ревниво слѣдилъ за внѣшней политикой Людовика XVI, при которомъ морское дѣло стояло весьма высоко и бѣлое знамя Бурбоновъ вѣяло на всѣхъ моряхъ. Англіи были извѣстны широкіе планы Людовика XVI относительно Индіи, Египта и колонизаціи Средиземнаго моря. Но планы эти развивались преемственно. Еще въ 1672 г. былъ представленъ Людовику XIV на латинскомъ языкѣ знаменитымъ Лейбницемъ проектъ оккупаціи Египта. Гибель монархіи Бурбоновъ полагала, повидимому, конецъ этимъ проектамъ. Морское и коммерческое первенство и могущество Англіи въ эпоху революціи быстро возросло. и британскій кабинетъ. направляемый геніемъ Вилліама Питта, получилъ повсюду преимущество. Но революція привела къ директоріи, развила патріотизмъ французовъ

выдвинула Бонапарта. Война стала стихіей Франціи. И лордъ Мальмесбюри пишетъ своему правительству, что директорія должна вести постоянную войну, потому что иначе ей некуда пристроить 400,000 войска и 3 или 4 тысячи генераловъ и офицеровъ, кипящихъ отвагой. Послѣ Маренго и Люневильскаго мира Англія внезапно видитъ возрожденіе традицій Бурбоновъ въ лицѣ перваго консула Бонапарта. Болѣе того, послѣ успѣховъ въ Египтѣ, Бонапартъ замышляетъ походъ на Индію. Опять-таки въ этомъ онъ идетъ по слѣдамъ Бурбоновъ.

Вопросъ о французскомъ преобладаніи въ Индіи, какъ онъ стоялъ при Людовикахъ XV и XVI, выясненъ въ книгѣ Эмиля Барбэ «Le nabab René Madec», содержащей дипломатическую исторію проектовъ Франціи относительно Бенгала и Пенджаба съ 1772 по 1808 гг., на основаніи документовъ архива Пондишери и другихъ. Въ этомъ замѣчательномъ изслѣдованіи приведены многочисленные проекты, представленные версальскому кабинету, относительно атаки Англіи въ Бенгалѣ и официальные планы возстановленія французскаго могущества на Востокѣ. Авторъ затѣмъ выясняетъ прямую связь этихъ старыхъ проектовъ съ замыслами Наполеона Бонапарта и въ частности съ миссіей генерала Гарданна въ Персію (1807—1808 гг.), составлявшей часть проекта Наполеона потрясти англійское вліяніе въ Индіи черезъ соотвѣтственныя выступленія въ Турціи, Персіи и Дели. Этими попытками кончается исторія азіатской авантюры Франціи. Реставрація была въ слишкомъ большой зависимости отъ Англіи, чтобы заниматься индійской политикой.

Еще въ 1774 г. версальскій кабинетъ получалъ проекты и настоянія дѣйствовать въ Индіи, гдѣ возможно было создать еще болѣе прочную французскую торговлю, чѣмъ тогдашняя англійская. Но грубый отказъ министра

Неккера въ субсидіи показываетъ, въ какія руки попали національные интересы Франціи въ концѣ царствованія Людовика XV. Составлялись дипломатическіе мемуары, въ которыхъ высокимъ слогомъ говорилось о французскомъ великодушіи, о томъ, что Франція можетъ прибѣгать лишь къ достойнымъ, честнымъ и умиротворительнымъ средствамъ для подъема своей компаніи въ Индіи. Между тѣмъ англійская компанія ничѣмъ не брезгала. Имперія Могола представляла трупъ, раздѣленная и разодранная на множество независимыхъ частей, во главѣ которыхъ стояли владѣтели, думавшіе о своихъ интересахъ и враждовавшіе. Великій Моголъ имѣлъ лишь тѣнь старой власти и престижа. Политика европейцевъ въ Индіи состояла въ привлеченіи на свою сторону владѣтелей. Ничего не стоило поднять ихъ противъ англійскаго гнета. Но правительство Людовика XV отписывалось и не давало денегъ. Послѣ смерти стараго короля насталъ моментъ, когда версальскій кабинетъ сталъ съ большимъ вниманіемъ относиться къ интересамъ Франціи на Востокѣ. Уроженецъ Бретани, авантюристъ Мадекъ, дѣлается набабомъ и пріобрѣтаетъ огромное вліяніе въ Индіи. Но еще въ 1773 г. положеніе англійской компаніи было подобно тому, въ какое она стала двадцать лѣтъ спустя въ Америкѣ. Возможно было отложеніе индійскихъ владѣтелей отъ Англіи подъ протекторатомъ Франціи. Версаль ничего не дѣлалъ. Съ воцареніемъ Людовика XVI картина мѣняется. Въ своемъ изслѣдованіи Барбэ приводитъ подписанную Людовикомъ XVI инструкцію 1782 г. Этотъ документъ, составленный, вѣроятно, однимъ изъ министровъ въ кабинетѣ и на глазахъ короля, показываетъ, что Людовикъ XVI и его министры говорили языкомъ «non de l'égoisme absolutiste, mais du patriotisme le plus élevé»; тутъ излагается планъ кампаніи на сѣверо-востокъ отъ Пондишери и

дается инструкція разрушить Бомбей. Кромѣ того, въ рукахъ версальскаго кабинета имѣлся рядъ проектовъ и мемуаровъ о положеніи англичанъ въ Бенгалѣ, проектъ атаки Калькутты и т. п., кончая мемуаромъ 1789 года. Указывалось, что въ Бенгалѣ силы Англіи состоятъ всего изъ 2000 европейцевъ (1500 пѣхоты, 300 артиллеріи, 200 кавалеристовъ), но они нанимаютъ 30,000 сипаевъ. Мадекъ предлагалъ опустошить Бенгалъ. Онъ собирался двинуться на англійскія укрѣпленія по обоимъ берегамъ Ганга. «А за собою», увѣрялъ онъ, «я подниму толпы разбойниковъ и грабителей, «qui feront un désert de ce beau pays de Bengale», сжигая поселенія, уничтожая жатвы, угоняя скотъ, а я тѣмъ временемъ буду собирать контрибуціи съ городовъ, всегда готовыхъ откупиться, лишь бы не подвергаться осадѣ, приступу и грабежу». «Все это», докладывалъ Мадекъ, «я учиню своими силами и на свои средства», пусть только Франціи порветъ сношенія съ Англіей. Но Мадекъ просилъ министерство хранить его проекты въ глубочайшей тайнѣ: англичане столь ловки и ревнивы, что если они освѣдомятся о началѣ сей корреспонденціи, они ему причинятъ всякое зло, какое только будетъ для нихъ возможно. Министерскій «планъ атаки, съ цѣлію покорить Бенгалъ и уничтожить въ Индіяхъ англійское могущество», положительно утверждаетъ, что, несмотря на могущество и силы англичанъ въ Бенгалѣ, легко взять городъ и форты Калькутты и создать болѣе обширное и болѣе богатое королевство, чѣмъ сама Англія. Владѣтельные принцы здѣшнихъ странъ съ трудомъ переносятъ главенство Англіи. Англійскія силы здѣсь не суть силы... Проектъ ихъ уничтоженія далеко не фантазія. А Бенгалъ—это страна, откуда идутъ и люди, и деньги, и припасы, и, наконецъ, самые драгоцѣнные товары Азіи. Франція въ восточномъ полупаріи прежде

всего должна заняться завоеваніемъ Бенгала, ибо разъ только англичане оттуда будутъ выгнаны, они потеряютъ существенную вѣтвь своей коммерціи, и рессурсы ихъ владѣній въ Индіи. А чтобы обезпечить этотъ переворотъ (pour assurer cette révolution), надо пустить въ дѣло слѣдующія силы и средства.

Слѣдуютъ пункты.. Какъ видимъ, этотъ документъ проливаетъ яркій свѣтъ на французскую политику при Людовикѣ XVI въ Индіи. Общій выводъ проекта: «la révolution de Bengale est une expédition maritime». Средства, которыя полагались достаточными для этой экспедиціи,—три военныхъ корабля, три фрегата, семь транспортныхъ судовъ, корветъ, 2500 солдатъ и 2.000 кафровъ.

Тогда же Моголъ пишетъ письмо Людовику XVI, въ которомъ проситъ союза и покровительства Франціи. Напомнимъ, что императоръ Индіи, Великій Моголъ, Ханъ-Аламъ II, началъ царствовать до Людовика XVI, а умеръ только въ 1803 году. «La prépondérance dans l'Inde. alors, était la prépondérance dans le monde» [1])—говоритъ Барбэ. Такъ было и въ 1773 г. Но если Людовикъ XVI и интересовался проэктами, онъ отъ бумагъ къ дѣлу не перешелъ. Однако, въ желаніи у Людовика XVI создать большое французское предпріятіе на Востокѣ не можетъ быть сомнѣнія; чувствуя позднѣе, что Индія стала англійскимъ достояніемъ навсегда, онъ вступаетъ въ сношенія съ императоромъ Аннама и приготовляетъ французамъ пути въ Индо-Китай. Не можетъ быть сомнѣнія, что, питая намѣренія атаковать Англію въ Азіи, Наполеонъ Бонапартъ изучилъ всѣ государственныя бумаги, относящіяся къ этому вопросу, и, конечно, тѣ проэкты, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Наполеонъ централизировалъ въ Парижѣ архивы

---

[1]) Перевѣсъ въ Индіи тогда былъ перевѣсомъ въ мірѣ.

всѣхъ странъ, куда только проникали его арміи, и располагалъ государственными бумагами всей Европы, изучая ихъ ревностно. Между проектами 1773 г., 1782—1789 гг. и экспедиціей 1807—1808 гг. видимъ еще важный моментъ: 1800—1801 гг., когда русскій самодержецъ, вступивъ въ союзъ съ первымъ консуломъ французской имперіи, отдалъ приказъ Орлову: «Имѣете вы идти съ казаками и завоевать Индію».

На фонѣ изложенныхъ проектовъ и замысловъ, этотъ приказъ принимаетъ совсѣмъ новое значеніе. Двѣ тысячи европейскихъ солдатъ охраняли могущество англичанъ въ Индіи въ 1782 г. Императоръ Павелъ въ 1800 г. посылаетъ на Индію 40,000 казаковъ. Спрашивается, было ли это движеніе уединеннымъ дѣйствіемъ, или входило, какъ составная часть, въ общій планъ дѣйствій Наполеона и Павла противъ азіатскихъ владѣній Англіи? Планъ этотъ существовалъ, но точныхъ данныхъ о немъ не находимъ. Одинъ прусскій агентъ сообщалъ министру Гарденбергу набросокъ плана войны противъ Индіи, указывая, что цѣль та же, которая заставила предпринять экспедицію въ Египетъ.

Но тамъ была солидная база операцій и болѣе легкія средства для перевозки армій въ англійскія владѣнія; къ тому же та армія состояла изъ однихъ французовъ, а здѣсь армія комбинированная. Другое письмо, адресованное къ тому же министру изъ Лондона, сообщало о союзѣ Павла и Бонапарта для завоеванія англійскихъ владѣній въ Индіи. Русскія войска должны были идти въ Астрахань, переправиться по Каспійскому морю въ персидскій городъ Астрабадъ. Въ то же время войско перваго консула должно было идти съ береговъ Рейна черезъ Швабію къ устью Дуная и потомъ по Черному и Каспійскому морю переправиться въ Таганрогъ, оттуда идти по Дону,

потомъ по Волгѣ въ Астрахань и тоже по Каспію въ Астрабадъ, для соединенія съ войсками Павла.

Въ Астрабадѣ соединенная армія должна была достигать 70,000 человѣкъ разнаго рода оружія. Далѣе двинулись бы въ Гератъ, Кандагаръ и далѣе, по слѣдамъ Александра Македонскаго, на берега священныхъ водъ Индіи. Заготовлены были даже прокламаціи къ мусульманскому населенію, въ которыхъ возвѣщалось: «арміи двухъ, самыхъ могущественныхъ въ мірѣ, народовъ должны пройти черезъ ваши земли. Единственная цѣль этой экспедиціи—изгнать англичанъ изъ Индостана... Два правительства рѣшили соединить свои силы, чтобы освободить индусовъ отъ тираническаго и варварскаго ига англичанъ» и т. п. Исполненіе части этой диспозиціи мы видимъ. Донское войско двинулось въ походъ, но смерть Павла остановила дальнѣйшее.

Первымъ дѣйствіемъ юнаго императора Александра была посылка въ Лондонъ курьера съ возвѣщеніемъ міра. Затѣмъ возникаетъ новая коалиція, въ которой принимаетъ участіе и Пруссія, стремившаяся въ первую коалицію сохранить нейтралитетъ. Послѣ Тильзитскаго мира Наполеонъ возобновляетъ попытку вмѣшаться въ азіатскую гегемонію Англіи. Если Павелъ, перегнувъ карту Европы, сказалъ: «Такъ я раздѣлю Европу съ Наполеономъ», то Александръ на предложенія такого же раздѣла со стороны Наполеона отвѣчалъ уклончиво. Но въ политикѣ Александра было достаточно перемѣнъ и колебаній между Англіей и Франціей.

Первому періоду царствованія Александра I присваиваютъ обыкновенно наименованіе эпохи преобразованій. «Вникая ближе въ духъ этого періода», говоритъ Н. К. Шильдеръ, «вѣрнѣе было бы назвать его эпохой колебаній». За это время, то-есть съ 1801 по 1810 годъ, въ государственной жизни Россіи происходятъ безпрестанныя колебанія, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней

политикѣ; по всѣмъ отраслямъ управленія имперіею замѣчается полная неустойчивость взглядовъ, рѣзкіе переходы отъ одной политической системы къ другой. Кромѣ причинъ, лежащихъ въ самой жизни, эти колебанія объясняются и характеромъ Александра I, тѣми его свойствами, которыя Метернихъ называлъ: «les évolutions périodiques de son esprit». Никто, однако, не находилъ ничего ненормальнаго въ этой умственной и нравственной неустойчивости Александра.

Если мы не имѣемъ пока точныхъ данныхъ, чтобы отвѣтить на вопросъ, принимали ли участіе въ цареубійствѣ 11 марта англійская интрига, англійскіе агенты, англійское золото, то на вопросъ, какое значеніе внезапная ужасная гибель Павла Перваго имѣла для Англіи и всей Европы, можемъ отвѣтить совершенно опредѣленно: съ гибелью Павла для Англіи исчезала огромная опасность, несомнѣнно грозившая и ея морскому могуществу и азіатской ея гегемоніи; судьбы же всей Европы были бы, несомнѣнно, иныя, если бы Павелъ жилъ еще и союзъ его съ Наполеономъ укрѣпился.

Но, оставляя въ сторонѣ значеніе цареубійства 11 марта 1801 года для всей Европы, скажемъ послѣднее слово о томъ урокѣ, который это страшное событіе даетъ намъ, русскимъ.

Императоръ Павелъ Первый —разительный примѣръ монарха, который, будучи отъ природы надѣленъ многими высокими качествами духа, исполненъ честнаго и благороднаго стремленія къ благу своего народа, тѣмъ не менѣе, на цѣлое столѣтіе въ сознаніи всѣхъ остается пугающимъ образомъ тирана и безумца; императоръ Павелъ— примѣръ самодержца, который, будучи неограниченнымъ властелиномъ милліоновъ подданныхъ и обширнѣйшей имперіи, обладая такимъ могуществомъ, что рѣшенія его могли мѣнять судьбы народовъ и карту Европы, не могъ защитить себя отъ шайки цареубійцъ и придворной камарильи, отъ нѣ-

сколькихъ низкихъ интригановъ, искушенныхъ въ подлости и пройдошествѣ, и погибъ ужасно и жалко, не вызвавъ къ своей участи никакого сожалѣнія въ европейскомъ обществѣ. Солдаты и крестьяне были признательны Павлу за многія облегченія—и не защитили его, и его имя заглохло въ народѣ, даже не отразившись въ какой-нибудь плачевной пѣснѣ. Убійцы Павла были безконечно ниже его и умомъ и характеромъ, а они ославили свою жертву кровожаднымъ сумасшедшимъ, и никто имъ не возражалъ.

Такъ императоръ Павелъ Первый является показателемъ того, что постигаетъ верховную власть, когда она не опирается на свободный и сознательный народъ, на освященный земскій соборъ излюбленныхъ людей, на широко развитое всесословное представительство мѣстнаго самоуправленія, когда всѣ пути общенія царя съ народомъ уничтожены, всѣ связи порваны и вознесенный на недосягаемую высоту монархъ уподобляется громовержцу Зевсу, только съ завязанными глазами. Монархъ, лишенный опоры и совѣта думы всей земли, думы, въ которой проявлялся бы вѣками воспитанный духъ патріотизма, думы, хранящей историческіе завѣты народа, являющейся хранительницей, защитницей и выполнительницей его идей, его правъ, его задачъ, органомъ самосознанія націи,—такой монархъ, при всей безмѣрности власти, поневолѣ правитъ помощью интригъ, и отъ этихъ же интригъ и гибнетъ. Императоръ Павелъ Первый и его злосчастная судьба въ русской исторіи есть роковой и логическій выводъ петровской реформы, кровавыхъ казней стрѣльцовъ, поверстанія при Петрѣ и императрицахъ множества старыхъ дворянъ московскихъ и духовныхъ въ податное сословіе. Судьба Павла есть слѣдствіе семидесятипятилѣтняго женскаго правленія черезъ любовниковъ и угодниковъ, слѣдствіе возвышенія всевозможныхъ авантюристовъ и проходимцевъ-иностран-

цевъ и униженія коренныхъ русскихъ людей и старослужилыхъ родовъ честныхъ выходцевъ съ Запада; судьба Павла Петровича есть слѣдствіе убійства царевича Алексѣя Петровича, казненнаго ослѣпленнымъ родителемъ: цареубійство 11 марта 1801 года есть прямое слѣдствіе сыноубійства 26 іюня 1718 года. Если униженный духомъ народъ, въ лицѣ высшихъ іерарховъ церкви и всего русскаго общества, бездушно и рабски перенесъ то сыноубійство, что же удивительнаго, если послѣ всѣхъ послѣдовавшихъ кровавыхъ переворотовъ вѣка, послѣ крови несчастнаго Іоанна Антоновича, Петра III, народъ устами гренадера такъ съ потрясающимъ равнодушіемъ высказался о цареубійствѣ 11 марта, въ утро послѣ ужасной ночи: «Умеръ ли Павелъ Петровичъ? Да, крѣпко умеръ. Лучше отца Александру не быть. А впрочемъ, намъ, что ни поп, то батька».

Надъ порабощеннымъ, безгласнымъ народомъ, вознесенный на недосягаемую высоту, императоръ пребывалъ въ трагическомъ одиночествѣ. Шайка крѣпостниковъ-гуней дцевъ плотной стѣной окружала его.

Самовластный, онъ сталъ игрушкой въ рукахъ коварнаго царедворца. И великолѣпный замокъ, въ которомъ онъ заперся посреди своей столицы, сталъ сначала его тюрьмой, а потомъ и мавзолеемъ.

Это второе изданіе дополнено «Записками Вельяминова-Зернова» и разсказомъ объ убіеніи императора Павла I майора Эрнста фонъ-Веделя. Вельяминовъ-Зерновъ, современникъ Павла I, собиралъ всѣ извѣстія объ императорѣ и объ его смерти. Кое-гдѣ онъ хронологически ошибается, и мы указали эти ошибки. Майоръ фонъ-Ведель передаетъ разсказы Бенигсена и Платона Зубова, которые онъ слышалъ въ 1812 г. Очевидно, что въ 1812 г. Бенигсенъ нѣсколько иначе разсказывалъ о катастрофѣ, чѣмъ въ письмѣ къ генералу Фоку.

ЗАПИСКИ Н. А. САБЛУКОВА.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ 1865 году, въ лондонскомъ журналѣ «Fraser's Magazine for town and country» появилась статья подъ заглавіемъ: «Reminiscences of the Court and times of the Emperor Paul I of Russia up to the period of his death. From the papers of a deceased Russian General Officer» [1]), которая уже по самому своему заглавію должна была вызвать интересъ русской исторической критики. Тѣмъ не менѣе, таинственный русскій авторъ, напечатавшій въ Англіи свои воспоминанія, оставался неизвѣстнымъ до 1869 года [2]), когда въ ноябрьской книжкѣ издававшагося въ то время при чертковской библіотекѣ «Русскаго Архива» впервые напечатано на русскомъ языкѣ извлеченіе изъ статьи «Fraser's Magazine» подъ заглавіемъ: «Изъ записокъ Н. А. Саблукова о временахъ императора Павла Петровича. Переводъ съ англійскаго» [3]). Въ виду цензурныхъ условій переводъ, естественно, не могъ быть полнымъ, такъ что добрая половина «Записокъ» осталась неизвѣстной для русской читающей публики и главнымъ образомъ послѣдняя часть ихъ, посвященная описанію заговора и самому событію

---

[1]) «Воспоминанія о дворѣ и временахъ императора россійскаго Павла I до эпохи его смерти. Изъ бумагъ умершаго русскаго генерала».

[2]) Краткое извлеченіе изъ воспоминаній Саблукова, въ 60-хъ годахъ, было сдѣлано также во французскомъ журналѣ «Revue Moderne».

[3]) Переводъ сдѣланъ С. А. Рачинскимъ.

11-го марта 1801 года. Что касается англійскаго подлинника «Воспоминаній», то послѣдній въ настоящее время, по прошествіи почти 40 лѣтъ, представляетъ совершенную библіографическую рѣдкость, такъ какъ журналъ «Fraser's Magazine» издавался въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и всѣ нумера 1865 года давно вышли изъ продажи и не имѣются даже у наиболѣе извѣстныхъ заграничныхъ антикваріевъ.

Настоящимъ изданіемъ, исключительно предназначеннымъ для небольшого кружка спеціалистовъ-историковъ и любителей отечественной старины, отчасти пополняется этотъ пробѣлъ въ нашей исторической библіографіи, до сихъ поръ не имѣвшей полнаго перевода «Записокъ Саблукова», представляющихъ, по безпристрастности изложенія и искренности тона, драгоцѣннѣйшій матеріалъ для будущихъ историковъ и бытописателей Павловской эпохи, еще столь мало изслѣдованной и едва ли безпристрастно оцѣненной.

Авторъ «Записокъ», Николай Александровичъ Саблуковъ, родился въ Петербургѣ въ 1776 году. Отецъ его, Александръ Александровичъ Саблуковъ[1]), сенаторъ и впослѣдствіи одинъ изъ первыхъ членовъ только что учрежденнаго Александромъ I государственнаго совѣта, былъ вице-президентомъ мануфактуръ-коллегіи въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и въ эпоху Павла I. Сыну своему онъ далъ весьма тщательное домашнее образованіе, причемъ, благодаря заботамъ матери автора, Екатерины Андреевны Саблуковой, рожденной Волковой, жен-

---

[1]) Александръ Александровичъ былъ сынъ коллежскаго совѣтника Александра Ульяновича Саблукова, служившаго при дворѣ Елизаветы Петровны. Службу свою Александръ Александровичъ началъ въ 1762 году и за время царствованія Екатерины II былъ награжденъ Владиміромъ 2 класса, чиномъ тайнаго совѣтника и анненской лентой. При Павлѣ I пожалованъ сенаторомъ. Скончался въ Петербургѣ въ 1826 г., будучи членомъ госуд. совѣта и дѣйств. тайнымъ совѣтникомъ. Похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

щины высоко-образованной и гуманной, особенное вниманіе было обращено на изученіе иностранныхъ языковъ: нѣмецкаго, французскаго и англійскаго. Вскорѣ затѣмъ молодой Саблуковъ, по обычаю богатыхъ дворянъ того времени, былъ отправленъ путешествовать за границу, посѣтилъ Германію, Италію и, благодаря близкимъ связямъ съ русскою знатью, былъ представленъ ко многимъ иностраннымъ дворамъ. Вернувшись въ Россію въ 1792 году, 17-тилѣтній юноша Саблуковъ поступилъ въ блестящій и аристократическій, въ Екатерининское время, конно-гвардейскій полкъ, въ которомъ и оставался до самой кончины Павла I, находясь въ послѣднее время въ чинѣ полковника и командуя эскадрономъ.

Не будучи «гатчинцемъ», какъ Аракчеевъ и Ростопчинъ, не состоя въ числѣ любимцевъ, какъ Кутайсовъ и Уваровъ, Саблуковъ, несмотря на это, пользовался благосклонностью и уваженіемъ Павла, чувствовавшаго въ немъ неподкупную вѣрность порядочнаго человѣка. Этимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ фактъ, что авторъ «Записокъ» былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ лицъ, близко стоящихъ ко двору, которымъ удалось удержаться на службѣ въ теченіе всего четырехлѣтняго царствованія Павла. Саблуковъ былъ джентльменъ въ полномъ смыслѣ этого слова: это былъ рыцарь безъ страха и упрека, спокойно смотрѣвшій въ глаза такому государю, какъ Павелъ I, сумѣвшій сдерживать порывы такой взбалмошной натуры, какъ Константинъ, вызывавшій невольное удивленіе робкаго и запуганнаго отцовскими строгостями Александра. Вотъ почему «Записки Саблукова», въ которыхъ каждая фраза, каждая строчка дышатъ правдой и благородствомъ, должны имѣть особое значеніе въ глазахъ историка: въ этихъ качествахъ автора онъ увидитъ несомнѣнное доказательство какъ правдивости передаваемыхъ имъ фактовъ, такъ и вполнѣ безпристрастной оцѣнки личности императора Павла.

Отдавая полную справедливость высокимъ душевнымъ качествамъ, лежавшимъ въ основѣ характера этого госу-

даря, любя его искренно, какъ человѣка, Саблуковъ сообщаетъ, однако, цѣлый рядъ фактовъ, указывающихъ на несомнѣнную ненормальность Павла, рѣзкія выходки котораго, доходившія зачастую до непонятной жестокости, могутъ быть объяснены исключительно душевнымъ разстройствомъ.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, основной характеръ «Записокъ Саблукова», представляющихъ собою историческій документъ первостепенной важности для будущихъ изслѣдователей этого кратковременнаго, полнаго загадочности и противорѣчій царствованія. Авторъ ихъ, являющійся образцомъ искренности и правдивости, въ одномъ только случаѣ впадаетъ въ довольно странное противорѣчіе, а именно, когда онъ упоминаетъ о роли, которую сыграла англійская политика въ кровавомъ событіи 11-го марта 1801 года. Стараясь какъ будто бы доказать полную неосновательность слуховъ объ участіи англійскаго посла, лорда Уитворда, въ заговорѣ противъ Павла, онъ въ то же время категорически говоритъ о любовной связи этого дипломата съ О. А. Жеребцовой, сестрой Зубовыхъ—главныхъ руководителей заговора. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ «Записокъ» мы находимъ слѣдующую недвусмысленную фразу, не требующую дальнѣйшихъ комментаріевъ: «Г-жа Жеребцова предсказала печальное событіе 11-го марта, въ Берлинѣ, за нѣсколько дней до смерти императора и какъ только узнала о совершившемся фактѣ, отправилась тотчасъ въ Англію навѣстить своего стараго друга лорда Уитворда». (Гл. III, стр. 95).

Единственнымъ объясненіемъ этого противорѣчія, которое совсѣмъ не вяжется съ категорическимъ и яснымъ тономъ всего повѣствованія, можетъ служить то обстоятельство, что рукопись Саблукова, напечатанная въ Лондонѣ, прошла черезъ горнило англійскаго журнала, редакція котораго, естественно, была заинтересована въ объясненіи дѣйствій «коварнаго Альбіона».

Убійство императора Павла произвело на Саблукова удручающее впечатлѣніе и было глубоко ненавистно его

взглядамъ на неприкосновенность личности помазанника Божія и самодержца. Онъ хочетъ бѣжать отъ двора, среди котораго ему ежедневно приходится сталкиваться съ участниками ужасной драмы, и съ радостью принимаетъ на себя охрану императрицы Маріи Ѳеодоровны, удалившейся изъ Петербурга въ свое павловское уединеніе. Тѣмъ не менѣе, онъ не можетъ примириться съ дѣятелями 11-го марта и при первой возможности, въ концѣ 1801 года, подаетъ въ отставку и ѣдетъ за границу искать забвенія и успокоенія въ новомъ путешествіи по Европѣ. Въ 1803 году, находясь въ Англіи, онъ женится, по любви, на англичанкѣ, миссъ Юліанѣ Ангерштинъ, дочери извѣстнаго знатока и любителя живописи Эдуарда Ангерштина, имѣвшаго богатую коллекцію картинъ, завѣщанную имъ впослѣдствіи Лондонской національной галереѣ. Вернувшись въ Россію въ 1806 году, Николай Александровичъ, по совѣту своего стараго знакомаго, тогдашняго морского министра, адмирала П. В Чичагова, поступаетъ на службу въ адмиралтействъ-коллегію и въ слѣдующемъ же году назначается управляющимъ счетною экспедиціей съ утвержденіемъ въ чинѣ генералъ-майора. Въ 1809 году онъ выходитъ въ отставку съ мундиромъ (л.-гв. Коннаго полка) и снова удаляется въ Англію, къ родственникамъ жены. Но и здѣсь, на чужбинѣ, онъ продолжалъ горячо любить Россію и при первомъ извѣстіи объ опасности, угрожающей отечеству, Саблуковъ спѣшитъ на родину и въ рядахъ арміи принимаетъ участіе въ безсмертной эпопеѣ 1812 года, находясь при особомъ кавалерійскомъ отрядѣ генералъ-майора барона Корфа. Когда народное бѣдствіе, наконецъ, миновало, когда непріятель былъ изгнанъ и Россія уже не нуждалась въ жертвахъ своихъ сыновъ, Саблуковъ окончательно выходитъ въ отставку, снова удаляется въ Англію и до самой своей смерти остается вдали отъ государственныхъ дѣлъ, то наѣзжая въ Россію, то путешествуя по Европѣ, причемъ ведетъ дѣятельную переписку со своими друзьями, живущими въ Россіи. Къ

числу такихъ друзей принадлежалъ, между прочимъ, извѣстный ученый и богословъ, протоіерей Г. П. Павскій, духовный наставникъ цесаревича Александра Николаевича и переводчикъ библіи съ еврейскаго языка на русскій. Въ этихъ письмахъ къ Павскому Саблуковъ является горячимъ сторонникомъ просвѣщенія отечества въ смыслѣ нравственнаго и умственнаго воспитанія и возрожденія духа русскаго народа. Искренній и убѣжденный православный, Н. А., тѣмъ не менѣе, желаетъ видѣть русскихъ служителей церкви, какъ духовныхъ пастырей народа, болѣе образованными, стоящими на высотѣ своей великой воспитательной задачи.

Таковъ нравственный обликъ автора настоящихъ «Записокъ», носящаго въ себѣ отличительныя черты лучшихъ людей того времени, людей съ широкимъ, просвѣщеннымъ умомъ, съ душою, открытою для всего добраго, великодушнаго, справедливаго. XIX вѣкъ, въ отличіе отъ своего предшественника, постепенно лишалъ личность ея особенностей, нивеллируя, такъ сказать, ея индивидуальность подъ одинъ шаблонъ, выдѣляя идеалъ безличнаго исполненія; но тѣмъ бо̀льшій интересъ, тѣмъ бо̀льшую цѣнность представляютъ собою люди критики, въ которыхъ жизнь бьетъ живымъ энергичнымъ ключомъ, тѣ лучшіе люди славной Екатерининской эпохи, которые, несмотря на наступившую аракчеевщину, не доведены были до безцвѣтности общимъ равненіемъ русской жизни подъ капральски-бюрократическій шаблонъ того времени. То были люди истинно-русскіе и притомъ люди свободной иниціативы, что не мѣшало имъ, однако, быть искренно и убѣжденно преданными самодержавію и всѣмъ остальнымъ исконнымъ завѣтамъ русской жизни, дѣлать въ годину народнаго бѣдствія великое патріотическое дѣло, полагая душу свою за родину. Таковъ былъ авторъ настоящихъ «Записокъ». Честь ему и слава и вѣчная память!

К. Военскій.

I.

На дняхъ мнѣ пришлось перечитывать «Исторію Россіи» Левека, въ которой говорится о разногласіи въ мнѣніяхъ, существующихъ до настоящаго времени относительно Лжедимитрія, причемъ меня особенно поразила скудость свѣдѣній объ этой замѣчательной эпохѣ въ смыслѣ показаній современниковъ и очевидцевъ. А между тѣмъ самъ Левекъ утверждаетъ, что такія показанія имѣютъ чрезвычайную важность для исторіи, такъ какъ одни только очевидцы могутъ засвидѣтельствовать правдивость тѣхъ или другихъ историческихъ фактовъ.

Я самъ былъ очевидцемъ главнѣйшихъ событій, происходившихъ въ царствованіе императора Павла I. Во все это время я состоялъ при дворѣ этого государя и имѣлъ полную возможность узнать все, что тамъ происходитъ, не говоря уже о томъ, что я лично былъ знакомъ съ самимъ императоромъ и со всѣми членами императорскаго дома, равно какъ и со всѣми вліятельными личностями того времени. Все это, вмѣстѣ взятое, и побудило меня записать все то, что я помню о событіяхъ этой знаменательной эпохи, въ надеждѣ, что такимъ образомъ, быть можетъ, прольется новый свѣтъ на характеръ Павла I, человѣка, во всякомъ случаѣ, незауряднаго.

Смѣю думать, что читатель не поставитъ мнѣ въ вину, если въ теченіе этого повѣствованія мнѣ не разъ придется говорить о себѣ лично, про многихъ изъ моихъ друзей и про полкъ, въ которомъ я служилъ. Подробности эти я привожу лишь какъ доказательство правдивости моего повѣствованія, которая только и можетъ придать настоящій интересъ этому разсказу.

Въ эпоху вступленія на престолъ императора Павла I мнѣ было двадцать лѣтъ; я былъ въ чинѣ подпоручика конной гвардіи, прослуживъ передъ тѣмъ въ томъ же полку два года унтеръ-офицеромъ и четыре года въ офи-

церскомъ чинѣ [1]). Передъ тѣмъ я много путешествовалъ за границей и былъ представленъ ко многимъ дворамъ, какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи, вслѣдствіе чего много вращался въ высшемъ обществѣ, какъ въ Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ. Отецъ мой держалъ открытый домъ, въ которомъ собирались запросто многіе министры и дипломаты, вслѣдствіе чего, несмотря на мою молодость, я уже достаточно былъ подготовленъ къ пониманію текущихъ политическихъ событій. Къ этому надо прибавить, что, будучи вообще хорошо знакомъ съ нѣсколькими иностранными языками, я живо интересовался политическими вопросами и съ особеннымъ вниманіемъ читалъ газеты.

Теперь я сдѣлаю небольшое отступленіе и буду говорить о времени, непосредственно предшествовавшемъ вступленію на престолъ императора Павла, такъ какъ свѣдѣнія о томъ, что тогда происходило, послужатъ къ объясненію многихъ послѣдующихъ событій, которыя иначе было бы трудно понять.

Въ бытность великимъ княземъ, Павелъ Петровичъ имѣлъ великолѣпные аппартаменты въ Зимнемъ дворцѣ, а также во дворцѣ Царскосельскомъ. Здѣсь происходили выходы и пріемы, и тутъ же великій князь и его супруга давали пышные обѣды, вечера и балы, оказывая постоянно чрезвычайную любезность своимъ гостямъ. Всѣ высшіе чины ихъ двора, равно какъ прислуга, принадлежали къ штату императрицы, поочередно, въ теченіе недѣли, дежурили въ обоихъ дворцахъ, причемъ всѣ издержки уплачивались изъ кабинета ея величества. Въ этихъ пріемахъ своего сына императрица Екатерина, обыкновенно, весьма милостиво сама принимала участіе и, послѣ перваго выхода, радушно присоединялась къ обществу, не до-

---

[1]) Будучи унтеръ-офицеромъ, я былъ ординарцемъ у фельдмаршала графа Салтыкова, дежурилъ у него черезъ недѣлю и обязанъ былъ въ это время всюду сопровождать его. Благодаря этому, мнѣ часто приходилось бывать съ его свитою въ прихожей кабинета императрицы Екатерины II.

Прим. автора.

пуская обычнаго этикета, установленнаго при ея собственномъ дворѣ.

Съ внѣшней стороны великій князь постоянно оказывалъ своей матери величайшее уваженіе, хотя всѣ хорошо знали, что онъ не раздѣлялъ тѣхъ чувствъ любви, благодарности и удивленія, которыя русскій народъ питалъ къ этой монархинѣ. Великая княгиня, его супруга, однакоже, любила Екатерину, какъ нѣжная дочь, и привязанность эта была вполнѣ взаимная. Дѣти Павла, юные великіе князья и великія княжны, воспитывались подъ надзоромъ ихъ бабки-императрицы, которая во всѣхъ случаяхъ совѣтовалась съ матерью [1]).

Кромѣ названныхъ аппартаментовъ, у великаго князя былъ еще очень удобный дворецъ — Каменноостровскій, расположенный на одномъ изъ острововъ на Невѣ. Здѣсь великій князь и его супруга также давали избранному обществу весьма веселыя празднества, на которыхъ происходили такъ называемыя jeux d'esprit, театральныя представленія, словомъ, все то, что изобрѣли остроуміе и любезность стараго французскаго двора. Сама великая княгиня была чрезвычайно красивая женщина, весьма скромная въ обращеніи, а по мнѣнію нѣкоторыхъ даже излишне строгая, такъ что казалась суровою и скучною, насколько могли ее сдѣлать таковою добродѣтель и этикетъ. Павелъ Петровичъ, напротивъ, былъ полонъ жизни, остроумія и юмора, отличая своимъ вниманіемъ тѣхъ, которые блистали тѣми же качествами.

Самою яркою звѣздою на придворномъ горизонтѣ была молодая дѣвушка, которую пожаловали фрейлиною въ уваженіе превосходныхъ дарованій, выказанныхъ ею въ Смольномъ монастырѣ, гдѣ она получила воспитаніе. Ее звали

---

[1]) Генералы Протасовъ (Александръ Яковлевичъ, род. 1742 † 1799) и Сакенъ (графъ Карлъ Ивановичъ, впослѣдствіи дѣйств. тайн. сов., род. 1733 † 1808) были воспитателями великихъ князей, а баронесса Ливенъ гувернанткою великихъ княженъ и довѣреннымъ другомъ ихъ матери.

Екатерина Нелидова [1]) По наружности она представляла полную противоположность съ великою княгинею, которая была бѣлокура, высокаго роста, склонна къ полнотѣ и очень близорука. Нелидова же была маленькая, смуглая, съ темными волосами, блестящими черными глазами и лицомъ, полнымъ выразительности. Она танцовала съ необыкновеннымъ изяществомъ и живостью, а разговоръ ея, при совершенной скромности, отличался изумительнымъ остроуміемъ и блескомъ.

Павелъ недолго оставался равнодушнымъ къ ея совершенствамъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что великій князь отнюдь не былъ человѣкомъ безнравственнымъ; напротивъ того, онъ былъ добродѣтеленъ, какъ по убѣжденію, такъ и по намѣреніямъ. Онъ ненавидѣлъ распутство, былъ искренно привязанъ къ своей прелестной супругѣ и не могъ себѣ представить, чтобы какая-нибудь интриганка могла когда-либо увлечь его и влюбить въ себя безъ памяти. Поэтому онъ свободно предался тому, что онъ считалъ чисто платоническою связью, и это было началомъ его странностей.

Императрица Екатерина, знавшая человѣческое сердце несравненно лучше, чѣмъ ея сынъ, была глубоко огорчена за свою невѣстку. Она вскорѣ послала сына путешествовать вмѣстѣ съ супругою и отдала самыя строгія приказанія, дабы не щадить денегъ, чтобы сдѣлать эту прогулку по Европѣ столь же блистательной, сколь интересной, при помощи вліянія на дворы, которые имъ придется посѣтить. Путешествовали они incognito, подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, и всѣмъ хорошо извѣстно, что остроуміе графа, красота графини и обходительность обоихъ оставили самое благопріятное впечатлѣніе въ странахъ, которыя они посѣтили.

Не слѣдуетъ думать, что первоначальное воспитаніе великаго князя Павла было небрежно; напротивъ того,

[1]) Екатерина Ивановна Нелидова, фрейлина высочайшаго двора, довѣренный другъ императора Павла и Маріи Ѳеодоровны; род. 1758 † 1839

Екатерина употребила все, что въ человѣческихъ силахъ, чтобы дать сыну воспитаніе, которое сдѣлало бы его способнымъ и достойнымъ царствовать надъ обширною Россійскою имперіею. Графъ Н. И. Панинъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ государственныхъ людей своего времени, пользовавшійся уваженіемъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей, за свою честность, высокую нравственность искреннее благочестіе и отличное образованіе, былъ воспитателемъ Павла. Кромѣ того, великій князь имѣлъ лучшихъ наставниковъ того времени, въ числѣ которыхъ были и иностранцы, пользовавшіеся почетною извѣстностью въ ученомъ и литературномъ мірѣ. Особенное вниманіе было обращено на религіозное воспитаніе великаго князя, который до самой своей смерти отличался набожностью. Еще до настоящаго времени показываютъ мѣста, на которыхъ Павелъ имѣлъ обыкновеніе стоять на колѣняхъ, погруженный въ молитву и часто обливаясь слезами. Паркетъ положительно протертъ въ этихъ мѣстахъ [1]). Графъ Панинъ состоялъ членомъ нѣсколькихъ масонскихъ ложъ, и великій князь былъ также введенъ въ нѣкоторыя изъ нихъ. Словомъ, было сдѣлано все, что только возможно, для физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія великаго князя. Павелъ Петровичъ былъ однимъ изъ лучшихъ наѣздниковъ своего времени и съ ранняго возраста отличался на каруселяхъ. Онъ зналъ въ совершенствѣ языки: славянскій, русскій, французскій и нѣмецкій, имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ латинскомъ, былъ хорошо знакомъ съ исторіей, географіей и математикой, говорилъ и писалъ весьма свободно и правильно на упомянутыхъ языкахъ. Въ дѣлѣ воспитанія великаго князя два помощника, главнымъ образомъ, содѣйствовали графу Панину: флота ка-

---

[1]) Офицерская караульная комната, въ которой я сидѣлъ во время моихъ дежурствъ въ Гатчинѣ, находилась рядомъ съ частнымъ кабинетомъ Павла, и мнѣ нерѣдко приходилось слышать вздохи императора, когда онъ стоялъ на молитвѣ. Прим. автора.

питанъ Сергѣй Плещеевъ [1]) и уроженецъ города Страсбурга баронъ Николаи [2]) Плещеевъ прежде служилъ въ англійскомъ флотѣ, былъ отличнымъ офицеромъ, человѣкомъ широко образованнымъ и особеннымъ знатокомъ русской литературы. Баронъ Николаи былъ вообще человѣкъ ученый, живший сначала въ Страсбургѣ и написавшій нѣсколько научныхъ трудовъ. Оба эти лица сопровождали великаго князя во время его путешествія за границу, и впослѣдствіи Плещеевъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: «Les voyages du Comte et de la Comtesse du Nord». Оба остались близкими и вліятельными людьми при императорѣ Павлѣ до самой его кончины.

Въ Вѣнѣ, Неаполѣ и Парижѣ Павелъ проникся тѣми высоко-аристократическими идеями и вкусами, которые, не будучи согласны съ духомъ времени, довели его впослѣдствіи до большихъ крайностей въ его стремленіи поддержать нравы и обычаи стараго режима въ такое время, когда французская революція смела все подобное съ европейскаго континента Но какъ ни пагубны были эти вліянія для чуткой и воспріимчивой души Павла, вредъ, причиненный ими, ничто въ сравненіи съ вліяніемъ, которое произвела на него въ Берлинѣ прусская дисциплина, выправка, мундиры, шляпы, кивера и т. п.,—словомъ, все, что имѣло какое-либо отношеніе къ Фридриху Великому Павелъ подражалъ Фридриху въ одеждѣ, въ походкѣ, въ посадкѣ на лошади. Потсдамъ, Санъ-Суси, Берлинъ преслѣдовали его, подобно кошмару. Къ счастью Павла и для Россіи, онъ не заразился бездушною философіей этого монарха и его упорнымъ безбожіемъ. Этого Павелъ не могъ переварить, и хотя врагъ насѣялъ много плевелъ, доброе сѣмя все-таки удержалось.

---

[1]) Сергѣй Ив. Плещеевъ Род. 1752 † 1802 въ чинѣ дѣйств тайн совѣтника. Писатель по географіи и переводчикъ съ французскаго

[2]) Николаи, баронъ, Андрей Львовичъ. Библіотекарь и секретарь Павла Петровича Преподавалъ ему логику. Впослѣдствіи президентъ академіи наукъ. Род. 1737 † 1820

Но, чтобы вернуться къ эпохѣ, которая непосредственно предшествовала восшествію Павла на престолъ, я долженъ упомянуть о томъ, что, кромѣ дворца на Каменномъ острову, онъ имѣлъ еще великолѣпный дворецъ и имѣніе въ Гатчинѣ, въ 24-хъ верстахъ отъ Царскаго Села. Къ Гатчинѣ были приписаны обширныя земли и нѣсколько деревень Супруга великаго князя имѣла такое же имѣніе въ Павловскѣ, съ обширными парками и богатыми деревнями. Этотъ дворецъ находился всего въ трехъ верстахъ отъ Царскаго Села. Въ этихъ двухъ имѣніяхъ великій князь и его супруга обыкновенно проводили бо̀льшую часть года одни, имѣя лишь дежурнаго камергера и гофмаршала. Здѣсь великій князь и великая княгиня обыкновенно не принимали никого, исключая лицъ, особо приглашенныхъ. Скоро, однакоже, и здѣсь стала появляться Екатерина Ивановна Нелидова и вскорѣ сдѣлалась пріятельницей великой княгини, оставаясь въ то же время платоническимъ кумиромъ Павла. Какъ въ Гатчинѣ, такъ и въ Павловскѣ строго соблюдались костюмъ, этикетъ и обычаи французскаго двора.

Отецъ мой въ то время стоялъ во главѣ государственнаго казначейства и въ его обязанности, между прочимъ, входило выдавать ихъ высочествамъ ихъ четвертное жалованіе и лично принимать отъ нихъ расписку въ счетную книгу казначейства. Во время поѣздокъ, которыя онъ совершалъ для этой цѣли въ Гатчину и въ Павловскъ, я иногда сопровождалъ его и живо помню то странное впечатлѣніе, которое производило на меня все то, что я здѣсь видѣлъ и слышалъ. Тутъ все было какъ бы въ другомъ государствѣ, особенно въ Гатчинѣ, гдѣ выстроенъ былъ форштадтъ, напоминавшій мелкіе германскіе города. Эта слобода имѣла заставы, казармы, конюшни и строенія точь-въ-точь какія, какъ въ Пруссіи. Что касается войскъ, здѣсь расположенныхъ, то можно было побиться объ закладъ, что они только что пришли изъ Берлина.

Здѣсь я долженъ объяснить, какимъ образомъ Павелъ задумалъ сформировать въ Гатчинѣ эту курьезную малень-

кую армію. Когда великій князь былъ еще очень молодъ, императрица, пожелавшая дать ему громкій титулъ, не сопряженный, однако, съ какою-либо трудною или отвѣтственною должностью, пожаловала его генералъ-адмираломъ россійскаго флота; впослѣдствіи онъ былъ назначенъ шефомъ превосходнаго Кирасирскаго полка, съ которымъ онъ прослужилъ одну кампанію противъ шведовъ, причемъ имѣлъ честь видѣть, какъ надъ головой его пролетали пушечныя ядра во время одной стычки съ непріятелемъ. Поселившись въ Гатчинѣ, великій князь, въ качествѣ генералъ-адмирала, потребовалъ себѣ батальонъ морскихъ солдатъ съ нѣсколькими орудіями, а какъ шефъ кирасировъ—эскадронъ этого полка съ тѣмъ, чтобы образовать гарнизонъ города Гатчины.

Оба желанія великаго князя были исполнены, и такимъ образомъ положено начало пресловутой «гатчинской арміи», впослѣдствіи причинившей столько неудовольствій и вреда всей странѣ. Въ Гатчинѣ, кромѣ того, на небольшомъ озерѣ находилось нѣсколько лодокъ, оснащенныхъ и вооруженныхъ наподобіе военныхъ кораблей, съ офицерами и матросами — и это учрежденіе впослѣдствіи пріобрѣло большое значеніе.

Батальонъ и эскадронъ были раздѣлены на мелкіе отряды, изъ которыхъ каждый изображалъ полкъ императорской гвардіи. Всѣ они были одѣты въ темно-зеленые мундиры и во всѣхъ отношеніяхъ напоминали собою прусскихъ солдатъ.

Вся русская пѣхота въ это время носила свѣтло-зеленые мундиры, кавалерія — синіе, а артиллерія — красные. Покрой этихъ мундировъ не походилъ на мундиры другихъ европейскихъ армій, но былъ прекрасно приспособленъ къ климату и обычаямъ Россіи. Русскія войска всѣхъ родовъ оружія покрыли себя славою въ войнахъ противъ турокъ, шведовъ и поляковъ и справедливо гордились своими подвигами. Подобно всякимъ другимъ войскамъ, они гордились и мундирами, въ которыхъ по-

жинали эти лавры, и это заставляло ихъ смотрѣть съ отвращеніемъ на новое гатчинское обмундированіе.

Гатчинскіе моряки также носили темно-зеленое сукно, между тѣмъ какъ мундиръ всего русскаго флота былъ бѣлый, установленный еще самимъ Петромъ Великимъ, и это измѣненіе также возбуждало неудовольствіе. Во всѣхъ гатчинскихъ войскахъ офицерскія должности были заняты людьми низкаго происхожденія, такъ какъ ни одинъ порядочный человѣкъ не хотѣлъ служить въ этихъ полкахъ, гдѣ господствовала грубая прусская дисциплина. Я уже упомянулъ выше, что дворъ великаго князя состоялъ отчасти изъ лицъ, служившихъ при дворѣ императрицы, такъ что все, происходившее въ Гатчинѣ, тотчасъ дѣлалось извѣстнымъ при большомъ дворѣ и въ публикѣ, и будущая судьба Россіи подвергалась свободному обсужденію и не совсѣмъ умѣренной критикѣ.

Но, съ другой стороны, великій князь былъ восходящимъ свѣтиломъ и, конечно, нашлось не мало услужливыхъ людей, которые передавали ему о невыгодномъ впечатлѣніи, которое нѣкоторыя его распоряженія производили при дворѣ императрицы, — распоряженія, которыя, однако, онъ считалъ крайне важными. Ему доносили также и о многихъ злоупотребленіяхъ, дѣйствительно существовавшихъ въ разныхъ отрасляхъ управленія. Съ другой стороны, мягкость и материнскій характеръ управленія Екатерины ему изображали въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Вспыльчивый по природѣ и горячій, Павелъ былъ крайне раздраженъ отстраненіемъ отъ престола, который, согласно обычаю посѣщенныхъ имъ иностранныхъ дворовъ, онъ считалъ принадлежащимъ ему по праву. Вскорѣ сдѣлалось общеизвѣстнымъ, что великій князь съ каждымъ днемъ все нетерпѣливѣе и рѣзче порицаетъ правительственную систему своей матери.

37824

Екатерина, между тѣмъ, становилась стара и немощна, и еще недавно у нея былъ легкій припадокъ паралича, послѣ котораго она не поправилась вполнѣ. Она искренно

любила Россію и пользовалась искреннею любовью своего народа. Екатерина не могла думать безъ страха о томъ, что великое государство, столь быстро выдвинутое ею на путь благоденствія и славы, останется безъ всякихъ гарантій прочнаго существованія, особенно въ такое время, когда Франція распространяла революціонную заразу и «комитетъ общественной безопасности» заставлялъ дрожать на престолахъ почти всѣхъ монарховъ Европы и потрясалъ старинныя учрежденія въ самыхъ ихъ основаніяхъ.

Екатерина уже сдѣлала многое для конституціоннаго развитія своей страны и если бы ей удалось убѣдить Павла сдѣлаться государемъ конституціоннымъ, то она умерла бы спокойно, не опасаясь за будущее Россіи [1]). Мнѣнія, вкусы и привычки Павла дѣлали такія надежды совершенно тщетными, и достовѣрно извѣстно, что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины между ея ближайшими совѣтниками было рѣшено, что Павелъ будетъ устраненъ отъ престолонаслѣдія, если онъ откажется присягнуть конституціи, уже начертанной, въ каковомъ случаѣ былъ бы назначенъ наслѣдникомъ его сынъ, Александръ, съ условіемъ, чтобы онъ утвердилъ новую конституцію.

Слово «конституція», столь часто здѣсь упоминаемое, не должно быть, однако, понимаемо въ обычномъ, слишкомъ употребительномъ смыслѣ парламентскаго представительства, еще менѣе—въ смыслѣ демократической формы правленія. Оно обозначаетъ здѣсь великую хартію, благодаря которой верховная власть императора перестала бы быть самодержавною.

Слухи о подобномъ намѣреніи императрицы ходили безпрестанно, хотя еще не было извѣстно ничего досто-

---

[1]) Оставляемъ эту фразу, столь мало похожую на дѣйствительное положеніе вещей въ Россіи и столь несогласную со взглядами самого Н. А. Саблукова,—на отвѣтственности англійской редакціи

вѣрнаго. Втихомолку, однако, говорили, что 1-го января 1797 года долженъ быть обнародованъ весьма важный манифестъ и въ то же время было замѣчено, что великій князь Павелъ сталъ рѣже появляться при дворѣ и то лишь въ торжественные пріемы и что онъ все болѣе оказываетъ пристрастія къ своимъ опруссаченнымъ войскамъ и ко всѣмъ своимъ гатчинскимъ учрежденіямъ. Мы, офицеры, часто смѣялись между собою надъ гатчинцами. Въ 1795—1796 годахъ я былъ за границею и, проведя нѣсколько недѣль въ Берлинѣ, порядочно ознакомился съ прусскою выправкою. По возвращеніи моемъ домой, мои товарищи часто заставляли меня подражать или, вѣрнѣе, передразнивать прусскихъ офицеровъ и солдатъ. Въ то время мы и не помышляли, что скоро мы всѣ будемъ обречены на прусскую обмундировку, выправку и дисциплину. Впослѣдствіи оказалось, что знаніе этихъ подробностей сослужило мнѣ большую услугу.

Ознакомивъ вкратцѣ читателя съ положеніемъ дѣлъ въ Петербургѣ и Гатчинѣ, я буду продолжать свое повѣствованіе. По возвращеніи моемъ изъ заграничнаго путешествія въ 1796 году, я часто посѣщалъ домъ нѣкоей г-жи Загряжской [1]), свѣтской дамы, чрезвычайно умной и любезной Племянница ея, Васильчикова, была только что помолвлена за графа Кочубея, и потому вечера ея стали интимнѣе и менѣе людны. Я былъ однимъ изъ немногихъ, которыхъ, однако, продолжали приглашать въ домъ, куда мы собирались играть въ лото, дофинъ и другія игры.

Въ четвергъ, 6-го ноября 1796 года, я прибылъ, по обыкновенію, къ Загряжскимъ. Къ семи часамъ вечера на столѣ было приготовлено лото, и я предложилъ себя, чтобы первому вынимать номера. Г-жа Загряжская отвѣчала болѣе холоднымъ тономъ, чѣмъ обыкновенно: «хорошо», и я началъ игру. Играющіе, однако, думали, пови-

---

[1]) Наталья Кирилловна Загряжская, рожд. гр. Разумовская, статсъ-дама, жена оберъ-шенка. Род. 1747 † 1837

димому, о чемъ-то другомъ, такъ что я даже слегка пожурилъ ихъ за то, что они не отмѣчаютъ номеровъ.

Между тѣмъ г-жа Загряжская вдругъ отозвала меня въ сторону и сказала:

— Vous êtes un singulier homme, Sabloukoff!

— En quoi donc, madame?—возразилъ я.

— Vous ne savez donc rien?

— Mais qu'y a-t-il à savoir?

— Comment donc, l'impératrice a eu un coup d'apoplexie et on la croit morte [1])...

Я чуть не свалился съ ногъ и такъ поблѣднѣлъ, что г-жа Загряжская очень встревожилась за меня. Какъ только я пришелъ въ себя, я побѣжалъ съ лѣстницы, бросился въ экипажъ и отправился въ домъ моего отца. Оказалось, что онъ уѣхалъ въ сенатъ, куда его вызвали. Катастрофа, дѣйствительно, совершилась, сомнѣній быть не могло. Екатерина скончалась.

Александръ Мухановъ [2]), капитанъ конной гвардіи, который на слѣдующее утро долженъ былъ жениться на моей сестрѣ Натальѣ, также уѣхалъ изъ дому и отправился въ казармы нашего полка, куда поспѣшилъ и я.

По дорогѣ мнѣ попадались люди разнаго званія, которые или пѣшкомъ или ѣхали въ саняхъ и каретахъ и всѣ куда-то спѣшили. Нѣкоторые изъ нихъ останавливали на улицѣ своихъ знакомыхъ и, со слезами на глазахъ, высказывали свое горе по поводу случившагося. Можно было

---

[1]) — Вы удивительный человѣкъ, Саблуковъ!

— Въ чемъ дѣло?—возразилъ я.

— Значитъ, вы ничего не знаете?

— Что же случилось?

— А то, что съ государыней сдѣлался ударъ и полагаютъ, что она скончалась.

[2]) Александръ Ильичъ Мухановъ. Впослѣдствіи д. с. с. и полтавскій гражданскій губернаторъ (1806 г.).

думать, что у каждаго русскаго умерла нѣжно любимая мать.

Князь Платонъ Зубовъ, послѣдній любимецъ Екатерины и ея первый министръ, немедленно отправилъ въ Гатчину своего брата графа Николая Зубова, имѣвшаго званіе шталмейстера, съ тѣмъ, чтобы сообщить великому князю Павлу о кончинѣ его матери. Сенатъ и синодъ были въ сборѣ, и всѣ войска столицы подъ ружьемъ, въ ожиданіи манифеста. Графъ Безбородко, въ качествѣ старшаго изъ статсъ-секретарей, находился въ кабинетѣ покойной императрицы, прочіе же статсъ-секретари и высшіе чины двора собрались во дворцѣ въ ожиданіи прибытія великаго князя.

Вскорѣ вернулся графъ Зубовъ съ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи Павла. Площадь передъ дворцомъ была переполнена народомъ, и около полуночи прибылъ великій князь. Въ теченіе ночи былъ составленъ манифестъ, въ которомъ оповѣщалось, для всеобщаго свѣдѣнія, о кончинѣ императрицы Екатерины II и о вступленіи на престолъ императора Павла I. Актъ этотъ былъ также прочитанъ въ сенатѣ, и была принесена обычная присяга.

Нельзя выразить словами ту скорбь, которую испытывалъ каждый офицеръ и солдатъ конной гвардіи, когда въ нашемъ полку прочтенъ былъ этотъ манифестъ. Весь полкъ буквально былъ въ слезахъ, многіе рыдали, словно потеряли близкаго родственника или лучшаго друга. То же самое происходило и въ другихъ полкахъ, и такимъ же образомъ выразилась и всеобщая печаль народа въ приходскихъ церквахъ.

Рано утромъ 7 (19) ноября нашъ командиръ, майоръ [1]) Васильчиковъ, отдалъ приказъ, чтобы на слѣдующее утро всѣ офицеры явились на парадъ передъ Зимнимъ двор-

---

[1]) Вѣроятно, ошибка въ англійскомъ текстѣ. При восшествіи на престолъ императора Павла, конной гвардіей командовалъ генералъ-майоръ Григорій Алексѣевичъ Васильчиковъ, который въ слѣдующемъ 1797 году произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

цомъ, назначенный же гуда караулъ отъ нашего полка былъ осмотрѣнъ нашимъ майоромъ самымъ тщательнымъ образомъ. Между тѣмъ, въ теченіе ночи выналъ глубокій снѣгъ, а къ утру настала оттепель и пошелъ мелкій дождь, и всѣмъ намъ было крайне непріятно идти вслѣдъ за нашимъ коннымъ отрядомъ отъ казармъ до дворца, около трехъ англійскихъ миль, въ лучшихъ нашихъ мундирахъ, синихъ съ золотомъ, въ парадныхъ шляпахъ съ дорогимъ плюмажемъ, увязая въ глубокомъ снѣгу, лежавшемъ по дорогѣ.

Это не было хорошимъ предзнаменованіемъ для новаго царствованія и новаго порядка вещей. Едва мы дошли до Дворцовой площади, какъ уже намъ сообщено было множество новыхъ распоряженій. Начать съ того, что отнынѣ ни одинъ офицеръ, ни подъ какимъ предлогомъ, не имѣлъ права являться куда бы то ни было иначе, какъ въ мундирѣ; а надо замѣтить, что наша форма была очень нарядна, дорога и неудобна для постояннаго ношенія Далѣе намъ сообщили, что офицерамъ вообще воспрещено ѣздить въ закрытыхъ экипажахъ, а дозволяется только ѣздить верхомъ или въ саняхъ, или въ дрожкахъ. Кромѣ того, былъ изданъ рядъ полицейскихъ распоряженій, предписывавшихъ всѣмъ обывателямъ носить пудру, косичку или гарбейтель и запрещавшихъ ношеніе круглыхъ шляпъ, сапогъ съ отворотами, длинныхъ панталонъ, а также завязокъ на башмакахъ и чулкахъ, вмѣсто которыхъ предписывалось носить пряжки. Волосы должны были зачесываться назадъ, а отнюдь не на лобъ; экипажамъ и пѣшеходамъ велѣно было останавливаться при встрѣчѣ съ высочайшими особами, и тѣ, кто сидѣли въ экипажахъ, должны были выходить изъ оныхъ, дабы отдать поклонъ августѣйшимъ лицамъ. Утромъ 8 (20) ноября 1796 года, значительно ранѣе 9-ти часовъ утра, усердная столичная полиція успѣла уже обнародовать всѣ эти правила.

Мы также услышали о курьезныхъ вещахъ, происшедшихъ во дворцѣ съ прибытіемъ новаго императора. Гово-

рили, что онъ, вмѣстѣ съ графомъ Безбородкой [1]), дѣятельно занимался сожженіемъ бумагъ и документовъ въ кабинетѣ покойной императрицы; что императоръ имѣетъ видъ очень сумрачный и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прибытія своихъ собственныхъ войскъ изъ Гатчины. Естественно, что всѣ эти слухи не могли намъ быть пріятны, особенно послѣ счастливаго времени, проведеннаго нами при Екатеринѣ, царствованіе которой отличалось милостивой снисходительностью ко всему, что только не носило характера преступленія.

Но вотъ пробило, наконецъ, десять часовъ, и началась ужасная сутолока. Появились новыя лица, новые сановники. Но какъ они были одѣты! Не взирая на всю нашу печаль по императрицѣ, мы едва могли удержаться отъ смѣха, настолько все нами видѣнное напоминало намъ шутовской маскарадъ. Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи появились въ своихъ гатчинскихъ мундирахъ, напоминая собою старинные портреты прусскихъ офицеровъ, выскочившіе изъ своихъ рамокъ.

Ровно въ 11 часовъ вышелъ самъ императоръ въ преображенскомъ мундирѣ новаго покроя. Онъ кланялся, отдувался и пыхтѣлъ, пока проходила мимо него гвардія, пожимая плечами и головою въ знакъ неудовольствія. Послѣ этого онъ велѣлъ подать свою лошадь «Помпона». Въ то же время ему доложили, что гатчинская «армія» приближается къ заставѣ, и его величество тотчасъ поскакалъ ей навстрѣчу. Приблизительно черезъ часъ императоръ вернулся во главѣ этихъ войскъ. Самъ онъ ѣхалъ передъ тѣмъ гатчинскимъ отрядомъ, который ему угодно

---

[1]) Князь Александръ Андреевичъ Безбородко, 1747 + 1799. При воцареніи императора Павла пожалованъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ I класса; 5-го апрѣля 1797 года, въ день коронованія императора, пожалованъ свѣтлѣйшимъ княземъ и вскорѣ назначенъ канцлеромъ. Умеръ холостымъ, оставивъ все свое состояніе брату Ильѣ Андреевичу, который и основалъ въ Нѣжинѣ лицей князя Безбородки, въ память канцлера.

было называть «преображенцами»; великіе князья Александръ и Константинъ также ѣхали во главѣ такъ называемыхъ «Семеновскаго» и «Измайловскаго» полковъ. Императоръ былъ въ восторгѣ отъ этихъ войскъ и выставлялъ ихъ передъ нами, какъ образцы совершенства, которымъ мы должны подражать слѣпо. Ихъ знаменамъ была отдана честь обычнымъ образомъ, послѣ чего ихъ отнесли во дворецъ, сами же гатчинскія войска, въ качествѣ представителей соотвѣтствующихъ гвардейскихъ полковъ, были включены въ нихъ и размѣщены по ихъ казармамъ.

Такъ закончилось утро перваго дня новаго царствованія Павла Перваго.

Мы всѣ вернулись домой, получивъ строгое приказаніе не оставлять своихъ казармъ, и вскорѣ затѣмъ новые пришлецы изъ гатчинскаго гарнизона были представлены намъ. Но что это были за офицеры! Что за странныя лица! Какія манеры! И какъ странно они говорили! Это были по большей части малороссы. Легко представить себѣ впечатлѣніе, которое произвели эти грубые бурбоны на общество, состоявшее изъ ста тридцати двухъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ семьямъ русскаго дворянства. Всѣ новые порядки и новые мундиры подверглись строгой критикѣ и почти всеобщему осужденію. Вскорѣ, однако, мы убѣдились, что о каждомъ словѣ, произнесенномъ нами, доносилось куда слѣдуетъ. Какая грустная перемѣна для полка, который издавна славился своею порядочностью, товариществомъ и единодушіемъ!

Мы получили приказаніе обмундироваться какъ можно скорѣе согласно новымъ предписаніямъ. Новый походный мундиръ былъ коричневаго цвѣта, а вицъ-мундиръ кирпичнаго цвѣта и квакерскаго покроя. Мнѣ удалось достать этого сукна и сшить себѣ вицъ-мундиръ, и на другое утро я явился въ новой формѣ гатчинцевъ à s'y méprendre, вслѣдствіе чего командиръ немедленно назначилъ меня въ этотъ день въ караулъ. Будучи, какъ я уже упомянулъ,

хорошо знакомъ съ прусскою выправкою, я усвоилъ себѣ съ большою легкостью первые уроки нашихъ гатчинскихъ наставниковъ, а въ одиннадцать часовъ, во время парада, такъ отличился, что императоръ подъѣхалъ ко мнѣ, чтобы меня похвалить и, проходя нѣсколько разъ въ теченіе дня мимо моего караула во дворцѣ, онъ всегда останавливался, чтобы заговорить со мною.

Никогда не забуду я этого дня и ночи, проведенныхъ мною въ карауле во дворцѣ. Что это была за суета, что за бѣготня вверхъ и внизъ, взадъ и впередъ! Какіе странные костюмы! Какіе противорѣчивые слухи! Императорское семейство то входило въ комнату, въ которой лежало тѣло покойной императрицы, то выходило изъ оной. Одни плакали и рыдали о понесенной потерѣ, другіе самонадѣянно улыбались въ ожиданіи получить хорошія мѣста. Я долженъ, однакоже, признаться, что число послѣднихъ было невелико. Императоръ, какъ говорятъ, еще былъ занятъ разборомъ и уничтоженіемъ бумагъ съ графомъ Безбородкой. Ходили также слухи, что за графомъ Алексѣемъ Орловымъ былъ посланъ нарочный, что, вслѣдъ за обнародованіемъ церемоніала о погребеніи императрицы, тѣло Петра III, находящееся въ Невской лаврѣ, будетъ вынуто изъ могилы, перенесено во дворецъ и поставлено рядомъ съ тѣломъ Екатерины.

Для того, чтобы понять причины, побудившія императора Павла сдѣлать такое распоряженіе, надо вспомнить, что Петръ III, желая вступить въ бракъ съ своею любовницей, графиней Воронцовой, намѣревался объявить императрицу Екатерину виновною въ прелюбодѣяніи и сына ея Павла незаконнымъ. Съ этою цѣлью мать и сынъ должны были быть заключены въ Шлиссельбургскую крѣпость на всю жизнь. Объ этомъ уже былъ заготовленъ манифестъ, и только наканунѣ его обнародованія и арестованія матери и сына начался переворотъ. Слѣдствіемъ этого событія было, какъ извѣстно, провозглашеніе Екатерины царствующею императрицею и публичное отреченіе

Петра III отъ престола, о чемъ имъ былъ подписанъ формальный документъ. Послѣ этого Петръ III удалился въ Ропшу, гдѣ и умеръ спустя шесть дней, по мнѣнію однихъ — вслѣдствіе гемороидальныхъ припадковъ, по мнѣнію же другихъ—онъ былъ задушенъ въ кровати. Тѣло его было торжественно выставлено для публики въ теченіе шести дней, но такъ какъ онъ ранѣе отрекся отъ престола и умеръ уже не царствующимъ императоромъ, то и былъ погребенъ въ Невскомъ монастырѣ, а не въ Петропавловскомъ соборѣ, который служитъ усыпальницею русскихъ императоровъ, начиная отъ Петра Великаго.

Всѣ эти событія засвидѣтельствованы документами, хранящимися въ архивахъ, и были хорошо извѣстны многимъ лицамъ, въ то время еще живымъ, которыя были ихъ очевидцами. Поэтому императоръ Павелъ считалъ полезнымъ перенести прахъ отца изъ Невской лавры въ Петропавловскій соборъ, желая этимъ положить предѣлъ слухамъ, которые ходили на его счетъ, а такъ какъ графъ Алексѣй Орловъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ переворотѣ, совершенномъ въ пользу Екатерины, то ему повелѣно было прибыть въ Петербургъ для участія въ погребальномъ шествіи.

Многіе увѣряли, будто бы причина вызова Орлова заключалась въ томъ, что онъ былъ предполагаемымъ убійцей Петра III; но это несправедливо. Если уже были виновники этого злодѣянія, то это должны были быть Пассекъ и князь Ѳедоръ Барятинскій [1]), подъ охраной которыхъ Петръ III былъ оставленъ въ Ропшѣ. Во всякомъ случаѣ, это не былъ Орловъ, такъ какъ его даже не было въ комнатѣ во время смерти императора. По тому способу, которымъ Павелъ обошелся съ Алексѣемъ Орловымъ и говорилъ съ нимъ нѣсколько разъ во время похоронной церемоніи (чему я самъ былъ очевидцемъ), я убѣжденъ,

---

[1]) Барятинскій, кн. Оед. Серг. 1742 † 1813; оберъ-гофмаршаль при Екатеринѣ II.

что императоръ не считалъ его лично виновникомъ убійства, хотя онъ, конечно, смотрѣлъ на него, какъ на одного изъ главныхъ, оставшихся въ живыхъ, дѣятелей переворота, возведшаго на престолъ Екатерину и спасшаго ее и самого Павла отъ пожизненнаго заключенія въ Шлиссельбургѣ, гдѣ еще донынѣ можно видѣть приготовленное для нихъ помѣщеніе.

Въ эпоху кончины Екатерины и вступленія на престолъ Павла Петербургъ былъ, несомнѣнно, одной изъ красивѣйшихъ столицъ въ Европѣ, исключая, быть можетъ, Парижа и Лондона, которыхъ я въ то время не видалъ и потому не могъ судить о нихъ. Какъ по внѣшнему великолѣпію, такъ и по внутренней роскоши и изяществу ничто не могло сравняться съ Петербургомъ въ 1796 году — таково было, по крайней мѣрѣ, мнѣніе всѣхъ знаменитыхъ иностранцевъ, посѣщавшихъ въ то время Россію, и которые проводили тамъ многіе мѣсяцы, очарованные русскою веселостью, радушіемъ, гостепріимствомъ и общительностью, которыя Екатерина съ особеннымъ умѣніемъ проявляла во всей имперіи.

Внезапная перемѣна, происшедшая съ внѣшней стороны въ этой столицѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, просто невѣроятна. Такъ какъ полицейскія мѣропріятія должны были исполняться со всевозможной поспѣшностью, то метаморфоза совершилась чрезвычайно быстро, и Петербургъ пересталъ быть похожимъ на современную столицу, принявъ скучный видъ маленькаго нѣмецкаго города XVII столѣтія. Къ несчастію, перемѣна эта не ограничилась одною внѣшнею стороною города: не только экипажи, платья, шляпы, сапоги и прическа подчинены были регламенту,—самый духъ жителей былъ подверженъ угнетенію. Это проявленіе деспотизма, выразившееся въ самыхъ повседневныхъ, банальныхъ обстоятельствахъ, сдѣлалось особенно тягостнымъ въ виду того, что оно явилось продолженіемъ эпохи, ознаменованной сравнительно широкой личной свободой.

Всеобщее неудовольствіе стало высказываться въ разговорахъ, въ семьяхъ, среди друзей и знакомыхъ и приняло характеръ злобы дня. Чѣмъ болѣе, однако, оно проявлялось, тѣмъ энергичнѣе становилась дѣятельность тайной полиціи. Офицеры нашего полка, который, какъ я уже упомянулъ, пользовался столь высокой репутаціей порядочности и благородства, сдѣлались предметомъ особаго наблюденія, и малѣйшая ошибка во время парада наказывалась арестомъ. Въ царствованіе Екатерины арестъ, какъ мѣра наказанія для офицера, примѣнялся только въ исключительныхъ, серьезныхъ случаяхъ, такъ какъ онъ влекъ за собою военный судъ (court martial), и офицеръ, который былъ арестованъ въ наказаніе, обыкновенно, долженъ былъ выходить изъ полка. Таковъ былъ point d'honneur въ Екатерининское время. Не то было теперь, когда Павелъ всюду ввелъ гатчинскую дисциплину. Онъ смотрѣлъ на арестъ, какъ на пустякъ, и примѣнялъ его ко всѣмъ слоямъ общества, не исключая даже женщинъ. Малѣйшее нарушеніе полицейскихъ распоряженій вызывало арестъ при одной изъ военныхъ гауптвахтъ, вслѣдствіе чего послѣднія зачастую бывали совершенно перепол-нены.

Наши офицеры, однакоже, не были расположены сносить подобное обращеніе, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль шестьдесятъ или семьдесятъ человѣкъ оставили полкъ. Обстоятельство это, естественно, чрезвычайно ускорило производство, а такъ какъ, благодаря счастливой случайности, я попалъ подъ арестъ всего одинъ разъ, и то вмѣстѣ съ девятью другими полковниками, послѣ маневровъ 1799 года, то я не только остался въ полку, но даже вскорѣ значительно повысился.

Упомянувъ о предосудительной и смѣшной сторонѣ тогдашней правительственной системы, необходимо, однако, указать и на нѣкоторыя похвальныя мѣры, принятыя для благоденствія народа. Спустя нѣсколько дней послѣ вступленія Павла на престолъ, во дворцѣ было устроено об-

ширное окно, въ которое всякій имѣлъ право опустить свое прошеніе на имя императора. Оно помѣщалось въ нижнемъ этажѣ дворца, подъ однимъ изъ коридоровъ, и Павелъ самъ хранилъ у себя ключъ отъ комнаты, въ которой находилось это окно. Каждое утро, въ седьмомъ часу, императоръ отправлялся туда, собиралъ прошенія, собственноручно ихъ помѣчалъ и затѣмъ прочитывалъ ихъ или заставлялъ одного изъ своихъ статсъ-секретарей прочитывать себѣ вслухъ. Резолюціи или отвѣты на эти прошенія всегда были написаны имъ лично или скрѣплены его подписью и затѣмъ публиковались въ газетахъ для объявленія просителю. Все это дѣлалось быстро и безъ замедленія. Бывали случаи, что просителю предлагалось обратиться въ какое-нибудь судебное мѣсто или иное вѣдомство и затѣмъ извѣстить его величество о результатѣ этого обращенія.

Этимъ путемъ обнаружились многія вопіющія несправедливости, и въ таковыхъ случаяхъ Павелъ былъ непреклоненъ. Никакія личныя или сословныя соображенія не могли спасти виновнаго отъ наказанія, и остается только сожалѣть, что его величество иногда дѣйствовалъ слишкомъ стремительно и не предоставлялъ наказанія самимъ законамъ, которые покарали бы виновнаго гораздо строже, чѣмъ это дѣлалъ императоръ, а между тѣмъ онъ не подвергался бы зачастую тѣмъ нареканіямъ, которыя влечетъ за собою личная расправа.

Не припомню теперь въ точности, какое преступленіе совершилъ нѣкто князь Сибирскій [1]), человѣкъ высокопоставленный, сенаторъ, пользовавшійся благосклонностью императора. Если не ошибаюсь, это было лихоимство. Проступокъ его, каковъ бы онъ ни былъ, обнаружился черезъ прошеніе, поданное государю вышеописаннымъ способомъ, и князь Сибирскій былъ преданъ уголовному суду, приговоренъ къ разжалованію и къ пожизненной ссылкѣ

---

[1]) Кн. Васил. Ѳедор. Сибирскій, ген.-лейт., сенаторъ; 1761 † 1808.

въ Сибирь. Императоръ немедленно же утвердилъ этотъ приговоръ, который и былъ приведенъ въ исполненіе, причемъ князь Сибирскій, какъ преступникъ, публично былъ вывезенъ изъ Петербурга, черезъ Москву, къ великому ужасу тамошней знати, среди которой у него было много родственниковъ. Этотъ публичный актъ справедливости очень встревожилъ высшее чиновничество, но произвелъ весьма благопріятное впечатлѣніе на общество.

Будучи весьма строгъ относительно всего, что касалось государственной экономіи, и стремясь облегчить тягости, лежащія на народѣ, императоръ Павелъ былъ, несмотря на это, весьма щедръ при раздачѣ пенсій и наградъ за заслуги, причемъ въ этихъ случаяхъ отличался истинно царскою милостью. Во время коронаціи въ Москвѣ онъ роздалъ многія тысячи государственныхъ крестьянъ важнѣйшимъ сановникамъ государства и всѣмъ лицамъ, служившимъ ему въ Гатчинѣ, такъ что многіе изъ нихъ сдѣлались богачами. Павелъ не считалъ этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предосудительнымъ для общаго блага, ибо онъ полагалъ, что крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ тѣхъ лицъ, которыя, обыкновенно, назначаются для завѣдыванія государственными имуществами. Несомнѣнно и то, что сами крестьяне считали милостью и преимуществомъ переходъ въ частное владѣніе. Моему отцу пожаловано прекрасное имѣніе, съ пятьюстами душъ крестьянъ, въ Тамбовской губерніи, и я очень хорошо помню удовольствіе, выраженное по этому поводу депутаціей отъ крестьянъ этого имѣнія.

Прежде чѣмъ продолжать мой разсказъ, необходимо ознакомить читателя съ главнѣйшими лицами, вывезенными Павломъ изъ Гатчины, а также съ нѣкоторыми другими, которыхъ онъ собралъ вокругъ себя въ Петербургѣ и которыя играли видную роль до самой его смерти.

Раньше всѣхъ слѣдуетъ упомянуть объ Иванѣ Павловичѣ Кутайсовѣ [1]), турченкѣ, взятомъ въ плѣнъ въ Кутаисѣ и котораго Павелъ, будучи великимъ княземъ, принялъ подъ свое покровительство, велѣлъ воспитать на свой счетъ и обучить бритью. Онъ впослѣдствіи сдѣлался императорскимъ брадобреемъ и, въ качествѣ такового, ежедневно имѣлъ въ рукахъ императорскій подбородокъ и горло, что, разумѣется, давало ему положеніе довѣреннаго слуги. Это былъ чрезвычайно смышленый человѣкъ, обладавшій особенною проницательностью въ угадываніи слабостей своего господина. Надо, однако, сознаться, что онъ, по возможности, всегда старался улаживать все къ лучшему, предупреждая тѣхъ, которые являлись къ императору, о настроеніи духа своего господина. Съ теченіемъ времени онъ сдѣлался довѣреннымъ лицомъ любовницы Павла, составилъ себѣ большое состояніе и былъ сдѣланъ графомъ. Когда въ 1798 году Павелъ получилъ титулъ гросмейстера Мальтійскаго ордена, Кутайсовъ былъ возведенъ въ званіе оберъ-питалмейстера ордена. Надо сказать, что графъ всегда былъ готовъ всѣмъ помогать и никогда не дѣлалъ никому зла. Графиня, его жена, была очень веселая и остроумная женщина и также обладала значительнымъ состояніемъ. У нихъ было два сына, изъ коихъ одинъ былъ сенаторомъ [2]), а другой, отличный артиллерійскій генералъ, былъ убитъ подъ Бородинымъ [3]).

Самъ графъ Кутайсовъ былъ тоже любитель похожденій, и пока Павелъ, какъ гросмейстеръ Мальтійскаго ордена, имѣлъ свои любовныя похожденія, его оберъ-питалмейстеръ также не отставалъ отъ своего господина. Они

---

[1]) Гр. Ив. Пав. Кутайсовъ, оберъ-гофмейстеръ имп. Павла I; † 9-го января 1834.

[2]) Графъ Пав. Ив. Кутайсовъ, гофмейстеръ и сенаторъ; род. 1789 † 1840.

[3]) Графъ Ал-дръ Ив. Кутайсовъ, генералъ-майоръ; 1784 † 1812. Убитъ, въ должности начальника артиллеріи 1-й арміи, въ Бородинскомъ сраженіи.

обыкновенно отправлялись вдвоемъ на эти свиданія, якобы сохраняя incognito. Лакеи и кучеръ были одѣты въ красныя ливреи (цвѣтъ ордена), и было строго приказано полиціей не узнавать государя.

Слѣдующее за Кутайсовымъ мѣсто, по старшинству, среди гатчинцевъ занималъ адмиралъ Купелевъ [1]), человѣкъ въ высшей степени полезный, поддерживавшій расположеніе императора къ флоту.

Другой честный, услужливый, добрый и благочестивый человѣкъ былъ генералъ-майоръ Обольяниновъ [2]), сдѣланный генералъ-адъютантомъ при восшествіи на престолъ Павла. Въ теченіе своей жизни этотъ человѣкъ много сдѣлалъ для того, чтобы смягчать послѣдствія вспыльчивости и строгости Павла. Въ концѣ его царствованія онъ былъ сдѣланъ генералъ-прокуроромъ сената и въ этой должности много старался о томъ, чтобы возстановить безпристрастіе въ судахъ. Павелъ любилъ и уважалъ его до такой степени, что никогда не подозрѣвалъ людей близкихъ съ Обольяниновымъ, который и самъ ни въ комъ не подозрѣвалъ никогда ничего дурного. Это всѣмъ извѣстное обстоятельство сдѣлало впослѣдствіи его домъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ тѣхъ, которые приняли участіе въ заговорѣ противъ Павла. Странно сказать, что я, будучи въ большой милости у Обольянинова, ни разу не былъ ни на одномъ изъ его вечеровъ, хотя мой отецъ бывалъ тутъ почти каждый вечеръ, чтобы играть съ нимъ въ вистъ. Этотъ прекрасный человѣкъ пользовался такимъ всеобщимъ уваженіемъ, что когда, послѣ смерти Павла, онъ удалился въ Москву, то былъ избранъ тамъ губернскимъ предводителемъ дворянства и занималъ эту почетную должность до конца своей жизни.

---

[1]) Графъ Григ. Григ. Купелевъ, адмиралъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи. Род. 1750 † 1833.

[2]) Петръ Хрисанф. Обольяниновъ, генералъ-прокуроръ при Павлѣ I. Род. 1752 † 1811.

Императрица Марія Ѳедоровна.

Съ гравюры Клаубера 1801 года

Я уже упомянулъ о баронѣ Николаи, который до самой смерти Павла оставался его статсъ-секретаремъ, библіотекаремъ и хранителемъ его кабинета. Мой дядя Плещеевъ также остался при императорѣ, но умеръ отъ чахотки въ Монпелье. Генералъ Донауровъ [1]) также былъ незначительнымъ гатчинскимъ морякомъ, и то же самое можно сказать и о полковникѣ Кологривовѣ [2]), добродушномъ гусарѣ и порядочномъ фронтовикѣ, главнымъ образомъ, замѣчательномъ тѣмъ, что у него была очень красивая жена, не слишкомъ жестокая къ своимъ многочисленнымъ поклонникамъ. Она заставляла своего мужа держать ради этихъ господъ весьма оживленный и веселый домъ.

Полковникъ конной артиллеріи Котлубицкій [3]) былъ также гатчинецъ и часто рисковалъ своимъ положеніемъ и милостью къ себѣ Павла, спасая отъ наказаній молодыхъ офицеровъ. Я знаю это изъ личнаго опыта.

Изъ числа новыхъ дѣйствующихъ лицъ, выступившихъ на сцену, слѣдуетъ также упомянуть о двухъ великихъ князьяхъ, Александрѣ и Константинѣ. Александръ былъ назначенъ шефомъ Семеновскаго, а Константинъ Измайловскаго полка. Александръ, кромѣ того, былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Петербурга. Ему были подчинены военный комендантъ города, комендантъ крѣпости и петербургскій оберъ-полицеймейстеръ. Каждое утро, въ семь часовъ, и каждый вечеръ—въ восемь, великій князь подавалъ императору рапортъ. При этомъ необходимо было отдавать отчетъ о мельчайшихъ подробностяхъ, относящихся до гарнизона, до всѣхъ карауловъ города, до конныхъ патрулей, разъѣзжавшихъ въ немъ и его окрестностяхъ, и за малѣйшую ошибку давался строгій выговоръ.

---

[1]) Донауровъ, Мих. Ив., секретарь императора Павла. Род. 1758 † 1818.

[2]) Кологривовъ, Андрей Семеновичъ. Род. 1774 † 1825.

[3]) Котлубицкій, Николай Осиповичъ, генералъ-лейтенантъ, былъ генералъ-адъютантомъ и довѣреннымъ лицомъ императора Павла I. Скончался въ 1849 г.

Великій князь Александръ былъ еще молодъ, и характеръ его былъ робокъ; кромѣ того, онъ былъ близорукъ и немного глухъ; изъ сказаннаго можно заключить, что эта должность не была синекурою и стоила Александру многихъ безсонныхъ ночей. Оба великіе князя смертельно боялись своего отца и, когда онъ смотрѣлъ сколько-нибудь сердито, они блѣднѣли и дрожали, какъ осиновый листъ. При этомъ они всегда искали покровительства у другихъ вмѣсто того, чтобы имѣть возможность сами его оказывать, какъ это можно было ожидать, судя по высокому ихъ положенію. Вотъ почему они внушали мало уваженія и были непопулярны.

Два князя Чарторыйскіе, Адамъ и Константинъ, были назначены адъютантами къ великимъ князьямъ, первый — къ Александру, второй — къ Константину. Это возбудило много толковъ, которые кончились тѣмъ, что оба князя испросили себѣ увольненіе отъ должности.

Какъ я уже сказалъ выше, много полковниковъ, майоровъ и другихъ офицеровъ были включены въ составъ гвардейскихъ полковъ и такъ какъ всѣ они были лично извѣстны императору и имѣли связи съ придворнымъ штатомъ, то многіе изъ нихъ имѣли доступъ къ императору, и заднее крыльцо дворца было для нихъ открыто. Благодаря этому, мы, естественно, были сильно вооружены противъ этихъ господъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ мы узнали, что они занимались доносами и передавали все до малѣйшаго вырвавшагося слова.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ, именъ которыхъ не стоитъ и упоминать, особеннаго вниманія, однако, заслуживаетъ одна личность, игравшая впослѣдствіи весьма важную роль. Это былъ полковникъ гатчинской артиллеріи Аракчеевъ [1]), имя котораго, какъ страшилища Павловской и особенно

---

[1]) Аракчеевъ, графъ Алексѣй Андреевичъ. Впослѣдствіи любимецъ Александра I. Членъ госуд. совѣта и андреевскій кавалеръ. Род. 1769 † 1834.

Александровской эпохи, несомнѣнно, попадетъ въ исторію. По наружности Аракчеевъ походилъ на большую обезьяну въ мундирѣ. Онъ былъ высокаго роста, худощавъ и мускулистъ, съ виду сутуловатъ, съ длинной тонкой шеей, на которой можно было бы изучать анатомію жилъ и мускуловъ и тому подобное. Въ довершеніе того, онъ какъ-то особенно сморщивалъ подбородокъ, двигая имъ какъ бы въ судорогахъ. Уши у него были большія, мясистыя; толстая безобразная голова, всегда нѣсколько склоненная на бокъ. Цвѣтъ лица былъ у него земляной, щеки впалыя, носъ широкій и угловатый, ноздри вздутыя, большой ротъ и нависшій лобъ. Чтобы закончить его портретъ, скажу, что глаза были у него впалые, сѣрые и вся физіономія его представляла страшную смѣсь ума и злости. Будучи сыномъ мелкопомѣстнаго дворянина, онъ поступилъ кадетомъ въ артиллерійское училище, гдѣ онъ до того отличался способностями и прилежаніемъ, что вскорѣ былъ произведенъ въ офицеры и назначенъ преподавателемъ геометріи. Но въ этой должности онъ проявилъ себя такимъ тираномъ и такъ жестоко обращался съ кадетами, что его перевели въ артиллерійскій полкъ, часть котораго, вмѣстѣ съ Аракчеевымъ, попала въ Гатчину.

Въ Гатчинѣ Аракчеевъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе Павла и, благодаря своему уму, строгости и неутомимой дѣятельности, сдѣлался самымъ необходимымъ человѣкомъ въ гарнизонѣ, страшилищемъ всѣхъ живущихъ въ Гатчинѣ и пріобрѣлъ неограниченное довѣріе великаго князя. Надо сказать правду, что онъ былъ искренно преданъ Павлу, чрезвычайно усердѣнъ къ службѣ и заботился о личной безопасности императора. У него былъ большой организаторскій талантъ, и во всякое дѣло онъ вносилъ строгій методъ и порядокъ, которые онъ старался поддерживать строгостью, доходившею до тиранства. Таковъ былъ Аракчеевъ. При вступленіи на престолъ императора Павла онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры,

сдѣланъ шефомъ Преображенскаго полка и назначенъ петербургскимъ комендантомъ. Такъ какъ онъ прежде служилъ въ артиллеріи, то онъ сохранилъ большое вліяніе на этотъ родъ оружія и, наконецъ, былъ назначенъ начальникомъ всей артиллеріи, въ каковой должности оказалъ большія услуги государству.

Характеръ его былъ настолько вспыльчивъ и деспотиченъ, что молодая особа, на которой онъ женился, находя невозможнымъ жить съ такимъ человѣкомъ, оставила его домъ и вернулась къ своей матери. Замѣчательно, что люди жестокіе и мстительные обыкновенно трусы и боятся смерти. Аракчеевъ не былъ исключеніемъ изъ этого числа: онъ окружилъ себя стражею, рѣдко спалъ двѣ ночи кряду на одной и той же кровати, обѣдъ его готовился въ особой кухнѣ довѣренною кухаркою (она же была его любовницею), и когда онъ обѣдалъ дома, его докторъ долженъ былъ пробовать всякое кушанье и то же дѣлалось за завтракомъ и ужиномъ.

Этотъ жестокій и суровый человѣкъ былъ совершенно неспособенъ на нѣжную страсть, но въ то же время велъ жизнь крайне развратную. Тѣмъ не менѣе, у Аракчеева было два большихъ достоинства. Онъ былъ, дѣйствительно, безпристрастенъ въ исполненіи суда и крайне бережливъ на казенныя деньги. Въ царствованіе Павла Аракчеевъ былъ, несомнѣнно, изъ тѣхъ людей, которые возбудили неудовольствіе общественнаго мнѣнія противъ правительства; но императоръ Павелъ, по природѣ человѣкъ великодушный, проницательный и умный, сдерживалъ строгости Аракчеева и, наконецъ, удалилъ его. Но когда, послѣ смерти Павла, императоръ Александръ снова призвалъ его на службу и далъ его вліянію распространиться на всѣ отрасли управленія, причемъ онъ на дѣлѣ сдѣлался первымъ министромъ, тогда Аракчевъ по истинѣ сталъ бичомъ всего государства и довелъ Александра до того шаткаго положенія, въ которомъ онъ находился въ минуту своей смерти въ Таганрогѣ и которое разрѣшилось бун-

томъ, вспыхнувшимъ при вступленіи на престолъ императора Николая, первою мѣрою котораго для успокоенія умовъ было увольненіе и удаленіе графа Аракчеева.

Изъ остальныхъ правительственныхъ лицъ этого царствованія я упомяну еще о графѣ Ростопчинѣ[1]), бывшемъ въ 1812 году московскимъ генералъ-губернаторомъ, человѣкѣ весьма даровитомъ и энергичномъ, но при этомъ насмѣшливомъ и ѣдкомъ. Онъ былъ генералъ-адъютантомъ и, на короткое время, министромъ иностранныхъ дѣлъ. Ту же должность нѣкоторое время занималъ и графъ Паленъ, человѣкъ также чрезвычайно талантливый и благородный, но холодный и крайне гордый. Адмиралъ Рибасъ[2]), родомъ мальтіецъ, отличался въ турецкихъ войнахъ при Екатеринѣ вмѣстѣ съ Паленомъ и адмираломъ Литтою. Это былъ человѣкъ чрезвычайно хитрый, предпріимчивый и ловкій. Закончу этотъ списокъ генераломъ Нелидовымъ[3]), родственникомъ вышеназванной Екатерины Ивановны Нелидовой, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ на императора и который вмѣстѣ съ своею родственницей прилагалъ всѣ свои старанія, дабы смягчать невзгоды этого времени, обращать царскую милость на людей достойныхъ и облегчать участь тѣхъ, которые подверглись опалѣ.

А теперь перехожу къ женскому персоналу двора императора Павла.

Я уже упоминалъ о томъ положеніи, которое занимала при дворѣ баронесса, впослѣдствіи графиня и позже княгиня Ливенъ[4]). Она была воспитательницей великихъ кня-

---

[1]) Ростопчинъ, графъ, Ѳед. Васильевичъ. Род. 1763 † 1826.

[2]) Рибасъ, Осипъ Михайловичъ. Род. 1750 † 1800. Вице-адмиралъ. Былъ генералъ-кригсъ-комиссаромъ, кав. Александра Невскаго и Георгія.

[3]) Нелидовъ, Аркадій Ивановичъ. Генералъ-адъютантъ Павла I. Родной братъ фрейлины Екатерины Ивановны Нелидовой. Род. 1768 † 1828.

[4]) Ливенъ, княгиня Шарлотта Карловна, рожд. баронесса фонъ-Поссе, 1743 † 1828. Она была избрана императрицей Екатериной II для воспитанія дѣтей великаго князя Павла Петровича. Отличаясь умомъ,

женъ, другомъ и довѣреннымъ лицомъ императрицы и обладала рѣдкими душевными качествами и выдающимся умомъ. Ея красота, твердость и благородство заставили самого императора уважать ея мнѣніе. По ея рекомендаціи двѣ ея пріятельницы, графиня Паленъ [1]) и г-жа фонъ Ренке, получили должность статсъ-дамъ при великихъ княгиняхъ Елизаветѣ Алексѣевнѣ (супругѣ Александра) и Аннѣ Ѳеодоровнѣ (супругѣ Константина). Здѣсь кстати замѣчу, что мужъ первой изъ этихъ дамъ, графъ Паленъ, былъ вызванъ въ Петербургъ, назначенъ командиромъ конной гвардіи и инспекторомъ тяжелой кавалеріи. Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ военнымъ губернаторомъ Петербурга, управляющимъ иностранными дѣлами и почтовымъ вѣдомствомъ, вслѣдствіе чего въ его рукахъ находились ключи отъ всѣхъ государственныхъ тайнъ, такъ что въ столицѣ никто не могъ предпринять чего-либо безъ его вѣдома.

Такъ какъ читатель уже ознакомленъ съ необыкновеннымъ характеромъ этой эпохи, а также съ большинствомъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей тогдашняго времени, то я вернусь теперь къ моему повѣствованію и буду излагать въ хронологическомъ порядкѣ событія кратковременнаго царствованія императора Павла.

II.

Въ своемъ разсказѣ я изобразилъ императора Павла человѣкомъ глубоко религіознымъ, исполненнымъ истиннаго благочестія и страха Божія. И, дѣйствительно, это

сердечной добротой и благороднымъ, твердымъ характеромъ, Ливенъ скоро пріобрѣла любовь и довѣріе всей царственной семьи. Екатерина пожаловала ее статсъ-дамой, императоръ Павелъ орденомъ св. Екатерины перваго класса, 1,500 душъ крестьянъ и графскимъ достоинствомъ; при императорѣ Александрѣ I она награждена портретомъ государя для ношенія на шеѣ, а при императорѣ Николаѣ I возведена въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости. По ея кончинѣ при дворѣ былъ наложенъ трауръ ва три дня.

[1]) Графиня Юліана Паленъ, рожденная баронесса Шёппингъ, супруга графа Петра Алексѣевича фонъ-деръ-Палена.

былъ человѣкъ въ душѣ вполнѣ доброжелательный, великодушный, готовый прощать обиды и повиниться въ своихъ ошибкахъ. Онъ высоко цѣнилъ правду, ненавидѣлъ ложь и обманъ, заботился о правосудіи и безпощадно преслѣдовалъ всякія злоупотребленія, въ особенности же лихоимство и взяточничество. Къ несчастію, всѣ эти похвальныя и добрыя качества оставались совершенно безполезными, какъ для него лично, такъ и для государства, благодаря его несдержанности, чрезвычайной раздражительности, неразумной и нетерпѣливой требовательности безпрекословнаго повиновенія. Малѣйшее колебаніе при исполненіи его приказаній, малѣйшая неисправность по службѣ влекли за собою жестокій выговоръ и даже наказаніе безъ всякаго различія лицъ. На Павла нелегко было имѣть вліяніе, такъ какъ, почитая себя всегда правымъ, онъ съ особеннымъ упорствомъ держался своего мнѣнія и ни за что не хотѣлъ отъ него отказаться. Онъ былъ чрезвычайно раздражителенъ и отъ малѣйшаго противорѣчія приходилъ въ такой гнѣвъ, что казался совершенно изступленнымъ. А между тѣмъ онъ самъ вполнѣ сознавалъ это и впослѣдствіи глубоко этимъ огорчался, сожалѣя о своей вспыльчивости, но, несмотря на это, онъ все-таки не имѣлъ достаточной силы воли, чтобы побѣдить себя.

Стремительный характеръ Павла и его чрезмѣрная придирчивость и строгость къ военнымъ дѣлали эту службу весьма непріятною. Нерѣдко за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ офицеры прямо съ парада отсылались въ другіе полки и на весьма большія разстоянія. Это случалось насколько часто, что у насъ вошло въ обычай, будучи въ караулѣ, класть за пазуху нѣсколько сотъ рублей ассигнаціями, дабы не остаться безъ денегъ въ случаѣ внезапной ссылки. Мнѣ лично пришлось три раза давать взаймы деньги своимъ товарищамъ, которые забыли принять эту предосторожность. Подобное обращеніе, естественно, держало офицеровъ въ постоянномъ страхѣ и безпокойствѣ, благодаря чему многіе совсѣмъ оставляли службу

и удалялись въ свои помѣстья, другіе же переходили въ гражданскую службу, Благодаря этому, какъ я ужъ говорилъ, производство шло у насъ чрезвычайно быстро, особенно для тѣхъ, которые имѣли крѣпкіе нервы. Я, напримѣръ, подвигался очень скоро, такъ что изъ подпоручиковъ конной гвардіи, какимъ я былъ въ 1796 году, во время восшествія на престолъ императора Павла, я въ іюнѣ 1799 года уже былъ полковникомъ, миновавъ всѣ промежуточныя ступени. Изъ числа ста тридцати двухъ офицеровъ, бывшихъ въ Конномъ полку въ 1796 году, всего двое (я и еще одинъ) остались въ немъ до кончины Павла Петровича. То же самое, если еще не хуже, было и въ другихъ полкахъ, гдѣ тиранія Аракчеева и другихъ гатчинцевъ менѣе сдерживалась, чѣмъ у насъ. Легко себѣ представить положеніе тѣхъ семействъ, сыновья которыхъ были офицерами въ эту эпоху: они, естественно, находились въ постоянномъ страхѣ и тревогѣ, опасаясь за своихъ близкихъ, такъ что можно, безъ преувеличенія, сказать, что въ царствованіе Павла I Петербургъ, Москва и даже вся Россія были погружены въ постоянное горе.

Несмотря на то, что аристократія тщательно скрывала свое недовольство, чувство это, однако, прорывалось иногда наружу, и во время коронаціи, въ Москвѣ, императоръ не могъ этого не замѣтить. Зато низшіе классы, «милліоны», съ такимъ восторгомъ привѣтствовали государя, что Павелъ сталъ объяснять себѣ холодность и видимую недоброжелательность со стороны дворянства — нравственной испорченностью и «якобинскими» наклонностями этого сословія. Что касается нравственной испорченности, то въ этомъ случаѣ онъ былъ отчасти правъ, такъ какъ нерѣдко многіе изъ наиболѣе недовольныхъ, когда онъ обращался къ нимъ лично, отвѣчали ему льстивыми словами и съ улыбкою на устахъ. Императоръ, благодаря честности и откровенности своего нрава, никогда не подозрѣвалъ въ этомъ двоедушія, тѣмъ болѣе, что онъ самъ часто говорилъ, что, «будучи всегда готовъ и радъ доставить закон-

ный судъ и полное удовлетвореніе всякому, кто считалъ бы себя обойденнымъ или обиженнымъ, онъ не боится быть несправедливымъ».

Какъ примѣръ странности характера Павла и его способа дѣйствій, приведу слѣдующій, мнѣ хорошо извѣстный случай, бывшій съ моимъ отцомъ. .

Выше я уже говорилъ, что въ Екатерининское время русская армія имѣла мундиры свѣтло-зеленаго сукна, а флотъ—бѣлаго, и что императоръ Павелъ оба эти цвѣта замѣнилъ темно-зеленымъ, синеватаго оттѣнка, желая сдѣлать его болѣе похожимъ на синій цвѣтъ прусскихъ мундировъ. Краска эта приготовлялась изъ особыхъ минеральныхъ веществъ, которыя осѣдали на дно котловъ, вслѣдствіе чего было очень трудно сразу приготовить большое количество этого сукна одинаковаго оттѣнка. Между тѣмъ въ извѣстный день войска должны были явиться въ Гатчину на маневры и оказалось необходимымъ пріобрѣсти значительное количество этого сукна въ кускахъ. При этомъ произошла такая спѣшка, что комиссаріатскій департаментъ не имѣлъ времени подобрать для каждой бригады и дивизіи сукно одного только оттѣнка, вслѣдствіе чего во многихъ полкахъ оказалось нѣкоторое различіе въ цвѣтѣ мундировъ.

Императоръ немедленно замѣтилъ этотъ недостатокъ, чрезвычайно разгнѣвался и тутъ же, приложивъ къ одному изъ образцовъ сукна собственноручную печать, велѣлъ послать мануфактуръ-коллегіи рескриптъ, въ которомъ повелѣвалось, чтобы впредь всѣ казенныя фабрики изготовляли сукно точно такого цвѣта, какъ этотъ образчикъ. Мой отецъ былъ въ это время вице-президентомъ мануфактуръ-коллегіи и въ дѣйствительности заправлялъ всѣми дѣлами этого вѣдомства, такъ какъ президентъ ея, князь Юсуповъ [1]), никогда ничего не дѣлалъ. Зная моего отца,

---

[1]) Юсуповъ, кн. Николай Борисовичъ. Впослѣдствіи членъ госуд. совѣта. Род. 1751 † 1831.

императоръ приказалъ президенту военной коллегіи, генералъ-лейтенанту Ламбу [1]), поручить это дѣло особому его вниманію. Въ виду этого отецъ мой немедленно же написалъ всѣмъ казеннымъ фабрикамъ циркуляръ, въ которомъ сообщалъ волю государя и требовалъ немедленнаго отвѣта.

Отвѣты были получены почти одновременно и всѣ единогласно подтверждали, что, благодаря свойству самой краски, крашеное сукно, въ кускахъ, невозможно изготовить совершенно однороднаго цвѣта. Объ этомъ отецъ мой, съ своей стороны, увѣдомилъ генералъ-лейтенанта Ламба.

Надо сказать, что въ это время въ Петербургѣ свирѣпствовалъ родъ гриппа, который зачастую принималъ опасную форму, и отецъ мой какъ разъ захворалъ этой болѣзнью, и притомъ въ такой степени, что у него появился сильный жаръ и расположеніе къ бреду. Естественно, что ему былъ предписанъ безусловный покой.

Между тѣмъ генералъ Ламбъ отправился съ обычнымъ рапортомъ въ Гатчину, гдѣ въ то время жилъ государь, и, по пріѣздѣ своемъ, засталъ его величество верхомъ на конѣ, ѣдущимъ на смотръ. На вопросъ императора, нѣтъ ли чего-нибудь новаго или важнаго, Ламбъ отвѣчалъ: «Ничего особеннаго, государь, кромѣ письма вице-президента мануфактуръ-коллегіи Саблукова съ отвѣтомъ отъ фабрикантовъ, которые сообщаютъ единогласно, что окрашивать сукно, въ кускахъ, въ совершенно однородный цвѣтъ рѣшительно невозможно».

— Какъ невозможно?—вскричалъ императоръ. Затѣмъ, произнеся скороговоркою — Очень хорошо! — не сказалъ больше ни слова, сошелъ съ лошади, пошелъ во дворецъ и тотчасъ же отправилъ нарочнаго фельдъегеря къ военному губернатору Петербурга, графу Палену, съ слѣдующимъ приказаніемъ:

---

[1]) Ламбъ, Иванъ Варооломеевичъ. Впослѣдствіи генералъ-аншефъ. Правитель Костромского намѣстничества; † въ 1801 г.

«Выслать изъ города тайнаго совѣтника Саблукова, уволеннаго отъ службы, и немедленно отправить назадъ посланнаго съ донесеніемъ объ исполненіи этого приказанія».

(подписано) «Павелъ» [1]).

Я сидѣлъ надъ моимъ бѣднымъ отцомъ въ комнатѣ, сосѣдней съ его кабинетомъ, когда петербургскій оберъ-полицеймейстеръ, генералъ-майоръ Лисаневичъ, близкій другъ нашей семьи, вошелъ въ комнату и быстро спросилъ меня:

— Что дѣлаетъ вашъ батюшка?

— Лежитъ въ сосѣдней комнатѣ, — отвѣчалъ я: — и боюсь, не на смертномъ ли одрѣ.

— Неужели!—воскликнулъ Лисаневичъ:—тѣмъ не менѣе, я необходимо долженъ его видѣть, ибо имѣю сообщить ему немедленно приказаніе отъ императора.

Съ этими словами онъ вошелъ въ спальню, и я машинально послѣдовалъ за нимъ.

Лицо несчастнаго моего отца было совершенно багровое, и онъ едва сознавалъ, что происходитъ вокругъ него. Лисаневичъ два раза окликнулъ его.

— Александръ Александровичъ!

Отецъ, очнувшись немного, сказалъ:

— Кто вы такой? Что вамъ нужно?

— Я — Лисаневичъ, оберъ-полицеймейстеръ Узнаете вы меня?

Отецъ мой отвѣчалъ:

---

[1]) Саблуковъ, очевидно, приводитъ на память слова императора Павла. Вотъ подлинный текстъ этого высочайшаго повелѣнія «Господинъ Генералъ-отъ-Кавалеріи, графъ фонъ-деръ Паленъ! Отставленнаго отъ службы и отъ всѣхъ должностей бывшаго Мануфактуръ-Коллегіи Президента Саблукова повелѣваю Вамъ выслать изъ Санктпетербурга. Пребываю къ Вамъ благосклоннымъ. Павелъ. Гатчина Декабря 8 день 1799». (См. «Русская Старина», 1872 г. Т V, стр 255. Февраль).

— Ахъ, Василій Ивановичъ, это вы! Я очень боленъ: что вамъ нужно?

— Вотъ вамъ приказъ отъ императора.

Отецъ мой развернулъ бумагу, а я въ это время помѣстился такъ, чтобы имѣть возможность прочесть бумагу и въ то же время слѣдить за ея дѣйствіемъ на лицѣ моего отца. Онъ прочелъ бумагу, протеръ глаза и воскликнулъ:

— Господи! да что же я сдѣлалъ?

— Я ничего не знаю,—возразилъ Лисаневичъ,—кромѣ того, что я долженъ выслать васъ изъ Петербурга.

— Но вы видите, любезный другъ, въ какомъ я положеніи.

— Этому горю я помочь не могу: я долженъ повиноваться. Я оставлю у васъ въ домѣ полицейскаго, чтобы засвидѣтельствовать вашъ отъѣздъ, а самъ немедленно отправлюсь къ графу Палену, чтобы донести ему о вашемъ положеніи; вамъ же совѣтую отправить къ нему вашего сына.

Я возблагодарилъ Бога, замѣтивъ, что несчастный отецъ мой изъ багроваго цвѣта постепенно перешелъ въ блѣдный, ибо я, признаюсь, опасался, что съ нимъ можетъ приключиться апоплектическій ударъ. Моя дорогая матушка, которая въ такія тяжелыя минуты была исполнена энергіи и присутствія духа, зная, что императоръ сначала всегда бываетъ неумолимъ, немедленно послала на нашу дачу, находившуюся въ двухъ миляхъ отъ города, приказаніе, чтобы въ комнатѣ садовника, которая отапливалась печью, была приготовлена постель. Хотя это было зимою, но не было особеннаго мороза, и поэтому матушка немедленно велѣла приготовить карету и послать за докторомъ.

Я поѣхалъ тѣмъ временемъ къ графу Палену, который былъ очень привязанъ къ моему отцу и во многихъ случаяхъ бывалъ очень добръ и ко мнѣ лично.

— Вотъ такъ исторія!—встрѣтилъ онъ меня.—Хотите стаканъ лафита?.. (Это была извѣстная привычка у На-

лена предлагать стаканъ лафита всякому, кто попадалъ въ бѣду).

— Никакого мнѣ лафита не нужно,—съ нетерпѣніемъ перебилъ я его.—Мнѣ нужно только, чтобы вы оставили моего отца на мѣстѣ!

— Это невозможно. Dites à votre père,—продолжалъ онъ по-французски,—qu'il sait combien je l'aime et que je n'y puis rien, que si l'un de nous deux doit aller au diable, c'est lui qui doit y aller. Qu'il sorte de la ville coûte que coûte; après cela nous verrons ce qu'on peut faire pour lui... Mais pourquoi diable est-il renvoyé?

— Ni moi, ni mon père n'en savons rien [1]),—возразилъ я, пожавъ ему руку, и уѣхалъ.

Вернувшись домой, я нашелъ уже все приготовленнымъ для отъѣзда моего отца Добрая матушка была неутомима: она крѣпко закутала его въ мѣховую одежду, велѣла постлать постель въ каретѣ, въ которую его внесли, сама сѣла съ нимъ, а докторъ слѣдовалъ рядомъ въ другомъ экипажѣ. Черезъ три часа послѣ распоряженія Павла отецъ мой уже проѣхалъ городскую заставу. Полицейскій чиновникъ, все время находившійся въ нашемъ домѣ, тотчасъ донесъ объ этомъ Палену, какъ военному губернатору, а послѣдній отослалъ обратно государева фельдъегеря съ рапортомъ, что приказаніе его величества исполнено въ точности.

Вечеромъ того же дня я поѣхалъ провѣдать отца. Матушка и докторъ находились при немъ, и врачъ сообщилъ мнѣ утѣшительное извѣстіе, что никакихъ серьезныхъ послѣдствій опасаться не надо. Но, увы, съ нимъ все-таки

---

[1]) — Скажите вашему отцу, что онъ знаетъ, какъ я люблю его, но сдѣлать я ничего не могу. Если одному изъ насъ и суждено убраться къ чорту, то пока его чередъ. Пусть онъ во что бы то ни стало выѣдетъ изъ города, а затѣмъ мы посмотримъ, что можно будетъ сдѣлать.. Но за что, собственно, его выслали?

— Ни я, ни отецъ мой объ этомъ понятія не имѣемъ.

сдѣлался легкій параличъ, отъ котораго онъ никогда уже не оправился.

Спустя два дня послѣ этого происшествія, получено было извѣщеніе, что государь вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ на слѣдующій день прибудетъ въ Петербургъ. По обыкновенію, былъ назначенъ вахтъ-парадъ, и очередь идти въ караулъ какъ разъ была моя. Изъ ста шести человѣкъ, составлявшихъ мой эскадронъ, девяносто шесть должны были явиться на парадъ верхами, что составляло весьма значительное число. Надо замѣтить, что если лицо, носившее извѣстное имя, подвергалось какому-либо взысканію со стороны императора, то обыкновенно эту немилость раздѣляли и другіе члены этой семьи, находившіеся на службѣ. Вотъ почему мое появленіе на парадѣ, почти немедленно послѣ отставки и изгнанія изъ столицы моего отца, было для меня дѣломъ довольно щекотливымъ. Но дѣлать было нечего и мнѣ все-таки надо было явиться во-время со всѣмъ моимъ эскадрономъ. Правда, я зналъ, что онъ хорошо обученъ, но всегда могли произойти ошибки и послѣдствія ихъ могли оказаться для меня весьма важными; и не только для меня, но и для моего эскадрона и даже для всего полка: такъ бывало не разъ при подобныхъ обстоятельствахъ.

Тогдашній нашъ полковой командиръ, князь Голицынъ [1]), велѣлъ еще наканунѣ вывести мой эскадронъ, чтобы сдѣлать репетицію парада, но офицеры и солдаты были такъ взволнованы, что все шло плохо и генералъ нашъ былъ въ отчаяніи. Я попросилъ его, однакоже, успокоиться и не дѣлать выговоровъ, обѣщая ему, что все пойдетъ хорошо. Я самъ похвалилъ солдатъ, приказалъ имъ отправиться въ баню, затѣмъ плотно поужинать и спокойно лечь спать. Что касается до офицеровъ, которые подвергались наибольшей опасности, то я попросилъ

---

[1]) Генералъ-майоръ и генералъ-адъютантъ, кн. Борисъ Андреевичъ Голицынъ. Командовалъ конной гвардіей съ 18 марта 1798 до 5 янв. 1800 г.

ихъ не думать ни о чемъ и только внимательнѣе прислушиваться къ командѣ. Въ казармахъ я отдалъ строгое приказаніе, чтобы солдатъ не будили, пока я не пріѣду самъ. Въ описываемое время всѣ солдаты также носили пукли и толстыя косички со множествомъ пудры и помады, вслѣдствіе чего прическа нижнихъ чиновъ занимала очень долгое время; въ то время у насъ полагалось всего два парикмахера на эскадронъ, такъ что солдаты, когда они готовились къ параду, принуждены были не спать всю ночь изъ-за своей завивки. Но этого я никакъ не могъ допустить въ моемъ опасномъ положеніи, въ которомъ все зависѣло отъ состоянія нервовъ моихъ солдатъ. Поэтому я велѣлъ собрать всѣхъ парикмахеровъ со всего полка, приказавъ имъ какъ можно скорѣе причесать мой эскадронъ, благодаря чему солдаты могли освободиться раньше и выспаться какъ слѣдуетъ.

Въ пять часовъ утра я велѣлъ ихъ разбудить, а къ 9-ти часамъ люди и лошади были готовы, выстроены передъ казармами и смотрѣли весело и бодро. Я сѣлъ на своего красиваго гнѣдого мерина «Le Chevalier d'Eon», поздоровался съ людьми, далъ имъ пароль, и мы отправились ко дворцу.

Императоръ вначалѣ смотрѣлъ мрачно и имѣлъ видъ недовольный, но я съ удвоенною энергіей далъ пароль, офицеры же и солдаты исполнили свое дѣло превосходно. Его величество, вѣроятно, къ собственному своему удивленію, остался настолько доволенъ, что два раза подъѣзжалъ хвалить меня. Словомъ, все попло хорошо и для меня, и для моего эскадрона, и для моего отца, да и вообще для всѣхъ, кому въ этотъ день пришлось говорить съ его величествомъ, ибо подобнаго рода гроза падала на всѣхъ, кто къ нему приближался, безъ различія возраста и пола, не исключая даже и собственнаго его семейства.

Теперь я снова попропу читателя послѣдовать за мною въ Гатчину и вернуться къ тому времени, когда импера-

торъ подписалъ приказъ объ увольненіи отъ службы и удаленіи изъ столицы моего отца. Тѣмъ же почеркомъ пера Павелъ тутъ же назначилъ на мѣсто моего отца сенатора Аршеневскаго [1]) и особымъ рескриптомъ предписалъ ему немедленно исполнить его приказаніе относительно цвѣта сукна. Аршеневскій былъ очень хорошій и разсудительный человѣкъ, и всѣ знали, что онъ былъ близкимъ другомъ и почитателемъ моего отца. Обстоятельство это было извѣстно и императору, ибо въ сенатѣ они неоднократно держались одного мнѣнія, и Павелъ часто съ ними соглашался. Въ назначеніи Аршеневскаго, такимъ образомъ, нельзя было усматривать гнѣва противъ моего отца.

Не теряя ни минуты времени, новый вице-президентъ Аршеневскій занялъ свое мѣсто въ мануфактуръ-коллегіи. Предсѣдатель, князь Юсуповъ, не могъ объяснить того, что случилось, а также не могъ посовѣтовать, что предпринять дальше. Тогда Аршеневскій самъ разсмотрѣлъ дѣло, затѣмъ лично поѣхалъ посовѣтоваться съ моимъ отцомъ и, убѣдившись наконецъ, что, кромѣ того, что уже сдѣлалъ мой отецъ, дѣлать больше нечего, онъ, для того, чтобы не подвергаться дальнѣйшей отвѣтственности, подалъ императору прошеніе объ увольненіи, приложивъ къ нему письмо на имя его величества, объясняющее его поводы къ этому поступку. Въ то же время генералъ-прокуроръ сената, Беклешовъ [2]), который на дѣлѣ былъ министромъ юстиціи, посовѣтовалъ моему отцу написать къ императору краткое письмо, въ которомъ онъ выражалъ

---

[1]) Вѣроятно, Петръ Яковлевичъ Аршеневскій, сенаторъ съ 1788 г., бывшій московскій губернаторъ; род. 1750 † 1812. Братъ его Илья Яковлевичъ, также сенаторъ, но съ 1800 года былъ президентомъ мануф.-коллегіи Но, повидимому, рѣчь идетъ о Петрѣ Яковлевичѣ, такъ такъ эпизодъ съ А. А. Саблуковымъ произошелъ въ 1799 году, когда Илья Яковлевичъ не былъ сенаторомъ.

[2]) Беклешовъ, Александръ Андреевичъ. Род. 1745 † 1808. Впослѣдствіи курскій и орловскій генералъ-губернаторъ.

свое горе по поводу того, что навлекъ на себя его гнѣвъ. Это письмо, вмѣстѣ съ прошеніемъ Аршеневскаго, Беклешовъ съ намѣреніемъ вручилъ государю немедленно по возвращеніи его съ парада, на которомъ я удостоился такой похвалы.

Императоръ, который самъ только что выздоровѣлъ отъ гриппа и еще не совсѣмъ чувствовалъ себя хорошо, услышавъ, какъ жестоко былъ исполненъ его приговоръ надъ моимъ отцомъ, чрезвычайно взволновался. Онъ немедленно потребовалъ къ себѣ генералъ-прокурора и со слезами на глазахъ попросилъ его тотчасъ съѣздить къ моему отцу, извиниться за него въ его жестокой несправедливости и просить его прощенія. Послѣ этой милостивой вѣсти онъ ежедневно по два раза посылалъ узнавать о здоровьѣ моего отца, и когда тотъ, наконецъ, былъ въ силахъ выѣзжать и явиться къ государю, то между монархомъ и его подданнымъ произошла весьма трогательная сцена примиренія въ присутствіи Беклешова, причемъ моему отцу, разумѣется, была возвращена его прежняя должность.

Тѣмъ не менѣе, случай этотъ очень повредилъ императору въ общественномъ мнѣніи, такъ какъ мои родители оба были весьма любимы и уважаемы. И, дѣйствительно, трудно было найти въ Петербургѣ людей, которые бы пользовались бо̀льшимъ расположеніемъ и вниманіемъ, которыхъ они вполнѣ заслуживали, благодаря своей добротѣ и отзывчивости ко всѣмъ нуждающимся и несчастнымъ. Въ теченіе немногихъ дней опалы моего отца и вскорѣ послѣ его возвращенія о немъ безпрестанно навѣдывались и съ участіемъ разспрашивали объ его здоровьѣ. Оказанная ему несправедливость вызвала сильное негодованіе, которое высказывалось открыто и рѣзко, какъ въ частныхъ разговорахъ, такъ и въ письмахъ, которыя получались изъ Москвы и изъ провинціи. Можетъ показаться невѣроятнымъ, что въ странѣ самодержавной и при государѣ, гнѣвъ котораго былъ неукротимъ, могли такъ сво-

бодно порицать его дѣйствія. Но старинный русскій духъ былъ еще живъ, и его не могли подавить ни строгость, ни полицейскія мѣры.

Зная вспыльчивый, но склонный къ великодушнымъ порывамъ характеръ императора Павла, видя зачастую его искреннее желаніе быть справедливымъ, графъ Паленъ, несомнѣнно, могъ бы воспользоваться тяжкою болѣзнью моего отца и рапортомъ полицеймейстера, чтобы дать государю время одуматься и хладнокровно обсудить неосновательность своего гнѣва. Но въ планы графа Палена и тѣхъ, кто дѣйствовали съ нимъ заодно, повидимому, не входило вызывать этого монарха къ раскаянію: его судьба была предрѣшена, и онъ долженъ былъ погибнуть. Когда Палену приходилось иногда слышать не совсѣмъ умѣренную критику дѣйствій императора, онъ, обыкновенно, останавливалъ говорившихъ словами: «Messieurs! Jean L.. qui parle, brave homme qui agit!»

Теперь вернемся снова въ Гатчину, это ужасное мѣсто, откуда послѣдовалъ указъ объ увольненіи моего отца и которое было колыбелью пресловутой павловской арміи съ ея организаціей, выправкой и дисциплиной. Гатчина была любимымъ мѣстопребываніемъ Павла въ осеннее время и здѣсь происходили ежегодные маневры войскъ. Какъ сѣверная деревенская резиденція, Гатчина великолѣпна: дворецъ или, вѣрнѣе, замокъ представляетъ обширное зданіе, выстроенное изъ тесаннаго камня, прекрасной архитектуры. При дворцѣ обширный паркъ, въ которомъ множество великолѣпныхъ старыхъ дубовъ и другихъ деревьевъ. Прозрачный ручей вьется вдоль парка и по садамъ, образуя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ обширные пруды, которые почти можно назвать озерами Вода въ нихъ до того чиста и прозрачна, что на глубинѣ 12—15-ти футовъ можно считать камешки, и въ ней плаваютъ большія форели и стерляди.

Павелъ былъ весьма склоненъ къ романтизму и любилъ все, что имѣло рыцарскій характеръ. При этомъ онъ

имѣлъ расположеніе къ великолѣпію и роскоши, которыми онъ восторіался во время пребыванія въ Парижѣ и другихъ городахъ Западной Европы

Какъ я уже говорилъ, въ Гатчинѣ происходили большіе маневры, во время которыхъ давались и празднества. Балы, концерты, театральныя представленія безпрерывно слѣдовали одни за другими, и можно было думать, что всѣ увеселенія Версаля и Трianона по волшебству перенесены были въ Гатчину. Къ сожалѣнію, эти празднества нерѣдко омрачались разными строгостями, какъ, напримѣръ, арестомъ офицеровъ или ссылкою ихъ въ отдаленные гарнизоны безъ всякаго предупрежденія. Случались и несчастія, какія бываютъ нерѣдко во время большихъ кавалерійскихъ маневровъ, что приводило императора въ сильное раздраженіе Впрочемъ, несмотря на сильный гнѣвъ, вызываемый подобными случаями, онъ выказывалъ большое человѣколюбіе и участіе, когда кто-нибудь былъ серьезно раненъ.

Какъ-то разъ, въ то время, когда я находился во внутреннемъ карауле, во дворцѣ произошла забавная сцена. Выше я упоминалъ, что офицерская караульная комната находилась близъ самаго кабинета государя, откуда я часто слышалъ его молитвы. Около офицерской комнаты была обширная прихожая, въ которой находился карауль, а изъ нея шелъ длинный узкій коридоръ, ведшій во внутреннія аппартаменты дворца. Здѣсь стоялъ часовой, который немедленно вызывалъ карауль, когда императоръ показывался въ коридорѣ. Услышавъ внезапно окрикъ часового «карауль вонъ!», я поспѣшно выбѣжалъ изъ офицерской комнаты Солдаты едва успѣли схватить свои карабины и выстроиться, а я обнажить свою шпагу, какъ дверь коридора открылась настежь и императоръ, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ, при шляпѣ и шпагѣ, поспѣшно вопелъ въ комнату, и въ ту же минуту дамскій башмачокъ съ очень высокимъ каблукомъ полетѣлъ черезъ голову его величества, чуть-чуть ея не задѣвши.

Императоръ черезъ офицерскую комнату прошелъ въ свой кабинетъ, а изъ коридора выпла Екатерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмакъ и вернулась туда же, откуда пришла.

На другой день, когда я смѣнялся съ караула, его величество подошелъ ко мнѣ и шепнулъ: «Mon cher, nous avons eu du grabuge hier».—«Oui, Sire»,—отвѣчалъ я. Меня очень позабавилъ этотъ случай и я никому не говорилъ о немъ, ожидая, что за этимъ послѣдуетъ что-нибудь столь же забавное. Ожиданія мои не обманулись: въ тотъ же день вечеромъ, на балу, императоръ подошелъ ко мнѣ, какъ къ близкому пріятелю и повѣренному, и сказалъ: «Mon cher, faites danser quelque chose de joli». Я сразу смекнулъ, что государю угодно, чтобы я протанцовалъ съ Екатериной Ивановной Нелидовой. Что можно было протанцовать красиваго, кромѣ менуэта или гавота сороковыхъ годовъ? Я обратился къ дирижеру оркестра и спросилъ его, можетъ ли онъ сыграть менуэтъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, я просилъ его начать и самъ пригласилъ Нелидову, которая, какъ извѣстно, еще въ Смольномъ отличалась своими танцами. Оркестръ заигралъ, и мы начали. Что за грацію выказала она, какъ прелестно выдѣлывала «pàs» и повороты, какая плавность была во всѣхъ движеніяхъ прелестной крошки, несмотря на ея высокіе каблуки—точь-въ-точь знаменитая Лантини[1]), бывшая ея учительница! Съ своей стороны, и я не позабылъ уроковъ моего учителя Канціани[2]), и, при моемъ кафтанѣ à la Frédéric le Grand, мы оба точь-въ-точь имѣли видъ двухъ старыхъ портретовъ. Императоръ былъ въ полномъ восторгѣ и, слѣдя за нашими танцами во все время менуэта, поощрялъ насъ восклицаніями: «C'est charmant, c'est superbe, c'est délicieux».

---

[1]) Вѣроятно, Сантини, прима-балерина въ эпоху 1783—1790 гг.

[2]) Джузеппе Канціани. Балетмейстеръ и танцоръ эрмитажнаго театра при Екатеринѣ II.

Когда этотъ первый танецъ благополучно былъ окончент, государь просилъ меня устроить другой и пригласить вторую пару. Вопросъ теперь заключался въ томъ, кого выбрать и кто захочетъ себя выставить напоказъ при такой смущающей обстановкѣ. Въ нашемъ полку былъ офицеръ, по имени Хитрово [1]). Я вспомнилъ, что когда-то, будучи 13-тилѣтнимъ мальчикомъ, онъ вмѣстѣ со мною бралъ уроки у Канціани и, такъ какъ онъ въ то время всегда носилъ красные каблуки, я прозвалъ его камергеромъ. Никто не могъ мнѣ быть болѣе подходящимъ. Я подошелъ къ нему и сообщилъ о желаніи его величества. Сначала Хитрово колебался, хотя, видимо, былъ радъ выставить себя напоказъ и, послѣ нѣкотораго размышленія, спросилъ меня, какую ему выбрать даму?—Возьмите старую дѣвицу Валуеву [2]),—посовѣтовалъ я ему, и онъ такъ и сдѣлалъ. Разумѣется, я снова пригласилъ Нелидову, и танецъ былъ исполненъ на славу, къ величайшему удовольствію его величества. За этотъ подвигъ я былъ награжденъ лишь забавою, которую мнѣ онъ доставилъ, но зато Алексѣю Хитрову этотъ менуэтъ оказалъ большую пользу. Будучи не особенно исправнымъ офицеромъ, онъ былъ сдѣланъ камергеромъ, что ввело его въ гражданскую службу и, угождая разнымъ вліятельнымъ министрамъ, онъ, наконецъ, самъ сдѣлался министромъ, а въ настоящее время [3]) онъ весьма снисходительный государственный контролеръ и вообще очень добрый человѣкъ.

---

[1]) Алексѣй Захаровичъ Хитрово, род. 1777 † 1854. Впослѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ, государственный контролеръ, сенаторъ, оберъ-прокуроръ 5 департ., дѣйств. камергеръ и членъ госуд. совѣта.

[2]) Валуева, Екатерина Петровна. Род. 1774 † 1848. Въ 1791 году, по окончаніи Смольнаго института, опредѣлена фрейлиной къ в. к. Маріи Оеодоровнѣ. Была любимой фрейлиной императрицы Елизаветы Алексѣевны. Въ 1826 г. получила камеръ-фрейлинскій знакъ. Въ 1846 г. пожалована орденомъ Св. Екатерины 2 класса.

[3]) Писано въ 1847 году.

Объ императорѣ Павлѣ принято обыкновенно говорить, какъ о человѣкѣ чуждомъ всякихъ любезныхъ качествъ, всегда мрачномъ, раздражительномъ и суровомъ. На дѣлѣ же характеръ его вовсе былъ не таковъ. Остроумную шутку онъ понималъ и цѣнилъ не хуже всякаго другого, лишь бы только въ ней не видно было недоброжелательства или злобы. Въ подтвержденіе этого мнѣнія я приведу слѣдующій анекдотъ.

Въ Гатчинѣ, насупротивъ оконъ офицерской караульной комнаты, росъ очень старый дубъ, который, я думаю, и теперь еще стоитъ тамъ. Это дерево, какъ сейчасъ помню, было покрыто странными наростами, изъ которыхъ вырастало нѣсколько вѣтокъ. Одинъ изъ такихъ наростовъ до того былъ похожъ на Павла, съ его косичкою, что я не могъ удержаться, чтобы не срисовать его. Когда я вернулся въ казармы, рисунокъ мой такъ всѣмъ понравился, что всѣ захотѣли получить съ него копію, и въ день слѣдующаго парада я былъ осажденъ просьбами со стороны офицеровъ гвардейской пѣхоты. Воспроизвести его было нетрудно, и я роздалъ не менѣе тридцати или сорока копій. Несомнѣнно, что, при томъ соглядатайствѣ со стороны гатчинскихъ офицеровъ, которому подвергались всѣ наши дѣйствія, исторія съ моимъ рисункомъ дошла до свѣдѣнія императора. Будучи вскорѣ послѣ этого еще разъ въ караулѣ, я, отъ нечего дѣлать, занялся срисовываніемъ двухъ очень хорошихъ бюстовъ, стоявшихъ передъ зеркаломъ въ караульной комнатѣ, изъ которыхъ одинъ изображалъ Генриха IV, а другой Сюлли. Окончивъ рисунокъ съ Генриха IV, я былъ очень занятъ срисовываніемъ Сюлли, когда въ комнату незамѣтно вошелъ императоръ, сталъ сзади меня и, ударивъ меня слегка по плечу, спросилъ:

— Что вы дѣлаете?

— Рисую, государь,—отвѣчалъ я.

— Прекрасно! Генрихъ IV очень похожъ, когда будетъ оконченъ. Я вижу, что вы можете сдѣлать хорошій портретъ.. Дѣлали вы когда-нибудь мой?...

— Много разъ, ваше величество.

Государь громко разсмѣялся, взглянулъ на себя въ зеркало и сказалъ: «Хорошъ для портрета»! Затѣмъ онъ дружески хлопнулъ меня по плечу и вернулся въ свой кабинетъ, смѣясь отъ души.

Думаю, что нельзя было поступить снисходительнѣе съ молодымъ человѣкомъ, который нарисовалъ его карикатуру, но въ которомъ онъ не имѣлъ повода предполагать какого-либо дурного умысла.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ характера императора Павла лежало истинное великодушіе и благородство и, несмотря на то, что онъ былъ ревнивъ къ власти, онъ презиралъ тѣхъ, кто раболѣпно подчинялись его волѣ въ ущербъ правдѣ и справедливости и, наоборотъ, уважалъ людей, которые безстрашно противились вспышкамъ его гнѣва, чтобы защитить невиннаго. Вотъ, между прочимъ, причина, по которой онъ до самой своей смерти оказывалъ величайшее уваженіе и вниманіе шталмейстеру Сергѣю Ильичу Муханову [1]).

Но довольно о Гатчинѣ съ ея маневрами, вахтъ-парадами, празднествами и танцами на гладкомъ и скользкомъ паркетѣ дворца. Хотя вспыльчивый характеръ Павла и былъ причиною многихъ прискорбныхъ случаевъ (многіе изъ которыхъ связаны съ воспоминаніемъ о Гатчинѣ), но нельзя не высказать сожалѣнія, что этотъ безусловно благородный, великодушный и честный государь, столь нелицепріятный, искренно и горячо желавшій добра и правды, не процарствовалъ долѣе и не очистилъ высшую чиновную аристократію, столь развращенную въ Россіи, отъ нѣкоторыхъ ея недостойныхъ членовъ. Павелъ I всегда радъ былъ слышать истину, для которой слухъ его всегда былъ открытъ, а вмѣстѣ съ нею онъ готовъ былъ уважать и выслушать то лицо, отъ котораго онъ ее слышалъ.

---

[1]) Сергѣй Ильичъ Мухановъ; род. 28 іюня 1762 † (?), оберъ-шталмейстеръ при Александрѣ I.

Хотя раздача наградъ и милостей царскихъ и зависѣла отъ личной благосклонности императора къ данному лицу, но милостями этими никогда не опредѣлялись повышенія по службѣ, вслѣдствіе чего судъ надъ начальниками и подчиненными былъ справедливъ и нелицепріятенъ. Корнетъ могъ свободно и безбоязненно требовать военнаго суда надъ своимъ полковымъ командиромъ, вполнѣ разсчитывая на безпристрастное разбирательство дѣла. Это обстоятельство было для меня тѣмъ щитомъ, которымъ я ограждался отъ великаго князя Константина Павловича во все время его командованія (шефства) нашимъ полкомъ [1]) и при помощи котораго я могъ съ успѣхомъ бороться противъ его вспыльчивости и горячности. Одно только упоминаніе о военномъ судѣ приводило его высочество въ настоящій ужасъ. Тѣмъ не менѣе, я долженъ здѣсь упомянуть, что, много лѣтъ спустя, а именно въ декабрѣ 1829 года, когда я свидѣлся съ Константиномъ Павловичемъ въ Дрезденѣ, онъ принялъ меня съ распростертыми объятіями и, въ присутствіи своего побочнаго сына П. Александрова [2]), вспоминая о происходившихъ между нами ссорахъ, чистосердечно сознался, что онъ былъ постоянно неправъ и съ полнымъ благородствомъ призналъ совершенную правильность моихъ дѣйствій относительно него. Мнѣ особенно пріятно писать эти строки и засвидѣтельствовать здѣсь, на землѣ, что великій князь, котораго обыкновенно очень строго осуждали, не былъ лишенъ, какъ увѣряли многіе, добродѣтелей, и прежде всего смиренія и доброжелательства.

Какъ доказательство того уваженія, которое императоръ Павелъ питалъ къ постановленіямъ военныхъ судовъ,

---

[1]) Вел. кн. Константинъ Павловичъ назначенъ шефомъ Коннаго полка 28 мая 1800 г., который до самой кончины имп. Павла именовался лейбъ-гвардіи его имп. выс. Константина Павловича полкомъ. (См. Анненковъ. Исторія л.-гв. Конваго полка, стр 183).

[2]) Павелъ Конст Александровъ; 1802 † 1867 Сынъ вел. кн. Конст Павл отъ г-жи Фредериксъ Умеръ въ чинѣ ген-лейтенанта свиты его имп. величества

и его безпристрастія въ дѣлѣ правосудія, можно привести слѣдующій случай.

Въ первый годъ его царствованія генералъ-прокуроромъ сената былъ графъ Самойловъ [1]), родственникъ нѣкоего генерала Лаврова, женатаго на сестрѣ извѣстнаго богача Демидова [2]). Лавровъ былъ человѣкъ распутный, большой игрокъ и обремененъ долгами [3]). Жена его была особа довольно легкихъ нравовъ, обладала большимъ состояніемъ и находилась въ связи съ тремя офицерами нашего полка. Оставшись чрезвычайно довольна усердіемъ и вниманіемъ своихъ обожателей, генеральша выдала каждому изъ нихъ по векселю въ 30 тысячъ рублей. Супругъ, взбѣшенный тѣмъ, что такая значительная сумма ускользнула изъ его рукъ, подалъ прошеніе въ сенатъ, заявляя, что жена его идіотка, неспособная даже прочесть сумму, вписанную въ текстъ векселя, на которомъ первоначально стояло 3,000 рублей, и что лишній ноль на каждомъ изъ векселей былъ прибавленъ ея любовниками, которыхъ онъ кстати и обвинялъ въ подлогѣ.

Сенатъ, подъ вліяніемъ генералъ-прокурора Самойлова, призналъ офицеровъ виновными въ подлогѣ и приговорилъ къ разжалованію. Приговоръ этотъ былъ представленъ на утвержденіе государя; но послѣдній, вмѣсто того, чтобы утвердить постановленіе сената, велѣлъ созвать въ нашемъ полку военный судъ.

Въ качествѣ младшаго члена полковаго суда, мнѣ пришлось подавать свой голосъ первымъ, и я прежде всего предложилъ спросить генеральшу Лаврову, считаетъ ли она сама эти три векселя подложными? Г-жа Лаврова прислала письменное заявленіе, въ которомъ сообщала, что подлога нѣтъ, что она любитъ этихъ трехъ офицеровъ

---

[1]) Графъ Александръ Ник. Самойловъ, дѣйств. тайн. сов., ген.-прокуроръ при Павлѣ I. 1744 † 1814.

[2]) Вѣроятно, Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ, богачъ-благотворитель; 1710 † 1789.

[3]) Лавровъ, Аркадій Григорьевичъ.

и желаетъ сдѣлать имъ подарокъ, а что мужъ ея—«лжецъ». Тогда я подалъ голосъ за то, чтобы офицеры были оправданы въ подлогѣ, но были уволены изъ полка за поведеніе, недостойное дворянина. Военный судъ единогласно принялъ это рѣшеніе, приговоръ былъ представленъ государю, который и утвердилъ его, отмѣнивъ рѣшеніе сената и сдѣлавъ сенаторамъ строгій выговоръ. Впослѣдствіи эти три офицера неоднократно высказывали мнѣ свою благодарность.

Императоръ Павелъ, какъ я уже говорилъ. былъ искреннимъ христіаниномъ, человѣкомъ глубоко религіознымъ, отличался съ ранняго дѣтства богобоязненностью и благочестіемъ. По взглядамъ своимъ эго былъ совершенный джентльменъ, который зналъ, какъ надо обращаться съ истинно-порядочными людьми, хотя бы они и не принадлежали къ родовой или служебной аристократіи. Я находился на службѣ въ теченіе всего царствованія этого государя, не пропустилъ ни одного ученія или вахтъ-парада и могу засвидѣтельствовать, что хотя онъ часто сердился, но я никогда не слыхалъ, чтобы изъ устъ его исходила обидная брань [1]). Какъ доказательство его рыцарскихъ, доходившихъ даже до крайности воззрѣній, можетъ служить то, что онъ совершенно серьезно предложилъ Бонапарту дуэль въ Гамбургѣ съ цѣлью положить этимъ поединкомъ предѣлъ разорительнымъ войнамъ, опустошавшимъ Европу. Свидѣтелями со стороны императора должны были быть Паленъ [2]) и Кутайсовъ. Несмотря на всю при-

---

[1]) Однажды, впрочемъ, на одномъ парадѣ онъ такъ разгорячился, что ударилъ трехъ офицеровъ тростью и, увы, жестоко заплатилъ за это въ послѣднія минуты своей жизни. Прим. автора.

[2]) Баронъ (съ 1799 г. графъ) Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ Паленъ. Родился въ Курляндіи въ 1745 году. Во время переворота 1762 г. былъ капраломъ конной гвардіи, участвовалъ въ Шведской войнѣ 1788 г., за которую награжденъ чиномъ ген.-майора, Георгіемъ 3 класса и аннинской лентой. По присоединеніи Курляндіи, назначенъ курляндскимъ генералъ-губернаторомъ въ 1796 г. Вскорѣ послѣ воца-

чудливость и несовременность подобнаго вызова, большинство монарховъ, не исключая самого Наполеона, отдали полную справедливость высокогуманнымъ побужденіямъ, руководившимъ русскимъ государемъ, сдѣлавшимъ столь рыцарское предложеніе съ полною искренностью и чистосердечіемъ.

Кстати о рыцарствѣ. Мнѣ пришло на память нѣсколько случаевъ, бывшихъ въ Павловскѣ, лѣтней резиденціи императорскаго семейства. Ихъ величества находились въ Павловскѣ преимущественно весною и раннимъ лѣтомъ, такъ какъ во время сильныхъ іюльскихъ жаровъ они предпочитали Петергофъ на Финскомъ заливѣ, гдѣ воздухъ былъ морской и болѣе свѣжій. Павловскъ, принадлежавшій лично императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, былъ устроенъ чрезвычайно изящно, и всякій клочокъ земли здѣсь носилъ отпечатокъ ея вкуса, наклонностей, воспоминаній о заграничныхъ путешествіяхъ и т. п. Здѣсь былъ павильонъ розъ, напоминавшій тріанонскій; шалѐ, подобныя тѣмъ, которыя она видѣла въ Швейцаріи; мельница и нѣсколько фермъ наподобіе тирольскихъ; были сады, напоминавшіе сады и террасы Италіи. Театръ и длинныя аллеи были заимствованы изъ Фонтенебло̀, и тамъ и сямъ виднѣлись искусственныя развалины. Каждый вечеръ устраивались сельскіе праздники, поѣздки, спектакли, импровизаціи, разные сюрпризы, балы и концерты, во время которыхъ императрица, ея прелестныя дочери и невѣстки своею привѣтливостью придавали этимъ развлеченіямъ восхитительный характеръ. Самъ Павелъ предавался имъ съ увлеченіемъ,

---

ренія имп. Павла уволенъ со службы. Въ 1798 г. изъ отставки произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, назначенъ спб воен. губернаторомъ и пожалованъ андреевскимъ орденомъ. Въ 1800 г., оставаясь спб. воен. губернаторомъ, назначенъ первоприсутствующимъ въ коллегіи иностр. дѣлъ и главнымъ директоромъ почтъ. Главный руководитель въ событіи 11 марта 1801 г. Уволенъ отъ службы 1 апр. 1801 г. Женатъ на Юліанѣ Шёппингъ, отъ которой имѣлъ 3 дочерей и 5 сыновей. Умеръ 13 февр. 1826 г

и его поклоненіе женской красотѣ зачастую заставляло его указать на какую-нибудь Дульцинею, что его услужливый Фигаро или Санчо-Панса-Кутайсовъ немедленно и принималъ къ свѣдѣнію, стараясь исполнить желаніе своего господина.

Однажды, на одномъ изъ баловъ, данныхъ въ Москвѣ, по случаю его пріѣзда въ 1798 году, императоръ былъ совершенно очарованъ огненными черными глазами дѣвицы Анны Лопухиной. Кутайсовъ, которому Павелъ сообщилъ о произведенномъ на него впечатлѣніи, немедленно же разсказалъ объ этомъ отцу дѣвицы, съ которымъ и былъ заключенъ договоръ, имѣвшій цѣлью плѣнить сердце его величества [1]).

«La troupe dorée», какъ императоръ называлъ насъ, офицеровъ конной гвардіи, въ виду нашей элегантности и цвѣта нашихъ мундировъ, ярко-красныхъ «tirant sur l'orange», въ качествѣ постоянныхъ кавалеровъ павловскихъ увеселеній, вскорѣ узнали объ этой любовной интригѣ, о которой мы стали болтать довольно свободно. Это скоро дошло до свѣдѣнія государя, вслѣдствіе чего полкъ нашъ нѣкоторое время былъ въ немилости. Впрочемъ, она была непродолжительна, такъ какъ дѣвица Лопухина сама къ намъ очень благоволила и при томъ же двѣ ея сестры вскорѣ вышли замужъ за офицеровъ нашего полка: одна за Демидова, другая за графа Кутайсова, сына шталмейстера. Анна Петровна Лопухина вскорѣ была пожалована фрейлиною и приглашена жить въ Павловскѣ. Для нея было устроено особое помѣщеніе, нѣчто вродѣ дачи, въ которую Павелъ могъ легко пройти изъ Розоваго павильона, не будучи никѣмъ замѣченнымъ. Онъ являлся туда каждый вечеръ, какъ онъ вначалѣ самъ воображалъ, съ чисто платоническими чувствами восхищенія; но брадобрей и Лопухинъ-отецъ лучше

---

[1]) Анна Петровна Лопухина, въ замужествѣ княгиня Гагарина. Род. 1777 † 1805.

знали человѣческую натуру и вѣрнѣе смотрѣли на будущее Имъ постепенно удалось разжечь чувства Павла къ дѣвушкѣ путемъ упорнаго ея сопротивленія желаніямъ его величества, что, впрочемъ, она и дѣлала вполнѣ искренно, такъ какъ, будучи еще въ Москвѣ, она испытывала довольно серьезную привязанность къ одному князю Гагарину [1]), служившему майоромъ въ арміи и находившемуся теперь въ Италіи, въ войскахъ Суворова. Однажды, въ одинъ изъ вечеровъ, когда Павелъ оказался болѣе предпріимчивымъ, чѣмъ обыкновенно, Лопухина неожиданно разрыдалась, прося оставить ее, и призналась государю въ своей любви къ Гагарину. Императоръ былъ пораженъ, но его рыцарскій характеръ и врожденное благородство тотчасъ проявили себя: онъ немедленно же рѣшилъ отказаться отъ любви къ дѣвушкѣ, сохранивъ за собою только чувства дружбы, и тутъ же захотѣлъ выдать ее замужъ за человѣка, къ которому она питала такую горячую любовь. Суворову немедленно посланы были приказанія вернуть въ Россію князя Гагарина. Въ это самое время послѣдній только что отличился въ какомъ-то сраженіи, и его поэтому отправили въ Петербургъ съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ. Я находился во дворцѣ, когда князь Гагаринъ прибылъ ко двору, и вынесъ о немъ впечатлѣніе, какъ объ очень красивомъ, хотя и невысокаго роста человѣкѣ. Императоръ тотчасъ же наградилъ его орденомъ, самъ привелъ къ его возлюбленной и въ теченіе всего этого дня былъ искренно доволенъ и преисполненъ гордости отъ сознанія своего, дѣйствительно, геройскаго самопожертвованія.

И вечеромъ на «маленькомъ дворцовомъ балу» онъ имѣлъ положительно счастливый и довольный видъ, съ восторгомъ говорилъ о своемъ красивомъ и счастливомъ соперникѣ и представилъ его многимъ изъ насъ съ видомъ

---

[1]) Гагаринъ, кн. Павелъ Гавриловичъ, Генералъ-адъютантъ, Впослѣдствіи директоръ инспекторскаго департамента Род 1777 † 1850.

искренняго добродушія. Съ своей стороны, я лично ни на минуту не сомнѣвался въ искренности Павла, благородная душа котораго одержала побѣду надъ сердечнымъ влеченіемъ Не будь Кутайсова и Лопухина-отца, которые изъ личныхъ выгодъ потакали дурнымъ страстямъ императора и привлекли въ эту интригу даже самого Гагарина, не будь всего этого—нѣтъ никакого сомнѣнія, что княгиня Анна Гагарина, рожденная Лопухина, никогда не была бы maîtresse en titre императора Павла, въ моментъ убійства этого злополучнаго государя.

Одновременно съ этими любовными интригами совершались крупныя политическія событія: союзъ между Россіей и Англіей и всѣмъ континентомъ противъ революціонной Франціи былъ заключенъ. Суворовъ, вызванный изъ ссылки, назначенъ былъ генералиссимусомъ союзной русско-австрійской арміи, дѣйствовавшей въ Италіи въ февралѣ 1799 года. Другая русская армія, подъ начальствомъ генерала Германа [1]), была отправлена въ Голландію для совмѣстныхъ дѣйствій съ арміей герцога Іоркскаго, имѣвшей цѣлью атаковать Францію съ сѣвера. Наконецъ, едва ли не важнѣйшимъ событіемъ было избраніе императора гросмейстеромъ Мальтійскаго ордена, вслѣдствіе чего островъ Мальта былъ взятъ подъ его покровительство. Павелъ былъ въ восторгѣ отъ этого титула, и это обстоятельство, въ связи съ романтической любовью, овладѣвшей его чувствительнымъ сердцемъ, привело его въ совершенный экстазъ. Щедрости его не было предѣловъ: онъ велѣлъ купить три дома на набережной Невы и соединить ихъ въ одинъ дворецъ, который подарилъ князю Гагарину, снисходительному супругу черноокой Дульцинеи. Лопухинъ-отецъ былъ сдѣланъ свѣтлѣйшимъ княземъ и назначенъ генералъ-прокуроромъ сената—должность чрезвычайно важная, напоминающая отчасти, по значенію своему, должность перваго лорда казначейства въ Англіи,

[1]) Германъ, вѣроятно, Иванъ Ивановичъ; генералъ-маіоръ съ 1790 г.

нѣчто вродѣ перваго министра. Кутайсовъ, исполнявшій свою роль Фигаро при гросмейстерѣ Мальтійскаго ордена, продолжалъ служить для любовныхъ порученій, вслѣдствіе чего онъ изъ брадобреевъ былъ пожалованъ въ графы и сдѣланъ шталмейстеромъ ордена. Онъ купилъ себѣ домъ по сосѣдству съ дворцомъ княгини Гагариной и поселилъ въ немъ свою любовницу, французскую актрису Шевалье. Я не разъ видѣлъ, какъ государь самъ привозилъ его туда и затѣмъ заѣзжалъ за нимъ, возвращаясь отъ своей любовницы.

При этомъ la troupe dorée, т. е. офицеры конной гвардіи, обязаны были принимать участіе въ томъ, что происходило во дворцѣ. Едва подписанъ былъ союзный трактатъ съ Англіей, я получилъ приказаніе отправиться въ Петербургъ и изготовить себѣ мундиръ точь-въ-точь подобный тому, какой носила англійская конная гвардія (Horse Guards) — красный съ синими отворотами, вышитыми золотомъ. Это было нелегко, ибо, кромѣ соотвѣтствующаго сукна, нужно было знать покрой англійскихъ мундировъ. Но счастье и тутъ мнѣ благопріятствовало, и вскорѣ я отыскалъ одного англичанина, по имени Дональдсона, который былъ когда-то портнымъ принца Валлійскаго, и сообщилъ ему о своемъ желаніи. Онъ сдѣлалъ мнѣ мундиръ менѣе чѣмъ въ два дня, и я тотчасъ вернулся въ Павловскъ въ новомъ мундирѣ, которымъ восхищались всѣ и въ особенности великія княжны. Два или три другихъ офицера нашего полка едва успѣли сшить себѣ такіе мундиры, какъ вышло новое приказаніе: конной гвардіи имѣть мундиры пурпуроваго цвѣта. Пурпуръ былъ цвѣтъ мальтійскихъ гросмейстеровъ, почему конная гвардія и получила этотъ цвѣтъ. Въ теченіе четырехлѣтняго царствованія Павла цвѣтъ и покрой нашихъ мундировъ были измѣнены не менѣе девяти разъ.

Да не думаетъ, однако, читатель, что во все это время любовныхъ переговоровъ, новыхъ политическихъ комбинацій, перемѣны формъ, празднествъ и увеселеній, происхо-

дившихъ въ Павловскѣ, измѣнились или уничтожились тѣ дисциплинарныя строгости, которыя были заведены въ Гатчинѣ и въ Петербургѣ. Напротивъ того, ихъ было столько же, если не больше, тѣмъ болѣе, что почти ежедневно дѣлались смотры Эти смотры дѣлались не надъ корпусами, какъ во время маневровъ, а надъ небольшими частями, вслѣдствіе чего всякая малѣйшая ошибка дѣлалась замѣтнѣе. Тутъ же, въ Павловскѣ, находилась такъ называемая цитадель или фортъ, по имени Бипъ, куда сажали подъ арестъ провинившихся офицеровъ [1]). Такъ, напримѣръ, сюда попали два подполковника изъ донскихъ казаковъ, братья Залувецкіе, прославившіеся своими боевыми подвигами въ итальянскую кампанію 1799 года, которые были арестованы за остроумно-смѣлые отвѣты Павлу.

Флота капитанъ Чичаговъ [2]) также долженъ былъ отправиться подъ арестъ за рѣзкій, почти дерзкій отвѣтъ императору. Однако, Чичаговъ воспротивился этому приказанію и не хотѣлъ идти подъ арестъ, ссылаясь на привилегіи, связанныя съ георгіевскимъ крестомъ, кавалеромъ котораго онъ состоялъ. Взбѣшенный этимъ сопротивленіемъ, императоръ велѣлъ сорвать съ него георгіевскій крестъ, что и было исполнено безъ всякаго колебанія дежурнымъ генералъ-адъютантомъ Уваровымъ [3]). При такомъ оскорбленіи возмущенный Чичаговъ сбросилъ съ себя мундиръ и въ одномъ жилетѣ отправился въ фортъ. Впро-

---

[1]) Фортъ Бипъ, или Маріенталь, построенъ въ 1778 году. При имп. Павлѣ зданіе обращено въ крѣпость съ католической мальтійской капеллой. Съ 1807 по 1810 здѣсь помѣщалось первое по времени училище глухонѣмыхъ. Въ настоящее время здѣсь находится присутствіе павловскаго городового правленія.

[2]) Чичаговъ, Пав. Вас. Впослѣдствіи адмиралъ, морской министръ при Александрѣ I. Членъ госуд. совѣта. Въ 1812 г. командовалъ Дунайской арміей. Род. 1762 † 1849. Авторъ «Записокъ», напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» за 1886 годъ.

[3]) Уваровъ, гр Ѳедоръ Петр., впослѣдствіи ген.-отъ-кавал., членъ государ. совѣта. Род. 1773 † въ дек. 1824.

Императоръ Александръ I.

Съ портрета, писаннаго Вуалемъ въ 1802 году

чемъ, подъ арестомъ его продержали всего нѣсколько дней, и вскорѣ послѣ этого онъ даже былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и получилъ въ командованіе эскадру.

Этотъ Уваровъ былъ полковникомъ одного изъ полковъ, квартировавшихъ въ Москвѣ въ то время, когда Павелъ впервые увидѣлъ Лопухину и увлекся ея блестящими черными глазами. Будучи любовникомъ мачехи Лопухиной, Уваровъ, естественно, принималъ также участіе во всѣхъ махинаціяхъ, имѣвшихъ цѣлью завлечь императора въ любовныя сѣти. Вмѣстѣ съ Лопухиными прибылъ онъ въ Павловскъ, былъ переведенъ въ конную гвардію, вскорѣ же сдѣланъ генералъ-адъютантомъ и все время повышался въ милостяхъ наравнѣ съ Лопухиными. Во время обѣда, даннаго заговорщиками, именовавшими себя послѣ убійства Павла «освободителями», Уваровъ припомнилъ Чичагову, что онъ сорвалъ съ него георгіевскій крестъ. Чичаговъ отвѣчалъ: «Если вы будете служить нынѣшнему императору такъ же «вѣрно», какъ его предшественнику, то заслужите себѣ достойную награду». Уваровъ, въ качествѣ довѣреннаго генералъ-адъютанта Павла, былъ дежурнымъ въ ночь съ 11-го на 12-е марта и, какъ извѣстно, былъ въ то же время однимъ изъ главныхъ дѣятелей заговора.

Во всѣмъ мірѣ едва ли найдется страна, въ которой цѣлый рядъ государей былъ бы одушевленъ такимъ горячимъ чувствомъ патріотизма, какъ домъ Романовыхъ въ Россіи. Правда, многіе сановники, министры и царедворцы нерѣдко злоупотребляли личными слабостями и недостатками нѣкоторыхъ изъ государей, да и сами они зачастую, благодаря чрезмѣрной самонадѣянности, уклонялись съ истиннаго пути, тѣмъ не менѣе, насколько я могу судить по личнымъ моимъ разсужденіямъ, я вынесъ искреннее убѣжденіе въ томъ, что въ основѣ всякаго дѣйствія этихъ монарховъ всегда лежало чувство горячей любви къ родинѣ. Государи русскіе искони гордились величіемъ этого обширнѣйшаго въ мірѣ государства и нерѣдко считали

необходимымъ принимать мѣры, сообразныя съ этимъ величіемъ, вслѣдствіе чего славолюбіе это часто обращалось въ личное тщеславіе, а мудрая экономія въ расточительность. Но, помимо свойственной всякому человѣку склонности къ тщеславію, русскіе государи имѣютъ два повода, до извѣстной степени извиняющіе это стремленіе къ похваламъ: во-первыхъ, потому, что большая часть какъ мужскихъ, такъ и женскихъ представителей этого дома всегда отличалась замѣчательною красотою и физическою силою; во-вторыхъ, потому, что, въ силу историческихъ условій, они сдѣлались представителями военнаго сословія: съ самыхъ древнѣйшихъ временъ Россія находилась въ постоянной войнѣ со своими сосѣдями и во главѣ ея арміи всегда стояли ея монархи—сначала цари московскіе, а затѣмъ императоры всероссійскіе. Благодаря этому, любовь къ военной славѣ передавалась отъ отца къ сыну и сдѣлалась преобладающею страстью въ этой семьѣ. И, дѣйствительно, не можетъ не возбуждать самолюбія и тщеславія одинъ видъ многихъ тысячъ людей, которые двигаются, стоятъ, поворачиваются и бѣгутъ по одному слову, одному знаку своего монарха. Одинъ весьма остроумный, высокопоставленный и вліятельный при дворѣ человѣкъ, говоря о громадныхъ средствахъ, расходуемыхъ русскимъ государствомъ на содержаніе постояннаго войска, весьма справедливо замѣтилъ: «Да, впрочемъ, оно такъ и должно быть, ибо до тѣхъ поръ, пока у насъ не будетъ царя-калѣки, мы никогда не дождемся перемѣны во взглядахъ и привычкахъ нашихъ государей. Toujours joli garçon, toujours caporal!»

Перехожу теперь къ описанію событій, закончившихся возмутительнымъ убійствомъ Павла.

III.

Императоръ Павелъ находился въ Павловскѣ, окруженный интригами и волнуемый попеременно чувствами любви, великодушія и ревности Въ томъ же состояніи

переѣхалъ онъ въ Гатчину, а затѣмъ въ Петербургъ. Многіе изъ его приближенныхъ сознавали, что ихъ положеніе при дворѣ чрезвычайно опасно и что въ любую минуту, раскаиваясь въ только что совершенномъ поступкѣ, государь можетъ перенести свое расположеніе на новое лицо и уничтожить ихъ всѣхъ. Великіе князья также находились въ постоянномъ страхѣ: оба они были командирами полковъ и, въ качествѣ таковыхъ, ежедневно, во время парадовъ и ученій, получали выговоры за малѣйшія ошибки, причемъ, въ свою очередь, подвергали солдатъ строгимъ наказаніямъ, а офицеровъ сажали подъ арестъ. Конную гвардію щадили болѣе другихъ. Въ то время полкъ этотъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ, по пяти эскадроновъ въ каждомъ, и духъ полка (esprit de corps) былъ таковъ, что мы были въ силахъ противиться всякимъ несправедливостямъ и напраснымъ на насъ нападкамъ. Этотъ духъ нашего полка постарались представить въ глазахъ государя, какъ направленіе опасное, какъ духъ крамольный, погубно вліяющій на другіе полки. Гибель нашего полка могла удовлетворить два частныхъ интереса: великій князь Александръ былъ инспекторомъ всей пѣхоты, а Константинъ Павловичъ, который ничего не смыслилъ въ кавалерійскомъ дѣлѣ, хотѣлъ сдѣлаться инспекторомъ кавалеріи и, въ качествѣ переходной ступени къ этой должности, добивался командованія конной гвардіей. Въ то же время служившій въ Конномъ полку Уваровъ хотѣлъ также получить отдѣльный полкъ. Такимъ образомъ эти два желанія могли быть удовлетворены одновременно, пожертвовавъ нашимъ полкомъ. Вотъ почему конная гвардія была реорганизована или, вѣрнѣе, дезорганизована слѣдующимъ образомъ: три эскадрона, состоявшіе изъ лучшихъ людей и лошадей, были выдѣлены изъ полка и составили особый Кавалергардскій полкъ, который былъ порученъ Уварову и квартировалъ въ Петербургѣ; остальная часть полка была раздѣлена на пять эскадроновъ и отдана подъ начальство великаго князя Константина. Полкъ нашъ

былъ изгнанъ въ Царское Село, гдѣ цесаревичъ долженъ былъ посвящать насъ въ тайны гарнизонной службы.

Нельзя себѣ представить тѣхъ жестокостей, которымъ подвергалъ насъ Константинъ и его измайловскіе мирмидоны. Тѣмъ не менѣе, духъ полка не легко было сломить, и страхъ Константина, при одномъ упоминаніи о военномъ судѣ, неоднократно сдерживалъ его горячность и безпричинную жестокость. Своей неуступчивости и твердости, въ это тяжелое время, обязанъ я тѣмъ вліяніемъ въ полку, которое я сохранилъ до конца моей службы въ конной гвардіи и которое спасло этотъ благородный полкъ отъ всякаго участія въ низкомъ заговорѣ, приведшемъ къ убійству императора Павла.

Въ Царскомъ Селѣ насъ продержали около полутора года. Начальниковъ нашихъ постоянно мѣняли и намъ было извѣстно, что за всѣми нами строго слѣдятъ, такъ какъ считали насъ якобинцами. Большинству изъ офицеровъ не особенно нравился нашъ образъ жизни изгнанниковъ,, удаленныхъ изъ столицы; но я лично не особенно грустилъ, такъ какъ, судя по слухамъ, доходившимъ до насъ изъ Петербурга, тамъ было, повидимому, не совсѣмъ ладно и поговаривали даже, что императоръ опасается за свою личную безопасность.

Его величество со своимъ августѣйшимъ семействомъ оставилъ старый дворецъ и переѣхалъ въ Михайловскій, выстроенный наподобіе укрѣпленнаго замка, съ подъемными мостами, рвами, потайными лѣстницами, подземными ходами,—словомъ, напоминалъ собою средневѣковую крѣпость à l'abris d'un coup de main.

Княгиня Гагарина оставила домъ своего мужа и была помѣщена въ новомъ дворцѣ, подъ самымъ кабинетомъ императора, который сообщался посредствомъ особой лѣстницы съ ея комнатами, а также съ помѣщеніемъ Кутайсова.

Графы Ростопчинъ и Аракчеевъ, два человѣка, которыхъ Павелъ раньше считалъ самыми вѣрными и ис-

полнительными своими слугами, были высланы въ свои помѣстья. До насъ дошли слухи, что графъ Паленъ получилъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ и главноуправляющаго почтовымъ вѣдомствомъ, сохранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ должность военнаго губернатора Петербурга и, въ качествѣ такового, остался начальникомъ гарнизона и всей полиціи. Мы узнали, что всѣ Зубовы, которые были высланы въ свои деревни, вернулись въ Петербургъ, а вмѣстѣ съ ними г-жа Жеребцова, рожденная Зубова, извѣстная своею связью съ лордомъ Уитвордомъ, что всѣ они приняты ко двору и сдѣлались близкими, интимными друзьями въ домѣ добраго и честнаго генерала Обольянинова, генералъ-прокурора сената. Мы слышали также, что у нѣкоторыхъ генераловъ—Талызина [1]), двухъ Ушаковыхъ, Депрерадовича и другихъ—бываютъ часто интимныя сборища, устраиваются de petits soupers fins, которыя длятся за полночь, и что бывшій полковникъ Хитрово, прекрасный и умный человѣкъ, но настоящій roué, близкій къ Константину, также устраиваетъ маленькіе «рауты» близъ самаго Михайловскаго замка.

Всѣ эти новости, которыя раньше были запрещены, доказывали намъ, что въ Петербургѣ происходитъ что-то необыкновенное, тѣмъ болѣе, что патрули и рунды около Михайловскаго замка постоянно были наготовѣ.

Зимою 1800 года въ дипломатическихъ кругахъ Петербурга царило сильное безпокойство: императоръ Павелъ, недовольный поведеніемъ Австріи во время Итальянской кампаніи Суворова 1799 года и образомъ дѣйствій Англіи въ Голландіи, внезапно выступилъ изъ коалиціи и, въ качествѣ гросмейстера Мальтійскаго ордена, объявилъ Англіи войну, которую собирался энергично начать весною 1801 года. Въ февралѣ того же года полкъ нашъ возвра-

---

[1]) Талызинъ, Степанъ Александровичъ, командиръ Преображенскаго полка съ 1801 г. Уволенъ въ отставку въ 1802 г. Скончался въ 1815 году.

щенъ изъ царскосельской ссылки и помѣщенъ въ Петербургѣ, въ домѣ Гарновскаго. Генералъ-майоръ Кожинъ [1]), который во время нашей ссылки былъ назначенъ къ намъ въ качествѣ строгаго службиста, переведенъ въ армейскій полкъ, а генералъ-лейтенантъ Тормасовъ [2]), превосходный офицеръ и достойнѣйшій человѣкъ, сдѣланъ нашимъ полковымъ командиромъ—милость, которую мы просто не знали, чѣмъ себѣ объяснить.

По возвращеніи въ Петербургъ, я былъ самымъ радушнымъ образомъ принятъ старыми друзьями и даже самимъ графомъ Паленомъ, генераломъ Талызинымъ и другими, а также Зубовыми и Обольяниновыми. Меня стали приглашать на интимные обѣды, причемъ меня всегда поражало одно обстоятельство: послѣ этихъ обѣдовъ, по вечерамъ, никогда не завязывалось общаго разговора, но всегда бесѣдовали отдѣльными кружками, которые тотчасъ расходились, когда къ нимъ подходило новое лицо. Я замѣтилъ, что генералъ Талызинъ и другіе подошли ко мнѣ, какъ будто съ намѣреніемъ сообщить мнѣ что-то по секрету, а затѣмъ остановились, сдѣлались задумчивыми и замолкли. Вообще, по всему видно было, что въ этомъ обществѣ затѣвалось что-то необыкновенное. Судя же по той вольности, съ которой императора порицали, высмѣивали его странности и осуждали его строгости, я сразу догадался, что противъ него затѣвается заговоръ. Подозрѣнія мои особенно усилились послѣ обѣда у Талызина (за которымъ насъ было четверо), послѣ «petite soirée» у Хитровыхъ и раута у Зубовыхъ. Когда, однажды, за обѣдомъ у Палена я нарочно довольно рѣзко выразился объ императорѣ, графъ посмотрѣлъ мнѣ пристально въ глаза и сказалъ: «J—f—qui parle et brave homme qui agit». Всего этого было достаточно,

---

1) Генералъ-адъютантъ Сергѣй Алексѣевичъ Кожинъ назначенъ командиромъ конной гвардіи 4 октября 1800 года и оставался въ этой должности до 8 декабря того же года.

2) Тормасовъ, А. П. Род. 1736 † 1819. Впослѣдствіи графъ и ген.-отъ-кавалеріи. Въ 1812 году командовалъ 3-ю резервною арміею.

чтобы разсѣять мои сомнѣнія, и обстоятельство это глубоко меня разстроило Я вспомнилъ свой долгъ, свою присягу на вѣрность, припомнилъ многія добрыя качества императора и въ концѣ концовъ почувствовалъ себя очень несчастнымъ. Между тѣмъ всѣ эти догадки не представляли ничего опредѣленнаго: не было ничего осязательнаго, на основаніи чего я могъ бы дѣйствовать или даже держаться извѣстнаго образа дѣйствій. Въ такомъ состояніи нерѣшительности я отправился къ своему старому другу Тончи [1]), который сразу разрѣшилъ мое недоумѣніе, сказавъ слѣдующее: «Будь вѣренъ своему государю и дѣйствуй твердо и добросовѣстно; но такъ какъ ты, съ одной стороны, не въ силахъ измѣнить страннаго поведенія императора, ни удержать, съ другой стороны, намѣреній народа, каковы бы они ни были, то тебѣ надлежитъ держаться въ разговорахъ того строгаго и благоразумнаго тона, въ силу котораго никто бы не осмѣлился подойти къ тебѣ съ какими бы то ни было секретными предложеніями». Я всѣми силами старался слѣдовать этому совѣту и, благодаря ему, мнѣ удалось остаться въ сторонѣ отъ ужасныхъ событій этой эпохи [2]).

---

1) Тончи былъ родомъ неаполитанскій дворянинъ, прибывшій въ Россію въ свитѣ польскаго короля въ качествѣ философа, поэта и художника. Это былъ чрезвычайно умный и образованный человѣкъ Онъ любилъ меня, какъ сына, и смотрѣлъ, какъ на своего воспитанника. Я много обязанъ этому почтенному человѣку.

Прим. автора.

2) Ник. Ив. Тончи (Salvator Tonci); род. 1756 † 1844. Извѣстенъ болѣе, какъ историческій живописецъ и портретистъ. Написалъ нѣсколько портретовъ, въ томъ числѣ Державина (особенно извѣстный), императора Павла, гр. Ростопчина, княгини Дашковой, Цицианова, графини Потоцкой и др. Онъ былъ также извѣстенъ, какъ поэтъ и философъ, излагавшій свое оригинальное міровоззрѣніе съ итальянскою живостью и даромъ слова. Своимъ слушателямъ, увлекавшимся его ученіемъ, онъ говорилъ, что его система сближаетъ человѣка съ Творцомъ съ глазу на глазъ (le met nez a nez avec Dieu). (См. «Русскій Архивъ,» 1875, кн. I, стр. 306)

Около этого времени великая княгиня Александра Павловна, супруга эрцгерцога Іосифа, палатина венгерскаго, была при смерти больна и извѣстіе о ея кончинѣ ежечасно ожидалось изъ Вѣны. Императоръ Павелъ былъ чрезвычайно недоволенъ Австріей за ея образъ дѣйствій въ Швейцаріи, результатомъ котораго было пораженіе Корсакова подъ Цюрихомъ и совершенная неудача знаменитой кампаніи Суворова въ Италіи, откуда онъ отступилъ на сѣверъ, черезъ Сенъ-Готардъ. Англіи была объявлена война, на имущество англичанъ наложено амбаргo, и уже дѣлались большія приготовленія, дабы, въ союзѣ съ Франціей, начать морскую войну противъ этой державы съ открытіемъ весенней навигаціи.

Всѣ эти обстоятельства произвели на общество удручающее впечатлѣніе. Дипломатическій корпусъ прекратилъ свои обычные пріемы; значительная часть петербургскихъ домовъ, изъ которыхъ нѣкоторые славились своимъ широкимъ гостепріимствомъ, измѣнили свой образъ жизни. Самый дворъ, запертый въ Михайловскомъ замкѣ, охранявшемся наподобіе средневѣковой крѣпости, также влачилъ скучное и однообразное существованіе. Императоръ, помѣстившій свою любовницу въ замкѣ, уже не выѣзжалъ, какъ онъ это дѣлалъ прежде, и даже его верховыя прогулки ограничивались такъ называемымъ третьимъ лѣтнимъ садомъ, куда, кромѣ самого императора, императрицы и ближайшихъ лицъ свиты, никто не допускался. Аллеи этого парка или сада постоянно очищались отъ снѣга для зимнихъ прогулокъ верхомъ. Во время одной изъ этихъ прогулокъ, около четырехъ или пяти дней до смерти императора (въ это время стояла оттепель), Павелъ вдругъ остановилъ свою лошадь и, обернувшись къ шталмейстеру Муханову, ѣхавшему рядомъ съ императрицей, сказалъ сильно взволнованнымъ голосомъ: «Мнѣ показалось, что я задыхаюсь и у меня не хватаетъ воздуха, чтобы дышать. Я чувствовалъ, что умираю... Развѣ они хотятъ задушить меня?» Мухановъ отвѣчалъ: «Государь,

это, вѣроятно, дѣйствіе оттепели». Императоръ ничего не отвѣтилъ, покачалъ головой, и лицо его сдѣлалось очень задумчивымъ. Онъ не проронилъ ни единаго слова до самаго возвращенія въ замокъ.

Какое странное предостереженіе! Какое загадочное предчувствіе! Разсказъ этотъ мнѣ сообщилъ Мухановъ въ тотъ же вечеръ, причемъ прибавилъ, что онъ обѣдалъ при дворѣ и что императоръ былъ болѣе задумчивъ, чѣмъ обыкновенно, и говорилъ мало. Отъ Муханова же я узналъ, что г-жа Жеребцова въ этотъ вечеръ простилась съ Обольяниновыми и что она ѣдетъ за границу. Она остановилась въ Берлинѣ; впрочемъ, объ этомъ я еще буду имѣть случай сообщить впослѣдствіи.

Теперь я подхожу къ чрезвычайно знаменательной эпохѣ въ исторіи Россіи, эпохѣ, въ событіяхъ которой мнѣ, до извѣстной степени, пришлось быть дѣйствующимъ лицомъ и живымъ свидѣтелемъ и очевидцемъ многихъ обстоятельствъ, причемъ нѣкоторыя подробности объ этихъ крайне важныхъ событіяхъ я узналъ немедленно же и изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ. При описаніи этихъ событій мною руководитъ искреннее желаніе сказать правду, одну только правду. Тѣмъ не менѣе, я буду просить читателя строго различать то, что я лично видѣлъ и слышалъ, отъ тѣхъ фактовъ, которые мнѣ были сообщены другими лицами и о которыхъ я, по необходимости, долженъ упоминать для полноты разсказа.

11-го марта 1801 года эскадронъ, которымъ я командовалъ и который носилъ мое имя, долженъ былъ выставить караулъ въ Михайловскій замокъ. Нашъ полкъ имѣлъ во дворцѣ внутренній караулъ, состоявшій изъ 24-хъ рядовыхъ, трехъ унтеръ-офицеровъ и одного трубача. Онъ находился подъ командою офицера и былъ выстроенъ въ комнатѣ, передъ кабинетомъ императора, спиною къ ведущей въ него двери. Корнетъ Андреевскій былъ въ этотъ день дежурнымъ по караулу.

Черезъ двѣ комнаты стоялъ другой внутренній караулъ отъ гренадерскаго батальона Преображенскаго полка, любимаго государева полка, который былъ ему особенно преданъ. Этотъ караулъ находился подъ командою подпоручика Марина и былъ, повидимому, съ намѣреніемъ составленъ на одну треть изъ старыхъ преображенскихъ гренадеръ и на двѣ трети изъ солдатъ, включенныхъ въ этотъ полкъ послѣ раскассированія лейбъ-гренадерскаго полка, происшедшаго по внушенію генерала графа Карла Ливена[1]), человѣка чрезвычайно строгаго и вспыльчиваго. Полкъ этотъ въ теченіе многихъ царствованій, особенно же при Екатеринѣ, считался однимъ изъ самыхъ блестящихъ, храбрыхъ и наилучше дисциплинированныхъ, и солдаты этого полка, вслѣдствіе его раскассированія, были весьма дурно расположены къ императору.

Главный караулъ (the main guard) во дворѣ замка (а также наружные часовые) состоялъ изъ роты Семеновскаго великаго князя Александра Павловича полка и находился подъ командою капитана изъ гатчинцевъ[2]), который, подобно маріонеткѣ, исполнялъ всѣ внѣшнія формальности службы, не отдавая себѣ, повидимому, никакого отчета, для чего онѣ установлены.

Въ 10 часовъ утра я вывелъ свой караулъ на плацъ-парадъ, а между тѣмъ, какъ происходилъ разводъ, адъю-

---

[1]) Это былъ старшій братъ князя Ливена, бывшаго долгое время посломъ въ Англіи. Графъ Карлъ Ливенъ недолго оставался въ военной службѣ и, удалившись въ свои помѣстья, вскорѣ, по милости Божьей, сдѣлался смиреннымъ и благочестивымъ христіаниномъ. Въ концѣ своей жизни онъ былъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта и президентомъ протестантскаго синода и состоялъ предсѣдателемъ нѣкоторыхъ библейскихъ обществъ. Прим. автора.

[2]) Капитанъ Пейкеръ, служившій до этого въ гатчинскихъ морскихъ батальонахъ. По словамъ графа Ланжерона, «всѣ солдаты и офицеры караула Михайловскаго дворца были посвящены въ секретъ заговора, исключая командира караула Пейкера, «ничтожнаго и глупаго нѣмца».

тантъ нашего полка Ушаковъ сообщилъ мнѣ, что, по именному приказанію великаго князя Константина Павловича, я сегодня назначенъ дежурнымъ полковникомъ по полку. Это было совершенно противно служебнымъ правиламъ, такъ какъ на полковника, эскадронъ котораго стоитъ въ караулѣ и который обязанъ осматривать посты, никогда не возлагается никакихъ иныхъ обязанностей. Я замѣтилъ это Ушакову нѣсколько раздраженнымъ тономъ и уже собирался немедленно пожаловаться великому князю, но, къ удивленію всѣхъ, оказалось, что ни его, ни великаго князя Александра Павловича не было на разводѣ. Ушаковъ не объяснилъ мнѣ причинъ всего этого, хотя, повидимому, онъ ихъ зналъ.

Такъ какъ я не имѣлъ права не исполнить приказанія великаго князя, то я повелъ караулъ во дворецъ и, напомнивъ офицеру о всѣхъ его обязанностяхъ (ибо я не разсчитывалъ уже видѣть его въ теченіе дня), вернулся въ казармы, чтобы исполнить мою должность дежурнаго по полку.

Въ 8 часовъ вечера, принявъ рапорты отъ дежурныхъ офицеровъ пяти эскадроновъ, я отправился въ Михайловскій замокъ, чтобы сдать мой рапортъ великому князю Константину, какъ шефу полка.

Выходя изъ саней у большого подъѣзда, я встрѣтилъ камеръ-лакея собственныхъ его величества аппартаментовъ, который спросилъ меня, куда я иду? Я хорошо зналъ этого человѣка и, думая, что онъ спрашиваетъ меня изъ простого любопытства, отвѣчалъ, что иду къ великому князю Константину.

— Пожалуйста, не ходите,— отвѣчалъ онъ:—ибо я тотчасъ долженъ донести объ этомъ государю.

— Не могу не пойти,—сказалъ я: — потому что я дежурный полковникъ и долженъ явиться съ рапортомъ къ его высочеству; такъ и скажите государю.

Лакей побѣжалъ по лѣстницѣ на одну сторону замка, я поднялся на другую.

Когда я вошелъ въ переднюю Константина Павловича, Рутковскій, его довѣренный камердинеръ, спросилъ меня съ удивленнымъ видомъ:

— Зачѣмъ вы пришли сюда?

Я отвѣтилъ, бросая шубу на диванъ:

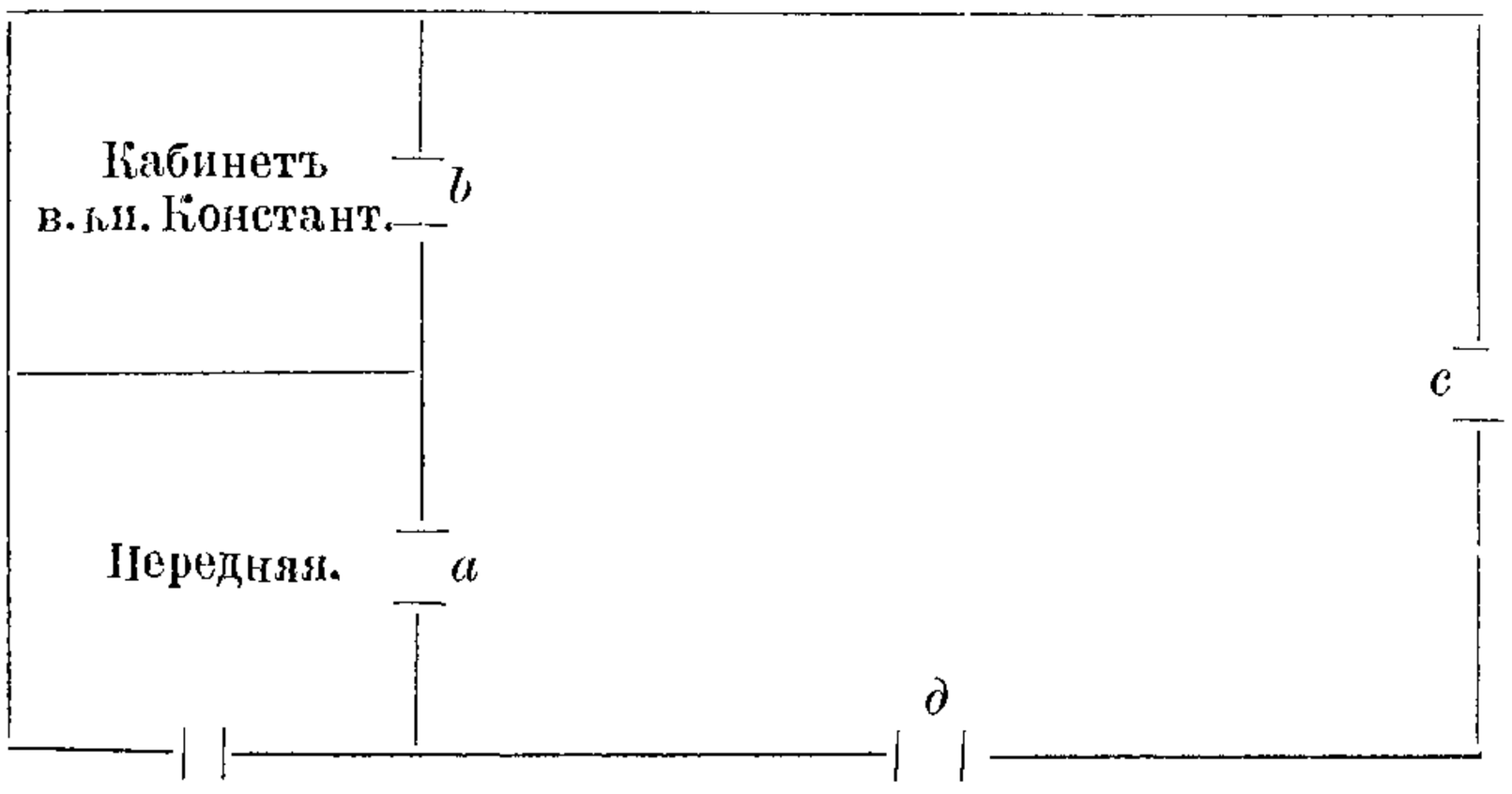
— Вы, кажется, всѣ здѣсь съ ума сошли! Я дежурный полковникъ.

Тогда онъ отперъ дверь и сказалъ:

— Хорошо, войдите.

Я засталъ Константина въ трехъ-четырехъ шагахъ отъ двери *b*; онъ имѣлъ видъ очень взволнованный. Я тотчасъ отрапортовалъ ему о состояніи полка. Между тѣмъ, пока я рапортовалъ, великій князь Александръ вышелъ изъ двери *c*, прокрадываясь, какъ испуганный заяцъ (like a frightened hare). Въ эту минуту открылась задняя дверь *d*, и вошелъ императоръ propria persona, въ сапогахъ со шпорами, съ шляпой въ одной рукѣ и тростью въ другой, и направился къ нашей группѣ церемоніальнымъ шагомъ, словно на парадѣ.

Рис. 1.



Александръ поспѣшно убѣжалъ въ собственный аппартаментъ; Константинъ стоялъ пораженный, съ руками, бьющимися по карманамъ, словно безоружный человѣкъ, очутившійся передъ медвѣдемъ. Я же, повернувшись, по уставу, на каблукахъ, отрапортовалъ императору о состояніи полка. Императоръ сказалъ: «А, ты дежурный!»

очень учтиво кивнулъ мнѣ головой, повернулся и пошелъ къ двери *д*. Когда онъ вышелъ, Александръ немного приоткрылъ свою дверь и заглянулъ въ комнату. Константинъ стоялъ неподвижно. Когда вторая дверь въ ближайшей комнатѣ громко стукнула, какъ будто ее съ силою захлопнули, доказывая, что императоръ дѣйствительно упелъ, Александръ, крадучись, снова подошелъ къ намъ.

Константинъ сказалъ:

— Ну, братецъ, что скажете вы о моихъ?—указывая на меня.—Я говорилъ вамъ, что онъ не испугается!

Александръ спросилъ:

— Какъ? Вы не боитесь императора?

— Нѣтъ, ваше высочество, чего же мнѣ бояться? Я дежурный, да еще внѣ очереди; я исполняю мою обязанность и не боюсь никого, кромѣ великаго князя, и то потому, что онъ мой прямой начальникъ, точно такъ же, какъ мои солдаты не боятся его высочества, а боятся одного меня.

— Такъ вы ничего не знаете?—возразилъ Александръ.

— Ничего, ваше высочество, кромѣ того, что я дежурный не въ очередь.

— Я такъ приказалъ,—сказалъ Константинъ.

— Къ тому же,—сказалъ Александръ, — мы оба подъ арестомъ.

Я засмѣялся. Великій князь сказалъ:

— Отчего вы смѣетесь?

— Оттого,—отвѣтилъ я: — что вы давно желали этой чести.

— Да, но не такого ареста, какому мы подверглись теперь. Насъ обоихъ водилъ въ церковь Обольяниновъ присягать въ вѣрности!

— Меня нѣтъ надобности приводить къ присягѣ, — сказалъ я:—я вѣренъ.

— Хорошо,—сказалъ Константинъ. теперь отправляйтесь домой и, смотрите, будьте осторожны.

Я поклонился и вышелъ

Въ передней, пока камердинеръ Рутковскій подавалъ мнѣ шубу, Константинъ Павловичъ крикнулъ:

— Рутковскій, стаканъ воды!

Рутковскій налилъ, а я замѣтилъ ему, что на поверхности плаваетъ перышко. Рутковскій вынулъ его пальцемъ и, бросивъ на полъ, сказалъ:

— Сегодня оно плаваетъ, но завтра потонетъ.

Загѣмъ я оставилъ дворецъ и отправился домой. Было ровно девять часовъ и, когда я сѣлъ въ свое кресло, я, какъ легко себѣ представить, предался довольно тревожнымъ размышленіямъ по поводу всего, что я только что слышалъ и видѣлъ, въ связи съ предчувствіями, которыя я имѣлъ раньше. Мои размышленія, однакоже, были непродолжительны. Въ три четверти десятаго мой слуга Степанъ вошелъ въ комнату и ввелъ ко мнѣ фельдъегеря.

— Его величество желаетъ, чтобы вы немедленно явились во дворецъ.

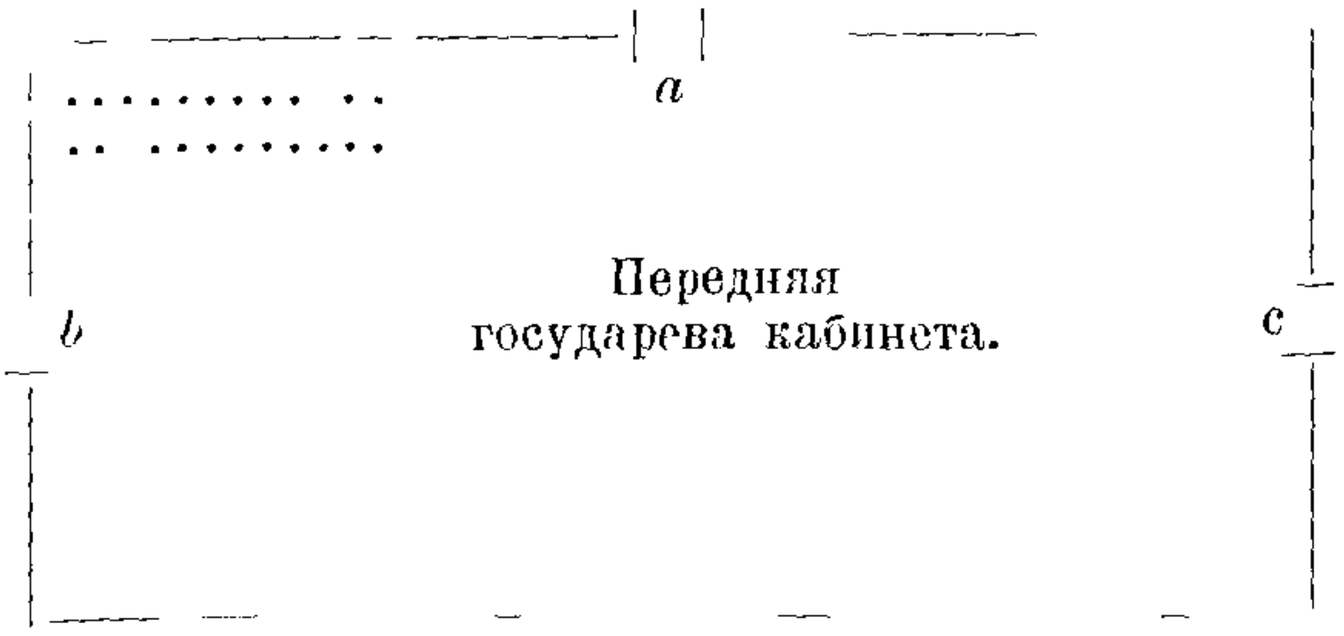
— Очень хорошо,— отвѣчалъ я и велѣлъ подать сани.

Получить такое приказаніе черезъ фельдъегеря считалось въ тѣ времена дѣломъ нешуточнымъ и плохимъ предзнаменованіемъ. Я, однакоже, не имѣлъ дурныхъ предчувствій и, немедленно отправившись къ моему карауду, спросилъ корнета Андреевскаго, все ли обстоитъ благополучно? Онъ отвѣтилъ, что все совершенно благополучно; что императоръ и императрица три раза проходили мимо караула, весьма благосклонно поклонились ему и имѣли видъ очень милостивый. Я сказалъ ему, что за мною послалъ государь и что я не приложу ума, зачѣмъ бы это было. Андреевскій также не могъ догадаться, ибо въ теченіе дня все было въ порядкѣ.

Въ шестнадцать минутъ одиннадцатаго часовой крикнулъ: «вонъ!» и караулъ вышелъ и выстроился. Императоръ показался изъ двери *a*, въ башмакахъ и чулкахъ, ибо онъ шелъ съ ужина. Ему предшествовала любимая его собачка Шпицъ, а слѣдовалъ за нимъ Уваровъ, дежурный генералъ-адъютантъ. Собачка подбѣжала ко мнѣ

и стала ласкаться, хотя прежде того никогда меня не видала. Я отстранилъ ее шляпою, но она опять кинулась

Рис 2-ой.

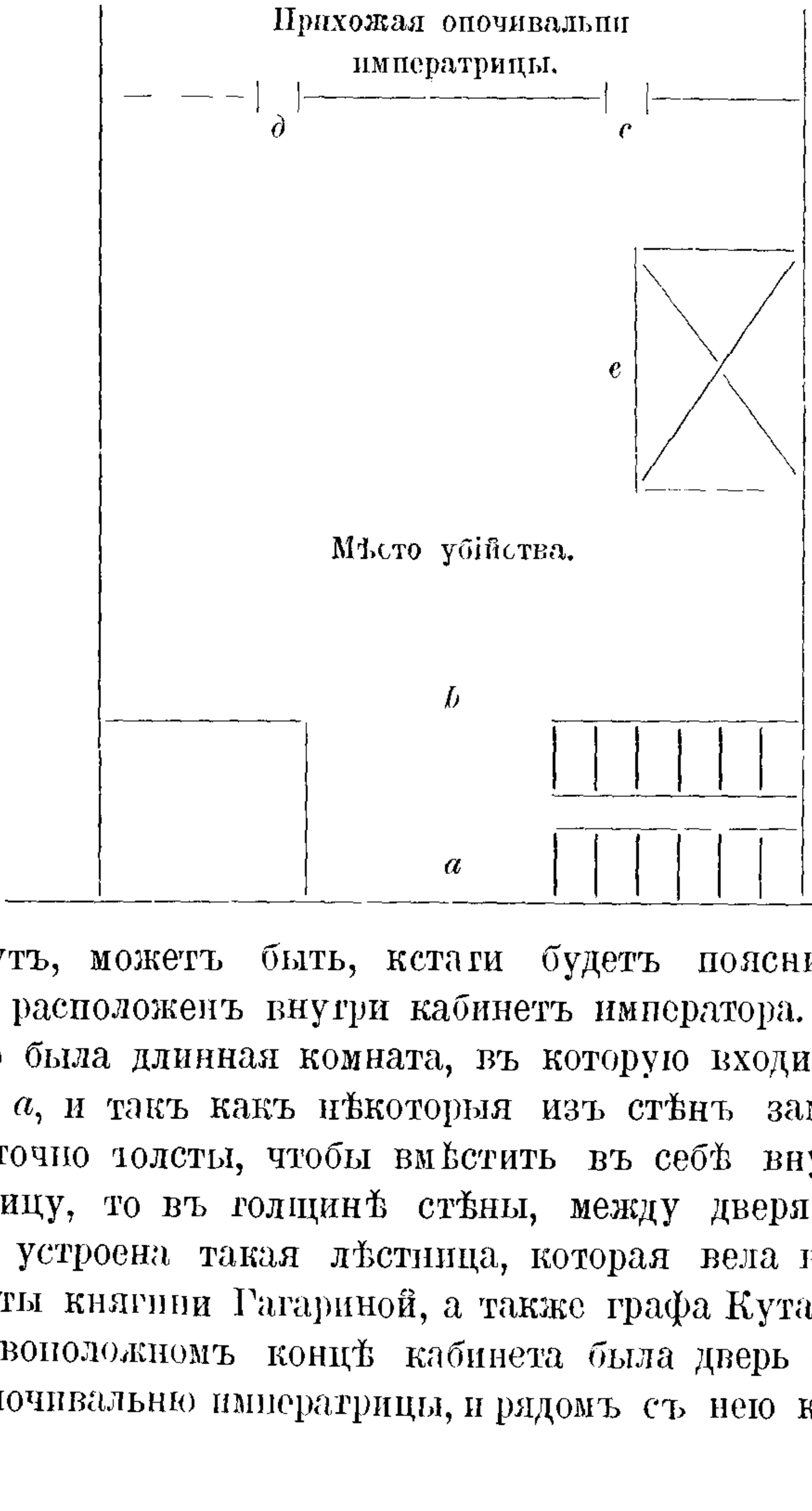


ко мнѣ, и императоръ отогналъ ее ударомъ шляпы, послѣ чего Шницъ сѣлъ позади Павла Петровича на заднія лавки, не переставая пристально глядѣть на меня.

Императоръ подошелъ ко мнѣ (я стоялъ шагахъ въ двухъ отъ караула) и сказалъ по-французски: «Vous êtes des Jacobins». Нѣсколько озадаченный этими словами, я отвѣтилъ: «Oui, Sire». Онъ возразилъ: «Pas Vous, mais le régiment». На это я возразилъ: «Passe encore pour moi, mais vous vous trompez, Sire, pour le régiment». Онъ отвѣтилъ по-русски: «А я лучше знаю. Сводить караулъ!» Я скомандовалъ: «По отдѣленіямъ, направо! Маршъ!». Корнетъ Андреевскій вывелъ караулъ черезъ дверь *b* и отправился съ нимъ домой. Шницъ не шевелился и все время во всѣ глаза смотрѣлъ на меня. Затѣмъ императоръ, продолжая разговоръ по-русски, повторилъ, что мы якобинцы. Я вновь отвергъ это обвиненіе. Онъ снова замѣтилъ, что лучше знаетъ, и прибавилъ, что онъ велѣлъ выслать полкъ изъ города и расквартировать его по деревнямъ, причемъ сказалъ мнѣ весьма милостиво: «А вашъ эскадронъ будетъ помѣщенъ въ Царскомъ Селѣ; два бригадъ-майора будутъ сопровождать полкъ до седьмой версты; распорядитесь, чтобы онъ былъ готовъ утромъ въ четыре часа, въ полной походной формѣ и съ поклажею». Затѣмъ, обращаясь къ двумъ лакеямъ, одѣтымъ въ гусарскую форму, но не вооружен-

нымъ, онъ сказалъ: «Вы же два займите этотъ постъ»,— указывая на дверь *a*. Уваровъ все это время, за спиною государя, дѣлалъ гримасы и усмѣхался, а вѣрный Шницъ, бѣднязкка, все время серьезно смотрѣлъ на меня. Императоръ затѣмъ поклонился мнѣ особенно милостиво и ушелъ въ свой кабинетъ черезъ дверь *a*.

Рис. 3.



Тутъ, можетъ быть, кстати будетъ пояснить, какъ былъ расположенъ внутри кабинетъ императора.

То была длинная комната, въ которую входили черезъ дверь *a*, и такъ какъ нѣкоторыя изъ стѣнъ замка были достаточно толсты, чтобы вмѣстить въ себѣ внутреннюю лѣстницу, то въ толщинѣ стѣны, между дверями *a b*, и была устроена такая лѣстница, которая вела въ апартаменты княгини Гагариной, а также графа Кутайсова. На противоположномъ концѣ кабинета была дверь *c*, ведшая въ опочивальню императрицы, и рядомъ съ нею каминъ *d*;

на правой сторонѣ стояла походная кровать императора *е*, надъ которою всегда висѣли: шпага, шарфъ и трость его величества. Императоръ всегда спалъ въ кальсонахъ и въ бѣломъ полотняномъ камзолѣ съ рукавами.

Получивъ, какъ сказано выше, приказанія отъ его величества, я вернулся въ полкъ и передалъ ихъ генералу Тормасову, который молча покачалъ головою и велѣлъ мнѣ сдѣлать въ казармахъ распоряженія, чтобы все было готово и лошади осѣдланы къ четыремъ часамъ. Это было ровно въ 11 часовъ, за часъ до полуночи. Я вернулся къ своему вольтеровскому креслу въ глубокомъ раздумьи.

Нѣсколько минутъ послѣ часа пополуночи, 12 марта, Степанъ, мой камердинеръ, опять вошелъ въ мою комнату съ собственнымъ ѣздовымъ великаго князя Константина, который вручилъ мнѣ собственноручную записку его высочества [1]), написанную, повидимому, весьма спѣшно и взволнованнымъ почеркомъ, въ которой значилось слѣдующее:

«Собрать тотчасъ же полкъ верхомъ, какъ можно скорѣе, съ полною аммуниціею, но безъ поклажи и ждать моихъ приказаній».

(подписано) «Константинъ Цесаревичъ».

Потомъ ѣздовой на словахъ прибавилъ: «его высочество приказалъ мнѣ передать вамъ, что дворецъ окруженъ войсками и чтобы вы зарядили карабины и пистолеты боевыми патронами».

Я тотчасъ велѣлъ моему камердинеру надѣть шубу и шапку и идти за мною. Я довелъ его и ѣздового до воротъ казармы и поручилъ послѣднему доложить его высочеству, что приказанія его будутъ исполнены. Камердинера же своего я послалъ въ домъ къ моему отцу, разсказать все то, что онъ слышалъ, и велѣлъ ему оставаться тамъ, пока самъ не пріѣду.

---

[1]) Подлинникъ находится во владѣніи издателя «Fraser's Magazine». Прим. англійской редакціи.

Я зналъ то вліяніе, которое имѣю на солдатъ, и что безъ моего согласія они не двинутся съ мѣста; къ тому же я былъ, очевидно, обязанъ ограждать ихъ отъ ложныхъ слуховъ. Наша казарма была домъ съ толстыми стѣнами, выстроенный въ видѣ пустого четыреугольника, съ двумя только воротами. Такъ какъ была еще зима и вездѣ были вставлены двойныя окна, то я легко могъ сдѣлать изъ этого зданія непроницаемую крѣпость, заперевъ наглухо и заколотивъ гвоздями задния ворота и поставивъ у переднихъ воротъ парныхъ часовыхъ со строгимъ приказаніемъ никого не впускать. Я поступилъ такъ потому, что не былъ вполнѣ увѣренъ въ образѣ мыслей генерала Тормасова при данныхъ обстоятельствахъ; вотъ почему я распорядился поставить у дверей его квартиры часового, строго приказавъ ему никого не пропускать.

Затѣмъ я отправился въ конюшни, велѣлъ созвать солдатъ и немедленно сѣдлать лошадей. Такъ какъ дѣло было зимою, то мы были принуждены зажечь свѣчи, яркій свѣтъ которыхъ тотчасъ разбудилъ весь полкъ. Нѣкоторые изъ полковниковъ упрекнули меня въ томъ, что я такъ «чертовски спѣшу», когда до четырехъ часовъ еще времени достаточно. Я не отвѣчалъ, но такъ какъ, зная меня, они разсудили, что я не сталъ бы дѣйствовать такимъ образомъ безъ уважительныхъ причинъ, то всѣ они послѣдовали моему примѣру, каждый въ своемъ эскадронѣ. Тѣмъ не менѣе, когда я приказалъ заряжать карабины и пистолеты боевыми патронами, всѣ они возражали, и у насъ вышелъ маленькій споръ; но такъ какъ я лично получилъ приказанія отъ его высочества, они пришли къ убѣжденію, что я, должно быть, правъ и поступили такъ же, какъ и я.

Между тремя и четырьмя часами утра меня вызвали къ передовому караулу у воротъ. Тутъ я увидѣлъ Ушакова, нашего полкового адъютанта.

— Откуда вы? Вы не ночевали въ казармѣ? — спросилъ я его.

— Я изъ Михайловскаго замка.

— А что тамъ дѣлается?

— Императоръ Павелъ умеръ, и Александръ провозглашенъ императоромъ.

— Молчите! — отвѣчалъ я и тотчасъ повелъ его къ генералу, отпустивъ поставленный мною караулъ.

Мы вошли въ гостиную, которая была рядомъ со спальнею. Я довольно громко крикнулъ:

— Генералъ, генералъ, Александръ Петровичъ!

Жена его проснулась и спросила:

— Кто тамъ?

— Полковникъ Саблуковъ, сударыня.

— А, хорошо, — и она разбудила своего мужа. Его превосходительство надѣлъ халатъ и туфли и вышелъ въ ночномъ колпакѣ, протирая себѣ глаза, еще полусонный.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ онъ.

— Вотъ, ваше превосходительство, адъютантъ, онъ только что изъ дворца и все вамъ скажетъ...

— Что же, сударь, случилось? — обратился онъ къ Ушакову.

— Его величество государь императоръ скончался: онъ умеръ отъ удара...

— Что такое, сударь? Какъ смѣете вы это говорить?!— воскликнулъ генералъ.

— Онъ, дѣйствительно, умеръ,—сказалъ Ушаковъ:—великій князь вступилъ на престолъ, и военный губернаторъ передалъ мнѣ приказъ, чтобы ваше превосходительство немедленно привели полкъ къ присягѣ императору Александру.

Онъ сказалъ намъ тоже, что Михайловскій замокъ окруженъ войсками и что Александръ съ женою Елизаветой переѣхалъ въ Зимній дворецъ подъ прикрытіемъ кавалергардовъ, которыми предводительствовалъ самъ Уваровъ.

Убѣдившись въ справедливости сообщеннаго извѣстія, генералъ Тормасовъ сказалъ мнѣ по-французски:

— Eh bien, mon cher colonel, faites sortir le régiment, preparez le prêtre et l'Evangile et réglez

tout cela. Je m'habillerai et je descendrai tout de suite.

Ушаковъ въ заключеніе прибавилъ, что генералъ Бенигсенъ былъ оставленъ комендантомъ Михайловскаго замка.

12 марта, между четырьмя и пятью часами утра, когда только чго начинало свѣтать, весь полкъ былъ выстроенъ въ пѣшемъ строю на дворѣ казармъ. Отецъ Иванъ, нашъ полковой священникъ, вынесъ крестъ и евангеліе на аналоѣ и поставилъ его передъ полкомъ. Генералъ Тормасовъ громко объявилъ о томъ, что случилось: что императоръ Павелъ скончался отъ апоплектическаго удара и что Александръ I вступилъ на престолъ. Затѣмъ онъ велѣлъ приступить къ присягѣ. Рѣчь эта произвела мало впечатлѣнія на солдатъ: они не отвѣтили на нее криками «ура», какъ онъ того ожидалъ. Онъ затѣмъ пожелалъ, чтобы я, въ качествѣ дежурнаго полковника, поговорилъ съ солдатами. Я началъ съ лейбъ-эскадрона, въ которомъ я служилъ столько лѣтъ, что зналъ въ лицо каждаго рядового. На правомъ флангѣ стоялъ рядовой Григорій Ивановъ, примѣрный солдатъ, статный и высокаго роста. Я сказалъ ему:

— Ты слышалъ, что случилось?

— Точно такъ.

— Присягнете вы теперь Александру?

— Ваше высокоблагородіе,—отвѣгилъ онъ:—видѣли ли вы императора Павла дѣйствительно мертвымъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я.

— Не чудно̀ ли было бы,—сказалъ Григорій Ивановъ:—если бы мы присягнули Александру, пока Павелъ еще живъ?

— Конечно — отвѣтилъ я.

Тутъ Тормасовъ шопотомъ сказалъ мнѣ по-французски:

— Cela est mal, arrangez cela.

Тогда я обратился къ генералу и громко, по-русски, сказалъ ему:

— Позвольте мнѣ замѣтить, ваше превосходительство, что мы приступаемъ къ присягѣ не по уставу: присяга никогда не приносится безъ штандартовъ.

Тутъ я шепнулъ ему по-французски, чтобы онъ приказалъ мнѣ послать за ними.

Генералъ сказалъ громко:

— Вы совершенно правы, полковникъ, пошлите за штандартами.

Я скомандовалъ первому взводу сѣсть на лошадей и велѣлъ взводному командиру, корнету Филатьеву, непремѣнно показать солдатамъ императора Павла, живого или мертваго.

Когда они прибыли во дворецъ, генералъ Бенигсенъ, въ качествѣ коменданта дворца, велѣлъ имъ принять штандарты, но корнетъ Филатьевъ замѣтилъ ему, что необходимо прежде показать солдатамъ покойника. Тогда Бенигсенъ воскликнулъ: «Mais c'est impossible, il est abimé, fracassé, on est actuellement à le peindre et à l'arranger»!

Филатьевъ отвѣтилъ, что, если солдаты не увидятъ Павла мертвымъ, полкъ отказывается присягнуть новому государю. — «Ah, ma foi!» сказалъ старикъ Бенигсенъ: «s'ils lui sont si attachés, ils n'ont qu'à le voir». Два ряда были впущены и видѣли тѣло императора.

По прибытіи штандартовъ, имъ были отданы обычныя почести съ соблюденіемъ необходимаго этикета. Ихъ передали въ соотвѣтствующіе эскадроны, и я приступилъ къ присягѣ. Прежде всего я обратился къ Григорію Иванову:

— Что же, братецъ, видѣлъ ты государя Павла Петровича? Дѣйствительно онъ умеръ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, крѣпко умеръ!

— Присягнешь ли ты теперь Александру?

— Точно такъ... хотя лучше покойнаго ему не быть... А, впрочемъ, все одно: кто ни попъ, тотъ и батька.

Такъ окончился обрядъ (присяги), который, по смыслу своему, долженствовалъ быть священнымъ таинствомъ: впрочемъ, онъ всегда и былъ таковымъ... для солдатъ.

Теперь я буду продолжать свое повѣствованіе уже со словъ другихъ лицъ, но на основаніи данныхъ самыхъ достовѣрныхъ и ближайшихъ къ тому времени, когда совершилась эта ужасная катастрофа.

Вечеромъ 12 марта заговорщики раздѣлились на небольшіе кружки. Ужинали у полковника Хитрово, у двухъ генераловъ Ушаковыхъ, у Депрерадовича (Семеновскаго полка) и у нѣкоторыхъ другихъ. Поздно вечеромъ всѣ соединились вмѣстѣ за однимъ общимъ ужиномъ, на которомъ присутствовали: генералъ Бенигсенъ и графъ Паленъ. Было выпито много вина и многіе выпили болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Въ концѣ ужина, какъ говорятъ, Паленъ будто бы сказалъ: «Rappelez-vous, messieurs, que pour manger d'une omelette il faut commencer par casser les œufs».

Говорятъ, что за этимъ ужиномъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка полковникъ Бибиковъ, прекрасный офицеръ, находившійся въ родствѣ со всею знатью, будто бы, высказалъ во всеуслышаніе мнѣніе, что нѣтъ смысла стараться избавиться отъ одного Павла, что Россіи не легче будетъ съ остальными членами его семьи и что лучше всего было бы отдѣлаться отъ нихъ всѣхъ сразу. Какъ ни возмутительно подобное предположеніе, достойно вниманія то, что оно было вторично высказано въ 1825 году, во время послѣдняго заговора, сопровождавшаго вступленіе на престолъ императора Николая I.

Около полуночи большинство полковъ, принимавшихъ участіе въ заговорѣ, двинулись ко дворцу. Впереди шли семеновцы, которые и заняли внутренніе коридоры и проходы замка.

Заговорщики встали съ ужина немного позже полуночи. Согласно выработанному плану, сигналъ къ вторженію во внутреннie аппартаменты дворца и въ самый кабинетъ императора долженъ былъ подать Аргамаковъ, адъютантъ гренадерскаго батальона Преображенскаго полка, обязанность котораго заключалась въ томъ, чтобы до-

кладывать императору о пожарахъ, происходящихъ въ городѣ Аргамаковъ вбѣжалъ въ переднюю государева кабинета, гдѣ недавно еще стоялъ караулъ отъ моего эскадрона, и закричалъ «пожаръ»!

Въ это время заговорщики, числомъ до 180-ти человѣкъ, бросились въ дверь *a* (см рис 3). Тогда Маринъ, командовавшій внутреннимъ пѣхотнымъ карауломъ, удалилъ вѣрныхъ гренадеръ Преображенскаго лейбъ-батальона, разставивъ ихъ часовыми, а тѣхъ изъ нихъ, которые прежде служили въ лейбъ-гренадерскомъ полку, помѣстилъ въ передней государева кабинета, сохранивъ, такимъ образомъ, этотъ важный постъ въ рукахъ заговорщиковъ.

Два камеръ-гусара, стоявшие у двери *a*, храбро защищали свой постъ, но одинъ изъ нихъ былъ заколотъ, а другой раненъ [1]). Найдя первую дверь (*a*), ведшую въ спальню, незапертою, заговорщики сначала подумали, что императоръ скрылся по внугренней лѣстницѣ (и это легко бы удалось), какъ это сдѣлалъ Кутайсовъ. Но когда они подошли ко второй двери (*b*), то нашли ее запертою изнутри, что̀ доказывало, что императоръ, несомнѣнно, находился въ спальнѣ.

Взломавъ дверь (*b*), заговорщики бросились въ комнату, но императора въ ней не оказалось. Начались поиски, но безуспѣшно, несмотря на то, что дверь *c*, ведшая въ опочивальню императрицы, также была заперта изнутри. Поиски продолжались нѣсколько минутъ, когда вошелъ генералъ Бенигсенъ, высокаго роста, флегматичный человѣкъ, онъ подошелъ къ камину (*d*), прислонился къ нему и въ это время увидѣлъ императора, спрятавшагося за экраномъ. Указавъ на него пальцемъ, Бенигсенъ сказалъ по-французски: «le voilà», послѣ чего Павла тотчасъ вытащили изъ его прикрытія.

---

[1]) Это былъ камеръ-гусаръ Кириловъ, впослѣдствіи служивший камердинеромъ при вдовствующей государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ

Князь Платонъ Зубовъ [1]), дѣйствовавшій въ качествѣ оратора и главнаго руководителя заговора, обратился къ императору съ рѣчью. Отличавшійся обыкновенно большою нервностью, Павелъ на этотъ разъ, однако, не казался особенно взволнованнымъ и, сохраняя полное достоинство, спросилъ, что имъ всѣмъ нужно?

Платонъ Зубовъ отвѣчалъ, что деспотизмъ его сдѣлался настолько тяжелымъ для націи, что они пришли требовать его отреченія отъ престола.

Императоръ, преисполненный искренняго желанія доставить своему народу счастье, сохранять нерушимо законы и постановленія имперіи и водворить повсюду правосудіе, вступилъ съ Зубовымъ въ споръ, который длился около получаса и который, въ концѣ концовъ, принялъ бурный характеръ. Въ это время тѣ изъ заговорщиковъ, которые слишкомъ много выпили шампанскаго, стали выражать нетерпѣніе, тогда какъ императоръ, въ свою очередь, говорилъ все громче и началъ сильно жестикулировать. Въ это время шталмейстеръ графъ Николай Зубовъ [2]), человѣкъ громаднаго роста и необыкновенной силы, будучи совершенно пьянъ, ударилъ Павла по рукѣ и сказалъ: «что ты такъ кричишь!».

При этомъ оскорбленіи императоръ съ негодованіемъ оттолкнулъ лѣвую руку Зубова, на что послѣдній, сжимая въ кулакѣ массивную золотую табакерку, со всего размаху нанесъ правою рукою ударъ въ лѣвый високъ императора, вслѣдствіе чего тотъ безъ чувствъ повалился на полъ. Въ ту же минуту французъ-камердинеръ Зубова вскочилъ съ ногами на животъ императора, а Скарятинъ, офицеръ Измайловскаго полка, снявъ висѣвшій надъ кроватью соб-

---

[1]) Зубовъ, князь Платонъ Александровичъ. Ген.-отъ инф., шефъ 1-го кадетскаго корпуса. Впослѣд. членъ госуд. совѣта. Род. 1767 † 1822.

[2]) Зубовъ, графъ Николай Александр. Оберъ-шталмейстеръ. 1763 † 1805. Былъ женатъ на единственной дочери фельдмаршала Суворова, княжнѣ Натали Александровнѣ, извѣстной подъ именемъ «Суворочки».

ственный шарфъ императора, задушилъ его имъ. Такимъ образомъ его прикончили.

На основаніи другой версіи, Зубовъ, будучи сильно пьянъ, будто бы запустилъ пальцы въ табакерку, которую Павелъ держалъ въ рукахъ. Тогда императоръ первый ударилъ Зубова и, такимъ образомъ, самъ началъ ссору. Зубовъ, будто бы, выхватилъ табакерку изъ рукъ императора и сильнымъ ударомъ сшибъ его съ ногъ. Но это едва ли правдоподобно, если принять во вниманіе, что Павелъ выскочилъ прямо изъ кровати и хотѣлъ скрыться. Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что табакерка играла въ этомъ событіи извѣстную роль.

Итакъ, произнесенныя Паленомъ за ужиномъ слова «qu'il faut commencer par casser les oeufs» не были забыты и, увы, приведены въ исполненіе.

Называли имена нѣкоторыхъ лицъ, которыя выказали при этомъ случаѣ много жестокости, даже звѣрства, желая выместить полученныя отъ императора оскорбленія на безжизненномъ его тѣлѣ, такъ что докторамъ и гримерамъ было не легко привести тѣло въ такой видъ, чтобы можно было выставить его для поклоненія, согласно существующимъ обычаямъ. Я видѣлъ покойнаго императора, лежащаго въ гробу [1]). На лицѣ его, несмотря на старательную гримировку, видны были черныя и синія пятна Его треугольная шляпа была такъ надвинута на голову, чтобы, по возможности, скрыть лѣвый глазъ и високъ, который былъ зашибленъ.

Такъ умеръ 12-го марта 1801 года одинъ изъ государей, о которомъ исторія говоритъ какъ о монархѣ, преисполненномъ многихъ добродѣтелей, отличавшемся неутомимой дѣятельностью, любившемъ порядокъ и справедли-

---

[1]) Говорятъ (изъ достов. источника), что, когда дипломатическій корпусъ былъ допущенъ къ тѣлу, французскій посолъ, проходя, нагнулся надъ гробомъ и, задѣвъ рукою за галстукъ императора, обнаружилъ красный слѣдъ вокругъ шеи, сдѣланный шарфомъ.

Прим автора.

вость и искренно набожномъ. Въ день своей коронаціи онъ опубликовалъ актъ, устанавливавшій порядокъ престолонаслѣдія въ Россіи. Земледѣліе, промышленность, торговля, искусства и науки имѣли въ немъ надежнаго покровителя. Для насажденія образованія и воспитанія онъ основалъ въ Дерптѣ университетъ, въ Петербургѣ училище для военныхъ сиротъ (Павловскій корпусъ), для женщинъ—институтъ ордена св. Екатерины и учрежденія вѣдомства императрицы Маріи.

Нельзя безъ отвращенія упоминать объ убійцахъ, отличавшихся своимъ звѣрствомъ во время этой катастрофы. Я могу только присовокупить, что большинство изъ нихъ я зналъ до самаго момента ихъ кончины, которая у многихъ представляла ужасную нравственную агонію въ связи съ самыми жестокими тѣлесными муками.

Да будетъ благословенна благодѣтельная десница Провидѣнія, сохранившая меня отъ всякаго соучастія въ этомъ страшномъ злодѣяніи!

Возвращаюсь теперь къ трагическимъ происшествіямъ 12-го марта 1801 года.

Какъ только шталмейстеръ Сергѣй Ильичъ Мухановъ, состоявшій при особѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, узналъ о томъ, что случилось, онъ поспѣшно разбудилъ графиню Ливенъ, старшую статсъ-даму и воспитательницу августѣйшихъ дѣтей, ближайшаго и довѣреннаго друга императрицы, особу большого ума и твердаго характера, одаренную почти мужскою энергіею.

Графиня Ливенъ отправилась въ опочивальню ея величества. Было два часа пополуночи. Государыня вздрогнула и спросила:

— Кто тамъ?

— Это я, ваше величество!..

— О,—сказала императрица,—я увѣрена, что Александра [1]) умерла.

— Нѣтъ, государыня, не она...

— О! такъ это императоръ!..

При этихъ словахъ императрица стремительно поднялась съ постели и, какъ была, безъ башмаковъ и чулокъ, бросилась къ двери, ведущей въ кабинетъ императора, служившій ему и спальнею. Графиня Ливенъ имѣла только время набросить салопъ на плечи ея величества.

Между спальнями императора и императрицы была комната съ особымъ входомъ и внутреннею лѣстницею. Сюда введенъ былъ пикетъ семеновцевъ, чтобы не допускать никого въ кабинетъ императора съ этой стороны. Этотъ пикетъ находился подъ командою моего двоюроднаго брата, капитана Александра Волкова, офицера, лично извѣстнаго императрицѣ и пользовавшагося особымъ ея покровительствомъ.

Въ ужасномъ волненіи, съ распущенными волосами и въ описанномъ уже костюмѣ, императрица вбѣжала въ эту комнату съ крикомъ: «пустите меня! пустите меня»! Гренадеры скрестили штыки. Со слезами на глазахъ она обратилась тогда къ Волкову и просила пропустить ее. Онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ права. Тогда она опустилась на полъ и, обнимая колѣна часовыхъ. умоляла пропустить ее. Грубые солдаты рыдали при видѣ ея горя, но съ твердостью исполнили приказъ Тогда императрица встала съ достоинствомъ и твердою походкой вернулась въ свою спальню. Блѣдная и неподвижная, какъ мраморная статуя, она опустилась въ кресло и въ такомъ состояніи ее одѣли.

Мухановъ, ея вѣрный другъ, былъ первымъ мужчиною, котораго она допустила въ свое присутствіе, и съ этой минуты онъ постоянно былъ при ней до самой смерти [2]).

---

[1]) Великая княгиня Александра Павловна, супруга эрцгерцога Іосифа, палатина венгерскаго.

[2]) Какъ воспоминаніе объ услугахъ, оказанныхъ Мухановымъ въ эту эпоху, государыня Марія Осодоровна подарила ему свой портретъ.

Рано утромъ (12-го марта) изъ Зимняго дворца явился посланный; если я не ошибаюсь, это былъ самъ Уваровъ. Именемъ императора и императрицы, онъ умолялъ вдовствующую государыню переѣхать къ нимъ.

— Скажите моему сыну,—отвѣчала императрица:—что до тѣхъ поръ, пока я не увижу моего мужа мертвымъ собственными глазами, я не признаю Александра своимъ государемъ.

Необходимо теперь замѣтить, что Паленъ не терялъ изъ виду Александра, который былъ молодъ и робокъ. Паленъ не пошелъ вмѣстѣ съ заговорщиками, но остался въ нижнемъ этажѣ вмѣстѣ съ Александромъ, который, какъ извѣстно, находился подъ арестомъ, равно какъ и Константинъ, въ той комнатѣ, гдѣ я ихъ видѣлъ. На этомъ основаніи злые языки впослѣдствіи говорили, что если бы Павелъ спасся (какъ это и могло случиться), графъ Паленъ, вѣроятно, арестовалъ бы Александра и измѣнилъ бы весь ходъ дѣла. Одно не подлежитъ сомнѣнію—это, что Паленъ очень хладнокровно все предусмотрѣлъ и принялъ возможныя мѣры къ тому, чтобы избѣжать всякихъ случайностей. Павелъ, сильно взволнованный въ послѣдніе дни, высказалъ Палену желаніе послать нарочнаго за Аракчеевымъ. Нарочный былъ посланъ, и Аракчеевъ прибылъ въ Петербургъ вечеромъ, въ самый день убійства, но его не пропустили черезъ заставу.

Генералъ Кологривовъ[1]), который командовалъ гусарами и былъ вѣрный и преданный слуга императора, въ этотъ вечеръ былъ у себя дома и игралъ въ вистъ съ генералъ-майоромъ Кутузовымъ[2]), который служилъ подъ его начальствомъ. Ровно въ половинѣ перваго той ночи Кутузовъ вынулъ свои часы и заявилъ Кологривову, что

въ траурномъ платьѣ, прекрасную картину, находящуюся въ настоящее время въ семьѣ Мухановыхъ. Прим. автора.

[1]) Кологривовъ, Андрей Семеновичъ. Род. 1774 † 1825.

[2]) Кутузовъ, Александръ Петровичъ. Род. 1777 † 1817.

онъ арестованъ и что ему приказано наблюдать за нимъ. Вѣроятно, Кутузовъ принялъ необходимыя мѣры на случай сопротивленія со стороны хозяина дома.

Майоръ Горголи [1]), бывшій плацъ-майоромъ, очень милый молодой человѣкъ, получилъ приказаніе арестовать графа Кутайсова и актрису Шевалье, съ которой тотъ былъ въ связи и у которой онъ часто ночевалъ въ домѣ. Такъ какъ его не нашли во дворцѣ, то думали, что онъ у нея. Пронырливый Фигаро, однако, скрылся по потайной лѣстницѣ и, забывъ о своемъ господинѣ, которому всѣмъ былъ обязанъ, выбѣжалъ безъ башмаковъ и чулокъ, въ одномъ халатѣ и колпакѣ, и въ такомъ видѣ бѣжалъ по городу, пока не нашелъ убѣжища въ домѣ Степана Сергѣевича Ланского, который, какъ человѣкъ благородный, не выдалъ его, пока не миновала всякая опасность. Что касается актрисы Шевалье, то, какъ говорятъ, она приложила всѣ старанія, чтобы показаться особенно обворожительной, но Горголи, повидимому, не отдалъ дань ея прелестямъ, такъ что она отдѣлалась однимъ страхомъ.

Можно было думать, что, получивъ упомянутый отвѣтъ отъ своей матери, которую онъ любилъ столь же нѣжно, какъ и былъ любимъ ею, Александръ немедленно придетъ броситься въ ея объятья. Но тогда ему пришлось бы разрѣшить ей взглянуть на тѣло ея убитаго мужа, а этого, увы, нельзя было дозволить; нельзя было допустить императрицу къ тѣлу въ томъ его видѣ, въ какомъ его застали солдаты конной гвардіи Уборка тѣла, гримировка, бальзамированіе и облаченіе въ мундиръ длились болѣе 30-ти часовъ, и только на другой день послѣ смерти, поздно вечеромъ, Павла показали убитой горемъ императрицѣ.

Слѣдующій же день послѣ ужасныхъ событій 11-го марта наглядно показалъ все легкомысліе и пустоту сто-

---

[1]) Горголи, Иванъ Саввичъ. Впослѣдствіи спб полицеймейстеръ. Род. въ 1770 † 1862 г. Сенаторъ и писатель.

личной, придворной и военной публики того времени. Одною изъ главныхъ жестокостей, въ которыхъ обвиняли Павла, считалась его настойчивость и строгость относительно старомодныхъ костюмовъ, прическъ, экипажей и т. п. мелочей. Какъ только извѣстіе о кончинѣ императора распространилось въ городѣ, немедленно же появились прически à la Titus, исчезли косы, обрѣзались пукли и панталоны; круглыя шляпы и сапоги съ отворотами наполнили улицы. Дамы также, не теряя времени, облеклись въ новые костюмы, и экипажи, имѣвшіе видъ старыхъ нѣмецкихъ или французскихъ attelages, исчезли, уступивъ мѣсто русской упряжи, съ кучерами въ національной одеждѣ и съ форейторами (что было строго запрещено Павломъ), которые съ обычной быстротою и криками понеслись по улицамъ. Это движеніе, вдругъ сообщенное всѣмъ жителямъ столицы, внезапно освобожденнымъ отъ строгостей полицейскихъ постановленій и уличныхъ правилъ, дѣйствительно, заставило всѣхъ ощущать, что съ рукъ ихъ, словно по волшебству, свалились цѣпи и что нація, какъ бы находившаяся въ гробу, снова вызвана къ жизни и движенію

Утромъ (12-го марта), въ 10 часовъ, мы всѣ были на парадѣ, во время котораго вся прежняя рутина была соблюдена. Графъ Паленъ держалъ себя, какъ и всегда. Такъ какъ я стоялъ отъ него въ сторонѣ, то онъ подошелъ ко мнѣ сказалъ·

— Je vous ai craint plus, que toute la garnison.

— Et vous avez eu raison,—отвѣчалъ я.

— Aussi,—возразилъ Паленъ:—j'ai eu soin de vous faire renvoyer

Эти слова убѣдили меня въ справедливости разсказа, что императоръ получилъ анонимное письмо съ указаніемъ именъ всѣхъ заговорщиковъ, во главѣ которыхъ стояло имя самого Палена, что, на вопросъ императора, Паленъ не отрицалъ этого факта, но, напротивъ, сказалъ, что, разъ онъ, въ качествѣ военнаго губернатора города, находится во главѣ заговора, его величество можетъ быть увѣренъ,

что все въ порядкѣ. Затѣмъ императоръ благодарилъ Палена и спросилъ его, не признаетъ ли онъ, съ своей стороны, нужнымъ посовѣтовать ему что-нибудь для его безопасности, на что тотъ отвѣчалъ, что ничего больше не требуется: «Развѣ только, ваше величество, удалите вотъ этихъ якобинцевъ» (при этомъ онъ указалъ на дверь, за которою стоялъ караулъ отъ конной гвардіи) «да прикажите заколотить эту дверь» (ведущую въ спальню императрицы). Оба эти совѣта злополучный монархъ не преминулъ исполнить, какъ извѣстно, на свою собственную погибель.

Во время парада заговорщики держали себя чрезвычайно заносчиво и какъ бы гордились совершеннымъ преступленіемъ. Князь Платонъ Зубовъ также появился на парадѣ, имѣя далеко не воинственный видъ со своими улыбочками и остротами, за что онъ былъ особенно отличенъ при дворѣ Екатерины, и о чемъ я не могъ вспомнить безъ отвращенія.

Офицеры нашего полка держались въ сторонѣ и съ такимъ презрѣніемъ относились къ заговорщикамъ, что произошло нѣсколько столкновеній, окончившихся дуэлями. Это дало графу Палену мысль устроить официальный обѣдъ съ цѣлью примиренія разныхъ партій.

Въ концѣ парада мы узнали, что заключенъ миръ съ Англіей и что курьеръ съ трактатомъ уже отправленъ въ Лондонъ къ графу Воронцову. Онъ долженъ былъ ѣхать черезъ Берлинъ, гдѣ графъ получилъ извѣстіе о кончинѣ императора и о мирномъ договорѣ съ Англіей.

Крайне любопытно то, что г-жа Жеребцова предсказала печальное событіе 11-го марта въ Берлинѣ и, какъ только она узнала о совершившемся фактѣ, то отправилась въ Англію и навѣстила своего стараго друга лорда Уитворда, бывшаго въ теченіе многихъ лѣтъ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ. Обстоятельство это впослѣдствіи послужило поводомъ къ распространенію слуха, будто бы катастрофа, закончившаяся смертью Павла, была дѣломъ

рукъ Англіи и англійскаго золота. Но это обвиненіе, несомнѣнно, ложно, ибо, несмотря на всю преступность руководителей заговора, послѣдніе были чужды корыстныхъ цѣлей. Они дѣйствовали изъ побужденій патріотическихъ, и многіе изъ нихъ, подобно обоимъ великимъ князьямъ, были убѣждены въ томъ, что при помощи угрозъ императора можно было заставить отречься отъ престола или, по крайней мѣрѣ, принудить подписать актъ, благодаря которому его деспотизмъ былъ бы ограниченъ. Говорили, что князь Зубовъ въ эту ночь въ кабинетѣ императора держалъ въ рукѣ свертокъ бумаги, на которомъ будто бы написанъ былъ текстъ соглашенія между монархомъ и народомъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ споръ между государемъ и заговорщиками, длившійся довольно долго, не привелъ къ желаемымъ результатамъ, и вскорѣ вспыльчивость и раздражительность Павла возбудили заговорщиковъ, большинство которыхъ были почти совсѣмъ пьяны, вслѣдствіе чего и произошла вышеописанная катастрофа.

Что касается Александра и Константина, то большинство лицъ, близко стоявшихъ къ нимъ въ это время, утверждали, что оба великихъ князя, получивъ извѣстіе о смерти отца, были страшно потрясены, несмотря на то, что сначала имъ сказали, что императоръ скончался отъ удара, причиненнаго ему волненіемъ, вызваннымъ предложеніями, которыя ему сдѣлали заговорщики.

На слѣдующій день, 13-го марта, мы снова явились въ обычный часъ на парадъ. Александръ и Константинъ появились оба и имѣли удрученный видъ.

Нѣкогорые изъ главарей заговора и главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ убійствѣ выглядѣли нѣсколько смущенно. Одинъ графъ Паленъ держалъ себя, какъ обыкновенно; князь Зубовъ былъ болѣе болтливъ и разговорчивъ, чѣмъ наканунѣ.

Тѣло покойнаго императора, загримированное различными художниками, облеченное въ мундиръ, высокіе сапоги со шпорами и въ шляпѣ, надвинутой на голову

Княгиня Анна Петровна Гагарина, рожд Лопухина

Съ портрета, принадлежащаго князю П А Голицыну

(чтобы скрыть тѣвыи високъ), было положено въ гробъ въ которомъ онъ долженъ былъ быть выставленъ передъ народомъ, согласно обычаю. Но еще до ьсего этоіо, убитая горемъ вдова его должна была увидѣть его мертвымъ, безъ чеіо она не соглашалась признать своего сына императоромъ.

Избѣжать этого было невозможно, и роковое посѣщеніе должно было произойти. Подробности этой ужасной сцены были мнѣ сообщены въ тотъ же в черъ С. И. Мухановымъ по возвращеніи его изъ дворца, и нѣтъ словъ, чтобы достаточно выразить скорбь, въ которую былъ погружен этоіъ достойный человѣкъ. Насколько помню, вотъ что онъ сообщилъ мнѣ.

Императрица находилась въ своей спальнѣ, блѣдная, холодная, наподобіе мраморной статуи, точно такою же, какъ она была въ самыи день катастрофы. Александръ и Елизавета прибыли изъ Зимняго дворца, въ сопровожденіи графини Ливенъ и Муханова. Я не знаю, былъ ли тутъ и Константинъ, но кажется, что его не было, а всѣ младшия дѣти были со своими нянями. Опираясь на руку Муханова, императрица направилась къ роковой комнатѣ, причемъ за нею слѣдовалъ Александръ съ Елизаветой, а графиня Ливень несла шлейфъ. Приблизившись къ тѣлу, императрица остановилась въ глубокомъ молчаніи, устремила свой взоръ на покойнаго супруга и не проронила при этомъ ни единой слезы.

Александръ Павловичъ, который теперь самъ впервые увидалъ изуродованное лицо своего отца, накрашенное и подмазанное, былъ пораженъ и стоялъ въ нѣмомъ оцѣпенѣніи. Тогда императрица-мать обернулась къ сыну и съ выраженіемъ глубокаго горя и видомъ полнаго достоинства сказала: «Теперь васъ поздравляю—вы императоръ». При этихъ словахъ Александръ, какъ снопъ, свалился безъ чувствъ, такъ что присутствовавшие на минуту подумали, что онъ мертвъ.

Императрица взглянула на сына безъ всякаго волненія, взяла снова подъ руку Муханова и, поддерживаемая имъ

и графиней Ливенъ, удалилась въ свои аппартаменты. Прошло еще нѣсколько минутъ, пока Александръ пришелъ въ себя, послѣ чего онъ немедленно послѣдовалъ за своей матерью, и тутъ, среди новыхъ потоковъ слезъ, мать и сынъ излили впервые свое горе.

Вечеромъ того же дня императрица снова вошла въ комнату покойнаго, причемъ ее сопровождали только графиня Ливенъ и Мухановъ. Тамъ, распростершись надъ тѣломъ убитаго мужа, она лежала въ горькихъ рыданіяхъ, пока едва не лишилась чувствъ, невзирая на необыкновенную тѣлесную крѣпость и нравственное мужество. Ея два вѣрныхъ спутника увели ее, наконецъ, или, вѣрнѣе, унесли ее обратно въ ея аппартаменты. Въ слѣдующіе дни снова повторились подобныя же посѣщенія покойника, причемъ пріѣзжалъ и императоръ. Послѣ этого убитую горемъ вдовствующую императрицу перевезли въ Зимній дворецъ, а тѣло покойнаго императора со всею торжественностью было выставлено для народа.

Русскій народъ, по самой своей природѣ, глубоко преданъ своимъ государямъ, и эта любовь простолюдина къ своему царю столь же врожденная, какъ любовь пчелъ къ своей маткѣ. Въ этой истинѣ убѣдился декабристъ Муравьевъ, когда, во время возмущенія 1825 года, онъ объявилъ солдатамъ, что императоръ болѣе не царствуетъ, что учреждена республика и установлено, вообще, полное равенство. Тогда солдаты спросили: «Кто же тогда будетъ государемъ?» Муравьевъ отвѣчалъ: «Да никто не будетъ». — «Батюшка», отвѣчали солдаты: «да вѣдь ты самъ знаешь, что это никакъ невозможно». Впослѣдствіи Муравьевъ самъ признался, что въ эту минуту онъ понялъ всю ошибочность своихъ дѣйствій. Въ 1812 году Наполеонъ впалъ въ ту же ошибку въ Москвѣ и заплатилъ за это достаточно дорого, потерявъ всю свою армію.

Приверженность русскаго человѣка къ своему государю особенно ярко высказывается во время поклоненія народа праху умершаго царя. Въ началѣ моего повѣствованія

я уже говорилъ о тѣхъ трогательныхъ сценахъ, которыя происходили послѣ кончины Екатерины, къ праху которой были свободно допущены люди всѣхъ сословій «для поклоненія тѣлу и прощенія». Въ настоящемъ случаѣ запрещено было останавливаться у тѣла императора, но приказано лишь поклониться и тотчасъ уходить въ сторону. Несомнѣнно, что раскрашенное и намазанное лицо императора съ надвинутой на глаза шляпой (что тоже никогда не было въ обычаѣ) не скрылось отъ вниманія толпы и настроило общественное мнѣніе чрезвычайно враждебно по отношенію къ заговорщикамъ.

Желая расположить общественное мнѣніе въ свою пользу, Паленъ, Зубовъ и другіе вожаки заговора рѣшили устр ить большой обѣдъ, въ которомъ должны были принять участіе нѣсколько сотъ человѣкъ. Полковникъ NN, одинъ изъ моихъ товарищей по полку, зашелъ ко мнѣ однажды утромъ, чтобы спросить, знаю ли я что-нибудь о предполагаемомъ обѣдѣ. Я отвѣчалъ, что ничего не знаю. «Въ такомъ случаѣ», сказалъ онъ, «я долженъ сообщить вамъ, что вы внесены въ списокъ приглашенныхъ. Пойдете ли вы туда?»

Я отвѣчалъ, что, конечно, не пойду, ибо не намѣренъ праздновать убійство. — «Въ такомъ случаѣ», отвѣчалъ NN, «никто изъ нашихъ также не пойдетъ». Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

Въ тотъ же день графъ Паленъ пригласилъ меня къ себѣ, и едва я вошелъ въ комнату, онъ сказалъ мнѣ:

— Почему вы отказываетесь принять участіе въ обѣдѣ?

— Parce que je n'ai rien de commun avec ces messieurs,— отвѣчалъ я [1]).

Тогда Паленъ съ особеннымъ одушевленіемъ, но безъ всякаго гнѣва сказалъ: «Вы не правы, Саблуковъ! Дѣло уже сдѣлано, и долгъ всякаго добраго патріота, забывъ всѣ партійные раздоры, думать лишь о благѣ родины и

[1]) Потому что у меня нѣтъ ничего общаго съ этими господами.

соединиться вмѣстѣ для служенія отечеству. Вы такъ же хорошо, какъ и я, знаете, какіе раздоры посѣяло это событіе: неужели же позволить имъ усиливаться? Мысль объ обѣдѣ принадлежитъ мнѣ и я надѣюсь, что онъ успокоитъ многихъ и умиротворитъ умы. Но, если вы теперь откажетесь придти, остальные полковники вашего полка тоже не придутъ, и обѣдъ этотъ произведетъ впечатлѣніе, прямо противоположное моимъ намѣреніямъ. Прошу васъ поэтому принять приглашеніе и быть на обѣдѣ».

Я обѣщалъ Палену исполнить его желаніе.

Я явился на этотъ обѣдъ и другіе полковники тоже, но мы сидѣли отдѣльно отъ другихъ и, сказать правду, я замѣтилъ весьма мало единодушія, несмотря на то, что выпито было не мало шампанскаго. Много сановныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, а также придворныхъ особъ посѣтили эту «оргію», ибо другого названія нельзя дать этому обѣду. Передъ тѣмъ, чтобы встать со стола, главнѣйшіе изъ заговорщиковъ взяли скатерть за четыре угла, всѣ блюда, бутылки и стаканы были брошены въ средину и все это съ большою торжественностью было выброшено черезъ окно на улицу. Послѣ обѣда произошло нѣсколько рѣзкихъ объясненій и, между прочимъ, разговоръ между Уваровымъ и адмираломъ Чичаговымъ, о которомъ я упомянулъ выше.

Въ теченіе нѣкотораго времени все, повидимому, было спокойно и ни о какихъ реформахъ или перемѣнахъ не было слышно. Мы только замѣтили, что Паленъ и Платонъ Зубовъ особенно высоко подняли голову и даже поговаривали, будто послѣдній имѣлъ смѣлость выказать особенное вниманіе къ молодой и прелестной императрицѣ. Императоръ Александръ и великій князь Константинъ Павловичъ ежедневно появлялись на парадѣ, причемъ первый казался болѣе робкимъ и сдержаннымъ, чѣмъ обыкновенно, а второй, напротивъ, не испытывая болѣе страха передъ отцомъ, горячился и шумѣлъ болѣе, чѣмъ прежде?

Несмотря на это, Константинъ, при всей своей вспыльчивости, не былъ лишенъ чувства горечи при мысли о катастрофѣ. Однажды утромъ, спустя нѣсколько дней послѣ ужаснаго событія, мнѣ пришлось быть у его высочества по дѣламъ службы. Онъ пригласилъ меня въ кабинетъ и, заперевъ за собою дверь, сказалъ: «Ну, Саблуковъ, хорошая была каша въ тотъ день!» — «Дѣйствительно, ваше высочество, хорошая каша», отвѣчалъ я: «и я очень счастливъ, что я въ ней былъ ни при чемъ».—«Вотъ что, другъ мой», сказалъ торжественнымъ тономъ великій князь: «скажу тебѣ одно, что послѣ того, что случилось, братъ мой можетъ царствовать, если это ему нравится; но, если бы престолъ когда-нибудь долженъ былъ перейти ко мнѣ, я навѣрно бы отъ него отказался».

Своимъ послѣдующимъ поведеніемъ въ 1825 году, во время вступленія на престолъ Николая I, Константинъ Павловичъ доказалъ, что рѣшеніе его не царствовать было твердо, и въ то время я всегда говорилъ, что всѣ убѣжденія, имѣющія цѣлью склонить его принять корону, не поведутъ ни къ чему и что онъ ни за что не согласится царствовать, какъ онъ это высказалъ мнѣ, спустя нѣсколько дней послѣ смерти отца.

Публика, особенно же низшіе классы и въ числѣ ихъ старообрядцы и раскольники, пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы выразить свое сочувствіе удрученной горемъ вдовствующей императрицѣ. Раскольники были особенно признательны императору Павлу, какъ своему благодѣтелю, даровавшему имъ право публично отправлять свое богослуженіе и разрѣшившему имъ имѣть свои церкви и общины. Какъ выраженіе сочувствія, образа съ соотвѣтствующими надписями изъ священнаго писанія въ большомъ количествѣ присылались императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ со всѣхъ концовъ Россіи. Императоръ Александръ, постоянно навѣщавшій свою удрученную горемъ мать по нѣсколько разъ въ день, проходя однажды утромъ черезъ переднюю,

увидѣлъ въ этой комнатѣ множество образовъ, поставленныхъ въ рядъ. На вопросъ Александра, что это за иконы и почему онѣ тутъ разставлены, императрица отвѣчала, что все это приношенія, весьма для нея драгоцѣнныя, потому что онѣ выражаютъ сочувствіе и участіе народа къ ея горю, при этомъ ея величество присовокупила, что она уже просила Александра Александровича (моего отца, въ то время члена опекунскаго совѣта) взять ихъ и помѣстить въ церковь Воспитательнаго дома Это желаніе императрицы и было немедленно исполнено моимъ отцомъ.

Однажды утромъ, во время обычнаго доклада государю, Паленъ былъ чрезвычайно взволнованъ и съ нескрываемымъ раздраженіемъ сталъ жаловаться его величеству, что императрица-мать возбуждаетъ народъ противъ него и другихъ участниковъ заговора, выставляя напоказъ въ Воспитательномъ домѣ иконы съ надписями вызывающаго характера. Государь, желая узнать, въ чемъ дѣло, велѣлъ послать за моимъ отцомъ. Злополучныя иконы были привезены во дворецъ, и вызывающая надпись оказалась текстомъ изъ священнаго писанія, взятымъ, насколько помню, изъ Книгъ Царствъ [1]).

Императрица-мать была крайне возмущена этимъ поступкомъ Палена, позволившаго себѣ обвинять мать въ глазахъ сына, и заявила свое неудовольствіе Александру. Императоръ, съ своей стороны, высказалъ это графу Палену въ такомъ твердомъ и рѣшительномъ тонѣ, что послѣдній не зналъ, что отвѣчалъ отъ удивленія.

На слѣдующемъ парадѣ Паленъ имѣлъ чрезвычайно недовольный видъ и говорилъ въ крайне рѣзкомъ, несдержанномъ тонѣ Впослѣдствіи даже разсказывали, что онъ дѣлалъ довольно неосторожные намеки на свою власть и на возможность «возводить и низводить монарховъ съ

---

[1]) Вѣроятно, мѣсто изъ IV-ой Книги Царствъ· «Когда Іуй вошелъ въ ворота, она сказала миръ ли Замврію, убійцѣ государя своего?» (Глава IX, 31).

престола». Трудно допустить, чтобы такой человѣкъ, какъ Паленъ, могъ выказать такую безтактную неосторожность; тѣмъ не менѣе, въ тотъ же вечеръ объ этомъ уже говорили въ обществѣ.

Какъ бы то ни было, достовѣрно только то, что, когда на другой день, въ обычный часъ, Паленъ пріѣхалъ на парадъ въ такъ называемомъ «vis-à-vis», запряженномъ шестеркой цугомъ, и собирался выходить изъ экипажа, къ нему подошелъ флигель-адъютантъ государя и, по высочайшему повелѣнію, предложилъ ему выѣхать изъ города и удалиться въ свое курляндское имѣніе.

Паленъ повиновался, не отвѣтивъ ни единаго слова.

Въ высочайшемъ приказѣ было объявлено, что «генералъ-отъ-кавалеріи графъ Паленъ увольняется отъ службы», и въ тотъ же день вечеромъ князю Зубову также предложено оставить Петербургъ и удалиться въ свои помѣстья. Послѣдній тоже безпрекословно повиновался.

Такимъ образомъ, въ силу одного слова юнаго и робкаго монарха, сошли со сцены эти два человѣка, которые возвели его на престолъ, питая, повидимому, надежду царствовать вмѣстѣ съ нимъ.

Въ управленіи государствомъ все шло попрежнему, съ тою только разницею, что во всѣхъ случаяхъ, когда могла быть примѣнена политика Екатерины II, на нее ссылались, какъ на прецедентъ.

Весною того же года, вскорѣ послѣ Пасхи, императрица-мать выразила желаніе удалиться въ свою лѣтнюю резиденцію, Павловскъ, гдѣ было не такъ шумно и гдѣ она могла пользоваться покоемъ и уединеніемъ. Исполняя это желаніе, императоръ спросилъ ея величество, какой караулъ она желаетъ имѣть въ Павловскѣ?

Императрица отвѣчала. «Другъ мой, я не выношу вида ни одного изъ полковъ, кромѣ конной гвардіи».— «Какую же часть этого полка вы желали бы имѣть при себѣ?»—«Только эскадронъ Саблукова», отвѣчала императрица.

Я тотчасъ былъ командированъ въ Павловскъ и эскадронъ мой, по особому повелѣнію государя, былъ снабженъ новыми чапраками, патронташами и пистолетными кобурами съ андреевской звѣздою, имѣющею, какъ извѣстно, надпись съ девизомъ «за вѣру и вѣрность». Эта почетная награда, какъ справедливая дань безукоризненности нашего поведенія во время заговора, была дана сначала моему эскадрону, а затѣмъ распространена на всю конную гвардію Кавалергардскій полкъ, принимавшій столь дѣятельное участіе въ заговорѣ, былъ чрезвычайно обиженъ, что столь видное отличіе дано было исключительно нашему полку. Генералъ Уваровъ горько жаловался на это, и тогда государь, въ видахъ примиренія, велѣлъ дать ту же звѣзду всѣмъ кирасирамъ и штабу арміи, что̀ осталось и до настоящаго времени [1]).

Служба моя въ Павловскѣ при ея величествѣ продолжалась до отъѣзда всего двора въ Москву на коронацію императора Александра Каждую ночь я, подобно сторожу, обходилъ всѣ ближайшіе къ дворцу сады и цвѣтники, среди которыхъ разбросаны были всевозможные памятники, воздвигнутые въ память различныхъ событій супружеской жизни покойнаго императора Здѣсь, подобно печальной тѣни, удрученная горемъ, Марія Ѳеодоровна, одѣтая въ глубокій трауръ, бродила по ночамъ среди мраморныхъ памятниковъ и плакучихъ ивъ, проливая слезы въ теченіе долгихъ, безсонныхъ ночей. Нервы ея были до того напряжены, что малѣйшій шумъ пугалъ ее и обращалъ въ бѣгство. Вотъ почему моя караульная служба въ Павловскѣ сдѣлалась для меня священной обязанностью, которую я исполнялъ съ удовольствіемъ.

Императрица-мать не искала въ забвеніи облегченія своего горя: напротивъ, она какъ бы находила утѣшеніе, выпивая до дна горькую чашу душевныхъ мукъ. Самая

---

[1]) Въ настоящее время звѣзда эта имѣется на головныхъ уборахъ всѣхъ полковъ гвардіи.

кровать, на которой Павелъ испустилъ послѣднее дыханіе, съ одѣялами и подушками, окрашенными его кровью, была привезена въ Павловскъ и помѣщена за ширмами, рядомъ съ опочивальнею государыни, и въ теченіе всей своей жизни вдовствующая императрица не переставала посѣщать эту комнату Недавно мнѣ передавали, что эту кровать, послѣ смерти государыни, перевезли въ Гатчину и помѣстили въ маленькую комнату, въ которой я такъ часто слышалъ молитвы Павла Обѣ двери этой комнаты, говорятъ, были заколочены наглухо, равно какъ въ Михайловскомъ замкѣ двери, ведущія въ кабинетъ императора, гдѣ произошло убійство.

Въ заключеніе скажу, что императоръ Павелъ, несмотря на необычайное увлеченіе нѣкоторыми женщинами, былъ всегда нѣжнымъ и любящимъ мужемъ для Маріи Ѳеодоровны, отъ которой онъ имѣлъ 8 дѣтей, изъ коихъ послѣдними были Николай, родившійся въ 1796 г, и Михаилъ въ 1798 г.

Достойно вниманія и то обстоятельство, что Екатерина Ивановна Нелидова, которою Павелъ такъ восторженно увлекался, сохранила дружбу и уваженіе императрицы Маріи Ѳеодоровны до послѣднихъ дней ея жизни. Не есть ли это лучшее доказательство того, что до того времени, когда императоръ Павелъ попалъ въ сѣти Гагариной и ея клевретовъ, онъ, дѣйствительно, былъ нравственно чистъ въ своемъ поведеніи?

Какой поучительный примѣръ для государей, указывающій на необходимость всегда остерегаться вліянія льстивыхъ царедворцевъ, единственною заботой которыхъ всегда было и будетъ потворство ихъ слабостямъ ради личныхъ цѣлей.

ЗАПИСКИ А. Н. ВЕЛЬЯМИНОВА-ЗЕРНОВА [1].

Убіеніе Павла I.

---

[1]) Александръ Николаевичъ Вельяминовъ-Зерновъ происходилъ отъ древней фамиліи, родоначальникомъ которой былъ крещенный въ 1330 г выходецъ изъ Золотой Орды Четъ Вельяминовы занимали высокія мѣста въ придворной и государственной службѣ Одинъ изъ нихъ, Михаилъ, былъ въ апрѣлѣ 1595 г. отправленъ посломъ ко двору императора Рудольфа II. Ал. Ник. служилъ въ гвардіи, вышелъ въ отставку въ 1799 г. и сдѣланъ сенаторомъ. Онъ собиралъ тщательно всѣ извѣстія о заговорѣ и о кончинѣ Павла I.

Императоръ Павелъ I взошелъ на престолъ 6 ноября 1796 г. Онъ былъ въ чрезвычайномъ раздраженіи противъ матери своей, Екатерины II. Преданіе говоритъ, что причиною этой ненависти были фавориты Екатерины Орловы покушались на жизнь его [1]), Потемкинъ обращался съ нимъ съ величайшимъ презрѣніемъ и заносчивостью, какъ и со всѣмъ міромъ, но его высокомѣрному характеру; Зубовъ тоже не оказывалъ ему должнаго вниманія, какъ наслѣднику престола. Мнѣ кажется, однако, что коренною причиною этой ненависти было внушеніе, сдѣланное Павлу при его воспитаніи. Ему натолковали съ дѣтскихъ лѣтъ, что Екатерина похитила престолъ, ему принадлежащій, что онъ бы долженъ царствовать, а она повиноваться; а самолюбіе подсказывало ему, что онъ царствовалъ бы и распоряжался бы лучше ея. Самолюбіе всегда обманываетъ дѣтей; но едва ли оно когда-нибудь обманывало сильнѣе, чѣмъ въ этомъ случаѣ Послѣ такого критическаго и опаснаго переворота, которымъ Екатерина взошла на престолъ, слѣдовало бы принять гораздо болѣе осторожную систему въ воспитаніи наслѣдника—слѣдовало бы воспитать его такимъ кроткимъ и покорнымъ, какимъ

---

[1]) Князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ разсказывалъ князю Лобанову-Ростовскому въ 1869 г., что онъ знаетъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что раздражительность Павла происходила вслѣдствіе попытки отравить его. (См Шильдеръ Павелъ I Стр. 580.) Изд

позже воспитала Екатерина внука своего Александра; но она, кажется, не смѣла смѣнить находившагося при немъ графа Н. И. Панина, и не имѣла, кѣмъ замѣнить его. Такія стѣснительныя въ этомъ отношеніи обстоятельства Екатерины проистекали изъ того, что она взошла на престолъ насильственнымъ и беззаконнымъ образомъ. И странно, какъ это удалось! Два гвардейскіе офицера, братья Орловы, почти безъ всякаго участія вельмож., генераловъ, сената, синода и прочихъ коллегій, императрицу, гонимую мужемъ своимъ, привозятъ наудачу къ командиру одного гвардейскаго полка, по темной надеждѣ на его къ ней расположеніе, собираютъ три полка гвардіи, убѣждаютъ присягнуть ей, низвергаютъ и задушаютъ царствовавшаго императора и, такимъ образомъ, въ двое сутокъ дѣлаютъ совершенный въ правленіи переворотъ, которому безмолвно покоряется все пространнѣйшее въ мірѣ государство безъ малѣйшаго кровопролитія. Нѣтъ ни одной жертвы, кромѣ самого вѣнценосца. Единственный тогда въ Россіи фельдмаршалъ, даровитый и прославленный своими подвигами Минихъ, Минихъ, который уже одинъ разъ самъ перемѣнилъ правительство одною ротою своего полка, покушается запищать императора, но тщетно. Усилія добродушнаго фельдмаршала ничтожны противъ заговора двухъ развратныхъ, буйныхъ, молодыхъ офицеровъ. Боже мой, какое непостижимое происшествіе! Какая тайна, какія обстоятельства, какіе поступки были причиною такого необычайнаго успѣха!

Но тогда менѣе этому удивлялись, потому что привыкли къ переворотамъ.

Петръ III, взойдя на престолъ съ самыми добродѣтельными побужденіями на пользу своихъ подданныхъ, былъ слишкомъ лѣнивъ и слабъ характеромъ, чтобы держать крѣпко бразды правленія. Онъ только наслаждался сладостями стола и незаконной любви съ Елизаветою Воронцовою, которой въ жертву хотѣлъ принести законную, геніальную свою супругу. Екатеринѣ оставалось только два пути:

или вѣчное заточеніе, или престолъ. Она избрала послѣдній Петръ III, сдѣлавъ себѣ опаснѣйшаго врага изъ своей супруги, противопоставилъ себѣ и націю, особенно же войско, безтолковымъ, меючнымъ и обиднымъ поклоненіемъ всему прусскому. Уваженіе, питаемое имъ къ Фридриху II, дѣлаетъ честь его сердцу. этотъ геній, герой и благодѣтель своего народа достоинъ былъ обожанія; но наружные признаки нашего благоговѣнія должны быть такъ разсчитаны, чтобы они не оскорбляли никого, а наипаче тѣхъ людей, на которыхъ мы возлагаемъ собственную свою защиту и съ которыми хотимъ пріобрѣсти себѣ славу.

Вотъ ближайшія причины, достанившія быстрый успѣхъ Екатеринѣ. Но, сверхъ того, существовала еще одна, хотя отдаленная, но столь же важная.

Петръ I, по ненависти къ своему сыну Алексѣю, котораго онъ измучилъ пытками и умертвилъ, разрушилъ порядокъ наслѣдства по первородству, утвержденный вѣками, и предоставилъ царствующему государю назначать послѣ себя наслѣдникомъ кого ему вздумается, безъ всякаго ограниченія. Не прошло и полусутокъ послѣ кончины Петра I, какъ изъ этого указа сдѣлано уже было злоупотребленіе: извѣстно, что Меншиковъ, съ нѣсколькими гренадерами, выломалъ двери той залы, въ которой главные государственные сановники совѣщались объ избраніи наслѣдника, и съ обнаженною шпагою провозгласилъ императрицу Екатерину I, вышедшую изъ черни и преданную ему совершенно еще съ тѣхъ поръ, какъ она была служанкою въ его домѣ. Съ легкой руки Меншикова 75 лѣтъ продолжались перевороты, изъ которыхъ составилась пословица: «Кто раньше всталъ да палку взялъ, тотъ и капралъ». Какъ только Петръ II скончался, то И. А. Долгоруковъ [1]), также съ обнаженною шпагою, во-

---

[1]) Онъ былъ при императрицѣ Аннѣ истязаемъ, а по инымъ слухамъ разорванъ лошадьми. Жена его, Н. Б Шереметева, была потомъ игуменьею въ Кіевѣ; сынъ Ѳеодоръ кончилъ жизнь такъже въ монашествѣ. Сынъ брата его Алексѣя, князь Алексѣй Алексѣевичъ, 1767—1834, былъ министромъ юстиціи съ 1807 по 1830 г.

шелъ въ залу собранія и провозглашалъ сестру свою императрицею. Ему бы это удалось, если бъ она, хоть за сутки до смерти императора, была обвѣчана съ нимъ. Нѣсколько сановниковъ избираютъ императрицею Анну Ивановну, обходя семейство Петра I, и предписываютъ ей условія. Анна, при собраніи двора, не спрося согласія народа, ни сената, разрываетъ эти условія, объявляетъ себя самодержавною и предаетъ Россію на волю бывшаго конюха своего Бирона. Елизаветѣ Петровнѣ стоило только войти во дворецъ и, взявъ изъ колыбели императора Іоанна, отдать его въ руки гренадеръ, чтобы объявить себя царствующею. Перемѣнить царствующую особу было столь же легко, какъ смѣнить министра. Но смѣнить министра тогда было гораздо труднѣе, чѣмъ теперь: надо было внезапно и вооруженною рукою схватить Меншикова или Бирона, чтобы отнять у нихъ власть.

Отъ Петра I до Екатерины II, въ продолженіе 37 лѣтъ, было 7 переворотовъ: насильственное провозглашеніе Екатерины I, низверженіе Меншикова, избраніе Анны партіею, уничтоженіе принятыхъ ею условій, арестованіе и ссылка Бирона, воцареніе Елизаветы и восшествіе на престолъ Екатерины II. Далѣе увидимъ, какъ скончался Павелъ I. Все это суть слѣдствія Петрова постановленія о наслѣдствѣ. Этотъ безумно-деспотическій законъ отдалъ Россію на произволъ интригъ и заговоровъ; онъ, такъ сказать, кинулъ ее на драку честолюбцамъ, подобно тому, какъ Римская имперія переходила безпрестанно изъ рукъ въ руки, съ насильственною смертью императоровъ, по произволу преторіанцевъ. Избрать въ императоры значило въ Римѣ почти то же, что осудить на смерть, а пожаловать въ префекты преторіи почти то же, что открыть путь къ престолу.

Послѣ такого рода примѣровъ Екатерина II, конечно, могла надѣяться, что сынъ ея не долженъ питать къ ней ожесточенной ненависти за ея похищеніе престола; но все-таки слѣдовало бы ему внушать, что если бъ мать его была

заключена Петромъ III въ монастырь и потомъ, вѣроятно, лишена жизни, то императоръ Петръ III, женясь на Воронцовой, едва ли сдѣлалъ бы его наслѣдникомъ, едва ли даже призналъ бы его сыномъ, и что, вѣроятно, онъ сдѣлался бы вскорѣ жертвою своей мачехи, которая не преминула бы имѣть дѣтей или, можетъ быть, также смѣнена была бы другою. Страсти сильнѣе дѣйствуютъ на престолѣ и не въ такомъ слабомъ государѣ, какимъ былъ Петръ III.

Напротивъ, Павелъ былъ направленъ совсѣмъ къ противному. Правда, графъ Панинъ доставилъ ему хорошее умственное образованіе; но характеръ его былъ совершенно испорченъ: запальчивость и необузданность страстей, щедрость и мстительность въ высочайшей степени, подозрительность на каждомъ шагу и трусость при первой же опасности, нетерпѣливость во всемъ, словомъ—ожесточенные и самые неумѣренные порывы составляли весь характеръ Павла. Глубоко-закоренѣлая ненависть ко всему тому, что учреждено Екатериною, дѣлали порывы его еще опаснѣе и вреднѣе. Взойдя на престолъ, ожиданіемъ котораго онъ истомился, съ такою распаленною злобою, онъ сталъ коверкать все: и гражданскую и военную часть, и внѣшнія отношенія государства, а паче всего страсть къ экзерциціямъ и запальчивая взыскательность за малѣйшія ошибки во фронтѣ возстановили противъ него войско и все дворянство. Нѣмцы, выпедшіе изъ камеръ-лакеевъ и изъ ремесленниковъ, и самые мелкопомѣстные дворяне, едва знающіе грамотѣ, выслужившіеся черезъ педантскую гатчинскую службу, стали угнетать и презирать дворянство, избалованное Екатериною. Оно раздражалось, писало пасквили и карикатуры, подкидывало самому императору насмѣшливыя и ругательныя письма. Онъ въ ярости требовалъ мгновеннаго отысканія виновныхъ; полиція, желая удовлетворить его изступленному нетерпѣнію, хватала, по малѣйшему подозрѣнію, часто вовсе невинныхъ, такъ что вошло уже въ обыкновеніе хватать кого попало, лишь бы поскорѣе. Кто зазѣвался и не снялъ шляпы, кто не

успѣлъ выйти изъ экипажа, кто переѣхалъ дорогу императору—всѣхъ брали въ полицію: лошадей подъ артиллерію, людей наказывали палками. Господа трепетали; въ домахъ все приходило въ волненіе, ежели кто изъ домашнихъ не скоро возвращался домой. Старики и старухи не выпускали дѣтей и внучатъ и сами не выѣзжали въ то время, когда предполагали, что могутъ встрѣтить императора.

Павелъ былъ чрезмѣренъ во всемъ, и въ гнѣвѣ, и въ любви. Влюбясь въ фрейлину Нелидову и встрѣтя упорное сопротивленіе, онъ предлагалъ ей умертвить свою жену. Нелидова объявила объ этомъ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая до самой кончины сохранила къ ней самую нѣжную дружбу и глубокую благодарность.

Нелидова, для большей безопасности отъ его преслѣдованій, поселилась въ Смольномъ монастырѣ. Однажды Павелъ, находясь въ Смольномъ съ своей фамилией на дѣтскомъ балѣ, вдругъ среди онаго пошелъ изъ танцовальной залы по коридорамъ монастыря. Экономъ этого заведенія, графъ Кутайсовъ и еще кто-то третій послѣдовали за нимъ; онъ скорыми шагами прошелъ въ комнаты Нелидовой, отдернулъ занавѣсы ея кровати и съ восторгомъ восклицалъ: «Это храмъ добродѣтели! Это храмъ непорочности! Это божество въ образѣ человѣческомъ!» сталъ на колѣни, нѣсколько разъ поцѣловалъ ея постель, а потомъ отправился назадъ. Нелидова находилась въ это время въ танцовальной залѣ при императрицѣ. Мнѣ сказывалъ это одинъ изъ очевидцевъ.

Всѣмъ извѣстно, какъ страстно обожалъ Павелъ Анну Петровну Лопухину, позже княгиню Гагарину; гренадерскія шапки, знамена, флаги кораблей и самые корабли украшены были именемъ «благодати», потому что Анна по-гречески значитъ благодать. Сколько было жертвъ его ревности и сколько милостей къ ея родству.

Павелъ ежедневно выходилъ на свои вахтъ-парады и другія экзерциціи, и очень часто былъ ими недоволенъ, такъ что по нѣсколько офицеровъ вдругъ бывали тяжело оштрафо-

ваны: ихъ тутъ же хватали изъ фронта, сажали въ кибитки и отсылали въ Сибирь, въ дальніе гарнизоны, въ крѣпости, или разжаловали въ рядовые. Сихъ послѣднихъ тутъ же передъ фронтомъ переодѣвали въ солдатскіе мундиры, срывая съ нихъ офицерскіе признаки и разрывая платье. Императоръ иногда самъ наносилъ имъ по нѣсколько ударовъ палкою.

Будучи недоволенъ малымъ успѣхомъ въ этихъ любимыхъ экзерциціяхъ, въ которыхъ онъ все переиначилъ и требовалъ съ нетерпѣливостью быстроты и точности, къ чему, правду сказать, мудрено было и довести неповоротливую екатерининскую гвардію, императоръ вообразилъ, что не довольно для этого учить солдатъ и офицеровъ, и учредилъ во дворцѣ тактическій классъ, гдѣ какому-то школьнику изъ фехтовальныхъ учителей приказалъ читать лекціи для всѣхъ старыхъ и заслуженныхъ генераловъ. Самъ Суворовъ принужденъ былъ слушать эти уроки. Это не столько раздражало Суворова, который отшучивался чрезвычайно остро, сколько всю націю, которая гордилась своими побѣдами при Екатеринѣ и геніемъ своихъ генераловъ, а наипаче Суворова. Нація негодовала на это недостойство; императоръ Павелъ становился въ ея глазахъ смѣшнымъ.

Все это и могло бы кончиться однѣми насмѣшками, если бы не было ссылокъ, заточеній въ крѣпости и казематы, наказаній кнутомъ, рванія ноздрей, отрѣзыванія языковъ и ушей и прочихъ истязаній. Въ извиненіе этого говорятъ, что и самого Павла раздражали необыкновеннымъ образомъ; но кто же подавалъ къ этому поводъ? и какъ можно унять цѣлую націю, которая видитъ, что ею управляютъ съ жестокосердіемъ, педантствомъ и безразсудствомъ? Возстановляя противъ себя дворянство и войско, Павелъ находился еще въ заблужденіи, будто бы привязываетъ къ себѣ чернь тѣмъ, что онъ далъ свободу раскольамъ и запретилъ помѣщикамъ держать крестьянъ на барщинѣ болѣе трехъ дней въ недѣлю. Но вмѣстѣ съ тѣмъ

онъ отдавалъ свободныхъ крестьянъ въ крѣпостное владѣніе своимъ приверженцамъ и гатчинскимъ выслужен-цамъ, и при случавшихся отъ того возмущеніяхъ повелѣвалъ наказывать нерѣдко кнутомъ. Итакъ, изъ всѣхъ сословій развѣ только одно духовенство не имѣло противъ него негодованія.

Такимъ образомъ стонала Россія болѣе четырехъ лѣтъ. Всѣ ежеминутно были въ тревогѣ и волненіи; но при всемъ томъ никто и не помышлялъ о возмущеніи. Въ такомъ обширномъ и малонаселенномъ государствѣ, какъ Россія, возстаніе въ провинціяхъ невозможно, а въ столицѣ все было разсѣяно и раздѣлено.

Екатерининскіе вельможи были разосланы по деревнямъ, государственныя должности почти всѣ заняты людьми самыми ничтожными и необразованными, и Россія терпѣла бы еще долго это ужасное ярмо, не смѣя и желать прекращенія онаго, если бъ императоръ былъ благоразумнѣе или хоть бы осторожнѣе во внѣшнихъ сношеніяхъ съ прочими державами.

Онъ поссорился со многими державами и хотѣлъ вдругъ объявить войну пяти или шести государствамъ, а паче всѣхъ онъ раздражилъ Англію до такой степени, что она-то и нанесла ему послѣдній смертельный ударъ.

Англійскимъ посломъ при петербургскомъ дворѣ былъ въ то время Уитвордъ. Не знаю, изъ Англіи ли сообщена ему мысль объ убіеніи Павла, или она родилась въ петербургскомъ его пріятельскомъ обществѣ и лишь подкрѣплена изъ Лондона денежными пособіями; но знаю, что первый заговоръ о томъ сдѣланъ между нимъ и Ольгою Александровною Жеребцовою, сестрою Зубовыхъ, съ которой онъ былъ въ любовной связи. Они рѣшились посовѣтоваться объ этомъ съ графомъ Никитою Петровичемъ Панинымъ, который жилъ тогда въ деревнѣ, будучи въ опалѣ.

Весьма любопытно узнать, кто такой этотъ графъ Никита Петровичъ Панинъ. Воспитатель Павла, графъ Никита Ивановичъ Панинъ, не имѣлъ дѣтей и поэтому для

совмѣстнаго ученія съ своимъ царскимъ воспитанникомъ взялъ роднаго своего племянника графа Никиту, сына своего брата, извѣстнаго генерала графа Петра Ивановича Панина. Екатерина II до излишества ласкала этихъ обоихъ братьевъ Паниныхъ, а они гордо вели себя противъ нея. Неудивительно: она обязана была частью имъ и престоломъ, и жизнью. Никита Петровичъ, выросши вмѣстѣ съ Павломъ и часто отнимая отъ него игрушки, думалъ продолжать ту же короткость и сохранять ту же силу воли и противъ императора царствующаго. Павелъ былъ по природѣ великодушенъ, открытъ и благороденъ; онъ помнилъ прежнія связи, желалъ имѣть друзей и хотѣлъ любить правду, но не умѣлъ выдерживать этой роли. Должно признаться, что эта роль чрезвычайно трудна. Почти всегда подъ видомъ правды говорятъ царямъ рѣзкую ложь, потому что она какимъ-нибудь косвеннымъ образомъ выгодна тому, кто ее сказалъ. Павелъ сдѣлалъ вице-канцлеромъ товарища своего дѣтства и обходился съ нимъ попрежнему; но какъ Павелъ былъ раздражителенъ, а графъ Никита надменъ и самонадѣянъ, то между ними выходила вспышка. Однажды императоръ, раздраженный Панинымъ, бѣжалъ отъ него скорыми шагами по всему дворцу, въ Эрмитажъ. Панинъ слѣдовалъ за нимъ. Не думаю, чтобы, несмотря на гнѣвъ императора, вице-канцлеръ былъ обязанъ непремѣнно за нимъ слѣдовать; кажется, лучше было бы оставить разгнѣваннаго царя и дать ему время нѣсколько успокоиться. Остановясь передъ портретомъ Генриха IV французскаго, Павелъ воскликнулъ: «Вотъ счастливый государь! Онъ имѣлъ друга въ такомъ великомъ министрѣ, какъ Сюлли, а у меня его нѣтъ!» Панинъ и въ эту минуту не оставилъ въ покоѣ своего государя и отвѣчалъ: «Будь ты Генрихомъ IV, будутъ и Сюлли!» Не знаю, за это ли, или за другую какую-нибудь дерзость, Павелъ сослалъ Панина въ деревню.

Эта-го ссылка была причиною такого ужаснаго озлобленія Панина противъ своего государя, что когда Уит-

вордъ и Жеребцова задумали отыскать цареубійцъ, то обратились къ нему первому за совѣтомъ [1]). Съ этимъ посланіемъ отправленъ былъ отъ нихъ къ Панину г. Рибасъ, извѣстный хитрецъ, бродяга и факторъ итальянскій, котораго происхожденіе слѣдующее: императрица Елизавета Петровна имѣла незаконную дочь, которую, не знаю почему, называли княжной Таракановой. Эта несчастная дѣвушка съ посредственнымъ состояніемъ, полученнымъ ею отъ матери, поселилась въ Италіи. Когда Екатерина II такъ незаконно взошла на престолъ, то, разумѣется, были люди противъ нея возопиявшіе. Это неудовольствіе дошло до слуха Таракановой, и она имѣла безразсудство иногда высказывать, что скорѣе ей принадлежалъ бы престолъ россійскій, нежели принцессѣ ангальтъ-цербстской. По отдаленности мѣста, по недостатку дарованія и по бѣдности средствъ этой княжны Таракановой не стоило бы, кажется, обращать на нее вниманіе; однакожъ обратили Екатерина поручила брату фаворита своего, графу Алексѣю Орлову, богатырская рука котораго задавила императора Петра III въ Ропшѣ, похитить изъ Италіи эту бѣдную княжну, когда онъ возвращался побѣдителемъ съ Чесменскаго боя. Алексѣй Орловъ подыскалъ себѣ въ Италіи фактора, который, наподобіе польскихъ жидовъ, сводничалъ дѣвокъ, шпіонилъ, а иногда, коли уменъ, употреблялся и на государственныя тайныя дѣла и пронырства Этотъ-то факторъ былъ Рибасъ. Они вмѣстѣ съ Орловымъ заманили княжну Тараканову на корабль, изнасиловали ее, привезли въ Петербургъ и заключили въ казематъ Петропавловской крѣ-

---

[1]) Авторъ ошибается. Панинъ былъ высланъ въ свои помѣстья только 15 декабря 1800 г. Уитвордъ былъ удаленъ 27 мая 1800 г. Когда Панинъ былъ сосланъ, Рибаса уже не было въ живыхъ (умеръ 2 дек. 1800 г.). Время перваго заговора противъ Павла, въ которомъ участвовали Панинъ и Рибасъ и который былъ извѣстенъ великому князю Александру Павловичу, относится къ послѣднимъ числамъ мая 1800 г. Изд.

ности, гдѣ она въ наводненіе 1777 года утонула[1]) Рибасъ имѣлъ необыкновенныя способности и пронырство, почему и былъ рекомендованъ императрицѣ, которая поручила ему воспитаніе графа Бобринскаго, своего сына Рибасъ позже женился на Бецкой, былъ полнымъ адмираломъ, нажилъ большое состояніе, но до конца жизни остался факторомъ.

Говорятъ, Рибасъ привезъ отъ графа Панина планъ заговора, по которому и дѣйствовали, по крайней мѣрѣ въ главныхъ предположеніяхъ. Вѣроятно, планъ состоялъ въ указаніи лицъ, на которыхъ можно было положиться.

Вотъ какъ приступили къ дѣлу

Нужно было вызвать къ двору Зубовыхъ. Обратились къ Кутайсову, первому фавориту и прислужнику императора, вышедшему изъ камердинеровъ Простыя убѣжденія оказались безсильны, надобно было, какъ говорится, задѣть за живое Князь П. А Зубовъ написалъ къ Кутайсову письмо, прося руки его дочери. Сестра Зубова, О. А. Жеребцова, дала почувствовать Кутайсову, что этотъ бракъ тогда только можетъ состояться, если князь будетъ вызванъ въ Петербургъ и получитъ назначеніе, приличное своему чину, равномѣрно же и братья его, Николай и Валерьянъ Зубовы Обуяла радость графа Кутайсова Онъ никакъ не могъ сообразить, что государственные люди способны на всѣ преступленія. Титла, богатство, чины и почести достались ему за хорошее чищеніе сапогъ и стоили лишь мелкихъ, почти невинныхъ хитростей противу царя; а кого долго таскали по этому скользкому пути, тотъ знаетъ, что эти награды часто стоятъ и чести, и совѣсти,

---

[1]) Покойный адмиралъ Талызинъ разсказывалъ своимъ подчиненнымъ, будто бы ей послѣ страстныхъ объятій Орлова дали яду, и, не дождавшись ея смерти, живую завязали въ мѣшокъ и опустили въ море, что все это было на его кораблѣ. Не знаю, то или другое, но одно изъ двухъ правда.

Это примѣчаніе автора невѣрно, ибо и то и другое извѣстія легенды. Княжна Тараканова умерла въ Петропавловской крѣпости.

Изд.

и самаго спасенія души. Кутайсовъ даже и не догадывался, что сватовство его дочери — это игра на жизнь и смерть, что этимъ письмомъ поставленъ va banque.

Павелъ былъ такъ предубѣжденъ противъ Зубовыхъ и такъ негодовалъ на нихъ, что не легко было исходатайствовать ихъ возвращеніе. Сказываютъ, будто Кутайсовъ признался императору въ своемъ малодушномъ желаніи сродниться съ такою знатною фамиліею и показалъ ему письмо князя Зубова. Какъ бы то ни было, но Зубовы были возвращены [1]). Платонъ и Валерьянъ были назначены шефами кадетскихъ корпусовъ, а Николай обер-шталмейстеромъ. Ласково и съ открытой душой встрѣтилъ ихъ Павелъ въ своемъ дворцѣ и сказалъ: «Платонъ Александровичъ, забудемъ все прошедшее». Послѣ такого пріема, не понимаю, что хотѣли эти люди! Неужели они рисковали собою изъ искренняго состраданія къ бѣдствіямъ отечества? Не вѣрю такой добродѣтели въ душахъ придворныхъ.

Надобно полагать, что Зубовы пріобрѣли нѣкоторое вліяніе на императора посредствомъ Кутайсова и своей притворной преданности.

Стали обращать вниманіе государя на полицію, но такъ, чтобы онъ былъ недоволенъ ею, и потомъ присовѣтовали ему сдѣлать военнымъ губернаторомъ въ Петербургѣ графа П. А. фонъ-деръ-Палена, находившагося въ отставкѣ [2]). Я самъ слышалъ изъ устъ графа Петра Алексѣевича, что когда присланъ былъ къ нему отъ Павла курьеръ съ приглашеніемъ вступить на службу военнымъ губернаторомъ Петербурга, то первое его движеніе было отказаться отъ этого; «но вмѣстѣ съ тѣмъ», сказалъ онъ мнѣ, «пріятели мои увѣдомили, что это нужно, и я рѣ-

---

[1]) Возвращеніе Зубовыхъ послѣдовало по указу отъ 1 ноября 1800 г., т. е. 5 мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ Уитвордъ оставилъ Петербургъ. Изд.

[2]) Род. въ 1745 г., умеръ въ 1826 г. Изд

нился принять приглашеніе». Не знаю, кто были эти пріятели, но полагаю, что выборъ фонъ-деръ-Палена сдѣланъ по указанію графа Н. П. Панина.

Фонъ-деръ-Паленъ, вступивъ въ должность военнаго губернатора, дѣйствовалъ самымъ успѣшнымъ образомъ: онъ вооружалъ противъ Павла и войско, и жителей. Между тѣмъ у Зубовыхъ собирались маленькія вечеринки, на которыхъ они высматривали, кого набрать въ свои сотоварищи для послѣдняго дѣйствія Къ сему нужнѣе всего были военные и преимущественно начальники частей. Вѣроятно, и женщины содѣйствовали этому дѣлу. Сюда привлечены были генералы. Бенигсенъ [1]) и Уваровъ [2]), командиръ Кавалергардскаго полка, который послѣ женатъ былъ на бойкой и разумной вдовѣ Валерьяна Зубова; начальникъ конно гвардейской артиллеріи, полковникъ князь Владиміръ Яшвиль; артиллерійскій штабъ-офицеръ Татариновъ и нѣсколько молодыхъ людей, какъ-то: Николай Бибиковъ, Евсей Чертковъ, адъютантъ Уварова, Сергѣй Маринъ, Аргамаковъ и др. Два послѣдніе присоединились по вліянію начальника ихъ, генерала Талызина.

Обращая вниманіе на командировъ гвардейскихъ полковъ, необходимо признать, что заговорщики были довольно затруднены: Кологривовъ, начальникъ лейбъ-гусарскаго полка, и Милютинъ — Измайловскаго полка, были люди, преданные императору Павлу, и имъ много облагодѣтельствованные; Леонтій Депрерадовичъ, командиръ Семеновскаго полка, былъ человѣкъ сомнительный, однакожъ съ него взяли слово въ согласіи его. Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка, былъ единственною надежною подпорою заговорщиковъ и, вѣроятно, былъ умышленно рекомендованъ Павлу на это мѣсто, куда былъ указанъ графомъ Н. П. Панинымъ.

---

[1]) Родъ въ 1745 г. и умеръ въ 1826 г.,—годы его рожденія и смерти совпадаютъ съ Паленомъ. Изд.

[2]) Умеръ въ 1824 г. членомъ государств. совѣта. Изд.

Однажды Талызинъ, возвращаясь поздно вечеромъ домой, нашелъ на столѣ въ своемъ кабинетѣ запечатанное письмо; распечатываетъ—оно отъ графа Панина, который проситъ его содѣйствовать фонъ-деръ-Палену въ заговорѣ противъ императора, говоря, что онъ уже рекомендовалъ его, какъ надежнаго и вѣрнаго человѣка, военному губернатору. Талызинъ, истребя письмо, ждалъ послѣдствій. Фонъ-деръ-Паленъ, увидя его во дворцѣ, спрашиваетъ при всѣхъ, читалъ ли онъ письмо графа Панина, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, проситъ его къ себѣ въ шесть часовъ вечера на совѣщаніе. Тутъ они познакомились и условились. Вотъ какъ дѣлаютъ опытные заговорщики!

Въ такомъ положеніи былъ заговоръ въ концѣ 1800 года. Слухи о заговорѣ проникали во всѣ кружки петербургскаго общества. Число сообщниковъ умножалось. Время шло, а заговорщики почему-то медлили; чего еще поджидали—неизвѣстно. Вѣроятно, опасность предпріятія колебала ихъ души.

Но между тѣмъ самъ Павелъ ускорилъ исполненіе ихъ замысла: онъ день ото дня становился запальчивѣе и безразсуднѣе въ своихъ взысканіяхъ, не замѣчая, что его умышленно раздражаютъ, чтобы произвести болѣе недовольныхъ. Наконецъ заговоръ сдѣлался до такой степени извѣстнымъ въ Петербургѣ, что и самъ Павелъ узналъ о немъ. Въ гнѣвѣ своемъ, надѣлавъ множество непріятностей на вахтъ-парадѣ, онъ призываетъ къ себѣ военнаго губернатора.

— Знаете ли вы, что было въ 62 году?

— Знаю, государь,— отвѣчаетъ Паленъ.

— А знаете ли, что теперь дѣлается?

— Знаю.

— А что вы, сударь, ничего не предпринимаете по званію военнаго губернатора? Знаете ли, кто противъ меня въ заговорѣ?

— Знаю, ваше величество. Вотъ списокъ заговорщиковъ, и я самъ въ немъ.

— Какъ, сударь!

— Иначе какъ бы я могъ узнать ихъ всѣхъ и ихъ замыслы? Я умышленно вступилъ въ число заговорщиковъ, чтобъ подробнѣе узнать всѣ ихъ намѣренія.

— Сейчасъ схватить ихъ всѣхъ, заковать въ цѣпи, посадить въ крѣпость, въ казематы, разослать въ Сибирь, на каторгу!—возопилъ Павелъ, расхаживая скорыми шагами по комнатѣ.

— Ваше величество,—возразилъ Паленъ,—извольте прочесть этотъ списокъ: тутъ ваша супруга, оба сына, обѣ невѣстки—какъ можно взять ихъ безъ особаго повелѣнія вашего величества? Я не найду исполнителей и не въ силахъ буду этого сдѣлать. Взять все семейство вашего величества подъ стражу и въ заточеніе безъ явныхъ уликъ и доказательствъ—это столь опасно и ненадежно, что можно взволновать всю Россію и не имѣть еще чрезъ то вѣрнаго средства спасти особу вашу. Я прошу ваше величество ввѣриться мнѣ и дать мнѣ своеручный указъ, по которому я могъ бы исполнить все то, что вы теперь приказываете; но исполнить тогда, когда на это будетъ удобное время, т е. когда я уличу въ злоумышленіи кого-нибудь изъ вашей фамиліи, а остальныхъ заговорщиковъ я тогда уже схвачу безъ затрудненія

Павелъ дался въ этотъ обманъ и написалъ указъ, повелѣвающій императрицу и обѣихъ великихъ княгинь развезти по монастырямъ, а наслѣдника престола и брата его Константина заключить въ крѣпость, прочимъ же заговорщикамъ произвесть строжайшее наказаніе Паленъ съ этимъ указомъ обратился къ наслѣднику и съ помощью нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нему лицъ исторгнулъ у Александра согласіе низвергнуть съ престола отца его

Раздраженіе Павла возрастало каждый день. За два или три дня до своей кончины онъ многимъ державамъ велѣлъ объявить войну. Курьеры съ этими указами были задержаны, и это еще болѣе ускорило его смерть и еще болѣе склонило наслѣдника на предложеніе заговорщиковъ

Однако Александръ упорно настаивалъ, чтобы не лишать отца его жизни. Хотя это ему и обѣщали, но онъ долженъ былъ предвидѣть, что лишить самодержавнаго государя престола, оставя ему жизнь, дѣло немыслимое

Коль скоро Павелъ не могъ обуздывать сердца своего до такой степени, что даже увлекался въ гнѣвѣ противу равносильныхъ ему иностранныхъ державъ, то уже само собою разумѣется, что противу подданныхъ своихъ негодованіе его доходило до величайшаго изступленія, послѣ извѣстія о заговорѣ и послѣ того, какъ онъ злобнымъ и подозрительнымъ окомъ смотрѣлъ и на жену, и на дѣтей своихъ. Равнымъ образомъ понятно, что заговорщики не могли оставлять его долгое время въ такомъ сомнительномъ и опасномъ для обѣихъ сторонъ положеніи. Надо полагать, что вышеприведенный разговоръ Павла съ Паленомъ былъ не ранѣе, какъ 10-го или, быть можетъ, 11-го марта поутру; вѣроятнѣе, что 11-го.

Въ этотъ день императоръ былъ очень гнѣвенъ на своемъ вахтъ-парадѣ или разводѣ; однако не сдѣлалъ никого несчастнымъ. Вѣроятно, страхъ удерживалъ уже его. Послѣ развода военный губернаторъ приказалъ всѣмъ офицерамъ гвардіи собраться въ его квартирѣ. Прямо изъ экзерциръ-гауза офицеры отправились къ нему и ждали болѣе часу. Фонъ-деръ-Паленъ все былъ во дворцѣ. Пройдя домой особымъ подъѣздомъ, онъ немедленно вышелъ къ собравшимся и съ мрачнымъ, разстроеннымъ лицомъ, довольно грозно сказалъ имъ: «Господа! государь приказалъ объявить вамъ, что онъ службою вашею чрезвычайно недоволенъ, что онъ ежедневно и на каждомъ шагу примѣчаетъ ваше нерадѣніе, лѣность, невниманіе къ его приказаніямъ и вообще небреженіе въ исполненіи вашей должности, такъ что, ежели онъ и впредь будетъ замѣчать то же, то онъ приказалъ вамъ сказать, что онъ разошлетъ васъ всѣхъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ и костей вашихъ не отыщутъ. Извольте ѣхать по домамъ и старайтесь вести себя лучше».

Всѣ разъѣхались съ горестными лицами и съ унынiемъ на сердцѣ. Всякiй желалъ перемѣны.

Въ тотъ же день, 11-го марта, вотъ что произошло въ лейбъ-гвардiи Семеновскомъ полку.

Командиръ полка, Л. И. Депрерадовичъ, приказалъ одному изъ батальонныхъ адъютантовъ, молодому прапорщику 16 — 17-ти лѣтъ, явиться къ нему послѣ развода. Юный семеновецъ пріѣзжаетъ отъ военнаго губернатора прямо къ командиру полка.

— У тебя есть карета?—спрашиваетъ командиръ

— Есть, ваше превосходительство.

— Гдѣ ты сегодня обѣдаешь?

— У тетки (такой-то).

— Ты не отпустишь кареты домой или куда въ другое мѣсто?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, а, впрочемъ, какъ прикажете.

— Нѣтъ, этого не надобно, тѣмъ лучше. Поди сейчасъ къ казначею и прими отъ него ящикъ съ патронами; онъ такой величины, что умѣстится въ каретѣ, подъ сидѣньемъ. Возьми эти патроны и уложи ихъ осторожно; храни ихъ цѣлый день; да смотри же, не отпускай карету никуда, а вечеромъ, часовъ въ 9, пріѣзжай ко мнѣ въ той же каретѣ и съ патронами».

— Слушаю, отвѣчалъ молодой человѣкъ, а самъ стоялъ какъ остолбенѣлый и смотрѣлъ своему генералу въ глаза.

— Ну, больше ничего — ступай, и будь скроменъ, у насъ сегодня будетъ новый императоръ.

Юноша отправился съ радостью въ сердцѣ и былъ увѣренъ, что всѣ его товарищи встрѣтятъ эту новость съ восторгомъ. Но онъ умѣлъ сохранить тайну, даже отъ своихъ кузинъ; съ товарищами онъ въ этотъ день не видѣлся Въ 9 часовъ вечера адъютантъ пріѣзжаетъ къ своему генералу, и тотъ ему говоритъ: «Поди на полковой дворъ, тамъ собранъ батальонъ въ строю, обойди по ше-

ренгамъ и раздай патроны самъ каждому солдату по свертку въ руку, какъ они приготовлены».

Адъютантъ исполнилъ приказаніе, и послѣ того, спустя часа полтора, пришелъ на полковой дворъ Депрерадовичъ и, обойдя батальонъ по шеренгамъ, сталъ по серединѣ и самымъ тихимъ образомъ скомандовалъ: «Смирно! заряжай ружья патронами» Во время заряжанія онъ безпрестанно повторялъ. «Тише, тише, какъ можно тише!» Наконецъ спросилъ: «Все ли готово?» потомъ также весьма тихо скомандовалъ: «По отдѣленіямъ направо, маршъ!» Офицеры тише, нежели вполголоса, командовали: «Тише», а генералъ такъ же тихо: «Маршъ!» Батальонъ направился къ Михайловскому замку, идя сколь возможно медленнѣе, безъ всякаго шума и разговоровъ Офицеры соблюдали молчаніе и рядовымъ приказывали то же.

Въ Преображенскомъ полку дѣлались такія же приготовленія, но не такъ медленно

Несмотря, однако, на большую гласность заговора, немногіе гвардейскіе офицеры были приглашены къ содѣйствію. Преображенскій батальонъ выведенъ былъ только съ шестью офицерами; въ Семеновскомъ было около того же числа, и изъ нихъ нѣкоторые были приглашены почти въ самую минуту дѣйствія Мнѣ извѣстно, что къ одному преображенскому офицеру, Петру Степановичу Рыкачеву, который жилъ у своего родственника, пріѣхалъ полковой адъютантъ Аргамаковъ съ другими офицерами около 11-ти часовъ вечера и, остановясь у подъѣзда, они послали звать его къ себѣ въ карету. Рыкачевъ былъ въ халатѣ и туфляхъ— онъ такъ и попелъ къ нимъ. Хозяинъ квартиры поручилъ ему звать гостей въ комнату, но, по прошествіи получаса, узналъ, что они увезли съ собою его родственника и что въ карету ему подавали всю фронтовую одежду и все офицерское вооруженіе Хозяинъ зналъ о заговорѣ, но какъ разговоры объ этомъ уже прислушались и въ досадѣ, что пріятели не вошли къ нему, не обратилъ на это вниманія, такъ что спокойно легъ спать

и поутру былъ разбуженъ уже поздравленіями съ новымъ императоромъ

Въ поддержку заговорщиковъ не было другой вооруженной силы, какъ батальонъ Преображенскаго полка. Въ Измайловскомъ полку довольствовались тѣмъ, что послали нѣкоторыхъ офицеровъ напоить пьянѣе обыкновеннаго командира полка генералъ-лейтенанта Милютина, и этотъ пропилъ своего благодѣтеля. Командиръ лейбъ-гусарскаго полка, генералъ-лейтенантъ Кологривовъ, тоже любилъ подгулять и такъ какъ онъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ подъ гнѣвомъ у государя, то фонъ-деръ-Паленъ именемъ императора его арестовалъ, почему онъ не смѣлъ выѣхать изъ дома, не зналъ ничего и тоже прогулялъ всю ночь съ пріятелями Наиболѣе опасный для заговорщиковъ изъ всѣхъ приверженцевъ государя, графъ Аракчеевъ, былъ также въ немилости и въ отставкѣ, жилъ въ своемъ Грузинѣ Павелъ, узнавъ уже о заговорѣ и, можетъ быть, не вполнѣ довѣряя Палену, послалъ Аракчееву приказаніе пріѣхать немедленно въ Петербургъ Его ожидали въ ту же ночь, съ 11-го на 12-ое марта Вѣроятно, это обстоятельство и заставило избрать эту ночь для исполненія заговора, дабы упредить пріѣздъ Аракчеева Военный губернаторъ приказалъ на заставѣ не впускать Аракчеева въ городъ, а, задержавъ, прислать просить позволенія о въѣздѣ его, объявя, что это по волѣ императора.

Такимъ образомъ отстранены были всѣ тѣ, которыхъ заговорщики могли опасаться, кромѣ Кутайсова, который ничего не понималъ Но всего удивительнѣе, какими доводами графъ фонъ-деръ-Паленъ могъ убѣдить государя перемѣнить караулъ въ Михайловскомъ замкѣ: поутру съ развода занялъ всѣ посты Семеновскій полкъ, передъ сумерками поставили преображенцевъ и во внутренній караулъ одного изъ заговорщиковъ — поручика Марина Иные увѣряютъ, будто Паленъ успѣлъ въ томъ, положивъ тѣнь сомнѣнія на вѣрность государю командира Семенов-

скаго полка Депрерадовича; это, однако, мало вѣроятно въ такомъ случаѣ надо было бы сказать Павлу, что въ ту же ночь должно вспыхнуть возстаніе, но не примѣтно, чтобы Павелъ къ тому сколько-нибудь приготовился

Наконецъ, около 11-ти часовъ вечера, 11-го марта 1801 г., заговорщики собрались въ квартирѣ генералъ-лейтенанта Талызина, что въ лейбъ-компанскомъ корпусѣ, т е въ пристройкѣ Зимняго дворца, гдѣ всегда квартируетъ 1-й батальонъ Преображенскаго полка. По мнѣнію многихъ, тутъ выпито было большое количество шампанскаго, но родной братъ одного изъ заговорщиковъ увѣрялъ меня твердо, что выпито было только по одному бокалу, и то уже по пріѣздѣ фонъ-деръ-Палена Полагаю, что правда въ серединѣ этихъ двухъ крайностей.

Около часа ожидали военнаго губернатора Онъ пріѣхалъ въ половинѣ 12-го. Всѣ вышли въ залу его встрѣтить. Онъ, не снимая шляпы, спросилъ. «Все ли готово?» Ему отвѣчали· «Все» — «Ну, хозяинъ, при этомъ случаѣ надобно шампанскаго!» Фонъ-деръ-Паленъ, выпивая первый, сказалъ твердымъ, но скромнымъ голосомъ· «Поздравляю васъ съ новымъ государемъ» Пока разносили шампанское, онъ продолжалъ: «Теперь, господа, вамъ надобно раздѣлиться: одни пойдутъ со мною, другіе съ княземъ Платономъ Александровичемъ. Раздѣляйтесь!» Никто не трогался съ мѣста. — «А, понимаю», сказалъ Паленъ, и сталъ разстанавливать безъ разбору по очереди — одного направо, другого налѣво, кромѣ генераловъ Потомъ Паленъ, обратясь къ Зубову, сказалъ «Вотъ эти господа пойдутъ съ вами, а прочіе со мной Мы пойдемъ разными компаніями Ѣдемъ!» Всѣ отправились въ Михайловскій замокъ, преображенскій батальонъ попелъ туда же скорымъ шагомъ.

Впущены они были въ замокъ безъ всякаго затрудненія; подъемный мостъ опустили предъ ними Обѣ партіи вскорѣ соединились. Фонъ-деръ-Паленъ пошелъ въ комнаты императрицы и, разбудя статсъ-даму, которая всегда

Графъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ

Съ гравюры Валькера

спала передъ спальнею императрицы, сѣлъ въ ногахъ ея кровати и сталъ разсказывать, что дѣлается въ замкѣ и какъ бы предупредить о томъ Марію Ѳеодоровну, чтобы не произошло внезапной суматохи.

Между тѣмъ заговорщики уже доканчивали свое дѣло. Когда они проходили мимо внутренняго караула, то караулъ, для почести генераламъ, сталъ передъ ними въ ружье, и когда прошли они далѣе, Маринъ держалъ весь караулъ подъ ружьемъ, дабы вѣрнѣе держать его въ повиновеніи. Когда солдаты услышали шумъ и крикъ, то начали роптать. Маринъ, послѣ многихъ повтореній «смирно», прибѣгнулъ къ другому средству: онъ скомандовалъ: «Старые екатерининскіе гвардейцы, впередъ!» и когда тѣ выступили, онъ присовокупилъ: «Ежели эти негодяи гатчинскіе пикнуть хоть слово, то въ штыки ихъ, ребята!» Безъ сомнѣнія, караулъ былъ подобранъ такъ, что большее число было не гатчинскихъ.

Когда заговорщики подошли къ спальнѣ императора, то у дверей оной нашли спящаго гусара. Гусаръ вскочилъ и сказалъ: «Не извольте ходить, императоръ почиваетъ!» Его хотѣли оттолкнуть; онъ сопротивлялся. Одинъ изъ Зубовыхъ, Николай или Валерьянъ—не знаю, нанесъ ему ударъ саблею, такъ что перерубилъ руку [1]).

Павелъ, услыша шумъ, вскочилъ съ кровати. Въ испугѣ онъ не могъ найти двери, которая вела на потайную лѣстницу, и спрятался въ каминъ, заслоненный экраномъ. Заговорщики, входя въ спальню императора, тщетно искали его нѣсколько минутъ, но когда отодвинули экранъ, то луна освѣтила ноги, стоящія въ каминѣ. Вытащили Павла изъ камина и, прежде всего, стали высчитывать ему всѣ его жестокости. Онъ бросился на колѣни передъ ними, просилъ прощенія и обѣщалъ вести себя впредь сообразно ихъ волѣ. Онъ даже предлагалъ взять отъ него

---

[1]) Этотъ гусаръ былъ награжденъ подаркомъ каменнаго дома въ Петербургѣ, стоимостью въ 50,000 рублей.

подписку, въ которой онъ подпишетъ всякія условія, какія имъ угодно. Нѣкоторые стали, глумясь надъ императоромъ, выдумывать разныя условія, иные предлагали ему отказаться отъ престола въ пользу наслѣдника—онъ на все соглашался! Бенигсенъ первый прекратилъ это пустословіе, сказавъ: «Развѣ мы затѣмъ собрались и пришли сюда, чтобы разговаривать!» Съ этимъ словомъ, мгновенно силачъ Николай Зубовъ ударилъ императора, стоявшаго на колѣняхъ, золотою табакеркою въ лѣвый високъ. Павелъ повалился на полъ Всѣ бросились доколачивать его.

Въ этотъ моментъ императрица Марія Ѳеодоровна ломится въ дверь и кричитъ: «Впустите, впустите»! Кто-то изъ Зубовыхъ вскричалъ: «Вытащите вонъ эту бабу!» Алексѣй Татариновъ, мужчина сильный, схватилъ ее въ охабку и понесъ, какъ ношу, обратно въ ея спальню. Надо замѣтить, что императрица была въ одной рубашкѣ.

Долго не могли умертвить Павла – онъ былъ полонъ жизни и здоровья. Наконецъ, сняли шарфъ съ Аргамакова — онъ одинъ только былъ въ шарфѣ — и, сдѣлавъ глухую петлю, задушили. На лицѣ осталось много знаковъ отъ нанесенныхъ ему ударовъ.

Тѣмъ временемъ преображенскій батальонъ, подъ начальствомъ Талызина, стоялъ противъ подъемнаго моста и заряжалъ ружья боевыми зарядами. Офицеры, разными остротами и прибаутками, возбуждали солдатъ противъ Павла. Семеновскій батальонъ шелъ такъ медленно, что когда голова его показалась въ воротахъ дворца со стороны Садовой улицы, то князь Петръ Михайловичъ Волконскій, какъ шефскій адъютантъ этого полка, бывшій тогда при наслѣдникѣ, подскакалъ верхомъ къ батальону и закричалъ: «Помилуйте, Леонтій Ивановичъ, вы всегда опаздываете» и, не слушая отговорокъ Депрерадовича, прибавилъ: «Ну, теперь все равно—поздравляю съ новымъ императоромъ».

Такъ погибъ полномочнѣйшій властелинъ величайшей державы въ свѣтѣ, человѣкъ, рожденный съ весьма хоро-

шими способностями, довольно хорошо образованный и съ благородными побужденіями. Почему всѣ эти качества не спасли его отъ погибели? Потому, что первымъ качествомъ человѣка должно быть умѣніе управлять своими страстями, и тогда только онъ можетъ управлять другими. Гораздо большее число заговорщиковъ и гораздо осторожнѣе веденный заговоръ не могъ бы успѣть въ этомъ убійствѣ, если бы не было на то общаго молчаливаго согласія всей столицы, общаго желанія всей Россіи.

Правда, что Павелъ не имѣлъ того просвѣщеннаго взгляда на бытъ государственный, который при воспитаніи сообщенъ былъ Александру. Это, повторяю, оттого, что Екатерина II не смѣла смѣнить Панина какимъ-нибудь образованнымъ европейцемъ; она, вѣроятно, боялась при этой перемѣнѣ возможныхъ покушеній со стороны Орловыхъ, которымъ она слишкомъ поддалась было сначала. Въ этомъ случаѣ Екатерина II заплатила общую дань слабости человѣческой; притомъ же она тогда была менѣе опытна, чѣмъ при воспитаніи своего внука.

Въ ночь убійства генералъ Уваровъ, съ пятью или шестью офицерами, отправленъ былъ къ наслѣднику престола для удержанія его въ бездѣйствіи Александръ плакалъ и рвался безпрестанно идти на помощь къ своему отцу. Офицеры, загораживая ему путь, становились на колѣни и, простирая руки, умоляли его всевозможными убѣжденіями и даже ложными обѣщаніями, что Павелъ не будетъ лишенъ жизни, не идти къ отцу и подождать возвращенія отъ него заговорщиковъ. Такимъ образомъ Уваровъ и его сообщники протянули время до тѣхъ поръ, пока главные заговорщики пришли провозгласить его императоромъ. Благодушный Александръ отвѣтствовалъ на это поздравленіе горькими слезами и показался на короткое время двору своему смущенный и грустный. Великій князь Константинъ въ это время былъ арестованъ отцомъ своимъ за какія-то неисправности по Конногвардейскому полку, котораго онъ былъ шефомъ, и безпечно спалъ въ своихъ комнатахъ.

Нѣтъ возможности описать восторгъ столицы при распространившейся вѣсти о смерти Павла. На разсвѣтѣ 12-го марта заговорщики разсыпались прямо изъ дворца во всѣ концы Петербурга, каждый по своимъ знакомымъ. Съ бѣшеною радостью вбѣгая въ дома спящихъ, громогласно еще изъ передней кричали они: «Ура! поздравляю съ новымъ государемъ»! Гдѣ дома были заперты, тамъ сильно, съ крикомъ стучались, такъ что будили всю улицу, и каждому, высунувшемуся въ окошко, провозглашали свою новость. Всѣ изъ домовъ выбѣгали и носились по городу съ этою радостною вѣстью. Многіе такъ были восхищены, что со слезами на глазахъ бросались въ объятія къ людямъ совершенно незнакомымъ и лобызаніями поздравляли ихъ съ новымъ государемъ.

Въ 9 часовъ утра на улицахъ была такая суматоха, какой никогда не запомнятъ. Къ вечеру во всемъ городѣ не стало шампанскаго. Одинъ не самый богатый погребщикъ продалъ его въ тотъ день на 60,000 рублей. Пировали во всѣхъ трактирахъ. Пріятели приглашали въ свои кружки людей вовсе незнакомыхъ и напивались допьяна, повторяя безпрестанно радостные клики въ комнатахъ, на улицахъ, на площадяхъ. Въ то же утро появились на многихъ круглыя шляпы и другіе запрещенные при Павлѣ наряды; встрѣчавшіеся, размахивая платками и шляпами, кричали имъ «браво». Весь городъ, имѣвшій болѣе 300,000 жителей, походилъ на домъ умалишенныхъ.

Императрица Марія Ѳеодоровна, несмотря на суровость и невѣрность своего супруга, была очень огорчена умерщвленіемъ Павла, особенно же родомъ смерти его и поступкомъ заговорщиковъ съ нею. Она, прежде всего, потребовала отъ императора, своего сына, чтобъ Алексѣй Татариновъ былъ удаленъ. Его выписали тѣмъ же чиномъ въ какой-то армейскій кавалерійскій полкъ. Но, къ несчастью, полкъ этотъ пришелъ въ Москву, на коронацію, и черезъ пять мѣсяцевъ императрица опять увидѣла его и опять возобновила свои требованія. Татари-

новъ былъ отставленъ въ чистую и ему велѣно было жить безвыѣздно въ деревнѣ. Въ какой? У него вмѣстѣ съ братомъ было всего семь душъ! Его товарищъ по полку, Сафоновъ, человѣкъ богатый, купилъ ему душъ 50 съ землею, близъ своего имѣнія, въ Курской губерніи, гдѣ Татариновъ прожилъ болѣе 30 лѣтъ. Въ 1814 году, по убѣдительной просьбѣ своихъ родныхъ, жившихъ въ Петербургской губерніи, онъ рѣшился ихъ посѣтить. Въ то время, какъ родные съ нетерпѣніемъ ожидали его, является къ нимъ незнакомый человѣкъ и спрашиваетъ, не здѣсь ли Алексѣй Татариновъ, пріѣхавшій изъ Курска? Ему радостно отвѣчаютъ, что ожидаютъ его ежедневно. «Такъ я буду его дожидаться», отвѣчаетъ незнакомецъ: «я полицейскій офицеръ, присланный изъ Петербурга, чтобъ отвезти его обратно въ Курскъ». Онъ пріѣхалъ черезъ сутки послѣ полицейскаго и, переночевавъ только одну ночь, отправился обратно въ свое курское обиталище.

Прочіе убійцы Павла были также большею частію разосланы по деревнямъ. Талызинъ умерь черезъ два мѣсяца, Николай Зубовъ черезъ 7 мѣсяцевъ, Валерьянъ Зубовъ черезъ два года и 4 мѣсяца — какъ подозрѣваютъ, всѣ не безъ отравы.

Фонъ-деръ-Паленъ также былъ удаленъ. Всѣ увѣрены въ томъ, что онъ дѣйствовалъ надвое и, выигрывая время то передъ спальней императрицы, то у дверей потаенной лѣстницы, онъ прислушивался, какъ идетъ дѣло, и если бъ оно не удалось, онъ былъ готовъ явиться на помощь Павлу и перевязать всѣхъ заговорщиковъ. Замѣчательно, что изъ всѣхъ заговорщиковъ одинъ только Уваровъ, человѣкъ самый ограниченный и необразованный, сохранилъ до самой своей смерти, въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ, милость и расположеніе императора Александра. Бенигсенъ, первый нанесшій ударъ Павлу, былъ употребляемъ въ службѣ во все царствованіе Александра. Волконскій и Маринъ также не потеряли своей карьеры.

Кстати разсказать анекдотъ, доказывающій, какъ многимъ извѣстенъ былъ заговоръ.

Какой-то екатерининскій вельможа—полагаю, что графъ Апраксинъ, ибо я слышалъ это отъ престарѣлой дѣвицы, графини Прасковьи Алексѣевны Апраксиной, которая называла его дѣдомъ,—смиренно жилъ въ домѣ своемъ на Царицыномъ лугу. У него ежедневно былъ съѣздъ родныхъ, такъ что всегда человѣкъ до 20-ти садилось за столъ. 11-го марта одинъ изъ его внуковъ, камеръ-юнкеръ тогдашняго двора, молодой взбалмошный повѣса, сидя за ужиномъ, около полуночи, безотвязно просилъ у своего дѣдушки шампанскаго; тотъ долго не хотѣлъ исполнить его просьбы, но, наконецъ, согласился. Когда налито было шампанское, молодой человѣкъ, часто поглядывая на часы, наконецъ схватилъ бокалъ и громко возгласилъ: «Поздравляю васъ съ новымъ государемъ!» Всѣ вскрикнули въ одинъ голосъ и разбѣжались по внутреннимъ комнатамъ. Повѣса остался одинъ и, не дождавшись ничьего возвращенія, уѣхалъ. Черезъ нѣсколько часовъ предсказаніе его оправдалось. Графиня, бывшая свидѣтельницей, прибавляла, что этотъ молодой камеръ-юнкеръ, по вѣтреному своему характеру и болтливому языку, никакъ не могъ быть въ числѣ заговорщиковъ, а, вѣроятно, зналъ это только по слуху.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА БЕНИГСЕНА.

Въ новѣйшее время вопросъ о томъ, какъ въ дѣйствительности происходили событія, повлекшія за собою трагическую кончину императора Павла, послужилъ темой для двухъ выдающихся сочиненій: въ 1866 году была издана Дункеромъ и Гумблотомъ часть мемуаровъ барона Гейкинга подъ заглавіемъ «Изъ жизни императора Павла», а въ 1897 году появилось у Котты, повидимому, при участіи извѣстнаго дерптскаго историка Брикнера, обширное критическое изслѣдованіе этихъ событій: «Императоръ Павелъ I, конецъ 1801 г. Р. Р.»

Оба эти труда значительно дополнили наши свѣдѣнія по данному предмету; однако, и они, какъ и предыдущія сочиненія, не привели ни къ какимъ заключительнымъ выводамъ, потому что имъ недоставало одного изъ важнѣйшихъ источниковъ, свидѣтельства генерала Бенигсена, которое было недоступно. Правда, извѣстное сочиненіе Теодора Бернгарди въ историческомъ повременномъ изданіи Зибеля точно такъ же, какъ и его изложеніе этихъ событій во второмъ томѣ «Исторіи Россіи», пользуются такъ называемыми бенигсеновскими мемуарами, но при участіи другихъ матеріаловъ, причемъ трудно разобрать, гдѣ говоритъ Бенигсенъ, и гдѣ комбинируетъ самъ Бернгарди. Къ вѣрному же историческому сужденію мы можемъ придти лишь тогда, когда передъ нами будетъ оригинальный текстъ разсказа, оставленнаго свидѣтелями умерщвленія царя.

Вотъ та точка зрѣнія, которая побуждаетъ меня обнародовать текстъ письма, въ которомъ Бенигсенъ излагаетъ одному другу весь ходъ событій. Копія съ этого письма сохранилась въ ганноверской вѣтви семьи генерала, и ее сообщилъ мнѣ Рудольфъ Бенигсенъ. Подъ текстомъ копіи находится помѣтка:

Für die Abschrift
Th. Barkhausen
geb. von Müller v. g. von Reden.

Сюда же приложено объясненіе, что бенигсеновскіе мемуары тотчасъ же послѣ смерти генерала, 1-го октября 1826 года, были взяты г. Струве у вдовы Бенигсена, урожденной Андржейковской. Она выдала рукопись потому, что императоръ Николай I обѣщалъ ей за это пенсію въ 12.000 тал. Но вдова получила всего навсего 4.000 руб. и къ тому же должна была дать обѣщаніе не оставлять у себя копіи. Обѣщаніе это было дано, но одна изъ дочерей Бенигсена, Софія фонъ-Ленте, поручила дочери своей Метѣ снять копію съ интереснѣйшей части мемуаровъ. Документъ долго сохранялся втайнѣ, до тѣхъ поръ, пока другая внучка Бенигсена, Теодора фонъ-Баркгаузенъ, не сняла копіи съ текста, который мы и приводимъ здѣсь.

Документъ носитъ заглавіе «La mort de l'empereur Paul I. Extrait des mémoires du général comte de Bennigsen» и до сихъ поръ нигдѣ не былъ обнародованъ. Уже этихъ краткихъ данныхъ достаточно, чтобы опровергнуть неправдоподобный разсказъ, напечатанный въ 1875 году Идой Штетембургъ-Барфельде, подъ заглавіемъ «Кто былъ воръ», въ журналѣ «Ueber Land und Meer», и перепечатанный затѣмъ «Русской Стариной» [1]). Вѣрность данныхъ, заключающихся въ нашей рукописи относительно исторіи мемуаровъ, недавно была подтверждена появленіемъ записокъ въ формѣ дневника извѣстнаго русскаго генерала и воен-

[1]) 1876 г., томъ XVI; стр 387 –394.

наго писателя Михайловскаго-Данилевскаго («Русская Старина,» 1893 г., III), который въ 1829 году разсказываетъ слѣдующее: «Я обѣдалъ у генерала Андржейковскаго, сестра котораго была замужемъ за генераломъ Бенигсеномъ, и вотъ что узналъ о судьбѣ этого генерала. Послѣ его смерти книготорговцы предлагали вдовѣ за мемуары 60.000 талеровъ, но она не хотѣла продать ихъ, не спросивъ предварительно разрѣшенія у нашего правительства, и съ этой цѣлью обратилась къ нашему посланнику въ Ганноверѣ (вышеупомянутому Струве). Вскорѣ послѣ этого графиня Бенигсенъ получила отъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ письмо съ просьбой выслать рукопись ея мужа въ Петербургъ, причемъ онъ обѣщалъ вскорѣ вернуть ее. Она исполнила это требованіе, но вотъ прошло уже четыре года, ей не возвращаютъ рукописи, лишаютъ ее значительной суммы, обѣщанной ей книгопродавцами, а ученый міръ – одного изъ интереснѣйшихъ источниковъ. 16 сентября 1818 года, встрѣтившись въ Аахенѣ съ графомъ Бенигсеномъ, я разговорился съ знаменитымъ человѣкомъ, и онъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, съ свойственной ему откровенностью: «Мои «Mémoires de mon temps» обнимаютъ 7 томовъ и начинаются съ 1763 года. Я думаю, что битва при Пултускѣ — мой шедевръ, ибо я маневрировалъ въ присутствіи Наполеона, точно на парадѣ», и такъ далѣе.

Мы имѣемъ какъ разъ ту часть мемуаровъ, которая трактуетъ о кампаніи 1807 года. Она была обнародована въ русскомъ переводѣ, въ 1896—1897 годахъ, Майковымъ, но страннымъ образомъ не обратила на себя никакого вниманія въ Германіи, хотя имѣетъ большую важность для прусской исторіи. Для нашихъ же цѣлей интересно, что изданіе Майкова упоминаетъ о рукописи на французскомъ языкѣ, сохранившейся въ семействѣ фонъ-Фокъ. Александръ Борисовичъ фонъ-Фокъ, съ 1799 года генералъ-майоръ, былъ ближайшимъ другомъ Бенигсена. Бенигсенъ послалъ ему не только эту исторію кампаніи 1807 года, но и разсказъ о ходѣ событій при умерщвленіи

Павла, имѣющій форму письма, адресованнаго фонъ-Фоку, и даже въ скоромъ времени послѣ того, какъ случилось это событіе. Очевидно, что это самое письмо Бенигсенъ буквально включилъ въ свои мемуары, такъ что текстъ, воспроизводимый нами, можетъ имѣть притязаніе быть почти одновременнымъ. Въ сообщаемомъ документѣ опускается только введеніе къ разсказу Бенигсена, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ невѣрное по содержанію описаніе сумасбродствъ Павла и не сообщаетъ ничего новаго.

Т. Шиманъ.

Извлеченіе изъ мемуаровъ графа Бенигсена.

Вы сами видите, генералъ, что такое положеніе дѣлъ, такое замѣшательство во всѣхъ отрасляхъ правленія, такое всеобщее недовольство, охватившее не только населеніе Петербурга, Москвы и другихъ большихъ городовъ имперіи, но и всю націю, не могло продолжаться и что надо было рано или поздно предвидѣть паденіе имперіи.

Основательныя опасенія вызвали наконецъ всеобщее желаніе, чтобы перемѣна царствованія предупредила несчастія, угрожавшія имперіи. Лица, извѣстныя въ публикѣ своимъ умомъ и преданностью отечеству, составили съ этой цѣлью планъ. Его приписывали графу Панину, занимавшему постъ вице-канцлера имперіи, и генералу де-Рибасу, изъ адмиралтейской коллегіи. На кого имъ было лучше направить свои взоры, какъ не на законнаго наслѣдника престола, на великаго князя, воспитаннаго своей бабкой, безсмертной Екатериной II, которой Россія обязана осуществленіемъ обширныхъ замысловъ Петра I и въ особенности своимъ значеніемъ за границей,—словомъ, на этого великаго князя, котораго народъ любилъ за прекрасныя качества, обнаруженныя имъ еще въ юности, и на котораго онъ смотрѣлъ теперь, какъ на избавителя,—единственно кто могъ удержать Россію на краю пропасти,

куда она неминуемо должна была ввергнуться, если продолжится царствованіе Павла.

Вслѣдствіе этого графъ Панинъ обратился къ великому князю. Онъ представилъ ему тѣ несчастія, какія неминуемо должны явиться результатомъ этого царствованія, если оно продлится; только на него одного нація можетъ возлагать довѣріе, только онъ одинъ способенъ предупредить роковыя послѣдствія, причемъ Панинъ обѣщалъ ему арестовать императора и предложить ему, великому князю, отъ имени націи бразды правленія. Графъ Панинъ и генералъ де-Рибасъ были первыми, составившими планъ этого переворота. Послѣдній такъ и умеръ, не дождавшись осуществленія этого замысла, но первый не терялъ надежды спасти государство. Онъ сообщилъ свои мысли военному губернатору, графу Палену. Они еще разъ говорили объ этомъ великому князю Александру и убѣждали его согласиться на переворотъ, ибо революція, вызванная всеобщимъ недовольствомъ, должна вспыхнуть не сегодня—завтра, и уже тогда трудно будетъ предвидѣть ея послѣдствія. Сперва Александръ отвергъ эти предложенія, противныя чувствамъ его сердца. Наконецъ, поддавшись убѣжденіямъ, онъ обѣщалъ обратить на нихъ свое вниманіе и обсудить это дѣло столь огромной важности, такъ близко затрагивающее его сыновнія обязанности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, налагаемее на него долгомъ по отношенію къ его народу. Тѣмъ временемъ графъ Панинъ, попавъ въ опалу, лишился мѣста вице-канцлера, и Павелъ сослалъ его въ его подмосковное имѣніе, гдѣ онъ, однако, не оставался праздным. Онъ сообщалъ графу Палену все, что могъ узнать о мнѣніяхъ и недовольствѣ столицы, на которую можно было смотрѣть, какъ на органъ всей націи. Онъ совѣтовалъ спѣшить, чтобы предупредить опасныя слѣдствія отчаянія и нетерпѣнія, съ какими общество жаждало избавиться отъ этого желѣзнаго гнета, становящагося тѣмъ болѣе тягостнымъ, что находилось не мало личностей, достаточно гнусныхъ и корыстныхъ, чтобы исполнять втайнѣ

роль шпіоновъ въ городахъ, гдѣ они вгирались въ общество, подслушивали, что тамъ говорится, и часто одного доноса этихъ людей было достаточно, чтобы сдѣлать несчастными множество лицъ и цѣлыя семейства. Нельзя безъ чувства презрѣнія вспомнить, что въ числѣ этихъ низкихъ рабовъ, занимавшихся ремесломъ шпіоновъ въ городахъ имперіи, встрѣчались люди всѣхъ слоевъ общества, даже принадлежавшіе къ извѣстнымъ, уважаемымъ семьямъ.

Павелъ былъ суевѣренъ. Онъ охотно вѣрилъ въ предзнаменованія. Ему, между прочимъ, предсказали, что если онъ первые четыре года своего царствованія проведетъ счастливо, то ему больше нечего будетъ опасаться, и остальная жизнь его будетъ увѣнчана славой и счастіемъ. Онъ такъ твердо повѣрилъ этому предсказанію, что, по прошествіи этого срока, издалъ указъ, въ которомъ благодарилъ своихъ добрыхъ подданныхъ за проявленную ими вѣрность, и, чтобы доказать свою благодарность, объявилъ помилованіе всѣмъ, кто былъ сосланъ имъ, или смѣщенъ съ должности, или удаленъ въ помѣстья, приглашая ихъ всѣхъ вернуться въ Петербургъ для поступленія вновь на службу. Можно себѣ представить, какая явилась толпа этихъ несчастныхъ. Первые были всѣ приняты на службу безъ разбора, но вскорѣ число ихъ возросло до такой степени, что Павелъ не зналъ, что съ ними дѣлать. Пришлось отослать назадъ всѣхъ остальныхъ, что подало поводъ къ новымъ недовольствамъ въ странѣ, когда увидали возвращеніе большинства этихъ несчастныхъ въ Петербургъ изъ внутреннихъ областей имперіи, большею частью пѣшкомъ, и оставшихся безъ всякихъ средствъ къ жизни. До сихъ поръ множество людей, можно сказать, большая часть націи выносили этотъ желѣзный гнетъ съ терпѣніемъ и твердостью въ надеждѣ на будущее болѣе свѣтлое и счастливое, ибо каждый предвидѣлъ и сознавалъ въ глубинѣ души, что такое несчастное положеніе не можетъ продлиться долго, какъ вдругъ одна жестокая выходка Павла довершила рядъ его несправедливостей и сумасбродствъ.

Двое молодыхъ людей, одинъ военный, другой штатскій, оба изъ хорошихъ фамилій, поссорились между собой и дрались на дуэли изъ-за одной молодой дамы, пользовавшейся благосклонностью императора. Штатскій былъ сильно раненъ въ руку. Въ этомъ состояніи его отвезли къ матери, у которой онъ былъ единственнымъ сыномъ. Можно себѣ представить ея горе. Павелъ ревновалъ къ этому молодому человѣку. Узнавъ о случившемся, онъ не могъ удержать своей радости и выразилъ ее въ одобрительныхъ восклицаніяхъ по адресу молодого офицера, котораго онъ обласкалъ при первомъ же свиданіи. Но скоро снова пробудился его гнѣвъ противъ другого. Онъ приказалъ немедленно арестовать его и отвезти въ крѣпость. Полиція явилась къ раненому въ тотъ моментъ, когда врачи наложили первую перевязку, предписавъ больному лежать въ постели въ спокойномъ состояніи, чтобы избѣжать кровоизліянія, которое могло оказаться смертельнымъ, такъ какъ онъ былъ очень истощенъ.

Легко себѣ представить состояніе матери. Никакія слезы, никакіе доводы насчетъ опасности, какой подвергнется ея сынъ, если его будутъ перевозить въ такомъ положеніи, не оказали ни малѣйшаго дѣйствія. Полицейскіе чины, не смѣя медлить съ исполненіемъ приказаній, отданныхъ самимъ императоромъ, перевезли больного, какъ есть, вмѣстѣ съ постелью и со всякими предосторожностями, прямо въ крѣпость. Когда доложили императору объ арестѣ молодого человѣка и о томъ, въ какомъ состояніи онъ былъ доставленъ въ крѣпость, онъ спросилъ: «А мать что сказала?» На отвѣтъ, что она плачетъ, и что ея положеніе внушаетъ жалость, онъ приказалъ немедленно выслать ее изъ города; полиція поспѣшила это исполнить и еще до наступленія ночи почтенная и несчастная женщина была выпровождена за заставу, гдѣ она, однако, пробыла спрятанной нѣсколько дней въ одномъ домѣ, чтобы быть поближе отъ раненаго сына; затѣмъ только она уѣхала къ роднымъ, жившимъ вдали отъ столицы. Къ этому варвар-

скому поступку прибавились и другіе, столь же безчеловѣчные, и меня завлекло бы это слишкомъ далеко, если бъ я сталъ ихъ всѣ перечислять. Я обязанъ, однако, упомянуть о поступкахъ, которые онъ продѣлывалъ въ собственной семьѣ, и которые были не лучше, потому что касались лицъ, наиболѣе ему близкихъ и наиболѣе любимыхъ народомъ.

Убѣжденный, что нельзя терять ни минуты, чтобы спасти государство и предупредить несчастныя послѣдствія общей революціи, графъ Паленъ опять явился къ великому князю Александру, прося у него разрѣшенія выполнить задуманный планъ, уже не терпящій отлагательства. Онъ прибавилъ, что послѣднія выходки императора привели въ величайшее волненіе все населеніе Петербурга различныхъ слоевъ, и что можно опасаться самаго худшаго.

Наконецъ, принято было рѣшеніе овладѣть особой императора и увезти его въ такое мѣсто, гдѣ онъ могъ бы находиться подъ надлежащимъ надзоромъ, и гдѣ бы онъ былъ лишенъ возможности дѣлать зло. Вы сейчасъ увидите, генералъ, что эта мѣра, сдѣлавшаяся неизбѣжной, обернулась совершенно неожиданнымъ образомъ, какого никто не могъ и предвидѣть.

11-го (23-го) марта 1801 г., утромъ, я встрѣтилъ князя Зубова въ саняхъ, ѣдущимъ по Невскому проспекту. Онъ остановилъ меня и сказалъ, что ему нужно переговорить со мной, для этого онъ желаетъ поѣхать ко мнѣ на домъ. Но, подумавъ, онъ прибавилъ, что лучше, чтобы насъ не видѣли вмѣстѣ, и пригласилъ меня къ себѣ ужинать. Я согласился, еще не подозрѣвая, о чемъ можетъ быть рѣчь, тѣмъ болѣе, что я собирался на другой день выѣхать изъ Петербурга въ свое имѣніе въ Литвѣ. Вотъ почему я передъ обѣдомъ отправился къ графу Палену просить у него, какъ у военнаго губернатора, необходимаго мнѣ паспорта на выѣздъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Да отложите свой отъѣздъ, мы еще послужимъ вмѣстѣ», и добавилъ: «князь Зубовъ вамъ скажетъ остальное». Я замѣтилъ, что все

время онъ былъ очень смущенъ и взволнованъ. Такъ какъ мы были связаны дружбой издавна, то я впослѣдствіи очень удивлялся, что онъ не сказалъ мнѣ о томъ, что должно было случиться; хотя всѣ со дня на день ожидали перемѣны царствованія, но, признаюсь, я не думалъ, что время уже настало. Отъ Палена я отправился къ генералъ-прокурору Обольянинову, чтобы проститься, а оттуда часовъ въ десять пріѣхалъ къ Зубову. Я засталъ у него только его брата, графа Николая, и трехъ лицъ, посвященныхъ въ тайну,—одно было изъ сената, и это лицо должно было доставить туда приказъ собраться, лишь только арестуютъ императора. Графъ Паленъ позаботился о томъ, чтобы были заготовлены необходимые приказы, начинавшіеся словами: «По высочайшему повелѣнію», и предназначенные для арестованія нѣсколькихъ лицъ, въ первый же моментъ.

Князь Зубовъ сообщилъ мнѣ условный планъ, сказавъ, что въ полночь совершится переворотъ. Моимъ первымъ вопросомъ было: кто стоитъ во главѣ заговора? Когда мнѣ назвали это лицо, тогда я, не колеблясь, примкнулъ къ заговору, правда, шагу опасному, однако необходимому, чтобы спасти націю отъ пропасти, которой она не могла миновать въ царствованіе Павла. До какой степени эту истину всѣ сознавали, видно изъ того, что, несмотря на множество лицъ, посвященныхъ въ тайну еще наканунѣ, никто, однако, ея не выдалъ.

Немного позже полуночи я сѣлъ въ сани съ княземъ Зубовымъ, чтобы ѣхать къ графу Палену. У дверей стоялъ полицейскій офицеръ, который объявилъ намъ, что графъ у генерала Талызина и тамъ ждетъ насъ. Мы застали комнату полной офицеровъ; они ужинали у генерала, причемъ большинство находились въ подпитіи,—всѣ были посвящены въ тайну. Говорили о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять, а между тѣмъ слуги безпрестанно входили и выходили изъ комнаты. Кто-нибудь изъ нихъ, руководимый желаніемъ составить себѣ блестящую карьеру, легко могъ

бы незамѣтно проскользнуть вонъ изъ дому, броситься въ Михайловскій замокъ и тамъ предупредить о заговорѣ. Послѣ узнали, что наканунѣ множество лицъ въ городѣ знали о готовящемся ночью событіи, и все-таки никто не выдалъ тайны: это доказываетъ, до какой степени всѣмъ опротивѣло это царствованіе и какъ всѣ желали его конца.

Условились, что генералъ Талызинъ соберетъ свой гвардейскій батальонъ во дворѣ одного дома, неподалеку отъ Лѣтняго сада; а генералъ Депрерадовичъ—свой, также гвардейскій, батальонъ на Невскомъ проспектѣ, вблизи Гостинаго двора. Во главѣ этой колонны будутъ находиться военный губернаторъ и генералъ Уваровъ, а во главѣ первой—князь Зубовъ, его два брата, Николай и Валеріанъ, и я; насъ должны были сопровождать нѣсколько офицеровъ, какъ гвардейскихъ, такъ и другихъ полковъ, стоявшихъ въ Петербургѣ, офицеровъ, на которыхъ можно было положиться. Графъ Паленъ съ своей колонной долженъ былъ занять главную лѣстницу замка, тогда какъ мы съ остальными должны были пройти по потайнымъ лѣстницамъ, чтобы арестовать императора въ его спальнѣ.

Проводникомъ нашей колонны былъ полковой адъютантъ императора, Аргамаковъ, знавшій всѣ потайные ходы и комнаты, по которымъ мы должны были пройти, такъ какъ ему ежедневно по нѣсколько разъ случалось ходить по нимъ, принося рапорты и принимая приказанія своего повелителя. Этотъ офицеръ повелъ насъ сперва въ Лѣтній садъ, потомъ по мостику и въ дверь, сообщавшуюся съ этимъ садомъ, далѣе по лѣсенкѣ, которая привела насъ въ маленькую кухоньку, смежную съ прихожей передъ спальней Павла Тамъ мы застали камеръ-гусара, который спалъ крѣпчайшимъ сномъ, сидя и прислонившись головой къ печкѣ. Изъ всей толпы офицеровъ, сначала окружавшихъ насъ, оставалось теперь всего человѣка четыре; да и тѣ, вмѣсто того, чтобы вести себя тихо, напали на лакея; одинъ изъ офицеровъ ударилъ его тростью по головѣ, и тотъ поднялъ крикъ. Пораженные, всѣ останови-

лись, предвидя моментъ, когда общая тревога разнесется по всѣмъ комнатамъ. Я поспѣшилъ войти вмѣстѣ съ княземъ Зубовымъ въ спальню, гдѣ мы, дѣйствительно, застали императора уже разбуженнымъ этимъ крикомъ и стоящимъ возлѣ кровати, передъ ширмами. Держа шпаги наголо, мы сказали ему: «Вы арестованы, ваше величество!». Онъ поглядѣлъ на меня, не произнеся ни слова, потомъ обернулся къ князю Зубову и сказалъ ему: «Что вы дѣлаете, Платонъ Александровичъ?». Въ эту минуту вошелъ въ комнату офицеръ нашей свиты и шепнулъ Зубову на ухо, что его присутствіе необходимо внизу, гдѣ опасались гвардіи; что одинъ поручикъ не былъ извѣщенъ о перемѣнѣ, которая должна совершиться. Несомнѣнно, что императоръ никогда не оказывалъ несправедливости солдату и привязалъ его къ себѣ, приказывая при каждомъ случаѣ щедро раздавать мясо и водку въ петербургскомъ гарнизонѣ. Тѣмъ болѣе должны были бояться этой гвардіи, что графъ Паленъ не прибылъ еще со своей свитой и батальономъ для занятія главной лѣстницы замка, отрѣзавшей всякое сообщеніе между гвардіей и покоями императора.

Князь Зубовъ вышелъ, и я съ минуту оставался съ глазу-на-глазъ съ императоромъ, который только глядѣлъ на меня, не говоря ни слова. Мало-по-малу стали входить офицеры изъ тѣхъ, что слѣдовали за нами. Первыми были подполковникъ Яшвиль, братъ артиллерійскаго генерала Яшвиля, майоръ Татариновъ и еще нѣсколько другихъ. Я долженъ здѣсь прибавить, что такъ какъ за послѣднее время было сослано и удалено со службы громадное количество офицеровъ всѣхъ чиновъ, то я уже не зналъ почти никого изъ тѣхъ, кого теперь видѣлъ передъ собой, и они тоже знали меня только по фамиліи. Тогда я вышелъ, чтобы осмотрѣть двери, ведущія въ другіе покои; въ одномъ изъ нихъ, между прочимъ, были заперты шпаги арестованныхъ офицеровъ. Въ эту минуту вошли еще много офицеровъ. Я узналъ потомъ тѣ немногія слова, какія произнесъ императоръ, по-русски—сперва: «Арестованъ,

что это значитъ—арестованъ?» Одинъ изъ офицеровъ отвѣчалъ ему: «Еще четыре года тому назадъ съ тобой слѣдовало бы покончить!» На это онъ возразилъ: «Что я сдѣлалъ?» Вотъ единственныя произнесенныя имъ слова.

Офицеры, число которыхъ еще возросло, такъ что вся комната наполнилась ими, схватили его и повалили на ширмы, которыя были опрокинуты на полъ. Мнѣ кажется, онъ хотѣлъ освободиться отъ нихъ и бросился къ двери, и я дважды повторилъ ему: «Оставайтесь спокойнымъ, ваше величество,—дѣло идетъ о вашей жизни!»

Въ эту минуту я услыхалъ, что одинъ офицеръ, по фамили Бибиковъ, вмѣстѣ съ пикетомъ гвардіи вопелъ въ смежную комнату, по которой мы проходили. Я иду туда, чтобы объяснить ему, въ чемъ будетъ состоять его обязанность, и, конечно, это заняло не болѣе нѣсколькихъ минутъ. Вернувшись, я вижу императора, распростертаго на полу. Кто-то изъ офицеровъ сказалъ мнѣ: «Съ нимъ покончили!» Мнѣ трудно было этому повѣрить, такъ какъ я не видѣлъ никакихъ слѣдовъ крови. Но скоро я въ томъ убѣдился собственными глазами. Итакъ, несчастный государь былъ лишенъ жизни непредвидѣннымъ образомъ и, несомнѣнно, вопреки намѣреніямъ тѣхъ, кто составлялъ планъ этой революціи, которая, какъ я уже сказалъ, являлась необходимой. Напротивъ, прежде было условлено увезти его въ крѣпость, гдѣ ему хотѣли предложить подписать актъ отреченія отъ престола.

Припомните, генералъ, что было много выпито вина за ужиномъ, предложеннымъ генераломъ Талызинымъ офицерамъ, бывшимъ виновниками этой сцены, которую, къ несчастью, нельзя вычеркнуть изъ исторіи Россіи. Долженъ прибавить, что графъ Паленъ, обращаясь къ этимъ офицерамъ, сказалъ имъ между прочимъ: «Господа, чтобы приготовить яичницу, необходимо разбить яйца». Не знаю, съ какимъ намѣреніемъ было употреблено это выраженіе, но эти слова могли подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ. Я отправилъ немедленно офицера къ князю Зу-

бову, чтобы извѣстить его о случившемся Онъ засталъ его съ великимъ княземъ Александромъ, обоими братьями Зубовыми и еще нѣсколькими офицерами передъ фронтомъ дворцовой гвардіи. Когда объявили солдатамъ, что императоръ скончался скоропостижно отъ апоплексіи, послышались громкіе голоса: «Ура! Александръ!»

Новый государь велѣлъ позвать меня въ свой кабинетъ, гдѣ я засталъ его съ тѣми же лицами, которыя окружали его со времени нашего вступленія въ замокъ. Ему угодно было поручить мнѣ командованіе войсками, призванными для охраненія порядка въ Зимнемъ дворцѣ, куда онъ тотчасъ же послѣдовалъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ.

Были отправлены приказы въ сенатъ и другія присутственныя мѣста—собраться неотложно и явиться къ 12 часамъ дня ко двору, чтобы присутствовать на молебнѣ въ дворцовой церкви. Всѣ другія церкви были также открыты для той же церемоніи принесенія вѣрноподданнической присяги новому государю, и народъ стекался туда толпами.

Вѣсть о кончинѣ Павла съ быстротою молніи пронеслась по всему городу еще ночью. Кто самъ не былъ очевидцемъ этого событія, тому трудно составить себѣ понятіе о томъ впечатлѣніи и о той радости, какія овладѣли умами всего населенія столицы. Всѣ считали этотъ день днемъ избавленія отъ бѣдъ, тяготѣвшихъ надъ ними цѣлыхъ четыре года Каждый чувствовалъ, что миновало это ужасное время, уступивъ мѣсто болѣе счастливому будущему, какого ожидали отъ воцаренія Александра I. Лишь только разсвѣло, какъ улицы наполнились народомъ. Знакомые и незнакомые обнимались между собой и поздравляли другъ друга съ счастіемъ—и общимъ, и частнымъ для каждаго порознь.

Графъ Паленъ взялъ на себя извѣстить императрицу о кончинѣ ея супруга. Хотя она часто страдала отъ его суровости, отъ его вспыльчивости и дурного нрава, но она всегда неизмѣнно была сильно привязана къ своему су-

пругу и выносила тяжелыя минуты своей жизни съ ангельскимъ терпѣніемъ; можно даже сказать, что она подавала націи примѣръ доброй супруги и матери, творя во всѣхъ случаяхъ столько добра, сколько позволяли ей ея средства, ея власть и кредитъ. Я былъ свидѣтелемъ ея глубокаго горя и при этой катастрофѣ, при потерѣ, близкой ея сердцу, однако благоразумныя размышленія и привязанность къ народу вскорѣ сумѣли положить предѣлы этому личному горю.

Итакъ, графъ Паленъ отправился къ оберъ-гофмейстеринѣ графинѣ Ливенъ. Онъ приказалъ разбудить ее и объявилъ ей о кончинѣ императора, съ тѣмъ, чтобы она извѣстила о томъ императрицу. Графиня принялась за это со всѣми предосторожностями, внушенными ей ея благоразумiемъ, и, разбудивъ императрицу, объяснила ей, что императоръ внезапно заболѣлъ и что состояніе его очень тревожное. Ея величество тотчасъ же встала, спѣша на помощь своему супругу. Но она нашла запертыми двери, черезъ которыя привыкла проходить. Наконецъ, она достигла одной двери, у которой нашла часовыхъ и офицеровъ, отказавшихся пропустить ее. Ни угрозы, ни просьбы не помогали. Когда ей сказали, что отданы приказанія не пропускать ее въ покои императора, она отправилась къ своимъ невѣсткамъ, супругамъ великихъ князей Александра и Константина. Мнѣ доложили объ этомъ, и я велѣлъ запереть двери, ведущія въ аппартаменты великихъ княгинь.

По множеству часовыхъ и офицеровъ, встрѣченныхъ императрицей повсюду въ замкѣ, она могла догадаться, что дѣло идетъ не о простой болѣзни императора, и скоро ее дѣйствительно извѣстили, что ея супругъ скончался. Она пролила нѣсколько слезъ, но не предавалась тѣмъ порывамъ горя, какимъ обыкновенно предаются женщины въ подобныхъ случаяхъ.

До сихъ поръ императрица не была освѣдомлена, въ чью пользу была произведена эта революція. Ей сообщили,

кому было поручено командованіе дворцовыми войсками. Когда она узнала, что командованіе поручено мнѣ, она приказала мнѣ явиться къ ней. Я уже освѣдомился о приказаніяхъ императора, который велѣлъ мнѣ передать, чтобы я отправился къ ней и посовѣтовалъ, попросилъ ее отъ его имени покинуть Михайловскій замокъ и ѣхать въ Зимній дворецъ, гдѣ ей будетъ сообщено все, что она пожелаетъ узнать. Вслѣдствіе этого я отправился въ аппартаменты великихъ княгинь, гдѣ находилась императрица. Увидавъ меня, ея величество спросила, мнѣ ли поручено командовать здѣшними войсками На мой утвердительный отвѣтъ она освѣдомилась съ большой кротостью и спокойствіемъ душевнымъ: «Значитъ, арестована?» Я отвѣчалъ: «Совсѣмъ нѣтъ, возможно ли это?»—«Но меня не выпускаютъ, всѣ двери на запорѣ». Отвѣтъ: «Ваше величество, это объясняется лишь необходимостью принять нѣкоторыя мѣры предосторожности для безопасности императорской фамиліи, здѣсь находящейся, или тѣмъ, что могутъ еще случиться безпорядки вокругъ замка». Вопросъ: «Слѣдовательно, мнѣ угрожаетъ опасность?» Отвѣтъ: «Все спокойно, ваше величество, и всѣ мы находимся здѣсь, чтобы охранять особу вашего величества».

Тутъ я хотѣлъ воспользоваться минутой молчанія, чтобы исполнить данное мнѣ порученіе. Я обратился къ императрицѣ со словами: «Императоръ Александръ поручилъ мнѣ...» Но ея величество прервала меня словами: «Императоръ! императоръ! Александръ! Но кто провозгласилъ его императоромъ?»—Отвѣтъ: «Голосъ народа!»—«Ахъ! я не признаю его», понизивъ голосъ, сказала она: «прежде, чѣмъ онъ не отдастъ мнѣ отчета о своемъ поведеніи». Потомъ, подойдя ко мнѣ, ея величество взяла меня за руку, подвела къ дверямъ и проговорила твердымъ голосомъ: «Велите отворить двери; я желаю видѣть тѣло моего супруга!» и прибавила: «Я посмотрю, какъ вы меня ослушаетесь!»

Тщетно я склонялъ ее къ умѣренности, говоря ей объ ея обязанностяхъ по отношенію къ народу, обязанностяхъ,

которыя должны побуждать ее успокоиться, тѣмъ болѣе, что послѣ подобнаго событія слѣдуетъ всячески избѣгать всякаго шума. Я сказалъ ей, что до сихъ поръ все спокойно, какъ въ замкѣ, такъ и во всемъ городѣ; что надѣюгся на сохранеше этого порядка, и что я убѣжденъ, что ея величество сама желаетъ тому способствовать. Я боялся, что если императрица выйдетъ, то ея крики могутъ подѣйствовать на духъ солдатъ, какъ я уже говорилъ, весьма привязанныхъ къ покойному императору. На всѣ эти представленія она погрозила мнѣ пальцемъ, со слѣдующими словами, произнесенными довольно тихо: «О, я васъ заставлю раскаяться». Смыслъ этихъ словъ не ускользнулъ отъ меня. Минута молчанія и, быть можетъ, размышленія вызвали нѣсколько слезъ Я надѣялся воспользоваться этой минутой растроганности. Я заговорилъ опять, сталъ побуждать ее къ умѣренности и уговаривать покинуть Михаиловскій дворецъ и ѣхать въ Зимній. Здѣсь молодая императрица поддержала мой совѣтъ съ той кротостью и мягкостью, которыя были такъ свойственны этой великой княгинѣ, любимой всѣми, кто имѣлъ счастіе знать ее, и обожаемой всей націей. Императрица-мать не одобрила этого шага и, обернувшись къ невѣсткѣ, отвѣчала ей довольно строгимъ тономъ: «Что вы мнѣ говорите? Не мнѣ повиноваться! Идите, повинуйтесь сами, если хотите!»

Это раздраженіе усиливалось съ минуты на минуту. Она объявила мнѣ рѣшительно, что не выйдетъ изъ дворца, не увидавъ тѣла своего супруга. Я тайкомъ послалъ офицера къ новому государю, чтобъ испросить его приказаній на этотъ счетъ. Онъ велѣлъ мнѣ отвѣтить, что если это можетъ обойтись безъ всякаго шума, то я долженъ сопровождать императрицу въ комнату, гдѣ стояло тѣло императора. Тѣмъ временемъ я пригласилъ графа Палена прибыть на минуту во дворецъ, въ виду того, что онъ имѣетъ счастіе быть болѣе знакомымъ императрицѣ. Въ ту минуту, какъ она увидала его, она спросила: «Что здѣсь произо-

шло?» Графъ отвѣчалъ со своимъ обычнымъ хладнокровіемъ: «То, что давно можно было предвидѣть».

Вопросъ: «Кто же зачинщики этого дѣла?»

Отвѣтъ: «Много лицъ изъ различныхъ классовъ общества».

Вопросъ: «Но какъ могло это совершиться помимо васъ, занимающаго постъ военнаго губернатора?»

Отвѣтъ: «Я прекрасно зналъ обо всемъ и поддался этому, какъ и другіе, во избѣжаніе болѣе великихъ несчастій, которыя могли бы подвергнуть опасности всю императорскую фамилію». Онъ прибавилъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ и затѣмъ удалился.

Все это не могло успокоить раздраженія императрицы Она нѣсколько разъ брала меня за руку и подводила къ дверямъ, говоря: «Приказываю вамъ пропустить меня!». Я отвѣчалъ неизмѣнно съ величайшей почтительностью, но твердо, что не въ моей власти повиноваться ей, пока я вижу ее такой взволнованной, и что только подъ однимъ условіемъ я могъ бы исполнить ея волю. «Какое же это условіе?» спросила она.—«Чтобы ваше величество соблаговолили успокоиться». Эти слова навлекли на меня новую немилость. Ея величество сказала мнѣ «Не вамъ предписывать мнѣ условія! Ваше дѣло повиноваться мнѣ! Прежде всего велите отпереть двери».

Мой долгъ предписалъ мнѣ еще разъ напомнить ей ея обязанности по отношенію къ народу и умолять ее избѣгать малѣйшаго шума, который могъ бы имѣть пагубныя и даже опасныя послѣдствія. Эти рѣчи, очевидно, произвели надлежащее дѣйствіе. Она почувствовала, что переворотъ уже нельзя измѣнить. Послѣ нѣкотораго молчанія и размышленія, ея величество понизила голосъ и сказала мнѣ: «Ну, хорошо, обѣщаю вамъ ни съ кѣмъ не говорить».

Съ этого момента императрица вернулась къ свойственной ей кротости, отъ которой она уже не отрѣшалась и которая дѣлаетъ ее столь достойной любви. Я приказалъ

отпереть двери. Ея величество взяла меня подъ руку, чтобы подняться по лѣстницамъ, и сказала: «Прежде всего я хочу видѣть своихъ дѣтей». Когда она вошла въ свои аппартаменты, обѣ великія княжны, Екатерина и Марія-Анна, уже находились тамъ съ графиней Ливенъ.

Эта сцена была поистинѣ самой трогательной изъ всѣхъ, какія мнѣ случалось видѣть. Великія княжны, обнимая свою мать, проливали слезы о смерти отца, и лишь съ трудомъ ихъ можно было оторвать отъ матери. Ея величество посидѣла еще нѣкоторое время въ этихъ покояхъ, потомъ встала и сказала мнѣ: «Пойдемъ, ведите меня».

Намъ пришлось пройти лишь двѣ комнаты, чтобы достигнуть той, гдѣ стояло тѣло покойнаго императора. Г. Роджерсонъ и я находились возлѣ ея величества, которую сопровождали обѣ великія княжны, графиня Ливенъ, двѣ камеръ-юнгферы и камердинеръ. Въ послѣдней комнатѣ ея величество сѣла на минуту, потомъ поднялась, и мы вошли въ спальню покойнаго императора, лежавшаго на своей постели въ мундирѣ своего гвардейскаго полка. Ширмы все еще заслоняли его постель со стороны той двери, въ которую мы вошли Ея величество нѣсколько разъ произнесла по-нѣмецки: «Боже, поддержи меня!» Когда, наконецъ, императрица увидала тѣло своего супруга, она громко вскрикнула Г. Роджерсонъ и я поддерживали ее подъ руки. Черезъ минуту она стала приближаться къ тѣлу; встала на колѣни и поцѣловала руку покойнаго, проговоривъ: «Ахъ, другъ мой!» Послѣ этого, все стоя на колѣняхъ, она потребовала ножницы. Камеръ-юнгфера подала ей ножницы, и она отрѣзала прядь волосъ съ головы императора Наконецъ, поднявшись, она сказала великимъ княжнамъ: «Проститесь съ отцомъ». Онѣ встали на колѣни, чтобы поцѣловать его руку. Обращеніе княженъ, неподдѣльная печаль, написанная на ихъ лицахъ, растрогали насъ. Императрица уже сдѣлала нѣсколько шаговъ, чтобы удалиться, но, увидавъ обѣихъ княженъ еще на колѣняхъ, вернулась и проговорила: «Нѣтъ, я хочу быть

послѣдней». И опять опустилась на колѣни, чтобы поцѣловать руку своему покойному супругу. Г. Роджерсонъ и я просили ее не затягивать этой печальной сцены, которая могла бы повредить ея здоровью, столь драгоцѣнному и столь нужному всей императорской фамили. Мы взяли ее подъ руки, чтобы помочь ей встать, и затѣмъ вернулись въ покои императрицы. Ея величество удалилась въ уборную, гдѣ облеклась въ глубочайшій трауръ, и вскорѣ опять вышла къ намъ. Шталмейстеръ Мухановъ уже докладывалъ, что поданы экипажи для доставленія императрицы съ великими княжнами изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ. Онъ просилъ меня еще разъ напомнить объ этомъ императрицѣ. Мы желали, чтобы она покинула Михайловскій замокъ еще до разсвѣта. Императрица, однако, затягивала отъѣздъ съ минуты на минуту до того, какъ совсѣмъ разсвѣло. Тогда она просила меня подать ей руку, спуститься съ лѣстницы и довести ее до кареты. Можно себѣ представить, какая собралась толпа по всему пути до Зимняго дворца. Ея величество опустила стекла въ каретѣ Она кланялась народу, собравшемуся по пути. Такимъ образомъ она доѣхала до дворца, чтобы остаться тамъ

Величайшій порядокъ былъ сохраненъ отъ начала до конца этой замѣчательной сцены. Да и могъ ли онъ быть нарушенъ среди ликованія, какое испытывалъ каждый по случаю избавленія отъ рабства.

Вы видите, генералъ, что мнѣ нечего краснѣть за то участіе, какое я принималъ въ этой катастрофѣ. Не я составлялъ планъ ея. Я даже не принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто хранилъ эту тайну, такъ какъ я не былъ извѣщенъ о ней до самаго момента осуществленія переворота, когда все уже было условлено и рѣшено. Я не принималъ также участія въ печальной кончинѣ этого государя Конечно, я не согласился бы войти въ комнату, если бъ зналъ, что есть партія, замышлявшая лишить его жизни.

Я подробно изложилъ вамъ, генералъ, абсолютную необходимость перемѣны правленія. Никогда смерть монарха не вызывала такой всеобщей радости среди народа, какую произвела кончина Павла I, и никогда ни одинъ государь не былъ привѣтствуемъ съ такимъ единодушнымъ восторгомъ при воцареніи, какъ Александръ I, отъ царствованія котораго народъ ожидаетъ величайшихъ благъ.

Подписано: Бенигсенъ.

Съ копіей вѣрно: Теод. Баркгаузенъ, рожденная Мюллеръ, v. g. von Reden.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МАЙОРА ФОНЪ-ВЕДЕЛЯ [1].

Объ убіеніи императора Павла I.

---

[1]) Выводы изъ сообщеній генерала фонъ-Бенигсена и князя Платона Зубова, сдѣланныхъ въ Вильнѣ въ 1812 году.

Царствованіе императора Павла I обѣщало въ первые годы быть весьма благодѣтельнымъ, такъ какъ императоръ обнаружилъ нѣкоторые таланты правителя; но вскорѣ затѣмъ на первый планъ выступили качества настоящаго тирана (Paul avait un coeur sensible et beaucoup d'esprit naturel, mais il lui (?)manquait de jugement). Преобладающею чертою его характера была безграничная подозрительность. Онъ не довѣрялъ своей родной матери, которую подозрѣвалъ въ намѣреніи отравить его; объ этомъ извѣстны многочисленные анекдоты. Въ одномъ изъ такихъ припадковъ подозрительности, которую разжигали его фавориты, онъ собирался даже бѣжать вмѣстѣ съ своими полками, которые императрица позволила ему держать ради удовольствія и военныхъ упражненій, къ уральскимъ казакамъ. Онъ для этой цѣли производилъ рекогносцировку путей сообщенія. Онъ намѣревался выдать себя за Петра III, а себя объявить умершимъ.

Чтобы создать себѣ сторонниковъ въ борьбѣ съ матерью, онъ назначалъ множество денежныхъ пенсій своимъ фаворитамъ изъ разныхъ классовъ населенія и даже раздавалъ секретно орденъ св. Анны (Orden des Annen-Degens). Кавалеры ордена получали значительное содержаніе и должны были крестъ на щиткѣ носить не сверху, а снизу.

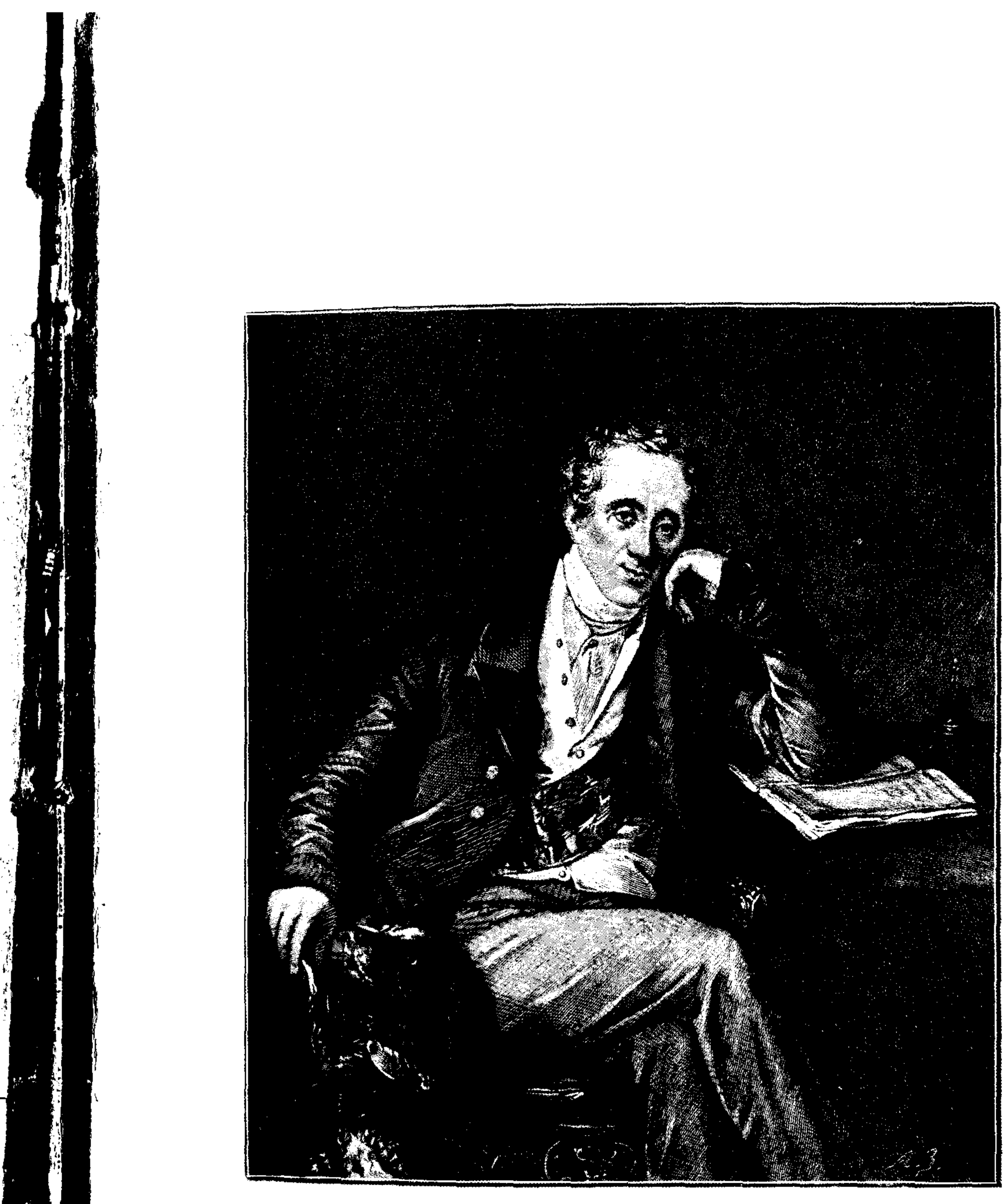
Какъ только онъ сдѣлался императоромъ, онъ самымъ необыкновеннымъ образомъ роздалъ своимъ бывшимъ фаворитамъ высшія должности въ государствѣ и совершенно

произвольно оттолкнулъ лучшихъ людей прежняго царствованія. Съ каждымъ годомъ число такихъ деспотическихъ дѣйствій возрастало и выродилось наконецъ въ явную жестокость. Не проходило дня, чтобы онъ не грозилъ первымъ вельможамъ государства и даже членамъ своей семьи, и притомъ по самымъ пустымъ поводамъ, ссылкою въ Сибирь, наказаніемъ плетьми рукою палача (бывали случаи, что нѣсколько ударовъ плетью причиняли смерть) и даже смертною казнью, которая въ Россіи была отмѣнена и которую онъ снова хотѣлъ ввести.

Пустячные проступки онъ иногда наказывалъ какъ тягчайшія преступленія, руководствуясь при этомъ показаніями своихъ шпіоновъ. Къ числу наиболѣе тяжкихъ преступленій принадлежало, напримѣръ, ношеніе круглой шляпы, которое онъ запретилъ, какъ эмблему якобинства, или если ему казалось, что ему при встрѣчѣ отвѣшивался недостаточно, по его мнѣнію, почтительный поклонъ. Всѣ безъ исключенія, какъ мужчины, такъ и женщины, были обязаны, несмотря ни на какую погоду, будь то трескучій морозъ или невылазная грязь, выходить изъ саней и привѣтствовать его установленнымъ образомъ. Въ силу этого улицы Петербурга, по которымъ ожидался его проѣздъ, пустѣли, какъ по волшебству.

Его жестокость и несоразмѣрно суровыя наказанія за самомалѣйшіе проступки были главной причиной царившей противъ него ненависти. Изъ числа подобнаго рода жестокихъ выходокъ въ послѣднее время особеннно выдѣляются: случай съ пасторомъ Зейлеромъ; жестокость, чтобы не сказать, свирѣпость, проявленная по отношенію къ молодому человѣку, принадлежавшему къ одной изъ лучшихъ фамилій и ухаживавшему за барышнею, которая нравилась императору, и смертный приговоръ, произнесенный имъ противъ нѣкоторыхъ офицеровъ за маловажные проступки по службѣ.

Такой же деспотизмъ проявлялъ онъ и въ своихъ финансовыхъ операціяхъ и швырялъ огромныя денежныя



Графъ Никита Петровичъ Панинъ.

Съ гравюры Буассена

и среди офицерства желаніе перемѣны монарха способомъ, который въ Россіи не являлся чѣмъ-то необычайнымъ, а именно насильственнымъ. Особенно сильны подобныя настроенія были въ столицѣ, болѣе другихъ испытавшей прелести сумасброднаго характера Павла. Большія надежды на лучшія времена при этомъ возлагались на кроткій нравъ наслѣдника престола, великаго князя Александра Павловича.

Императоръ Павелъ неоднократно получалъ письменныя анонимныя донесенія о царящемъ повсюду недовольствѣ. При его крайней подозрительности донесенія эти часто доводили его прямо до бѣшенства, но не внушали ему ни малѣйшаго опасенія за личную безопасность и тронъ. Дѣло въ томъ, что онъ былъ крайне суевѣренъ и твердо надѣялся на нѣкогда сдѣланное ему предсказаніе, что «онъ будетъ царствовать счастливо и безпрепятственно, если только таковы будутъ первые годы его правленія». Этимъ, быть можетъ, объясняется его указъ, изданный по прошествіи первыхъ лѣтъ царствованія и содержавшій благодарность народу за его вѣрность и сопровождавшійся возвращеніемъ изъ Сибири многихъ совершенно невинно туда сосланныхъ. Онъ разрѣшилъ имъ вернуться въ Петербургъ съ обѣщаніемъ возвратить имъ прежнія должности, но такъ какъ это было нелегко тотчасъ же сдѣлать, то онъ этою мѣрою только приблизилъ къ себѣ лишнихъ враговъ.

Имѣя передъ глазами ужасный примѣръ французской революціи, русскіе аристократы, за которыми слѣпо слѣдовалъ остальной народъ, для сверженія Павла съ престола къ революціи прибѣгнуть боялись. Тогдашній вице-канцлеръ Панинъ, посолъ въ Берлинѣ, и адмиралъ Рибасъ придумали поэтому другой планъ, а именно произвести весь переворотъ въ стѣнахъ царскаго дворца (адмиралъ умеръ до осуществленія заговора). Панинъ тогда же впервые намекнулъ объ этомъ планѣ великому князю Александру Павловичу, а затѣмъ повторилъ предложеніе совмѣстно съ тогдашнимъ с.-петербургскимъ гене-

ралъ-губернаторомъ графомъ Паленомъ, пользовавшимся полнымъ довѣріемъ государя. Молодому и мнительному вслѣдствіе постоянно угрожавшей всей царской семьѣ опасности великому князю дѣло было представлено такъ, что «пламенное желаніе всего народа и его благосостояніе требуютъ настоятельно, чтобы онъ былъ возведенъ на престолъ рядомъ съ своимъ отцомъ въ качествѣ соправителя, и что сенатъ, какъ представитель всего народа, сумѣетъ склонить къ этому императора безъ всякаго со стороны великаго князя участія въ этомъ дѣлѣ». Первоначально Александръ рѣшительно отказалъ въ своемъ согласіи, но затѣмъ далъ себя уговорить, призналъ необходимость этой мѣры, но постоянно откладывалъ выполненіе плана съ одного срока на другой. Наконецъ возникли причины,—и въ числѣ ихъ не послѣднее мѣсто занимали страхъ, что заговоръ откроется, и постоянныя угрозы Павла круто расправиться съ своею семьею,—которыя побудили великаго князя дать свое согласіе на немедленное приведеніе въ исполненіе намѣченнаго плана.

Дѣло, однако, было фактически ускорено однимъ случайнымъ обстоятельствомъ. Будучи какъ-то не въ духѣ, Павелъ имѣлъ неосторожность произнести серьезную угрозу противъ своей любовницы княгини Гагариной (рожденной Лопухиной) и противъ своего любимца, графа Кутайсова, котораго онъ изъ самаго низкаго званія возвысилъ до высшихъ должностей. Императоръ угрожалъ привести наконецъ въ исполненіе свой, какъ онъ выразился, grand coup [1]) Объ этомъ было сообщено графу Палену, который, какъ уже было упомянуто, былъ генералъ-губернаторомъ Петербурга и министромъ иностранныхъ дѣлъ и полиціи и пользовался полнымъ довѣріемъ государя. Паленъ понялъ угрозу въ ея полномъ значеніи. Онъ не безъ основанія опасался,

---

[1]) Sous peu je me verrai force de faire tomber des têtes qui jadis m étaient chères.

что подозрительность императора, которую ему до тѣхъ поръ удавалось усыпить, наконецъ одержитъ верхъ, и что жизнь какъ его, Палена, такъ и другихъ заговорщиковъ виситъ на волоскѣ Ему былъ извѣстенъ планъ императора заточить всю свою семью (Государыню предполагалось сослать въ Холмогоры, великаго князя Александра Павловича запереть въ Шлиссельбургѣ, а Константина, который ничего не зналъ о заговорѣ, посадить въ Петропавловскую крѣпость) Опасность казалась Палену тѣмъ болѣе неминуемою, что безъ его вѣдома въ Петербургъ были возвращены изъ сибирской ссылки два бывшихъ фаворита императора, Аракчеевъ и Линденеръ [1]) Паленъ поспѣшилъ доложить великому князю о своихъ опасеніяхъ и умолялъ его долѣе не колебаться и опредѣленно дать согласіе быть соправителемъ съ своимъ отцомъ. Онъ увѣрялъ его, что все готово къ осуществленію этого плана и что отъ этого никакой опасности ни для царской семьи, ни для государства не возникнетъ. Въ случаѣ же дальнѣйшихъ проволочекъ государство будетъ неминуемо потрясено общимъ возстаніемъ.

При такомъ значительномъ числѣ посвященныхъ заговоръ не могъ долго оставаться тайною и если онъ не былъ открытъ до тѣхъ поръ, то это можно объяснить только всеобщею враждебностью и недоброжелательствомъ къ императору Такъ, напримѣръ, о заговорѣ знали всѣ офицеры 1-го батальона полка великаго князя Александра (Семеновскій) вплоть до юнкеровъ включительно.

---

[1]) Первый былъ тотчасъ по вступленіи Павла на престолъ въ теченіе одной недѣли произведенъ изъ поручиковъ артиллеріи въ генералъ-лейтенанты Императоръ познакомился съ нимъ, еще будучи великимъ княземъ, во время своего путешествія въ отдаленныя окраины государства, когда Аракчеевъ устроилъ въ его честь фейерверкъ Второй былъ раньше прусскимъ офицеромъ и поступилъ на русскую службу съ какими-то необыкновенными преимуществами Затѣмъ они были сосланы вслѣдствіе какого-то каприза императора

Если бы не изумительное присутствіе духа графа Палена, всѣ подробности заговора могли бы случайно стать извѣстными царю, и безъ того на основаніи полученныхъ имъ анонимныхъ доносовъ твердившему, что «онъ хорошо знаетъ, что его хотятъ убить».

Дѣло было такъ. Какъ с.-петербургскій генералъ-губернаторъ и министръ полиціи, Паленъ имѣлъ обязанность докладывать царю какъ о всѣхъ поступившихъ изъ провинціи секретныхъ донесеніяхъ, такъ и о всѣхъ вообще новостяхъ въ столицѣ Эти послѣднія особенно интересовали Павла, даже если касались интимныхъ семейныхъ обстоятельствъ. Однажды утромъ Паленъ явился въ кабинетъ государя съ обычнымъ докладомъ, но разсѣянности имѣя въ карманѣ вмѣстѣ съ письменнымъ рапортомъ полный списокъ заговорщиковъ. Государь пошелъ къ нему навстрѣчу и, сунувъ руку прямо къ нему въ карманъ, въ обычномъ шутливомъ тонѣ сказалъ: «Ну, что у тебя для меня сегодня новенькаго?» Паленъ, до нельзя перепуганный, однако не растерялся, сунулъ и свою руку вслѣдъ въ карманъ и попридержалъ списокъ заговорщиковъ, который узналъ по болѣе толстой бумагѣ. Въ рукахъ царя такимъ образомъ очутился лишь рапортъ, наполненный массою истинныхъ, а на половину присочиненныхъ столичныхъ анекдотовъ. Читая ихъ, государь громко хохоталъ и, несмотря на свою подозрительность, не замѣтилъ крайняго замѣшательства генерала.

Изъ вождей заговорщиковъ налицо въ Петербургѣ были Паленъ и Платонъ Зубовъ (фаворитъ Екатерины II) Панинъ былъ въ Москвѣ. Они-то и предложили Бенигсену, незадолго передъ тѣмъ сосланному по капризу Павла въ его минское помѣстье, пожалованное ему Екатериною за польскій походъ, и собиравшемуся туда уѣхать, секретно остаться въ Петербургѣ. Бенигсенъ согласился, и, когда его увѣдомили, что во главѣ заговора стоитъ великій князь Александръ Павловичъ, онъ сталъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ его.

Между заговорщиками наиболѣе важными были: Зубовы (Николай и Валерьянъ), Орловъ, Чичеринъ, Татариновъ, Толстой, Трощинскій, командиръ Преображенскаго полка князь Голицынъ, командиръ Семеновскаго полка Депрерадовичъ, генералы Талызинъ, Уваровъ, адъютантъ государя Аргамаковъ[1]), князь Яшвиль (братъ того, который впослѣдствіи былъ генераломъ), майоръ Татариновъ и др.

Генералъ Талызинъ далъ званый ужинъ, на который были приглашены тѣ офицеры, услугами коихъ предполагали воспользоваться, въ числѣ ихъ было много молодежи, подвергнутой незадолго передъ тѣмъ несоразмѣрно тяжкимъ наказаніямъ за сравнительно легкіе проступки. Вино лилось рѣкою, было много выпито, большинство этихъ господъ были сильно пьяны. Здѣсь же въ домѣ у Лѣтняго сада была собрана часть солдатъ, другая часть была собрана на большомъ проспектѣ.

Тайный совѣтникъ и сенаторъ Трощинскій сочинилъ манифестъ, въ которомъ было сказано, что «государь императоръ вслѣдствіе болѣзни принимаетъ въ соправители великаго князя Александра Павловича». Но такъ какъ предполагалось, что Павелъ ни за что не согласится на эту мѣру добровольно, то было рѣшено его къ этому принудить и въ случаѣ крайней нужды отвезти его въ Шлиссельбургъ. Князь Зубовъ и генералъ Бенигсенъ взяли на себя личные переговоры съ императоромъ, а Паленъ и Уваровъ должны были заботиться о сохраненіи внѣшняго порядка.

Сообразно съ этимъ Зубовъ, Бенигсенъ и два другихъ Зубова во главѣ отряда заговорщиковъ были проведены въ Михайловскій замокъ дежурнымъ адъютантомъ царя Аргамаковымъ. Участвовавшіе въ заговорѣ пьяные молодые офицеры были сильно возбуждены особенно послѣ того, какъ Паленъ, на вопросъ, что имъ дѣлать, если императоръ будетъ дѣятельно сопротивляться, загадочно отвѣтилъ: «Quand on veut faire des omelettes, il faut casser des oeufs».

---

[1]) У автора вездѣ—Archimakow.

Когда они подошли къ покоямъ государя, находящійся на стражѣ камеръ-гусаръ по требованію бывшаго въ этотъ день дежурнымъ адъютантомъ Аргамакова имъ отворилъ двери. Одинъ изъ пьяныхъ офицеровъ-заговорщиковъ безъ всякой нужды ударилъ его по головѣ такъ сильно, что онъ изо всей мочи крикнулъ, и, хотя онъ тутъ же упалъ замертво, офицеръ хотѣлъ его прикончить изъ пистолета, но, къ счастью заговорщиковъ, пистолетъ далъ осѣчку. Уже при первомъ крикѣ почти всѣ заговорщики разбѣжались вразсыпную; остались только Бенигсенъ, Зубовъ и четыре офицера. Бенигсенъ отворилъ дверь въ спальню государя, который пробудился отъ крика и былъ на ногахъ. Когда Зубовъ увидѣлъ, что кровать пуста, то онъ подумалъ, что государь убѣжалъ, и былъ внѣ себя, Бенигсенъ же подошелъ ближе и нашелъ государя стоящимъ за испанскими ширмами, съ босыми ногами, въ одной ночной сорочкѣ и въ колпакѣ и точно окаменѣвшимъ отъ ужаса. Зубовъ и Бенигсенъ подошли къ нему съ обнаженными саблями и, такъ какъ Зубовъ отъ страха и волненія совсѣмъ растерялся и не могъ промолвить ни слова, то Бенигсенъ сказалъ: «Ваше величество, вы арестованы». Государь ему на это ничего не отвѣтилъ, обратился къ Зубову и запальчиво спросилъ: «Que faites-vous, Platon Alexandrowitch?» Въ эту минуту одинъ изъ офицеровъ доложилъ Зубову, что дворцовая стража собирается оказать сопротивленіе и что Палена еще нѣтъ. Зубовъ, опеломленный, поспѣшно удалился. Бенигсенъ же остался непоколебимымъ и вторично обратился къ государю съ тѣми же словами, но снова не получилъ отвѣта, Павелъ съ своей стороны сдѣлалъ движеніе въ сторону сосѣдней комнаты, въ которой хранилось оружіе арестованныхъ офицеровъ. Однако ему помѣшали нѣкоторые изъ возвратившихся офицеровъ-заговорщиковъ, а Бенигсенъ поспѣшилъ запереть двери какъ этой комнаты, такъ и комнаты императрицы. Тогда государь закричалъ по-русски: «Арестованъ? что—значитъ арестованъ?» и хотѣлъ про-

рваться силою, но тутъ на него набросились князь Яшвиль, майоръ Тагариновъ и многіе другіе пьяные офицеры, которыхъ теперь была полна вся спальня. При этомъ ширмы опрокинулись, и все смѣшалось. Бенигсенъ еще разъ закричалъ государю: «Тише, ваше величество, дѣло идетъ о вашей жизни», а тотъ снова отвѣтилъ: «Арестованъ, что это значитъ—арестованъ?» На это одинъ изъ офицеровъ воскликнулъ: «Уже четыре года назадъ слѣдовало покончить съ тобою!» на что государь отвѣтилъ по-русски: «Что же я сдѣлалъ?» Въ эту минуту въ переднюю съ большимъ шумомъ вошелъ Бибиковъ съ ротою семеновцевъ, и заговорщики, испугавшись, снова собирались разбѣжаться. Тогда Бенигсенъ съ обнаженною саблею всталъ въ дверяхъ и пригрозилъ зарубить всякаго, кто тронется съ мѣста. «Теперь нѣтъ больше отступленія!» воскликнулъ онъ. Онъ приказалъ князю Яшвилю охранять царя и поспѣшилъ въ переднюю, чтобы распорядиться нарядомъ часовыхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, когда все было устроено и онъ собирался вернуться въ спальню, къ нему навстрѣчу бросился, какъ бѣшеный, какой-то пьяный офицеръ со словами: «il est achevé!» Бенигсенъ оттолкнулъ офицера и закричалъ: «Стойте, стойте!» и хотя онъ видѣлъ государя поверженнымъ на полъ, онъ не хотѣлъ вѣрить, что онъ убитъ, такъ какъ нигдѣ не видно было крови.

Самое убійство произошло слѣдующимъ образомъ. Отъ паденія ширмъ императоръ совершенно пришелъ въ себя и безъ умолку громкимъ крикомъ звалъ на помощь. Онъ съ силою оттолкнулъ державшаго его Яшвиля и пытался вырваться. При этомъ они оба упали на землю. Въ это страшное мгновеніе гвардейскій офицеръ Скеллеретъ(?) сорвалъ съ себя шарфъ и обвилъ имъ шею императора, а Яшвиль крѣпко держалъ голаго, съ отчаяньемъ боровшагося императора. Многіе заговорщики, сзади толкая другъ друга, навалились на эту отвратительную группу, и такимъ образомъ императоръ былъ удушенъ и задавленъ, а мно-

гіе изъ стоявшихъ сзади очевидцевь не знали въ точности, что происходитъ.

По совершеніи ужаснаго злодѣйства всѣ были страшно угнетены и разстроены. Подоспѣвшій Бенигсенъ съ страшными угрозами прогивъ убійцъ порицалъ ихъ поступокъ, но тотчасъ же овладѣлъ собою, тщательно удостовѣрился, не осталась ли еще искра жизни и нельзя ли спасти императора, и, убѣдившись, что все кончено, велѣлъ положить тѣло на кровать. Онъ сообщилъ созванной прислугѣ, что государь умеръ отъ удара, и приказалъ имъ одѣть его въ мундиръ. Затѣмъ онъ отрядилъ офицера къ князю Зубову, который въ это время стоялъ передъ прибывшимъ на смѣну дворцовымъ карауломъ вмѣстѣ съ братьями и великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и безуспѣшно побуждалъ ихъ кричать: «да здравствуетъ Александръ!» Но какъ только получилось извѣстіе о кончинѣ императора Павла, солдаты тотчасъ же стали кричать «ура!» новому царю. Александръ былъ, повидимому, внѣ себя отъ отчаянія, узнавъ о нежданной кончинѣ своего отца, но затѣмъ оправился, передалъ генералу Бенигсену командованіе надъ войсками и поручилъ ему охрану Михайловскаго замка, въ которомъ въ то время проживала царская семья.

Паленъ, который теперь вдругъ снова напелся, получилъ приказъ увѣдомить императрицу о кончинѣ императора Павла. Императрица пришла при этомъ извѣстіи въ страшный гнѣвъ и грозила убійцамъ своего мужа жесточайшими карами, заявляя, что въ смерть отъ удара нисколько не вѣритъ. Она непремѣнно пожелала увидѣть тѣло и когда ей въ этомъ было отказано, то направилась въ покои къ своей снохѣ, супругѣ Александра, гдѣ обнаружила не столько горесть по поводу кончины супруга, сколько совершенно другія чувства, которыя вскорѣ опредѣлились яснѣе. Когда генералъ Бенигсенъ передалъ ей отъ имени императора Александра просьбу прослѣдовать въ Зимній дворецъ, куда онъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Констан-

тиномъ уже направился, императрица воскликнула: «Кто императоръ, кто называетъ Александра императоромъ?» Когда же Бенигсенъ на это отвѣтилъ, что Александра называетъ императоромъ голосъ народа, то она отвѣчала: «Ахъ, я его никогда не признаю». Не получая на это никакого отвѣта, она тихо прибавила: «Пока онъ мнѣ не дастъ отчета въ своемъ поведеніи во всей этой исторіи». Послѣ этого она взяла Бенигсена подъ руку и повелѣла ему ей повиноваться и отвести ее въ комнату императора. Но Бенигсенъ, все еще боявшійся солдатъ, съ которыми Павелъ очень хорошо обращался и которые были ему преданы, остался непоколебимымъ и удержалъ императрицу на мѣстѣ Тогда она стала грозить ему будущею местью, а затѣмъ заплакала и, повидимому, нѣсколько успокоилась. Бенигсенъ вторично предложилъ ей отправиться въ Зимній дворецъ, причемъ и молодая императрица присоединила свои просьбы. Но это не понравилось императрицѣ-матери, и она на нее набросилась со словами: «Que me dites vous?—ce n'est pas à moi à obéir—allez, obéissez, si vous voulez!»

Такъ какъ она ни за что не хотѣла оставить Михайловскій замокъ, не увидавъ тѣла своего супруга, то Александръ приказалъ Бенигсену согласиться на это, если это можно сдѣлать безъ всякой опасности. Бенигсенъ же попросилъ прислать вторично Палена.

Между имъ и императрицей-матерью произошла бурная сцена. Паленъ, однако, принималъ всѣ вспышки гнѣва императрицы вполнѣ хладнокровно и заявилъ, что, если бы даже онъ обо всемъ зналъ напередъ, то все-таки благо государства и императорской семьи въ достаточной степени оправдываетъ случившееся. Онъ всячески старался успокоить императрицу соображеніями разума и политики, но все было напрасно. Тогда онъ опять отправился къ императору съ докладомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ императрица снова схватила Бенигсена за руку и старалась принудить его къ повиновенію

суровыми словами и угрозами.—(Madame, on ne joue pas la comédie) — Но Бенигсенъ съ твердостью отказывался вести ее въ комнату покойнаго императора, пока она вполнѣ не успокоится. Тогда лишь она обѣщала владѣть собою, если только ей покажутъ тѣло.

Бенигсенъ обѣщалъ ей это, подалъ ей руку и повелъ ее въ сопровожденіи дочерей, за которыми она послала, въ комнату, въ которой императоръ лежалъ, одѣтый въ гвардейскій мундиръ.

Здѣсь произошла сцена совершенно театральная. Прежде, чѣмъ войти въ комнату, гдѣ лежалъ покойникъ, императрица нѣсколько разъ садилась и восклицала по-нѣмецки: «Gott, helfe mir ertragen!» Войдя въ комнату, она громко вскрикнула, бросилась на колѣни передъ кроватью, на которой лежалъ трупъ, и цѣловала руки императора; затѣмъ попросила ножницы и отрѣзала у него прядь волосъ. Тогда она встала и заставила великихъ княженъ продѣлать то же самое. Теперь она уже, казалось, собралась уходить, но вдругъ она круто повернулась, приказала дочерямъ уйти, а сама снова бросилась на колѣна передъ кроватью и сказала: «Я хочу быть послѣднею!» Затѣмъ только она вернулась въ свои покои и облеклась въ глубокій трауръ.

Она спокойно поѣхала въ Зимній дворецъ, причемъ собравшіяся на пути ея огромныя толпы народа встрѣтили ее совершенно спокойно и совершенно не такъ, какъ она того ожидала. Дѣло въ томъ, что Куракины и всѣ ихъ присные были ей очень преданы и, повидимому, уже давно обнадеживали императрицу какими-то видами на престолъ, если онъ станетъ свободнымъ не совсѣмъ обычнымъ путемъ. Они были тотчасъ же удалены изъ Петербурга. Паленъ, чье двусмысленное непоявленіе въ рѣшительную минуту было истолковано въ неблагопріятномъ для него смыслѣ, а также всѣ принимавшіе дѣятельное участіе въ цареубійствѣ, точно также должны были немедленно выѣхать изъ Петербурга.

Зубовъ отправился въ свои курляндскія помѣстья и совершенно удалился отъ дѣлъ. Бенигсенъ сохранилъ высшее начальство надъ войсками, былъ съ императоромъ въ Москвѣ во время коронованія, а затѣмъ поселился въ своихъ помѣстьяхъ въ Минской губерніи Оттуда онъ былъ снова призванъ императоромъ Александромъ, назначенъ генералъ-губернаторомъ всей Литвы, а впослѣдствіи получалъ въ разное время командованіе въ дѣлахъ противъ турокъ и французовъ

E v. W.
(Ernst von Wedell).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ЛАНЖЕРОНА.

Нижеслѣдующее написано въ 1826 г., но то, что сообщили мнѣ о смерти императора Павла—Паленъ, Бенигсенъ и великій князь Константинъ, было записано въ тотъ же самый день, какъ я получилъ отъ нихъ свѣдѣнія, помѣщенныя ниже.

Я не былъ въ Петербургѣ во время страшной катастрофы, пресѣкшей жизнь императора Павла [1]), но мнѣ извѣстны ея происхожденіе и подробности съ такою точностью, какъ будто я былъ самъ ея очевидцемъ.

Такъ какъ я издавна находился въ близкихъ отношеніяхъ, задолго до этой прискорбно-замѣчательной эпохи, съ генералами графомъ Паленомъ и Бенигсеномъ, игравшими главныя роли въ этой страшной драмѣ, то они не только не отказались удовлетворить моему любопытству, но даже предупредили мои разспросы, первые заговоривъ со мною о событіи, которое, быть можетъ, для нихъ лучше было бы замолчать [2])

Великій князь Константинъ также сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности, изложенныя ниже.

---

[1]) Я находился тогда въ Литвѣ, въ Брестъ-Литовскѣ, гдѣ состоялъ начальникомъ пѣхотной дивизіи и генералъ-лейтенантомъ.

[2]) 20 лѣтъ спустя, Бенигсенъ, имѣя причины жаловаться на императора Александра, сказалъ мнѣ въ Одессѣ «Неблагодарный, онъ забываетъ, что ради него я рисковалъ попасть на эшафотъ».

Въ замѣткахъ, прибавленныхъ мною къ изложенію разговора, который я имѣлъ въ 1826 году въ Варшавѣ съ великимъ княземъ Константиномъ, я высказалъ положеніе, въ которомъ мнѣ даже прискорбно сознаться, но которое тѣмъ не менѣе справедливо Я сказалъ: «Бываютъ положенія, вмѣняющія обязательства, весьма тягостныя, долгъ даже, ужасный и для частныхъ лицъ, а тѣмъ болѣе для принца, родившагося на ступеняхъ трона».

Александръ былъ поставленъ между необходимостью свергнуть съ престола своего отца и увѣренностью, что отецъ его вскорѣ довелъ бы до гибели свою имперію сумасбродствомъ своихъ поступковъ.

Безумие этого несчастнаго государя (нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ не въ своемъ умѣ) дошло до такихъ предѣловъ, что долѣе не было возможности выносить его и что пришлось принести его въ жертву счастью сорокамиллионнаго народа

Въ то время въ Россіи было на высшихъ должностяхъ всего два человѣка, способныхъ задумать и выполнить подобное предпріятіе. Рибасъ и Паленъ. Оба давно объ этомъ думали Рибасъ даже составилъ объ этомъ свой планъ, но смерть неожиданно застигла его. Паленъ остался одинъ, и его одного оказалось достаточно Нуженъ былъ именно такой человѣкъ, и нужно было, чтобы онъ занималъ именно то мѣсто, какое онъ занималъ въ то время, чтобы спасти Россію, и Паленъ спасъ ее, но я не желалъ бы заслужить подобную честь такою цѣною.

Паленъ, одаренный геніемъ глубокимъ и смѣлымъ, умомъ выдающимся, характеромъ непреклоннымъ, наружностью благородной и внушительной, Паленъ, непроницаемый, никогда никому не открывавшійся, ни въ грошъ не ставившій свое благо, свое состояние, свою свободу и даже жизнь, когда ему предстояло осуществить задуманное, былъ созданъ успѣвать во всемъ, что бы онъ ни предпринялъ, и торжествовать надъ всѣми препятствіями; это былъ

настоящій глава заговора, предназначенный подать страшный примѣръ всѣмъ заговорщикамъ, настоящимъ и будущимъ. Но что онъ считалъ тогда необходимымъ (оно и было необходимо)—оказалось не такъ легко исполнимымъ. Надо было устранить Павла. Рибасъ высказался въ пользу переворота, причемъ настаивалъ на необходимости открыть свои планы великому князю Александру и заручиться его согласіемъ, убѣдивъ его, что хотятъ только заставить его отца отречься отъ престола и заточить его, но что его жизнь будетъ пощажена, въ чемъ не могли бы обнадежить его, если бъ говорили ему объ отравленіи.

Паленъ былъ въ то время генералъ-губернаторомъ Петербурга, состоялъ подъ начальствомъ великаго князя Александра, что отдавало всю высшую полицію въ его руки и облегчало ему осуществленіе всего, что онъ желалъ предпринять.

Графъ Панинъ, человѣкъ умный, даровитый и съ характеромъ, подходящимъ къ характеру графа Палена, былъ въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ; онъ одинъ изъ первыхъ вступилъ въ заговоръ и комбинировалъ вмѣстѣ съ Паленомъ всѣ его градаціи и выполненіе.

Достигнуть успѣха можно было, только подкупивъ или поднявъ гвардію цѣликомъ или хотя бы частью, а это было дѣло не легкое: солдаты гвардіи любили Павла, первый батальонъ Преображенскаго полка въ особенности былъ очень къ нему привязанъ. Вспышки ярости этого несчастнаго государя обыкновенно обрушивались только на офицеровъ и генераловъ, солдаты же, хорошо одѣтые, пользовавшіеся хорошей пищей, кромѣ того, осыпались денежными подарками.

Офицеровъ очень легко было склонить къ перемѣнѣ царствованія, но требовалось сдѣлать очень щекотливый, очень затруднительный выборъ изъ числа 300 молодыхъ вѣтрениковъ и кутилъ, буйныхъ, легкомысленныхъ и несдержанныхъ; существовалъ рискъ, что заговоръ будетъ разглашенъ, или, по крайней мѣрѣ, заподозрѣнъ, какъ это

и случилось въ дѣйствительности, что и заставило ускорить моментъ катастрофы, какъ увидятъ ниже.

Паленъ нашелъ возможность сгладить всѣ трудности, устранить всѣ препятствія и достичь своей цѣли съ невозмутимой, ужасающей настойчивостью.

Передамъ слово въ слово, что онъ говорилъ мнѣ въ 1804 г., когда я проѣзжалъ черезъ Митаву:

«Мнѣ нечего сообщать вамъ новаго, мой любезный Л***, о характерѣ императора Павла и о его безумствахъ; вы сами страдали отъ нихъ такъ же, какъ и всѣ мы; но такъ какъ вы отсутствовали изъ Петербурга въ послѣднее время его царствованія и въ продолженіе двухъ лѣтъ не видали его, то и не могли сами судить объ изступленности его безумія, которое шло, все усиливаясь, и могло, въ концѣ концовъ, стать кровожаднымъ,—да и стало уже таковымъ: ни одинъ изъ насъ не былъ увѣренъ ни въ одномъ днѣ безопасности; скоро всюду были бы воздвигнуты эшафоты, и вся Сибирь населена несчастными.

«Состоя въ высокихъ чинахъ и облеченный важными и щекотливыми должностями, я принадлежалъ къ числу тѣхъ, кому болѣе всего угрожала опасность, и мнѣ настолько же желательно было избавиться отъ нея для себя, сколько избавить Россію, а, быть можетъ, и всю Европу отъ кровавой и неизбѣжной смуты.

«Уже болѣе шести мѣсяцевъ были окончательно рѣшены мои планы о необходимости свергнуть Павла съ престола, но мнѣ казалось невозможнымъ (оно такъ и было въ дѣйствительности) достигнуть этого, не имѣя на то согласія и даже содѣйствія великаго князя Александра, или, по крайней мѣрѣ, не предупредивъ его о томъ. Я зондировалъ его на этотъ счетъ, сперва слегка, намеками, кинувъ лишь нѣсколько словъ объ опасномъ характерѣ его отца. Александръ слушалъ, вздыхалъ и не отвѣчалъ ни слова.

«Но мнѣ не этого было нужно; я рѣшился, наконецъ, пробить ледъ и высказать ему открыто, прямодушно то, что мнѣ казалось необходимымъ сдѣлать.

«Сперва Александръ былъ, видимо, возмущенъ моимъ замысломъ; онъ сказалъ мнѣ, что вполнѣ сознаетъ опасности, которымъ подвергается имперія, а также опасности, угрожающія ему лично, но что онъ готовъ все выстрадать и рѣшился ничего не предпринимать противъ отца.

«Я не унывалъ, однако, и такъ часто повторялъ мои настоянія, такъ старался дать ему почувствовать настоятельную необходимость переворота, возраставшую съ каждымъ новымъ безумствомъ, такъ льстилъ ему или пугалъ его насчетъ его собственной будущности, предоставляя ему на выборъ—или престолъ, или же темницу и даже смерть, что мнѣ, наконецъ, удалось поколебать его сыновнюю привязанность и даже убѣдить его установить вмѣстѣ съ Панинымъ и со мною средства для достиженія развязки, настоятельность которой онъ самъ не могъ не сознавать.

«Но я обязанъ, въ интересахъ правды, сказать, что великій князь Александръ не соглашался ни на что, не потребовавъ отъ меня предварительно клятвеннаго обѣщания, что не станутъ покушаться на жизнь его отца; я далъ ему слово: я не былъ настолько лишенъ смысла, чтобы внутренно взять на себя обязательство исполнить вещь невозможную; но надо было успокоить щепетильность моего будущаго государя, и я обнадежилъ его намѣренія, хотя былъ убѣжденъ, что они не исполнятся [1]). Я прекрасно зналъ, что надо завершить революцію, или уже совсѣмъ не затѣвать ея, и что если жизнь Павла не будетъ прекращена [2]), то двери его темницы скоро откро-

---

[1]) Что за человѣкъ! вотъ какимъ надо быть, чтобы произвести революцію Но всякій честный человѣкъ отступилъ бы передъ подобной клятвой.

[2]) Паленъ былъ совершенно правъ: безъ смерти Павла революціи была бы невозможна; сомнительно даже, удалось ли бы даже заточить его, а если удалось бы, то новая революція сдѣлала бы его орудіемъ ужасной мести.

ются, произойдетъ страшнѣйшая реакція, и кровь невинныхъ, какъ и кровь виновныхъ, вскорѣ обагритъ и столицу и губерніи.

«Императору внушили нѣкоторыя подозрѣнія насчетъ моихъ связей съ великимъ княземъ Александромъ; намъ это было небезызвѣстно. Я не могъ показываться къ молодому великому князю, мы не осмѣливались даже говорить другъ съ другомъ подолгу, несмотря на сношенія, обусловливаемыя нашими должностями; поэтому только посредствомъ записокъ (сознаюсь—средство неосторожное и опасное) мы сообщали другъ другу наши мысли и тѣ мѣры, какія требовалось принять; записки мои адресовались Панину: великій князь Александръ отвѣчалъ на нихъ другими записками, которыя Панинъ передавалъ мнѣ: мы прочитывали ихъ, отвѣчали на нихъ и немедленно сжигали.

«Однажды Панинъ сунулъ мнѣ въ руку подобную записку въ прихожей императора, передъ самымъ моментомъ, назначеннымъ для пріема; я думалъ, что успѣю прочесть записку, отвѣтить на нее и сжечь, но Павелъ неожиданно вышелъ изъ своей спальни, увидалъ меня, позвалъ и увлекъ въ свой кабинетъ, заперевъ дверь; едва успѣлъ я сунуть записку великаго князя въ мой правый карманъ.

«Императоръ заговорилъ о вещахъ безразличныхъ; онъ былъ въ духѣ въ этотъ день, развеселился, шутилъ со мною и даже осмѣлился залѣзть руками ко мнѣ въ карманы, сказавъ: «Я хочу посмотрѣть, что тамъ такое,—можетъ быть, любовныя письма!»

«Вы знаете меня, любезный Л***», прибавилъ Паленъ: «знаете, что я не робкаго десятка, и что меня не легко смутить, но долженъ вамъ признаться, что если бы мнѣ пустили кровь въ эту минуту, ни единой капли не вылилось бы изъ моихъ жилъ».

— Какъ же выпутались вы изъ этого опаснаго положенія?—спросилъ я.

«А вотъ какъ», отвѣчалъ Паленъ: «я сказалъ императору: «Ваше величество! что вы дѣлаете? оставьте! вѣдь вы терпѣть не можете табаку, а я его усердно нюхаю, мой носовой платокъ весь пропитанъ; вы перепачкаете себѣ руки, и онѣ надолго примутъ противный вамъ запахъ». Тогда онъ отнялъ руки и сказалъ мнѣ: «Фи, какое свинство! вы правы!» Вотъ какъ я вывернулся [1]).

«Когда великаго князя убѣдили дѣйствовать сообща со мною,—это былъ уже большой выигрышъ, но еще далеко не все: онъ ручался мнѣ за свой Семеновскій полкъ; я видался со многими офицерами этого полка, настроенными очень рѣшительно; но это были все люди молодые, легкомысленные, неопытные, безъ испытаннаго мужества, необходимаго для такого рѣшенія, и которые, въ моментъ дѣйствія, могли бы, вслѣдствіе слабости, вѣтрености или нескромности, испортить всѣ наши планы: мнѣ хотѣлось заручиться помощью людей болѣе солидныхъ, чѣмъ вся эта ватага вертопраховъ, я желалъ опереться на друзей, извѣстныхъ мнѣ своимъ мужествомъ и энергіей: я хотѣлъ имѣть при себѣ Зубовыхъ и Бенигсена [2]). Но какъ вернуть ихъ въ Петербургъ? Они были въ опалѣ, въ ссылкѣ; у меня не было никакого предлога, чтобы вызвать ихъ оттуда, и вотъ что я придумалъ.

«Я рѣшилъ воспользоваться одной изъ свѣтлыхъ минутъ императора, когда ему можно было говорить что угодно, разжалобить его насчетъ участи разжалованныхъ офицеровъ: я описалъ ему жестокое положеніе этихъ несчастныхъ, выгнанныхъ изъ ихъ полковъ и высланныхъ изъ столицы, и которые, видя карьеру свою погубленною и жизнь испорченною, умираютъ съ горя и нужды за проступки легкіе и простительные. Я зналъ порывистость

---

[1]) Какая ловкость и какое присутствіе духа!

[2]) Насчетъ Бенигсена и Валеріана Зубова Паленъ былъ правъ; Николай же былъ быкъ, который могъ быть отважнымъ въ пьяномъ видѣ, но не иначе, а Платонъ Зубовъ былъ самымъ трусливымъ и низкимъ изъ людей.

Павла во всѣхъ дѣлахъ, я надѣялся заставить его сдѣлать тотчасъ же то, что я представилъ ему подъ видомъ великодушія; я бросился къ его ногамъ. Онъ былъ романическаго характера, онъ имѣлъ претензію на великодушіе. Во всемъ онъ любилъ крайности: два часа спустя послѣ нашего разговора двадцать курьеровъ уже скакали во всѣ части имперіи, чтобы вернуть назадъ въ Петербургъ всѣхъ сосланныхъ и исключенныхъ со службы. Приказъ, дарующій имъ помилованіе, былъ продиктованъ мнѣ самимъ императоромъ.

«Тогда я обезпечилъ себѣ два важныхъ пункта: 1) заполучилъ Бенигсена и Зубовыхъ, необходимыхъ мнѣ, и 2) еще усилилъ общее ожесточеніе противъ императора: я изучилъ его нетерпѣливый нравъ, быстрые переходы его отъ одного чувства къ другому, отъ одного намѣренія къ другому, совершенно противоположному. Я былъ увѣренъ, что первые изъ вернувшихся офицеровъ будутъ приняты хорошо, но что скоро они надоѣдятъ ему, а также и слѣдующіе за ними. Случилось то, что я предвидѣлъ: ежедневно сыпались въ Петербургъ сотни этихъ несчастныхъ: каждое утро подавали императору довесевія съ заставъ. Вскорѣ ему опротивѣла эта толпа прибывающихъ: онъ пересталъ принимать ихъ, затѣмъ сталъ просто гнать и тѣмъ нажилъ себѣ непримиримыхъ враговъ въ лицѣ этихъ несчастныхъ, снова лишенныхъ всякой надежды и осужденныхъ умирать съ голоду у воротъ Петербурга [1]).

«Мы назначили исполненіе нашихъ плановъ на конецъ марта: но непредвидѣнныя обстоятельства ускорили срокъ: многіе офицеры гвардіи были предупреждены о нашихъ замыслахъ, многіе ихъ угадали. Я могъ всего опасаться отъ ихъ нескромности и жилъ въ тревогѣ.

«7-го марта я вошелъ въ кабинетъ Павла въ семь часовъ утра, чтобы подать ему, по обыкновенію, рапортъ о

---

[1]) Какая адская махинація!

состоянiи столицы. Я застаю его озабоченнымъ, серьезнымъ; онъ запираетъ дверь и молча смотритъ на меня въ упоръ минуты съ двѣ, и говоритъ наконецъ: «Г. фонъ-Паленъ! вы были здѣсь въ 1762 году?»—«Да, ваше величество».—«Были вы здѣсь?»—«Да, ваше величество,—но что вамъ угодно этимъ сказать?»—«Вы участвовали въ заговорѣ, лишившемъ моего отца престола и жизни?»—«Ваше величество, я былъ свидѣтелемъ переворота, а не дѣйствующимъ лицомъ, я былъ очень молодъ, я служилъ въ низшихъ офицерскихъ чинахъ въ Конномъ полку. Я ѣхалъ на лошади со своимъ полкомъ, ничего не подозрѣвая, что происходитъ: но почему, ваше величество, задаете вы мнѣ подобный вопросъ?»—«Почему? вотъ почему: потому что хотятъ повторить 1762 годъ».

«Я затрепеталъ при этихъ словахъ, но тотчасъ же оправился и отвѣчалъ: «Да, ваше величество, хотятъ! Я это знаю и участвую въ заговорѣ».—«Какъ! вы это знаете и участвуете въ заговорѣ? Что вы мнѣ такое говорите!»—«Сущую правду, ваше величество, я участвую въ немъ и долженъ сдѣлать видъ, что участвую въ виду моей должности, ибо какъ могъ бы я узнать, что намѣрены они дѣлать, если не притворюсь, что хочу способствовать ихъ замысламъ? Но не безпокойтесь,—вамъ нечего бояться: я держу въ рукахъ всѣ нити заговора, и скоро все станетъ вамъ извѣстно. Не старайтесь проводить сравненiй между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Онъ былъ иностранецъ, а вы русскiй; онъ ненавидѣлъ русскихъ, презиралъ ихъ и удалялъ отъ себя; а вы любите ихъ, уважаете и пользуетесь ихъ любовью; онъ не былъ коронованъ, а вы коронованы; онъ раздражилъ и даже ожесточилъ противъ себя гвардiю, а вамъ она предана. Онъ преслѣдовалъ духовенство, а вы почитаете его; въ его время не было никакой полицiи въ Петербургѣ, а нынче она такъ усовершенствована, что не дѣлается ни шага, не говорится ни слова помимо моего вѣдома: каковы

бы ни были намѣренія императрицы [1]), она не обладаетъ ни геніальностью, ни умомъ вашей матери; у нея двадцатилѣтнія дѣти, а въ 1762 году вамъ было только 7 лѣтъ».— «Все это правда», отвѣчалъ онъ: «но, конечно, не надо дремать».

«На этомъ нашъ разговоръ и остановился, я тотчасъ же написалъ про него великому князю, убѣждая его завтра же нанести задуманный ударъ: онъ заставилъ меня отсрочить его до 11-го, дня, когда дежурнымъ будетъ 3-й батальонъ Семеновскаго полка, въ которомъ онъ былъ увѣренъ еще болѣе, чѣмъ въ другихъ остальныхъ. Я согласился на это съ трудомъ и былъ не безъ тревоги въ слѣдующіе два дня [2]).

---

[1]) Палену удалось внушить императору подозрѣніе насчетъ императрицы, какъ будетъ видно дальше

[2]) Палень не напрасно безпокоился: оказывается, что императоръ имѣлъ болѣе чѣмъ подозрѣнія о замышляемомъ, и что самъ Паленъ былъ осужденъ на опалу. Павелъ тайно послалъ въ Гатчину за двумя своими прежними фаворитами, въ то время удаленными: Аракчеевымъ и Линденеромъ; если бъ пріѣхали эти два чудовища, они замѣнили бы Палена и, можетъ быть, великаго князя Александра на постахъ генералъ-губернаторовъ Петербурга, и столица облилась бы кровью. Аракчеевъ прибылъ черезъ десять часовъ послѣ смерти Павла; онъ былъ остановленъ на заставѣ и отосланъ обратно.

Можно ли было тогда ожидать, что впослѣдствіи этотъ ужасный человѣкъ пріобрѣтетъ при императорѣ Александрѣ почти безграничную власть и будетъ оказывать вліяніе самое пагубное? Много говорили въ то время о какомъ-то письмѣ, адресованномъ наканунѣ смерти Павла къ графу Кутайсову или князю Гагарину, письмѣ, которое тотъ или другой позабыли передать императору и даже распечатать и въ которомъ, говорятъ, заключалось предупрежденіе о томъ, что произойдетъ на другой день.

Князь Христофоръ Ливенъ, генералъ-адъютантъ Павла, нынѣ посолъ въ Лондонѣ, въ то время только что подвергшійся опалѣ и передавшій князю Гагарину портфель военнаго министра, разсказывалъ мнѣ, что письмо было отъ него и адресовано Гагарину, который дѣйствительно позабылъ вскрыть его, но что оно не содержало никакихъ предупрежденій о заговорѣ, такъ какъ онъ самъ ничего не зналъ о немъ, а содержало только просьбы частнаго характера.

«Наконецъ наступилъ роковой моментъ: вы знаете все, что произошло. Императоръ погибъ и долженъ былъ погибнуть: я не былъ ни очевидцемъ, ни дѣйствующимъ лицомъ при его смерти Я предвидѣлъ ее, но не хотѣлъ въ ней участвовать, такъ какъ далъ слово великому князю[1])».

Вотъ разсказъ Бенигсена:

«Я былъ удаленъ отъ службы, и, не смѣя показываться ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни даже въ другихъ губернскихъ городахъ, изъ опасенія слишкомъ выставляться на видъ, быть замѣченнымъ и, можетъ быть, сосланнымъ въ мѣста болѣе отдаленныя, я проживалъ въ печальномъ уединеніи своего помѣстья на Литвѣ.

«Въ началѣ 1801 года я получилъ отъ графа Палена письмо, приглашавшее меня явиться въ Петербургъ: я былъ удивленъ этимъ предложеніемъ и нимало не расположенъ послѣдовать ему, нѣсколько дней спустя, получился приказъ императора, призывавшій назадъ всѣхъ сосланныхъ и уволенныхъ со службы. Но этотъ приказъ точно также не внушилъ мнѣ никакой охоты покинуть мое уединеніе; между тѣмъ Паленъ бомбардировалъ меня письмами, въ которыхъ энергично выражалъ свое желаніе видѣть меня въ столицѣ и увѣрялъ меня, что я буду прекрасно принятъ императоромъ. Послѣднее его письмо было такъ убѣдительно, что я рѣшился ѣхать.

«Пріѣзжаю въ Петербургъ; сперва я довольно хорошо принятъ Павломъ; но потомъ онъ обращается со мною холодно, а вскорѣ совсѣмъ перестаетъ смотрѣть на меня и говорить со мной. Я иду къ Палену и говорю ему, что все, что я предвидѣлъ, оправдалось, что надѣяться мнѣ не на что, зато много есть чего опасаться, поэтому я хочу уѣхать какъ можно скорѣе. Паленъ уговорилъ меня потерпѣть еще нѣкоторое время, и я согласился на это съ

---

[1]) Странный изворотъ! Онъ не способствовалъ смерти Павла! Но несомнѣнно, это онъ приказалъ Зубовымъ и Бенигсену совершить убійство.

трудомъ; наконецъ, наканунѣ дня, назначеннаго для выполненія его замысловъ, онъ открылъ мнѣ ихъ: я согласился на все, что онъ мнѣ предложилъ. Въ намѣченный день мы всѣ собрались къ Палену; я застaлъ тамъ троихъ Зубовыхъ, Уварова, много офицеровъ гвардіи [1]), всѣ были по меньшей мѣрѣ разгорячены шампанскимъ, которое Паленъ велѣлъ подать имъ (мнѣ онъ запретилъ пить и самъ не пилъ). Насъ собралось человѣкъ 60; мы раздѣлились на двѣ колонны: Паленъ съ одной изъ нихъ пришелъ по главной лѣстницѣ со стороны покоевъ императрицы Маріи [2]), а я съ другой колонной направился по лѣстницѣ, ведущей къ церкви [3]). Больше половины сопровождавшихъ меня заблудились и отстали прежде, чѣмъ дошли до покоевъ императора; насъ осталось всего 12 человѣкъ. Въ томъ числѣ были Платонъ и Николай Зу-

---

[1]) Между прочимъ князя Яшвиля изъ артиллеріи, Вяземскаго—Семеновскаго полка, Скарятина—Измайловскаго, Аргамакова—Преображенскаго, Татаринова—Кавалергардскаго; Волконскаго и др.

[2]) Думаютъ, что Паленъ, адскій геній котораго все предвидѣлъ, а въ особенности не забылъ ничего, что могло касаться его лично, уклонился отъ дѣятельнаго участія не потому, какъ онъ увѣрялъ меня, что хотѣлъ исполнить обѣщаніе, данное великому князю Александру, а для того, чтобъ быть въ состояніи, если не удастся предпріятіе, броситься на помощь къ императору: не желая самъ совершать преступленія, онъ, зная хладнокровіе и невозмутимое мужество Бенигсена, призвалъ его, чтобы замѣнить себя, и правда, что безъ Бенигсена ничего не удалось бы.

[3]) На верху этой лѣстницы на площадкѣ находится дверь; она ведетъ въ большую залу, служившую прихожей императора, и гдѣ спали два гусара или придворныхъ гайдука. За этой комнатой была спальня Павла, обширная и высокая; изъ нея вели двѣ двери, между которыми былъ устроенъ родъ чуланчика, гдѣ спалъ камердинеръ. Направо отъ входа стоялъ шкапъ, куда прятали знамена и штандарты гвардейскихъ полковъ и шпаги офицеровъ подъ арестомъ. Возлѣ шкапа была дверка, ведущая черезъ узкую потаенную лѣстницу въ голландскую кухню, никогда не бывшую въ употребленіи, и затѣмъ въ квартиру дежурнаго генералъ-адъютанта; въ то время это былъ князь Гагаринъ, жена котораго, рожденная княжна Лопухина, была любовницей императора.

бовы. Валеріанъ былъ съ Паленомъ. Мы дошли до дверей прихожей императора, и одинъ изъ насъ велѣлъ отворить ее подъ предлогомъ, что имѣетъ что-то доложить императору [1]). Когда камердинеръ и гайдуки императора увидѣли насъ входящими толпой, они не могли усомниться въ нашемъ замыслѣ: камердинеръ спрятался, но одинъ изъ гайдуковъ, хотя и обезоруженный, бросился на насъ; одинъ изъ сопровождавшихъ меня свалилъ его ударомъ сабли и опасно ранилъ въ голову [2]).

«Между тѣмъ этотъ шумъ разбудилъ императора; онъ вскочилъ съ постели, и если бъ сохранилъ присутствіе духа, то легко могъ бы бѣжать; правда, онъ не могъ этого сдѣлать черезъ комнаты императрицы,—такъ какъ Палену удалось внушить ему сомнѣніе насчетъ чувствъ государыни, то онъ каждый вечеръ баррикадировалъ дверь, ведущую въ ея покои,—но онъ могъ спуститься къ Гагарину и бѣжать оттуда. Но, повидимому, онъ былъ слишкомъ перепуганъ, чтобы соображать, и забился въ одинъ изъ угловъ маленькихъ ширмъ, загораживавшихъ простую безъ полога кровать, на которой онъ спалъ.

«Мы входимъ. Платонъ Зубовъ [3]) бѣжитъ къ постели, не находитъ никого и восклицаетъ по-французски: «Онъ

---

[1]) Это былъ нѣкто Аргамаковъ, адъютантъ Преображенскаго полка, онъ являлся каждое утро въ 6 часовъ подавать императору рапортъ по полку. Онъ стучится въ дверь, запертую на ключъ. Камердинеръ встаетъ и спрашиваетъ его, кто онъ такой, и что ему нужно. Аргамаковъ называетъ себя, прибавивъ: «Можно ли спрашивать, что мнѣ нужно? Я прихожу каждое утро подавать рапортъ императору. Уже 6 часовъ! Отпирайте скорѣе!»—«Какъ 6 часовъ?» возразилъ камердинеръ: «нѣтъ еще и 12-ти; мы только что улеглись спать».—«Вы ошибаетесь», сказалъ Аргамаковъ: «ваши часы, вѣроятно, остановились: теперь болѣе 6-ти часовъ. Изъ-за васъ меня посадятъ подъ арестъ, если я опоздаю, отпирайте скорѣе». Обманутый камердинеръ отперъ, и заговорщики вошли толпой.

[2]) Этотъ храбрый и вѣрный гайдукъ не умеръ отъ своей раны, а впослѣдствіи онъ служилъ камердинеромъ у императрицы Маріи; его звали Кириловымъ.

[3]) Послѣдній фаворитъ императрицы Екатерины.

убѣжалъ!» Я слѣдовалъ за Зубовымъ и увидѣлъ, гдѣ скрывается императоръ. Какъ и всѣ другіе, я былъ въ парадномъ мундирѣ, въ шарфѣ, въ лентѣ черезъ плечо, въ шляпѣ на головѣ и со шпагой въ рукѣ. Я опустилъ ее и сказалъ по-французски: «Ваше величество, царствованію вашему конецъ: императоръ Александръ провозглашенъ. По его приказанію, мы арестуемъ васъ; вы должны отречься отъ престола. Не безпокойтесь за себя: васъ не хотятъ лишать жизни; я здѣсь, чтобы охранять ее и защищать, покоритесь своей судьбѣ; но если вы окажете хотя малѣйшее сопротивленіе, я ни за что больше не отвѣчаю».

«Императоръ не отвѣчалъ мнѣ ни слова. Платонъ Зубовъ повторилъ ему по-русски то, что я сказалъ по-французски. Тогда онъ воскликнулъ: «Что же я вамъ сдѣлалъ!» Одинъ изъ офицеровъ гвардіи отвѣчалъ: «Вотъ уже четыре года, какъ вы насъ мучите».

«Въ эту минуту другіе офицеры, сбившіеся съ дороги, безпорядочно ворвались въ прихожую: поднятый ими шумъ испугалъ тѣхъ, которые были со мною, они подумали, что это пришла гвардія на помощь къ императору, и разбѣжались всѣ, стараясь пробраться къ лѣстницѣ. Я остался одинъ съ императоромъ, но я удержалъ его, импонируя ему своимъ видомъ и своей шпагой [1]). Мои бѣглецы, встрѣтивъ своихъ товарищей, вернулись вмѣстѣ съ ними

---

[1]) Изъ этого видно, что если бы Бенигсенъ не находился въ числѣ заговорщиковъ, то императоръ, оставшись одинъ и придя въ себя, могъ бы бѣжать къ Гагарину. Паленъ отлично все разсчиталъ, поручивъ ему выполненіе заговора.

Я много разъ ходилъ смотрѣть комнату, гдѣ погибъ несчастный Павелъ I; теперь ее уже больше никому не показываютъ, и она постоянно заперта.

Михайловскій замокъ, гдѣ жилъ съ недавнихъ поръ Павелъ, отданъ инженерному вѣдомству; тамъ помѣщается инженерное училище, и воспитанники учатся въ залахъ, украшенныхъ великолѣпной рѣзной и лѣпной работой и прекрасной живописью; между прочимъ, тамъ есть двери и камины богатой драгоцѣнной отдѣлки.

въ спальню Павла и, тѣснясь одинъ на другого, опрокинули ширмы на лампу, стоявшую на полу, посреди комнаты, лампа потухла. Я вышелъ на минуту въ другую комнату за свѣчой, и въ теченіе этого короткаго промежутка времени прекратилось существованіе Павла».

На этомъ Бенигсенъ кончилъ свой разсказъ [1]).

Теперь вотъ что я узналъ отъ великаго князя Константина; передамъ его слова съ буквальной точностью:

«Я ничего не подозрѣвалъ [2]) и спалъ, какъ спятъ въ 20 лѣтъ.

---

[1]) Бенигсенъ не захотѣлъ мнѣ больше ничего говорить, однако оказывается, что онъ былъ очевидцемъ смерти императора, но не участвовалъ въ убійствѣ. Убійцы бросились на Павла, и онъ защищался слабо: онъ просилъ пощады, умолялъ, чтобы ему дали время прочесть молитвы, и, увидавъ одного офицера конной гвардіи, приблизительно одного роста съ великимъ княземъ Константиномъ, онъ принялъ его за сына и сказалъ ему, какъ Цезарь Бруту: «Какъ! и ваше высочество здѣсь». (Это слово «высочество» очень необычайно при подобныхъ обстоятельствахъ). Итакъ, несчастный государь умеръ, убѣжденный, что его сынъ былъ однимъ изъ его убійцъ, и это страшное сознаніе еще болѣе отравило его послѣднія минуты. Убійцы не имѣли ни веревки, ни полотенца, чтобы удушить его; говорятъ, Скарятинъ далъ свой шарфъ, и черезъ него погибъ Павелъ. Не знаютъ, кому приписать позорную честь быть виновникомъ его жестокой кончины; всѣ заговорщики участвовали въ ней, но, повидимому, князю Яшвилю и Татариновy принадлежитъ главная отвѣтственность въ этомъ страшномъ злодѣйствѣ. Оказывается, что Николай Зубовъ, нѣчто въ родѣ мясника, жестокій и разіоряченный виномъ, которымъ упился, ударилъ его кулакомъ въ лицо, а такъ какъ у него была въ рукѣ золотая табакерка, то одинъ изъ острыхъ угловъ этой четыреугольной табакерки ранилъ императоръ подъ лѣвымъ глазомъ.

[2]) Императоръ Александръ не захотѣлъ открыть своему брату тайну замышляемаго заговора, онъ страшился его вескромности и, быть можетъ, его честности и прямоты. Паленъ внушилъ ему также опасеніе, что если великій князь узнаетъ о проектѣ свергнуть съ престола его отца, онъ можетъ открыть все отцу въ надеждѣ погубить своего старшаго брата и самому занять его мѣсто: безъ сомнѣнія, Константинъ былъ далекъ отъ подобнаго расчета, но очень вѣроятно, что онъ оказалъ бы долгое, энергичное и, быть можетъ, дѣйствительное сопро-

«Платонъ Зубовъ пьяный вошелъ ко мнѣ въ комнату, поднявъ шумъ. (Это было уже черезъ часъ послѣ кончины моего отца). Зубовъ грубо сдергиваетъ съ меня одѣяло и дерзко говоритъ: «Ну, вставайте, идите къ императору Александру; онъ васъ ждетъ». Можете себѣ представить, какъ я былъ удивленъ и даже испуганъ этими словами. Я смотрю на Зубова: я былъ еще въ полуснѣ и думалъ, что мнѣ все это приснилось. Платонъ грубо тащитъ меня за руку и подымаетъ съ постели: я надѣваю панталоны, сюртукъ, натягиваю сапоги и машинально слѣдую за Зубовымъ. Я имѣлъ, однако, предосторожность захватить съ собой мою польскую саблю, ту самую, что подарилъ мнѣ князь Любомірскій въ Ровно [1]); я взялъ ее съ цѣлью защищаться, въ случаѣ, если бы было нападеніе на мою жизнь, ибо я не могъ себѣ представить, что такое произошло.

«Вхожу въ прихожую моего брата, застаю тамъ толпу офицеровъ, очень шумливыхъ, сильно разгоряченныхъ, и Уварова, пьянаго, какъ и они, сидящаго на мраморномъ столѣ, свѣсивъ ноги. Въ гостиной моего брата я нахожу его лежащимъ на диванѣ въ слезахъ, какъ и императрица Елизавета. Тогда только я узналъ объ убійствѣ моего отца. Я былъ до такой степени пораженъ этимъ ударомъ, что сначала мнѣ представилось, что это былъ заговоръ извнѣ противъ всѣхъ насъ.

«Въ эту минуту пришли доложить моему брату о претензіяхъ моей матери. Онъ воскликнулъ: «Боже мой! еще новыя осложненія!». Онъ приказалъ Палену пойти убѣдить ее и заставить отказаться отъ идей по меньшей мѣрѣ весьма странныхъ и весьма неумѣстныхъ въ подобную минуту. Я остался одинъ съ братомъ; черезъ нѣкоторое

тивленіе рѣшенію своего брата. Паленъ и объ этомъ подумалъ; ничто не ускользнуло отъ него.

[1]) Князь Іосифъ. Великій князь Константинъ объѣзжалъ Волынь, дѣлая смотры войскамъ, и, повидимому, былъ увлеченъ княжной Еленой Любомірской, дочерью князя Іосифа.

время вернулся Паленъ и увелъ императора, чтобы показать его войскамъ. Я послѣдовалъ за нимъ, остальное вамъ извѣстно» [1])

Какъ только императоръ испустилъ духъ, всѣ убійцы разбѣжались: опять Бенигсенъ остался почти одинъ. Онъ приказалъ уложить тѣло императора на кровать камердинера, призвалъ тридцать солдатъ лейбъ-гвардіи съ офицеромъ (Константинъ Полторацкій), разставилъ вездѣ часовыхъ, двоихъ со скрещенными ружьями у дверей въ покои императрицы. Вскорѣ она прибѣжала: дверь была отперта, неизвѣстно, кѣмъ и какъ [2]). Часовые загородили ей проходъ; она вспылила и хотѣла пройти. Они оказали сопротивленіе. Полторацкій пришелъ сказать ей, что она не пройдетъ, что ему дано приказаніе не пропускать ее; она

---

[1]) Великій князь всегда питалъ отвращеніе ко всѣмъ участникамъ этого заговора; онъ называлъ Бенигсена капитаномъ сорока пяти, намекая на убійство герцога Гиза въ Блуа, совершенное ротой гвардіи Генриха III, состоявшей изъ 45 человѣкъ,

[2]) Есть основаніе предполагать, что это Бенигсенъ велѣлъ отворить дверь, такъ какъ она была заперта лишь со стороны комнаты императора. Но онъ мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ, а я забылъ спросить его; можетъ быть, онъ ждалъ оттуда колонну Палена.

Всѣ солдаты и офицеры караула Михайловскаго замка были посвящены въ секретъ заговора, за исключеніемъ ихъ командира: это былъ нѣмецъ, очень глупый и ничтожный, нѣкто Пейкеръ. Прежде онъ состоялъ въ морскихъ батальонахъ, образовавшихъ до смерти императрицы Екатерины гатчинское войско и включенныхъ Павломъ, по вступленіи его на престолъ, въ составъ его гвардіи.

Одинъ изъ гайдуковъ, бѣжавшихъ изъ передней императора, побѣжалъ въ карауль и позвалъ на помощь, крича, что убиваютъ государя. Если бы на дежурствѣ былъ другой полкъ, а не Семеновскій, или, можетъ быть, если бъ у нихъ былъ другой начальникъ, болѣе рѣшительный, то возможно (хотя мало вѣроятно), что онъ явился бы во время, чтобы предупредить убійство: солдаты, хотя и подкупленные, можетъ быть, не посмѣли бы ослушаться, въ неувѣренности насчетъ того, удастся ли заговоръ, но Пейкеръ растерялся онъ спросилъ совѣта у офицеровъ, которые, чтобы выиграть время, посовѣтовали ему сдѣлать докладъ командиру полка, генералу Депрерадовичу, что онъ и исполнилъ очень глупо и очень подробно.

отвѣтила рѣзкостью, и наконецъ ей сдѣлалось дурно. Одинъ гренадеръ, по имени Перекрестовъ, принесъ стаканъ воды и подалъ ей; она отказалась. Тогда гренадеръ сказалъ: «Выкушайте, матушка, вода не отравлена, не бойтесь за себя». Онъ самъ выпилъ часть воды и предложилъ ей остальное. Она выпила и вернулась въ свои аппартаменты [1]) Въ эту минуту разсудокъ у нея совсѣмъ помутился, ея характеръ и честолюбіе одержали верхъ надъ горестью, которую она должна была бы испытывать; она воскликнула, что она коронована, что ей подобаетъ царствовать, а ея сыну принести ей присягу. Побѣжали доложить объ этомъ императору Александру, а онъ послалъ Палена успокоить мать, какъ видно изъ разсказа, приведеннаго выше. Изъ этого можно судить о чувствительности и о супружеской любви императрицы Маріи.

Между тѣмъ войска гвардіи выстроились во дворѣ и вокругъ дворца; какъ видно, въ нихъ не были увѣрены, и событія это подтвердили. Молодой генералъ Талызинъ командовалъ Преображенскимъ полкомъ, въ которомъ всегда служилъ; онъ собралъ его въ одиннадцать часовъ вечера, приказалъ зарядить ружья и сказалъ солдатамъ: «Братцы, вы знаете меня 20 лѣтъ, вы довѣряете мнѣ, слѣдуйте за мною и дѣлайте все, что я вамъ прикажу». Солдаты пошли за нимъ, не зная, въ чемъ дѣло, и убѣжденные, что они призваны для защиты своего государя; но когда они

---

[1]) Какъ только Паленъ узналъ о смерти императора, онъ отправился къ г-жѣ Ливенъ, гувернанткѣ молодыхъ великихъ княженъ и близкому другу императрицы Маріи, онъ разбудилъ ее и поручилъ ей сообщить эту страшную вѣсть императрицѣ. Г-жа Ливенъ съ трудомъ рѣшалась на это, но Паленъ заставилъ ее, сказавъ ей, что она единственная особа, которой можно довѣрить подобное порученіе. Г-жа Ливенъ разбудила императрицу и сообщила ей, что съ императоромъ апоплектическій ударъ, и что ему очень дурно. «Нѣтъ», воскликнула она: «онъ умеръ, его убили!» Г-жа Ливенъ не могла долѣе скрывать истины; тогда императрица бросилась въ спальню своего мужа, куда ее не пропустили. Паленъ ходилъ къ г-жѣ Ливенъ по приказанію императора Александра.

Леонтій Леонтьевичъ Бенигсенъ.

Съ гравюры Больдта

узнали, что отъ нихъ скрыли, между ними поднялся тревожный ропотъ.

Императоръ Александръ предавался въ своихъ покояхъ отчаянію, довольно натуральному, но неумѣстному. Паленъ, встревоженный образомъ дѣйствія гвардіи, приходитъ за нимъ, грубо хватаетъ его за руку и говоритъ: «Будетъ ребячиться! Идите царствовать, покажитесь гвардіи». Онъ увлекъ императора и представилъ его Преображенскому полку. Талызинъ кричитъ: «Да здравствуетъ императоръ Александръ!»—гробовое молчаніе среди солдатъ. Зубовы выступаютъ, говорятъ съ ними и повторяютъ восклицаніе Талызина,—такое же безмолвіе. Императоръ переходитъ къ Семеновскому полку, который привѣтствуетъ его криками «ура!». Другіе слѣдуютъ примѣру семеновцевъ, но преображенцы попрежнему безмолвствуютъ. Императоръ садится въ сани съ императрицей Елизаветой и ѣдетъ въ Зимній дворецъ; всѣ слѣдуютъ за нимъ. Онъ велитъ созвать войска на Дворцовую площадь, войска повинуются, но все тотъ же Преображенскій полкъ ропщетъ и, очевидно, подозрѣваетъ, что Павелъ еще живъ [1]). Когда же полкъ убѣдился въ его смерти, онъ принесъ присягу Александру, какъ и остальныя войска [2]).

Наскоро созванъ былъ сенатъ и всѣ присутственныя мѣста; они также приведены были къ присягѣ. Императрица Марія волей-неволей присоединилась къ остальнымъ подданнымъ своего сына; въ девять часовъ утра водворилось полное спокойствіе, и императоръ Александръ упрочился на престолѣ.

Эта революція, столь внезапная, не сопровождалась кровопролитіемъ, какъ переворотъ 1762 года, а стоила жизни только самому императору. Революція, липившая

---

[1]) Это доказываетъ, что если бъ Павелъ не умеръ и былъ заточенъ въ крѣпость, то гвардія освободила бы его—и тогда!!!

[2]) Увѣряли, что принуждены были нѣсколькимъ солдатамъ показать трупъ императора Павла.

имперіи Іоанна VI, окончилась черезъ 4 часа, революція, жертвой которой палъ Петръ III, продолжалась 24 часа, и наконецъ третья революція, въ коей погибъ Павелъ, длилась всего 2 часа.

Эти страшныя катастрофы, повторявшіяся въ Россіи три раза въ теченіе столѣтія, безъ сомнѣнія, самые убѣдительные изъ всѣхъ аргументовъ, какіе можно привести противъ деспотизма: нужны преступленія, чтобы избавиться отъ незаконности, отъ безумія или отъ тиранніи, когда онѣ опираются на деспотизмъ; въ конституціонномъ государствѣ [1]) незаконность не можетъ имѣть мѣста, безуміе прикрывается [2]), а тирація не смѣетъ развернуться, слѣдовательно не нужно преступленій, чтобы занять престолъ и удержаться на немъ.

Какъ деспотъ могущественъ и слабъ въ одно и то же время! Павелъ, неограниченный властелинъ, управлялъ 36-ю милліонами людей и царилъ надъ 400.000 квадратныхъ миль; а между тѣмъ взводъ его гвардіи и 60 заговорщиковъ свергли его съ этого исполинскаго престола!

Виллие, хирургъ Семеновскаго полка, предупрежденный о заговорѣ, прибѣжалъ въ спальню Павла, какъ только ему сообщили о его смерти; онъ убралъ тѣло для выставленія, которое совершалось согласно обычаю, установленному въ Россіи. Рана, сдѣланная ему Николаемъ Зубовымъ, говорятъ, была замазана лакомъ.

Въ Европѣ распространился слухъ (его пустилъ Паленъ), будто Павелъ хотѣлъ развестись съ женою, жениться на княгинѣ Гагариной, разведя ее съ мужемъ, заточить въ крѣпость своихъ трехъ старшихъ сыновей и

---

[1]) Оберъ-камергеръ Александръ Нарышкинъ былъ арестованъ, не знаю, за что, такъ какъ онъ былъ не опасенъ; его отвели на гауптвахту, и онъ отдѣлался тѣмъ, что его немного посѣкъ Николай Зубовъ, и тѣмъ, что онъ сильно трусилъ часа два.

[2]) Въ наши времена мы видѣли въ Англіи примѣръ, что безуміе у монарха нисколько не мѣшало конституціонному правленію.

провозгласить своимъ наслѣдникомъ маленькаго великаго князя Михаила, родившагося уже въ бытность Павла на престолѣ. Этотъ слухъ оказывается страшнѣйшей клеветой; онъ былъ опровергнутъ Коцебу въ его интересной и правдивой брошюрѣ, озаглавленной: «Одинъ памятный годъ въ моей жизни», а я слышалъ отъ генерала Кутузова, бывшаго тогда въ Петербургѣ, что никогда не было и рѣчи о подобныхъ сумасбродствахъ, и что даже наканунѣ смерти Павелъ казался очень расположеннымъ къ женѣ и дѣтямъ, а извѣстно, что его характеръ никогда не позволилъ бы ему скрывать свои намѣренія.

Говорили также, что въ самый день смерти Павелъ, взглянувъ на себя въ зеркало, сказалъ: «Мнѣ кажется, какъ будто у меня сегодня лицо кривое!» Этотъ фактъ вѣренъ, и вотъ какъ Кутузовъ мнѣ разсказывалъ о немъ:

«Мы ужинали вмѣстѣ съ императоромъ; насъ было 20 человѣкъ за столомъ; онъ былъ очень веселъ и много шутилъ съ моей старшей дочерью, которая въ качествѣ фрейлины присутствовала за ужиномъ и сидѣла противъ императора. Послѣ ужина онъ говорилъ со мною, и пока я отвѣчалъ ему нѣсколько словъ, онъ взглянулъ на себя въ зеркало, имѣвшее недостатокъ и дѣлавшее лица кривыми. Онъ посмѣялся надъ этимъ и сказалъ мнѣ: «Посмотрите, какое смѣшное зеркало; я вижу себя въ немъ съ шеей на сторону». Это было за полтора часа до его кончины». (Кутузовъ не былъ посвященъ въ заговоръ).

Послѣ смерти Павла Паленъ былъ сперва утвержденъ во всѣхъ его должностяхъ и получилъ громадное вліяніе на умъ императора Александра; онъ слишкомъ злоупотреблялъ своей властью, онъ черезчуръ долго третировалъ своего государя, какъ ребенка (Александру было, однако, 22 года и, конечно, онъ уже не былъ ребенкомъ ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ отношеніи. Паленъ заставилъ себя бояться, не заставивъ себя любить).

Императрица Марія терпѣть его не могла, какъ и всѣхъ участниковъ въ убійствѣ своего мужа, она преслѣдовала ихъ неустанно и наконецъ успѣла всѣхъ ихъ или удалить, или уничтожить ихъ вліяніе, или же подорвать ихъ карьеры.

Вскорѣ послѣ катастрофы, которою она казалась такъ сильно, но немного поздно тронутой, она приказала соорудить въ своемъ павловскомъ саду прекрасный памятникъ Павлу, который и поставила въ часовнѣ; потомъ ея стараніями объявилась въ церкви одной деревни чудотворная икона Божьей Матери, которая говорила и призывала кару Небесъ на убійцъ ея мужа.

Паленъ поскакалъ въ эту деревню, велѣлъ сорвать икону и не пощадилъ императрицы-матери, которая пожаловалась своему сыну. Императоръ заговорилъ объ этомъ съ Паленомъ, тотъ отвѣчалъ дерзко и заносчиво. Александръ былъ оскорбленъ и далъ понять, что онъ тяготится своимъ ментором. Императрица достигла того, что неосторожный министръ впалъ въ немилость. Сразу лишенный всѣхъ своихъ должностей и принужденный удалиться въ Курляндію, въ свои помѣстья, онъ сталъ проводить время попеременно то въ прекрасномъ замкѣ Екавѣ, возлѣ Митавы, то въ Ригѣ.

Генералъ Бенигсенъ былъ также предметомъ яростной ненависти со стороны императрицы-матери; она потребовала отъ сына, чтобы онъ никогда не жаловалъ ему маршальскаго жезла, хотя никто не заслужилъ этой почести больше его, но она не могла помѣшать императору ввѣрить командованіе войсками единственному великому генералу, котораго онъ могъ съ выгодой выставить противъ Наполеона, единственному, которому удалось остановить быстрое теченіе его успѣховъ, и который, можетъ быть, окончательно восторжествовалъ бы надъ непріятелемъ, если бъ ему не помѣшали разныя козни.

Князь Платонъ Зубовъ принужденъ былъ по прошествіи нѣкотораго времени переселиться въ Курляндію, въ

свой великолѣпный замокъ Руэнталь. Затѣмъ онъ жилъ и въ Митавѣ и въ Вильнѣ [1]).

Паниннъ былъ также удаленъ и больше не появлялся въ Петербургѣ.

Талызинъ умеръ 3 мѣсяца спустя послѣ императора.

Всѣ офицеры гвардіи, участвовавшіе въ заговорѣ, постепенно, одинъ за другимъ, подверглись опалѣ или были сосланы, а къ концу года въ Петербургѣ не оставалось болѣе ни одного изъ заговорщиковъ, исключая Зубовыхъ, которые тамъ и умерли.

На первой страницѣ сказано, что во время смерти Павла я находился въ Литвѣ. Извѣстіе о его кончинѣ я получилъ въ Кобринѣ, куда я поѣхалъ изъ Бреста съ генераломъ Милорадовичемъ. Въ Кобринѣ стоялъ тогда Тамбовскій полкъ, командиромъ коего былъ генералъ Ферстеръ. Курьеръ, донесшій намъ о смерти императора, сказалъ, что онъ умеръ отъ апоплектическаго удара. Мы этому повѣрили: Ферстеръ, Милорадовичъ и я встрѣтили это извѣстіе съ сожалѣніями, для насъ вполнѣ законными. Быть можетъ, мы были единственными людьми въ Россіи, которые искренно оплакивали его. Мы не можемъ не сознавать его недостатковъ и его промаховъ. Но мы проливали слезы на могилѣ нашего благодѣтеля, и наши сожалѣнія еще усилились, когда мы узнали, какой смертью онъ погибъ.

---

[1]) Когда Платонъ сталъ замѣчать, что его положеніе пошатнулось, ему пришла въ голову мысль пойти къ великому князю Ковстантину оправдываться въ томъ, что онъ дерзнулъ поднять руку на императора. Великій князь отвѣчалъ ему: «Ну, князь, qui s excuse—s'accuse», и повернулся къ нему спиной.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ФОНВИЗИНА.

Вступивъ на службу въ гвардію въ 1803 году, я лично зналъ многихъ, участвовавшихъ въ заговорѣ; много разъ слышалъ я подробности преступной катастрофы, которая тогда была еще въ свѣжей памяти и служила предметомъ самыхъ живыхъ разсказовъ въ офицерскихъ бесѣдахъ. Не разъ, стоя въ караулѣ въ Михайловскомъ замкѣ, я изъ любопытства заходилъ въ комнаты, занимаемыя Павломъ, и въ его спальню, которая долго оставалась въ прежнемъ видѣ; видѣлъ и скрытую лѣстницу, по которой онъ спускался къ любовницѣ своей, княгинѣ Гагариной, бывшей Лопухиной. Очевидцы объясняли мнѣ на самыхъ мѣстахъ, какъ все происходило. Сравнивая читанныя мною въ разныхъ иностранныхъ книгахъ повѣствованія о смерти Павла съ собственными воспоминаніями слышаннаго мною объ этомъ, начну разсказъ мой спискомъ заговорщиковъ, которыхъ имена могъ припомнить. Всѣхъ ихъ было до 60-ти человѣкъ, кромѣ большей части гвардейскихъ офицеровъ, которые, собственно не участвуя въ заговорѣ, догадывались о его существованіи и, по ненависти къ Павлу, готовы были способствовать успѣху. Вотъ кто были лица, мнѣ и всѣмъ въ то время извѣстныя: с.-петербургскій военный ген.-губернаторъ графъ фонъ-деръ-Паленъ; вице-канцлеръ графъ Н. П. Паниннъ; князь Платонъ Зубовъ—шефъ 1-го кадетскаго корпуса; братья его: Валерьянъ—шефъ 2-гокадетскаго корпуса—и Николай; генералъ-майоръ Бенигсенъ и Талызинъ—командиръ Преображенскаго

полка и инспекторъ с.-петербургской инспекціи; шефы полковъ: Кексгольмскаго—Вердеревскій; сенатскихъ батальоновъ — Ушаковъ; 1-го артиллерійскаго полка — Тучковъ; командиры гвардейскихъ полковъ: Уваровъ—Кавалергардскаго; Янковичъ-Демиріево — Конногвардейскаго; Депрерадовичъ — Семеновскаго, и князь Вяземскій—шефъ 4-го батальона Преображенскаго полка; того же полка полковники. Заньольскій и Аріамаковъ; капитанъ Шеншинъ и штабсъ-капитанъ баронъ Розенъ; поручики: Маринъ и Леонтьевъ; два брата Аргамаковы; графъ Толстой—Семеновскаго полка полковникъ; князь Волконскій—адъютантъ в. к. Александра Павловича; поручики: Савельевъ, Кикинъ, Писаревъ, Полторацкій, Ефимовичъ; Измайловскаго полка полковникъ Мансуровъ; поручики Болховской, Скарятинъ и Кутузовъ; Кавалергардскаго полка полковникъ Голенищевъ-Кутузовъ; ротмистръ Титовъ; поручикъ Горбатовъ; артиллеристы: полковникъ князь Яшвиль; поручикъ Татариновъ; флотскій капитанъ командоръ Клокачевъ. Въ заговорѣ, кромѣ военныхъ, участвовали нѣсколько придворныхъ и гражданскихъ лицъ и даже отставныхъ; имень ихъ не припомню.

Душою заговора и главнымъ дѣйствователемъ былъ графъ Паленъ, одинъ изъ умнѣйшихъ людей въ Россіи, смѣлый, предпріимчивый, съ характеромъ рѣшительнымъ, непоколебимымъ. Родомъ курляндецъ, онъ еще при Петрѣ III вступилъ въ русскую службу корнетомъ въ Конногвардейскій полкъ. Въ царствованіе Екатерины Паленъ усердно содѣйствовалъ присоединенію Курляндіи къ имперіи, полюбилъ Россію и былъ всей душою преданъ новому своему отечеству. Съ прискорбіемъ и негодованіемъ смотрѣлъ онъ на безумное самовластіе Павла, на непостоянство и измѣнчивость его внѣшней политики, угрожавшей благоденствію и могуществу Россіи. Павелъ, сперва врагъ французской революціи, готовый на всѣ пожертвованія для ея подавленія, раздосадованный своими недавними союзниками,

которымъ справедливо приписывалъ неудачи, испытанныя его войсками — пораженія генераловъ: Римскаго-Корсакова въ Швейцаріи и Германа въ Голландіи—послѣ славной кампаніи Суворова въ Италіи, вдругъ совершенно измѣняетъ свою политическую систему и не только мирится съ первымъ консуломъ Французской республики, умѣвшимъ ловко польстить ему, но становится восторженнымъ почитателемъ Наполеона Бонапарте и угрожаетъ войною Англіи. Разрывъ съ ней наносилъ неизъяснимый вредъ нашей заграничной торговлѣ. Англія снабжала насъ произведеніями и мануфактурными и колоніальными за сырыя произведенія нашей почвы. Эта торговля открывала единственные пути, которыми въ Россію притекало все для насъ необходимое. Дворянство было обезпечено въ вѣрномъ полученіи доходовъ съ своихъ помѣстьевъ, отпуская за море хлѣбъ, корабельные лѣса, мачты, сало, пеньку, ленъ и проч. Разрывъ съ Англіею, нарушая матеріальное благосостояніе дворянства, усиливалъ въ немъ ненависть къ Павлу, и безъ того возбужденную его жестокимъ деспотизмомъ.

Мысль извести Павла какимъ бы то ни было способомъ сдѣлалась почти общею. Графъ Паленъ, неразборчивый въ выборѣ средствъ, ведущихъ къ цѣли, рѣшился осуществить ее.

Графъ Паленъ былъ въ большой милости у императора, умѣвшаго оцѣнить его достоинства. Облеченный довѣренностью его, онъ посвященъ былъ во всѣ важнѣйшія государственныя дѣла. Какъ военный губернаторъ столицы, Паленъ завѣдывалъ тайною полиціею и чрезъ него одного могли доходить до царя донесенія ея агентовъ: это было ручательствомъ сохраненія въ тайнѣ предпринимаемаго заговора. Когда мысль о немъ созрѣла, и Паленъ, зная общественное мнѣніе, враждебное правительству, могъ разсчитывать на многихъ сообщниковъ, рѣшился открыть свое смѣлое намѣреніе вице-канцлеру графу Н. П. Панину, котораго Павелъ любилъ, какъ племянника своего воспитателя, графа Н. И. Панина. Воспитанный умнымъ и про-

свѣщеннымъ дядей, графъ Н. П. Панинъ усвоилъ свободный его образъ мыслей, ненавидѣлъ деспотизмъ и желалъ не только паденія безумнаго царя, но съ этимъ паденіемъ учредить законно-свободныя постановленія, которыя бы ограничивали царское самовластіе. На этотъ счетъ и графъ Паленъ раздѣлялъ его образъ мыслей.

Первымъ дѣйствіемъ условившихся Палена и Панина было стараніе помирить съ Павломъ фаворита Екатерины князя Платона Зубова и братьевъ его, Валерьяна и Николая, находившихся въ опалѣ, — въ чемъ они и успѣли. Зубовы приняты въ службу и прибыли въ Петербургъ. Паленъ и Панинъ знали напередъ ихъ ненависть къ Павлу и были увѣрены въ ихъ усердномъ содѣйствіи: поэтому и открыли имъ свое намѣреніе. Зубовы вступили въ заговоръ, а съ ними и нѣсколько преданныхъ имъ кліентовъ, которымъ они покровительствовали во время силы своей при Екатеринѣ. Изъ этихъ лицъ, по характеру и положенію своему, важнѣе прочихъ были: генералъ баронъ Бенигсенъ, ганноверецъ, служившій съ отличіемъ въ Польскую и Персидскія войны въ нашихъ войскахъ, отставленный Павломъ, какъ человѣкъ, преданный Зубовымъ, и принятый опять въ службу по ходатайству графа Панина, который былъ съ нимъ друженъ, и генералъ Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка и инспекторъ войскъ, находившихся въ Петербургѣ.

Пріобрѣтеніе такого сообщника было тѣмъ болѣе важно для успѣха дѣла, что Талызина любили подчиненные: какъ любимый начальникъ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ и могъ всегда увлечь за собою не только офицеровъ, но одушевить и нижнихъ чиновъ, которые были къ нему чрезвычайно привязаны.

Всѣ недовольные тогдашнимъ порядкомъ вещей, все лучшее петербургское общество и гвардейскіе офицеры собирались у братьевъ Зубовыхъ и у сестры ихъ Жеребцовой, свѣтской дамы, которая была въ дружескихъ отношеніяхъ съ англійскимъ посланникомъ лордомъ Уитвордомъ

и съ чиновниками его посольства, посѣтителями ея гостиной. Отъ этого распространилось въ Европѣ мнѣніе, будто лордъ Уитвордъ главный виновникъ заговора и что онъ не жалѣлъ англійскихъ денегъ для покупки сообщниковъ, съ цѣлію предупредить разрывъ Россіи съ Англіей, угрожавшій торговымъ интересамъ послѣдней. Это мнѣніе не имѣетъ основанія, во-первыхъ, потому, что лордъ Уитвордъ слишкомъ извѣстенъ по строгой честности и благороднымъ правиламъ своимъ, чтобы можно было подозрѣвать его въ такомъ коварномъ и безнравственномъ дѣйствіи,—потомъ заговоръ противъ Павла былъ дѣло чисторусское, а для нѣкоторыхъ истинно-патріотическое, и въ которомъ, кромѣ Бенигсена, не участвовалъ ни одинъ иностранецъ; да и лордъ Уитвордъ выѣхалъ изъ Петербурга тотчасъ послѣ разрыва съ Англіею, стало быть, до начала заговора. Вечерния собранія у братьевъ Зубовыхъ или у Жеребцовой породили настоящіе политическіе клубы, въ которыхъ единственнымъ предметомъ разговоровъ было тогдашнее положеніе Россіи, страждущей подъ гнетомъ безумнаго самовластія. Толковали о необходимости положить этому конецъ. Никому и въ голову не входило посягнуть на жизнь Павла, — было одно общее желаніе: заставить его отказаться отъ престола въ пользу наслѣдника, всѣми любимаго за доброту, образованность, кроткое и вѣжливое обращеніе, — качества совершенно противоположныя неукротимому и самовластному характеру отца его. Всѣ эти совѣщанія происходили явно подъ эгидой петербургскаго военнаго губернатора, который, какъ начальникъ тайной полиціи, получалъ ежедневно донесенія шпіоновъ и давалъ движеніе только тѣмъ изъ нихъ, которыя не касались заговора и лицъ, въ немъ замѣшанныхъ.

Графъ Паленъ исподволь приготовлялъ великаго князя Александра Павловича къ замышляемому имъ государственному перевороту, для успѣшнаго совершенія котораго его согласіе было необходимо. Часто видясь съ нимъ, Паленъ всегда наводилъ рѣчь на трудное и бѣдственное со-

стояніе Россіи, сграждущей отъ безумныхъ поступковъ отца его, и, не выводя никакихъ заключеній, вызывалъ великаго князя на откровенность.

Тотъ съ грустнымъ чувствомъ слушалъ его и молчалъ, потупивъ глаза. Не разъ повторялись подобныя безмолвныя, но выразительныя сцены. Однажды Паленъ рѣшился высказать великому князю все и своей неумолимой логикой доказалъ ему необходимость для блага Россіи и для безопасности императорскаго семейства отстранить отъ престола безумнаго императора и заставить его самого подписать торжественное отреченіе. Чтобы еще болѣе убѣдить великаго князя, Паленъ представилъ ему несомнѣнныя доказательства, что отецъ его подозрѣваетъ и супругу свою и обоихъ сыновей въ замыслахъ противъ его особы, и даже показалъ ему именное повелѣніе Павла, въ случаѣ угрожающей ему опасности, заключить императрицу и обоихъ великихъ князей въ Петропавловскую крѣпость. Все это поколебало наконецъ сыновнее чувство и совѣсть великаго князя, и онъ, обливаясь слезами, далъ Палену согласіе, но требовалъ отъ него торжественную клятву, что жизнь Павла будетъ для всѣхъ священна и неприкосновенна. По неопытности, великій князь почиталъ возможнымъ сохранить отцу жизнь, отнявъ у него корону! Согласіе великаго князя Александра Павловича развязало Палену руки и главнымъ заговорщикамъ. Все было устроено къ рѣшительному дѣйствію: большая часть гвардейскихъ офицеровъ были на ихъ сторонѣ, сами солдаты, особенно Семеновскаго полка, Преображенскаго 3-го и 4-го батальоновъ, которыми командовали полковникъ Заполь-скій и генералъ-майоръ князь Вяземскій, волновались и, недовольные настоящимъ положеніемъ и тягостною служ-бою, желали перемѣны и готовы были слѣдовать за любимыми начальниками, куда бы ихъ ни повели.

Между тѣмъ императоръ, какъ бы предчувствуя скорое паденіе или, можетъ быть, предувѣдомленный кѣмъ-нибудь изъ немногихъ искренно преданныхъ ему людей о все-

общемъ неудовольствіи противъ него и о дѣйствіяхъ его тайныхъ враговъ, становился день ото дня мрачнѣе и подозрительнѣе. Волнуемый страхомъ и гнѣвомъ, онъ встрѣтилъ графа Палена, который явился къ нему съ обыкновеннымъ утреннимъ рапортомъ, грознымъ вопросомъ:

— Вы были въ Петербургѣ въ 1762-мъ году? (годъ воцаренія Екатерины вслѣдствіе дворцоваго переворота, стоившаго жизни Петру III...)

— Да, государь, былъ,—хладнокровно отвѣчаетъ Паленъ.

— Что вы тогда дѣлали и какое участіе имѣли въ томъ, что происходило въ то время? спросилъ опять императоръ.

— Какъ субалтернъ-офицеръ, я на конѣ, въ рядахъ полка, въ которомъ служилъ, былъ только свидѣтелемъ, а не дѣйствовалъ,—отвѣчалъ Паленъ.

Императоръ взглянулъ на него грозно и недовѣрчиво продолжалъ:

— И теперь замышляютъ то же самое, что было въ 1762-мъ году.

— Знаю, государь, возразилъ Паленъ, нисколько не смутившись: я самъ въ числѣ заговорщиковъ!

— Какъ, и ты въ заговорѣ противъ меня?!.

— Да, чтобы слѣдить за всѣмъ и, зная все, имѣть возможность предупредить замыслы вашихъ враговъ и охранять васъ.

Такое присутствіе духа и спокойный видъ Палена совершенно успокоили Павла, и онъ болѣе, нежели когда-либо, ввѣрился врагу своему. Это происходило за недѣлю или за двѣ до рокового дня и ускорило катастрофу.

Императоръ жилъ тогда въ Михайловскомъ замкѣ. Не довѣряя любви своихъ подданныхъ, онъ выстроилъ его какъ крѣпость, съ брустверомъ и водянымъ рвомъ, одѣтымъ гранитомъ, съ четырьмя подъемными мостами, которые по пробитіи вечерней зари поднимались. Въ этомъ убѣжищѣ царь считалъ себя безопаснымъ отъ нападенія въ случаѣ народнаго мятежа и возстанія. Караулъ въ замкѣ содержали поочередно гвардейскіе полки. Внизу на главной

гауптвахтѣ находилась рота со знаменемъ, капитаномъ и двумя офицерами. Въ бельэтажѣ расположенъ былъ внутренній караулъ, который наряжался только отъ одного лейбъ-батальона Преображенскаго полка. Павелъ особенно любилъ этотъ батальонъ, довѣрялъ ему, размѣстилъ его въ здании Зимняго дворца, смежномъ съ Эрмитажемъ, отличилъ и офицеровъ и солдатъ богатымъ мундиромъ: первыхъ съ золотыми вышивками вокругъ петлицъ, а рядовыхъ петлицами, обложенными галуномъ по всей груди. Этотъ батальонъ онъ хотѣлъ отдѣлить отъ полка и переименовать «лейбъ-компаніей» — исключительной стражей, охраняющей его особу.

Въ замкѣ гарнизонная служба отправлялась, какъ въ осажденной крѣпости, со всею военною точностью. Послѣ пробитія вечерней зари весьма немногія довѣренныя особы, извѣстныя швейцару и дворцовымъ сторожамъ, допускались въ замокъ по малому подъемному мостику, который и опускался только для нихъ. Въ числѣ этихъ немногихъ былъ адъютантъ лейбъ-батальона Преображенскаго́ полка Аргамаковъ, исправлявшій должность плацъ-адъютанта замка. Онъ былъ обязанъ доносить лично императору о всякомъ чрезвычайномъ происшествіи въ городѣ, какъ-то о пожарѣ и т. д. Павелъ довѣрялъ Аргамакову, и даже ночью онъ могъ входить въ царскую спальню. Мостикъ (этого мостика я уже не видѣлъ: онъ былъ снятъ скоро послѣ воцаренія Александра) для пѣшеходовъ всегда опускался по его требованію. Черезъ это Аргамаковъ сдѣлался самымъ важнымъ пособникомъ заговора.

Одиннадцатое число марта было послѣднимъ роковымъ днемъ несчастнаго Павла I-го.

Въ этотъ день графъ Паленъ пригласилъ всѣхъ заговорщиковъ къ себѣ на вечеръ. По призыву его собрались всѣ главные его сообщники, Зубовы, Бенигсенъ, многіе гвардейскіе и армейскіе генералы и офицеры, въ полномъ мундирѣ, въ шарфахъ и орденахъ. Гостямъ разносили шампанское, пуншъ и другія вина. Всѣ опоражнивали

бокалъ за бокаломъ, кромѣ хозяина дома и Бенигсена. Паленъ, Зубовы (въ этомъ собраніи не было графа Панина и Валерьяна Зубова), Бенигсенъ обращались къ патріотизму присутствующихъ, говорили о настоящемъ бѣдственномъ положеніи Россіи, что самовластіе императора губитъ ее и что есть средство предотвратить еще большія несчастія:—это принудить Павла отречься отъ трона; что самъ наслѣдникъ престола признаетъ необходимою эту рѣшительную мѣру. Не было рѣчи о будущей участи императора. Заговорщикамъ, кромѣ весьма немногихъ, и въ голову не приходило, чтобы жизни его угрожала какая-либо опасность. Восторженные подобными рѣчами, а еще болѣе питымъ виномъ и пуншемъ, заговорщики требуютъ, чтобы ихъ тотчасъ вели на славный подвигъ спасенія отечества.

Панинъ и генералъ Талызинъ, предвидя это, распорядились заблаговременно, чтобы къ полуночи генералъ Депрерадовичъ съ 1-мъ Семеновскимъ батальономъ, а полковникъ Запольскій и генералъ князь Вяземскій съ 3-мъ и 4-мъ батальонами Преображенскаго выступили на назначенное сборное мѣсто у верхняго сада подлѣ Михайловскаго замка.

Получа донесеніе, что движеніе войскъ началось, заговорщики раздѣлились на два отряда: одинъ подъ предводительствомъ Бенигсена и Зубовыхъ, другой подъ начальствомъ Палена. Впереди перваго отряда шелъ адъютантъ Аргамаковъ, который долженъ былъ открыть заговорщикамъ входъ въ замокъ по извѣстному подъемному мостику, который сторожъ во всякое время для него опускалъ. Паленъ съ сопровождавшимъ его меньшимъ числомъ сообщниковъ отсталъ отъ перваго отряда, который встрѣтилъ гвардейскіе три батальона уже на сборномъ мѣстѣ Зубовъ съ своими сообщниками подошли къ замку. Аргамаковъ впереди безпрепятственно провелъ ихъ по мостику. Генералъ Талызинъ двинулъ батальоны чрезъ верхній садъ и окружилъ ими замокъ. (Въ верхнемъ саду на ночь слеталось

безчисленное множество воронъ и галокъ; птицы, испуганныя движеніемъ войска, поднялись огромною тучею съ карканіемъ и шумомъ и перепугали начальниковъ и солдатъ, принявшихъ это за несчастливое предзнаменованіе).

Зубовъ и Бенигсенъ съ своими сообщниками бросились прямо къ царскимъ покоямъ. За одну комнату до Павловой спальни стоявшіе на часахъ два камеръ-гусара не хотѣли ихъ впустить, но нѣсколько офицеровъ бросились на нихъ, обезоружили, зажали имъ рты и увлекли вонъ. Зубовы съ Бенигсеномъ и нѣсколькими офицерами вошли въ спальню. Павелъ, встревоженный шумомъ, вскочилъ съ постели, схватилъ шпагу и спрятался за ширмами. (Въ разсказѣ объ умерщвленіи Павла, въ «Исторіи консульства и имперіи» Тьера, дѣйствія и слова Платона Зубова приписаны Бенигсену, который будто бы одинъ остался съ императоромъ, потому что прочими заговорщиками овладѣлъ паническій страхъ и они хотѣли бѣжать, но Бенигсенъ остановилъ ихъ).

Князь Платонъ Зубовъ, не видя Павла на постели, испугался и сказалъ по-французски: «l'oiseau s'est envolé», но Бенигсенъ, хладнокровно осмотрѣвъ горницу, нашелъ Павла, спрятавшагося за ширмами со шпагою въ рукѣ, и вывелъ его изъ засады. Князь Платонъ Зубовъ, упрекая царю его тиранство, объявилъ ему, что онъ уже не императоръ, и требовалъ отъ него добровольнаго отреченія отъ престола. Нѣсколько угрозъ, вырвавшихся у несчастнаго Павла, вызвали Николая Зубова, который былъ силы атлетической. Онъ держалъ въ рукѣ золотую табакерку и съ размаху ударилъ ею Павла въ високъ, — это было сигналомъ, по которому князь Яшвиль, Татариновъ, Гордановъ и Скарятинъ яростно бросились на него, вырвали изъ его рукъ шпагу: началась съ нимъ отчаянная борьба. Павелъ былъ крѣпокъ и силенъ: его повалили на полъ, топтали ногами, шпажнымъ эфесомъ проломили ему голову и наконецъ задавили шарфомъ Скарятина. Въ началѣ этой гнусной, отвратительной сцены Бенигсенъ вышелъ въ

предспальную комнату, на стѣнахъ которой развѣшаны были картины, и со свѣчкою въ рукѣ преспокойно разсматривалъ ихъ.

Удивительное хладнокровіе! Не скажу– звѣрское жестокосердіе, потому что генералъ Бенигсенъ во всю свою службу былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ самый добродушный и кроткій Когда онъ командовалъ арміей, то всякій разъ, когда ему подносили подписывать смертный приговоръ какому-нибудь мародеру, пойманному на грабежѣ, онъ исполнялъ это какъ тяжкій долгъ, съ горемъ, съ отвращеніемъ и дѣлая себѣ насиліе. Кто изъяснитъ такія несообразныя странности и противорѣчія человѣческаго сердца! — Паленъ пришелъ на мѣсто дѣйствія, когда уже все было кончено. Или онъ гнушался преступленіемъ и даже не хотѣлъ быть свидѣтелемъ его, или, какъ иные думали, онъ дѣйствовалъ двулично: если бы заговоръ не увѣнчался успѣхомъ, онъ явился бы къ императору на помощь, какъ вѣрный его слуга и спаситель.

Но что дѣлала тогда дворцовая стража? Караульные на нижней гауптвахтѣ и часовые Семеновскаго полка во все это время оставались въ бездѣйствіи, какъ бы ничего не видя и не слыша. Ни одинъ человѣкъ не тронулся на защиту погибавшаго царя, хотя всѣ догадывались, что для него насталъ послѣдній часъ. Караульный капитанъ былъ изъ «гатчинскихъ» и изъ самыхъ плохихъ, не вспомню теперь его имени. Одинъ изъ офицеровъ, ему подчиненныхъ, прапорщикъ Полторацкій, былъ въ числѣ заговорщиковъ и, предувѣдомленный о томъ, что будетъ происходить въ замкѣ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ арестовалъ своего начальника и принялъ начальство надъ карауломъ. Во внутреннемъ карауле Преображенскаго лейбъ-батальона стоялъ тогда поручикъ Маринъ. Услыша, что въ замкѣ происходитъ что-то необыкновенное, старые гренадеры, подозрѣвая, что царю угрожаетъ опасность, громко выражали свое подозрѣніе и волновались. Одна минута — и Павелъ могъ быть спасенъ ими. Но Маринъ не потерялъ при-

сутствія духа, громко скомандовалъ: «смирно!» отъ почи и во все время, какъ заговорщики управлялись съ Павломъ, продержалъ своихъ гренадеръ подъ ружьемъ неподвижными, и ни одинъ не смѣлъ пошевелиться. Таково было дѣйствіе русской дисциплины на тогдашнихъ солдатъ: во фронтѣ они становились машинами.

Великій князь Александръ Павловичъ жилъ тогда въ Михайловскомъ замкѣ съ великой княгинею. Онъ въ эту ночь не ложился спать и не раздѣвался; при немъ находились генералъ Уваровъ и адъютантъ его князь Волконскій. Когда все кончилось, и онъ узналъ страшную истину, скорбь его была невыразима и доходила до отчаянія. Воспоминаніе объ этой страшной ночи преслѣдовало его всю жизнь и отравляло его тайною грустью. Онъ былъ добръ и чувствителенъ, властолюбіе не могло заглушить въ его сердцѣ жгучихъ упрековъ совѣсти даже и въ самое счастливое и славное время его царствованія, послѣ Отечественной войны. Александръ всею ненавистью возненавидѣлъ графа Палена, который воспользовался его неопытностью и увѣрилъ его въ возможности низвести отца его съ трона, не отнявъ у него жизни.

Великій князь Константинъ Павловичъ не зналъ о заговорѣ и могъ оплакивать несчастнаго отца съ покойною, безупречною совѣстью.

Императрица Марія Ѳеодоровна поражена была бѣдственною кончиною супруга, оплакивала его, но и въ ея сердцѣ зашевелилось желаніе царствовать. Она вспомнила, что Екатерина царствовала безъ права, и, можетъ быть, разсчитывала на нѣжную привязанность сына и надѣялась, что онъ уступитъ ей тронъ. Приближенные къ ней разсказывали, что, несмотря на непритворную печаль, у ней вырывались слова: «Ich will regieren!»

Новый императоръ со всѣмъ дворомъ на разсвѣтѣ переѣхалъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ. Всѣ гвардейскіе и армейскіе полки тотчасъ присягнули ему. Статсъ-секретарь Трощинскій написалъ манифестъ о вос-

шествіи на престоль Александра I-го. Этотъ актъ возбудилъ восторгъ въ дворянствѣ обѣщаніемъ новаго самодержца — царствовать по духу и сердцу Великой Бабки своей.

Михайловскій замокъ представлялъ грустное и отвратительное зрѣлище: трупъ Павла, избитаго, окровавленнаго, съ проломленной головой, одѣли въ мундиръ, какою-то мастикой замазали израненное лицо и, чтобы скрыть глубокую головную рану, надѣли на него шляпу и, не бальзамируя его, какъ это всегда водится съ особами императорской фамиліи, положили на великолѣпное ложе.

Рано стали съѣзжаться въ замокъ придворные, архіереи и проч. Пріѣхалъ и убитый горестью Александръ къ панихидѣ. Посреди множества собравшихся царедворцевъ нагло расхаживали заговорщики и убійцы Павла. Они, не спавшіе ночь, полупьяные, растрепанные, какъ бы гордясь преступленіемъ своимъ, мечтали, что будутъ царствовать съ Александромъ. Порядочные люди въ Россіи, не одобряя средства, которымъ они избавились тираніи Павла, радовались его паденію. Исторіографъ Карамзинъ говоритъ, что вѣсть объ этомъ событіи была въ цѣломъ государствѣ вѣстію искупленія: въ домахъ, на улицахъ люди плакали, обнимали другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія.

Этотъ восторгъ изъявило, однако, одно дворянство, прочія сословія приняли эту вѣсть довольно равнодушно.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КНЯГИНИ ЛИВЕНЪ.

Дарія Христофоровна фонъ-Бенкендорфъ, сестра всесильнаго николаевскаго шефа жандармовъ, была дочерью рижскаго военнаго губернатора, но мать ея, урожденная баронесса Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, издавна дружила съ великой княгинею Маріею Ѳеодоровною. Расположеніе отъ матери перенеслось на дочь; получила она воспитаніе въ Смольномъ монастырѣ подъ внимательнымъ призоромъ императрицы, которая пожаловала 14-лѣтнюю дѣвочку по выходѣ изъ института въ свои фрейлины. Весьма вѣроятно, при посредничествѣ императрицы же состоялся въ 1800 г. и бракъ 15-лѣтней фрейлины съ любимцемъ императора Павла и его 25-лѣтнимъ военнымъ министромъ, графомъ Х. А. Ливеномъ.

Главною опорою для юной четы при дворѣ перемѣнчиваго Павла являлась мать Ливена, графиня Шарлотта-Екатерина Карловна, которая еще въ царствованіе Екатерины и по выбору послѣдней была назначена воспитательницею дочерей и сыновей цесаревича, сумѣла, несмотря на свою прямоту и рѣзкость нрава, снискать благоволеніе Павла и удерживала совершенно исключительное положеніе при дворѣ въ теченіе четырехъ царствованій. Въ 1826 г., по случаю коронаціи императора Николая, Ш.-Е. Ливенъ съ нисходящимъ потомствомъ была возведена въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости и умерла глубокою старухою въ 1828 г.

Княгиня Д. Х. Ливенъ такимъ образомъ отъ ранней юности находилась въ близкихъ отношеніяхъ къ царской

семьѣ и по свойственной ей любознательности и наблюдательности была вполнѣ точно освѣдомлена во всѣхъ перипетіяхъ, которыя привели императора Павла къ скорбному его концу.

Послѣдующее царствованіе открыло графу Хр. Андр. Ливену еще болѣе широкое и отвѣтственное поприще, хотя сама по себѣ его личность совершенно меркла и подавлялась даровитостью его супруги. Назначенный послѣ Тильзитскаго мира посланникомъ въ Берлинъ, графъ Ливенъ въ 1812 г., по возобновленіи дружественныхъ отношеній съ Великобританіей, былъ аккредитованъ при Сентъ-Джемскомъ дворѣ и оставался здѣсь до 1834 г., когда получилъ назначеніе въ воспитатели великаго князя Александра Николаевича.

Пройдя дипломатическую школу еще въ Берлинѣ, графиня Д. Хр. въ Лондонѣ, по выраженію Ф. Ф. Вигеля, «при мужѣ исполняла должность посла и совѣтника и сочиняла депеши».

Необычайно вѣжливая и благовоспитанная, графиня не выносила скуки и посредственныхъ людей и сумѣла создать въ Лондонѣ блестящій салонъ, гдѣ собирались дипломатическія знаменитости и выдающіеся политическіе дѣятели самыхъ противоположныхъ взглядовъ.

Благодаря знакомству съ дѣтскихъ лѣтъ съ интимною стороною дворцовыхъ отношеній у насъ и за границей, графиня Д. Х. изъ постояннаго общенія съ выдающимися европейскими дѣятелями усвоила всѣ тонкости тогдашней европейской политики. Отъ нея не ускользали ни политическія новости, ни слухи, она съ большою наблюдательностью и догадливостью ловила налету ничтожные факты, схватывала истинное настроеніе лицъ, стоявшихъ во главѣ правительства, сопоставляла случайно оброненные фразы и намеки и выводила заключенія, которыми дѣлилась съ мужемъ. Онъ предложилъ ей какъ-то составить депешу для сообщенія графу Нессельроде, и вскорѣ эти необычайныя обязанности посланницы перестали быть тайною и

для Русскаго двора. Графъ Нессельроде, минуя посланника, завелъ непосредственную интимную переписку съ графинею, гдѣ обсуждались вопросы, имѣвшіе касательство къ русской политикѣ, да и самъ императоръ Александръ оказывалъ графинѣ милостивое вниманіе, бесѣдовалъ съ нею объ европейской политикѣ и снабжалъ словесными инструкціями, а въ 1818 и 1822 г г. графиня была Александромъ подъ рукою приглашена присутствовать на Ахенскомъ и Веронскомъ конгрессахъ.

Когда, по назначеніи Стратфорта Каннинга посланникомъ въ Петербургъ, отношенія между Россіею и Англіею обострились, Ливены покинули Лондонъ, при чемъ княгиня удостоилась рѣдкаго для иностранки въ Англіи вниманія: графиня Сутерлэндъ поднесла ей отъ имени лондонскихъ дамъ драгоцѣнный браслетъ, «въ знакъ сожалѣнія объ ея отъѣздѣ и на память о многихъ годахъ, проведенныхъ въ Англіи».

По возвращеніи въ Петербургъ, княгиня Д. Х. почувствовала себя совершенно вырванною изъ обычной колеи: привычная ей западно-европейская обстановка, политическіе и общественные интересы были въ казенномъ Петербургѣ совершенно невѣдомы. Потерявъ весной 1835 г. двухъ сыновей, одного вслѣдъ за другимъ, въ возрастѣ 10 и 14 лѣтъ, княгиня окончательно возненавидѣла Петербургъ и суровость его климата; какъ за ней ни ухаживали и императоръ Николай, и другія лица царской фамиліи, она настояла на своемъ намѣреніи выселиться назадъ за границу. Къ мужу она давно охладѣла, а послѣ его смерти и всѣ ея связи съ Россіею порвались, такъ какъ государь Николай Павловичъ рѣшительно вознегодовалъ на княгиню за ея вѣчное пребываніе внѣ родины.

Проживая постоянно въ Парижѣ, гдѣ она купила старинный отель Талейрана, княгиня возобновила тамъ свой салонъ, который пріобрѣлъ міровую славу и неотразимо привлекалъ самое блестящее по талантамъ и политическому значенію общество до царствованія Наполеона III включительно.

Особенно сблизилась княгиня съ историкомъ Гизо, которому оказала существенную поддержку, когда бывшій министръ Людовика-Филиппа, послѣ февральской революціи 1848 г., оказался безъ всякихъ средствъ къ существованію; дочерей Гизо княгиня надѣлила богатымъ приданымъ, а сыну Гизо предоставила возможность закончить образованіе. Въ распоряженіе же историка Гизо княгиня передъ смертью (весной 1857 г) оставила отрывки своихъ записокъ о смерти императора Павла, о пребываніи союзныхъ монарховъ въ Лондонѣ въ 1815 г. и объ основаніи Греческаго королевства. Записки эти далеко не полностью использованы Гизо въ его біографіи княгини Ливенъ (въ Mélanges biographiques et historiques).

Здѣсь мы помѣщаемъ въ переводѣ съ французскаго отрывокъ изъ записокъ кн. Д. Х. Ливенъ, касающійся смерти императора Павла и напечатанный въ книгѣ проф. Шимана: «Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nicolaus I».

В. фонъ-Штейнъ.

Я только что вышла замужъ. Мой мужъ уже три года управлялъ военнымъ министерствомъ. Министерскій портфель онъ получилъ 22 лѣтъ отъ роду, былъ уже генералъ-адъютантомъ и пользовался полнымъ довѣріемъ и милостью императора. Служба его при особѣ государя начиналась съ $6^1/_2$ часовъ утра, разставался онъ съ государемъ только въ обѣденную пору, по тогдашнему обычаю въ часъ пополудни. Въ четыре часа мужъ опять пріѣзжалъ во дворецъ и освобождался не ранѣе восьми часовъ вечера. Какъ извѣстно, военная служба была преобладающею страстью Павла и любимымъ его занятіемъ. По этой причинѣ изъ всѣхъ министровъ мой мужъ всего чаще видѣлся съ государемъ и наиболѣе былъ къ нему приближенъ. Онъ вообще нравился императору, относившемуся къ нему съ неизмѣнною добротою и милою фамильярностью, которая трогаетъ и привязываетъ людей. Отъ рѣзкихъ выхо-

докъ, обильно сыпавшихся на окружающихъ, мужъ былъ совершенно огражденъ. Единственный разъ, сколько я знаю, государь вспылилъ на мужа, а именно въ Гатчинѣ, въ концѣ 1800 года.

Императоръ, диктуя, приказалъ ему выразить благоволеніе какому-то полку, отправлявшемуся въ походъ, и велѣлъ ему прочесть этотъ рескриптъ въ его присутствіи на парадѣ, послѣ отдачи приказа. Послѣ церемоніальнаго марша государь поворачивается и говоритъ: «Ливенъ, читай!» А Ливена нѣтъ. О приказаніи государя онъ позабылъ, а отъ присутствованія на парадахъ вообще былъ освобожденъ. Государь пришелъ въ ярость, и чрезъ пять минутъ въ мою спальню, гдѣ мужъ спокойно отдыхалъ, уже вбѣгалъ, запыхавшись, флигель-адъютантъ, полковникъ Альбедиль. Это былъ толстый, добродушный нѣмецъ, питавшій немалый респектъ къ Ливену, состоявшему въ то же время начальникомъ военно-походной императорской квартиры. Альбедиль остановился, какъ вкопанный, не рѣшаясь ни выговорить порученное, ни ослушаться государя. Тѣмъ не менѣе пришлось выговорить слово «дуракъ» — съ такимъ порученіемъ прислалъ его государь. Произнесъ Альбедиль это слово съ такимъ потѣшнымъ выраженіемъ ужаса на лицѣ, что оба мы могли только расхохотаться. Разрѣшившись руганью, Альбедиль поспѣшилъ спастись бѣгствомъ. Повторяю, то былъ единственный случай, когда мужу досталось отъ императора.

Вообще, характеръ Павла представлялъ странное смѣшеніе благороднѣйшихъ влеченій и ужасныхъ склонностей. Дѣтство и юность протекли для него печально. Любовью матери онъ не пользовался. Сначала императрица совсѣмъ его забросила, а потомъ обижала. Въ теченіе долгихъ лѣтъ проживалъ онъ чуть не изгнанникомъ въ загородныхъ дворцахъ, окруженный шпіонами императрицы Екатерины. При дворѣ Павелъ появлялся рѣдко, а когда это ему разрѣшалось, императрица принимала его съ холодностью и строгостью и проявляла къ наслѣднику отчужденіе, грани-

чившее съ неприличіемъ, чему, конечно, вторили и царедворцы. Собственныя дѣти Павла воспитывались вдали отъ него, и онъ рѣдко даже ихъ видѣлъ. Не пользуясь вѣсомъ, не соприкасаясь съ людьми по дѣловымъ отношеніямъ, Павелъ влачилъ жизнь безъ занятій и развлеченій — на такую долю былъ обреченъ въ теченіе 35 лѣтъ великій князь, который долженъ былъ бы по-настоящему занимать престолъ, и во всякомъ случаѣ предназначался его занять хоть впослѣдствіи.

Императоръ Павелъ былъ малъ ростомъ. Черты лица имѣлъ некрасивыя за исключеніемъ глазъ, которые у него были очень красивы; выраженіе этихъ глазъ, когда Павелъ не подпадалъ подъ власть гнѣва, было безконечно доброе и пріятное. Въ минуты же гнѣва видъ у Павла былъ положительно устрашающій. Хотя фигура его была обдѣлена граціею, онъ далеко не былъ лишенъ достоинства, обладалъ прекрасными манерами и былъ очень вѣжливъ съ женщинами; все это запечатлѣвало его особу истиннымъ изяществомъ и легко обличало въ немъ дворянина и великаго князя. Онъ обладалъ литературною начитанностью и умомъ бойкимъ и открытымъ, склоненъ былъ къ шуткѣ и веселію, любилъ искусство; французскій языкъ и литературу зналъ въ совершенствѣ, любилъ Францію, а нравы и вкусы этой страны воспринялъ въ свои привычки. Разговоры онъ велъ скачками (saccadé), но всегда съ непрестаннымъ оживленіемъ. Онъ зналъ толкъ въ изощренныхъ и деликатныхъ оборотахъ рѣчи. Его шутки никогда не носили дурного вкуса, и трудно себѣ представить что-либо болѣе изящное, чѣмъ краткія милостивыя слова, съ которыми онъ обращался къ окружающимъ въ минуты благодушія. Я говорю это по опыту, потому что мнѣ не разъ до и послѣ замужества приходилось соприкасаться съ императоромъ. Онъ нерѣдко наѣзжалъ въ Смольный монастырь, гдѣ я воспитывалась; его забавляли игры маленькихъ дѣвочекъ, и онъ охотно самъ даже принималъ въ нихъ участіе. Я прекрасно

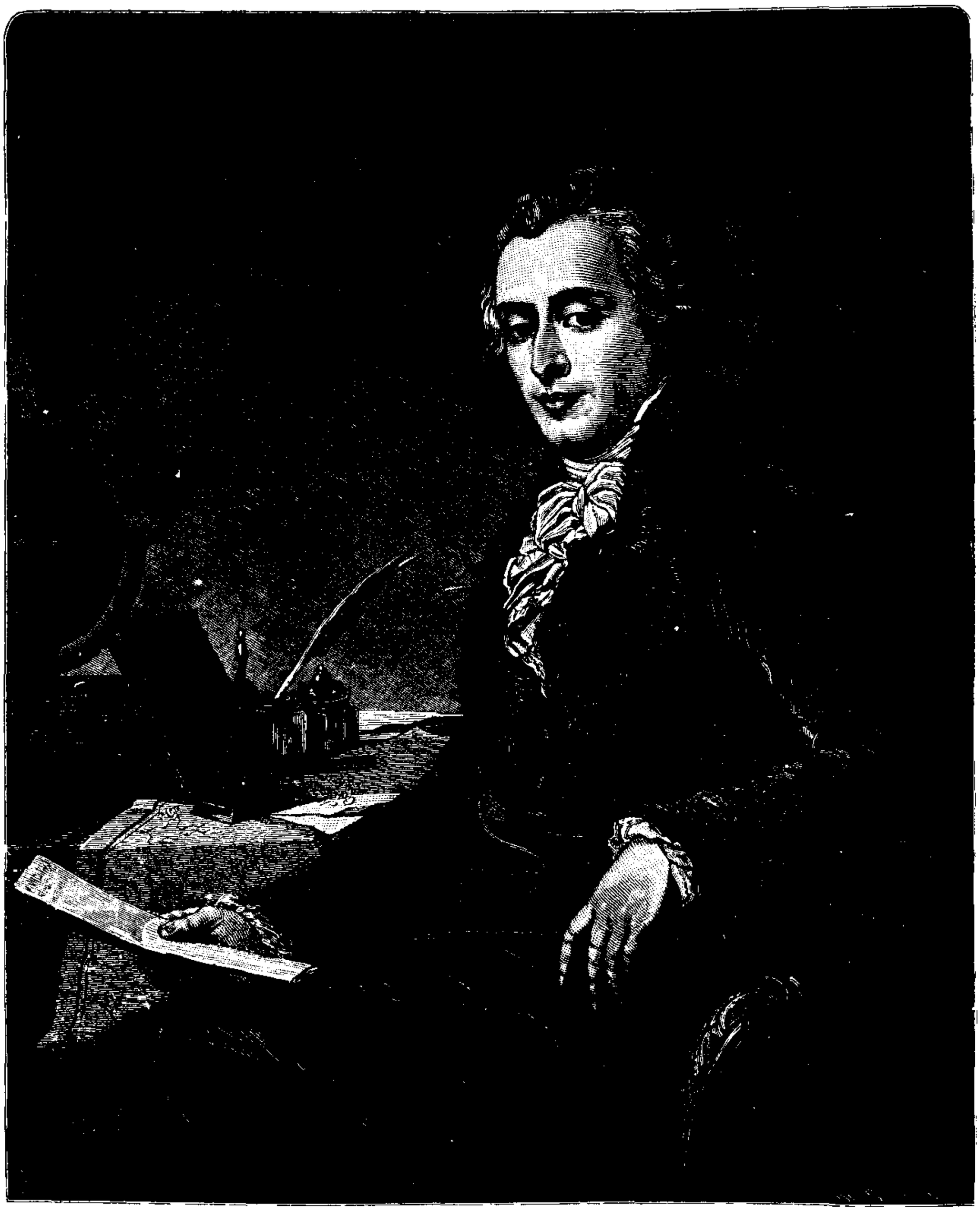
помню, какъ однажды вечеромъ въ 1798 г. я играла въ жмурки съ нимъ, послѣднимъ королемъ Польскимъ, принцемъ Конде и фельдмаршаломъ Суворовымъ; императоръ тутъ продѣлалъ тысячу сумасбродствъ, но и въ припадкахъ веселости онъ ничѣмъ не нарушалъ приличій. Въ основѣ его характера лежало величіе и благородство — великодушный врагъ, чудный другъ, онъ умѣлъ прощать съ величіемъ, а свою вину или несправедливость исправлялъ съ большою искренностью.

На ряду съ рѣдкими качествами, однакоже, у Павла сказывались ужасныя склонности. Съ внезапностью принимая самыя крайнія рѣшенія, онъ былъ подозрителенъ, рѣзокъ и страшенъ до чудачества. Утверждалось не разъ, будто Павелъ съ дѣтства обнаруживалъ явные признаки умственной аберраціи, но доказать, чтобъ онъ дѣйствительно страдалъ такимъ недугомъ, трудно. Никогда у него не проявлялось положительныхъ признаковъ этого; но, несомнѣнно, его странности, страстные и подчасъ жестокіе порывы намекали на органическіе недочеты ума и сердца, въ сущности открытыхъ и добрыхъ. Всемогущество, которое кружитъ и сильныя головы, довершило остальное, и печальные задатки постепенно настолько разрослись, что въ ту эпоху, о которой я стану разсказывать, императоръ уже являлся предметомъ страха и всеобщей ненависти.

Мой мужъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не выѣзжалъ изъ дому по причинѣ довольно серьезной болѣзни, которая уже миновала, но онъ охотно замедлялъ окончательное выздоровленіе, потому что съ нѣкотораго времени служба ему опротивѣла. За послѣдній годъ подозрительность въ императорѣ развилась до чудовищности. Пустѣйшіе случаи вырастали въ его глазахъ въ огромные заговоры, онъ гналъ людей въ отставку и ссылалъ по произволу. Въ крѣпости не переводились многочисленныя жертвы, а порою вся ихъ вина сводилась къ слишкомъ длиннымъ волосамъ или слишкомъ короткому кафтану. Носить жилеты совсѣмъ воспрещалось. Императоръ утвер-

ждалъ, будто жилеты почему-то вызвали всю французскую революцію. Достаточно было императору гдѣ-нибудь на улицѣ запримѣтить жилетъ, и тотчасъ же его злосчастный обладатель попадалъ на гауптвахту. Случалось туда попадать и дамамъ, если онѣ при встрѣчахъ съ Павломъ не выскакивали достаточно стремительно изъ экипажа, или не дѣлали достаточно глубокаго реверанса. Полицейское распоряженіе предписывало въ ту пору всѣмъ, мужчинамъ и женщинамъ, сообразоваться съ этими капризами. Благодаря этому, улицы Петербурга совершенно пустѣли въ часъ обычной прогулки государя, съ 12 до 1 часа пополудни. За послѣднія шесть недѣль царствованія свыше 100 офицеровъ гвардіи были посажены въ тюрьмы. Моему мужу тяжело было служить орудіемъ этихъ расправъ. Все трепетало передъ императоромъ. Только одни солдаты его любили, потому что хотя и измучивались чрезмѣрною дисциплиною, но зато пользовались щедрыми царскими милостями. Суровое отношеніе къ офицерству Павелъ неизмѣнно уравновѣшивалъ широкою раздачею денегъ солдатамъ.

Со времени затворничества мужа графъ Паленъ, съ которымъ онъ стоялъ на интимной ногѣ и къ тому же имѣлъ частыя сношенія по службѣ, ежедневно заѣзжалъ къ мужу провести съ нимъ часъ, другой. Графъ Паленъ соединялъ въ своей особѣ самыя отвѣтственныя государственныя должности. Онъ имѣлъ въ своемъ завѣдываніи иностранныя дѣла, финансы, почту, высшую полицію и состоялъ въ то же время военнымъ губернаторомъ столицы, что̀ предоставляло ему начальство надъ гвардіею. Отсюда уже видно, какую власть императоръ передалъ въ его руки. Паленъ былъ человѣкъ крупный, широкоплечій, съ высокимъ лбомъ и открытою, привѣтливою, добродушною физіономіею. Очень умный и самобытный, онъ въ своихъ рѣчахъ проявлялъ большую тонкость, шутливость и добродушіе. Натура, не изощренная образованіемъ, но сильная; большое здравомысліе, рѣшительность и отваж-



Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ

Съ гравюры Валькера

ность; шутливое отношеніе къ жизни Словомъ, онъ былъ воплощеніемъ прямоты, жизнерадостности и беззаботности. Графъ Бенигсенъ, который насъ тоже навѣщалъ, но не особенно часто, былъ длинный, сухой, накрахмаленный и важный, словно статуя командора изъ «Донъ-Жуана». Я съ Бенигсеномъ была мало знакома, и онъ во мнѣ только и оставилъ описанное впечатлѣніе Что касаегся графа Палена, то я всегда поджидала его посѣщеній съ безконечнымъ удовольствіемъ. Онъ не уставалъ меня смѣшить и, повидимому, самъ находилъ въ этомъ удовольствіе. Первымъ его движеніемъ было повеселиться, и я всегда чувствовала себя обиженною, когда разговоръ принималъ болѣе серьезное направленіе и меня выпроваживали прочь. Паленъ сообщалъ мужу о всемъ происшедшемъ за день; тутъ я оказывалась лишнею, но я была нѣсколько любопытна и добивалась отъ мужа, чтобы онъ мнѣ потомъ разсказывалъ все новенькое. Между прочимъ, вспоминаю я такой фактъ, который случился, кажется, дней за пять, за шесть передъ катастрофою.

Въ одномъ изъ припадковъ подозрительности, не щадившей ни собственной семьи, ни собственныхъ дѣтей, императоръ какъ-то послѣ обѣда спустился къ своему сыну, великому князю Александру, къ которому никогда не захаживалъ. Онъ хотѣлъ поймать сына врасплохъ. На столѣ между другими книгами Павелъ замѣтилъ переводъ «Смерти Цезаря». Этого оказалось достаточнымъ, чтобы утвердить подозрѣнія Павла. Поднявшись въ свои аппартаменты, онъ разыскалъ исторію Петра Великаго и раскрылъ ее на страницѣ, описывавшей смерть царевича Алексѣя. Развернутую книгу Павелъ приказалъ графу Кутайсову отнести къ великому князю и предложить прочесть эту страницу. Чрезъ нѣсколько дней графъ Паленъ довѣрилъ мужу свои опасенія насчетъ того, что императоръ, повидимому, собирается заключить императрицу, свою супругу, въ монастырь, а обоихъ старшихъ сыновей—въ крѣпость, потому что и Константинъ, которому

отецъ до тѣхъ поръ отдавалъ предпочтеніе, сдѣлался ему подозрительнымъ, въ виду тѣснаго сближенія со старшимъ братомъ.

Дѣло дошло до того, что императору приписали даже намѣреніе жениться на актрисѣ французскаго театра, г-жѣ Шевалье, въ то время любовницѣ Кутайсова.

Распространяли ли заговорщики такія клеветы нарочно, съ цѣлью вербованія единомышленниковъ, или дѣйствительно такія нелѣпости пробѣгали въ головѣ императора? Какъ бы то ни было, разсказни эти распространялись, повторялись, и имъ вѣрили.

Недоумѣніе и страхъ преисполняли всѣ умы. Въ то же время навязывалась и мысль о приближеніи роковой развязки, и наиболѣе ходкою фразою было: «Такъ дольше продолжаться не можетъ!»

Графъ Паленъ уже послѣ рокового событія признавался мужу, что, при каждой съ нимъ встрѣчѣ, онъ хотѣлъ и его привлечь къ заговору, но сознаніе того, что болѣзнь помѣшаетъ мужу дѣятельно послужить этому дѣлу, удерживало Палена отъ этого намѣренія.

Это была одна изъ удачъ на житейскомъ поприщѣ мужа, и онъ не разъ впослѣдствіи разбиралъ этотъ вопросъ передо мною. Какъ бы онъ долженъ былъ поступить съ столь опасною тайною, если бы ее ему ввѣрили? Долгъ бы повелѣвалъ спасти императора. Но что же дальше? Вѣдь это было равносильно тому, чтобы предать императору на отомщеніе и суровый гнѣвъ все великое и возвышенное, что тогда имѣлось налицо въ Россіи. А гдѣ бы остановились гоненія, разъ заговорщики были столь многочисленны? Значитъ, эшафоты, ссылка и тюрьма для всѣхъ? А дальше что бы послѣдовало? Еще пущій гнетъ, чѣмъ тотъ, подъ бременемъ котораго изнемогала вся Россія! Альтернатива мужу рисовалась во всякомъ случаѣ ужасная, и онъ увѣрялъ, что, если бы Паленъ сообщилъ ему о заговорѣ, ему ничего другого не осталось бы сдѣлать, какъ пустить себѣ пулю въ лобъ.

Врачъ императора, по приказанію послѣдняго, ежедневно навѣщалъ мужа—го былъ англичанинъ мистеръ Бекъ, дѣйствовавшій въ интересахъ Ливена. Съ тѣхъ поръ, какъ мужъ заболѣлъ, императоръ сносился съ нимъ записками. Этотъ способъ веденія дѣлъ въ концѣ концовъ вызвалъ нетерпѣніе въ Павлѣ, и, обмѣнявшись 11 марта со своимъ министромъ нѣсколькими записочками, въ которыя вкрались какія-то недоразумѣнія, въ 11 часовъ вечера императоръ написалъ Ливену слѣдующее: «Ваше нездоровье затягивается слишкомъ долго, а такъ какъ дѣла не могутъ быть направляемы въ зависимости отъ того, помогаютъ ли вамъ мушки, или нѣтъ, то вамъ придется передать портфель военнаго министерства князю Гагарину».

Эта записочка на русскомъ языкѣ была послѣднею, написанною императоромъ Павломъ передъ смертью, и, если я не ошибаюсь, находится теперь въ обладаніи императора Николая, равно какъ и вся переписка мужа съ покойнымъ императоромъ. Записку эту государь написалъ въ покояхъ княгини Гагариной, его метрессы, гдѣ онъ всегда заканчивалъ вечера послѣ ужина съ императрицею. Княгиня Гагарина жила въ Михайловскомъ замкѣ, занимая помѣщеніе подъ личными аппартаментами государя. Спустя часъ, Павелъ ушелъ къ себѣ, чтобы лечь спать.

Князь Гагаринъ, которому предстояло замѣстить моего мужа въ управленіи военнымъ министерствомъ, упросилъ государя оказать Ливену какой-нибудь знакъ благоволенія для позлащенія немилости. Гагаринъ, мужъ фаворитки, былъ добрякъ, водившій болѣе или менѣе дружбу съ Ливеномъ. Императоръ на это согласился и приказалъ включить въ завтрашній приказъ производство Ливена въ чинъ генералъ-лейтенанта. Уже изъ тона записки государя Ливенъ заключилъ, что пришелъ конецъ его фавору, хотя ему и обѣщалось производство. Онъ улегся въ постель разстроенный, такъ какъ достаточно зналъ характеръ государя и опасался послѣдствій неудовольствія, имъ на себя навлеченнаго.

Мы крѣпко спали, когда камердинеръ внезапно вошелъ въ спальню и разбудилъ мужа вѣстью, что отъ императора присланъ фельдъегерь со спѣшнымъ порученіемъ. Было $2^1/_2$ часа утра. Шумъ разбудилъ и меня. Мужъ мнѣ тутъ же сказалъ: «Дурныя вѣсти, вѣроятно. Пожалуй, угожу въ крѣпость».

Чрезъ минуту, не давъ мужу даже встать, въ спальню явился фельдъегерь Замѣтивъ, что мужъ не одинъ, онъ сказалъ:

— Громко я боюсь говорить.

Мужъ нагнулся къ нему ухомъ.

— Его величество приказываютъ вамъ немедленно явиться къ нему въ кабинетъ, въ Зимній дворецъ.

Такъ какъ государь съ царскою семьею жилъ въ Михайловскомъ замкѣ, то приказаніе, переданное чрезъ фельдъегеря, не имѣло смысла.

Мой мужъ тутъ же и сказалъ фельдъегерю:

— Вы, должно быть, пьяны.

Обиженный офицеръ рѣшительно возразилъ:

— Я повторяю дословно слова государя императора, отъ котораго только что вышелъ.

— Да вѣдь императоръ легъ почивать въ Михайловскомъ замкѣ.

— Точно такъ. Онъ и теперь тамъ. Только вамъ онъ приказываетъ явиться къ нему въ Зимній дворецъ, и притомъ немедленно.

Тутъ пошли разспросы о томъ, что случилось. Зачѣмъ императору понадобилось выѣзжать изъ замка посреди ночи? Что его подняло на ноги?

Фельдъегерь на это отвѣчалъ:

— Государь очень боленъ, а великій князь Александръ Павловичъ, т.-е. государь, послалъ меня къ вамъ.

Мой мужъ переспросилъ опять, но фельдъегерь только повторялъ прежнее.

Страхъ обуялъ теперь Ливена.

Отпустивъ фельдъегеря, онъ принялся обсуждать со мною значеніе непонятнаго таинственнаго приказанія. Ужъ не спятилъ ли съ ума фельдъегерь? Или, быть можетъ, императоръ ставитъ Ливену ловушку? А если это испытаніе, то какому риску подвергаетъ себя мужъ? Ну, а если фельдъегерь сказалъ правду?

Напрасны были попытки разобраться во всѣхъ этихъ загадкахъ А принять рѣшеніе все-таки было нужно. Мужъ всталъ, приказалъ запрячь сани и перешелъ въ туалетную, выходившую окнами во дворъ Спальня же наша выходила окнами на Большую Миллионную, какъ разъ напротивъ казармы перваго батальона Преображенскаго полка, такъ какъ улица эта примыкаетъ къ Зимнему дворцу Мужъ заставилъ меня подняться съ постели и приказалъ, ставъ около окна, наблюдать, что происходитъ на улицѣ, и передавать ему о томъ

Ну, вотъ я и наряжена въ часовые

Мнѣ было тогда всего пятнадцать лѣтъ, нравъ у меня былъ веселый, я любила всякую новизну и относилась легкомысленно къ роковымъ событіямъ, интересуясь только однимъ, лишь бы они внесли разнообразіе въ повседневную рутину городской жизни. Я съ любопытствомъ думала о завтрашнемъ днѣ Въ какой же дворецъ мнѣ предстоитъ ѣхать съ визитомъ къ свекрови и великимъ княжнамъ, которыхъ я навѣщала ежедневно? Это меня наиболѣе интересовало въ данную минуту Въ спальнѣ горѣлъ только ночникъ Я подняла занавѣсь у окна, присѣла на подоконникъ и устремила взоры на улицу Ледъ и снѣгъ кругомъ. Ни одного прохожаго Полковой часовой забрался въ будку и, должно быть, прикорнулъ Ни въ одномъ изъ оконъ казармы огней не видать, не слышно и шума Мужъ изъ туалетной спрашиваетъ меня отъ времени до времени, не вижу ли я чего,—отвѣтъ одинъ: «Ничего не вижу» Мужъ не особенно торопился съ туалетомъ, колеблясь, выѣзжать ли ему Одна четверть часа смѣнялась другою, и я только раздражалась тѣмъ, что ничего ровно не вижу

Мнѣ хотѣлось спать Но вотъ послышался отдаленный шумъ, въ которомъ мнѣ почудился стукъ колесъ. Эту вѣсть я громко возвѣстила мужу, но прежде, чѣмъ онъ перепелъ въ спальню, экипажъ уже проѣхалъ Очень скромная пароконная каретка (тогда какъ всѣ въ ту пору въ Петербургѣ разъѣзжали четверикомъ или шестерикомъ); на запяткахъ, впрочемъ, выѣздныхъ лакеевъ замѣняли два офицера, а при мерцаніи снѣга мнѣ показалось, что въ каретѣ я вижу генералъ-адъютанта Уварова Такой выѣздъ представлялся необычайнымъ Мой мужъ пересталъ колебаться, вскочилъ въ сани и отправился въ Зимній дворецъ

Моя роль на этомъ и окончилась. Все послѣдующее я сообщаю со словъ мужа и свекрови.

Экипажъ, который я видѣла, везъ не Уварова, но великихъ князей Александра и Константина. Выѣхавъ по Адмиралтейскому бульвару къ противоположному краю Зимняго дворца, мужъ дѣйствительно увидѣлъ въ кабинетѣ великаго князя Александра освѣщеніе, но по лѣстницѣ поднимался очень неувѣренно

Въ пріемной мужъ засталъ великаго князя Константина и нѣсколькихъ генераловъ Великій князь заливался слезами, а генералы ликовали, опьяненные происшедшимъ избавленіемъ Въ какихъ-нибудь полминуты Ливенъ уже узналъ, что императора Павла не стало, и что ему предстоитъ привѣтствовать новаго императора. Государь требуетъ Ливена Гдѣ Ливенъ? Мой мужъ бросается въ кабинетъ, и императоръ падаетъ ему въ объятія съ рыданіями «Мой отецъ! Мой бѣдный отецъ!» И слезы обильно текутъ у него по щекамъ

Этотъ порывъ продолжается нѣсколько минутъ, потомъ государь выпрямился и воскликнулъ: «Гдѣ же казаки?»

На этотъ вопросъ отвѣтъ могъ дать дѣйствительно только мужъ

Три мѣсяца назадъ императоръ Павелъ въ гнѣвной вспышкѣ рѣшилъ предать уничтоженію все донское казачество

Подъ предлогомъ поддержанія политики Бонапарта, перваго консула, къ которому онъ вдругъ воспылалъ фанатическимъ расположеніемъ, Павелъ рѣшилъ послать казаковъ тревожить съ тыла индійскія владѣнія англичанъ. На самомъ же дѣлѣ императоръ разсчитывалъ, что при продолжительномъ зимнемъ походѣ болѣзни и военныя случайности избавятъ его окончательно отъ казачества[1]). Предлогъ и истинная цѣль экспедиціи должны были храниться въ великой тайнѣ. Никто въ Россіи не долженъ былъ ничего знать о маршрутѣ экспедиціи, и только Ливенъ изъ кабинета государя подъ царскую диктовку отдавалъ для безпрекословнаго выполненія подробные приказы, предписывавшіе переселеніе цѣлаго племени. Курьеръ получилъ въ самомъ кабинетѣ государя запечатанные конверты для отвоза на Донъ, и Павелъ строго-настрого запретилъ Ливену кому-либо сообщать о сдѣланныхъ чрезъ него распоряженіяхъ. Даже и всемогущій Паленъ ничего объ этомъ не провѣдалъ. Чрезъ нѣкоторое время по вѣстямъ изъ провинціи удостовѣренъ былъ необычайный фактъ выселенія всего донского казачества. Объ истинныхъ побужденіяхъ императора стали догадываться,—извѣстна была его ненависть къ независимымъ формамъ внутренняго управленія казачества, но представлялось совершенно невозможнымъ проникнуть въ тайну дѣйствительнаго слѣдованія донскихъ полковъ, и уже нѣсколько недѣль были потеряны послѣдніе слѣды снаряженной экспедиціи. Это обстоятельство и было, между прочимъ, одною изъ причинъ, ускорившихъ трагическую кончину императора.

Мужъ сообщилъ императору Александру всѣ свѣдѣнія объ экспедиціи Тотчасъ же былъ написанъ, подписанъ и отправленъ приказъ о немедленномъ возвращеніи казаковъ.

---

[1]) Тутъ княгиня впадаетъ въ преувеличеніе. Казачья экспедиція была обстоятельно договорена съ Наполеономъ и была направлена противъ англійскихъ владѣній въ Индіи. Въ экспедиціи участвовали только нѣсколько казачьихъ полковъ: ни о какомъ выселеніи донскихъ казаковъ и помину не было.

Послѣ этого императоръ поручилъ мужу отправиться въ Михайловскій замокъ и уговориться съ г-жою Ливенъ [1]), какъ убѣдить императрицу-мать покинуть роковое обиталище. Въ то же время Александръ сообщилъ мужу о безуспѣшности своихъ попытокъ свидѣться съ своею родительницею.

Въ пять часовъ утра Ливенъ былъ уже въ Михайловскомъ замкѣ.

Но прежде, чѣмъ продолжать разсказъ о дальнѣйшемъ, я опишу, что узнала о роковой сценѣ, разыгравшейся въ ту ночь въ замкѣ.

Еще въ полночь въ замкѣ и около него царила глубочайшая тишина. По несчастному затемненію ума, императоръ Павелъ, подозрѣвая всѣхъ, съ недовѣріемъ относился даже и къ императрицѣ, преданнѣйшей ему и почтенной женщинѣ, которую даже вопіющія гласныя измѣны мужа не отвратили отъ ея страстной привязанности къ государю.

Онъ заперъ на ключъ и преградилъ сообщеніе между апартаментами императрицы и своими Поэтому, когда въ $12^1/_2$ часовъ ночи заговорщики постучались къ Павлу въ опочивальню, онъ самъ же лишилъ себя единственнаго шанса къ бѣгству. Извѣстно, что, не найдя Павла въ постели, заговорщики сочли свое дѣло почти проиграннымъ, но гутъ одинъ изъ нихъ открылъ Павла, притаившагося за ширмами . Чрезъ десять минутъ императора уже не стало Успѣй Павелъ спастись бѣгствомъ и покажись онъ войскамъ, солдаты бы его охранили и спасли.

Вѣсть о кончинѣ Павла была тотчасъ же доведена до свѣдѣнія графа Палена, который расположился на главной аллеѣ у замка съ нѣсколькими батальонами гвардіи. Войска были собраны по его приказу, чтобы, глядя по обстоятельствамъ, или явиться на подмогу императору, или послужить

---

[1]) Графинею Шарлоттой Карловной, рожденной бароиссой фонъ-Поссе, воспитательницею дочерей императора Павла.

для провозглашенія его преемника. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ графъ Паленъ питалъ увѣренность, что ему на долю достанется первенствующая роль. Онъ поспѣшилъ отправиться къ великому князю Александру и склонился предъ нимъ на колѣни. Великій князь въ ужасѣ приподнялъ его.

Разсказывали не разъ, будто великій князь былъ нѣсколько посвященъ въ заговоръ, такъ какъ заговорщики для обезпеченія себѣ безопасности должны были принять въ этомъ направленіи нѣкоторыя предосторожности.

Великій князь былъ молодъ, всѣ видѣли, что онъ скорбитъ и терзается за другихъ, оплакивая жертвы подозрительной тиранніи, дѣйствіе которой отражалось прежде всего на немъ самомъ. Его, быть можетъ, и увѣрили въ томъ, что обращеніе къ императору рѣшительныхъ и энергичныхъ требованій отъ особъ, приближенныхъ къ престолу и преданныхъ служенію родинѣ и славѣ имперіи, образумитъ наконецъ императора, и онъ отмѣнитъ прежніе жестокіе указы и вернется къ болѣе умѣренному образу дѣйствій Неопытность могла заставить Александра повѣрить такимъ обѣщаніямъ. Только въ такихъ предѣлахъ и могъ онъ санкціонировать дѣйствія заговорщиковъ, направляемыя къ такой именно цѣли. Но это и все. Для всякаго, кто зналъ ангельскую чистоту характера Александра, не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что дальше благонамѣренныхъ пожеланій его воображенію ничто другое и не рисовалось, а самые порывы отчаянія, какимъ государь предавался вслѣдъ за неожиданной катастрофой, устранили въ многочисленныхъ свидѣтеляхъ этихъ ужасныхъ минутъ всякую тѣнь сомнѣній въ этомъ отношеніи.

Первою мыслью Александра была его мать. Императрица-мать пользовалась большимъ почтеніемъ и любовью своихъ дѣтей. Никогда никакая женщина лучше не постигала и безукоризненнѣе не выполняла всѣхъ своихъ обязанностей. Ничто не можетъ сравниться съ ея жалостливостью, разумнымъ милосердіемъ и постоянствомъ въ привязанностяхъ. Она любила свой санъ и умѣла под-

держивать свое достоинство. Она обладала сильнымъ умомъ и возвышеннымъ сердцемъ. Она была горда, но привѣтлива. Она была еще очень красива и, высокая ростомъ, производила внушительное впечатлѣніе.

Великій князь приказалъ графу Палену отъ его имени отправиться къ моей свекрови, воспитательницѣ дѣтей покойнаго императора, и, сообщивъ ей роковую вѣсть, попросить подготовить къ ней и императрицу-мать. Графъ Паленъ безъ всякихъ предосторожностей вошелъ къ г-жѣ Ливенъ, разбудилъ ее самъ и неожиданно объявилъ ей, что императора постигъ апоплектическій ударъ, и чтобы она поскорѣе довела объ этомъ до свѣдѣнія императрицы.

Моя свекровь приподнялась съ постели и тотчасъ же вскричала:

— Его убили!

— Ну, да, конечно! Мы избавились отъ тирана.

Г-жа Ливенъ съ омерзѣніемъ отголкнула графа Палена и сухо промолвила: «Я знаю свои обязанности». Она тотчасъ же встала и направилась въ аппартаменты императрицы. Сторожевой постъ, расположенный внизу лѣстницы, скрестилъ штыки. Г-жа Ливенъ властно потребовала пропуска. Въ каждой залѣ она нагыкалась на такія же препятствія, но умѣло ихъ устраняла. Она была женщина очень рѣшительная и властная. Въ послѣдней залѣ, которая открывала доступъ съ одной стороны къ аппартаментамъ императрицы, а съ другой—къ покоямъ императора, запретъ слѣдовать дальше былъ выраженъ безапелляціонно: стража тутъ была особенно многочисленна и рѣшительна. Г-жа Ливенъ громко вскричала:

— Какъ вы смѣете меня задерживать? Я отвѣчаю за дѣтей императора и иду съ докладомъ къ государынѣ о великомъ князѣ Михаилѣ, которому нездоровится. Вы не смѣете мѣшать мнѣ въ исполненіи моей обязанности!

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній дежурный офицеръ склонился предъ властною старухою. Она вошла къ императрицѣ и, прямо подойдя къ ея кровати, разбудила ее и

предложила встать. Императрица, вскочивъ спросонья, перепугалась и воскликнула:

— Боже мой! Бѣда случилась? Съ Мишелемъ?

— Никакъ нѣтъ. Его высочеству лучше, онъ спитъ спокойно.

— Значитъ, кто-нибудь изъ другихъ дѣтей заболѣлъ?

— Нѣтъ, всѣ здоровы.

— Вы меня, вѣрно, обманываете, Катерина?

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Только вотъ государь очень плохо себя чувствуетъ.

Императрица не понимала. Тогда свекровь принуждена была сказать государынѣ, что ея супругъ пересталъ жить. Императрица посмотрѣла на г-жу Ливенъ блуждающими глазами и словно не хотѣла понять истины. Тогда свекровь произнесла рѣшительно:

— Вашъ супругъ скончался. Просите Господа Бога принять усопшаго милостиво въ лоно свое и благодарите Господа за то, что онъ вамъ столь многое оставилъ.

Тутъ императрица соскочила съ постели, упала на колѣни и предалась молитвѣ, но довольно машинально и по усвоенной ею привычкѣ вѣрить и уважать слова моей свекрови, такъ какъ г-жа Ливенъ неотразимо вліяла на императрицу и на всѣхъ авторитетностью, которая всегда выказываетъ величіе характера. Чрезъ нѣсколько мгновеній, однакоже, императрица начала сознавать постигшую ее потерю, а когда поняла все, лишилась чувствъ. Тутъ сбѣжалась ближняя свита, позвали доктора, который держался наготовѣ, и ей тотчасъ же пустили кровь. Великій князь Александръ, извѣщенный о состояніи родительницы, захотѣлъ къ ней войти, но свекровь этому воспротивилась, опасаясь первой послѣ рокового событія встрѣчи при свидѣтеляхъ, позднѣе же сама императрица стала упорно отказывать сыну въ свиданіи.

Когда къ императрицѣ окончательно вернулось сознаніе, роковая истина предстала предъ ея разсудкомъ въ сопровожденіи ужасающихъ подозрѣній.

Она съ крикомъ требовала, чтобы ее допустили къ усопшему. Ее убѣждали, что это невозможно. Она на это восклицала:

— Такъ пусть же и меня убьютъ, но видѣть его я хочу!

Она бросилась къ аппартаментамъ, но роковыя задвижки преграждали туда доступъ. Тогда императрица направилась кружнымъ путемъ черезъ залы. Стража вездѣ была многочисленная. Какой-то офицеръ подошелъ объяснить ей, что получилъ формальное приказаніе никого не пропускать въ опочивальню къ усопшему. Царица, не обращая на слова вниманія, пошла дальше, но тутъ офицеръ принужденъ былъ ее остановить за руку Императрица, впавъ въ отчаяніе, бросилась на колѣни; она заклинала всю стражу допустить ее къ усопшему. Она не хотѣла подняться съ колѣнъ прежде, чѣмъ не удовлетворятъ ея просьбы. Но это представлялось прямо невозможнымъ. Обезображенное тѣло государя покоилось въ сосѣдней комнатѣ. Никто не зналъ, что дѣлать. Императрица продолжала стоять на колѣняхъ, близкая къ обмороку. Какой-то гренадеръ подошелъ къ ней съ стаканомъ воды. Она его оттолкнула въ испугѣ и горделиво поднялась на ноги. Старые гренадеры вскричали:

— Да ты, матушка, насъ не бойся, мы всѣ тебя любимъ!

Императрица, побѣжденная наконецъ увѣщаніями моей свекрови, согласилась вернуться въ свои покои, взявъ, однако, формальное обѣщаніе, что ее допустятъ къ усопшему.

Чрезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ графъ Ливенъ для выполненія приказаній императора Александра.

Когда моя свекровь увидѣла своего сына, у нея вырвался крикъ ужаса. Такъ какъ она не видѣла сына цѣлыхъ три недѣли и знала, что онъ боленъ, то внезапное его появленіе въ замкѣ въ эту роковую ночь вселило въ нее самыя тяжкія подозрѣнія. Ливенъ умолялъ мать его

выслушать, она на это не соглашалась, но когда онъ торжественно поклялся, что оставался совершенно чуждъ катастрофѣ и ничего ровно не зналъ о ея подготовленіи, г-жа Ливенъ ему повѣрила и допустила его къ исполненію возложеннаго на него порученія. Ливенъ тотчасъ же понялъ безповоротность рѣшенія императрицы покинуть замокъ не раньше, чѣмъ она простится съ прахомъ супруга. Поэтому Ливенъ ускорилъ приготовленія, необходимыя для того, чтобы показать императрицѣ тѣло усопшаго, по возможности не обнаруживая истинныхъ причинъ его кончины.

Императоръ Павелъ нѣсколько минутъ боролся съ заговорщиками, и эта борьба оставила особенно замѣтный слѣдъ на лбу Тѣло одѣли въ мундиръ, нахлобучили шляпу по самыя брови и уложили въ парадную постель.

Въ 7 часовъ утра императрица была наконецъ допущена къ тѣлу супруга. Сцена произошла раздирательная; она не хотѣла покинуть усопшаго; наконецъ въ 8 часовъ утра мужу удалось перевезти ее въ Зимній дворецъ со всѣми членами императорской фамили.

Только въ 11 часовъ утра допустила императрица-мать къ себѣ сына-императора. Свиданіе происходило безъ свидѣтелей. Государь вышелъ отъ императрицы-матери очень взволнованный. Съ этого мгновенія вплоть до кончины императоръ проявлялъ къ своей родительницѣ самое восторженное почтеніе, внимательность и нѣжность, а она, въ свою очередь, показывала страстную привязанность къ своему первенцу.

Яркое солнце взошло надъ этимъ роковымъ и великимъ днемъ.

Я уже говорила, что часть гвардіи была собрана у валовъ замка. Лишь по возвращеніи въ казармы узнали солдаты, что на слѣдующій день предстоитъ принесеніе присяги новому императору. Великаго князя Александра солдаты боготворили. Да и всѣ его боготворили.

Въ столицѣ раздавались клики радости и освобожденія. Улицы Петербурга наполнились толпами.

Незнакомые цѣловались другъ съ другомъ, какъ въ Пасху, да и дѣйствительно это было воскресеніе всей Россіи къ новой жизни. Все устремлялось къ (Зимнему) дворцу. Тамъ въ полдень назначенъ былъ съѣздъ сенату, высшимъ сановникамъ имперіи, двору, офицерству и чиновничеству для принесенія присяги новому императору.

Молодой императоръ (ему было всего 23 года) сдѣлалъ выходъ съ императрицею Елизаветою. Она тогда была юна и очень красива, обладала большимъ изяществомъ и достоинствомъ, и въ простенькомъ кисейномъ платьицѣ, безъ всякаго головного убора, съ свѣтлыми кудрями, разсыпавшимися по шеѣ, была очень мила, и это тѣмъ болѣе, что обладала чудною фигурою, изящною походкою и манерами. Императоръ тоже былъ красавецъ и сіялъ молодостью и тою душевною ясностью, которая составляла отличительное его свойство. Вообще парочка эта производила чарующее впечатлѣніе, и все передъ нею склонялось, окружая ее любовью, граничившею съ боготвореніемъ.

У насъ въ ту пору отсутствовали поэты и историки, которые бы смогли съ достаточною яркостью описать тогдашнее восторженное опьянѣніе общества. Четыре года деспотизма, граничившаго съ безумiемъ и порою доходившаго до жестокости, отошли въ область преданія; роковая развязка или забывалась, или восхвалялась — середины между этими крайностями не было. Время для справедливаго суда надъ событіями пока еще не наступило. Вчера русскіе люди, засыпая, сознавали себя угнетенными рабами, а сегодня уже проснулись свободными счастливцами. Эта мысль преобладала надъ всѣмъ прочимъ; всѣ жаждали насладиться счастiемъ свободы и предавались ему, твердо вѣря въ его вѣчность.

Среди всеобщихъ ликованій не было мѣста ни сожалѣнiямъ, ни размышленiямъ, и только вдова императора Павла замкнулась въ свое личное горе, которое еще болѣе уси-

лила вѣсть о кончинѣ великой княгини Александры Павловны, супруги палатина венгерскаго, умершей въ Пресбургѣ, отъ несчастныхъ родовъ, за нѣсколько дней предъ умерщвленіемъ Павла. Я встрѣтилась съ императрицею-матерью на слѣдующій же день у моей свекрови, которую разыгравшіяся событія настолько потрясли, что она серьезно занемогла. Императрица и тутъ кинула мнѣ пару милостивыхъ словъ съ обычною своею добротою. Выраженіе ея лица было серьезное и суровое, она сильно поблѣднѣла, а вытянувшіяся черты лица указывали глубокую скорбь и не менѣе глубокую покорность Провидѣнію.

Передъ императрицею лишь постепенно открылись всѣ обстоятельства, сопровождавшія умерщвленіе Павла Сначала она продолжала принимать у себя графа Палена; но, узнавъ объ истинной его роли въ заговорѣ, перестала его пускать къ себѣ на глаза. Вскорѣ она узнала фамиліи остальныхъ заговорщиковъ, и они разъ навсегда были изгнаны изъ ея присутствія. Она громко требовала для нихъ наказанія, но это представлялось совершенно невозможнымъ. Самая важность сана и многочисленность заговорщиковъ не позволяли молодому императору возбудить противъ нихъ свирѣпыхъ преслѣдованій, не говоря уже о томъ, что сегодняшнихъ освободителей нельзя преобразить въ завтрашнія жертвы. Содѣянное предпріятіе всѣми прославлялось и не укладывалось въ рамки безпристрастнаго обсужденія. Скандалъ оказывался крупный: общественное мнѣніе рѣзко расходилось съ нравственностью и правосудіемъ, а пренебреженіе въ этомъ случаѣ общественнымъ мнѣніемъ угрожало слишкомъ явною опасностью.

Трудно себѣ даже и представить всѣ разсказы, въ ту пору свободно обращавшіеся въ столицѣ. Не только никто изъ заговорщиковъ не таился въ совершенномъ злодѣяніи, но всякій торопился изложить свою версію о происшедшемъ и не прочь былъ даже въ худшую сторону преувеличить свое личное соучастіе въ кровавомъ дѣлѣ. А когда

чей-нибудь голосъ возмущался чудовищностью совершеннаго дѣянія, на это давался отвѣтъ

— Что же, вы хотѣли бы вернуться къ прежнему царствованію? Ну, и дождались бы того, что вся императорская фамилія была бы ввержена въ крѣпость, а сами бы вы отправились въ ссылку, въ Сибирь!

Предо мною такія заявленія высказывались, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать въ гостиной у свекрови, хотя эта вѣрная долгу женщина отказывалась входить въ обсужденіе причинъ заговора и стояла на фактѣ, совершенно для нея непреложномъ:

— Вы—убійцы вашего императора!

И, произнося эти суровыя слова, она только поднимала руку къ небесамъ.

Всѣ обстоятельства и подробности, сопровождавшія роковую развязку, собирались съ большою жадностью. Было вполнѣ удостовѣрено, что императора неоднократно предупреждали о готовящейся ему участи.

Несомнѣнно, смутные въ своей неопредѣленности доносы и заставляли покойнаго по слѣпой случайности обрекать на заточеніе все новыя жертвы, а несправедливыя эти преслѣдованія, въ свою очередь, умножали число недовольныхъ и легко превращали послѣднихъ въ заговорщиковъ.

Много анекдотовъ разсказывалось о сообщеніяхъ, дѣлавшихся Павлу. Среди нихъ я выбираю тотъ, который лично слышала отъ графа Палена послѣ катастрофы, этимъ же фактомъ и ускоренной.

Я передаю этотъ разсказъ въ подлинныхъ выраженіяхъ графа Палена, которыя отчетливо запомнила.

«Наканунѣ кончины императоръ Павелъ неожиданно меня спросилъ, не отводя пристальнаго взгляда отъ моихъ глазъ, знаю ли я, что противъ него замышленъ заговоръ, весьма развѣтвленный и участниками котораго, между прочимъ, являются лица, очень близкія царю. Взглядъ государя былъ пронизывающій, подозрительный и настолько

Графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ

Съ гравюры Пфенфера

навелъ на меня страхъ, что я похолодѣлъ Я чувствовалъ, какъ у меня во рту пересыхаетъ, и я, пожалуй, не смогу даже слова промолвить. Но я не потерялся и, желая оправиться, расхохотался. «Государь, вѣдь если заговоръ этотъ проявляетъ дѣятельность, то потому, что самъ же я имъ и руковожу Я съ такою ловкостью сосредоточилъ всѣ нити заговора въ собственныхъ рукахъ, что помимо меня ничего не дѣлается Будьте совершенно покойны, ваше величество Никакія злоумышленія рукъ моихъ не минуютъ, я въ томъ отвѣчаю вамъ собственною головою» Государь ласково взялъ меня за руку и сказалъ· «Я вамъ вѣрю». Тутъ только вздохнулъ я свободно»

Я была тогда молода, и, признаюсь, цинизмъ разсказа вызвалъ во мнѣ дрожь

Несомнѣнно, въ душѣ молодого императора должна была происходить тяжкая борьба Его восшествію на престолъ, сопровождавшемуся ликованіемъ и проявленіями любви, предшествовало пролитіе крови и прочіе ужасы Справедливое отвращеніе, которымъ его родительница воспылала къ дѣйствовавшимъ въ ужасной трагедіи лицамъ, являло тягостный контрастъ съ попустительствомъ и безнаказанностью заговорщиковъ, на которыя государя обрекала необходимость. Наиблагороднѣйшіе порывы разбивались тутъ о его безпомощность Покарать преступленіе онъ былъ безсиленъ Страдая отъ столь прискорбнаго противорѣчія душевныхъ велѣній, государь осыпалъ императрицу мать всѣми проявленіями внимательной почтительности, онъ охотно уступалъ ей все придворное представительство, Александръ старался предупреждать всѣ желанія и фантазіи Маріи Ѳеодоровны и даже мирился съ большою ея влятельностью во всемъ, что не касалось наиважнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Въ этомъ образѣ дѣйствій инстинктивно чуялось какое-то искупленіе и признаніе трогательнаго долга по отношенію къ вдовѣ Павла.

Эта завѣдомая для всѣхъ и неоспоримая авторитетность матери надъ сыномъ возбуждала въ высокой сте-

пени зависть и недоброжелательство со стороны графа Палена Онъ, вѣдь, надѣялся, что станетъ управлять и имперіею и императоромъ, а дѣйствительность разбивала всѣ его надежды, и онъ сознавалъ себя униженнымъ, благодаря вліянію вдовствующей императрицы. Пытался онъ и клеветать на Марію Ѳеодоровну и создать противовѣсъ ея вліянію Паленъ обнаруживалъ въ своихъ дѣйствіяхъ больше, чѣмъ опрометчивость, а на многочисленныя предостереженія друзей отвѣчалъ неизмѣнно: «Бояться императора! Онъ не посмѣетъ меня тронуть!» Жестокія слова эти, несмотря на преднамѣренность и гнусный смыслъ. которые Паленъ думалъ имъ придать, разбивались о чистоту славы императора Александра

Съ одной стороны, и императрица-мать не упускала случаевъ указывать императору на неприличіе удерживать вблизи своей особы и во главѣ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ личность, которая подготовила умерщвленіе его родителя, а, съ другой стороны, и графъ Паленъ всѣми возможными способами старался убѣдить государя въ злокачественности материнскаго вліянія Отчаявшись въ успѣхѣ своихъ навѣтовъ, графъ принялся возмутительнѣйшимъ образомъ поносить императрицу-мать. Между прочимъ, разсказывали, будто у него вырвалось и такое заявленіе «Я расправился съ супругомъ, сумѣю отдѣлаться и отъ супруги!» Въ припадкѣ озлобленія и наглости Паленъ распорядился убрать изъ какой-то церкви образъ, только что подаренный императрицею

Эта дерзость, конечно, не могла пройти незамѣченною. Императрица-мать заявила Александру, чтобы тотъ немедленно же выслалъ графа Палена изъ Петербурга, въ противномъ случаѣ столицу покинетъ сама Марія Ѳеодоровна

Два часа спустя. графъ Паленъ былъ высланъ подъ охраною фельдъегеря въ свои курляндскія имѣнія съ воспрещеніемъ пожизненнаго въѣзда въ Петербургъ и Москву.

Русское общество отнеслось съ полнымъ равнодушіемъ къ вѣсти о паденіи могущественнаго вельможи, даже при-

обрѣтшаго нѣкоторую популярность своимъ преступленіемъ. Я знаю черезъ моего отца, котораго былъ другомъ дѣтства и сотоварищемъ графа Палена по военному поприщу и поддерживалъ съ нимъ сношенія по самую его смерть, что графъ Паленъ со времени ссылки совершенно не выносилъ одиночества въ своихъ комнатахъ, а въ годовщину 11 марта регулярно напивался къ 10 часамъ вечера мертвецки пьянымъ, чтобы опамятоваться не раньше слѣдующаго дня.

Умеръ графъ Паленъ въ началѣ 1826 г., чрезъ нѣсколько недѣль послѣ кончины императора Александра...

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ АДАМА ЧАРТОРЫЙСКАГО

Князь Адамъ Чарторыйскій, извѣстный польскій политическій дѣятель, родился 14 января 1770 г., въ Варшавѣ Отецъ его— князь Адамъ-Казимиръ Чарторыйскій, староста подольскій (1734— 1823), мать—княгиня Изабелла, рожденная графиня Флемингъ, изъ саксонской фамили, происходившей изъ Голландіи (1746—1835). Князь Адамъ имѣлъ брата Константина (1773—1860) и сестеръ, изъ которыхъ Марія (1766—1854) была замужемъ за принцемъ Людвигомъ Вюртембергскимъ, братомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Князь Адамъ двадцатидвухлѣтнимъ юношей принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1792 г противъ русскихъ и послѣ неудачъ, постигшихъ поляковъ, долженъ былъ эмигрировать, что повлекло за собою конфискацію всѣхъ имѣній Чарторыйскихъ. Императрица Екатерина, на ходатайство князя Адама и его брата Константина о снятіи секвестра, потребовала, чтобы они явились въ Петербургъ и оставались здѣсь какъ бы въ видѣ заложниковъ. Оба брата исполнили требованіе, въ маѣ 1795 г пріѣхали въ Петербургъ и были радушно приняты при дворѣ и въ высшемъ обществѣ. Князь Адамъ сблизился съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, и между ними завязалась тѣсная дружба Воцареніе императора Павла сначала не отразилось неблагопріятно на Чарторыйскихъ. Считая ихъ либералами и даже тайными «якобинцами», Павелъ въ общемъ хорошо къ нимъ относился. Въ особенности ему нравился князь Константинъ. Но затѣмъ настроеніе Павла

измѣнилось Именно близость Чарторыйскихъ къ великимъ князьямъ возбудила его подозрительность. Павелъ поспѣшилъ удалить князя Адама, назначивъ его въ 1798 г. посланникомъ въ Сардинію. Тотчасъ по кончинѣ Павла, Чарторыйскій, вызванный письмомъ императора Александра отъ 17 марта 1801 года, поспѣшилъ вернуться въ Петербургъ и сдѣлался однимъ изъ самыхъ интимныхъ и довѣренныхъ друзей императора Александра. Онъ игралъ видную роль въ первые годы царствованія Александра, но затѣмъ послѣдній охладѣлъ къ нему, и Чарторыйскому пришлось уѣхать изъ Петербурга въ Вильну, гдѣ онъ былъ назначенъ попечителемъ учебнаго округа. Въ 1823 году князь Адамъ совсѣмъ оставилъ службу и поселился въ своемъ имѣніи Пулавахъ. Во время польскаго возстанія 1830 г онъ занялъ постъ президента сената и національнаго правительства Послѣ подавленія возстанія Чарторыйскій навсегда перебрался въ Парижъ, гдѣ и умеръ въ 1861 году.

Мемуары его были изданы на французскомъ языкѣ въ 1887 году, а на русскій переведены съ нѣкоторыми пропусками и напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1906 г. Мы беремъ изъ нихъ только восьмую главу, помѣченную лѣтомъ 1801 года, въ которой Чарторыйскій разсказываетъ о смерти императора Павла и первыхъ дняхъ царствованія императора Александра. Переводъ исправленъ и дополненъ

По мѣрѣ моего приближенія къ Петербургу я сильно волновался, находясь подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ чувствъ: съ одной стороны, я испытывалъ радость и нетерпѣніе при мысли о свиданіи съ людьми мнѣ близкими и дружественными, съ другой же — тяготился неизвѣстностью, размышляя о могущихъ произойти въ этихъ людяхъ перемѣнахъ вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ и ихъ новаго положенія.

Навстрѣчу мнѣ посланъ былъ фельдъегерь, заставшій меня близъ Риги. Онъ вручилъ мнѣ дружественное письмо императора (Александра) и подорожную съ предписаніемъ почтовому начальству ускорить мое путешествіе. Адресъ на конвертѣ написанъ былъ рукою императора, въ которомъ я былъ названъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ—чинъ, соотвѣтствующій военному чину генералъ-аншефа. Я былъ удивленъ, что Александръ осмѣлился такъ быстро произвести меня въ этотъ чинъ, и твердо рѣшился не принимать его, считая это недоразумѣніемъ. И дѣйствительно, когда по пріѣздѣ въ Петербургъ, я представился государю и показалъ ему конвертъ, то убѣдился, что надпись эта была сдѣлана имъ по ошибкѣ. Но въ Россіи поймать государя на словѣ и воспользоваться его подписью можно. Я и не думалъ объ этомъ и не получилъ въ Россіи ни одной почетной награды, исключая чина [1]), пожалованнаго мнѣ императоромъ Павломъ.

Наконецъ я снова увидѣлъ Александра, и первое впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, подтвердило мои тревожныя предчувствія. Императоръ возвращался съ парада или ученія, какъ будто бы его отецъ былъ еще живъ. Онъ казался блѣднымъ и утомленнымъ. Онъ принялъ меня чрезвычайно ласково, но имѣлъ видъ человѣка печальнаго и убитаго горемъ, чуждаго сердечной жизнерадостности, свойственной людямъ, не имѣющимъ основанія слѣдить за собою и сдерживаться. Теперь, когда онъ былъ уже властелиномъ, я сталъ замѣчать въ немъ, быть можетъ ошибочно, особенный оттѣнокъ сдержанности и безпокойства, отъ которыхъ невольно сжималось сердце. Онъ пригласилъ меня въ свой кабинетъ и сказалъ: «Вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали: всѣ наши ожидаютъ васъ съ нетерпѣніемъ», намекая на нѣкоторыхъ болѣе близкихъ ему лицъ [2]), ко-

---

[1]) Въ придворномъ календарѣ 1799 года князь Адамъ Чарторыйскій указанъ въ чинѣ генералъ-майора.

[2]) Вѣроятно, Н. Н. Новосильцевъ и графъ П. А. Строгановъ, которые вмѣстѣ съ Чарторыйскимъ составили знаменитый триумвиратъ, игравшій видную роль въ первые годы Александрова царствованія.

торыхъ онъ считалъ болѣе просвѣщенными и передовыми и которыя пользовались его особеннымъ довѣріемъ. «Если бы вы находились здѣсь», продолжалъ государь: «всего бы этого не случилось: будь вы со мною, я никогда не былъ бы увлеченъ такимъ образомъ...» Затѣмъ онъ сталъ говорить мнѣ о смерти своего отца въ выраженіяхъ, полныхъ скорби и раскаянія невыразимаго.

Это печальное и мрачное обстоятельство въ теченіе нѣкотораго времени сдѣлалось предметомъ частныхъ продолжительныхъ бесѣдъ между нами, при чемъ императоръ желалъ, хотя это причиняло ему страданіе, посвятить меня во всѣ подробности обстоятельствъ. Объ этихъ подробностяхъ я упомяну ниже, сопоставивъ ихъ съ другими свѣдѣніями, полученными мною отъ другихъ актеровъ этой ужасной сцены.

Что касается многихъ другихъ вопросовъ, которые насъ нѣкогда занимали и по поводу которыхъ я желалъ вывѣдать его теперешніе взгляды и дать себѣ отчетъ въ новыхъ положеніяхъ, которыя необходимо внесли въ нихъ такія огромныя перемѣны,—я убѣдился, что въ общемъ государю, какъ я и ожидалъ, попрежнему не были чужды его былыя мечты, къ которымъ онъ постоянно возвращался; но уже чувствовалось, что онъ находился подъ давленіемъ желѣзной руки дѣйствительности,—уступая силѣ, не властвуя еще ни надъ чѣмъ, еще не сознавая предѣловъ своего могущества и не умѣя еще имъ пользоваться.

Петербургъ, когда я туда пріѣхалъ, напоминалъ мнѣ видъ моря, которое послѣ сильной бури продолжало еще волноваться, успокаиваясь лишь постепенно.

Государь только что уволилъ графа Палена. Этотъ генералъ, пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ покойнаго императора Павла, былъ въ концертѣ съ графомъ Паниным главнымъ дѣятелемъ и душою заговора, прекратившаго дни этого монарха и который никогда не осуществился бы, если бы Паленъ, имѣвшій въ рукахъ власть и располагавшій всѣми средствами въ качествѣ военнаго

губернатора Петербурга, не сталъ во главѣ предпріятія. Когда переворотъ совершился, Паленъ считалъ себя всемогущимъ, надѣясь на свои силы. И дѣйствительно, онъ именно принялъ внѣшнія и внутреннія мѣры, ставшія неотложными въ виду возможнаго появленія англійскаго флота въ водахъ Ревеля, Риги и Кронштадта послѣ кровавыхъ копенгагенскихъ событій. Нельсонъ торжествовалъ побѣду въ Копенгагенѣ наканунѣ того дня, когда императоръ Павелъ погибъ въ Петербургѣ [1]), куда извѣстіе о разгромѣ датскаго флота пришло черезъ два дня послѣ смерти императора. Пользуясь замѣшательствомъ и всеобщей растерянностью правительства въ первые дни послѣ катастрофы, генералъ-отъ-кавалеріи графъ Паленъ возымѣлъ мысль захватить въ свои руки ослабленныя бразды правленія. Онъ желалъ присоединить къ всесильной должности военнаго губернатора Петербурга должность статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ. Его подпись стоитъ на актахъ первыхъ дней царствованія [2]). Ничто не должно было дѣлаться безъ его согласія: онъ принялъ роль покровителя юнаго государя и дѣлалъ ему сцены, когда онъ не давалъ немедленнаго согласія на его представленія, или, вѣрнѣе, на то, что онъ навязывалъ Александру. Уже поговаривали, что Паленъ претендуетъ на роль «палатнаго мэра». Императоръ Александръ, погруженный въ отчаяніе, подавленный скорбью со всей своей фамилией во внутренностяхъ дворца, казался во власти заговорщиковъ, которыхъ признавалъ необходимымъ щадить и подчинять свою волю ихъ желаніямъ.

---

[1]) Тутъ, очевидно, ошибка. Англійская эскадра подъ начальствомъ Паркера и Нельсона вошла въ копенгагенскій рейдъ 18/30 марта 1801 г., т. е недѣлю спустя послѣ смерти императора Павла

[2]) Паленъ уже завѣдывалъ иностранными дѣлами, такъ какъ еще въ февралѣ 1801 года, послѣ увольненія Ростопчина, завѣдываніе внѣшними сношеніями было передано ему, а 18 февраля того же года ему подчинень почтовый департаментъ.

Между тѣмъ одна изъ важнѣйшихъ должностей государства—генералъ-прокурора сената, которому подчинены были тогда всѣ административныя дѣла имперіи—внутренія, юстиціи, финансы и полиція,—была вакантна послѣ удаленія одного изъ павловскихъ фаворитовъ, который ее занималъ [1]). Александръ, счастливо вдохновленный, остановилъ свой выборъ, для замѣщенія этой должности, на генералѣ Беклешовѣ [2]), который въ это время находился подъ руками, будучи вызванъ въ Петербургъ императоромъ Павломъ, желавшимъ, быть можетъ, предоставить ему это мѣсто. Это былъ русскій стараго закала, по внѣшнимъ пріемамъ человѣкъ грубый и рѣзкій, не говорившій или едва понимавшій пофранцузски, но который подъ этой суровой внѣшностью обнаруживалъ твердость и прямоту и обладалъ отзывчивымъ къ нуждамъ ближнихъ сердцемъ. Общественное мнѣніе создало ему репутацію благороднаго человѣка, которую онъ сохранилъ даже во время своего управленія (въ качествѣ генералъ-губернатора) польскими юго-западными губерніями. Здѣсь онъ выказалъ себя человѣкомъ справедливымъ по отношенію къ подвластному ему населенію и строгимъ по отношенію къ своимъ подчиненнымъ, преслѣдуя сколько возможно воровство, взяточничество и злоупотребленія. Онъ не терпѣлъ, чтобы его агенты вели публичный торгъ правосудіемъ, и вышелъ чистымъ и безупречнымъ изъ этого испытанія, заслуживъ признательность населенія провинціи. Это труднѣйшее испытаніе, какому только можетъ быть подверженъ представитель высшей русской администраціи, и не такъ легко указать много подобныхъ примѣровъ [3]).

---

[1]) Извѣстный Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ, Род. 1752 † 1841.

[2]) Александръ Андреевичъ Беклешовъ, предмѣстникъ и преемникъ Обольянинова по должности генералъ-прокурора, которую онъ занималъ до учрежденія министерствъ. Род 1745 † 1808.

[3]) Мнѣніе чрезвычайно характерное въ устахъ поляка—князя Чарторыйскаго, который въ отзывѣ своемъ о Беклешовѣ сходится, вѣроятно, того не подозрѣвая, съ А. С. Шишковымъ. Въ «Запискахъ»

Совершенно незнакомый съ вопросами внѣшней политики, но изучившій въ совершенствѣ многочисленные указы и знавшій всѣ тонкости административной рутины русскаго правительства, генералъ Беклешовъ умѣло пользовался своею властью, проводя начала справедливости въ примѣненіи правосудія. Онъ былъ въ отсутствіи и не принималъ никакого участія въ заговорѣ. Александръ откровенно жаловался ему на свое гягостное положеніе около Палена. Беклешовъ отвѣчалъ государю со свойственной ему рѣзкостью, выражая совершенное недоумѣніе при мысли, что самодержецъ россійскій на что-то жалуется и не рѣшается выказать своей воли. «Когда мнѣ досаждаютъ мухи», сказалъ онъ государю: «когорыя жужжатъ у меня подъ носомъ, я ихъ прогоняю». Императоръ подписалъ указъ, въ которомъ Палену повелѣвалось немедленно оставить Петербургъ и выѣхать въ свои помѣстья Беклешовъ, бывшій съ нимъ, какъ въ прежнія времена, такъ и теперь, въ дружественныхъ отношеніяхъ, въ качествѣ генералъ-прокурора, взялся вручить ему указъ вмѣстѣ съ повелѣніемъ выѣхать изъ столицы въ 24 часа. На слѣдующій день рано утромъ Беклешовъ явился къ Палену, разбудилъ его и передалъ волю императора. Послѣдній повиновался [1]). Такимъ образомъ Александръ впервые проявилъ самодержавную волю, не имѣющую въ Россіи преградъ

Обстоятельство это надѣлало много шума. Обвиняли императора въ двуличіи и неискренности. Говорили, что наканунѣ того дня, когда Паленъ долженъ былъ лишиться

послѣдняго мы находимъ слѣдующую фразу «А. А. Беклешовъ—одинъ изъ тѣхъ государственныхъ людей, которыми было сильно царствованіе Екатерины. Его дѣятельность, какъ администратора русскихъ окраинъ, могла бы и въ наше время послужить примѣромъ управленія этими областями При немъ балтійскіе нѣмцы учились говорить по-русски, а поляки юго-западныхъ губерній забывали упражняться въ подпольныхъ интригахъ» (Записки адм Шишкова, т I, берлинское изданіе 1870 г)

[1]) Случай этотъ въ «Запискахъ Саблукова» описанъ нѣсколько иначе.

всѣхъ должностей и отправиться въ ссылку, Александръ, во время доклада, который происходилъ поздно вечеромъ, принялъ его по обычаю совершенно спокойно, бесѣдовалъ о дѣлахъ и ни въ чемъ не измѣнилъ своего обращенія. Но могъ ли онъ поступить иначе? Какъ бы то ни было, этотъ первый актъ проявленія самодержавной власти молодого государя вызвалъ неудовольсгвіе среди главарей заговора и сильно ихъ встревожилъ.

Съ Зубовыми, игравшими столь выдающуюся роль въ событіи 11 марта, я имѣлъ отношенія еще въ царствованіе императрицы Екатерины. Благодаря ихъ всемогущему въ то время заступничеству, намъ удалось вернуть значительную часть имѣній нашего отца. При Павлѣ, въ то время, когда при дворѣ всѣ стали избѣгать Зубовыхъ, боясь даже подойти къ нимъ, мнѣ удалось доставить имъ аудіенцію у великаго князя Александра.

Спустя нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, графъ Валеріанъ Зубовъ высказалъ желаніе увидѣться со мвою. Во время разговора онъ много и подробно говорилъ о совершившейся революціи и о современномъ настроеніи умовъ, жалуясь, что государь не высказался за своихъ истинныхъ друзей, когорые возвели его на престолъ, пренебрегая всѣми опасностями ради его дѣла. «Не такъ дѣйствовала императрица Екатерина», говорилъ Зубовъ: «она открыто поддерживала тѣхъ, кто ради ея спасенія рисковали своими головами. Она не задумалась искать въ нихъ опору и, благодаря этой политикѣ, столь же мудрой, сколь предусмотрительной, она всегда могла разсчитывать на ихъ безграничную преданность. Обѣщая съ первыхъ дней вступленія на престолъ не забывать оказанныхъ ей услугъ, она этимъ пріобрѣла преданность и любовь всей Россіи Вотъ почему—продолжалъ графъ Валеріанъ—царствованіе Екатерины было столь могущественнымъ и славнымъ, погому что никто не поколебался принести величайшую жертву для государыни, зная, что онъ будетъ достойно вознагражденъ. Но императоръ Александръ,

своимъ двусмысленнымъ, нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій, рискуетъ самыми плачевными послѣдствіями; онъ обезкураживаетъ и охлаждаетъ рвеніе своихъ истинныхъ друзей, тѣхъ, которые голько желаюгъ доказать ему свою преданность». Графъ затѣмъ прибавилъ, что императрица Екатерина категорически заявила ему и его брату, князю Платону. чго на Александра имъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на единсгвеннего законнаго ихъ государя, и служить ему, и никому другому, вѣрой и правдой. Они это исполнили свято, а между тѣмъ какая имъ за это награда? Слова эти, несомнѣнно, были сказаны съ цѣлью оправдать въ глазахъ молодого императора участіе въ заговорѣ на жизнь его отца и чгобы доказать ему, что этотъ образъ дѣйствій былъ естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ обязательствъ, которыя Екатерина на нихъ возложила по отношенію къ своему внуку Но они, очевидно, не знали, чго Александръ и даже великій князь Константинъ вовсе не были проникнуты по отношенію къ своей бабкѣ чувствами обожанія и преданности, которыя они въ нихъ предполагали.

Въ теченіе этой бесѣды, длившейся около часа, я нѣсколько разъ перебивалъ моего собесѣдника, стараясь объяснигь ему поведеніе молодого государя, не входя, однако, въ обсужденіе подробностей послѣднихъ событій, тѣмъ болѣе, чго, въ виду моего отсутствія изъ Петербурга, я сгоялъ въ сторонѣ отъ всего происшедшаго Что касается графа Зубова, то онъ, очевидно, желалъ меня видѣть и высказагь мнѣ свои взгляды съ тѣмъ, чтобы я передалъ напъ разговоръ государю. Хотя я и не далъ ему формальнаго обѣщанія, тѣмъ не менѣе при первомъ же удобномъ случаѣ я сообщилъ объ этомъ императору Александру. Александръ былъ мало тронутъ словами графа Зубова, хотя я дословно ему передалъ напъ разговоръ. Слова Зубова доказывали, чго заговорщики, а особенно главные ихъ руководигели, повидимому, открыто хвастались своимъ поступкомъ Приводя къ развязкѣ заговорь, они были

убѣждены, что тѣмъ заслужили передъ Россіей и получили право на благодарность, милости, довѣріе молодого императора, и они считали себя необходимыми для безопасности и процвѣтанія новаго царствованія. Они даже давали понять, что ихъ удаленіе и недовольство могутъ быть опасны для Александра и что изъ чувства благодарности, а равно изъ благоразумія ему слѣдуетъ окружить себя тѣми лицами, которыя возвели его преждевременно на престолъ и на которыхъ онъ долженъ смотрѣть, какъ на самый вѣрный и естественный оплотъ. Такое разсужденіе, довольно естественное въ Россіи, традиціонной странѣ дворцовыхъ революцій, не произвело, однако, желаемаго впечатлѣнія на Александра. Да и странно было бы предположить, чтобы онъ могъ когда-нибудь сочувствовать убійцамъ своего отца (котораго онъ все-таки любилъ, несмотря на его недостатки) и добровольно предаться въ ихъ руки.

Поведеніе императора Александра являлось результатомъ его характера, его чувствъ и его положенія, и измѣнить его онъ не могъ. При томъ же онъ уже удалилъ Палена, единственнаго, быть можетъ, изъ главарей заговора, который могъ возбудить серьезныя опасенія и сдѣлаться дѣйствительно опаснымъ въ силу своей ловкости, обширныхъ связей, личной отваги и огромнаго честолюбія. Александръ изгналъ, удалилъ столь же послѣдовательно и другихъ главарей переворота,—удалилъ не въ силу того, что считалъ ихъ опасными, но изъ чувства гадливости и отвращенія, которое онъ испытывалъ при одномъ ихъ видѣ. Графъ Валеріанъ Зубовъ былъ единственный, который остался въ Петербургѣ и былъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта [1]). Его пріятная внѣшность, искренность и прямота нравились императору Александру и внушали ему довѣріе; послѣднее поддерживалось еще тою привязан-

---

[1]) А Уваровъ и Бенигсенъ, которые до послѣдняго времени пользовались неизмѣннымъ благоволеніемъ императора Александра?

ностью, думаю, вполнѣ искреннею, которую онъ выказывалъ къ особѣ императора, а также благодаря его лѣни, равнодушію къ постамъ, которые требуютъ труда, и особенно благодаря безмѣрной слабости къ прекрасному полу, которымъ былъ почти исключительно занятъ.

Теперь я постараюсь сообщить о заговорѣ и его ближайшихъ послѣдствіяхъ все то, что я видѣлъ самъ, а также тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось получить нѣсколько позже, какъ о возникновеніи самаго плана, такъ и о томъ, какимъ образомъ приступлено было къ выполненію заговора. Я буду излагать факты такъ, какъ я ихъ припоминаю, или по мѣрѣ того, какъ они стали мнѣ извѣстны, не придерживаясь строго хронологическаго порядка офиціальнаго повѣствованія. Изъ этого разсказа читатель увидитъ, что люди наиболѣе опытные и ловкіе нерѣдко впадаютъ въ ошибки вслѣдствіе ложной оцѣнки своихъ обязанностей и тѣхъ средствъ, которыми они располагали, а также благодаря невѣрному опредѣленію характера тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ окончательный успѣхъ ихъ предпріятія и осуществленіе ихъ стремленій.

Тотчасъ послѣ совершенія кроваваго дѣла заговорщики предались безстыдной, позорной, неумѣренной и неприличной радости. Это было какое-то всеобщее оглупѣніе и опьянѣніе не только въ переносномъ, но и въ прямомъ смыслѣ, ибо дворцовые погреба были опустошены, вино лилось рѣкою за здоровье новаго императора и героевъ заговора. Въ теченіе первыхъ дней послѣ событія было въ модѣ показывать себя причастнымъ къ заговору, каждый желалъ быть отмѣченнымъ, каждый совался впередъ, утверждалъ, что онъ былъ въ такой-то или другой бандѣ, шелъ однимъ изъ первыхъ, присутствовалъ при роковой катастрофѣ. А среди этой всеобщей распущенности, этой шумной и непристойной радости, императоръ и его семейство, запертые во дворцѣ, погруженные въ горе и слезы, не показывались.

По мѣрѣ того, однако, какъ постепенно улеглось возбужденное состояніе умовъ, большинство убѣдилось, что

вся великая радость, которую такъ открыто выказывали, не была средствомъ успѣть при дворѣ и что такого рода хвастовство, не обнаруживающее ни ума, ни сердца, противно; и хотя смерть Павла избавила государство отъ большихъ бѣдствій, во всякомъ случаѣ каждому было выгоднѣе и желательнѣе не обнаруживать своего участія въ дѣлѣ. Главари заговора прикрывались высокими фразами, говоря, что для нихъ главнымъ и единственнымъ побужденіемъ были государственная необходимость и спасеніе Россіи Они усиливались создать этимъ для самихъ себя источникъ репутаціи, приближенности и кредита.

Между тѣмъ молодой государь, оправившись послѣ первыхъ дней треволненій и упадка духа, сталъ чувствовать непреодолимое отвращеніе къ главарямъ заговора, особенно же къ тѣмъ изъ нихъ, чьи доводы заставили его согласиться, что, присоединяясь къ ихъ намѣреніямъ, онъ не подвергаетъ никакой опасности жизнь своего отца, и что онъ рѣшается единственно для спасенія Россіи низложить его, убѣдивъ Павла въ необходимости самому сложить съ себя бремя правленія, отказавшись отъ власти въ пользу сына, чему бывали неоднократные примѣры среди государей Европы.

Императоръ Александръ сообщилъ мнѣ, что первый, кто ему это сказалъ, былъ графъ Панинъ[1]), которому онъ никогда не проститъ этого. Этотъ человѣкъ былъ, повидимому, созданъ, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, играть выдающуюся роль въ дѣлахъ имперіи. Онъ обладалъ всѣми необходимыми для этого качествами: громкимъ въ Россіи именемъ, недюжинными способностями и большимъ честолюбіемъ. Будучи совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, онъ уже сдѣлалъ блестящую карьеру. Назначенный русскимъ посланникомъ въ Берлинъ, онъ вскорѣ былъ призванъ им-

---

[1]) Графъ Никита Петровичъ Панинъ, д. т. с, посланникъ въ Гаагѣ и Берлинѣ при Екатеринѣ II. Вице-канцлеръ и мин. иностр. дѣлъ при Павлѣ и въ началѣ царствованія Александра. † 1837 г.

ператоромъ Павломъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ подъ начальство князя Александра Куракина [1]), который приходился ему дядей со стороны матери. Куракинъ, вѣрный другъ Павла и товарищъ его дѣтства и юности, былъ единственнымъ изъ замѣтныхъ въ имперіи лицъ, котораго не коснулись выходки государя и который оставался въ милости за все время его царствованія. Графъ Н. П. Панинъ, который выступилъ тогда на сцену, былъ сыномъ извѣстнаго генерала[2]), оставившаго послѣ своей смерти весьма почтенное и уважаемое имя, и племянникомъ графа Панина, бывшаго министра и воспитателя великаго князя Павла, который, какъ въ первые годы Екатерины II, такъ и во всю жизнь, сохранилъ всѣ свои посты и ничего не утратилъ изъ своего вліянія. Молодой графъ Панинъ не могъ не воспользоваться всѣми этими данными и весьма скоро пріобрѣлъ вѣсъ и значеніе въ обществѣ и быстро сталъ двигаться по служебной лѣстницѣ. Это былъ человѣкъ высокаго роста, холодный, владѣвшій въ совершенствѣ французскимъ языкомъ: мнѣ не разъ приходилось читать его донесенія, которыя всегда отличались глубиной мысли и блестящимъ слогомъ. Въ Россіи онъ пользовался репутаціей чрезвычайно даровитаго человѣка, энергичнаго и съ большимъ здравымъ смысломъ, но характеръ его былъ сухой, властный и непокладливый.

Прослуживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ иностранной коллегіи, графъ Никита Петровичъ вызвалъ чѣмъ-то неудовольствіе императора, былъ отрѣшенъ отъ должности и высланъ на жительство въ Москву. Но, какъ мы увидимъ ниже, графъ сумѣлъ воспользоваться этимъ коротким промежуткомъ времени и повліять замѣтнымъ обра-

---

[1]) Кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ. Внучатый племянникъ графа Н. И. Панина. Другъ дѣтства цесаревича Павла. Впослѣдствіи канцлеръ росс. орденовъ и д. т. с. Былъ посланникомъ при Наполеонѣ передъ войной 1812 г. Род. 1752 † 1818 г.

[2]) Гр. Петръ Ив. Панинъ. Генералъ-аншефъ, сенаторъ и членъ госуд. сов. Род. 1721 † 1789 г.

зомъ на судьбы своей страны. Извѣстіе о кончинѣ Павла онъ принялъ съ нескрываемою радостью и тотчасъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ самыми радужными надеждами на будущее. И дѣйствительно, онъ вскорѣ былъ назначенъ управляющимъ иностранными дѣлами. Въ бытность мою въ Петербургѣ мнѣ не приплось съ нимъ встрѣтиться, такъ какъ, ввиду своей заграничной дипломатической службы, онъ рѣдко пріѣзжалъ въ столицу. Жена его, рожденная графиня Орлова, осталась въ Петербургѣ. Это была чрезвычайно симпатичная, милая и любезная особа, которая относилась ко мнѣ весьма дружелюбно. Когда я вернулся въ Петербургъ, она очень хотѣла сблизить меня съ ея мужемъ и сдѣлала все возможное, чтобы связать насъ дружбою. Усилія ея, однако, не имѣли успѣха. Если бы другія причины не явились препятствіемъ этой близости, одной внѣшности графа было бы, я думаю, довольно, чтобы сдѣлать ее почти невозможной. Я часто былъ пораженъ ледянымъ выраженіемъ графа, непроницаемое лицо котораго, на прямомъ, какъ палка, тѣлѣ, издали господствовало подъ всѣми головами, въ гостиной, полной народомъ, и, правду сказать, не приглашало къ сближенію. Впрочемъ, такъ какъ я видѣлъ графа лишь короткое время, и никогда не имѣлъ съ нимъ постоянныхъ сношеній, мое сужденіе о подлинномъ его характерѣ можетъ быть въ высшей степени ошибочно, и даже несправедливо. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ далъ мнѣ прозвище «Сармата» и такъ какъ я не имѣлъ тогда никакого офиціальнаго положенія, постоянно спрашивалъ и повторялъ: «Но что же дѣлаетъ Сарматъ?».

Графъ Панинъ и графъ Паленъ, иниціаторы заговора, были, несомнѣнно, въ то время двѣ самыя сильныя головы имперіи, правительства и двора. Ихъ взоръ видѣлъ яснѣе и дальше всѣхъ остальныхъ членовъ совѣта Павла, въ составъ котораго они оба входили. Они сговорились между собою и рѣшили привлечь на свою сторону Александра. Въ самомъ дѣлѣ, не заручившись согласіемъ и

одобреніемъ наслѣдника престола, осторожные люди, думающіе о конечномъ итогѣ столь опаснаго предпріятія и желающіе обезпечить собственную безопасность, не могли ничего предпринять. Горячія головы, отважные и самоотверженные энтузіасты, дѣйствовали бы, можетъ быть, иначе. Не замѣшивая сына въ низложеніе его отца, жертвуя собою, идя на самую смерть, они, безъ сомнѣнія, лучше бы послужили и Россіи, и тому, кто, призванный къ правленію, долженъ быть свободенъ отъ всякаго соучастія въ преступленіи, столь разительномъ для Россіи. Но такой образъ дѣйствій былъ почти немыслимъ и требовалъ отъ заговорщиковъ или беззавѣтной отваги, или античной доблести, что весьма рѣдко встрѣчается между людьми.

Генералъ Паленъ, который, въ качествѣ военнаго губернатора Петербурга, имѣлъ всегда возможность видѣться съ Александромъ, убѣдилъ великаго князя согласиться на тайное свиданіе съ Паниным. Это первое свиданіе произошло въ ванной комнатѣ. Панинъ изобразилъ Александру въ яркихъ краскахъ плачевное состояніе Россіи и тѣ невзгоды, которыя можно ожидать въ будущемъ, если Павелъ будетъ продолжать царствовать. Онъ старался доказать ему, что содѣйствіе перевороту является для него священнымъ долгомъ по отношенію къ отечеству и что нельзя приносить въ жертву судьбу милліоновъ своихъ подданныхъ взбалмошнымъ прихотямъ и несчастному слабоумію одного человѣка, даже въ томъ случаѣ, если этотъ человѣкъ его отецъ. Онъ указалъ ему, что жизнь, по меньшей мѣрѣ свобода, его матери, его личная и всей царской семьи находится въ опасности, благодаря тому отвращенію, которое Павелъ питалъ къ своей супругѣ; съ послѣдней онъ совсѣмъ разошелся и свою ненависть, которая все возрастала, онъ даже не скрывалъ и естественно могъ при такомъ настроеніи принять самыя суровыя и крутыя мѣры; что дѣло идетъ вѣдь только о низверженіи Павла съ престола, дабы воспрепят-

ствовать ему подвергнуть страну еще большимъ бѣдствіямъ, спасти императорское семейство отъ угрожающей ему опасности, создать самому Павлу спокойное и счастливое существованіе, вполнѣ обезпечивающее ему полную безопасность отъ всевозможныхъ случайностей, которымъ онъ подверженъ въ настоящее время то, какнецъ, дѣло спасенія Россіи находится въ его, великаго князя, рукахъ, и что, ввиду этого, онъ нравственно обязанъ поддержать тѣхъ, кто озабочены теперь спасеніемъ имперіи и династіи.

Эти первыя представленія Панина поколебали молодого великаго князя, но не убѣдили его окончательно дать свое согласіе. Нужно было болѣе шести мѣсяцевъ, чтобы его искусители смогли добиться его сочувствія тому, что они предпринимали противъ его отца. Что касается графа Палена, то онъ, какъ чрезвычайно ловкій человѣкъ, заставилъ предварительно высказаться Панина, считая его наиболѣе скромнымъ и способнымъ для столь труднаго дѣла, какъ внѣдреніе въ душу юнаго великаго князя всѣхъ тѣхъ спеціальныхъ аргументовъ, которые могли его подвинуть на содѣйствіе акту, столь сильно противорѣчившему всѣмъ его чувствамъ. Паленъ, говорю я, послѣ возвращенія Панина въ Москву приступилъ уже къ личному воздѣйствію на великаго князя путемъ всевозможныхъ намековъ, полусловъ и словечекъ, понятныхъ одному Александру, сказанныхъ подъ видомъ откровенности военнаго человѣка—каковая манера говорить являлась отличительнымъ свойствомъ краснорѣчія этого генерала [1]). Панинъ, какъ

---

[1]) Паленъ слылъ всегда за самаго тонкаго и хитраго человѣка, обладавшаго удивительною способностью выворачиваться изъ положеній самыхъ затруднительныхъ, особенно когда дѣло шло о быстромъ движеніи корабля его фортуны. Послѣдній тѣмъ не менѣе, благодаря непредвидѣнной случайности, потерпѣлъ крушеніе у самаго входа въ гавань, когда ему почти нечего было опасаться. Въ Лифляндіи, на родинѣ Палена, мѣстное дворянство, хорошо его знавшее, говорило о немъ такъ: «Er hat die Pfiffologie studiert»—отъ нѣмецкаго слова

я, уже говорилъ, былъ возвращенъ изъ Петербурга въ Москву, не потому, что проникли въ его тайну, но вслѣдствіе одной изъ тѣхъ подозрительныхъ, взбалмошныхъ, неожиданныхъ прихотей, которыя отличали Павла I. Паленъ остался одинъ на своемъ посту и со своимъ замысломъ и въ концѣ концовъ ему удалось вырвать у Александра роковое согласіе на предположенное предпріятіе.

Нельзя не сожалѣть, что, благодаря всѣмъ этимъ роковымъ обстоятельствамъ, Александръ, который всегда стремился къ добру и который обладалъ такими качествами для его осуществленія, не остался чуждымъ этой ужасной, но вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемой катастрофѣ, положившей предѣлъ жизненному поприщу его отца.

Несомнѣнно, что Россія страдала глубоко подъ управленіемъ въ нѣкоторомъ родѣ маніака; правда также, что въ этой странѣ сумасшедшій государь не можетъ быть ни обузданъ, ни удаленъ; но разъ такъ приплось выйти изъ этого затрудненія, Александръ носилъ, чувствовалъ, питалъ въ самомъ себѣ всю свою жизнь сумрачный отблескъ насилія, совершеннаго надъ его отцомъ, которое падало на него, и отъ котораго онъ въ собственныхъ глазахъ никогда не могъ омыться. Это несомнѣнное пятно, которое тѣмъ не менѣе доказывало только высшую его неопытность, невинное и полное невѣдѣніе людей и обстоятельствъ его страны, доказанное невозможными реформами, затѣянными имъ для Россіи, и его проектами собственнаго устраненія отъ власти, какъ коршунъ терзало его совѣсть, парализуя въ началѣ его царствованія лучшія его способности и начинанія, а въ концѣ жизни привело его къ глубокому упадку, къ мистицизму, доходившему иногда до суевѣрія.

«griffig» хитрый, ловкій, пронырливый человѣкъ, который всегда мистифицируетъ другихъ, а самъ никогда не останется въ дуракахъ. Самъ Паленъ всегда употреблялъ это выраженіе, когда онъ хотѣлъ похвалить кого-нибудь. (Прим. авт.).

Должно тѣмъ не менѣе признать, что императоръ Павелъ велъ имперію полнымъ ходомъ къ неисчислимымъ потерямъ и разложенію, внеся полную дезорганизацію силъ страны и правительственной машины, въ томъ видѣ, какъ она существовала до него въ Россіи. Я объ этомъ уже говорилъ. Императоръ Павелъ царствовалъ порывами, минутными вспышками, не заботясь о послѣдствіяхъ своихъ распоряженій, какъ человѣкъ, не дающій себѣ никогда труда размыслить, взвѣсить всѣ обстоятельства дѣла, за и противъ, который приказываетъ и требуетъ только немедленнаго исполненія всякой фантазіи, какая ему придетъ въ голову. Всѣ, т. е. высшіе классы общества, правящія сферы, генералы, офицеры, значительное чиновничество, словомъ, все, что въ Россіи составляло мыслящую и правящую часть націи, было болѣе или менѣе увѣрено, что императоръ подверженъ болѣзненнымъ припадкамъ сумасшествія. Это было настоящее царство ужаса (террора), и въ концѣ концовъ его ненавидѣли даже за добрыя его качества, хотя въ глубинѣ души онъ искалъ правды и справедливости и нерѣдко въ своихъ гнѣвныхъ порывахъ онъ каралъ справедливо и вѣрно. Вотъ почему въ его кратковременное царствованіе русскіе чиновники допускали менѣе злоупотребленій, были болѣе вѣжливы, держались на чеку, менѣе грабили и были менѣе заносчивы, даже въ польскихъ провинціяхъ. Но это правосудіе императора, воистину слѣпое, преслѣдовало правыхъ и виноватыхъ, карало безъ разбора, было своевольно и ужасно, ежеминутно грозило генераламъ, офицерамъ, арміи, гражданскимъ чиновникамъ и въ результатѣ вызывало тайную ненависть къ человѣку, заставлявшему всѣхъ трепетать и державшему ихъ въ постоянномъ страхѣ за свою судьбу.

Такимъ образомъ, заговоръ съ нѣкотораго времени приготовлялся всѣми: все общество, такъ сказать, было въ заговорѣ, чувствами, поддержкой, опасеніями, общеніемъ. Оно было утомлено непрестаннымъ ужасомъ и тревогой.

То было личное томленіе и страданіе каждаго, не знавшее мгновенія отдыха и исцѣленія, въ концѣ концовъ ставшее невыносимымъ и долженствовавшее привести къ катастрофѣ. Государь или его правительство могутъ совершать тяжкія ошибки, приносить вредъ странѣ, вести къ убыли ея богатство и могущество, и однако ея внутреннее существованіе еще не будетъ угрожаемо. Но существованіе въ неминуемой и тяжкой опасности, когда верховная власть ежеминутно тяготѣетъ надъ каждой личностью и волнуетъ, возмущаетъ день и ночь, какъ затяжная лихорадка, спокойствіе семействъ, въ самыхъ обыденныхъ событіяхъ жизни.

Россія испытала это состояніе лихорадки, тоски, общаго опасенія съ первыхъ дней царствованія Павла, причемъ съ каждымъ годомъ, вмѣсто успокоенія, странности и причуды императора все возрастали. Это и было истинной причиной заговора, закончившагося его смертью. Многіе увѣряли, что успѣху заговора способствовало англійское золото. Я лично этого не думаю. Если даже допустить, что тогдашнее британское правительство было лишено всякихъ нравственныхъ принциповъ, то и тогда обвиненіе его въ соучастіи въ заговорѣ едва ли основательно, такъ какъ событіе 11 марта 1801 г. вызвано вполнѣ естественными причинами. Со времени вступленія на престолъ Павла въ Россіи существовало хотя и смутное, но единодушное предчувствіе вѣроятной скорой, давно желанной перемѣны, о которой говорили вполголоса, которой непрестанно ожидали, не зная, когда она наступитъ. Еще до моего отъѣзда [1]) изъ Петербурга, среди придворной молодежи считалось признакомъ хорошаго тона критиковать и высмѣивать дѣйствія Павла, составлять насмѣшливыя эпиграммы на чудачества и несправедливыя придирки императора Павла, изобрѣтать самыя замысловатыя средства, чтобы защититься отъ его властительства. Это отвращеніе, кото-

---

[1]) Въ 1797 году.

рое нескромно выражали по всякому поводу, часто не трудясь его даже скрывать, было государственной тайной, довѣренной всѣмъ, женщинамъ, свѣтскимъ людямъ; то былъ секретъ, котораго никто не скрывалъ, и это при самомъ подозрительномъ властителѣ, поощрявшемъ шпіонство, доносы, не останавливавшемся ни предъ какими средствами, чтобы проникать не только поступки, но и намѣренія, и мысли своихъ подданныхъ. А между тѣмъ онъ ничего не зналъ о столь общемъ настроеніи и желаніи. Этотъ замѣчательнѣйшій фактъ объясняетъ, какъ заговоръ въ предположеніи, въ теоріи распространился на всю страну. Замыселъ переворота тѣмъ настойчивѣе жилъ въ умахъ и сердцахъ, чѣмъ больше приближались къ столицѣ и двору. Однако, на дѣлѣ онъ еще не существовалъ и воплотился почти въ самый моментъ осуществленія.

Но, несмотря на величайшее сочувствіе, которое это предпріятіе встрѣчало въ высшихъ и значительнѣйшихъ классахъ всей страны, предпріятіе это никогда бы не осуществилось и тайна была бы все-таки раскрыта, если бы постъ петербургскаго военнаго губернатора, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи войска и полицію, не находился въ рукахъ рѣшительнаго человѣка, который самъ былъ зачинщикомъ и главой заговора.

Однажды императоръ, устремивъ испытующій взоръ на Палена, сказалъ ему: «Я получилъ извѣстіе, что противъ меня задуманъ заговоръ». — «Это абсолютно невозможно, государь», отвѣтилъ генералъ, улыбаясь съ свойственнымъ ему видомъ добродушія и искренности: «вѣдь нужно, чтобы я въ немъ участвовалъ».—Этотъ отвѣтъ успокоилъ Павла. Говорятъ, однако, что нѣсколько анонимныхъ писемъ все-таки возбудили подозрѣнія императора, и наканунѣ своей смерти онъ велѣлъ тайно вызвать въ Петербургъ Аракчеева, чтобы ему довѣрить постъ генералъ-губернатора Петербурга и выслать Палена. Прибудь Аракчеевъ во-время въ столицу—въ Петербургѣ произошли бы самыя трагическія событія. Это былъ человѣкъ преданный духу при-

каза, поведенія, мелочей, обладая энергіей, которая порою становилась звѣрствомъ. Вмѣстѣ съ Аракчеевымъ явился бы и Ростопчинъ, и Павелъ, вѣроятно, былъ бы спасенъ. Отправивъ всѣхъ въ ссылку, онъ тогда былъ окруженъ только идіотами, которымъ были даны первыя мѣста въ правительствѣ. Таковъ былъ князь Куракинъ, человѣкъ добрый, но ограниченный, стоявшій во главѣ иностранныхъ дѣлъ; нѣкій Обольяниновъ, въ которомъ не замѣчалось никакого слѣда пониманія или таланта, занималъ важное мѣсто генералъ-прокурора, стоялъ во главѣ общей полиціи и администраціи имперіи—только потому, что онъ когда-то управлялъ гатчинскими землями. Наконецъ, самымъ довѣреннымъ и близкимъ къ императору лицомъ былъ графъ Кутайсовъ, бывшій брадобрей Павла и состоявшій тогда шталмейстеромъ и андреевскимъ кавалеромъ. Это былъ не злой человѣкъ, но безпечный, любившій пожить, у котораго, когда его арестовали, на другой день смерти его господина, въ карманѣ камзола найдены были письма, сообщавшія подробный планъ заговора и списокъ всѣхъ его участниковъ. Но Кутайсовъ даже не распечаталъ этихъ писемъ, сказавъ очень спокойно: «Ну, дѣла можно отложить и до завтрашняго дня». Онъ положилъ ихъ въ карманъ, не читая, чтобы не прерывать обычныхъ вечернихъ и ночныхъ наслажденій.

Императоръ Павелъ только что окончилъ постройку Михайловскаго дворца [1]). Этотъ дворецъ, собственный замыселъ Павла, стоившій громадныхъ денегъ, представлялъ собою тяжелое массивное зданіе, похожее на крѣпость, въ

---

[1]) Никогда ни при какой постройкѣ не было болѣе безстыднаго воровства. Главнымъ архитекторомъ былъ нѣкто Б... (Бренна), итальянскій каменныхъ дѣлъ мастеръ (maitre maçon italien), котораго графъ Станиславъ Потоцкій вывезъ изъ Италіи, и который изъ Варшавы перешелъ въ Гатчину на службу къ великому князю Павлу. Б... нажился безпредѣльно отъ всѣхъ построекъ, которыми руководилъ, и оставилъ огромное состояніе мужу своей дочери и ея дѣтямъ, ставшимъ русскими дипломатами. (Прим. авт.).

которомъ императоръ считалъ себя совершенно безопаснымъ отъ всякихъ случайностей.

«Я никогда не былъ столь доволенъ, никогда не чувствовалъ себя болѣе покойнымъ и счастливымъ», говорилъ онъ съ удовлетвореннымъ видомъ приближеннымъ, послѣ того, какъ устроился въ своемъ новомъ, едва оконченномъ дворцѣ. Тамъ онъ воображалъ себя въ полнѣйшей безопасности; и никогда еще онъ не былъ болѣе самовластенъ и безразсуденъ. Тамъ онъ соединялъ безпорядочныя наслажденія съ полнѣйшимъ всемогуществомъ, которымъ, какъ ему казалось, онъ обладалъ и которое готовились у него похитить.

Заговоръ, какъ я уже говорилъ, былъ всеобщій, но еще не получилъ воплощенія. Необходимъ былъ толчокъ, который долженъ былъ оживить и сдѣлать его реальнымъ, и толчкомъ этимъ служило согласіе, вырванное у великаго князя Александра. Графъ Панинъ находился въ ссылкѣ въ Москвѣ, въ Петербургѣ же всѣ нити заговора находились въ рукахъ Палена и Зубовыхъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, были недавно возвращены изъ ссылки и осыпаны милостями Павла, когорый полагалъ, что ему нечего ни бояться ихъ въ своемъ новомъ замкѣ, ни отдѣлываться отъ нихъ, и желалъ ихъ привлечь благодѣяніями.

Тѣмъ временемъ Паленъ и Зубовы, подъ разными благовидными предлогами, вызвали въ столицу многихъ генераловъ и офицеровъ, которыхъ они считали своими единомышленниками. Губернаторъ столицы относился безъ всякой строгости и къ тѣмъ, которые вернулись въ нее безъ позволенія. Многіе сановники и генералы были также приглашены въ Петербургъ императоромъ для присутствованія на празднествахъ по случаю бракосочетанія одной изъ великихъ княженъ. Паленъ и Зубовы не замедлили воспользоваться и этимъ, чтобы войти въ сношеніе съ многими изъ этихъ лицъ и узнать ихъ образъ мыслей, не открывая имъ однако подробностей заговора. Такое положеніе вещей не могло однако продолжаться долго.

Всякій доносъ, даже безъ достаточныхъ доказательствъ, и малѣйшая нескромность могли навести императора на слѣдъ. До крайности подозрительный, онъ уже обнаруживалъ (такъ по крайней мѣрѣ казалось) въ вырывавшихся у него словахъ и въ образѣ дѣйствій тревожные знаки недовѣрія и безпокойства, которыя, въ ту или иную минуту, могли заставить его принять ужаснѣйшее рѣшеніе. Ходили слухи, что онъ уже сдѣлалъ тайное распоряженіе о вызовѣ въ Петербургъ Аракчеева и Ростопчина. Первый изъ нихъ находился въ это время въ своемъ имѣніи недалеко отъ Петербурга и могъ прибыть въ столицу въ 24 часа. Если бы эти два человѣка находились около императора Павла, онъ могъ бы нѣкоторое время въ полной безопасности продолжать еще свои причуды, которыя они постарались бы умѣрить и уменьшить; но, по всей вѣроятности, старанія ихъ остались бы напрасными, чтобы остановить жестокости, которыя онъ желалъ примѣнить къ нѣсколькимъ членамъ императорской фамиліи. Положеніе заговорщиковъ становилось дѣйствительно опаснымъ, и всякое промедленіе, всякое колебаніе угрожало теперь страшными бѣдствіями.

Въ виду всего этого выполненіе заговора было назначено въ ночь на 11-ое марта 1801 года. Вечеромъ въ тотъ же день князь Платонъ Зубовъ устроилъ большой ужинъ, на который были приглашены всѣ генералы и высшіе офицеры, взгляды которыхъ были хорошо извѣстны. Большинство изъ нихъ только въ этотъ вечеръ узнали всю суть дѣла, на которое имъ придется идти тотчасъ послѣ ужина. Надо сознаться, что такой способъ, несомнѣнно, слѣдуетъ считать наиболѣе удачнымъ для заговора: всѣ подробности его были извѣстны лишь двумъ-тремъ руководителямъ; всѣ же остальные участники этой драмы должны были узнать ихъ въ самый моментъ его выполненія, чѣмъ, естественно, лучше всего обезпечивались сохраненіе тайны и безопасность отъ случайнаго доноса.

За ужиномъ Платонъ Зубовъ сказалъ рѣчь, въ которой, описавъ плачевное положеніе Россіи вслѣдствіе сума-

ществія царствующаго государя, указывалъ на бѣдствія, угрожающія и государству, и каждому частному лицу. Онъ указалъ, что должно ожидать каждый часъ новыхъ выходокъ, на безразсудность разрыва съ Англіей, благодаря которому нарушаются жизненные интересы страны и ея экономическое благосостояніе; доказывалъ, что при такомъ положеніи нашей внѣшней политики балтійскимъ портамъ и самой столицѣ можетъ грозить неминуемая опасность, что, наконецъ, никто изъ присутствующихъ не можетъ быть увѣренъ въ личной безопасности, не зная, что его ожидаетъ на слѣдующій день. Затѣмъ онъ сталъ говорить о прекрасныхъ душевныхъ качествахъ великаго князя Александра, указывалъ на блестящую будущность Россіи подъ скипетромъ юнаго государя, подающаго такія надежды и на котораго славной памяти императрица Екатерина всегда смотрѣла, какъ на истиннаго своего преемника и которому она, несомнѣнно, передала бы имперію, если бы не внезапная ея кончина. Свою рѣчь Зубовъ закончилъ заявленіемъ, что великій князь Александръ, удрученный бѣдственнымъ положеніемъ родины, рѣшился спасти ее и что, такимъ образомъ, все дѣло сводится теперь лишь къ тому, чтобы низложить императора Павла, заставивъ его подписать отреченіе въ пользу наслѣдника престола. Провозглашеніе Александра, по словамъ оратора, спасетъ отечество и самого Павла отъ неминуемой гибели. Въ заключеніе Паленъ и Зубовы категорически заявили всему собранію, что настоящій проектъ вполнѣ одобренъ Александромъ. Они остереглись прибавить, сколько времени потребовалось, чтобы его склонить, и съ какой величайшей трудностью, съ какими смягченіями и ограниченіями онъ наконецъ согласился. Это послѣднее обстоятельство осталось въ тѣни, каждый, вѣроятно, объяснялъ его себѣ по-своему, не слишкомъ стараясь его выяснять или храня свою мысль про себя.

Короче, съ того момента, какъ всѣ убѣдились, что дѣйствуютъ по желанію Александра, болѣе не было колебаній.

Въ ожиданіи, бутылки шампанскаго переходили изъ рукъ въ руки и опустошались, головы закружились. Паленъ, оставившій на время собраніе, чтобы исполнить обязанности генералъ-губернатора, поѣхалъ во дворецъ и вскорѣ вернулся, принеся извѣстіе, что ужинъ въ Михайловскомъ замкѣ прошелъ спокойно, что императоръ, повидимому, ничего не подозрѣваетъ и разстался съ императрицей и великими князьями, какъ обыкновенно. Лица, бывшія во время ужина во дворцѣ, впослѣдствіи вспоминали, что Александръ, въ теченіе вечера, за столомъ, прощаясь съ отцомъ, не выказалъ при этомъ никакого волненія, несмотря на приближеніе событія, подготовленнаго для этой ночи, и жестоко обвиняли его въ безсердечіи и двоедушіи. Это глубоко несправедливо, такъ какъ въ послѣдующихъ моихъ бесѣдахъ съ императоромъ Александромъ послѣдній неоднократно разсказывалъ мнѣ совершенно искренно о своемъ ужасномъ душевномъ волненіи въ эти минуты, когда сердце его буквально разрывалось отъ горя и отчаянія. Да оно и не могло быть иначе, ибо въ такія минуты онъ не могъ не думать объ опасности, угрожавшей ему, его матери и всему семейству въ случаѣ неудачи заговора. Извѣстно, что оба великіе князя были всегда чрезвычайно сдержанны въ присутствіи отца, и эта привычка скрывать свои мысли и чувства, это вынужденное спокойствіе могутъ служить лучшимъ объясненіемъ того, что никто изъ присутствовавшихъ въ этотъ вечеръ не замѣтилъ той глубокой душевной борьбы, которая, несомнѣнно, происходила въ душѣ Александра.

У Зубовыхъ между тѣмъ, среди веселья, вызваннаго виномъ, и которое каждый передавалъ своему сосѣду, часы для нѣкоторыхъ изъ сообщниковъ протекли весьма быстро. Только главари заговора воздерживались, стараясь сохранить присутствіе духа, столь необходимое въ эти минуты, большинство же гостей были сильно навеселѣ, при чемъ нѣсколько человѣкъ уже едва держались на ногахъ. Наконецъ время, назначенное для исполненія за-

говора, наступило. Въ полночь всѣ встали изъ-за стола и двинулись въ путь. Заговорщики раздѣлились на двѣ шайки, въ каждой изъ которыхъ было до 60-ти генераловъ и офицеровъ. Первая группа, во главѣ которой находились братья Платонъ и Николай Зубовы и генералъ Бенигсенъ, направилась прямо къ Михайловскому замку, другая шайка подъ предводительствомъ Палена должна была проникнуть во дворецъ со стороны Лѣтняго сада. Плацъ-адъютантъ замка (капитанъ Аргамаковъ), знавшій всѣ ходы и выходы дворца по обязанности своей службы, шелъ во главѣ перваго отряда съ потайнымъ фонаремъ въ рукѣ и поднялся съ заговорщиками до входа въ уборныя государя, ведущія къ его почивальнѣ. Молодой лакей, который былъ дежурнымъ, не пропускалъ заговорщиковъ и сталъ звать на помощь. Защищаясь отъ наступавшихъ на него заговорщиковъ, онъ былъ раненъ и упалъ, обливаясь кровью. Между тѣмъ императоръ, заслышавъ крики и шумъ въ передней, проснулся, быстро всталъ съ кровати и направился къ двери, ведшей въ комнату императрицы, которая была завѣшена большой портьерой.

Къ несчастью для него, въ припадкѣ отвращенія къ своей женѣ онъ приказалъ запереть и забаррикадировать эту дверь; самаго ключа въ ней не было, потому ли, что Павелъ самъ вынулъ его, или кто-либо изъ его любимцевъ, враждебныхъ императрицѣ, имъ завладѣлъ, чтобы ему не пришла какъ-нибудь фантазія возвратиться къ ней. Въ самый этотъ моментъ крики, которые поднялъ вѣрный служитель, единственный защитникъ, который нашелся тогда въ моментъ величайшей опасности у самодержца, болѣе, чѣмъ когда-либо, вѣрившаго въ свое всемогущество и который, чтобы его обезпечить, окружился тройными стѣнами и караулами, криковъ, говорю я, этого единственнаго защитника было достаточно, чтобы внести ужасъ и смущеніе въ среду заговорщиковъ. Они остановились въ нерѣшительности на лѣстницахъ и стали совѣщаться. Шедшій во главѣ колонны князь Зубовъ

растерялся и уже хотѣлъ скрыться, увлекая за собою другихъ; но въ это время къ нему подошелъ генералъ Бенигсенъ и, схвативъ его за руку, сказалъ: «Какъ? Вы сами привели насъ сюда и теперь хотите отступать? Это невозможно, мы слишкомъ далеко зашли, чтобы слушаться вашихъ совѣтовъ, которые насъ ведутъ къ гибели. Жребій брошенъ, надо дѣйствовать. Впередъ!»—Слова я эти слышалъ впослѣдствіи отъ самого Бенигсена.

Такимъ образомъ, ганноверецъ Бенигсенъ, благодаря своей рѣшительности, сталъ во главѣ событія, имѣвшаго такое важное вліяніе на судьбы имперіи и европейской политики. А между тѣмъ онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые узнали о заговорѣ лишь въ этотъ самый день. Онъ рѣшительно становится во главѣ отряда, и наиболѣе смѣлые или наиболѣе озлобленные на Павла первые слѣдуютъ за нимъ. Они врываются въ спальню императора и идутъ прямо къ его кровати, но съ ужасомъ видятъ, что Павла уже нѣтъ. Тревога снова охватываетъ заговорщиковъ: они ходятъ по комнатѣ и со свѣчой ищутъ Павла. Наконецъ, злополучный монархъ найденъ за портьерой, куда онъ скрылся, заслышавъ шумъ. Его вытаскиваютъ оттуда въ рубашкѣ, ни живого, ни мертваго; воистину тогда ему воздали съ ужасающей лихвой за весь тотъ ужасъ, который только онъ когда-либо внушалъ. Страхъ леденитъ его чувства, отнимаетъ у него языкъ; онъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ; его помѣщаютъ на стулъ передъ его бюро. Длинная, худая, блѣдная, угловатая фигура генерала Бенигсена, со шляпой на головѣ и со шпагой въ рукѣ, должна была ему показаться ужаснымъ привидѣніемъ [1]). «Государь,—говоритъ ему генералъ,—вы мой плѣнникъ и вашему царствованію наступилъ конецъ; откажитесь отъ престола, напишите и подпишите

---

[1]) Обыкновенное выраженіе его лица было скорѣе пріятное и благожелательное. (Прим. авт.).

немедленно актъ отреченія въ пользу великаго князя Александра». Императоръ не былъ въ состоянін отвѣчать; ему вкладываютъ перо въ руку. Вѣроятно, актъ былъ приготовленъ за минуту до его отреченія, чтобы дать ему переписать; дрожащій и почти безъ сознанія, онъ готовъ повиноваться, но въ это время за дверью снова раздаются крики. Генералъ Бенигсенъ, принудивъ низложеннаго самодержца къ подписи, которую отъ него требовали, выходитъ, какъ онъ мнѣ часто повторялъ, чтобы освѣдомиться, что это за крики были слышны, возстановить порядокъ и принять необходимыя мѣры для безопасности императорскаго семейства, но едва онъ переступилъ порогъ, какъ произошла возмутительная сцена. Несчастный Павелъ остался одинъ среди толпы заговорщиковъ, окруженный людьми, которые пылали жаждою личнаго мщенія: одни за преслѣдованія, другіе за оказанныя имъ несправедливости, иные наконецъ за простые отказы на ихъ просьбы. Тутъ начались надъ нимъ возмутительныя издѣвательства со стороны этихъ людей, озвѣрѣвшихъ при видѣ жертвы, очутившейся въ ихъ власти. Возможно, что смерть его была заранѣе рѣшена наиболѣе мстительными и свирѣпыми заговорщиками. Ужасную развязку, повидимому, ускорили крики, раздавшіеся въ коридорѣ и вызвавшіе уходъ Бенигсена и которые наполнили заговорщиковъ, оставшихся въ аппартаментѣ, волненіемъ и страхомъ за самихъ себя. Графъ Николай Зубовъ, человѣкъ атлетическаго тѣлосложенія (и котораго, за его внѣшность, прозвали Алексѣемъ Орловымъ фамиліи Зубовыхъ), какъ говорятъ, первый наложилъ руку на своего государя и послѣ этого ничто уже не могло удержать разсвирѣпѣвшихъ заговорщиковъ. Теперь въ лицѣ Павла они видѣли только изверга, тирана, непримиримаго врага: его уничиженіе, его полное смиреніе никого не обезоруживаетъ и дѣлаетъ его въ ихъ глазахъ столь же презрѣннымъ и смѣшнымъ, сколь и ненавистнымъ.

Его бьютъ. Одинъ изъ заговорщиковъ, имени котораго я теперь не припоминаю, отвязалъ свой офицерскій шарфъ и накинулъ его на шею злополучнаго монарха. Послѣдній сталъ отбиваться и по естественному чувству самосохраненія, высвободивъ одну руку, просунулъ ее между шеей и охватывавшимъ ее шарфомъ, крича: «воздуху! воздуху!» Въ это время, увидавъ красный конно-гвардейскій мундиръ одного изъ заговорщиковъ и принявъ послѣдняго за сына своего Константина, императоръ въ ужасѣ закричалъ: «Ваше высочество, пощадите! воздуху! воздуху!» Но заговорщики схватываютъ руку Павла и затягиваютъ шарфъ съ безумной силой. Несчастный императоръ уже испустилъ послѣдній вздохъ, но озвѣрѣвшіе злодѣи продолжаютъ затягивать петлю и влекутъ безжизненное тѣло по комнатѣ, бьютъ его руками и ногами. Между тѣмъ болѣе трусливые, бросившіеся было къ выходу, снова возвращаются въ комнату, принимаютъ участіе въ убійствѣ и даже превосходятъ первоначальныхъ убійцъ своимъ звѣрствомъ и жестокостью. Генералъ Бенисенъ въ это время возвращается. Не знаю, насколько искренно было его негодованіе при видѣ всего, что произошло въ его отсутствіе, но онъ поспѣшилъ положить конецъ этой возмутительной сценѣ.

Между тѣмъ крики: «Павелъ болѣе не существуетъ!» распространяются среди другихъ заговорщиковъ, пришедшихъ позже, которые, не стѣсняясь, громко высказываютъ свою радость, забывъ о всякомъ чувствѣ приличія и человѣческаго достоинства. Они толпами ходятъ по коридорамъ и заламъ дворца, громко разсказываютъ другъ другу о своихъ подвигахъ, и нѣкоторые проникаютъ въ винные погреба, продолжая оргію, начатую въ домѣ Зубовыхъ, и пьютъ за упокой того, кто болѣе не существуетъ

Паленъ, во главѣ второй колонны заблудившійся, повидимому, со своимъ отрядомъ въ аллеяхъ Лѣтняго сада, прибылъ со своей шайкой во дворецъ, когда все уже было кончено. Говорили, что онъ умышленно опоздалъ съ тѣмъ,

чтобы въ случаѣ неудачи заговора выступить въ роли спасителя императора и при надобности арестовать своихъ единомышленниковъ. Какъ бы то ни было, какъ только онъ явился на мѣсто дѣйствія, онъ постарался выказать величайшую дѣятельность, отдавая постоянно необходимыя приказанія въ теченіе остальныхъ событій ночи, однимъ словомъ, ничего не упустилъ, чтобы отъ него не было отнято первенство и достоинство командованія предпріятіемъ, равно какъ усердіе, проворство и рѣшимость.

Изъ всего сказаннаго легко убѣдиться, насколько, несмотря на всѣ принятыя мѣры, судьба заговора была въ зависимости отъ цѣлаго ряда случайностей, благодаря которымъ все предпріятіе могло рушиться. Послѣдующія событія докажутъ справедливость этого предположенія.

Можно сказать, не ошибаясь, что заговоръ былъ составленъ при почти единодушномъ согласіи высшихъ классовъ общества и преимущественно офицеровъ. Но не то было среди солдатъ. Гнѣвныя выходки и строгости императора Павла обыкновенно обрушивались на сановниковъ и высшихъ чиновъ военнаго сословія. Чѣмъ выше было служебное положеніе лица, тѣмъ болѣе подвергалось оно опасности вызвать гнѣвъ государя, солдаты же рѣдко бывали въ отвѣтѣ. Напротивъ, положеніе ихъ было гораздо лучше, и нижніе чины послѣ вахтъ-парадовъ и смотровъ получали удвоенную пищу, порцію водки и денежныя награды. Истязанія офицеровъ и взысканія, которымъ они ежедневно подвергались, не были нисколько непріятны простому солдату; напротивъ, то служило въ нѣкоторомъ родѣ удовлетвореніемъ за палочные удары и дурное обращеніе, которые офицеры постоянно заставляли переносить солдатъ. Кромѣ того, гордости ихъ льстило важное положеніе, которое они занимали, потому что при Павлѣ было ли что-либо важнѣе парада, ученья, слишкомъ высоко поднятой ноги, худо застегнутой пуговицы? Солдаты съ удовольствіемъ видѣли, что ихъ императоръ, ихъ главный

цѣнитель, дождилъ наказаніями и строгостями на офицера, тогда какъ пользовался каждымъ случаемъ воздать войску полное воздаяніе за труды, бдѣнія и пытки, къ которымъ ихъ принуждали. Особенно въ гвардіи, среди которой было не мало женатыхъ, солдаты жили со своей семьей въ извѣстномъ довольствѣ и въ большинствѣ были преданы императору. Генералъ Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка, одинъ изъ видныхъ заговорщиковъ, человѣкъ, пользовавшійся любовью солдатъ, взялся доставить во дворецъ, въ ночь заговора, батальонъ командуемаго имъ полка. Послѣ ужина у Зубовыхъ онъ собралъ батальонъ и хотѣлъ обратиться къ солдатамъ съ рѣчью, въ которой объявилъ людямъ, что тягость и строгости ихъ службы скоро прекратятся, что наступаетъ время, когда у нихъ будетъ государь милостивый, добрый и снисходительный, при которомъ все пойдетъ иначе. Взглянувъ на солдатъ, онъ, однако, замѣтилъ, что слова его не произвели на нихъ благопріятнаго впечатлѣнія; всѣ хранили молчаніе, лица сдѣлались угрюмыми, и въ рядахъ послышался сдержанный ропотъ. Тогда генералъ прекратилъ упражненіе въ краснорѣчіи и суровымъ командным голосомъ сказалъ: «Полуоборотъ направо.—Маршъ!»—послѣ чего войска машинально повиновались его голосу. Батальонъ былъ приведенъ въ Михайловскій замокъ и занялъ всѣ его выходы.

Графъ Валеріанъ Зубовъ, потерявшій ногу во время Польской войны, не находился вмѣстѣ съ заговорщиками и прибылъ во дворецъ значительно позже, когда извѣстіе о смерти императора Павла уже распространилось. Онъ прошелъ въ одну изъ залъ, въ которой стоялъ пѣхотный караулъ, и захотѣлъ убѣдиться въ настроеніи солдатъ. Онъ подошелъ къ караулу и поздравилъ солдатъ съ новымъ молодымъ государемъ. Но это привѣтствіе было худо встрѣчено, и графъ поспѣшилъ удалиться, не желая подвергнуться враждебнымъ манифестаціямъ.

Всѣ эти подробности указываютъ на то, что императору Павлу было бы легко справиться съ заговорщиками, если бы ему удалось вырваться изъ ихъ рукъ хотя на минуту и показаться войскамъ. Найдись хоть одинъ человѣкъ, который явился бы отъ его имени къ солдатамъ—онъ былъ бы, быть можетъ, спасенъ, а заговорщики арестованы. Весь успѣхъ заговора заключался въ быстротѣ его выполненія. Это доказываетъ также, насколько труднымъ и неосуществимымъ являлся планъ Александра взять императора подъ опеку. Останься Павелъ живъ, кровь полилась бы на плахахъ, полъ-Россіи сослано было бы въ Сибирь, и весьма вѣроятно, что необузданный гнѣвъ его распространился бы и на членовъ собственнаго его семейства.

Посмотримъ теперь, что происходило въ эту ужасную ночь въ той части дворца, гдѣ помѣщалось императорское семейство. Великому князю Александру уже было извѣстно, что въ эту ночь отцу его будетъ предложено отреченіе отъ престола. Взволнованный разнообразными чувствами, переживая жесточайшія душевныя муки, великій князь не раздѣваясь бросился на постель. Ночью, въ началѣ перваго часа раздался стукъ въ его дверь, и на порогѣ появился Николай Зубовъ, всклокоченный, съ диким, блуждающимъ взоромъ, съ лицомъ, измѣнившимся подъ вліяніемъ вина и только что совершеннаго злодѣянія, въ безпорядочномъ костюмѣ. Онъ подошелъ къ великому князю и глухимъ голосомъ сказалъ: «Все совершено».—«Что такое? Что совершилось?»—спросилъ съ испугомъ Александръ. Великій князь плохо слышалъ и, быть можетъ, боялся понять эти слова; съ своей стороны, Зубовъ тоже не рѣшался высказать прямо, что совершилось. Это нѣсколько продолжило объясненіе. Великій князь былъ такъ далекъ отъ мысли о смерти отца, что не допускалъ даже возможности такого исхода. Наконецъ, онъ обратилъ вниманіе, что въ разговорѣ Зубовъ, не изъясняясь прямо, все время называлъ его «государь» и

«ваше величество»... Тогда наконецъ Александръ (разсчитывавшій быть только регентомъ имперіи) понялъ ужасную истину и предался самой искренней неудержимой печали.

Слѣдуетъ ли этому удивляться? Величайшіе честолюбцы и тѣ не могутъ совершить преступленіе или считать себя его виновниками безъ ужаса и содроганія, а вѣдь Александръ въ то время былъ чуждъ всякаго честолюбія, да и впослѣдствіи никогда не проявлялъ его. Мысль, что онъ даже косвенно является виновникомъ смерти отца, была для него острымъ мечомъ, терзавшимъ его чувствительное сердце сознаніемъ, что это будетъ вѣчнымъ укоромъ и ляжетъ чернымъ пятномъ на его репутацію.

Между тѣмъ шумъ возмущенія и покушенія на жизнь Павла дошелъ до аппартаментовъ императрицы. Она быстро встала съ кровати и наскоро одѣвалась. Извѣстіе о совершившемся преступленіи повергло ее въ ужасъ, горе и отчаяніе, сожалѣніе къ ея супругу, смѣшанныя съ опасеніями за собственную участь. Несомнѣнно, что многія императрицы и вообще иностранныя принцессы, занесенныя судьбою въ Россію, не могли иногда не думать въ глубинѣ души о возможности вступленія на престолъ при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ. Императрица Марія Ѳеодоровна предстала передъ заговорщиками сильно взволнованною, и крики ея раздавались въ коридорахъ, прилегающихъ къ ея аппартаментамъ. Увидавъ гренадеръ, она направилась къ нимъ и сказала, повторивъ нѣсколько разъ: «Что же, разъ нѣтъ болѣе императора, который палъ жертвою злодѣевъ-измѣнниковъ, то теперь я ваша императрица, я одна ваша законная государыня! Защищайте меня и слѣдуйте за мною!» Генералъ Бенигсенъ и графъ Паленъ, которые привели во дворецъ преданный имъ отрядъ войскъ, съ большимъ трудомъ уговорили императрицу вернуться въ ея аппартаменты. Едва войдя, она пожелала выйти, несмотря на караулъ, помѣщенный у ея дверей. Императрица, подъ вліяніемъ охватившаго ее

волненія, пыталась однако не щадить никакихъ мѣръ воздѣйствія на войска, чтобы добиться престола и отомстить за смерть своего супруга. Но ни въ ея внѣшности, ни въ характерѣ не было тѣхъ качествъ, которыя дѣйствуютъ на людей и увлекаютъ на подвиги и отважныя рѣшенія. Какъ женщина и императрица, она пользовалась всеобщимъ уваженіемъ, но ея отрывистыя фразы, ея русская рѣчь съ довольно сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ не произвели должнаго впечатлѣнія на солдатъ, и часовые молча скрестили передъ ней ружья. Тогда, поборовъ свое волненіе, она удалилась въ свою комнату, предавшись безмолвному горю.

Мнѣ никогда не удалось узнать подробностей о первомъ свиданіи Александра съ матерью послѣ катастрофы [1]). Что они говорили? Какое объясненіе произошло между ними по поводу происшедшихъ ужасныхъ событій? Несомнѣнно, что впослѣдствіи они поняли другъ друга, но въ эти первыя ужасныя минуты императоръ Александръ, подавленный всѣмъ тѣмъ, что ему пришлось пережить, былъ почти не въ силахъ высказать что бы то ни было. Съ другой стороны, императрица-мать дошла до высшей степени экзальтаціи, сожалѣнія и раздражительности, утерявъ всякое чувство самообладанія и разсудительности.

Въ эти тяжелыя для всей царской семьи минуты, среди царившей во дворцѣ сумятицы, молодая императрица Елизавета была, по отзывамъ всѣхъ очевидцевъ, единственнымъ лицомъ, сохранившимъ спокойствіе и полное присутствіе духа. Впослѣдствіи императоръ Александръ не разъ вспоминалъ объ этомъ. Нѣжная и любящая, она утѣшала Александра, поддерживая его мужество и самообладаніе. Она не покидала его всю эту ночь и отлучалась только на время, чтобы успокоить вдовствующую императрицу, уговаривая ее оставаться въ своихъ аппар-

---

[1]) Свиданіе это довольно подробно описано въ «Запискахъ Саблукова».

таментахъ, сдерживая ея порывы, указывая на печальныя послѣдствія, могущія произойти отъ излишняго неосторожнаго слова въ такое время, когда заговорщики, опьяненные успѣхомъ, наполняли всѣ залы и властвовали во дворцѣ. Словомъ, въ эту ночь, полную ужаса и тревоги, императрица Елизавета являлась умиротворительницей, примиряющей властью, авторитетъ которой признавался всѣми, настоящимъ ангеломъ утѣшителемъ и посредникомъ между супругомъ, вдовствующей государыней и заговорщиками.

Въ первое время царствованія императоръ Александръ находился въ ложномъ, крайне затруднительномъ и тяжеломъ положеніи, рядомъ съ убійцами своего отца. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ чувствовалъ себя какъ бы въ ихъ власти, не рѣшаясь дѣйствовать во всемъ вполнѣ самостоятельно. И это не изъ чувства страха или опасеній, а благодаря присущему ему чувству справедливости, которое и впослѣдствіи помѣшало ему предать суду наиболѣе виновныхъ изъ нихъ. Александръ зналъ, что мысль о заговорѣ сложилась въ умахъ чуть ли не съ первыхъ дней царствованія Павла, но что она осуществилась лишь съ того момента, когда имъ стало извѣстно о согласіи наслѣдника престола. Какимъ же образомъ могъ онъ принять строгія мѣры, когда это согласіе, хотя бы и вынужденное и условное, было все-таки дано имъ? Какъ долженъ будетъ поступить судъ, выдѣляя главныхъ дѣятелей отъ менѣе виновныхъ? Это замѣшало бы всѣхъ высшихъ представителей арміи, гостиныя обѣихъ столицъ, всѣхъ оберъ-офицеровъ гвардіи. Почти все петербургское общество было замѣшано въ этомъ дѣлѣ. Какъ установить по закону различіе этой отвѣтственности между лицами, принявшими непосредственное участіе въ убійствѣ, и тѣмъ, кто желалъ только отреченія? Заставить Павла подписать отреченіе—не есть ли это уже насиліе надъ его личностью, допускающее само по себѣ возможность, въ случаѣ сопротивленія и борьбы, поднять на него руку?

Если бы цареубійцы одни привлечены были къ суду, они обличили бы и указали бы другихъ заговорщиковъ, и, какъ средство защиты, не преминули бы указать на согласіе, данное великимъ княземъ.

Вотъ почему едва ли справедливы тѣ, кто осуждалъ императора Александра за то, что онъ немедленно не предалъ суду лицъ, принимавшихъ ближайшее участіе въ этомъ преступленіи, вопреки ясно выраженной имъ волѣ. При томъ же онъ долгое время не зналъ ихъ именъ, которыя естественно отъ него скрывали. Никто изъ заговорщиковъ не хотѣлъ ихъ выдать, такъ какъ, въ качествѣ ихъ сообщниковъ и единомышленниковъ, они сознавали грозившую имъ всѣмъ опасность. Александру лишь черезъ нѣсколько лѣтъ постепенно удалось узнать имена этихъ лицъ, которыя частью сами удалились со сцены, частью же были сосланы на Кавказъ при содѣйствіи весьма многочисленныхъ ихъ соучастниковъ, сохранившихъ свои мѣста и положеніе. Всѣ они умерли несчастными, начиная съ Николая Зубова, который, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Александра, умеръ вдали отъ двора, не смѣя появляться въ столицѣ, терзаемый болѣзнью, угрызеніями совѣсти и неудовлетвореннымъ честолюбіемъ. Соображая въ цѣломъ всѣ эти обстоятельства, остается признать, что императоръ Александръ, въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находился, не могъ иначе дѣйствовать, хотя его мать и не прекращала своихъ настояній. Въ невозможности относительно этого рокового и отвратительнаго дѣла идти прямымъ, публичнымъ и законнымъ путемъ, онъ слѣдовалъ импульсу своихъ личныхъ чувствъ. Онъ возненавидѣлъ тѣхъ, которые первые его побудили, хотя и условно, дать согласіе на заговоръ. Онъ не переставалъ разыскивать истинныхъ убійцъ своего отца, и довольствовался тѣмъ, что они кончили въ презрѣніи и неизвѣстности жизнь на Кавказской линіи или въ какой-либо отдаленной части арміи. Казалось, само Небо желало удовлетворить его правосудіе, ускоряя ихъ

конецъ. Александръ уступалъ постояннымъ настояніямъ императрицы-матери, безпощадность которой не переставала преслѣдовать тѣхъ, кто былъ замѣченъ въ выполненіи заговора.

Генералъ Бенигсенъ никогда не вернулся ко двору. Должность литовскаго генералъ-губернатора, которую онъ занималъ, была передана Кутузову. Только въ концѣ 1806 года военныя дарованія Бенигсена побудили императора Александра снова призвать его къ дѣятельности и поставить во главѣ арміи, сражавшейся подъ Прейсишъ-Эйлау и Фридландомъ.

Князь Платонъ Зубовъ, официальный руководитель заговора, не добился, несмотря на всѣ свои старанія, никакой высшей должности въ управленія и, сознавая, насколько его присутствіе непріятно императору Александру, поспѣшилъ удалиться въ свои помѣстья, пытаясь, поздней женитьбой на миловидной полькѣ, найти недостающее благополучіе. Затѣмъ онъ предпринялъ заграничное путешествіе, долго странствовалъ и умеръ, не возбудивъ ни въ комъ сожалѣній.

Я уже упомянулъ выше, какимъ образомъ былъ удаленъ графъ Паленъ. То же произошло и съ графомъ Паниным. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по восшествіи на престолъ, незадолго до коронаціи, императоръ Александръ отнялъ у него портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Эти главные руководители и вдохновители всего заговора были поставлены подъ надзоръ высшей военной полиціи и получили приказаніе не только не показываться при дворѣ, но никогда не появляться даже вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ будетъ находиться императоръ. Карьера ихъ была навсегда закончена и обоимъ имъ пришлось навсегда отказаться отъ государственной дѣятельности, которая между тѣмъ была ихъ стихіей, и закончить существованіе въ одиночествѣ и полномъ забвеніи.

Если принять во вниманіе всѣ эти обстоятельства, то легко убѣдиться, что императоръ Александръ

въ его положеніи не могъ поступить иначе по отношенію къ заговорщикамъ, несмотря на увѣщанія своей матери.

Эта форма наказанія, избранная для нихъ Александромъ, была имъ наиболѣе чувствительна, но несомнѣнно и то, что болѣе всѣхъ наказалъ онъ себя самого, какъ бы умышленно терзая себя упреками совѣсти, вспоминая объ этомъ ужасномъ событіи въ теченіе всей своей жизни. Приближалось время коронованія Въ концѣ августа 1801 года дворъ и высшія власти Петербурга переѣхали въ Москву. Здѣсь среди величественныхъ церемоній, празднествъ и увеселеній, среди трогательныхъ проявленій народной любви и восторга, воображенію Александра невольно представлялся образъ его отца, еще недавно съ тою же торжественностью всходившаго на ступени трона, вскорѣ обагреннаго его кровью и его обезображеннымъ тѣломъ. Пышная обстановка коронаціонныхъ торжествъ, съ ея блестящимъ ореоломъ самодержавной власти, не только не прельщала Александра, но еще болѣе растравила его душевную рану. Я думаю, что онъ въ эти минуты былъ особенно несчастенъ. Цѣлыми часами оставался онъ въ безмолвіи и одиночествѣ, съ блуждающимъ взоромъ, устремленнымъ въ пространство, и въ такомъ состояніи находился почти въ теченіе многихъ дней, не допуская въ себѣ почти никого.

Я былъ въ числѣ тѣхъ немногихъ лицъ, съ которыми онъ видѣлся болѣе охотно въ эти тяжелыя минуты, тѣмъ болѣе, что съ давнихъ поръ онъ дѣлился съ мною самыми тайными, сокровенными мыслями и довѣрялъ свое горе. Онъ даже мнѣ, болѣе чѣмъ кому-либо другому, разрѣшалъ входить къ нему въ кабинетъ, когда онъ предавался болѣзненному упадку духа, этимъ безнадежнымъ угрызеніямъ; порою я прерывалъ запрещеніе входить, когда ужасныя размышленія продолжались слишкомъ долго; я старался по мѣрѣ силъ влять на его душевное состояніе и призывать его къ бодрости, напоминая о лежащихъ

на немъ обязанностяхъ. Александръ почиталъ ихъ тяжкимъ урокомъ, который должно выполнять, но сила, чрезмѣрность его угрызеній, его строгость къ самому себѣ отнимали у него всякую энергію. На мои увѣщанія, на слова ободренія и надежды, которыя я къ нему обращалъ, онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, это невозможно, противъ этого нѣтъ лекарства; я долженъ страдать; какъ вы хотите, чтобы я пересталъ страдать? Это нельзя измѣнить».

Всѣ близкіе къ нему люди, видя его въ такомъ состояніи, стали опасаться за его душевное равновѣсіе, и такъ какъ я былъ единственный человѣкъ, который могъ говорить съ нимъ откровенно, то меня часто просили навѣщать его. Смѣю думать, что усилія мои повліяли благотворно на его душевное состояніе и что многіе мои доводы поддержали его и не дали ему упасть подъ тяжестью мысли, которая его преслѣдовала. Нѣсколько лѣтъ спустя, великія событія, въ которыхъ императоръ Александръ игралъ такую выдающуюся и славную роль, доставили ему успокоеніе и въ теченіе нѣкотораго времени поглотили все его вниманіе и вызвали кипучую дѣятельность. Но я убѣжденъ, что еще позднѣе та же мрачная идея снова завладѣла имъ, вызвала въ немъ къ концу его дней такой упадокъ, такое отвращеніе къ жизни и повергла въ набожность, быть можетъ, преувеличенную, но все-таки единственно способную поддержать всякаго человѣка въ самыхъ глубокихъ его скорбяхъ.

Во время неоднократныхъ бесѣдъ нашихъ о событіи 11 марта Александръ не разъ говорилъ мнѣ о своемъ желаніи облегчить, насколько возможно, участь отца послѣ его отреченія Онъ хотѣлъ предоставить ему въ полное распоряженіе его любимый Михайловскій замокъ, въ которомъ низверженный монархъ могъ бы найти спокойное убѣжище и пользоваться комфортомъ и покоемъ. Въ его распоряженіе хотѣлъ отдать обширный паркъ для прогулокъ и верховой ѣзды, хотѣлъ выстроить для него манежъ и театръ—словомъ, доставить ему все, что могло бы въ

той или иной формѣ скрасить и облегчить его существование. Онъ судилъ о немъ по себѣ самому.

Въ благородномъ и великодушномъ характерѣ Александра было, однако, что-то женственное, со всѣми качествами и недостатками этихъ натуръ. Онъ часто созидалъ въ воображеніи проекты, которые ему нравились и которые было невозможно согласовать съ дѣйствительностью. На идеальномъ основаніи онъ въ фантазіи воздвигалъ законченныя построенія, которыя не переставалъ тщательно совершенствовать. Ничего нельзя найти болѣе практически неосуществимаго, какъ романъ, который вообразилъ себѣ Александръ относительно способа, помощью котораго онъ сдѣлаетъ своего отца счастливымъ, лишивъ его короны и возможности мучить и разорять страну. Въ Россіи это еще неосуществимѣе, нежели гдѣ бы то ни было. Александръ былъ тогда не только юнъ и неопытенъ, но полонъ почти еще довѣрчивой и слѣпой неопытности дѣтства и эти черты первоначальнаго его характера изгладились лишь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ реальной жизни.

Я счелъ необходимымъ ничего не умалчивать о печальной катастрофѣ, которою началось царствованіе Александра, считая это лучшимъ средствомъ воздать должную справедливость этому монарху, о которомъ стоустая молва распространила множество слуховъ, незаслуженно пятнающихъ его память. Простая безыскусственная правда, чуждая всякихъ прикрасъ, обѣляетъ его отъ этого возмутительнаго обвиненія и лучше всего объясняетъ, какимъ образомъ онъ былъ вовлеченъ въ дѣйствіе, совершенно противное его образу мыслей, его наклонностямъ, а также причину, почему онъ не наказалъ болѣе строго людей, къ которымъ питалъ органическое отвращеніе.

Чтобы оправдать память императора Александра отъ столь ужаснаго возмутительнаго пятна, я рѣшилъ лишь описать съ полной правдивостью его совершенную неопытность и полное отсутствіе честолюбія, благодаря которому онъ стремился избѣгать престола, чѣмъ добиваться

царскаго вѣнца. Если уяснить себѣ всѣ эти многообразныя причины, приведшія къ развязкѣ, которой онъ не предполагалъ, и которая, разъ совершившись, причинила ему столько мученій, и которую онъ оплакивалъ всю жизнь, безпристрастный читатель, несомнѣнно, придетъ къ заключенію, что, по всей справедливости, можно только жалѣть объ Александрѣ, но не предъявлять къ нему столь тяжкаго и несправедливаго обвиненія.

Примѣчаніе послѣ прочтенія нѣсколькихъ мемуаровъ и «Исторіи консульства и имперіи» Тьера

Записка г. Ланжерона о смерти императора заключаетъ истину, но чтобы получить полную истину, необходимо добавить тѣ доводы и средства, къ которымъ прибѣгли Панинъ и Паленъ, чтобы получить отъ великаго князя Александра согласіе на вынужденное отреченіе его отца

Согласіе это было получено ими послѣ продолжительной борьбы и послѣ формальнаго и торжественнаго обѣщанія не причинять никакого зла императору Павлу. Необходимо также указать на искреннюю скорбь Александра при извѣстіи о гибели отца.

Эта скорбь продолжалась многіе годы и была настолько сильна, что заставила опасаться за здоровье императора Александра. Угрызенія, которыя его преслѣдовали, позднѣе были причиной его влеченія къ мистицизму.

Императоръ Александръ не могъ простить Панину и Палену, что они вовлекли его въ поступокъ, который онъ считалъ несчастіемъ всей своей жизни. Оба они навсегда были удалены отъ двора и не смѣли показаться на глаза государю.

Императоръ Александръ не наказалъ второстепенныхъ участниковъ заговора потому, что они имѣли въ виду лишь отреченіе Павла, необходимое для блага имперіи. Онъ не считалъ себя въ правѣ карать ихъ, ибо почи-

талъ себя столь же виновнымъ, какъ и они. Что касается ближайшихъ участниковъ убійства, то имена ихъ долгое время были ему неизвѣстны, и онъ узналъ ихъ только черезъ нѣсколько лѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ (какъ, напримѣръ, графъ Николай Зубовъ) къ этому времени уже умерли, другіе же были сосланы на Кавказъ, гдѣ и погибли.

Не должно удивляться тому, что содержатъ писанія г. де-ла-Рошъ-Аймонъ. Когда стало извѣстнымъ, что Павелъ убитъ, всѣ, участвовавшіе въ заговорѣ, и большинство которыхъ пило, чтобы придать себѣ храбрости, разсыпались по дворцу и по столицѣ, и разсказывали, чтобы выдвинуть самихъ себя на первый планъ, много вздора. То былъ великій скандалъ.

ЗАПИСКИ БАРОНА ГЕЙКИНГА.

ЗАПИСКИ УЧАСТН. И СОВРЕМЕН

Записки барона Гейкинга были изданы въ 1886 году на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Изъ дней императора Павла. Записки курляндскаго дворянина» (Aus den Tagen Kaiser Pauls, Aufzeihnungen eines Kurlandichen Edelmans Leipzig 1886).

Гейкингъ былъ женатъ на дочери начальницы общества благородныхъ дѣвицъ (Смольный институтъ) Лафонъ, которая пользовалась особеннымъ расположеніемъ и уваженіемъ великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳеодоровны Гейкингъ, занимавшій мѣсто предсѣдателя суда въ Митавѣ, ѣздилъ въ Петербургъ къ тещѣ, имѣлъ случай неоднократно встрѣчаться у нея съ великимъ княземъ и умѣлъ заслужить его благоволеніе. Тотчасъ по восшествіи своемъ на престолъ, императоръ Павелъ вызвалъ его въ Петербургъ и сдѣлалъ сперва сенаторомъ, а потомъ предсѣдателемъ юстицъ-коллегіи, но въ концѣ 1798 г. Гейкингъ впалъ въ немилость, былъ уволенъ въ отставку и высланъ обратно въ Митаву.

Записки его были переведены и напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1887 года, но съ исключеніемъ послѣдней (пятой) главы, гдѣ разсказывается о смерти Павла Подробности этого событія Гейкингъ слышалъ отъ участниковъ и современниковъ, такъ какъ черезъ нѣсколько дней по кончинѣ Павла пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о пенсіи, въ которой ему было отказано государемъ при его увольненіи.

Желая объяснить непостижимый образъ дѣйствія, котораго нашъ бѣдный государь придерживался въ теченіе

нѣсколькихъ послѣднихъ мѣсяцевъ, пожалуй, немудрено даже соблазниться ученіемъ Мани [1]) и признать его справедливымъ Добро и зло чередовались, смѣняя другъ друга въ продолженіе какого-нибудь часа; доброта и варварство диктовали ему въ одинъ и тотъ же день приказы, въ принципѣ какъ нельзя болѣе противорѣчившіе одинъ другому. Не успѣешь, бывало, похвалить какое-нибудь мудрое и справедливое мѣропріятіе, какъ приходитъ вѣсть, что все, заслуживпее ваше одобреніе, уже разрушено.

Чтобы разгадать эту загадку, я предлагаю здѣсь читателю свою гипотезу; онъ можетъ отвергнуть ее, если ему удастся найти другую, болѣе соотвѣтствующую характеру Павла. По моему мнѣнію, всякій его добрый поступокъ совершался подъ вліяніемъ сердечной теплоты и перваго непосредственнаго чувства, тогда какъ все, отмѣченное печатью жестокости, внушалось ему косвеннымъ образомъ извнѣ и было прежде всего порожденіемъ зависти, ненависти и желанія выставить напоказъ живѣйшую заботливость о его личности окружающихъ; затѣмъ, этимъ же путемъ стремились ускорить кризисъ, необходимость котораго становилась все неизбѣжнѣе. И дѣйствительно, въ силу своего коварства и своей пронырливости, интриганы не видѣли другого средства для своего спасенія, какъ совершеніе новаго преступленія.

Но обратимся къ фактической сторонѣ дѣла. Поверхностные наблюдатели были въ восторгѣ, видя, что такіе люди, какъ Румянцовъ и Державинъ, появились опять въ совѣтѣ, что Нелединскій изъ ссылки возвратился въ Сенатъ и что офицеры начали массами занимать опять свои прежнія мѣста. Но перемѣна эта осуществилась съ слишкомъ большой поспѣшностью и охватила безъ всякаго разбора черезчуръ большое число лицъ. Всякому мыслящему человѣку невольно долженъ былъ напрашиваться

---

[1]) Мани (Mani—Manes)—основатель дуалистическаго ученія Манихеевъ (215—276 по Р Хр.). Прим. переводч.

вопросъ: въ чемъ же заключается тайная цѣль такой удивительной мѣры?

И дѣйствительно, какъ согласовать неразумную смѣлость, проявившуюся въ томъ, что государь окружилъ себя недовольными людьми, съ милліономъ мелочныхъ мѣропріятій, свидѣтельствовавшихъ о его страхѣ и душевной тревогѣ? Какъ могло случиться, что Павелъ угрожалъ Англіи неизбѣжной войной, что онъ конфисковалъ имущество англичанъ, которые, по его мнѣнію, составили противъ него заговоръ, и въ то же время взялъ себѣ въ кухарки англичанку, жившую съ его разрѣшенія почти рядомъ съ нимъ? Если всѣ эти адскія комбинаціи и не привели къ желанному результату, то онѣ, тѣмъ не менѣе, указываютъ на постоянство, съ которымъ преслѣдовался планъ, и объясняютъ (до нѣкоторой степени) неподдающееся опредѣленію поведеніе императора.

Значеніе Кутайсова—этого столь необходимаго враждебной коалиціи человѣка—возрастало съ каждымъ днемъ, то же слѣдуетъ сказать и о Паленѣ. Общество видѣло съ негодованіемъ прежняго камердинера въ званіи оберъ-шталмейстера высочайшаго двора и кавалера ордена Андрея Первозваннаго. Любовница его (Кутайсова), актриса Шевалье, окончательно подчинила его своему вліянію и властно повелѣвала имъ. Она не замедлила открыто заняться торговлей чинами, должностями и имѣньями. Весьма вѣроятно, что, благодаря ея интригамъ, г-жѣ Курвильонъ удалось добиться изгнанія (изъ Россіи) Людовика XVIII. Такъ какъ она покровительствовала французской системѣ, то англійская партія держалась въ сторонѣ, но возможно, что она не бездѣйствовала.

Въ то время Павелъ былъ занятъ исключительно отдѣлкой своего Михайловскаго замка. При постройкѣ его работы производились безпрерывно — день и ночь. Стѣны были еще пропитаны такой сыростью, что съ нихъ всюду лила вода; тѣмъ не менѣе, онѣ были уже покрыты великолѣпными обоями. Врачи попытались было убѣдить импе-

ратора не поселяться въ новомъ замкѣ; но онъ обращался съ ними, какъ съ слабоумными,—и они пришли къ заключенію, что тамъ можно жить. Зданіе это прежде всего должно было послужить монарху убѣжищемъ въ случаѣ попытки осуществить государственный переворотъ. Канавы, подъемные мосты и цѣлый лабиринтъ коридоровъ, въ которомъ было трудно оріентироваться, повидимому, дѣлали всякое подобное предпріятіе невозможнымъ. Впрочемъ, Павелъ вѣрилъ, что онъ находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ архангела Михаила, во имя котораго были построены какъ церковь, такъ и самый замокъ.

Императрица схватила въ сырыхъ покояхъ лихорадку, но не смѣла жаловаться на это; а какъ великій князь Александръ, такъ и весь дворъ страдали сильнымъ ревматизмомъ. Одинъ лишь Павелъ былъ здоровъ и чувствовалъ себя хорошо, посвящая все свое время исключительно убранству этого зданія, не предчувствуя при этомъ, что онъ украшаетъ свою могилу.

Онъ разссорился почти со всѣми европейскими державами, графъ Ростопчинъ былъ уволенъ имъ потому, что попытался смягчить нѣкоторыя выраженія въ письмѣ, продиктованномъ ему Павломъ къ англійскому королю. Неизвѣстно, было ли это обстоятельство истинной причиной его увольненія, или лишь поводомъ. Паленъ былъ назначенъ главноуправляющимъ почтъ и сдѣлался, такимъ образомъ, обладателемъ всѣхъ государственныхъ и частныхъ тайнъ. Съ этого момента онъ могъ руководить рѣшеніями государя согласно собственному желанію [1]), такъ

---

[1]) Этимъ путемъ онъ спасъ Кутайсова, котораго государь внезапно рѣшилъ прогнать. Императору обыкновенно приносили извлеченія изъ депешъ иностранныхъ посланниковъ, которыя вскрывали прежде, чѣмъ отправить ихъ по назначенію. Сочинили подложную депешу, въ которой шведскій посланникъ будто бы писалъ своему монарху слѣдующее: «Дурно освѣдомленное общество думаетъ, что государь уволитъ своего вѣрнаго слугу—Кутайсова, но его величество слишкомъ прони-

какъ Павелъ дѣйствовалъ всегда подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія. Паленъ могъ теперь, путемъ непосредственных предписаній губернаторамъ, задерживать въ пути кого бы то ни было. Онъ, наконецъ, достигъ того положенія, благодаря которому всякое предпріятіе сулило ему полную удачу. И онъ не терялъ больше времени. Онъ сообщилъ свой планъ Зубовымъ, снѣдаемымъ честолюбіемъ и ненавистью къ Павлу; разжегъ чувство мести въ князѣ Яшвилѣ [1]), Чичеринѣ, Талызинѣ, Уваровѣ, Тагариновѣ и другихъ. Чтобы заручиться основаніемъ представить необходимость заговора въ еще болѣе яркихъ краскахъ, онъ нашелъ средство внушить государю страхъ передъ императрицей и великимъ княземъ Александромъ, вслѣдствіе этого Павелъ въ одинъ прекрасный день на парадѣ сталъ избѣгать близости своихъ сыновей и заперъ на ключъ дверь своей спальни, ведшую въ покои императрицы.

Какъ ни старались скрыть всѣ нити заговора, но генералъ-прокуроръ Обольяниновъ, повидимому, все-таки заподозрѣлъ что-то. Онъ косвеннымъ путемъ увѣдомилъ государя, который заговорилъ объ этомъ со своимъ любимцемъ Кутайсовымъ; но послѣдній увѣрялъ, что это просто коварный доносъ, пущенный кѣмъ-нибудь, чтобы выслужиться. Съ цѣлью усыпить Кутайсова (еще больше), Паленъ приказалъ Шевалье неустанно осаждать его, содѣйствовалъ пожалованію ему великолѣпныхъ курляндскихъ имѣній Альтъ и Ней-Раденъ и посовѣтовалъ ему ни на минуту не покидать Павла, чтобы имѣть возможность сообщать ему, Палену, каждое слово императора, даже сказанное имъ хотя бы случайно.

цателенъ, чтобы не знать, что онъ въ отношеніи личной къ нему привязанности незамѣнимъ». Государь, обманутый этой хитростью, обнялъ Кутайсова и оставилъ его при себѣ.—Самъ Паленъ разсказалъ этотъ анекдотъ въ обществѣ, состоявшемъ изъ 7—8 лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и я.

[1]) Увѣряютъ, что государь въ запальчивости побилъ его.

Вѣроятно, этимъ путемъ узналъ онъ, что государь приказалъ Аракчееву явиться какъ можно скорѣе въ Петербургъ. Боясь, что эго дѣлается, чтобы замѣнить его, онъ отдалъ тайный приказъ всячески задерживать Аракчеева въ дорогѣ и ускорилъ на два дня осуществленіе своего плана, который онъ сообщилъ генералу Бенигсену. Послѣдній явился было къ нему съ требованіемъ (заграничнаго) паспорта и, вѣроятно, выразилъ при этомъ нѣкоторое чувство обиды по поводу манеры государя обращаться съ офицерами. Паленъ воспользовался удачнымъ моментомъ, чтобы вовлечь Бенигсена въ заговоръ; послѣ получасовой бесѣды послѣдній возвратился въ канцелярію и заявилъ тамъ, что паспорта ему не нужно въ виду того, что онъ рѣшилъ отложить свой отъѣздъ на нѣсколько дней.

Осуществленіе переворота было назначено въ ночь съ четверга на пятницу, но когда Паленъ явился въ понедѣльникъ къ государю съ рапортомъ, Павелъ сказалъ ему рѣзкимъ тономъ: «Вы не знаете ничего новаго?» —«Нѣтъ, ваше величество».—«Хорошо, въ такомъ случаѣ я сообщу вамъ, что что-то затѣвается». Опустивъ глаза на бумаги, которыя онъ держалъ въ рукахъ [1]), Паленъ выгадалъ нѣсколько секундъ, чтобы овладѣть собою, послѣ чего отвѣтилъ улыбаясь: «Если что-нибудь и затѣвается, то я долженъ быть освѣдомленъ объ этомъ, я самъ долженъ быть участникомъ. Слѣдовательно, вы, ваше величество, можете не безпокоиться. Впрочемъ, ваше величество могли бы уполномочить меня арестовать безразлично всякаго по моему усмотрѣнію, если бъ я счелъ эго необходимымъ».—«Конечно, я васъ уполномочиваю на это, даже въ томъ случаѣ, если бъ пришлось арестовать великаго князя или императрицу».—«Соблаговолите, ваше величество, дать мнѣ этотъ

[1]) Большая часть этихъ подробностей сообщена самимъ Паленомъ. Онъ, между прочимъ, сказалъ: «Если бы Павель положилъ мнѣ руку на сердце, то онъ открылъ бы все; но чело мое не омрачилось, и это спасло меня, благодаря бумагамъ, которыя были у меня въ рукахъ».

приказъ письменно, такъ какъ я напалъ на слѣдъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, о которыхъ я доложу вашему величеству завтра достовѣрныя свѣдѣнія».

Государь написалъ приказъ, и Паленъ удалился съ спокойнымъ видомъ, хотя и сильно взволнованный, онъ увѣдомилъ заговорщиковъ, что нельзя терять ни минуты Князь Зубовъ взялся объявить Павлу, послѣ его предполагавшагося ареста, о необходимости отречься отъ престола, прочесть ему вслухъ актъ отреченія и заставить подписать послѣдній.

Вечеромъ 11-го марта успокоенный государь весело поужиналъ. Графиня Паленъ присутствовала при этомъ. Весьма вѣроятно, что она ничего не знала о заговорѣ или, по крайней мѣрѣ, думала, что катастрофа осуществится еще не скоро. Во время ужина Павелъ сказалъ: «Мнѣ приснилось, что у меня скосило ротъ, говорятъ, что это дурная примѣта». Нарышкинъ отвѣтилъ ему, смѣясь: «А между тѣмъ ваше величество изволили проснуться mit sehr gutem Mund» [1]). Государь также засмѣялся, и разговоръ перешелъ на другіе предметы.

Павелъ, по обыкновенію, удалился къ себѣ въ 10 часовъ. Въ половинѣ 11-го гвардейскій пѣхотный батальонъ, который вели вдоль Лѣтняго сада, спугнулъ стаю воронъ, поднявшихся съ пронзительнымъ крикомъ. Солдаты въ испугѣ начали роптать и не хотѣли идти дальше. Тогда Уваровъ воскликнулъ: «Какъ! русскіе гренадеры не боятся пушекъ, а испугались воронъ! Впередъ! Дѣло касается нашего государя!» Это двусмысленное восклицаніе убѣдило ихъ, и они молча послѣдовали за своими офицерами, хотя и съ неудовольствіемъ.

Съ другой стороны заговорщики уже успѣли подняться по маленькой лѣстницѣ, когда Паленъ вошелъ во дворъ,

---

[1]) Я слышалъ этотъ разсказъ отъ графини Паленъ, а графиня Ливенъ передала его въ тѣхъ же выраженіяхъ одному изъ моихъ друзей. Эта игра словъ трудно поддается переводу на нѣмецкій языкъ.

гдѣ были выстроены два гвардейскихъ батальона. Онъ смѣнилъ командира охраны, гатчинца, приказавъ ему, какъ военный генералъ-губернаторъ, отрядить двѣнадцать человѣкъ, чтобы арестовать Обольянинова, и послать двѣнадцать другихъ къ дому Нарышкина. Словомъ сказать, онъ безпрерывно занималъ своихъ гвардейцевъ, измышляя всевозможные приказы и мѣшая имъ, такимъ образомъ, обратить свое вниманіе на то, что происходило наверху.

Заговорщики [1]) сперва заблудились въ лабиринтѣ коридоровъ замка; но Уваровъ, знавшій зданіе, собралъ ихъ опять и провелъ черезъ залу кавалергардовъ, которыхъ Паленъ сумѣлъ перевести за нѣсколько дней до этого въ болѣе отдаленное отъ спальни (государя) помѣщеніе. Вслѣдствіе этого императора въ данный моментъ охраняли лишь два стоявшихъ у его двери лейбъ-гусара. Когда послѣдніе увидѣли въ такой непоказанный часъ Зубовыхъ въ сопровожденіи другихъ заговорщиковъ, они перегородили имъ дорогу, несмотря на то, что адъютантъ сказалъ имъ, что эти господа явились по выходящему изъ ряда вонъ дѣлу. Одинъ изъ гусаръ крикнулъ громкимъ голосомъ: «Я васъ не впущу!» и угрожалъ обнаженной саблей первому, кто осмѣлится силой переступить черезъ порогъ (спальни). Тогда нѣкоторые изъ заговорщиковъ также взялись за сабли, чтобы защищаться отъ ударовъ, наносимыхъ имъ гусаромъ: человѣкъ 5 или 6 бросились на него и ранили его, между тѣмъ какъ остальные схватили его товарища, который не оказалъ никакого сопротивленія.

Государь былъ разбуженъ шумомъ; онъ вскочилъ съ постели въ рубашкѣ и, не успѣвъ отпереть двери, которая вела въ покои императрицы, спрятался за ширмы. Заговорщики вошли (въ спальню), направились прямо къ кровати и, не найдя Павла въ ней, испугались, думая, что дѣло

---

[1]) То были князь Зубовъ, его братъ Николай, Бенигсенъ, Талызинъ, Уваровъ, князь Яшвиль, Аргамаковъ, Татариновъ и Гардановъ. Паленъ благоразумно остался внизу вмѣстѣ съ Валеріаномъ Зубовымъ.

ихъ не удалось. Они поспѣшили къ дверямъ и при этомъ случайно замѣтили государя. «Какъ!» кричалъ онъ въ бѣшенствѣ, обращаясь къ князю Зубову: «развѣ я для того вызвалъ тебя изъ ссылки, чтобы ты сдѣлался моимъ убійцей?» Зубовъ принялся читать вслухъ актъ объ отреченіи отъ престола, но онъ дрожалъ и заикался. Тогда Бенигсенъ сказалъ: «Ваше величество, вы не можете больше царствовать надъ 20-милліоннымъ населеніемъ; вы дѣлаете его несчастнымъ; вамъ лишь остается, ваше величество, подписать актъ объ отреченіи отъ престола». Государь, кипя отъ гнѣва, отказывался (исполнить это требованіе). Тогда князь Яшвиль крикнулъ: «Ты обращался со мною, какъ тиранъ, ты долженъ умереть!» При этихъ словахъ другіе заговорщики начали рубить государя саблями и ранили его сперва въ руку, а затѣмъ—въ голову; тутъ они схватили его шарфъ, лежавшій близъ кровати, и, невзирая на сильное сопротивленіе съ его стороны... Перо выпадаетъ у меня изъ рукъ... Павла нѣтъ больше въ живыхъ. Увы! я долженъ довести до конца разсказъ объ этомъ ужасѣ, и у меня хватитъ смѣлости сдѣлать это.

Пока все это совершалось наверху, Кутайсовъ былъ разбуженъ раненымъ гусаромъ, кричавшимъ: «Спѣшите къ государю, его убиваютъ!» Сперва онъ хотѣлъ было подняться наверхъ; но смѣлость покинула его, и онъ бросился бѣжать, выскочилъ на улицу въ туфляхъ и сюртукѣ и, достигнувъ дома г. Л(анского) на Литейной, спрятался тамъ и не показывался нигдѣ до слѣдующаго дня.

Паленъ и Валеріанъ Зубовъ находились внизу въ страхѣ и трепетѣ, такъ какъ никто (изъ заговорщиковъ) не возвращался къ нимъ. Но вотъ тѣ, наконецъ, спустились, и раздались громкіе возгласы: «Павелъ умеръ! Да здравствуетъ Александръ!» Паленъ и сопровождавшіе его командиры вторили имъ, солдаты же молчали. Тогда Уваровъ и Талызинъ сказали имъ: «Какъ! вы не рады, что Александръ вашъ императоръ?! Павелъ захворалъ сегодня утромъ; онъ только что скончался, и нашъ новый

государь заставитъ насъ забыть своего отца, который былъ уже черезчуръ строгъ».

Паленъ по-нѣмецки спросилъ своего адъютанта, побывавшаго наверху: «Что, онъ уже холодный?»—«Да, я уже докладывалъ вамъ объ этомъ».—«Тогда я поднимусь». Онъ направился прежде всего къ г-жѣ Ливенъ, разбудилъ ее и сказалъ ей: «Подите къ государынѣ и доложите ей, что Павелъ скончался отъ апоплектическаго удара, и что Александръ нашъ императоръ».

Послѣ этихъ немногихъ словъ онъ пошелъ къ великому князю Александру, разбудилъ и его и сказалъ, опустившись на колѣни: «Привѣтствую васъ, какъ моего монарха! Императоръ Павелъ только что скончался отъ удара». Великій князь вскрикнулъ и былъ близокъ къ обмороку. Но Паленъ коротко сказалъ ему: «Ваше величество, дѣло касается какъ вашей личной безопасности, такъ и безопасности всей царской фамили. Соблаговолите немедленно одѣться и явиться къ колеблющимся солдатамъ, чтобы успокоить ихъ. Вотъ—князь Зубовъ, генералъ Бенигсенъ и вашъ генеральсъ-адъютантъ — всѣ были свидѣтелями кончины императора Павла. Въ ожиданіи вашего величества, я пойду къ императрицѣ». Графиня Ливенъ уже успѣла разбудить государыню, которая, увидѣвъ ее въ ночномъ костюмѣ, воскликнула: «О Боже! неужели кто-нибудь изъ моихъ дѣтей такъ тяжко захворалъ?»—«Нѣтъ, я имѣю сообщить вамъ нѣчто гораздо болѣе печальное. Государь только что скончался!» — Императрица воскликнула: «Его навѣрное убили! мнѣ казалось, что я слышу шумъ и подавленные крики». Г-жа Ливенъ заставила ее накинуть на себя кое-что изъ платья. Въ тотъ моментъ, когда императрица хотѣла войти въ комнату государя, она замѣтила Палена, который приказывалъ часовымъ не впускать ея.

«Какъ!» воскликнула она: «у васъ хватаетъ смѣлости запретить мнѣ доступъ въ комнату моего супруга?!»—«Я обязанъ сдѣлать это ради вашего величества и славы

нашего императора Александра, которая можетъ быть скомпрометирована слишкомъ бурными изліяніями чувствъ. Императоръ Павелъ скончался отъ паралича».—«Я хочу видѣть его, его убили!» Она заклинаетъ солдатъ пропустить ее. Тогда Паленъ говоритъ имъ: «Именемъ государя запрещаю вамъ впускать ее теперь, когда она внѣ себя отъ горя». Онъ хотѣлъ выгадать столько времени, чтобы успѣли одѣть усопшаго и уничтожить всѣ слѣды убійства. Павла поспѣшно одѣли; ему надвинули шляпу на лицо и повязали горло большимъ бѣлымъ носовымъ платкомъ.

Предусмотрѣвъ все, поспѣшили отправить ординарцевъ ко всѣмъ полковымъ командирамъ и во всѣ департаменты, такъ что къ 5 ч. утра уже успѣлъ собраться сенатъ; войска были наготовѣ, чтобъ присягнуть новому государю, и курьеры были отправлены къ генералъ-губернаторамъ и къ дворамъ великихъ европейскихъ державъ.

Генералъ-прокурора Обольянинова арестовали лишь съ цѣлью помѣшать ему предпринять что-нибудь въ пользу Павла. Послѣ (обнародованія) манифеста Александра его освободили изъ-подъ стражи. Но новый государь немедленно же назначилъ генералъ-прокуроромъ Беклешова.

Извѣстіе о кончинѣ Павла достигло Риги 15 числа. 16-го, когда я только что всталъ изъ-за обѣда, ко мнѣ вошелъ одинъ изъ моихъ друзей со словами: «Великая новость! Павелъ скончался. Александръ царствуетъ; только что прибылъ курьеръ». Излишне заявлять, какъ глубоко я былъ потрясенъ этой вѣстью, хотя предчувствовалъ и предвидѣлъ эту катастрофу.

На слѣдующій день меня посѣтилъ Д... и сообщилъ подробности Курьеръ, старый его знакомый, кромѣ того, присовокупилъ, что заговорщики въ Петербургѣ говорятъ о случившемся во всеуслышаніе и хвастаютъ этимъ, какъ актомъ справедливости, совершеннымъ съ цѣлью прекращенія страданій двадцати милліоновъ людей.

Письмо, полученное однимъ рижскимъ купцомъ, подтвердило всѣ подробности. Заговорщики были въ немъ по-

именованы, а Палену приписывалась позорная честь, что онъ былъ зачинщикомъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой ужасной сцены, отблагодаривъ такимъ образомъ Павла за всѣ его благодѣянія и неограниченное довѣріе.

Акты милости молодого императора и любезное письмо, полученное отъ Беклешова, навели меня на мысль поѣхать въ Петербургъ, чтобы выхлопотать себѣ тамъ пенсію, которой меня лишили при увольненіи, хотя я всегда исполнялъ свои обязанности съ добросовѣстной точностью.

Я выѣхалъ 24 апрѣля (изъ Риги); волненіе мое усиливалось тѣмъ, что состояніе моего здоровья одно время вызывало во мнѣ сомнѣніе въ возможности когда-либо свидѣться съ моими столичными друзьями и знакомыми. Притокъ пріѣзжихъ въ Петербургъ со всѣхъ концовъ имперіи былъ въ то время такъ великъ, что всѣ гостиницы были переполнены. Графъ Віельгорскій пріютилъ меня у себя, что послужило мнѣ большимъ нравственнымъ удовлегвореніемъ.

Никогда еще новое воцареніе не вызывало такого всеобщаго восторга! Это было какое-то опьяненіе, возраставшее съ каждымъ днемъ, благодаря возвращенію ссыльныхъ и заключенныхъ.

Молодой государь неустанно повторялъ, что будетъ управлять государствомъ только согласно закону, и старался окружить себя людьми, служившими еще при Екатеринѣ, которую онъ избралъ себѣ образцомъ. Съ 15 апрѣля онъ уволилъ Палена отъ должности главноуправляющаго почтами и назначилъ на этотъ постъ сенатора Трощинскаго. Одновременно съ этимъ получилъ отставку и Кутайсовъ съ разрѣшеніемъ уѣхать изъ Петербурга.

Александръ возстановилъ тайный совѣтъ, первыми членами котораго онъ назначилъ: фельдмаршала Салтыкова, обоихъ Зубовыхъ, вице-канцлера князя Куракина, генералъ-прокурора Беклешова, государственнаго казначея Васильева, Палена, князя Лопухина, князя Гагарина, адмирала Кушелева и Трощинскаго. Онъ приказалъ освободить

всѣхъ арестованныхъ англійскихъ матросовъ и заявилъ, что готовъ остаться лишь покровителемъ Мальтійскаго ордена, предоставляя послѣднему право избирать себѣ другого гросмейстера, согласно желаніямъ заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ европейскихъ державъ. 2 апрѣля Александромъ была уничтожена тайная канцелярія, и въ тотъ же день возстановлена во всей своей первоначальной силѣ дарованная Екатериной грамота о вольностяхъ дворянства.

Первый свой визитъ я сдѣлалъ Беклешову, который принялъ меня очень хорошо; затѣмъ я поспѣшилъ выразить свою благодарность Лопухину и т. д.

Я долго не могъ рѣшиться пойти къ Палену; но напъ уполномоченный отъ дворянства Корфъ, бывшій въ то время въ Петербургѣ, увѣрялъ меня честью, что Паленъ въ разговорѣ съ нимъ отозвался обо мнѣ дружески и съ похвалой; къ тому же онъ былъ курляндскимъ генералъ-губернаторомъ, вслѣдствіе чего я былъ обязанъ засвидѣтельствовать свое почтеніе если не лично ему, то исправляющему эту должность. Онъ (Корфъ) предложилъ сопровождать меня къ нему; (я согласился) и мы отправились туда въ 11 часовъ.

Комната, смежная съ его кабинетомъ, была набита битком генералами, чинами департамента иностранныхъ дѣлъ, лицами всѣхъ чиновъ и національностей. Мы узнали, что его превосходительство совѣщается какъ разъ съ посланникомъ графомъ Разумовскимъ, которому предстояло возвратиться въ Вѣну. Намъ пришлось подождать добрыхъ полчаса. Наконецъ его превосходительство явился. Стоявшіе по сосѣдству съ дверями окружили его тѣснымъ кольцомъ. Онъ выслушивалъ всѣхъ, отвѣчалъ парой словъ направо, парой словъ налѣво и, увидѣвъ въ отдаленіи какого-то незнакомаго мнѣ генерала, направился къ нему черезъ толпу, почтительно разступившуюся передъ нимъ; пройдя совсѣмъ близко мимо насъ, онъ какъ бы не замѣтилъ меня и, поровнявшись съ генераломъ, завелъ съ нимъ разговоръ вполголоса, причемъ взоръ его блуждалъ по

всей залѣ. Взгляды наши встрѣтились, и, возвращаясь въ кабинетъ, онъ остановился предо мною, обнялъ меня и сказалъ: «Ахъ, вы ли это?! Какъ теперь ваше здоровье?»— «Оно устояло въ несчастіи, и я надѣюсь, что оно теперь поправится». Затѣмъ онъ дружески обратился къ Корфу, отвелъ его въ сторону, поболталъ съ нимъ нѣсколько минутъ и послѣ этого возвратился къ себѣ въ кабинетъ, тогда какъ мы и вся находившаяся здѣсь толпа начали расходиться, почитая себя счастливыми, что намъ удалось увидѣть кумиръ настоящаго дня.

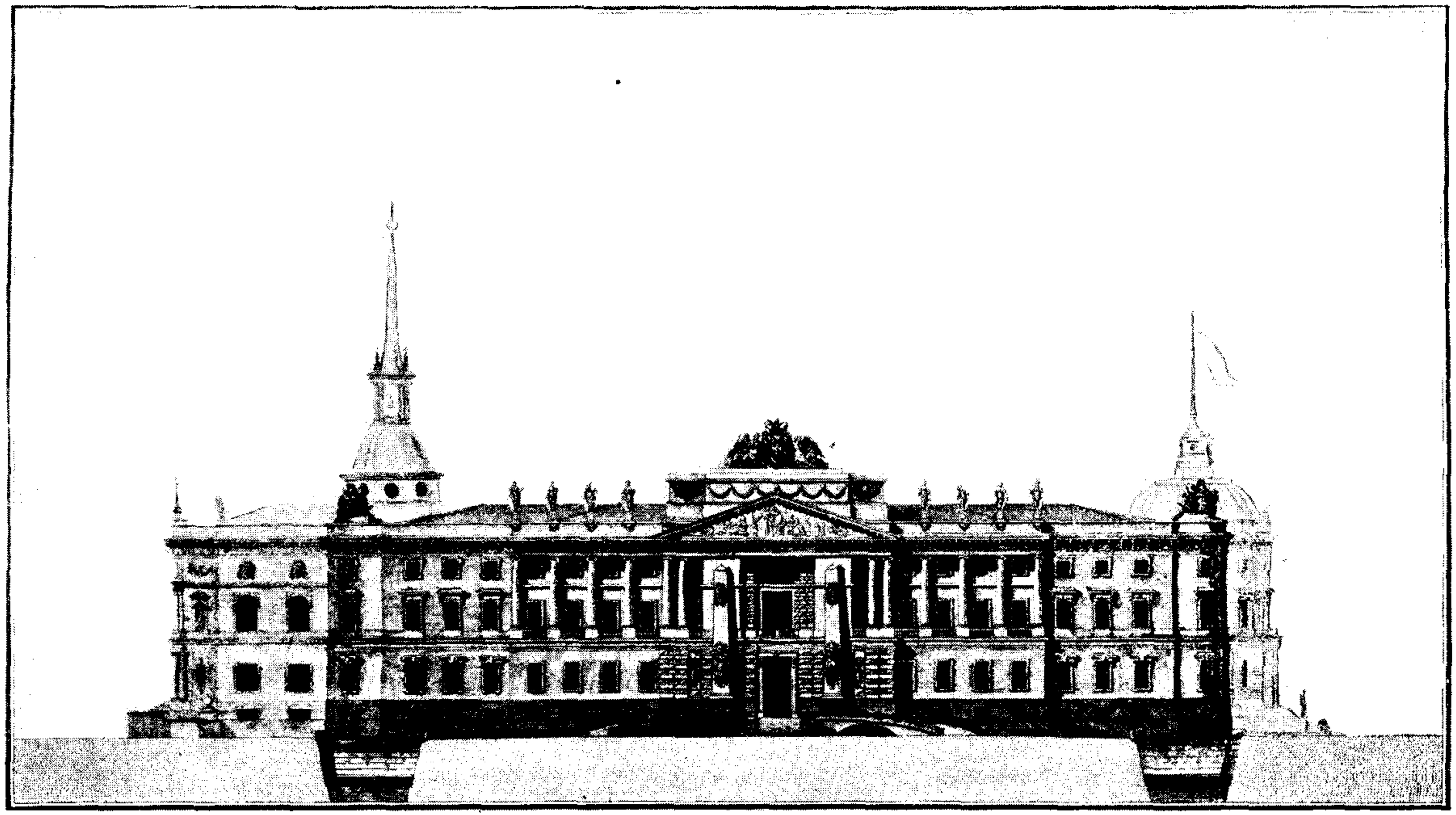
Въ продолженіе всего времени, проведеннаго Паленомъ въ залѣ, я неустанно слѣдилъ за нимъ взоромъ, чтобы уловить его взглядъ и прочесть въ немъ, каково его душевное состояніе. Мнѣ показалось, что въ немъ сказывалось присутствіе глубокаго волненія, и что вся его манера держать себя обнаруживала какую-то затаенную душевную двойственность, замаскированную смѣлостью и даже дерзостью внѣшней повадки.

Я внимательно изучалъ ходъ новаго правленія и, убѣдившись въ величайшей любви къ справедливости монарха, дрожалъ за него, видя его окруженнымъ людьми въ родѣ Палена, Зубовыхъ и другихъ, которыхъ общественное мнѣніе во всеуслышаніе называло виновниками послѣдней трагедіи.

Господа эти не только не старались стушеваться, а напротивъ, говорили о случившемся совершенно открыто съ друзьями и знакомыми; сравнивая разсказы столь многихъ различныхъ лицъ, мнѣ было нетрудно отличить, что признавалось всѣми единогласно за непреложные факты и что являлось лишь хвастовствомъ и плодомъ фантазіи отдѣльныхъ повѣствователей.

Соображаясь съ этимъ, я изложилъ здѣсь свой разсказъ.

Однажды утромъ, когда я пришелъ къ князю Лопухину, онъ сказалъ мнѣ: «Я желалъ бы, чтобы вы остались въ Петербургѣ и возвратились въ третій департаментъ,



Главный фасадъ Михайловскаго замка со стороны подъѣзда.

Съ гравюры Колпакова 1801 года

гдѣ въ настоящее время нѣтъ ни одного курляндца и ни одного лифляндца» [1]).

Прежде, чѣмъ подать свою записку о причитавшейся мнѣ по закону пенсіи, я прочелъ ее графу Медему, зятю Палена, жившему у своего тестя. Онъ обѣщалъ мнѣ поговорить объ этомъ предметѣ съ послѣднимъ, чтобы онъ не оказался моимъ противникомъ въ случаѣ, если государь заговоритъ съ нимъ о моей просьбѣ. Графъ Медемъ къ тому же увѣрялъ меня, что Паленъ призналъ мое ходатайство справедливымъ и скромнымъ, и посовѣтовалъ мнѣ снестись съ нимъ, какъ съ курляндскимъ генералъ-губернаторомъ.

Съ своей запиской и письмомъ къ государю въ карманѣ я отправился къ Палену. На этотъ разъ у него было меньше народу Онъ вышелъ изъ своего кабинета, и я направился къ нему со словами: «Графъ Медемъ уже предупредилъ васъ, генералъ, о моемъ дѣлѣ», и началъ вкратцѣ излагать ему свое ходатайство. «Пойдемте въ мой кабинетъ», сказалъ онъ: «я располагаю получасомъ свободнаго времени — мнѣ доставитъ удовольствіе поболтать съ вами»

Едва успѣли мы сѣсть, какъ онъ заговорилъ: «Мнѣ извѣстно все, что вамъ пришлось перенести; но это ничто въ сравненіи съ гнусностями, совершенными по отношенію къ массѣ людей, которымъ приписывались воображаемыя преступленія, или вся вина которыхъ заключалась въ одной лишь необдуманности. Мы устали быть орудіями подобныхъ актовъ тиранніи, а такъ какъ мы видѣли, что безуміе Павла возрастаетъ съ каждымъ днемъ и вырождается въ манію жестокости, то у насъ оставалась лишь слѣдующая альтернатива: или избавить свѣтъ отъ чудовища, или увидѣть въ ближайшемъ будущемъ, какъ мы сами, а, быть можетъ, и часть царской фамили, сдѣ-

---

[1]) Назначеніе туда графа Мантейффеля послѣдовало лишь черезъ двѣ недѣли.

лаемся жертвой дальнѣйшаго развитія его бѣшенства. Только одинъ патріотизмъ можетъ даровать человѣку смѣлость подвергнуть себя, жену и дѣтей опасности умереть самой жестокой смертью ради 20 милліоновъ угнетенныхъ, измученныхъ, сосланныхъ, битыхъ кнутомъ и искалѣченныхъ людей съ цѣлью возвратить имъ счастье. Впрочемъ, я всегда ненавидѣлъ его и ничѣмъ ему не обязанъ; я ничего не получилъ отъ него, кромѣ этихъ орденовъ. Но и ихъ я возвратилъ нашему государю при его воцареніи; но онъ приказалъ мнѣ сохранить ихъ, и я считаю, что получилъ ихъ только отъ него. Такая услуга, оказанная государству и всему человѣчеству, не можетъ быть оплачена ни почестями, ни наградами, и я объявилъ нашему государю, что никогда не приму подарка. Графъ Панинъ, раздѣлившій мой трудъ, солидаренъ со мною и во взглядѣ на этотъ вопросъ». — «Я не зналъ, что графъ Панинъ былъ здѣсь и опять уѣхалъ» — «Мы лишь хотѣли заставить государя отречься отъ престола, и графъ Панинъ одобрилъ этотъ планъ. Первой нашей мыслью было воспользоваться для этой цѣли сенатомъ; но большинство сенаторовъ болваны, липенные души и способности отдаться идеямъ высшаго полета. Теперь они рады всеобщему счастью; они упиваюгся восторгомъ; но у нихъ никогда не хватило бы ни смѣлости, ни самопожертвованія, необходимыхъ для совершенія добраго дѣла («das Gute zu thun»). Возможно, что мы были наканунѣ дѣйствительнаго и, быть можетъ, гораздо бо́льшаго несчастья, а для великихъ недруговъ необходимы и сильныя средства. И я долженъ сказать, что поздравляю себя съ этимъ поступкомъ, считая его своей величайшей заслугой передъ государствомъ, ради котораго я рисковалъ жизнью и пролилъ свою кровь».

Послѣ нѣсколькихъ, не имѣющихъ значенія, словъ, онъ началъ снова: «Меня удивляетъ, что вдовствующая императрица, повидимому, хочетъ отмстить мнѣ за это, въ особенности тогда, какъ она сама подвергалась вели-

чайшей опасности, и съ этой точки зрѣнія, нѣкоторымъ образомъ, обязана мнѣ. Я отказываюсь отъ проявленія ея признательности, но она должна чувствовать ее и, по крайней мѣрѣ, не пытаться возбуждать государя противъ меня... Вы, безъ сомнѣнія, видѣли Нелидову? Я высоко цѣню ее... Что сказала она вамъ по этому поводу?» [1]).

«— Я видалъ ее всего минуту, причемъ она была окружена полудюжиной фрейлинъ». Едва успѣлъ я вымолвить эти слова, какъ онъ вынулъ свои часы. «Ахъ, прочтите мнѣ свою записку: у насъ осталось очень немного времени». Я поспѣшно прочелъ ее и замѣтилъ, что онъ слушалъ безъ вниманія. Затѣмъ онъ сказалъ: «Очень хорошо...» Онъ весьма вѣжливо проводилъ меня до дверей кабинета, но я замѣтилъ въ его лицѣ выраженіе, которое подсказало мнѣ, что его поведеніе неискренно.

Я почти каждый день бывалъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ у начальницы—нашей хорошей пріятельницы г-жи Пальменбахъ—и нѣсколько разъ видѣлъ тамъ Нелидову. Въ первый разъ я былъ пораженъ, до чего она измѣнилась: волосы ея посѣдѣли; лицо покрылось сплошь морщинами; цвѣтъ его былъ желтовато-свинцовый, и черта глубокой печали омрачала это всегда столь ясное лицо. Лишь при моемъ третьемъ посѣщеніи мнѣ удалось застать ее одну. Я говорилъ съ ней о моей женѣ и о минувшихъ дняхъ; глаза ея наполнились слезами, когда я разсказалъ ей о своихъ страданіяхъ.

«Ахъ, несчастный монархъ былъ менѣе виноватъ, чѣмъ окружавшіе его. Вы оба совершенно правы, не любя этого Палена». При этихъ словахъ ея лицо оживилось, что меня удивило тѣмъ болѣе, что ея обычная осторожность часто доходила до притворства.

«Ему еще мало, что онъ былъ зачинщикомъ заговора противъ своего благодѣтеля и монарха; онъ еще хотѣлъ

---

[1]) Эта фраза послужила мнѣ разгадкой для всего этого введенія, цѣль котораго заключалась исключительно въ томъ, чтобы узнать мнѣніе личности, весьма близкой императрицѣ.

бы поссорить мать съ сыномъ, чтобы управлять государствомъ, какъ премьеръ-министръ; но я сомнѣваюсь, чтобы второй планъ удался ему такъ же хорошо, какъ первый. Государь любитъ свою мать, а она боготворитъ его: такая связь не можетъ быть порвана какимъ-нибудь Паленомъ, вопреки всѣмъ его искуснымъ маневрамъ».

Двѣ фрейлины вошли въ комнату — разговоръ нашъ былъ прерванъ. Но тутъ я въ первый разъ въ жизни видѣлъ Нелидову разгнѣванной и забывшей о крайней осторожности, которую она всегда такъ хорошо соблюдала.

Графъ Вielьгорскій пригласилъ меня сдѣлать съ нимъ нѣсколько визитовъ; мы пошли къ Палену, гдѣ застали за карточнымъ столомъ самого графа Палена, графа Валеріана Зубова, Валицкаго и Чаплина, игравшихъ въ фараонъ. Генералъ Бенигсенъ присутствовалъ въ качествѣ зрителя. Увидя насъ, Паленъ нахмурился; но нѣсколько остротъ Вielьгорскаго вернули ему хорошее расположеніе духа, такъ что мы остались тамъ по окончаніи игры, а кромѣ насъ обоихъ—еще какой-то секретарь департамента иностранныхъ дѣлъ и два незнакомыхъ мнѣ лица.

Не знаю, какъ это случилось, но разговоръ коснулся императрицы. «Право», сказалъ Паленъ: «она напрасно воображаетъ себѣ, что она наша повелительница. Въ сущности, мы оба подданные государя, и если она подданная перваго класса, то я — второго; усердіе, съ которымъ я стараюсь избѣжать всего, что могло бы послужить поводомъ къ скандалу и возмущенію, всегда останется неизмѣнно тѣмъ же по своей глубинѣ и искренности. Знаете ли вы исторію съ иконой?» — «Нѣтъ». — «Такъ дѣло вотъ въ чемъ. Императрица пожертвовала для часовни новаго Екатерининскаго института икону, на которой изображены: Распятіе, Божья Матерь и Марія Магдалина; на ней сдѣланы надписи, намекающія на кончину императора и могущія подстрекнуть раздраженную чернь противъ тѣхъ, на кого молва указываетъ, какъ на участниковъ этого дѣла. Надписи эти уже успѣли привлечь мно-

гихъ въ часовню, такъ что полиція донесла мнѣ объ этомъ. Чтобы не поступить опрометчиво, я отрядилъ туда смышленаго и образованнаго полицейскаго чиновника въ партикулярномъ платьѣ, поручивъ ему списать возмутительныя мѣста надписей, и велѣлъ передать священнику, чтобы образъ былъ удаленъ втихомолку. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что ничего не можетъ сдѣлать безъ непосредственнаго приказанія императрицы. Вотъ почему я сегодня поговорю объ этомъ съ государемъ, который завтра ѣдетъ навѣстить свою мать въ Гатчину. Мнѣ передали, что она хочетъ, чтобы икона осталась на мѣстѣ во что бы то ни было. Но это невозможно».

Онъ еще нѣсколько разъ принимался горячо ратовать противъ императрицы. Когда мы собрались уходить, графъ Вielьгорскій сказалъ мнѣ: «Я положительно не узнаю Палена. Онъ всегда отличался, чтобы не сказать худшаго, — смышленостью фурьера или придворнаго камеръ-лакея, а сегодня онъ позволилъ себѣ, не стѣсняясь, такія выходки противъ императрицы— и еще при свидѣтеляхъ!»— «Онъ, очевидно, воображаетъ», отвѣтилъ я. «что находится въ такой незыблемой милости, что можетъ тягаться съ императрицей, но ему слѣдовало бы быть поосторожнѣе. Императрица—женщина: въ ней много упорства, сынъ ее любитъ и уважаетъ. Это очень неравная игра».

Въ четвергъ я отправился къ обѣду въ институтъ. Проходя мимо двери Нелидовой, я замѣтилъ, что тамъ готовятся къ отъѣзду въ Гатчину. Я зашелъ къ ней и попросилъ ее объяснить мнѣ исторію съ иконой, надѣлавшей столько шуму и способной вызвать въ массѣ праздныхъ и склонныхъ къ возмущенію людей опасное движеніе.

«Я очень рада», сказала она: «что вы вспомнили объ этомъ, такъ какъ могу сообщить вамъ все до мельчайшихъ подробностей: я была свидѣтельницей всей этой исторіи, и образъ не разъ былъ у меня въ рукахъ. Одинъ русскій художникъ приносилъ императрицѣ время отъ времени иконы для ея новыхъ учрежденій. Такъ какъ онъ

не хотѣлъ продать ихъ, то императрица приказывала выдавать ему когда 100, когда 200 рублей. Но, въ виду его слишкомъ частыхъ появленій, императрица велѣла отказать ему, когда онъ принесъ послѣднюю икону, на которой было изображено распятіе. Здѣсь Божія Матерь обращается къ Спасителю съ изреченіемъ изъ св. писанія, а Христосъ отвѣчаетъ ей другимъ текстомъ [1]) Такъ какъ эти надписи дѣлаются славянскимъ и часто весьма мелкимъ шрифтомъ, то ни императрица, ни я, ни кто-нибудь изъ придворныхъ никогда не трудились разбирать ихъ. Художникъ, между тѣмъ, оставилъ икону у одного изъ камердинеровъ съ просьбой убѣдить государыню взглянуть на нее, такъ какъ онъ, по бѣдности своей, нуждается въ вспомоществованіи. Икона уже провисѣла двѣ недѣли слишкомъ въ покояхъ императрицы, когда она, собираясь уѣхать въ Гатчину, вдругъ сказала: «Все-таки надо будетъ осмотрѣть образъ. Нѣтъ ли здѣсь кого-нибудь изъ дирекціи моихъ учрежденій?» Ей доложили, что г. Гревенитъ налицо. Императрица велѣла позвать его и спросила: «Куда бы можно было помѣстить эту икону?»—«Въ часовнѣ новаго Екатерининскаго института еще не хватаетъ одного образа».—«Такъ велите поставить туда этотъ и скажите художнику, что я вспомню о немъ, когда возвращусь изъ Гатчины». Все это можетъ засвидѣтельствовать вамъ дворъ императрицы Но Паленъ, который во что бы то ни стало хочетъ посѣять раздоръ между матерью и сыномъ, усмотрѣлъ въ надписяхъ на иконѣ смыслъ, способный вызвать возмущеніе Мысль эта экстравагантна и становится преступной, когда ее приписываютъ императрицѣ. Государь, вѣроятно, прикажетъ основательно изслѣдовать это дѣло и дастъ своей матери удовлетвореніе. Пока не говорите объ этомъ, а въ особенности —не назы-

---

[1]) На русскихъ образахъ часто изображаются ленты съ текстами изъ св. писанія, исходящія какъ бы изъ устъ Господа, ангеловъ и святыхъ.

вайте меня».—«Я увѣряю васъ, что я никому не скажу ни слова».

Въ воскресенье вечеромъ я получилъ отъ одного изъ своихъ друзей записку слѣдующаго содержанія «Паленъ со всей своей семьей уѣзжаетъ въ 9 часовъ въ Ригу; увѣряютъ, что онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Всѣ идутъ къ нему, и я совѣтую вамъ сдѣлать то же».

Я отвѣтилъ: «Не вѣрю ни одному слову объ этомъ путешествіи. Сходите къ нему и по возвращеніи увѣдомьте меня, въ чемъ дѣло».

Въ 11 часовъ вечера мой другъ писалъ (опять): «Онъ уѣхалъ, разыгрывая роль невозмутимаго, но она въ отчаяніи».

Все это показалось мнѣ сномъ. Но я, тѣмъ не менѣе, спокойно легъ спать и во всякомъ случаѣ пожелалъ ему счастливаго пути.

Около 10 часовъ утра къ Вielьгорскому пришелъ кто-то изъ приближенныхъ государя и объяснилъ намъ причину внезапнаго отъѣзда Палена.

Въ четвергъ утромъ онъ горько жаловался государю на инцидентъ съ иконой Его величество, разсерженный его сильными выраженіями, замѣтилъ ему: «Не забывайте, что вы говорите о моей матери. Впрочемъ, невозможно, чтобы надписи были таковыми, какъ вы говорите, я хочу видѣть икону».

Паленъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, велѣлъ взять образъ и принесъ его государю, который, прочитавъ надписи, ничего не сказалъ, но поѣхалъ въ Гатчину съ цѣлью потребовать объясненій отъ своей матери. Какъ ни старался онъ смягчить дѣло, императрицѣ все-таки пришлось оправдываться въ своихъ намѣреніяхъ, что было для нея крайне унизительно. Она заключила объясненія, приведенныя ею въ свое оправданіе, словами: «Пока Паленъ будетъ въ Петербургѣ, я туда не возвращусь»!

Государь вернулся изъ Гатчины лишь въ субботу вечеромъ и, не желая лично приказать Палену отправиться

на ревизію Лифляндіи и Курляндіи, проработалъ съ нимъ вмѣстѣ въ воскресенье все утро до обѣдни; послѣ этого онъ велѣлъ позвать къ себѣ генералъ-прокурора и поручилъ ему передать Палену свое повелѣніе приблизительно за часъ до обѣда. «Я понимаю», сказалъ Паленъ Беклешову, «смыслъ этого совѣта государя и знаю его источникъ. Доложите его величеству, что сегодня вечеромъ въ 8 часовъ его приказъ будетъ исполненъ мною, и я больше не буду въ Петербургѣ».

Онъ сообщилъ о случившемся своей женѣ и заявилъ ей, что немедленно же потребуетъ полной и безусловной отставки. Она сама написала молодой императрицѣ о своемъ увольненіи, чтобы имѣть возможность сопровождать своего мужа. Паленъ помѣтилъ свое письмо Стрѣльной, и оно было передано государю рано утромъ, когда онъ только что проснулся. Указъ объ его отставкѣ былъ обнародованъ въ тотъ же день, такъ что меньше чѣмъ въ 26 часовъ этотъ человѣкъ, считавшій свое положеніе незыблемымъ, обладавшій въ такой высокой мѣрѣ умомъ и тактомъ, обратился въ ничтожество и былъ принужденъ праздно прогуливаться въ своихъ имѣніяхъ въ сопровожденіи своей совѣсти, вѣскій голосъ которой теперь уже больше не будетъ заглушенъ лестью и шумомъ придворной жизни.

Наконецъ я рѣшился уѣхать безъ дальнѣйшихъ проволочекъ. Двухмѣсячнаго пребыванія въ знакомой уже раньше столицѣ вполнѣ достаточно, чтобы получить ясное понятіе о системѣ правленія, которую затѣмъ необходимо основательно изучить и съ духомъ которой надо познакомиться на основаніи личнаго опыта. Я сдѣлалъ все, отъ меня зависящее, чтобы заручиться достовѣрными свѣдѣніями объ отличительномъ характерѣ новаго правительства, и, по крайней мѣрѣ, вынесъ то утѣшеніе, что я въ состояніи безъ посторонней помощи заранѣе опредѣлить, въ какомъ направленіи будутъ сдѣланы дальнѣйшіе шаги нашего новаго монарха.

Я возвратился на лоно моей родины и моей семьи съ двойнымъ удовлетвореніемъ я понялъ цѣну независимаго положенія и сладкаго досуга.

По приглашенію генералъ-прокурора князя Голицына и выдающихся членовъ первой курляндской судебной палаты принять участіе въ разработкѣ плана реорганизаціи присутственныхъ мѣстъ и въ редакціи новыхъ судебныхъ уставовъ, я отдался этому труду; такимъ образомъ мой досугъ, быть можетъ, окажется не совсѣмъ безплоднымъ для моей родины.

Какъ благословляю я судьбу, удалившую меня изъ Петербурга задолго до наступленія этого печальнаго времени. Замѣть я какіе-нибудь признаки готовившагося заговора, я былъ бы принужденъ, въ силу принесенной мною присяги и своихъ принциповъ, раскрыть ужасную тайну. Множество людей считали бы меня гнуснымъ доносчикомъ, и какъ мои намѣренія, такъ и поступки были бы заклеймены клеветой.

Но такъ какъ меня выслали (изъ Петербурга) задолго до ужасной катастрофы, то я избѣжалъ всѣхъ этихъ непріятностей, нисколько не измѣнивъ при этомъ моимъ правиламъ.

Теперь, находясь на покоѣ, я посвящаю остатокъ своихъ дней дружбѣ, своимъ обязанностямъ и прелестямъ литературы.

[redacted]

ЗАПИСКИ АВГУСТА КОЦЕБУ.

Неизданное сочиненіе Августа Коцебу

объ

императорѣ Павлѣ I [1]).

Подлинная нѣмецкая рукопись этого сочиненія, писанная вся рукою автора, поднесена была его сыномъ, новороссійскимъ (впослѣдствіи варшавскимъ) генералъ-губернаторомъ графомъ Н Е. Коцебу, императору Александру Николаевичу осенью 1872 года въ Ливадіи. Въ ноябрѣ того же года, по возвращеніи въ Петербургъ, государь приказалъ графу А. В. Адлербергу мнѣ ее сообщить, и я тогда же снялъ съ нея копію.

Сочиненіе это принадлежитъ къ разряду документовъ современныхъ. Коцебу въ предисловіи перечисляетъ тѣ живые источники, которыми онъ пользовался. Выѣхавъ изъ Петербурга 29-го апрѣля 1801 года [2]), онъ, по всей вѣроятности, вскорѣ послѣ того привелъ все слышанное въ порядокъ и набросалъ настоящую записку, но впослѣдствіи пересмотрѣлъ ее и придалъ ей окончательную

---

[1]) Geschichte des Verschwörung, welche am 11 März 1801 dem Kaiser Paul Thron und Leben raubte, nebst andern darauf sich beziehenden Begebenheiten und Anecdoten.

[2]) Kotzebue' Das merkwürdigste Jahr meines Lebens —Berlin. 1801. 2 Theile, klein 8° (въ первомъ изданіи ч. 2-я, стр. 295)

24-го апрѣля 1801 года находившійся при театральной дирекціи надв. сов. Коцебу, по прошенію, уволенъ отъ службы съ награжденіемъ чиномъ коллежскаго совѣтника (С.-ПБургскія Вѣдомости 1801 года № 38, стр 409)

редакцію, спустя десять или одиннадцать лѣтъ. Если, съ одной стороны, онъ отзывается объ императорѣ Александрѣ, какъ о «восходящемъ солнцѣ», которому онъ готовъ сердечно радоваться, то, съ другой, онъ косвеннымъ образомъ ставитъ ему въ укоръ его нерѣшительную политику и то рабское положеніе, въ которомъ, говоритъ онъ, находится теперь вся Европа; очевидно, эти выраженія относятся къ состоянію Европы до войны 1812 года. Далѣе онъ упоминаетъ о Коленкурѣ, какъ о бывшемъ французскомъ послѣ въ Петербургѣ, извѣстно, что отпускная аудіенція Коленкура была 29-го апрѣля (11-го мая) 1811 года. Изъ этого слѣдуетъ, что Коцебу окончилъ свой трудъ, въ настоящемъ его видѣ, во второй половинѣ 1811 или въ началѣ 1812 года.

По своему содержанію, это сочиненіе могло бы быть раздѣлено на двѣ части

Въ первой авторъ хочетъ выяснить характеръ императора Павла и съ этою цѣлью приводитъ разные анекдоты и мелкія происшествія того времени. Нѣкоторые изъ нихъ уже извѣстны, другіе представляютъ мало интереса, и весьма немногіе заслуживаютъ вниманія.

Вторая часть далеко превосходитъ первую своею занимательностію. Коцебу собралъ въ ней все то, что готчасъ послѣ кончины Павла онъ слышалъ объ этомъ событіи. Изъ дѣйствующихъ лицъ наиболѣе выдается личность графа Палена. Она, должно сознаться, обрисована вѣрно и мѣтко. Подробности самаго происшествія представлены нѣсколько логичнѣе и опредѣлительнѣе, чѣмъ въ другихъ разсказахъ.

Но при этомъ нужно замѣтить, что содержаніе сочиненія не вполнѣ соотвѣтствуетъ заглавію: здѣсь нѣтъ исторіи заговора. Мы напрасно хотѣли бы узнать, кому принадлежала первоначальная мысль объ устраненіи Павла отъ престола, когда и какимъ образомъ она родилась, кто руководилъ отдѣльными попытками, о которыхъ говоритъ авторъ, какія изъ высокопоставленныхъ лицъ, проживав-

шихъ въ Москвѣ, посвящены были въ замыслы заговорщиковъ, съ котораго времени заговоръ получилъ опредѣленное существованіе, и не измѣнялась ли его цѣль отъ присоединенія или отсутствія нѣкоторыхъ лицъ. На всѣ эти вопросы Коцебу не даетъ никакого отвѣта. Онъ ограничивается изложеніемъ одной только, такъ сказать, внѣшней стороны дѣла Взглядъ его вообще довольно поверхностный, и, несмотря на заявленіе, что «онъ хочетъ и можетъ сказать правду, потому что имѣлъ полную возможность ее разузнать», онъ оставляетъ наше любопытство не удовлетвореннымъ

Нельзя также умолчать о томъ странномъ впечатлѣніи, которое производитъ апологетическій тонъ этой записки. При чтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ невольно возникаетъ сомнѣніе: вѣритъ ли самъ авторъ въ справедливость своихъ разсужденій? Не старается ли онъ оправдать описываемое имъ время монархическаго террора единственно изъ глубокаго презрѣнія къ русскому народу, который, по его мнѣнію, не иначе можетъ быть управляемъ, какъ «желѣзнымъ скипетромъ»? Потомство, къ которому обращается Коцебу, уже налицо. Оно произнесетъ свой приговоръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что совершившееся смертоубійство не будетъ оправдано; но нельзя ожидать оправданія и для несчастнаго Павла. Софизмы и натяжки нашего автора врядъ ли будутъ въ состояніи поколебать значеніе неопровержимыхъ фактовъ. Еще въ 1805 году одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ монархическихъ началъ, графъ де-Местръ, вспоминая о смерти Павла, писалъ: «Il fallait que cette mort arrivât, mais malheur à ceux par qui elle est arrivée» [1]).

Кн. Алексѣй Лобановъ-Ростовскій.

С.-Петербургъ
6 ноября 1877 года

---

[1]) A Blanc Memoires politiques et correspondance diplomatique de J de Maistre. 2-e édition. Paris. 1859, in 8°, p. 363

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

(Vorbericht)

Въ настоящее время благоразуміе не дозволяетъ предавать печати эти листки Я ихъ пишу для потомства и полагаю, что трудъ мой не будетъ совершенно безполезенъ. Я хочу и могу сказать правду, потому что имѣлъ полную возможность ее разузнать. Чтобы внушить читателю довѣріе къ моимъ словамъ, мнѣ стоитъ только познакомить его съ тѣмъ положеніемъ, которое я имѣлъ при Павлѣ

Императоръ поручилъ мнѣ описать во всей подробности Михайловскій дворецъ, этотъ чрезмѣрно дорогой памятникъ его причудливаго вкуса и боязливаго нрава. Вслѣдствіе того дворецъ былъ открытъ для меня во всякое время, а въ отсутствіе государя мнѣ разрѣшено было проникать даже во внутренніе его покои. Такимъ образомъ я былъ знакомъ во дворцѣ съ каждымъ, кто начальствовалъ или служилъ, приказывалъ или повиновался, значеніе же мое не было такъ важно, чтобы могло внушить осторожность или недовѣріе. Многое я слышалъ, а кое-что и видѣлъ.

Моимъ начальникомъ по должности былъ оберъ-гофмейстеръ Нарышкинъ [1]), одинъ изъ любимцевъ императора, человѣкъ веселый, легкомысленный, охотно и часто въ тотъ же часъ разсказывавшій то, что государь дѣлалъ или говорилъ. Онъ имѣлъ помѣщеніе во дворцѣ, и какъ тутъ, такъ и въ собственномъ его домѣ, среди его семейства, я имѣлъ къ нему безпрепятственный доступъ

Графа Палена [2]), бывшаго душою переворота, я зналъ еще за многіе годы до того въ Ревелѣ, потомъ въ Ригѣ, когда онъ тамъ былъ губернаторомъ, наконецъ въ Петербургѣ на высшей ступени его счастія. Съ женою его я находился въ нѣкоторыхъ литературныхъ отношеніяхъ.

---

[1]) Александръ Львовичъ Нарышкинъ, р 1760 г. † 1826 г

[2]) Графъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ, р 1745 г † 1826 г.

Чрезъ ея руки многія ихъ моихъ драматическихъ произведеній проходили въ рукописи къ великой княгинѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, изъявившей желаніе ихъ читать. Однако, для полученія вѣрныхъ свѣдѣній съ этой стороны всего важнѣе была для меня служба моя съ колл. сов. Бекомъ [1]), который былъ нашъ общій соотечественникъ и при томъ во многихъ дѣлахъ правая рука графа.

Другой пріятель, чрезъ котораго я узналъ нѣкоторыя изъ самыхъ интимныхъ обстоятельствъ женскаго круга императорской фамиліи, былъ колл. сов. Шторхъ [2]), извѣстный авторъ многихъ уважаемыхъ статистическихъ сочиненій. Онъ былъ учителемъ молодыхъ великихъ княженъ, пользовался ихъ довѣріемъ и, что̀ было весьма важно, дружбою оберъ-гофмейстерины графини Ливенъ [3]).

Князю Зубову [4]) сдѣлался я извѣстенъ, еще когда онъ былъ фаворитомъ императрицы Екатерины. Онъ оказывалъ мнѣ нѣкоторое благоволеніе, и нерѣдко случалось мнѣ въ его словахъ подмѣтить интересные намеки. То же позволяю себѣ сказать и о тайномъ совѣтникѣ Николаи [5]),

---

[1]) Христіанъ Андреевичъ Бекъ (р 1768 г † 1853 г.) былъ въ 1801 году правителемъ дѣлъ с.-петербургскаго военнаго губернатора, потомъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника

[2]) Андрей Карловичъ (по-нѣмецки Генрихъ) Шторхъ р въ Ригѣ въ 1766 г. † въ С-Петербургѣ 1-го ноября 1835 г въ чинѣ тайнаго совѣтника. Въ 1798 году онъ былъ опредѣленъ наставникомъ при великихъ княжнахъ, а впослѣдствіи и при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ.

[3]) Графиня (впослѣдствіи княгиня) Шарлотта Карловна Ливенъ, рожд Поссе, р 1743 г † 1828 г.

[4]) Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ р 1767 г. † 1822 г

[5]) Баронъ (Германской имперіи) Андрей Львовичъ Николаи (Louis-Henry de Nicolay) р. въ Страсбургѣ 20 декабря 1737 г † въ Монрепо (близъ Выборга) 7-го ноября 1818 г Онъ сперва служилъ во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ при герцогѣ Шуазелѣ, потомъ былъ профессоромъ логики въ Страсбургскомъ университетѣ. Въ 1769 г. вызванъ въ Россію, чтобы быть секретаремъ и библіотекаремъ при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ. Впослѣдствіи — тай-

этомъ тонкомъ мыслителѣ, старомъ государственномъ человѣкѣ и довѣренномъ лицѣ при императрицѣ-матери.

Многими любопытными свѣдѣніями обязанъ я ст. сов. Гриве, англичанину, бывшему первымъ лейбъ-медикомъ императора, равно какъ и сг. сов. Суттофу [1]), акушеру великой княгини Елизаветы Алексѣевны, который по своему положенію и связямъ часто имѣлъ возможность отличать истину отъ ложныхъ слуховъ.

Было бы слишкомъ долго перечислять всѣхъ офицеровъ, полицейскихъ и иныхъ чиновниковъ, вообще всѣхъ тѣхъ, которыхъ я разспрашивалъ и допытывалъ относительно отдѣльныхъ случаевъ, о коихъ они могли или должны были имѣть свѣдѣнія. Могу сказать съ увѣренностью, что хотя и было въ Петербургѣ еще нѣсколько людей, стоявшихъ выше меня по своему положенію и талангу (какъ, напримѣръ, Шторхъ), но, конечно, ни одинъ изъ нихъ не превзошелъ меня въ стремленіи къ истинѣ, въ дѣятельности и усиліяхъ ее узнать. Усилія эти были необходимы, потому что никогда не видѣлъ я столь явнаго отсутствія исторической истины. Изъ тысячи слуховъ, которые въ то время ходили, многіе были въ прямомъ противорѣчіи между собою; даже люди, которые лично присутствовали при томъ или другомъ эпизодѣ, разсказывали его различно. Поэтому легко вообразить, какого труда мнѣ иногда стоило, чтобы составить себѣ совершенно вѣрное понятіе.

ный совѣтникъ. Вышелъ въ отставку въ 1801 году. Отъ брака съ дѣвицею Поггенполь имѣлъ единственнаго сына, Павла Андреевича, род. 5-го іюля 1777 года, бывшаго долгое время посланникомъ въ Копенгагенѣ, возведеннаго 28-го іюля 1828 года въ финляндское баронское достоинство и умершаго въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

[1]) Николай Мартыновичъ Суттофъ, р. 1763 г. † 1836 г. Отъ брака съ дѣвицею Крей ъ (Creus) онъ имѣлъ сына Александра Николаевича, ген.-отъ-инф. † 1874 г., женатаго съ 1833 года на баронессѣ Октавіи Павловнѣ Николаи (внучкѣ Андрея Львовича Николаи).

Тутъ, къ сожалѣнію, рождается вопросъ: если даже современникъ, свидѣтель и очевидецъ происшествія, знакомый со всѣми дѣйствующими лицами, долженъ на первыхъ же порахъ употреблять такія, нерѣдко тщетныя старанія, чтобы напасть на слѣдъ истины, то какую же вѣру потомство можетъ придавать историкамъ, которые удалены были отъ мѣста и времени происшествія хотя бы на нѣсколько миль или годовъ? И должно ли удивляться, если и въ этихъ листкахъ, несмотря на затрудненія, которыя были побѣждены, все-таки тамъ или сямъ вкралась какая-нибудь негочность?

Императоръ Павелъ имѣлъ искреннее и твердое желаніе дѣлать добро. Все, что было несправедливо или казалось ему таковымъ, возмущало его душу, а сознаніе власти часто побуждало его пренебрегать всякими замедляющими разслѣдованіями; но цѣль его была постоянно чистая; намѣренно онъ творилъ одно только добро. Собственную свою несправедливость сознавалъ онъ охотно. Его гордость тогда смирялась, и, чтобы загладить свою вину, онъ расточалъ и золото и ласки. Конечно, слишкомъ часто забывалъ онъ, что поспѣшность государей причиняетъ глубокія раны, которыя не всегда въ ихъ власти залечить. Но, по крайней мѣрѣ, самъ онъ не былъ спокоенъ, пока собственное его сердце и дружественная благодарность обиженнаго не убѣждали его, что все забыто.

Предъ нимъ, какъ предъ добрѣйшимъ государемъ, бѣднякъ и богачъ, вельможа и крестьянинъ, всѣ были равны. Горе сильному, который съ высокомѣріемъ притѣснялъ убогаго! Дорога къ императору была открыта каждому; званіе его любимца никого предъ нимъ не защищало.

Наружность его можно назвать безобразною. а въ гнѣвѣ черты его лица возбуждали даже отвращеніе. Но когда сердечная благосклонность освѣщала его лицо, тогда онъ дѣлался невыразимо привлекательнымъ: невольно охватывало довѣріе къ нему, и нельзя было не любить его.

Онъ охотно отдавался мягкимъ человѣческимъ чувствамъ. Его часто изображали тираномъ своего семейства, потому что, какъ обыкновенно бываетъ съ людьми вспыльчивыми, онъ въ порывѣ гнѣва не останавливался ни предъ какими выраженіями и не обращалъ вниманія на присутствіе постороннихъ, что давало поводъ къ ложнымъ сужденіямъ о его семейныхъ отношеніяхъ. Долгая и глубокая скорбь благородной императрицы послѣ его смерти доказала, что подобные припадки вспыльчивости нисколько не уменьшили въ ней заслуженной имъ любви.

Мелкія черты изъ его частной, самой интимной жизни, черты, важныя для наблюдателя, изучающаго людей,—доказываютъ, что его жена и дѣти постоянно сохраняли прежнія права на его сердце. Віолье [1]), честный человѣкъ и довѣренный чиновникъ при императорѣ, былъ однажды вечеромъ въ ея комнатахъ, когда Павелъ вошелъ и еще въ дверяхъ сказалъ: «Я что-то несу тебѣ, мой ангелъ, что должно доставить тебѣ большое удовольствіе». — «Что бы то ни было», отвѣчала императрица: «я въ томъ заранѣе увѣрена». Віолье удалился, но дверь осталась непритворенною, и онъ увидѣлъ, какъ Павелъ принесъ своей супругѣ чулки, которые были вязаны въ заведеніи для дѣвицъ, состоявшемъ подъ покровительствомъ императрицы [2]). Потомъ государь поочередно взялъ на руки меньшихъ своихъ дѣтей и сталъ съ ними играть. Это не ускользнетъ отъ наблюдателя. Императоръ, оказывающій своей супругѣ столь

---

[1]) Віолье (Viollier) находился при миніатюрномъ кабинетѣ государя. 1-го мая 1797 года онъ произведенъ былъ изъ коллежскихъ асессоровъ въ надворные совѣтники. («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1799 года, стр. 843).

Gabriel François Viollier, né a Paris le 26 septembre 1763, Secretaire des commendements de l'Impératrice Marie Féodorowna. Marié le 13 juin 1799 a Marguerite Flessières, dont le frère etait egalement attaché a l'Impératrice. Voir Gallite. Notices généalogiques sur les familles genévoises. III. 503.

[2]) Этотъ анекдотъ напечатанъ въ Das merkw. Jahr. II. 318—319.

нѣжное вниманіе, что среди вихря дѣлъ и развлеченій не пренебрегаетъ принести ей пару чулокъ, потому что тѣмъ надѣется доставить ей удовольствіе, такой императоръ навѣрно не семейный тиранъ! Какимъ же образомъ случалось, что его дѣйствія были нерѣдко въ противорѣчіи съ его сердцемъ? Почему столь многимъ приходилось по справедливости сѣтовать на него?

Повидимому, двѣ причины особенно возмутили первоначально чистый источникъ: обращеніе его матери съ нимъ и ужасныя происшествія французской революціи.

Извѣстно, что Екатерина II не любила своего сына и, при всемъ ея величіи во многихъ отношеніяхъ, была не въ состояніи скрыть этого пятна [1]). При ней великій князь, наслѣдникъ престола, вовсе не имѣлъ значенія. Онъ видѣлъ себя поставленнымъ ниже господствовавшихъ фаворитовъ, которые часто давали ему чувствовать свое дерзкое высокомѣріе. Достаточно было быть его любимцемъ, чтобы испытывать при дворѣ холодное и невнимательное обращеніе. Онъ это зналъ и глубоко чувствовалъ. Вотъ тому примѣръ.

Когда престарѣлый графъ Панинъ [2]), руководитель его юности, лежалъ на смертномъ одрѣ, великій князь, имѣвшій къ нему сыновнее почтеніе, не покидалъ его постели, закрылъ ему глаза и горько плакалъ. Въ числѣ окружавшихъ графа находился г-нъ фонъ-Алопеусъ [3]) старшій, который впослѣдствіи былъ русскимъ посланникомъ при англійскомъ и прусскомъ дворахъ, и отъ котораго я слышалъ передаваемый мною разсказъ. Графъ Панинъ былъ его благодѣтелемъ, и потому глубокая горесть овладѣла имъ при этой смерти; онъ стоялъ у окна и пла-

---

[1]) Трудно рѣшить: нерасположеніе ли матери развило въ сынѣ его характеръ, или, наоборотъ, характеръ его, по мѣрѣ того, какъ развивался, возбуждалъ нерасположеніе матери?

[2]) Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, род. 15-го сентября 1718 года, умеръ 31-го марта 1783 года.

[3]) Максимъ Максимовичъ Алопеусъ (р. 1748 † 1822)

калъ. Великій князь, замѣтивъ это, быстро подопелъ къ нему, пожалъ ему руки и сказалъ: «Сегодняшняго дня я вамъ не забуду». Затѣмъ Алопеусъ былъ назначенъ директоромъ канцеляріи графа Остермана и, долго спустя, посланникомъ въ Эйтинѣ [1]). Когда онъ оставлялъ Петербургъ, онъ пожелалъ имѣть прощальную аудіенцію и у великаго князя. Павелъ приказалъ сказать ему, что онъ можетъ пріѣхать къ нему, но въ тайнѣ (heimlich), чрезъ заднюю дверь. Онъ принялъ его въ своемъ кабинетѣ и снова увѣрялъ въ своемъ благоволеніи, при чемъ не только объявилъ ему, что въ настоящее время ничего не можетъ сдѣлать для него, но даже предостерегалъ его не оглашать дружественныхъ отношеній, въ которыхъ онъ къ нему находился, потому что это могло ему лишь повредить. Сынъ, который постоянно оказывалъ своей матери столько покорности, что неоднократно съ негодованіемъ отвергалъ предложенія вступить на ея престолъ, несмотря на то, что все было къ тому подготовлено,—долженъ былъ, тѣмъ не менѣе, питать оскорбительное для себя убѣжденіе, что простого благоволенія съ его стороны было достаточно, чтобы повредить! Какая горечь должна была отравить его сердце!

Отсюда родилась въ немъ справедливая ненависть ко всему окружавшему его мать; отсюда образовалась черта характера, которая въ его царствованіе причинила, можетъ быть, наиболѣе несчастій: постоянное опасеніе, что не оказываютъ ему должнаго почтенія. До самаго зрѣ-

---

[1]) М. М. Алопеусъ былъ впослѣдствіи посланникомъ въ Берлинѣ (съ 25-го іюля 1802 года по 11-е ноября 1807 года) и при отставкѣ награжденъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника (12-го декабря 1807 года).

Его родной братъ, Давыдъ Максимовичъ, былъ также посланникомъ въ Берлинѣ (съ 25-го апрѣля 1813 года по самую кончину свою 1-го іюня 1831 года) и возведенъ былъ императоромъ Александромъ I въ баронское (въ 1819 году), потомъ въ графское (въ 1820 году) достоинство.

лаго возраста онъ былъ пріученъ къ тому, что на него не обращали никакого вниманія и что даже осмѣивали всякій знакъ оказаннаго ему почтенія; онъ не могъ отрѣшиться отъ мысли, что и теперь достоинство его недостаточно уважаемо; всякое невольное или даже мнимое оскорбленіе его достоинства снова напоминало ему его прежнее положеніе; съ этимъ воспоминаніемъ возвращались и прежнія ненавистныя ему ощущенія, но уже съ сознаніемъ, что отнынѣ въ его власти не терпѣть прежняго обращенія, и такимъ образомъ являлись тысячи поспѣшныхъ, необдуманныхъ поступковъ, которые казались ему лишь возстановленіемъ его нарушенныхъ правъ. Екатерина II была велика и добра; но монархъ ничего не сдѣлалъ для потомства, если оградилъ сердце своего преемника. Многіе, скорбѣвшіе о Павлѣ, не знали, что, въ сущности, они обвиняли превозносимую ими Екатерину.

Великій князь являлся при дворѣ только на курганахъ, на малыя собранія въ Эрмитажѣ его не приглашали: мать удаляла сына, когда хотѣла предаваться непринужденной веселости. Онъ не имѣлъ голоса въ воспитаніи своихъ дѣтей, ни даже въ предположенной помолвкѣ своей дочери съ королемъ шведскимъ. Придворные фавориты оскорбляли его въ его родительскихъ правахъ, такъ какъ имъ приписывалъ онъ, и часто не безъ основанія, то, что дѣлала его мать. Можно ли порицать его за это душевное настроеніе? Оно-то съ самаго начала внушило ему тѣ странныя мѣры, которыя въ его понятіи должны были поддержать остававшееся за нимъ ничтожное значеніе. Онъ жилъ обыкновенно въ Гатчинѣ, своемъ увеселительномъ замкѣ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, онъ хотѣлъ быть господиномъ и былъ таковымъ. Того, кто ему не нравился, онъ удалялъ отъ своего маленькаго двора, при чемъ случалось, что онъ приказывалъ посадить его ночью въ кибитку, перевезти чрезъ близкую границу и высадить на большой дорогѣ, откуда изгнанникъ уже долженъ былъ самъ добраться до перваго встрѣчнаго дома.

Къ этому несчастному настроенію присоединилась тогда еще мрачная подозрительность, которую ему, какъ и всякому государю, внушили къ людямъ ужасы французской революціи. Онъ видѣлъ униженіе и казнь достойнаго любви монарха, который всегда желалъ добра своему народу и часто оказывалъ ему великія благодѣянія. Онъ слышалъ, какъ тѣ самые люди, которые расточали ѳиміамъ передъ Людовикомъ XVI, какъ передъ божествомъ, когда онъ искоренилъ рабство, теперь произносили надъ нимъ кровавый приговоръ. Это научило его, если не ненавидѣть людей, то ихъ мало цѣнить, и, убѣжденный въ томъ, что Людовикъ еще былъ бы живъ и царствовалъ, если бы имѣлъ болѣе твердости, Павелъ не сумѣлъ отличить эту твердость отъ жестокости. Примѣръ его прадѣда Петра Великаго утвердилъ его въ этомъ правилѣ [1]). Петръ зналъ русскихъ. Кроткое правленіе не идетъ имъ въ прокъ. Даже при Екатеринѣ князь Потемкинъ часто помахивалъ желѣзнымъ прутомъ; тамъ же, гдѣ брала верхъ кроткость императрицы, все большею частью было распущено и въ безпорядкѣ.

Схвативши твердою рукою бразды правленія, Павелъ исходилъ изъ правильной точки зрѣнія; но найти должную мѣру трудно вездѣ, всего труднѣе на престолѣ. Его благородное сердце всегда боролось съ проникнувшею въ его умъ недовѣрчивостью. Это было причиною тѣхъ противорѣчащихъ дѣйствій, которыя однажды одинъ шутникъ изобразилъ на рисункѣ, представлявшемъ императора съ бумагою въ каждой рукѣ: на одной бумагѣ написано: ordre, на другой: contre-ordre, на головѣ государя: désordre [2]).

Къ сожалѣнію, это злосчастное, тревожное чувство, самими народами возбужденное въ правителяхъ нашего

---

[1]) Кто бы ожидалъ, что найдется писатель, который станетъ проводить параллель между Павломъ и Петромъ Великимъ.

Коцебу, однако, еще возвращается къ этой мысли дальше.

[2]) См. Ровинскій: Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Спб. 1872. Стр. 107. № 118.

вѣка, не умолкало въ Павлѣ и по отношенію къ его дѣтямъ. Великій князь Александръ Павловичъ, юноша благороднѣйшій и достойнѣйшій любви, не избѣжалъ подозрѣній, которыя глубоко оскорбляли его прямодушіе. Незадолго до кончины императора онъ однажды сидѣлъ за столомъ у своей сестры, великой княжны Маріи Павловны, и, будучи погруженъ въ задумчивость, машинально игралъ ножомъ. «Qu'avez-vous, mon frère?» спросила она его: «vous êtes aujourd'hui si rêveur». — Онъ ничего не отвѣчалъ, нѣжно пожалъ подъ столомъ ея руку, и глаза его наполнились слезами.

Ничтожное происшествіе навлекло на него взрывъ отцовскаго гнѣва. Нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ не оказали должнаго вниманія при салютованіи и были за то отправлены въ крѣпость на нѣсколько дней или часовъ. Вскорѣ выпущенные на свободу, они громко насмѣхались надъ этимъ наказаніемъ. Это дошло до государя. Нельзя было, по вышеобъясненнымъ причинамъ, нанести ему болѣе чувствительнаго оскорбленія, какъ давъ ему поводъ полагать, что издѣваешься надъ его достоинствомъ; вслѣдствіе сего онъ приказалъ этихъ офицеровъ снова посадить въ крѣпость и угрожалъ имъ наказаніемъ кнутомъ. Оба великіе князя желали спасти невинныхъ и снизошли до того, что просили заступничества графа Кутайсова, любимца государя. «Laissez-moi faire», отвѣчалъ надменный фаворитъ: «je lui laverai la tête». Возмущенный столь неприличными выраженіями, великій князь Константинъ Павловичъ возразилъ ему: «Monsieur le comte, n'oubliez pas ce que vous devez à mon père». Кутайсовъ дѣйствительно говорилъ императору въ пользу этихъ офицеровъ, но, вѣроятно, не довольно горячо или не въ надлежащую минуту, потому что потомъ совѣтовалъ великимъ князьямъ болѣе въ это дѣло не вмѣшиваться, замѣтивъ при этомъ, что императоръ правъ, «car enfin», прибавилъ онъ, «n'est-il pas le maître de faire chez soi tout ce qu'il veut».

Благородный Александръ, который самъ сообщилъ все это своей сестрѣ, не удовольствовался этимъ жестокосердымъ отвѣтомъ и рѣшился лично обратиться къ своему отцу съ серьезными, но почтительными представленіями. Государь, кипя гнѣвомъ, закричалъ: «Я знаю, ты давно уже ведешь заговоръ противъ меня!» и поднялъ на него палку. Великій князь отступилъ назадъ, а супруга его бросилась, чтобы его заслонить, и громко сказала: «Пусть онъ сперва ударитъ меня». Павелъ смутился, повернулся и ушелъ.

Можно съ вѣроятностію полагать, и это предположеніе раздѣляютъ люди, стоявшіе близко къ императору, что графъ Кутайсовъ, подобно многимъ его окружавшимъ, часто опутывалъ его ложными подозрѣніями, для того только, чтобы увеличить или сохранить свое собственное, никакою заслугою не оправданное вліяніе. Кутайсовъ [1]) былъ родомъ изъ Турціи, гдѣ-то взятъ въ плѣнъ еще мальчикомъ и подаренъ великому князю Екатериною. Павелъ послалъ его въ Парижъ для обученія камердинерской службѣ. Выучившись завивать волосы и брить бороду, онъ поступилъ камердинеромъ къ великому князю, и въ похвалу ему говорили, что онъ въ этой должности отличался непоколебимою преданностью своему господину. Разсказываютъ, что, когда Павелъ находился при арміи въ Финляндіи и, вѣроятно, не безъ основанія опасался быть умерщвленнымъ, Кутайсовъ каждую ночь спалъ на порогѣ его комнаты, дабы не могли пройти къ великому князю иначе, какъ черезъ его трупъ. Черта эта, если она справедлива, достаточно объясняетъ неизмѣнное къ нему расположеніе Павла, ибо ничто не дѣйствовало вѣрнѣе на этого монарха, какъ удовольствіе видѣть себя любимымъ.

Со вступленіемъ Павла на престолъ Кутайсовъ предался самому пошлому чванству. Еще во время коронаціи въ

---

[1]) Графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ умеръ въ глубокой старости, 9-го января 1834 года.

Москвѣ онъ домогался знака отличія и нѣсколько дней былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа потому, что не могъ получить аннинскій орденъ. Онъ тогда выдумалъ для себя новый орденъ—брильянтовый ключъ для ношенія въ петлицѣ. Императоръ разсмѣялся надъ этою выдумкою, но современемъ Кутайсовъ мало-по-малу получилъ все, чего желалъ, былъ сдѣланъ графомъ и украшенъ голубою лентою.

Тогда высокомѣрію его уже не было границъ. Вотъ одинъ примѣръ.

Однажды императоръ нуждался въ деньгахъ. Императрица, будучи отличною хозяйкою и имѣя при томъ постоянное желаніе угождать своему супругу, послала своего довѣреннаго управителя Полетику[1]) къ графу Кутайсову съ предложеніемъ выдать изъ ломбарда 100,000 рублей взаймы. Графъ принялъ императрицына чиновника, лежа на диванѣ (bergère) и обернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ сидѣлъ напротивъ него. Кутайсовъ выслушалъ Полетику, не удостоивъ его ни одного взгляда; потомъ, обратясь къ Нарышкину, сказалъ: «Jugez, monsieur, nous avons besoin de 600,000 roubles, et elle nous offre cent». Другого отвѣта не было.

Конечно, подобные люди не въ состояніи были даже понимать того вреда, который причиняли. Къ этой категоріи принадлежалъ также генералъ-прокуроръ Обольянинов ъ, который съ величайшимъ хладнокровіемъ приказывалъ исполнять и даже усугублять то, что государь повелѣвалъ, когда съ умысломъ возбуждали его гнѣвъ. О жестокости генерала Аракчеева[2]) разсказывали, что онъ однажды совершенно спокойно билъ одного солдата по головѣ до тѣхъ поръ, пока тотъ не упалъ мертвый.

---

[1]) Секретарь императрицы Михаилъ Ивановичъ Полетика, умеръ въ чинѣ д. ст. сов. 9-го декабря 1824 года.

[2]) Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ род. 1769, ум. 1834 г.

Болѣе всего запятнано было царствованіе Павла ненасытнымъ корыстолюбіемъ извѣстной госпожи Шевалье[1]). Эта женщина была дочь ліонскаго танцмейстера. Въ Ліонѣ ее увидѣлъ Шевалье, танцоръ изъ Парижа, который передъ тѣмъ хвалился, будто танцовалъ «pas de cinq» съ Вестрисомъ и Гарделемъ, но о которомъ насмѣшники утверждали, что онъ слишкомъ скроменъ и долженъ бы хвалиться тѣмъ, что (какъ фигурантъ) танцовалъ «pas de seize». Онъ женился въ Ліонѣ на этой красивой, крайне бѣдной дѣвушкѣ, которая впослѣдствіи доставила ему милліонъ, между тѣмъ какъ мать ея на родинѣ жила въ нищетѣ, писала самыя жалостныя письма и наконецъ получила 200 рублей. Приведу одинъ изъ тысячи примѣровъ ея корыстолюбія.

Жена оберъ-мундшенка Нарышкина[2]) уже давно назначила своимъ наслѣдникомъ графа Румянцова[3]), устроившись предварительно съ родственниками покойнаго своего мужа и вслѣдствіе того распорядившись только

---

[1]) О госпожѣ Шевалье и ея мужѣ Коцебу сообщаетъ тѣ же свѣдѣнія и въ своемъ сочиненіи: Das merkwürdigste Jahr, II стр. 268 и слѣд. Она была дочь танцмейстера Пекама (Peycam), родилась въ 1774 году, дебютировала въ Ліонѣ въ 1791 году и въ слѣдующемъ (1792-мъ) году вышла за Шевалье. Біографическая статья о ней въ лексиконѣ Раббе (Biographie universelle et portative des contemporains ou Dictionnaire historique des hommes vivants et des hommes morts depuis 1788 jusqu'a nos jours... ponblie sous la direction de M. M. Rabbe, Vieilh de Boisgelin et Saint-Beuve. Paris. 1836). Ея портретъ въ роли Виргиніи (опера «Paul et Virginie») гравированъ въ Лондонѣ въ 1792 году Уардомъ (James Ward, см. Smith. British mezzotinto 1443. № 4). Другой портретъ въ роли Изауры (опера «Синяя Борода») гравированъ Штеттруппомъ (Andreas Stoettrupp).

[2]) Тотъ же анекдотъ въ сочиненіи Das merkv. Jahr, II, 272—276.— Анна Никитична Нарышкина, рожденная Румянцова (р. 1730, ум. 1820), пользовалась особеннымъ расположеніемъ Екатерины II. Ея бракъ съ оберъ-шенкомъ Александромъ Александровичемъ Нарышкинымъ (р. 1726, ум. 1795 г.) былъ безплоденъ.

[3]) Сыновья фельдмаршала графа Румянцова приходились ей двоюродными племянниками.

своею вдовьею частію и собственнымъ имѣніемъ, состоявшимъ изъ 13 000 душъ. Завѣщаніе это было утверждено Екатериною II и уже всѣми было забыто, когда въ царствованіе Павла оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ[1]), пользуясь своимъ вліяніемъ, убѣдилъ государя его уничтожить

Основываясь на этомъ примѣрѣ, другой Нарышкинъ, въ Москвѣ, пожелалъ сдѣлать то же самое. Для веденія своего дѣла онъ избралъ одного пьемонтца[2]), человѣка, извѣстнаго своею честностью, и поручилъ ему расположить въ свою пользу госпожу Шевалье. Пьемонтецъ открылся господину балетмейстеру, который сейчасъ спросилъ, на какую прибыль онъ могъ разсчитывать.—«Вотъ въ задатокъ ожерелье для madame», былъ отвѣтъ: «кромѣ того, приготовлено 50 000 рублей». —Шевалье потребовалъ впередъ половину этой суммы. И на это наконецъ согласились. Тогда графъ Кутайсовъ обратился къ государю, но домогательство показалось Павлу несправедливымъ; онъ отказалъ наотрѣзъ и запретилъ впредь ему говорить объ этомъ дѣлѣ.

Долго скрывалъ Шевалье эту неудачу, пока наконецъ пьемонтецъ, черезъ десятыя руки, не провѣдалъ о ней. Съ ожерельемъ, пожалуй, готовъ онъ былъ разстаться, но 25 000 сталъ онъ требовать назадъ. Все было напрасно! насмѣшки и угрозы были ему единственнымъ отвѣтомъ. Въ такой крайности онъ прибѣгнулъ къ одной француженкѣ[3]), которая появилась въ Петербургѣ весьма загадочно: никто не хотѣлъ ее знать, а между тѣмъ императоръ терпѣлъ

---

[1]) Оберъ-гофмаршалъ А. Л. Нарышкинъ былъ родной племянникъ Александра Александровича Нарышкина, мужа Анны Никитичны.

[2]) Въ статьѣ «Die Ermordung des Kaisers Paul» (Sybel. Historische Zeitschrift. München, 1866. III Band, p. 143) этотъ пьемонтецъ названъ Мермесомъ (Mermès), савоярдомъ, состоявшимъ въ прежнее время при сардинскомъ посольствѣ въ Петербургѣ.

[3]) Каролина Бонейль (Bonoeil), пріѣхавшая въ Петербургъ въ маѣ 1800 г. Das merkw. Jahr, II, 274. Bignon, I 445, note

Не о ней ли говоритъ m-me Lebrun, I, 40, 60, 61, III, 131.

ее въ Гатчинѣ, и она успѣла войти въ сношенія съ нѣкоторыми высокопоставленными лицами Ее вообще считали — и по всей справедливости—агентомъ перваго консула. Эта женщина все разсказала министру иностранныхъ дѣлъ графу Ростопчину[1]) Ростопчинъ, ненавидѣвшій Кутайсова, обрадовался случаю его, можетъ быть, ниспровергнуть. Говорятъ, что, спрятавшись за ширмы, онъ выслушалъ весь разсказъ пьемонтца и доложилъ о немъ государю, въ которомъ чувство справедливости возмутилось въ высшей степени, несмотря на то, что въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ былъ его любимецъ. Тотчасъ приказано было, чтобы Шевалье сдалъ свою должность и высланъ былъ за границу. Съ большимъ трудомъ смягчилъ Кутайсовъ императора ложнымъ объясненіемъ, будто Шевалье, хотя ему и были предложены деньги, никогда, однако, ихъ не получалъ и не принималъ.

Послѣ того старались обратить гнѣвъ государя на несчастнаго пьемонтца. Кутайсову стоило только мигнуть своему вѣрному другу Обольянинову: невинный былъ арестованъ подъ предлогомъ, что онъ якобинецъ, между тѣмъ какъ, напротивъ, онъ извѣстенъ былъ за самаго яраго аристократа: его высѣкли кнутомъ, вырвали ему ноздри и сослали въ Нерчинскъ въ рудники Такъ разсказывала въ институтѣ дѣвицъ одна дама, имѣвшая изъ первыхъ рукъ свѣдѣнія объ этомъ происшествіи.

Слѣдующій случай причинилъ менѣе несчастія, но былъ не менѣе безстыднымъ.

Генеральша Кутузова[2]), мужъ которой былъ нѣкоторое время посломъ при турецкомъ дворѣ, получила въ Константинополѣ въ подарокъ четыре нитки дорогихъ жемчуговъ. Но, такъ какъ ея мужъ нуждался въ посто-

---

[1]) Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ, р 1765 † 1826 г.

[2]) Екатерина Ильинична Голенищева-Кутузова, рожденная Бибикова, р 1754 † 1824 г. Жена Михаила Иларіоновича Голенищева-Кутузова, впослѣдствіи князя Смоленскаго.

роннемъ вліяніи, чтобы поддержать себя, она подарила два ряда этихъ жемчуговъ госпожѣ Шевалье, а остальные два, въ присутствіи этой женщины, отдала обѣимъ своимъ дочерямъ Нѣсколько дней спустя, должны были давать въ Гатчинѣ оперу «Панургъ». Шевалье послала къ генеральшѣ Кутузовой съ просьбою одолжить на этотъ вечеръ остальные жемчуга Отказать ей не было возможности, но оперная принцесса забыла возвратить эти украшенія, а генеральша не осмѣлилась ни разу ей о нихъ напомнить.

Эта жадность госпожи Шевалье и ея мужа соединена была съ самымъ наглымъ высокомѣріемъ, и чрезъ это была еще возмутительнѣе. Легче было имѣть доступъ къ любому министру, чѣмъ къ этому балетмейстеру, и если кого наконецъ принимали послѣ нѣсколькихъ часовъ ожиданія, то это почиталось высокою милостью.

Мнѣ поручено было написать оперу съ балетомъ для этой артистической четы, это заставило меня два раза быть свидѣтелемъ того высокомѣрія, которое госпожа Шевалье выказывала, однако менѣе, чѣмъ ея мужъ. Она приняла меня въ «неглиже», и такъ какъ письменный планъ, который я долженъ былъ ей сообщить, далъ мнѣ случай нѣкоторое время сидѣть весьма близко къ ней, то я могъ замѣтить, что ея столь восхваляемая красота, если не совсѣмъ поблекла, была, по меньшей мѣрѣ, уже не въ полномъ блескѣ. На сценѣ она дѣйствительно очаровывала своимъ станомъ и игрою, но ей не слѣдовало пускаться въ серьезную оперу, ибо, напримѣръ, въ Ифигеніи [1]), можно было любоваться только ея красотою Между тѣмъ не было недостатка въ самыхъ низкихъ льстецахъ, которые ее воспѣвали, придавая иногда своимъ похваламъ

---

[1]) Въ роли Ифигеніи Шевалье появилась въ костюмѣ краснова-таго цвѣта, чтобы польстить императору, который передъ этимъ велѣлъ выкрасить въ этотъ цвѣтъ Михайловскій замокъ

(Das merk. Jahr, II 186. Русскій переводъ этого мѣста въ «Русскомъ Архивѣ» 1870 года, стр. 971)

самые утонченные обороты. Я еще помню нѣсколько куплетовъ, которые кстати можно здѣсь привести.

On loue tant la belle Chevalier,
Son talent, son air, son maintien, sa décence.
Qu'enfin moi, je perds patience,
Et je vais la critiquer.

D'abord, on vante sa beaute;
Ce n'est pas sur quoi je porte querelle,
Mais, par exemple, la jeune Hebé
Ne serait-elle pas aussi belle?

Enfin, on dit de son sublime talent
Que de la belle Nature elle suit les traces;
J'en conviens; mais, si l'on faisant venir les Grâces,
N'en feraient-elles pas autant?

и пр. и пр.

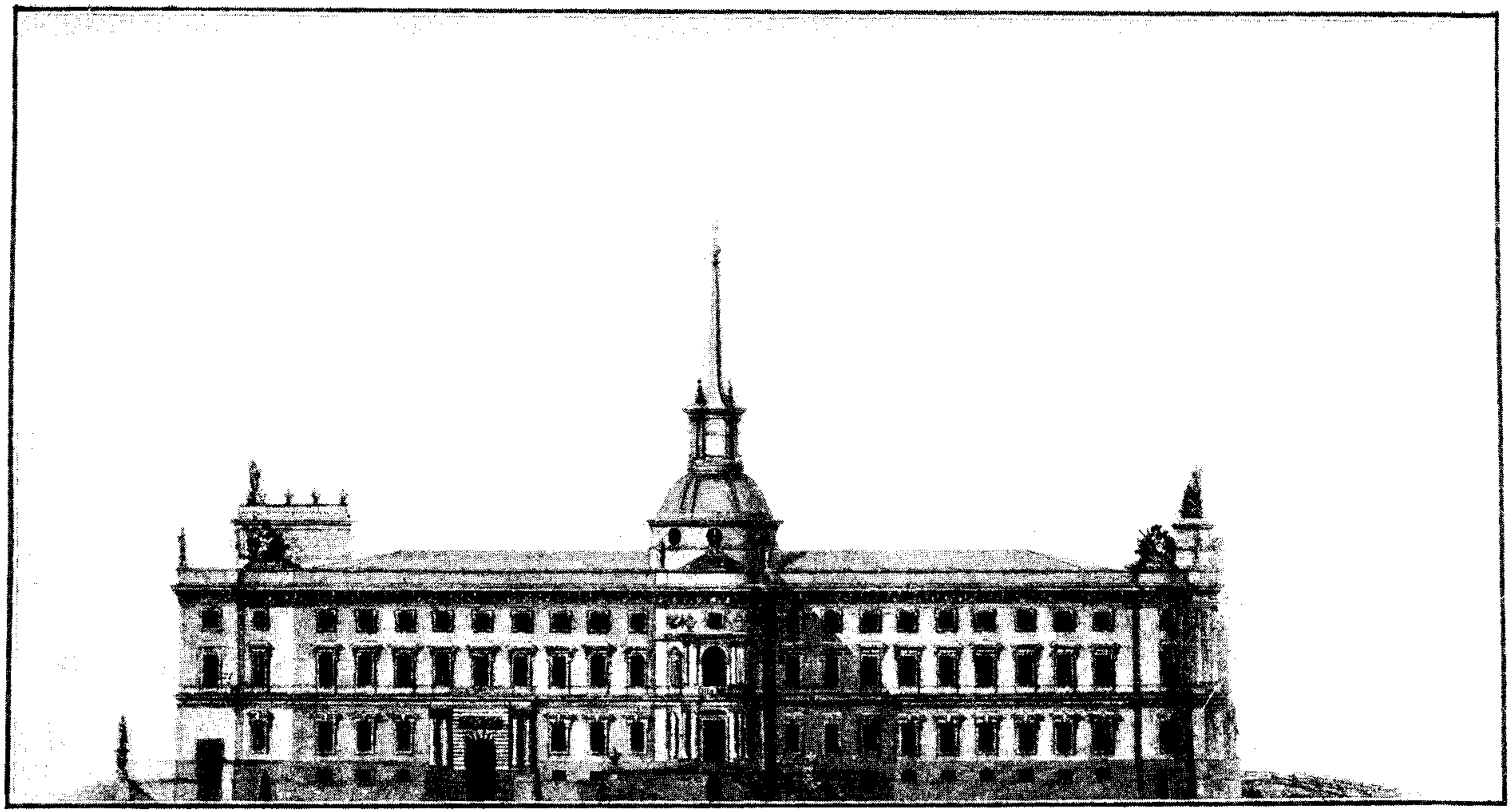
За нѣсколько дней до ниспроверженія своего счастія госпожа Шевалье прогуливалась верхомъ въ сопровожденіи двухъ придворныхъ шталмейстеровъ, подобно тому, какъ обыкновенно прогуливался самъ императоръ. Она проскакала мимо оконъ французской актрисы Вальвиль, своей соперницы въ благосклонности публики, и бросила ей гордый взглядъ. Случайно ѣхалъ за ней тоже верхомъ великій князь Александръ Павловичъ; онъ улыбнулся госпожѣ Вальвиль и указалъ на горделивую наѣздницу, которая такъ публично выставляла напоказъ себя и свою продажную добродѣтель.

Нѣтъ примѣра, чтобы она когда-либо употребила свое вліяніе для добраго дѣла; можно было разсчитывать на ея вмѣшательство только тамъ, гдѣ была для нея какая-нибудь выгода.

Ей одной, можетъ быть, удалось бы спасти несчастнаго пастора Зейдера [1]), за котораго столь многіе напрасно

---

[1]) Исторія пастора Зейдера разсказана, съ незначительными варіантами, въ сочиненіи: «Das merkwürdigste Jahr», II, 255—265. Кромѣ



Фасадъ Михайловскаго замка со стороны церкви.

(Съ гравюры Колпакова 1801 года

просили. Этотъ пасторъ, сельскій проповѣдникъ въ окрестностяхъ Дерпта, имѣлъ небольшую библіотеку для чтенія, которую, однако, закрылъ, потому что трудно было получать новыя книги и опасно ихъ давать для чтенія, такъ какъ въ Ригѣ сидѣлъ извергъ, по имени Туманскій [1]), цензоръ, который, чтобы угодить и придать себѣ важность, осуждалъ самыя невинныя книги и повергалъ въ несчастія всякаго, кто ихъ держалъ у себя. Онъ былъ предметомъ всеобщей ненависти и всеобщаго страха. Пастору Зейдеру не были еще возвращены нѣкоторыя отданныя имъ въ чтеніе книги, въ томъ числѣ Лафонтенова [2]) «Сила любви»; онъ объ этомъ извѣстилъ въ еженедѣльной газетѣ, не зная, что и эта книга была изъ числа запрещенныхъ. Почему она была запрещена, это зналъ, конечно, одинъ только Туманскій, который съ адскою радостью ухватился за этотъ случай, чтобы однимъ несчастнымъ увеличить число своихъ жертвъ.

Онъ донесъ двору, что пасторъ Зейдеръ старается посредствомъ библіотеки для чтенія распространять тлетворныя начала. Этотъ злостный, хитро придуманный доносъ возбудилъ подозрительность и негодованіе императора.

Зейдера привезли въ Петербургъ, и юстицъ-коллегія получила приказаніе признать его заслуживавшимъ тѣлеснаго наказанія. Къ сожалѣнію, это судебное мѣсто не имѣло

того, существуетъ разсказъ самого Зейдера подъ заглавіемъ: «Der Todeskampf am Hochgericht, oder Geschichte des unglucken Dulders F. Seider, ehemaligen Predigers zu Randen in Esthland*), von ihm selbst erzählt. Ein Seitenstuck zum merkwurdigsten Jahre meines Lebens von August von Kotzebue.—Hildesheim und Leipzig 1803. 8°. 100 страницъ.

[1]) Ѳедоръ Осиповичъ Туманскій, ум. 1805 г.

Seider: Todeskampf, S. 98.—«Русская Старина», VIII, стр 334.

[2]) Августъ Лафонтенъ, нѣмецкій писатель (род 1759 г, ум. 1831 года), сочинитель безчисленнаго множества сантиментальныхъ романовъ.

---

*) Ранденскій пасторатъ находится на восточномъ берегу озера Вирцервъ, въ Дерптскомъ уѣздѣ Лифляндской губерніи, а не въ Эстляндской, какъ напечатано издателями въ заглавіи брошюры Зейдера.

должнаго значенія, чтобы объявить, что дѣло должно быть сперва изслѣдовано, а потомъ рѣшено по законамъ; если же человѣкъ заранѣе осужденъ, то остается только предать его палачу. Правда, эти низкіе судьи спрашивали генералъ-прокурора, какъ имъ поступить, и просили для себя его заступничества; но такъ какъ онъ ограничился однимъ холоднымъ отвѣтомъ, что они могутъ дѣйствовать подъ своей отвѣтственностью, то страхъ побѣдилъ всѣ остававшіяся сомнѣнія, и Зейдеръ былъ приговоренъ къ наказанію кнутомъ. Пріѣхали за нимъ въ крѣпость, чтобы оттуда повести его выслушать приговоръ, и объявили ему, что онъ долженъ надѣть пасторскую мантію и воротникъ. При этихъ словахъ онъ оживился свѣтлою надеждою, не предчувствуя, что эти священническія принадлежности потому только были необходимы, что, для большаго позора, ихъ должны были съ него сорвать. Когда ему прочли приговоръ, онъ упалъ на землю, потомъ приподнялся на колѣни и умолялъ, чтобы его выслушали. «Здѣсь не мѣсто», сказалъ фискалъ. «Гдѣ же мѣсто?» вопилъ Зейдеръ: «ахъ, только передъ Богомъ».

На Невскомъ проспектѣ, по дорогѣ къ мѣсту наказанія, къ нему подъѣхалъ полицейскій офицеръ и спросилъ, не желаетъ ли онъ сперва причаститься? Онъ отвѣтилъ: «да», и его повели назадъ. Это было лишь краткою отсрочкою! Снова потащили его къ мѣсту казни. Дорогою палачъ потребовалъ отъ него денегъ; онъ отдалъ этому гнусному человѣку свои часы.

Когда привязали его къ столбу, онъ имѣлъ еще настолько самосознанія, что замѣтилъ, какъ, повидимому, значительный человѣкъ въ военномъ мундирѣ подошелъ къ палачу и прошепталъ ему на ухо нѣсколько словъ; этотъ послѣдній почтительно отвѣчалъ: «слушаюсь». Вѣроятно, то былъ самъ графъ Паленъ или одинъ изъ его адъютантовъ, давшій палачу приказаніе пощадить несчастнаго. Отъ безчестія нельзя было его избавить; по крайней мѣрѣ хотѣли его предохранить отъ тѣлеснаго наказанія,

котораго онъ, можетъ быть, и не вынесъ бы. Зейдеръ увѣрялъ, что онъ не получилъ ни одного удара, онъ только слышалъ, какъ въ воздухѣ свистѣлъ каждый взмахъ, который потомъ скользилъ по его исподнему платью.

По совершеніи казни, онъ долженъ былъ быть отправленъ въ Сибирь; но и этою высылкою графъ Паленъ, съ опасностью для самого себя, промедлилъ нѣсколько дней, все надѣясь на болѣе благопріятный оборотъ въ участи несчастнаго, такъ какъ даже русское духовенство, къ его чести будь помянуто, вошло съ ходатайствомъ за него. Когда, однако, исчезла послѣдняя надежда, его отправили въ Сибирь [1]), какъ самаго отъявленнаго злодѣя, и даже его жена не получила разрѣшенія слѣдовать за нимъ.

Только Александръ Павловичъ, при вступленіи на престолъ, возвратилъ его изъ Сибири [2]), возстановилъ его честь и достоинство и справедливою щедростію исправилъ то, что еще было исправимо.

Разсказываютъ, что послѣ переворота, за обѣдомъ у одного изъ вельможъ [3]), собрано было для него 10.000 рублей. Весьма возможно, что на этомъ веселомъ пирѣ кто-нибудь въ минуту состраданія сдѣлалъ подобное благородное предложеніе; но оно не было приведено въ исполненіе, и во всей этой возмутительной исторіи ничье имя не блеститъ, кромѣ имени графа Палена.

Этотъ человѣкъ, котораго обстоятельства вынудили быть участникомъ въ столь отвратительномъ дѣлѣ, могъ въ то время былъ изображенъ однѣми только свѣтлыми

---

[1]) Въ іюнѣ 1800 года.

[2]) «Бывшій» пасторъ Зейдеръ находится въ спискѣ лицъ, сосланныхъ императоромъ Павломъ въ Нерчинскъ и прощенныхъ императоромъ Александромъ указомъ 15-го марта 1801 года. (П. С. З. № 19.784).

По возвращеніи изъ Сибири, онъ назначенъ былъ приходскимъ пасторомъ въ Гатчинѣ. Здѣсь онъ умеръ въ 1834 году, гдѣ и похороненъ.

[3]) Обѣдъ былъ у князя Зубова. Коцебу исправляетъ здѣсь то, что напечаталъ въ своемъ «Merkwürdigste Jahr», II, 265.

красками. При высокомъ ростѣ, крѣпкомъ тѣлосложеніи, открытомъ, дружелюбномъ выраженіи лица, онъ отъ природы былъ одаренъ умомъ быстрымъ и легко объемлющимъ всѣ предметы. Эти качества соединены были въ немъ съ душою благородною, презиравшею всякія мелочи. Его обхожденіе было жесткое, но безъ суровости. Всегда казалось, что онъ говоритъ то, что думаетъ; выраженій онъ не выбиралъ. Онъ самымъ вѣрнымъ образомъ представлялъ собою то, что нѣмцы называютъ «ein Degenknopf». Онъ охотно дѣлалъ добро, охотно смягчалъ, когда могъ, строгія повелѣнія государя, но дѣлалъ видъ, будто исполнялъ ихъ безжалостно, когда иначе не могъ поступать, что случалось довольно часто.

Почести и званія, которыми государь его осыпалъ, доставили ему, весьма естественно, горькихъ завистниковъ, которые слѣдили за каждымъ его шагомъ и всегда готовы были его ниспровергнуть Часто приходилось ему отвращать бурю отъ своей головы, и ничего не было необычайнаго въ томъ, что въ иныя недѣли по два раза часовые то приставлялись къ его дверямъ, то отнимались. Оттого онъ долженъ былъ всегда быть насторожѣ и только изрѣдка имѣлъ возможность оказывать всю ту помощь, которую внушало ему его сердце. Собственныя благоденствіе и безопасность были, безъ сомнѣнія, его первою цѣлью, но въ толпѣ дюжинныхъ любимцевъ, коихъ единственною цѣлью были ихъ собственныя выгоды, и которые равнодушно смотрѣли, какъ все вокругъ нихъ ниспровергалось, лишь бы они поднимались все выше и выше,— можно за графомъ Паленомъ признать великою заслугою то, что онъ часто сходилъ съ обыкновенной дороги, чтобы подать руку помощи тому или другому несчастному.

Вездѣ, гдѣ онъ былъ въ прежнія времена, генераломъ ли въ Ревелѣ, или губернаторомъ въ Ригѣ, его всѣ знали и любили, какъ честнаго и общественнаго человѣка. Даже на вершинѣ своего счастья онъ не забывалъ своихъ старыхъ знакомыхъ, не перемѣнился въ отношеніи къ нимъ и былъ

полезенъ, когда могъ Только однажды, когда я былъ съ нимъ совершенно одинъ у императора, мнѣ показалось въ первый разъ, что и онъ могъ притворяться точно такъ, какъ самый гибкій царедворецъ Это было при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Очень рано поутру [1]) графъ потребовалъ меня къ себѣ; но такъ какъ подобное приглашеніе къ военному губернатору обыкновенно имѣло страшное значеніе и ничего добраго не предвѣщало, то, дабы успокоить меня и жену мою, онъ имѣлъ предупредительность присовокупить, что нѣтъ ничего непріятнаго въ томъ, что имѣетъ мнѣ сказать. Немало я изумился, когда съ лицомъ, скрывавшимъ насмѣшку подъ видомъ веселости, онъ объявилъ мнѣ, что императоръ избралъ меня, чтобы отъ его имени послать чрезъ газеты воюющимъ державамъ вызовъ на поединокъ. Сначала я не понялъ, въ чемъ дѣло, но, когда оно было мнѣ растолковано, я просилъ, чтобы меня отпустили домой для составленія требуемой статьи «Нѣтъ», сказалъ графъ: «это должно быть сдѣлано немедленно. Садитесь и пишите». Я это исполнилъ. Самъ онъ остался возлѣ меня.

Конечно, не легко было, подъ впечатлѣніемъ столь неожиданной странности, написать что-либо удовлетворительное. Два проекта не удались. Графъ нашелъ, что они написаны были не въ томъ духѣ, котораго желалъ императоръ, и которымъ я, разумѣется, не былъ проникнутъ Третій проектъ показался ему сноснымъ. Мы поѣхали къ императору. Графъ вошелъ сперва одинъ въ его кабинетъ, потомъ, вернувшись, сказалъ мнѣ, что проектъ мой далеко не довольно рѣзокъ, и повелъ меня съ собою къ императору.

Эта минута—одно изъ пріятнѣйшихъ моихъ воспоминаній До сихъ поръ она мнѣ живо представляется. Государь стоялъ посреди комнаты. По обычаю того времени,

---

[1]) 16-го декабря 1800 года «Das merkw. Jahr», т 2, гдѣ Коцебу передаетъ это обстоятельство съ большими подробностями

я въ дверяхъ преклонилъ одно колѣно, но Павелъ приказалъ мнѣ приблизиться, далъ мнѣ поцѣловать свою руку, самъ поцѣловалъ меня въ лобъ и сказалъ мнѣ съ очаровательною любезностью: «Прежде всего намъ нужно совершенно помириться». Такое обращеніе съ однимъ изъ послѣднихъ его подданныхъ, съ человѣкомъ, котораго онъ безвинно обидѣлъ, конечно, тронуло бы всякаго, а для меня оно останется незабвеннымъ.

Послѣ того зашла рѣчь о вызовѣ на поединокъ [1]). Императоръ, смѣясь, сказалъ графу, что избралъ его въ свои секунданты, графъ въ знакъ благодарности поцѣловалъ государя въ плечо и съ лицемѣріемъ, котораго я за нимъ не подозрѣвалъ, сталъ одобрительно разсуждать объ этой странной фантазіи. Казалось, онъ былъ вѣрнѣйшимъ слугою, искреннѣйшимъ другомъ того, котораго, нѣсколько недѣль спустя, замышлялъ свергнуть съ престола въ могилу. Признаюсь, что если бы въ эту минуту я вошелъ въ кабинетъ государя съ намѣреніемъ его убить, прекрасная, человѣческая его благосклонность меня немедленно обезоружила бы.

Еще глубже проникся я этимъ чувствомъ въ другой разъ, когда, призвавъ меня послѣ обѣда, онъ приказалъ мнѣ сѣсть напротивъ себя и тутъ наединѣ сталъ непринужденно разговаривать со мною, какъ со старымъ знакомымъ. Во время разговора, конечно, въ моей власти было испросить себѣ явные знаки его милости; императоръ, повидимому, того и ожидалъ и представлялъ къ тому по-

---

[1]) Статья (редакція самого Павла, см. «Das merkw. Jahr», т. 2) переведена была нашимъ авторомъ на нѣмецкій языкъ и напечатана въ «Гамбургскомъ Корреспондентѣ» 16-го января 1801 года. Потомъ она появилась одновременно въ русскихъ и въ нѣмецкихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», 19-го февраля 1801 года, наконецъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 27-го февраля 1801 года.

Относительно этой статьи можно сравнить: Русскій Архивъ 1870 года, стр. 1960—1966 (разсказъ Коцебу), Русскій Архивъ 1871 года, стр. 1095, и Архивъ князя Воронцова, книга 11-я, стр. 379.

водъ. Сознаюсь, во мнѣ мелькнула мысль воспользоваться этимъ случаемъ для моей жены и дѣтей, но какое-то внутреннее чувство меня остановило; я хотѣлъ, чтобы воспоминаніе объ этомъ днѣ осталось совершенно чистымъ,—и промолчалъ. О, зачѣмъ каждый не могъ хотя однажды видѣть его такъ, какъ я его видѣлъ, исполненнымъ человѣческихъ чувствъ и достоинства! Чье сердце могло бы для него остаться закрытымъ!

Къ несчастію, его только ненавидѣли и боялись, и, конечно, при самыхъ честныхъ намѣреніяхъ онъ часто заслуживалъ это нерасположеніе. Множество мелочныхъ распоряженій, которыя онъ съ упрямствомъ и жестокостію сохранялъ въ силѣ, лишили его уваженія тѣхъ, которые не понимали ни великихъ его качествъ, ни твердости и справедливости его характера. То были большею частію мѣры, не имѣвшія никакого вліянія на благоденствіе подданныхъ, собственно говоря, одни только стѣсненія въ привычкахъ; и ихъ слѣдовало бы переносить безъ ропота, какъ дѣти переносятъ странности отца. Но таковы люди: если бы Павелъ въ несправедливыхъ войнахъ пожертвовалъ жизнью нѣсколькихъ тысячъ людей, его бы превозносили, между тѣмъ какъ запрещеніе носить круглыя шляпы и отложные воротники на платьѣ возбудило противъ него всеобщую ненависть.

Духъ мелочности, нерѣдко заставлявшій его нисходить до предметовъ, недостойныхъ его вниманія, могъ происходить отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ желанія совершенно преобразовать старый дворъ своей матери такъ, чтобы ничто не напоминало ему объ ея временахъ; во-вторыхъ, отъ преувеличеннаго уваженія ко всему, что дѣлалъ прусскій король Фридрихъ II.

Павелъ полагалъ, что во время могущества князя Потемкина военная дисциплина слишкомъ ослабѣла, и что необходима неумолимая строгость, чтобы возстановить ее въ мельчайшихъ подробностяхъ. Вслѣдствіе сего снова введены были у солдатъ обременительныя пукли и косы.

Меня увѣрялъ одинъ гвардейскій офицеръ, что, когда полкъ долженъ былъ на другое утро вступать въ караулъ, солдатамъ нужно было вставать въ полночь, чтобы другъ другу завивать волосы. По окончани этого важнаго дѣла, они должны были, дабы не испортить своей прически, до самаго вахтъ-парада сидѣть прямо или стоять, и такимъ образомъ въ продолженіе 36 часовъ не выпускать ружья изъ рукъ.

По той же причинѣ отданъ былъ приказъ генералу Мелессино относительно артиллерійскихъ фурлейтовъ. Въ русскомъ языкѣ сохранилось нѣмецкое слово «фурманъ»; но имѣли обыкновеніе и во множественномъ числѣ говорить «фурманы», покуда императоръ Павелъ не приказалъ называть ихъ «фурлейтами». Замѣчанія достойно, что онъ издалъ этотъ указъ въ самый день своего коронованія въ Москвѣ, когда, само собою разумѣется, болѣе важные предметы должны бы были его занимать.

Когда онъ вступилъ на престолъ, я находился въ Ревелѣ, и очень хорошо помню, съ какимъ любопытствомъ распечатанъ былъ первый отъ него полученный указъ: въ немъ опредѣлялась вышина гусарскихъ султановъ, и приложенъ былъ рисунокъ!

Малѣйшее отступленіе отъ формы было проступкомъ, который навлекалъ неизбѣжное наказаніе. Эти наказанія постигали и гражданскихъ чиновниковъ. Никто не могъ показываться иначе, какъ въ мундирѣ, въ бѣлыхъ штанахъ, въ большихъ ботфортахъ, съ коротенькою тростью въ рукѣ. Однажды государь, прогуливаясь верхомъ, встрѣтилъ чиновника, который, будучи увѣренъ, что мундиръ его въ совершенной исправности, бодро сталъ передъ нимъ во фронтъ. Но отъ зоркаго взгляда императора не ускользнуло, что чиновникъ этотъ не имѣлъ трости. Павелъ остановился и спросилъ у него: «Что слѣдуетъ имѣть при такихъ сапогахъ?»—Тотъ затрепеталъ и онѣмѣлъ.—«Что слѣдуетъ имѣть при такихъ сапогахъ?»—повторилъ императоръ уже нѣсколько громче. Испуганный чиновникъ со-

всѣмъ погерялся и, не понимая смысла сдѣланнаго ему вопроса, отвѣчалъ: «Ваксу, ваше императорское величество!»—Тутъ Павелъ не могъ удержаться отъ смѣха. «Дуракъ», сказалъ онъ: «слѣдуетъ имѣть трость», — и поѣхалъ дальше. Счастливъ былъ этотъ чиновникъ, что его глупость развеселила государя, а то ему, безъ сомнѣнія, пришлось бы прогуляться на гауптвахту.

Не менѣе стѣснительнымъ было для столичныхъ жителей повелѣніе выходить изъ экипажей при встрѣчѣ съ императоромъ. За исполненіемъ этого повелѣнія наблюдали съ величайшею строгостію, и, несмотря на глубокую грязь, разряженныя дамы должны были выходить изъ своихъ каретъ, какъ только издали замѣчали императора. Я, однако, самъ видѣлъ, какъ онъ однажды быстро подскакалъ къ г-жѣ Нарышкиной [1]), готовившейся исполнить это повелѣніе, и заставилъ ее остаться въ каретѣ; зато сотни другихъ дамъ, когда онѣ или ихъ кучера не были достаточно проворны, подвергались сильнымъ непріятностямъ. Такъ, напримѣръ, г-жа Демутъ, жена извѣстнаго содержателя гостиницы, должна была изъ-за этого отправиться на нѣсколько дней въ смирительный домъ, и самые значительные люди, изъ опасенія подобныхъ обидъ, трепетали, когда ихъ жены, выѣхавшія со двора, не возвращались къ назначенному времени.

Но и тутъ бывали иногда забавные случаи. Однажды навстрѣчу императору ѣхала въ саняхъ какая-то французская модистка. Едва замѣтивъ издали государя, она закричала своему извозчику, чтобы онъ остановился; но такъ какъ она дурно говорила по-русски, вѣроятно, онъ ее не понялъ и догадался, чего она хотѣла, только тогда, когда уже совершенно близко подъѣхалъ къ императору. Оглохши отъ страха, онъ со всей мочи принялся погонять своихъ лошадей, чтобы поскорѣе проѣхать мимо, въ то

---

[1]) Вѣроятно, къ женѣ оберъ-гофмаршала Маріи Алексѣевнѣ Нарышкиной, рожд. Сенявиной, р. 1762 † 1822 г.

время какъ модистка обоими кулаками барабанила по его спинѣ и кричала изо всѣхъ силъ: «Sire, ce n'est pas ma faute, ce n'est pas ma faute!» Такимъ образомъ сани промчались мимо государя, когорый при видѣ этой сцены не могъ не разразиться громкимъ смѣхомъ.

Эти встрѣчи рѣдко оканчивались такъ счастливо, и потому обыкновенно старались ихъ избѣгать. Какъ только на большомъ разстояни замѣчали императора, поскорѣе сворачивали въ другую улицу. Это въ особенности дѣлали офицеры. Государю это было въ высшей степени непріятно. Онъ не хотѣлъ, чтобы его боялись. Незадолго до своей смерти онъ увидѣлъ двухъ офицеровъ въ саняхъ, которые преспокойно свернули въ боковую улицу, и, хотя онъ тотчасъ же послалъ за ними въ погоню своего берейтора, но они скрылись изъ виду, благодаря быстротѣ своихъ лошадей. Онъ былъ этимъ сильно разгнѣванъ, и я былъ свидѣтелемъ того затрудненія, въ которомъ находился графъ Паленъ, получивпій приказаніе непремѣнно представить этихъ офицеровъ, а между тѣмъ не знавшій, по какимъ примѣтамъ ихъ разыскать.

Всякій, у кого не было спѣшнаго дѣла, предпочиталъ, во избѣжаніе непріятности, оставаться дома въ тѣ часы, когда императоръ имѣлъ обыкновеніе выѣзжать изъ дворца. Стѣсненіе это, безъ сомнѣнія, было весьма тягостно для столичныхъ жителей, тѣмъ не менѣе въ Петербургѣ еще жили и говорили гораздо свободнѣе, чѣмъ въ провинціи. Здѣсь успѣли свыкнуться съ опасностью; тамъ, напротивъ, каждый содрогался, слыша раскаты дальней грозы. Изъ губернаторовъ одни опасались недостаточно угодить государю, другіе страшились доноса какого-нибудь завистника, и всѣ они, вообще, скорѣе преувеличивали каждое повелѣніе; между ними были и такіе, которые, подъ видомъ покорности, рады были случаю дать полную волю своимъ собственнымъ тиранскимъ инстинктамъ. Поэтому въ столицѣ все-таки можно было жить покойнѣе и вольнѣе, чѣмъ въ губерніяхъ.

Все это, однако, не касалось лицъ низшаго сословія и рѣдко касалось частныхъ лицъ, не занимавшихъ никакой должности. Только лица, находившіяся на службѣ, какого бы званія они ни были, постоянно чувствовали надъ собою угрозу наказанія. Народъ былъ счастливъ. Его никто не притѣснялъ. Вельможи не смѣли обращаться съ нимъ съ обычною надменностью; они знали, что всякому возможно было писать прямо государю, и что государь читалъ каждое письмо. Имъ было бы плохо, если бы до него дошло о какой-нибудь несправедливости; поэтому страхъ внушалъ имъ человѣколюбіе. Изъ 36 милліоновъ людей по крайней мѣрѣ 33 милліона имѣли поводъ благословлять императора, хотя и не всѣ сознавали это.

Донынѣ народъ пользуется однимъ благодѣяніемъ, которымъ обязанъ Павлу, и котораго одного было бы достаточно, чтобы увѣковѣчить его имя. Онъ повелѣлъ учредить хлѣбные запасные магазины, въ которые каждый крестьянинъ обязанъ былъ вносить извѣстную часть своего урожая, съ тѣмъ, чтобы потомъ, въ случаѣ нужды, получать ссуды изъ этихъ магазиновъ [1]). Благотворныя послѣдствія этого распоряженія неоднократно выказывались со времени кончины Павла. Безъ этихъ магазиновъ многія тысячи уже умерли бы съ голоду. Конечно, и это превосходное распоряженіе было имъ заимствовано у прусскаго короля Фридриха II; но польза, которую это подражаніе принесло и еще принесетъ въ будущемъ, съ избыткомъ вознаграждаетъ Россійское государство за тотъ вредъ, который ему когда-либо могла причинить также заимствованная у Пруссіи мелочная военная система [2]).

---

[1]) Невѣрно. Первоначальная мысль о заведеніи хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ принадлежитъ Петру Великому; засимъ въ слѣдующія царствованія, а въ особенности въ царствованіе Екатерины II, былъ цѣлый рядъ узаконеній по этому предмету.

См. П. С З. въ алфавитномъ реестрѣ слово: «хлѣбные запасные магазины».

[2]) Къ сожалѣнію, человѣколюбивыя повелѣнія Павла не исполнялись во всемъ государствѣ такъ добросовѣстно, какъ повелѣнія суро-

Выдаютъ за достовѣрное, будто въ послѣднее время онъ объявилъ, что въ Европѣ должны господствовать только наиболѣе великія державы — Франція и Россія. Увѣряютъ, будто уже приняты были мѣры, чтобы придать вѣсъ этому объявленію, и будто съ этою цѣлью отправленъ былъ въ Берлинъ курьеръ, котораго, однако, графъ Паленъ задержалъ, а порученныя ему деньги представилъ, по кончинѣ Павла, новому императору Ничего нѣтъ не-

выя, выполненію которыхъ всякій спѣшилъ содѣйствовать. Напримѣръ, въ обширной Архангельской губерніи крестьяне два раза въ годъ засыпали магазины; но о томъ, что этотъ хлѣбный запасъ имъ принадлежитъ, они не имѣли никакого понятія и смотрѣли на установленный взносъ, какъ на новый налогъ, потому что капитанъ-исправникъ (начальникъ земской полиціи) бралъ изъ магазиновъ хлѣбъ и распоряжался имъ по своему усмотрѣнію. Поэтому когда въ 1810 году въ этой губерніи настала голодъ, и отдано было приказаніе открыть магазины, они всѣ оказались пустыми. Архангельскій губернаторъ фонъ-Дезинъ былъ смѣненъ, потому что участвовалъ въ этомъ грабежѣ или смотрѣлъ на него сквозь пальцы. Честный адмиралъ Спиридовъ былъ назначенъ на его мѣсто. На пути во ввѣренную ему губернію, куда онъ ѣхалъ большею частью водою, по Вологдѣ*), онъ нашелъ не только цѣлыя деревни опустѣвшими отъ голода, но и такія, въ которыхъ, по причинѣ распространившейся послѣ голода заразы, ему нельзя было останавливаться на ночлегъ. Этотъ случай еще болѣе убѣдилъ въ пользѣ Павлова учрежденія и въ то же время доказалъ, что строгость, хотя и не всегда умѣстная, была, однако, вообще благотворною. Страна, въ которой по меньшей мѣрѣ двѣ трети чиновниковъ объ одномъ только и думаютъ, какъ ограбить казну, не иначе можетъ быть управляема, какъ желѣзнымъ скипетромъ. Такъ управлялъ ею, безъ вреда для своей славы, Петръ I, величайшій знатокъ своего народа; сколько сохранилось анекдотовъ, изъ которыхъ можно было бы заключить, что онъ былъ или извергъ, или сумасшедшій, однако, онъ весьма хорошо зналъ, что дѣлалъ, и держался единственно вѣрнаго правила въ отношеніи къ такому народу, который всякаго честнаго и добросовѣстнаго человѣка обыкновенно называетъ «дуракомъ»**). По-

*) Вологда—небольшая рѣка, имѣющая въ теченіи своемъ не болѣе 130 верстъ, изъ коихъ судоходны только 28 верстъ отъ впаденія ея въ рѣку Сухону. Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать, что Спиридовъ спустился къ Архангельску по Сухонѣ и Двинѣ.

**) Въ подлинникѣ: «einen Durak zu nennen pflegt».

возможнаго въ томъ, что онъ дѣйствительно имѣлъ подобныя предположенія, въ то время надъ нимъ смѣялись, но послѣдствія доказали, что онъ былъ дальновиднѣе своихъ современниковъ.

Если и допустить, что въ отношеніи къ внѣшней политикѣ онъ иногда принималъ несоотвѣтственныя мѣры, мѣры эти все-таки не были полумѣрами; а въ такую эпоху, въ которую всѣ монархи, за исключеніемъ одного, боялись дѣйствовать рѣшительно, это было съ его стороны большою заслугою, и Россія неминуемо почувствовала бы благодѣтельныя ея послѣдствія, если бы жестокая судьба не удалила Павла отъ политической сцены. Будь онъ еще живъ, Европа не находилась бы теперь въ рабскомъ состояніи. Въ этомъ можно быть увѣреннымъ, не будучи пророкомъ: слово и оружіе Павла много значили на вѣсахъ европейской политики.

Выраженная имъ незадолго передъ смертью воля не терпѣть болѣе при своемъ дворѣ иностраннаго министра можетъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, найти себѣ достаточное оправданіе. Весьма часто упрекали посланниковъ въ томъ, что они не что иное, какъ высшаго круга шпіоны; нѣсколько извѣстныхъ примѣровъ въ новѣйшее время доказываютъ, что этотъ упрекъ ими вполнѣ заслуженъ. Стоитъ только припомнить французскаго посланника Коленкура[1]),

---

томство признало, что имъ возвышалась Россія; почему же оно должно быть несправедливымъ къ его правнуку? Не потому ли, что кратковременное царствованіе Павла не дозволило ему оставить по себѣ болѣе слѣдовъ добра? Уменьшилась ли при немъ слава Россіи? не стяжали ли его войска новые лавры? Не добивались ли всѣ державы его дружбы? Можно ли ему поставить въ укоръ нѣкоторое колебаніе въ политической системѣ, бывшее послѣдствіемъ того, что онъ замѣтилъ, какъ мало могъ разсчитывать на своихъ союзниковъ, и какъ они безсильны были среди бури удержать свои короны?

Примѣчаніе автора.

[1]) Отпускная аудіенція Коленкура была 29 апрѣля (11 мая) 1811 г. Bignon. Histoire de France sous Napoléon.—Paris et Leipzig. 1838, t X, p. 57.

который для того, чтобы знать все, что происходило при дворѣ, имѣлъ на своемъ жалованьѣ одного государева адъютанта. Если написать исторію всѣхъ тѣхъ политическихъ замѣшательствъ, которыя возбуждены были усердіемъ посланниковъ, можно бы убѣдиться, что причиняемый ими вредъ далеко превышаетъ приносимую пользу.

Такимъ образомъ рѣшимость Павла можетъ показаться странною, но отнюдь не опрометчивою, и—кто знаетъ?—можетъ быть, современемъ всѣ европейскія державы примутъ ее, какъ весьма разумную. Примѣненіе своего правила Павелъ началъ съ датскаго посланника Розенкранца[1]). У него на полдня похищенъ былъ шифръ, и чрезъ это, безъ сомнѣнія, открылись разныя предположенія, клонившіяся ко вреду императора и имперіи. Въ то время немедленная высылка посланника еще могла удивлять; но съ тѣхъ поръ европейскія державы привыкли къ подобнаго рода примѣрамъ, и сами къ нимъ прибѣгали, но безъ тѣхъ уважительныхъ причинъ, которыми постоянно руководствовался Павелъ.

Такъ какъ я не хочу ничего ни прикрывать, ни проходить молчаніемъ, то я долженъ также разсказать нѣкоторые анекдоты, которые, вѣроятно, искажены были злобою.

За нѣсколько дней до своей смерти Павелъ прогнѣвался на камердинера великаго князя и отправилъ его подъ арестъ, въ нетопленное мѣсто. Великій князь послалъ этому человѣку его шубу и теплые сапоги. Между тѣмъ Павелъ вспомнилъ, что у него самого былъ гайдукъ, кото-

---

[1]) Баронъ Розенкранцъ, датскій посланникъ сперва въ С.-Петербургѣ, потомъ въ Неаполѣ, былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Александровнѣ Вяземской, † 1850 (дочери екатерининскаго генералъ-прокурора)

20 декабря 1800 года Ростопчинъ записалъ въ своемъ дневникѣ изустное повелѣніе государя: «Миссіи датской всей ѣхать отсюда». На слѣдующій же день Розенкранцъ выѣхалъ изъ Петербурга (Serra Capriola, 198).

рый носилъ ту же фамилію, какъ и этотъ камердинеръ. Онъ призвалъ его и спросилъ, не братъ ли онъ арестованнаго? — «Да», отвѣтилъ гайдукъ. — «Твой братъ негодяй», сказалъ государь: «кто старше изъ васъ, ты или твой братъ?» — «Мой братъ, ваше величество». — «Ну, такъ теперь ты будешь старшимъ». — Этотъ анекдотъ разнесся по Петербургу, вызвалъ большія насмѣшки, и нашлись глупцы, которые прямо говорили, что въ словахъ государя нѣтъ никакого смысла. Иностранцамъ оно дѣйствительно можетъ такъ показаться Но тотъ, кто знаетъ, что Павелъ ввелъ въ обычай различать нѣсколькихъ братьевъ на службѣ не по имени, а по нумерамъ: 1-й, 2-й, 3-й и т. д., не обращая вниманія на то, 2-й моложе ли 1-го, тотъ сейчасъ пойметъ, что государь ничего другого не хотѣлъ сказать, какъ: «Теперь ты будешь на службѣ имѣть старшинство передъ твоимъ братомъ».

Въ другой разъ, въ Петергофѣ, Павелъ сидѣлъ въ бесѣдкѣ. Два лакея, которые его не замѣтили, хотѣли пробраться черезъ калитку и вдругъ нашли ее заложенною. — «Кто приказалъ ее заложить?» спросилъ одинъ изъ нихъ. — «Кто же, какъ не государь!» отвѣтилъ другой: «вѣдь онъ во все вмѣшивается». Тутъ они употребили нѣсколько неприличныхъ выраженій, которыя вывели Павла изъ терпѣнія. Онъ бросился на этихъ лакеевъ, исколотилъ ихъ собственноручно и отдалъ ихъ въ солдаты. Какъ часто Петръ Великій самъ расправлялся своею дубиною!

Послѣдствіемъ этого небольшого происшествія было запрещеніе гулять по Верхнему саду. Только черезъ одинъ проходъ нельзя было запретить проходить, потому что не было другой дороги, чтобы носить купанья изъ кухни во дворецъ. Но такъ какъ именно эта дорога шла подъ окнами княгини Гагариной [1]), жившей въ нижнемъ этажѣ и находившейся въ нѣжной связи съ Павломъ, то онъ прика-

---

[1]) Княгиня Анна Петровна Гагарина, рожденная княжна Лопухина, р. 1777 † 1805 г.

залъ, чтобы люди, носившіе кушанья, проходя мимо ея оконъ, поворачивали голову въ другую сторону. Это, безъ сомнѣнія, показалось забавнымъ; но стоило ли обвинять его въ столь простительной слабости?

Говорятъ, будто одинъ офицеръ случайно посмотрѣлъ въ эти окна и тѣмъ взбѣсилъ императора. На разводѣ Павелъ всячески старался придраться къ нему, но былъ еще болѣе раздраженъ тѣмъ, что этотъ офицеръ не подалъ повода ни къ какому замѣчанію. Тѣмъ не менѣе, когда вслѣдъ за симъ офицеръ подошелъ, по уставу, съ эспантономъ въ рукѣ, къ императору для полученія пароля, Павелъ будто бы закричалъ на него: «Какъ? ты еще смѣешь дразнить меня?» тотчасъ разжаловалъ его въ солдаты и приказалъ, чтобъ о немъ не было ни слуху, ни духу. Всѣ вообще подтверждали вѣрность этого разсказа и осуждали государя, — но по какому праву? — это другой вопросъ. Цари не пользуются преимуществомъ, которое принадлежитъ послѣднему изъ ихъ подданныхъ, и въ силу котораго обѣ стороны должны быть выслушаны: ихъ осуждаютъ на основаніи одного оговора. Кто знаетъ, было ли заглядываніе офицера въ окна княгини совершенно случайнымъ? Должно, однако, сознаться, что во всякомъ случаѣ избранный Павломъ способъ отмщенія за эту обиду не былъ достоинъ монарха.

Одного камердинера Павелъ однажды прижалъ къ стѣнѣ, требуя, чтобъ онъ признался, что виноватъ. Чѣмъ чаще этотъ человѣкъ повторялъ: «въ чемъ?» тѣмъ яростнѣе становился императоръ, пока, наконецъ, тотъ не вскричалъ: «Ну, да, виноватъ!» Тогда Павелъ мгновенно выпустилъ его и, улыбаясь, сказалъ: «Дуракъ, развѣ ты не могъ сказать это тотчасъ же». — Чтобы правильно судить и объ этомъ анекдотѣ, нужно бы знать напередъ, не имѣлъ ли Павелъ основанія ожидать, что камердинеръ его вспомнитъ о какомъ-нибудь проступкѣ, хотя бы его ни въ чемъ опредѣлительномъ и не обвиняли. И здѣсь публика осуждала Павла по одностороннимъ показаніямъ. Нельзя, впрочемъ,

отрицать его запальчивость, и это свойство, безъ сомнѣнія, составляетъ одинъ изъ пагубнѣйшихъ пороковъ въ государѣ.

Слѣдующій анекдотъ, слышанный мною отъ генералъ-адъютанта графа Ливена [1]), бросаетъ на императора болѣе мрачную тѣнь, чѣмъ всѣ предшествующіе.

Одною изъ обязанностей графа было писать приказы; но такъ какъ онъ не хорошо произносилъ по-русски, то обыкновенно другой адъютантъ, молодой князь Долгоруковъ [2]), долженъ былъ читать вслухъ какъ приказы, такъ и поступавшіе русскіе рапорты. Однажды государь сидѣлъ въ Павловскѣ на балконѣ; по лѣвую его сторону стоялъ графъ Ливенъ, готовый писать, по правую князь Долгоруковъ, который вскрылъ одинъ рапортъ и началъ читать, но вдругъ остановился и поблѣднѣлъ. «Дальше!» вскричалъ императоръ. Долгоруковъ долженъ былъ продолжать. Это была жалоба на его отца [3]). Императоръ улыбнулся и во время чтенія нѣсколько разъ съ злорадствомъ подмигивалъ графу Ливену, чтобы обратить его вниманіе на смущеніе и страхъ Долгорукова. Когда это чтеніе было окончено, онъ взялъ письменную доску изъ рукъ графа и на этотъ разъ заставилъ Долгорукова писать приказъ, коимъ объявлялось повелѣніе подвергнуть строжайшему изслѣдованію обвиненіе, взведенное на его отца [4]).

---

[1]) Графъ Христоforъ Андреевичъ Ливенъ († 1838), второй изъ сыновей статсъ-дамы графини Ливенъ, впослѣдствіи князь и посолъ въ Лондонѣ.

[2]) Князь Петръ Петровичъ Долгоруковъ (р. 1777 † 1806), генералъ-адъютантъ Павла съ 23 декабря 1798 года, впослѣдствіи извѣстный своимъ свиданіемъ съ Наполеономъ передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ.

[3]) Отецъ генералъ-адъютанта, тоже князь Петръ Петровичъ (р. 1744, † 1815), генералъ-лейтенантъ (3 марта 1798), генералъ-отъ-инфантеріи (30 декабря 1799), былъ начальникомъ тульскихъ оружейныхъ заводовъ съ 8 ноября 1798 по 3 декабря 1800 и снова съ 14 февраля 1801 по 1802 годъ

[4]) Это изслѣдованіе, повидимому, происходило съ 3-го декабря 1800 по 14-е февраля 1801, т. е въ то время, когда Долгоруковъ отецъ

Если бы объ императорѣ Павлѣ извѣстна была только одна эта черта, то я, не задумываясь, призналъ бы его за холоднаго тирана. Но послѣ всего того, что такъ ясно рисуетъ его характеръ, я не могу допустить, чтобы въ этомъ случаѣ было какое-нибудь злобное намѣреніе. Въ минуты вспыльчивости Павелъ могъ казаться жестокимъ или даже быть таковымъ, но въ спокойномъ состояніи онъ былъ неспособенъ дѣйствовать безчувственно или неблагородно. Должно замѣтить, что графъ Ливенъ былъ весьма недоволенъ своимъ положеніемъ. Разсказъ его не можетъ, однако, подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, и, по всей вѣроятности, императоръ только хотѣлъ дать понять молодому Долгорукову, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о долгѣ службы, должны быть забыты всѣ узы родства, — урокъ, правда, безжалостный, данный не менѣе безжалостнымъ образомъ.

Я также не могу усомниться въ томъ, что сынъ какого-то казачьяго полковника, посаженнаго въ крѣпость, обратившись къ государю съ прекрасною сыновнею просьбою быть заключеннымъ вмѣстѣ съ отцомъ, получилъ только на половину удовлетвореніе своего желанія, а именно подвергся заключенію, но не вмѣстѣ съ отцомъ [1]).

былъ временно отстраненъ отъ управленія тульскими заводами, и должно полагать, что описываемая сцена была не въ Павловскѣ, какъ говоритъ Коцебу, а въ С.-Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ государь еще жилъ въ декабрѣ 1800 года.

По всей вѣроятности, къ этому случаю относится слѣдующій разсказъ князя Петра Владимировича Долгорукова, помѣщенный въ его «Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ» (С.-Петербургъ, 1842 г., стр. 175):

«На родителя его .. сдѣланъ былъ доносъ, оказавшійся по строгомъ изслѣдованіи совершенно ложнымъ. Государь сказалъ молодому князю Петру Петровичу, что предоставляетъ родителю его выборъ наказанія для клеветниковъ. «Накажите ихъ презрѣніемъ, ваше величество», отвѣчалъ князь, и Павелъ обнялъ его, восклицая: «Вотъ Долгоруковская кровь».

[1]) Объ этомъ полковникѣ въ своемъ «Merkw. Jahr» (t. 2, p. 250) Коцебу говоритъ, что онъ, по приказанію Павла, привезенъ былъ изъ

Характеръ Павла представлялъ бы непостижимыя противорѣчія, если бы надлежало основывать свои сужденія на однѣхъ только подобныхъ чертахъ, не принимая во вниманіе побочныхъ смягчающихъ обстоятельствъ.

Въ противоположность предшествующему, здѣсь должно найти мѣсто слѣдующее происшествіе, какъ доказательство его справедливости.

Графъ Панинъ [1]), жертва ненависти графа Ростопчина, сосланъ былъ въ свое имѣніе. Это показалось недостаточнымъ его въ то время могущественному врагу. Перехвачено было письмо изъ Москвы. Оно писано было однимъ путешествовавшимъ чиновникомъ [2]) коллегіи иностранныхъ дѣлъ къ Муравьеву [3]), члену той же коллегіи, и ничего другого не содержало, какъ простыя извѣстія о посѣщеніяхъ, сдѣланныхъ путешественникомъ его дядямъ и теткамъ. Только слова: «Я былъ также у нашего Цинцинната въ его имѣніи», показались Ростопчину странными, и онъ вообразилъ себѣ, что письмо это писано графомъ Панинымъ, и что подъ именемъ Цинцинната слѣдуетъ разумѣть князя Репнина [4]), бывшаго въ то время въ немилости. Тогда, замѣнивши произвольно каждое имя другимъ, онъ понесъ письмо къ императору и внушилъ ему, что надъ нимъ издѣваются. Легко раздражаемый государь тотчасъ приказалъ московскому военному губерна-

---

Черкаска въ Петербургъ и посаженъ въ крѣпость, гдѣ томился четыре года, и что сынъ его заслужилъ при Екатеринѣ георгіевскій и владимирскій кресты. По вступленіи императора Александра на престолъ Коцебу видѣлъ отца съ сыномъ въ пріемной графа Палена.

[1]) Вице-канцлеръ графъ Никита Петровичъ Панинъ, р. 1771 г. † 1837 г. Передаваемый здѣсь разсказъ напечатанъ въ «Merkw. Jahr» (t. 2, pp. 346—349)

[2]) Петромъ Ивановичемъ Приклонскимъ, р. 1773 г. † 18...

[3]) Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ, р. 1762 г. † 1851 г., получившій при Александрѣ I дозволеніе именоваться Муравьевымъ-Апостоломъ. Былъ, при Павлѣ, посланникомъ въ Гамбургѣ.

[4]) Генералъ-фельдмаршалъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, р. 1734 г. † 1801 г.

тору графу Салтыкову [1]) сдѣлать строжайшій выговоръ графу Панину. Панинъ отвѣчалъ чистосердечно, что совсѣмъ не писалъ въ Петербургъ. Предубѣжденный монархъ велѣлъ послать въ Москву подлинное письмо, дабы уличить графа, и погомъ сослать его за 200 верстъ отъ Москвы.

Между тѣмъ настоящій сочинитель письма, узнавши обо всемъ этомъ, поспѣшилъ на курьерскихъ въ Петербургъ, отправился къ графу Кутайсову и объявилъ ему: «Письмо это писано мною, подписано моимъ именемъ. Я слышу, что давніе мои благодѣтели подвергаются несправедливымъ подозрѣніямъ, и пріѣхалъ все разъяснить. Его самого (т. е. Панина) назвалъ я Цинциннатомъ не потому, чтобы хотѣлъ скрыть его имя, а потому, что по величію своего характера онъ, мнѣ кажется, можетъ быть сравненъ съ этимъ римляниномъ».

Почти въ то же время пришло изъ Москвы второе донесеніе, открывавшее, что дѣйствительно письмо писано не рукою Панина. Тогда императоръ обратилъ свой справедливый гнѣвъ на Ростопчина и сказалъ: «C'est un monstre. Il veut me faire l'instrument de sa vengeanse particulière; il faut que je m'en défasse» [2]).

---

[1]) Генералъ-фельдмаршалъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, р. 1730 г. † 1805 г.

Рескрипты, писанные императоромъ Павломъ по этому случаю къ графу Салтыкову, хранятся у правнука этого послѣдняго, Влад. Пв. Мятлева.

[2]) 18-го февраля 1801 года главнымъ директоромъ надъ почтами на мѣсто графа Ростопчина былъ назначенъ графъ Палепъ, а 20-го февраля 1801 года графъ Ростопчинъ былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ.

Въ то же время графъ Панинъ, оправданный въ глазахъ императора, получилъ (18-го февраля 1801 года) дозволеніе вернуться въ Петербургъ.

Депеши прусскаго посланника графа Люзи (отъ 19-го, 22-го и 26-го февраля ст. стиля 1801) и депеши неаполитанскаго посланника

Много было говорено о тиранскихъ намѣреніяхъ, которыя Павелъ будто бы питалъ противъ своего семейства. Разсказывали, что онъ хотѣлъ развестись съ императрицей и заточить ее въ монастырь. Если бы даже Марія Ѳеодоровна не была одною изъ красивѣйшихъ и любезнѣйшихъ женщинъ своего времени, то и тогда ея кротость, благоразуміе и уступчивый характеръ предотвратили бы подобный соблазнъ. Утверждали, будто онъ просилъ совѣта у одного духовнаго лица, и когда это послѣднее, приведя въ примѣръ Петра Великаго, одобрило его намѣреніе, государь обнялъ его, тотчасъ возвелъ въ санъ митрополита и поручилъ ему склонить императрицу сперва убѣжденіями, а потомъ угрозами [1]). Стоитъ только припомнить хотя одинъ достовѣрный анекдотъ о чулкахъ, которые Павелъ съ такою любовью принесъ своей супругѣ, чтобы признать этотъ разсказъ за выдумку. Людей вспыльчивыхъ, не умѣющихъ сдерживать себя при постороннихъ,

---

Дюка де Серра Капріола (отъ 2-го марта ст. стиля 1801) вполнѣ подтверждаютъ разсказъ Коцебу.

Серра Капріола прибавляетъ, что графъ Ростопчинъ въ воскресенье 24-го февраля пріѣзжалъ во дворецъ, чтобы откланяться государю, но что государь нашелъ этотъ поступокъ дерзкимъ и приказалъ ему передать, чтобы онъ немедленно выѣхалъ изъ дворца и въ тотъ же день изъ Петербурга; черезъ нѣсколько часовъ Ростопчинъ и выѣхалъ въ Москву.

Въ одно время съ нимъ отставленъ былъ графъ Николай Николаевичъ Головинъ, президентъ почтоваго департамента (съ 6-го іюня 1799 года), находившійся въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Ростопчинымъ, равно какъ и множество мелкихъ чиновниковъ, которые при разборѣ писемъ преслѣдовали свои личныя цѣли.

Преслѣдованіе личныхъ цѣлей въ управленіи почтовою частію было, повидимому, дѣломъ обычнымъ для Ростопчина; онъ употребилъ перлюстрацію и для удаленія И. Б. Пестеля (См. Русскій Архивъ 1875 г., III, стр. 440), не болѣе недѣли по вступленіи своемъ въ должность главнаго директора почтоваго департамента.

[1]) С.-петербургскій архіепископъ Амвросій (Подобѣдовъ, р. 1742 г. † 1818 г.) пожалованъ митрополитомъ 10-го марта 1801 года, наканунѣ смерти императора Павла.

Ю. В Толстой: Списки архіереевъ. Спб., 1872, стр. 18.

принимаютъ за дурныхъ мужей, между тѣмъ какъ весьма часто именно такіе люди наиболѣе любимы женами, которыя лучше кого-либо знаютъ ихъ характеръ.

Одинаково сомнительнымъ представляется разсказъ о томъ, будто Павелъ хотѣлъ заключить въ крѣпость обоихъ великихъ князей. Даже слова, произнесенныя имъ въ веселомъ расположеніи духа, за обѣдомъ, недѣли за двѣ до своей смерти: «сегодня я помолодѣлъ на пятнадцать лѣтъ», были истолкованы, какъ относившіяся къ этому предположенію. Конечно, легко могло бы случиться, что въ порывѣ гнѣва онъ приказалъ бы арестовать обоихъ великихъ князей на нѣсколько дней. Но трудно допустить, чтобы ему когда-либо пришло въ голову сослать ихъ совершенно, ибо онъ всегда былъ и оставался нѣжнымъ отцомъ. Онъ доказалъ это, между прочимъ, тѣмъ живѣйшимъ участіемъ, которое принялъ въ судьбѣ прекрасной своей дочери Александры Павловны.

Она была выдана замужъ за палатина венгерскаго [1]), который любилъ ее искренно. Императоръ Францъ [2]) оказывалъ ей также величайшее благорасположеніе, и это обстоятельство послужило первоначальнымъ поводомъ къ той ненависти, которую возымѣла къ ней безгранично ревнивая императрица германская [3]). Къ этому присоединилась еще другая, не менѣе важная причина. Красота, привѣтливое обхожденіе и благотворительность великой княгини очаровали венгерцевъ, въ національномъ одѣяніи которыхъ она иногда являлась публично. Она покорила себѣ всѣ сердца, и, такъ какъ этотъ храбрый народъ уже и безъ того нетерпѣливо переносилъ господство Австріи, которая для Венгріи часто бывала не матерью, а мачехою,

---

[1]) Вѣнчаніе великой княжны Александры Павловны съ эрцгерцогомъ Іосифомъ, палатиномъ венгерскимъ, происходило въ Гатчинѣ 19-го октября 1799 года.

[2]) Императоръ Францъ, р. 1768 г. † 1835 г.

[3]) Императрица Марія-Терезія (р. 1772 г. † 1807 г.), дочь неаполитанскаго короля Фердинанда I и вторая супруга императора Франца.

то въ немъ возникла и созрѣла мысль, при содѣйствіи Павла, совершенно отдѣлиться отъ Австріи и возвести на венгерскій престолъ великую княгиню Александру Павловну или, скорѣе, ея сына. Это было извѣстно великой княгинѣ, и она не безъ колебанія изъявила на то свое согласіе. Графиня Ливенъ также знала объ этомъ предположеніи, но остерегалась преждевременно сообщить о немъ императору, изъ опасенія, чтобы онъ, по своему обыкновенію, не воспламенился и не послалъ бы тотчасъ свои войска въ Венгрію.

Тамъ уже раздавались карточки, по которымъ соумышленники узнавали другъ друга. На этихъ карточкахъ представлена была въ серединѣ колыбель ожидаемаго ребенка; геній отечества парилъ надъ нею; возлѣ колыбели розовый кустъ, окруженный терніемъ,—намекъ на страданія великой княгини,—а на этомъ кустѣ нѣсколько розъ, изъ коихъ одна, великолѣпно распустившаяся, обозначала Александру Павловну; изъ другой же выходило коронованное дитя въ пеленкахъ, съ надписью: «Dabimus coronam». Одну изъ этихъ карточекъ видѣли въ Петербургѣ.

Вѣнскій дворъ узналъ обо всемъ этомъ и учреждено было за великою княгинею строгое наблюденіе, сопровождаемое всевозможными огорченіями, которыя, по приказанію германской императрицы, доходили до самыхъ мелочныхъ оскорбленій. Говорятъ, что даже во время нездоровья великой княгини, несмотря на предписанія доктора о соблюденіи извѣстной діэты, ей отпускали самую вредную пищу. Однажды ей захотѣлось имѣть ухи, и она не могла ее получить. Священникъ ея долженъ былъ самъ пойти на рынокъ и купить рыбу, которую принесъ подъ своею широкою рясою [1]).

---

[1]) Духовникъ великой княгини Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій, р 1733 г. † 1815 г.

Онъ оставилъ записку о пребываніи великой княгиня въ Венгріи, напечатанную въ газетѣ «День» 1862 г., № 37.

Я. К. Гротъ въ примѣчаніяхъ къ соч. Державина, ч. II, стр. 583 и 727.

Всего знаменательнѣе было неотступное требованіе императрицы, чтобы супруга палатина переѣхала для своихъ родовъ въ Вѣну. Тогда Александра Павловна стала опасаться за свою жизнь и написала графинѣ Ливенъ трогательное письмо, въ которомъ предсказывала, что если ее принудятъ разрѣшиться отъ бремени въ Вѣнѣ, то и она и ея ребенокъ сдѣлаются жертвами этого распоряженія.

Можно себѣ вообразить, до какой степени это письмо встревожило графиню Ливенъ, которая, по истинѣ, любила принцессу, какъ дочь. Въ своемъ смятеніи она обратилась къ графу Палену; онъ ей сказалъ, что ея обязанность представить это письмо императору. Она это исполнила. Павелъ разсердился и самымъ положительнымъ образомъ объявилъ палатину, что принцесса должна разрѣшиться отъ бремени тамъ, гдѣ сама пожелаетъ. Тутъ ужъ болѣе не смѣли принудить ее къ переѣзду въ Вѣну, хотя передъ тѣмъ грозили ей употребленіемъ силы. Она родила въ Офенѣ, окруженная вѣрными слугами, и все-таки умерла [1]). На основаніи всего предшествовавшаго возникли мрачныя догадки. Графиня Ливенъ полагала, что при такихъ обстоятельствахъ смерть Александры Павловны могла быть и естественною; но многіе, вспоминая Раштадтское происшествіе [2]), утверждали, что императрица германская доказала, на что она была способна.

Императору Павлу ставили въ упрекъ, что почти ко всѣмъ тѣмъ, которые нѣкогда окружали его мать, онъ питалъ нерасположеніе, однаково распространявшееся на виновныхъ и невинныхъ и нерѣдко побуждавшее его

---

[1]) Великая княгиня родила въ мартѣ пов. ст. 1801 года. Ребенокъ жилъ только нѣсколько часовъ (дочь, названная Паулиною).

Умерла великая княгиня 4-го (16-го) марта 1801 года.

Извѣстіе о ея смерти получено въ С.-Петербургѣ 20-го марта 1801 года (Кам.-фур. журналъ), т. е. послѣ кончины императора Павла.

[2]) 28-го апрѣля 1799 года французскіе уполномоченные, бывшіе на конгрессѣ въ Раштадтѣ, изрублены были близъ этого города австрійскими гусарами.

обращаться не по-царски съ вѣрнѣйшими слугами государства. Упрекъ этотъ былъ справедливъ.

Еще императрица Екатерина имѣла намѣреніе воздвигнуть памятникъ фельдмаршалу Румянцову [1]). Она приказала написать къ нему чрезъ сенатъ, чтобы онъ самъ выбралъ въ Петербургѣ или Москвѣ мѣсто, которое должно было быть украшено его статуею, и на которомъ въ то же время должны были выстроить великолѣпный дворецъ для его семейства. Скромный старецъ отказался отъ этого и умеръ, довольствуясь внутреннимъ сознаніемъ, что заслужилъ предложенную ему почесть. Когда Павелъ вступилъ на престолъ, графъ Безбородко [2]) въ разговорѣ съ сыномъ фельдмаршала, нынѣшнимъ государственнымъ канцлеромъ графомъ Румянцовымъ [3]), объяснилъ ему, что теперь не время для сооруженія статуи, но что возможно будетъ выстроить для него и для его брата дворцы на счетъ казны. Благородный сынъ отклонилъ это предложеніе, не желая какъ бы продавать славу своего отца.

Тѣмъ не менѣе Безбородко, почитавшій покойнаго фельдмаршала своимъ благодѣтелемъ, воспользовался благопріятнымъ случаемъ, чтобы доложить государю о бывшемъ предположеніи, и государь, нѣсколько дней спустя, обратился къ графу Румянцову со словами: «Я воздвигну памятникъ вашему отцу». Какъ извѣстно, онъ сдержалъ свое обѣщаніе; но, вмѣсто статуи, сооруженъ былъ на плацпарадѣ ничтожный обелискъ [4]). При случаѣ онъ также сказалъ

---

[1]) Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій, р. 1725 г. † 1796 г.

[2]) Графъ, съ 1797 года князь, Александръ Андреевичъ Безбородко, р. 1747 г. † 1799 г.

[3]) Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, р. 1754 г. † 1826 г., возведенъ въ государственные канцлеры 19-го сентября 1809 года.

[4]) Повелѣніе о постройкѣ этого обелиска дано было архитектору Вренна весною 1798 года; въ январѣ 1799 года онъ былъ оконченъ и стоялъ на Царицыномъ лугу, къ Невѣ. Въ 1820 году перенесенъ на нынѣшнее мѣсто, противъ 1-го кадетскаго корпуса, гдѣ Румянцовъ получилъ первое воспитаніе.

графу Румянцову, что и дворецъ будетъ выстроенъ; но впослѣдствіи объ этомъ не было и рѣчи. Павелъ забылъ, что громкое и торжественное признаніе государственныхъ заслугъ приноситъ еще болѣе чести самому монарху, чѣмъ его подданному.

Повидимому, не столь основательно обвиняли Павла въ томъ, что онъ неприлично обращался съ духовенствомъ. Если и справедливо, что онъ однажды сослалъ одно духовное лицо за то, что въ проповѣди, произнесенной имъ въ придворной церкви, восхвалялось прежнее царствованіе съ порицающими намеками на нынѣшнее, то подобное происшествіе, часто повторявшееся въ другихъ государствахъ, было, конечно, заслуженнымъ наказаніемъ для дерзкаго проповѣдника.

Но еще неосновательнѣе толкуютъ, осуждая награжденіе духовныхъ лицъ орденами. Высшій глава ихъ, по справедливости высокоуважаемый митрополитъ московскій Платонъ [1]), возвратилъ пожалованный ему орденъ подъ тѣмъ предлогомъ,что его обѣтъ, уставъ русской церкви и нѣсколько другихъ причинъ запрещали ему носить свѣтскій знакъ отличія. Онъ былъ немедленно вызванъ въ Петербургъ; но еще на дорогѣ получилъ, въ отмѣну прежняго приказанія, повелѣніе отправиться на жительство въ небольшой городъ близъ Москвы. Прибывъ самъ въ Москву на коронацію, императоръ хотѣлъ было призвать другое духовное лицо для совершенія этого торжественнаго обряда. Но ему это такъ серьезно отсовѣтовали, во вниманіе къ глубокому уваженію, коимъ пользовался Платонъ въ народѣ, что онъ нашелся вынужденнымъ уступить. Достойный старецъ, безъ орденовъ, вѣнчалъ своего императора на царство, и всѣ превозносили эту твердость [2]); но были ли

---

[1]) Платонъ Левшинъ, митрополитъ московскій, р. 1737, † 1812, былъ законоучителемъ Павла, какъ великаго князя.

[2]) Митрополитъ Евгеній, въ «Словарѣ историческомъ о духовныхъ писателяхъ» (Спб., 1827, II, 179), пишетъ:

эти похвалы справедливы? Ордена суть не что иное, какъ признаки заслугъ, оказанныхъ отечеству Развѣ духовное лицо не можетъ ихъ заслужить? и, если оно ихъ заслужило, можетъ ли оно изъ гордости, скрывающейся подъ смиреніемъ духовнаго званія, гнушаться тѣхъ отличій, которыя жалуетъ ему государь? Можно ли назвать свѣтскимъ то, что обозначаетъ одну изъ прекраснѣйшихъ, Богомъ предписанныхъ, обязанностей? Разсудокъ благороднаго старца введенъ былъ въ заблужденіе превзятыми понятіями; одна только необычайность случая поставила его въ недоумѣніе, потому что вообще онъ былъ мужъ по сердцу Божію Когда онъ изрѣдка пріѣзжалъ изъ Троице-Сергіевой лавры въ Москву, народъ окружалъ его, какъ святыню. Однажды пріѣхалъ онъ, чтобы отслужить обѣдню, и нашелъ церковь осажденною безчисленною толпою, которую не пускала полиція На вопросъ его: «почему»? ему отвѣчали, что церковь уже переполнена знатнѣйшими лицами города. Онъ разсердился и сказалъ весьма громко: «Я столько же пастырь бѣдныхъ, какъ пастырь богатыхъ». Народъ обрадовался. Не удивительно, что послѣ такихъ поступковъ народъ былъ къ нему привязанъ и высоко

По вступленіи на престолъ государя императора Павла 1-го, онъ (Платонъ) получилъ 1797 г. марта 21-го ордена александровскій и андреевскій... Въ 1809 г августа 30-го пожалованъ владимирскимъ орденомъ 1-го класса».

Вантышъ-Каменскій (Словарь, 1847, II, прибавл., стр. 20) сообщаетъ слѣдующія подробности

«Онъ (Платонъ) явился во дворцѣ (въ Москвѣ) 21-го марта (1797 года). Внесенъ былъ орденъ св ап Андрея Первозв. Платонъ отказывался отъ этой почетной награды, говоря, что «желаетъ умереть архіереемъ, а не кавалеромъ», но императоръ возложилъ на него ленту и на всѣ убѣжденія отвѣчалъ, что «онъ о томъ довольно разсуждалъ, требуетъ исполненія его воли».—Коронованіе совершилось 5-го апрѣля. Митрополитъ новгородскій Гавріилъ первенствовалъ при этомъ священномъ обрядѣ; митрополитъ московскій представлялъ второе лицо».

Носилъ ли Платонъ андреевскій орденъ при коронованіи, или нѣтъ, Вантышъ-Каменскій не говоритъ; но можно почти навѣрное отвѣчать утвердительно.

почиталъ его, и что совѣтъ, данный государю беречь такого человѣка, былъ вполнѣ разуменъ и правдивъ.

Но подобные совѣты ему рѣдко давались. Обыкновенно всякій искалъ, какъ бы подладиться къ его подозрительному нраву, какъ бы выставить чужую дерзость, чтобы придать болѣе цѣны собственному подобострастію и выманить подарки отъ государевой извѣстной щедрости.

Наконецъ утверждали, что, когда государь былъ въ дурномъ расположеніи духа, не слѣдовало ему попадаться на глаза подъ опасеніемъ за честь и свободу. Это была низкая клевета, какъ я въ томъ убѣдился изъ неоднократнаго собственнаго опыта. Наблюденія мои внушили мнѣ довѣріе къ характеру государя, и я полагаю, что нѣкоторая скромная смѣлость и прямой взглядъ спокойной совѣсти никогда не были ему непріятны. Только робость и застѣнчивость передъ нимъ могли возбудить его подозрительность, и тогда, если къ этой подозрительности присоединялось дурное расположеніе духа, онъ въ состояніи былъ дѣйствовать опрометчиво. Поэтому я поставилъ себѣ за непремѣнное правило никогда не избѣгать его присутствія, и, когда я съ нимъ встрѣчался, непринужденно останавливался и скромно, но прямо смотрѣлъ ему въ глаза. Не разъ случалось со мною, когда я находился въ одной изъ его комнатъ, что лакеи вбѣгали впопыхахъ и кричали какъ мнѣ, такъ и другимъ, что императоръ идетъ, и что мы должны поскорѣе удалиться. Обыкновенно исчезали большая часть присутствовавшихъ, часто даже всѣ; я одинъ всегда оставался. Государь, проходя мимо меня, иногда просто кивалъ мнѣ головою, но чаще всего обращался ко мнѣ съ нѣсколькими милостивыми словами.

Я именно помню, что въ одно утро со мною былъ подобный случай и что оберъ-гофмаршалъ сказалъ мнѣ потомъ: «Вы можете похвалиться своимъ счастіемъ: государь былъ сегодня въ самомъ дурномъ расположеніи духа». — Я улыбнулся, потому что убѣжденъ, что это счастіе выпало бы на долю каждаго, у кого сіяла бы въ глазахъ

чистая совѣсть. Но изъ тѣхъ, которые обыкновенно приближались къ нему, рѣдкій человѣкъ могъ скрыть свое коварство: къ ногамъ его повергалась одна лишь корыстолюбивая, всегда косо смотрящая подлость; все эго притворство не могло, конечно, не казаться противнымъ этому прямодушному человѣку, и невольно вспыхивало его негодованіе. Самую тягостную обязанность для государя составляетъ изученіе людей, потому что оно приводитъ къ презрѣнію человѣчества.

Что Павелъ приказывалъ со строгостію, то исполнялось его недостойными слугами съ жестокостію. Страшно сказать, но достовѣрно: жестокость обращена была въ средство лести. Его сердце о томъ ничего не знало. Онъ требовалъ только точнаго исполненія во всемъ, что ему казалось справедливымъ, и каждый спѣшилъ повиноваться. Но этого недостаточно было для вѣроломныхъ слугъ. Имъ нужно было, чтобы государь чувствовалъ необходимость держать ихъ при себѣ, и чтобы онъ чувствовалъ ее все болѣе и болѣе; съ этою цѣлью они старательно поддерживали его подозрительность и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы подливать масла въ огонь. Неумолкаемое поддакиваніе вошло въ обычай, окончательно извратило нравъ государя и съ каждымъ днемъ дѣлалось ему необходимѣе.

Не по недостатку разсудка Павелъ подпалъ подъ вліяніе льстецовъ, а вслѣдствіе ихъ адскаго искусства не давать уснуть его подозрительности и представлять, какъ преступленіе, всякое правдивое противорѣчіе. Послѣдствіемъ этого было то, что всѣ честные люди замолкли даже въ тѣхъ случаяхъ, когда по долгу совѣсти имъ надлежало говорить.

Извѣстно, съ какимъ пристрастіемъ Павелъ смотрѣлъ на Михайловскій замокъ, воздвигнутый имъ какъ бы по волшебному мановенію. Очевидно, пристрастіе это происходило не отъ того, что какое-то привидѣніе указало построить этотъ дворецъ,—объ этой сказкѣ онъ, можетъ

быть, и не зналъ, а если зналъ, то допустилъ ее для того только, чтобы въ глазахъ народа оправдать затраченныя на эту постройку деньги и человѣческія силы. Его предпочтеніе къ ней главнымъ образомъ происходило изъ чистаго источника, изъ кроткаго человѣческаго чувства, которое за нѣсколько дней до своей смерти онъ почти пророчески выразилъ г-жѣ Протасовой[1]) въ слѣдующихъ словахъ: «На этомъ мѣстѣ я родился, здѣсь хочу и умереть». Однако, должно сознаться, что поспѣшность, съ которою окончена была эта постройка, угрожала опасностію для здоровья всѣмъ обитателямъ новаго дворца. Даже спальня великой княгини Елизаветы[2]) была такъ сыра, что, какъ я своими глазами видѣлъ, невозможно было различить уничтожавшуюся живопись надъ дверями (dessus de portes). Вслѣдствіе сего великая княгиня занемогла опасною горловою болѣзнью; но она не смѣла жаловаться изъ опасенія, что государь приметъ малѣйшую жалобу за порицаніе его распоряженій. Ея докторъ, ст. сов. Гриве[3]), объявилъ ей однажды, что, въ случаѣ усиленія болѣзни, онъ будетъ вынужденъ предупредить государя о причинѣ оной; великая княгиня согласилась, хотя и неохотно, и весьма обрадовалась, когда улучшеніе въ ея здоровьѣ сдѣлало этотъ смѣлый шагъ безполезнымъ.

Ропотъ на слабость, коей опасныя послѣдствія угрожали даже царскому семейству, былъ, безъ сомнѣнія, справедливъ.

---

[1]) Камеръ-фрейлина Анна Степановна (впослѣдствіи графиня), р. 1745 г. † 1826 г.

[2]) Въ подлинникѣ, по ошибкѣ, написано Александры вмѣсто Елизаветы.

Спальня великой княгини Елизаветы Алексѣевны была въ нижнемъ этажѣ фаса, обращеннаго къ Лѣтнему саду. О сырости этой комнаты Коцебу говоритъ то же самое въ своемъ «Meikw. Jahr» II, 234 (русскій переводъ этого мѣста въ Русскомъ Архивѣ 1870 г., стр. 992).

[3]) Въ адресъ-календарѣ на 1801 годъ (стр. 15) лейбъ-медикъ Гривъ, 5-го класса, показанъ въ штатѣ придворнаго медицинскаго факультета. Собственно при великомъ князѣ Александрѣ и его супругѣ состоялъ докторъ Лерхъ.

Зато возмутительно было слышать насмѣшки надъ другою слабостью государя, которая никому не дѣлала вреда, а именно надъ страстью его къ публичнымъ торжествамъ. Между прочимъ, позволяли себѣ распускать злостный слухъ, будто во время тяжкой болѣзни одного изъ дѣтей императора [1]), когда уже всякая надежда почти исчезла, онъ тотчасъ нашелъ себѣ утѣшеніе въ томъ, что придумалъ церемоніалъ для погребенія ребенка.

Вообще язвительныя насмѣшки надъ государемъ сдѣлались какъ бы ежедневнымъ занятіемъ петербургскаго общества. Екатерина начала строить Исаакіевскій соборъ изъ мрамора; Павелъ приказалъ докончить его просто изъ кирпича; эта небогатая отдѣлка дала поводъ къ слѣдующему двустишію, которое нашли прибитымъ къ церкви:

«Се памятникъ двухъ царствъ, обоимъ имъ приличный:
«Низъ мраморный, а верхъ кирпичный» [2]).

---

[1]) Никто изъ дѣтей императора Павла въ его царствованіе не былъ такъ боленъ, чтобы было необходимо помышлять о погребальномъ церемоніалѣ. Не хочетъ ли Коцебу говорить о болѣзни великой княжны Маріи Александровны, дочери великаго князя Александра Павловича, которая дѣйствительно скончалась на второмъ году отъ рожденія 27-го іюля 1800 года.

[2]) Въ подлинникѣ эти стихи приведены по-французски:

«Ce monument dont la base est de marbre et la cime de brique,
«De deux règnes le caractere et la durée nous indique».

«Clarke (Travels, Russian, Tartarian and Turkish, p. 9) передаетъ слѣдующій французскій переводъ:

«De deux regnes voici l'image allégorique.
«La base est d un beau marbre, et le sommet de brique».

По-русски у Шишкова (Записки. Берлинское изданіе, I, 21) такъ:

«Се памятникъ двухъ царствъ, обоимъ имъ приличный.
«На мраморномъ низу поставленъ верхъ кирпичный».

Авторомъ этихъ стиховъ былъ, повидимому, капитанъ-лейтенантъ Акимовъ. Говорятъ, будто его схватили, пыткою вывудили у него признаніе, отрѣзали ему языкъ и сослали въ Сибирь. Достовѣрно, что онъ пропалъ безъ вѣсти (Шишковъ, I, 21. Русская Старина, XVI, 178).

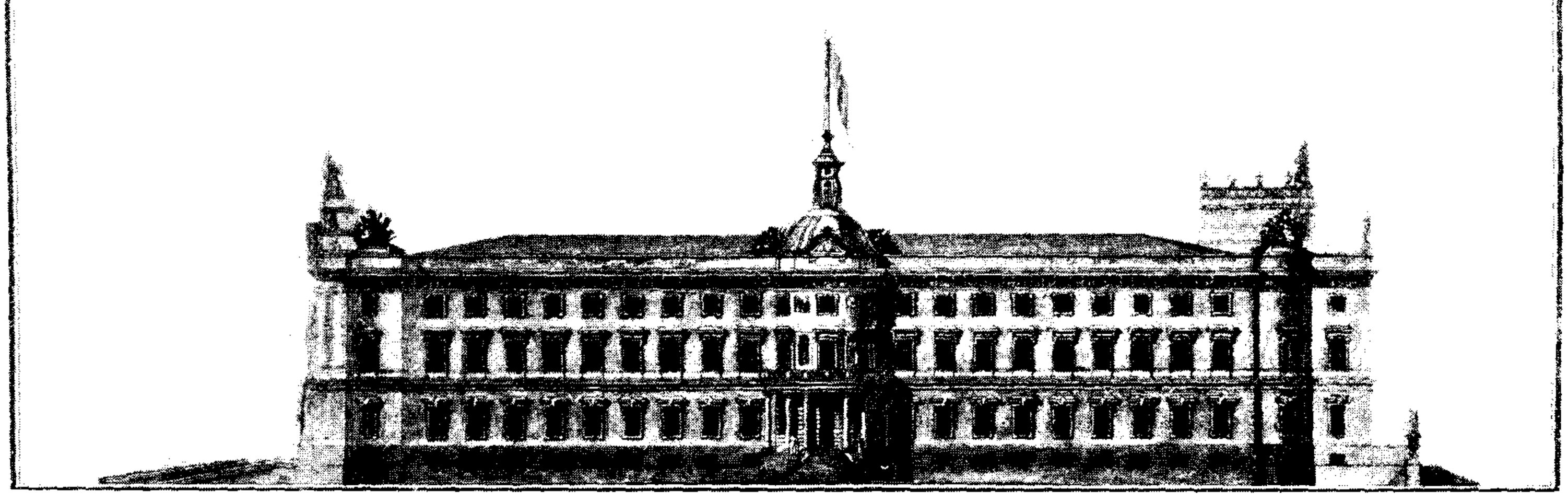
Сочинили карикатуру, на которой императоръ былъ представленъ въ полной формѣ, въ мундирѣ, усѣянномъ вензелями Фридриха II; только на головѣ написано было: Павелъ I.

Самая смерть его, какъ ни ужасна она была, не прекратила этихъ шутокъ. Выдумали, будто въ предсмертныя минуты онъ умолялъ, по крайней мѣрѣ, объ отсрочкѣ, чтобы изложить на бумагѣ весь церемоніалъ своего торжественнаго погребенія.

Таково было раздраженіе высшихъ классовъ общества противъ государя, который имѣлъ одно только желаніе дѣлать добро и поступать справедливо. Когда его ослѣпляли подозрительность и заносчивость, льстецы и искатели счастья, которые его окружали, спѣшили еще болѣе затемнять его разсудокъ, дабы ловить рыбу въ мутной водѣ. Но въ слѣдующія затѣмъ минуты, какъ только государь снова приходилъ въ себя, никто не могъ быть увѣренъ, что удастся продолжить обманъ, и потому всѣ желали перемѣны: одни, чтобы сохранить добытое всевозможными происками, другіе, чтобы получить отъ новаго государя знаки его милости, а третьи—чтобы сыграть какую-нибудь роль.

Давно уже ядъ началъ распространяться въ обществѣ. Сперва испытывали другъ друга намеками; потомъ обмѣнивались желаніями; наконецъ открывались въ преступныхъ надеждахъ. Нѣсколько способовъ извести императора были предпринимаемы. Самымъ вѣрнымъ казалось фанатизировать нѣсколькихъ отчаянныхъ сорванцовъ. Было до тридцати людей, коимъ поочередно предлагали пресѣчь жизнь государя ядомъ или кинжаломъ. Большая часть изъ нихъ содрогались передъ мыслью совершить такое преступленіе, однако они обѣщали молчать. Другіе же, въ небольшомъ числѣ, принимали на себя выполненіе этого замысла, но въ рѣшительную минуту теряли мужество.

Подозрѣвалъ ли самъ императоръ то, что замышляли противъ него? Не дошло ли до него какое-нибудь предо-



Фасадъ Михайловскаго замка со стороны Фонтанки.

Съ гравюры Колпакова 1801 года

стереженіе? Достовѣрно только то, что за нѣсколько дней передъ своей кончиной онъ приказалъ, чтобы кушанья его готовились не иначе, какъ шведскою кухаркою [1]), которая помѣщена была въ небольшой комнатѣ возлѣ собственныхъ его покоевъ.

Но отравленіе не было единственною опасностію, которая ему угрожала. На каждомъ вахтъ-парадѣ, на каждомъ пожарѣ (напримѣръ, въ домѣ Кутузова), на каждомъ маскарадѣ за нимъ слѣдили убійцы. Однажды въ маскарадѣ въ Эрмитажѣ одинъ изъ нихъ, вооруженный кинжаломъ, стоялъ у дверей, чрезъ которыя нѣсколько ступенекъ вели въ залу, и ждалъ государя съ твердою рѣшимостью его убить. Государь появился. Убійца пробрался къ нему, но вдругъ потерялъ присутствіе духа, скрылся среди толпы и бѣжалъ домой, какъ будто преслѣдуемый фуріями.

Эти отдѣльныя попытки были, однако, какъ бы тѣло безъ души до тѣхъ поръ, пока душою ихъ не сдѣлался графъ Паленъ. Съ нимъ во главѣ революція была легка; безъ него—почти невозможна. Какъ с.-петербургскій военный губернаторъ, онъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ всѣ войска и всю полицію; какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ завѣдывалъ также почтовою частью со всѣми ея тайнами [2]). Всѣ повелѣнія государя проходили чрезъ его руки и имъ объявлялись. Павелъ, обыкновенно столь недовѣрчивый, предался ему совершенно; онъ былъ всемогущъ. И этотъ-то человѣкъ, которому новое царствованіе могло скорѣе предвѣщать паденіе, чѣмъ новое возвышеніе, самъ разрушилъ источникъ своего величія! Чего же ему недоставало? Недоставало ему безопасности, одной безопасности, безъ которой, хотя и осыпанный всѣми милостями

---

[1]) Въ сочиненіи «Das merkwurdigste Jahr meines Lebens» Коцебу сообщаетъ то же обстоятельство, но говоритъ, что кухарка была нѣмка.

[2]) По удаленіи графа Ростопчина, 20-го февраля 1801 года, графу Палену повелѣно было присутствовать въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, съ сохраненіемъ должности с.-петербургскаго военнаго губернатора и начальствованія надъ почтовою частію.

и всѣми дарами счастія, онъ уподоблялся Дамоклу, надъ главою котораго постоянно висѣлъ мечъ на волоскѣ! [1]).

Онъ уже неоднократно испытывалъ, какъ мало могъ разсчитывать на продолженіе своего счастія. Весьма часто ему едва удавалось удержаться на той высотѣ, съ которой его хотѣли свергнуть. Самый блестящій день не представлялъ ему ручательства въ спокойной ночи, ибо завистники его всегда бодрствовали и не пропускали ни одного случая, чтобы сдѣлать его подозрительнымъ въ глазахъ государя. Отъ него самого я слышалъ, что даже то невинное письмо, въ которомъ я умолялъ его о спасеніи, когда меня повлекли въ Сибирь, чуть не сдѣлалось причиною его погибели. Императоръ самъ передалъ ему это письмо съ колкимъ замѣчаніемъ, что, повидимому, думаютъ, что его сіятельству все возможно. Съ большимъ трудомъ успѣлъ онъ объяснить, что утопающій хватается даже за соломинку, и что, слѣдовательно, въ этой просьбѣ я только взывалъ къ его счастію или къ монаршей милости.

Другое, собственно неважное, происшествіе навлекло на него самыя горькія оскорбленія. Одинъ гвардейскій офицеръ, Рибопьеръ [2]), неизвѣстно почему, подвергся неудовольствію императора. То обстоятельство, что онъ хорошо

---

[1]) Мертваго, служивший въ то время при Обольяниновѣ въ провіантской экспедиціи военной коллегіи, пишетъ въ своихъ запискахъ (стр. 118, въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 года): «Время это было самое ужасное. Государь былъ на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчинной; знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревни..... Словомъ — ежедневный ужасъ. Начальникъ мой сталъ инквизиторомъ; все шло черезъ него. Сердце болѣло, слушая шопоты, и радъ бы не знать того, что разсказываютъ».

[2]) Александръ Ивановичъ Рибопьеръ († 1865 г.), корнетъ конной гвардіи, пожалованный 6-го февраля 1799 года флигель-адъютантомъ къ императору. Черезъ недѣлю послѣ своего пожалованія въ флигель-адъютанты онъ былъ переименованъ (14-го февраля 1799 года) въ камергеры, и (15-го февраля 1799 г.) повелѣно въ тотъ же день отправить его въ Вѣну. (Дневникъ Ростопчина).

вальсировалъ, и что княгиня Гагарина охотно съ нимъ танцовала, нисколько не было настоящею причиною этой немилости, и придумано было злобою противъ государя. Чтобы удалить его изъ Петербурга безъ вреда для его службы, его отправили въ Вѣну. Тамъ, если не ошибаюсь, онъ дрался на дуэли съ Четвертинскимъ [1]). Такъ какъ оба великіе князя не желали, чтобы этотъ случай дошелъ до государя, то графъ Паленъ скрылъ полученное имъ донесеніе. Но тогдашній генералъ-прокуроръ Обольянининовъ[2]) узналъ о немъ, съ злорадствомъ отправился къ императору, доложилъ о случившемся и коварно прибавилъ: «Ваше величество изъ этого видите, какъ дерзаютъ съ вами поступать Если о такихъ вещахъ не докладываютъ, то могутъ умолчать и о важнѣйшихъ». Павелъ разсердился и не только далъ почувствовать графу Палену свое неудовольствіе, но даже оскорбилъ его въ томъ, что было ему всего дороже: когда супруга графа, первая статсъ-дама [3]), пріѣхала ко двору, ей только тутъ объявлено было, что она должна вернуться домой и болѣе не являться.

Можетъ быть, графъ Паленъ никогда не забывалъ и другого тяжкаго оскорбленія, которое онъ испыталъ еще въ бытность свою губернаторомъ въ Ригѣ. Когда по смерти Екатерины князь Зубовъ проѣзжалъ чрезъ этотъ городъ, графъ принялъ его съ нѣкоторыми почестями, какъ прежняго своего покровителя и благодѣтеля. Императоръ, со-

---

[1]) Князь Борисъ Антоновичъ Четвертинскій (р. 1781 г. † 1865 г.) младшій братъ Маріи Антоновны Нарышкиной. Современники описываютъ его красавцемъ, добрымъ, милымъ, живымъ (Вигель, IV, 62), типомъ благородства и рыцарскихъ чувствъ». «Русская Старина» 1872 г. IV, стр. 631).

[2]) Петръ Хрисанфовичъ Обольянинов ь († 1841 г.), генералъ-прокуроръ со 2-го февраля 1800 года.

[3]) Графиня Іулиана Ивановна Паленъ, рожденная баронесса Пепингъ (род. 1753 г. † 1814 г.), статсь-дама съ 17-го апрѣля 1799 года. Немилость эта была, впрочемъ, непродолжительна. изъ камеръ-фурьерскаго журнала видно. что, напримѣръ, въ мартѣ 1801 года (отъ 1-го до 11-го числа) графиня приглашаема была ежедневно ко двору.

славшій князя Зубова въ его деревни, увидѣлъ въ этихъ почестяхъ какъ бы насмѣшку надъ собой и въ громовомъ указѣ запятналъ графа упрекомъ во «враждебной подлости».

Такія обиды оставляютъ глубокіе слѣды въ душѣ благороднаго человѣка, каковымъ былъ графъ Паленъ. Любимому государю онъ, несомнѣнно, былъ бы вѣрнымъ слугою. Несомнѣнно также, что онъ охотно сошелъ бы со сцены безъ кровавой катастрофы и предался бы тихому наслажденію пріобрѣтенными богатствами, если бы онъ могъ ожидать отъ возбужденнаго въ Павлѣ неудовольствія или отъ неутомимаго преслѣдованія своихъ завистниковъ, что его оставятъ въ покоѣ. Но ему казалось невозможнымъ избѣгнуть участи какого-нибудь Миниха, и, по необходимости, онъ рѣшился на кровавую оборону.

Прежде всего онъ исходатайствовалъ братьямъ Зубовымъ, которые всѣ были смертельными врагами императора, дозволеніе возвратиться въ столицу. Не легко было получить это дозволеніе. Нужно было склонить на свою сторону Кутайсова, и этого достигли, увѣривъ его, будто князь Зубовъ хочетъ жениться на его дочери. Первою посредницею въ этомъ дѣлѣ была госпожа Шевалье, которая подкуплена была за большія деньги. Между нею и госпожою Жеребцовою [1]) начаты были переговоры у генеральши Кутузовой [2]), и вскорѣ она до того успѣла въ своемъ предпріятіи, что графъ Кутайсовъ сталъ съ жаромъ желать предложеннаго брака, и что для этой цѣли его сестра, госпожа Закревская [3]), должна была съѣздить

[1]) Ольга Александровна Жеребцова, рожденная Зубова (р. 1776 г. † 1849 г.), родная сестра князя и графовъ Зубовыхъ.

[2]) Объ отношеніяхъ Е. Н. Кутузовой къ госпожѣ Шевалье см. выше.

[3]) Я пересматривалъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ списки отъѣзжающихъ за весь 1800 годъ и не нашелъ въ нихъ никакой г-жи Закревской. Крайне сомнительно, чтобы у Кутайсова, вывезеннаго въ малолѣтствѣ изъ Турціи, были въ Россіи родственники. Онъ могъ имѣть родственниковъ только со стороны своей жены, графини Анны Петровны, рожденной Рѣзвой, или вслѣдствіе брака своихъ дѣтей

въ Берлинъ. Зубовы были возвращены, и князю ввѣренъ былъ кадетскій корпусъ, гдѣ онъ началъ жить, повидимому, весьма тихо и уединенно, избѣгая всякой пышности и посылая за своимъ кушаньемъ въ трактиръ.

Между тѣмъ, онъ и братья его мало-по-малу вызвали въ Петербургъ всѣхъ своихъ приверженцевъ; ихъ могло быть числомъ болѣе тысячи. Втайнѣ набраны были заговорщики, изъ коихъ нѣкоторые были даже въ Москвѣ между знатнѣйшими лицами [1]). Въ Петербургѣ число лицъ, посвященныхъ въ заговоръ, доходило до 60-ти. Главнѣйшими изъ нихъ были: графъ Паленъ, князь Зубовъ и его братья, Валеріанъ Зубовъ и гусарскій генералъ Николай Зубовъ, человѣкъ грубый, генералы Бенигсенъ, Талызинъ, Уваровъ, Вильде, дядя Зубова Козицкій, адъютанты государя князь Долгоруковъ и Аргамаковъ, различные гвардейскіе офицеры, между прочимъ грузинскій князь Яшвиль и Мансуровъ, оба незадолго передъ тѣмъ выключенные изъ службы, и нѣсколько офицеровъ Измайловскаго полка, которые за проступки по службѣ были посажены въ крѣпость и по заступничеству графа Палена выпущены на свободу, нарочно для поступленія въ число заговорщиковъ.

Можетъ показаться удивительнымъ, что, несмотря на множество заговорщиковъ, тайна ихъ не была открыта [2]). По всей вѣроятности, тѣ, которые изъ раскаянія или

---

[1]) Можно догадываться, что Коцебу разумѣетъ здѣсь графа Н. П. Панина.

[2]) «Въ сіе царствованіе ужаса... россіяне... говорили, и смѣло; умолкали единственно отъ скуки частаго повторенія; вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ. Общее бѣдствіе сближало сердца, и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности».

Карамзинъ о царствованіи Павла въ запискѣ «О древней и новой Россіи», писанной, какъ и записка Коцебу, въ 1811 году (по рукописному экземпляру).

страха могли бы ее открыть, удержаны были увѣренностію, что даже доносчикъ не избѣжалъ бы мести Павла.

Сперва предполагали привести замыселъ въ исполненіе послѣ Пасхи [1]); потомъ назначили 15-е марта [2]), такъ какъ въ этотъ день вступалъ въ караулъ полкъ, на который имѣли основаніе положиться. Но узнали, что государь, не считая себя болѣе безопаснымъ въ рукахъ графа Палена, рѣшился отъ него избавиться. Клевета присовокупляетъ, что въ то же время онъ хотѣлъ посадить въ крѣпость обоихъ великихъ князей или даже ихъ казнить, находя оправданіе такому поступку въ примѣрѣ Петра Великаго. Въ такомъ случаѣ Павелъ совершилъ бы ничѣмъ не извиняемое преступленіе, потому что сыновья его ничего не знали о томъ, что происходило, и когда у Александра Павловича рѣшались спросить съ осторожностью его мнѣніе относительно перемѣны правленія, онъ принималъ всякій намекъ на это съ ужасомъ и негодованіемъ.

Императоръ, никому ничего не говоря, вызвалъ въ Петербургъ барона Аракчеева [3]), съ тѣмъ, чтобы немедленно по его прибытіи назначить его военнымъ губернаторомъ. При содѣйствіи его, какъ заклятаго врага графа Палена, этотъ послѣдній долженъ былъ быть уничтоженъ. Предположеніе же, будто Павелъ хотѣлъ также снова сослать Зубовыхъ, ничѣмъ не подтверждается, и выдумано было для того только, чтобы прикрасить ихъ неблагодарность. Дальше я приведу неопровержимыя доказательства тому, что государь нисколько не подозрѣвалъ существованія заговора. Онъ только сожалѣлъ, что предоставилъ графу Палену слишкомъ много власти, ибо ясно видѣлъ, что въ рукахъ одного этого человѣка сосредоточены были

---

[1]) Пасха въ этомъ году была 24-го марта.

[2]) 15-е марта—тотъ самый день (мартовскія иды), въ который убитъ былъ Юлій Цезарь. Сравненія съ историческими событіями и лицами Римской республики были во вкусѣ того времени и могли имѣть вліяніе на назначеніе этого дня.

[3]) Аракчеевъ уже былъ графомъ (съ 5-го мая 1799 года).

всѣ средства, и что единственно отъ его воли зависѣло употребить ихъ во зло. Не подлежитъ сомнѣнію, что къ этому клонился разговоръ императора съ графомъ въ субботу [1]), которая предшествовала перевороту. Императоръ спросилъ у графа, былъ ли онъ въ Петербургѣ, когда Петръ III лишился престола и жизни [2]).—«Да», отвѣчалъ графъ безъ смущенія. Тогда Павелъ хотѣлъ еще узнать, можетъ ли повториться подобное происшествіе. «Упаси Боже!» отвѣчалъ графъ: «это невозможно. Въ то время войска были такъ разбросаны, учрежденія такъ дурны»,— и засимъ онъ началъ объяснять, почему нѣтъ болѣе причинъ опасаться чего-либо подобнаго.

Тѣмъ не менѣе, государь остался при своемъ намѣреніи и до такой степени скрывалъ его отъ всѣхъ, что даже его любимецъ Кутайсовъ ничего о томъ не зналъ. Государь только повторялъ ему часто слѣдующія слова: «Подожди еще пять дней, и ты увидишь великія дѣла». Это разсказывалъ потомъ подъ первымъ впечатлѣніемъ страха самъ Кутайсовъ одному изъ своихъ друзей (Ланскому) [3]), къ которому онъ прибѣжалъ спасаться, и прибавлялъ: «Теперь только могу я объяснить себѣ его слова».

На послѣднемъ собраніи при дворѣ государь почти исключительно и весьма ласково разговаривалъ съ княземъ Зубовымъ [4]). Это было объяснено желаніемъ государя привлечь его къ себѣ, но достовѣрно, что онъ его не опасался.

---

[1]) 9-го марта 1801 года, въ субботу на 5-й недѣлѣ Великаго поста.

[2]) Въ 1762 году графъ Паленъ (р. 1745 г.) былъ капраломъ въ конной гвардіи. Произведенъ въ вахмистры конной гвардіи 29 февраля 1764 г. и изъ вахмистровъ конной гвардіи произведенъ 15-го августа 1769 года ротмистромъ въ армію.

[3]) Степану Сергѣевичу Ланскому, р. 1760 г. † 1813 г. (отцу министра внутреннихъ дѣлъ графа Сергѣя Степановича Ланского).

[4]) Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ (гдѣ по преимуществу отмѣчаются лица, приглашаемыя къ высочайшему столу) за 1801 годъ ни разу не встрѣчается имя князя Зубова, въ то время какъ его братъ, графъ Николай Александровичъ, неоднократно приглашался.

Поспѣшный вызовъ барона Аракчеева не остался тайною для графа Палена, который увидѣлъ необходимость предупредить его прибытіе, и потому рѣшено было ускорить нѣсколькими днями исполненіе замысла.

Полицеймейстеръ Кашинцевъ [1]) едва не открылъ заговора во-время. Въ одномъ изъ первыхъ оружейныхъ магазиновъ Петербурга куплено было офицерами въ одинъ день девять паръ пистолетовъ. Это обратило на себя вниманіе хозяина магазина; онъ далъ знать полицеймейстеру, который поставилъ въ магазинѣ переодѣтаго полицейскаго чиновника, чтобы арестовать перваго, кто бы еще пришелъ покупать пистолеты. Случилось, однако, что никто болѣе не приходилъ.

Въ послѣдній день своей жизни [2]) императоръ былъ веселъ и здоровъ. Около полудня 11-го марта я самъ еще встрѣтилъ его, въ сопровожденіи графа Строганова [3]), на парадной лѣстницѣ Михайловскаго замка у статуи Клеопатры. Онъ нѣсколько минутъ ласково разговаривалъ со мною. За нѣсколько дней передъ тѣмъ съ нимъ слу-

---

[1]) Въ подлинникѣ: «der Polizeimeister Katzinzow».

Въ числѣ полицейскихъ чиновниковъ того времени я никогда не встрѣчалъ этого имени.

Въ 1801 году с.-петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ былъ ст. сов. Александръ Андреевичъ Аплечеевъ (съ 30 ноября 1800 года), произведенный 22-го февраля 1801 года въ д. с. с. и переименованный 21-го марта 1801 года (по смерти Павла) въ генералъ-майоры съ оставленіемъ при прежней должности, а с.-петербургскимъ полицеймейстеромъ былъ (также съ 30-го ноября 1800 года) князь Касаткинъ-Ростовскій, произведенный 22-го февраля 1801 года въ статскіе совѣтники. Не этого ли послѣдняго разумѣетъ Коцебу?

[2]) 11-го марта 1801 года, понедѣльникъ 6-й недѣли Великаго поста.

[3]) Объ этой встрѣчѣ Коцебу упоминаетъ и въ своемъ Merkw. Jahr (II, 247), съ тою только разницею, что тамъ совершенно правильно говорить, что государь былъ въ сопровожденіи графа Кутайсова (а не Строганова). Дѣйствительно, въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ этого дня сказано, что «съ 11 часовъ утра ихъ величества проводили нѣкоторое время въ верховомъ выѣздѣ: государь императоръ съ оберъ-шталмейстеромъ графомъ Кутайсовымъ, а императрица съ фрейлиною Протасовою 2».

чился судорожный припадокъ, который нѣсколько скривилъ ему ротъ. Онъ самъ путилъ надъ этимъ, подошелъ къ зеркалу и сказалъ: «J'ai beau me regarder dans le miroir: ma bouche reste toujours de travers».

Вечеромъ съ лейбъ-медикомъ Гриве онъ также былъ очень ласковъ и разговорчивъ [1]); радовался, что ему болѣе не надо принимать лекарства, и спрашивалъ, чѣмъ страдаетъ графъ Ливенъ, который съ нѣкотораго времени былъ боленъ. Гриве доложилъ о его болѣзни. Государь, который въ ней нѣсколько сомнѣвался, весьма пристально смотрѣлъ на доктора во время этого доклада и потомъ спросилъ его: «En conscience, dites-moi. est ce qu'il est vraiment malade?»—Гриве повторилъ свои увѣренія, и государь отвернулся отъ него съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ.

Какъ мало Павелъ подозрѣвалъ въ этотъ вечеръ какую-либо опасность, видно также изъ слѣдующаго. Знаменитый декораторъ Гонзага въ одномъ изъ послѣднихъ балетовъ, представленныхъ въ Эрмитажѣ, поставилъ превосходную архитектурную декорацію, которая такъ понравилась государю, что ему пришла мысль выполнить ее во всей точности изъ камня въ Лѣтнемъ саду. Я находился у оберъ-гофмаршала въ то самое время, когда его позвали къ государю для полученія приказаній по этому предмету. Нѣсколько архитекторовъ были немедленно потребованы, и съ крайнею поспѣшностью они составили проектъ, исполненіе котораго должно было обойтись въ 80 000 рублей. Павелъ его утвердилъ, и эта издержка была послѣднимъ проявленіемъ его расточительности.

Вечеромъ онъ ужиналъ съ аппетитомъ. Послѣ стола онъ почувствовалъ легкое нездоровье, которое, однако, не помѣшало ему написать двѣ записки къ князю Зубову въ кадетскій корпусъ съ приказаніемъ еще въ тотъ же вечеръ

---

[1]) Нѣкто Россъ, состоявшій при англійскомъ посольствѣ, также писалъ изъ С.Петербурга лорду Мальмесбюри объ этомъ разговорѣ Павла съ докторомъ Гривс, но въ иномъ смыслѣ. См. Malmesbury. Diaries and correspondence. London. 1845. IV, 57.

представить ему оттуда новыхъ пажей. Это было исполнено, и онъ пошелъ спать.

Генералъ Клингеръ [1]), извѣстный писатель, былъ въ то время директоромъ кадетскаго корпуса. Князь Зубовъ просидѣлъ у него весь вечеръ, повидимому, весьма спокойно и болталъ обо всемъ съ полною непринужденностію. Въ 10 часовъ принесли первую записку отъ государя. «Скорѣй! Скорѣй!» сказалъ Зубовъ улыбаясь и отправилъ пажей, поручивъ въ своемъ отвѣтѣ государю генерала Клингера его благосклонности. Въ 11 часовъ принесена была вторая записка, написанная въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ: государь съ благосклонностію упоминалъ въ ней о Клингерѣ и спрашивалъ, что дѣлаетъ Дибичъ [2]) въ кадетскомъ корпусѣ.—«Ничего хорошаго и ничего дурного», отвѣчалъ Зубовъ: «для хорошаго ему недостаетъ знанія русскаго языка, а для дурного—власти».

Поговоривъ нѣсколько времени объ этой перепискѣ, Зубовъ удалился въ 12 часовъ.

Не менѣе спокойнымъ казался графъ Паленъ. Камергеръ Толстой [3]), который заѣзжалъ къ нему въ 8 часовъ, нашелъ его ходившимъ по комнатѣ взадъ и впередъ и посвистывавшимъ. Сорокъ заговорщиковъ ужинали въ

---

[1]) 11-го февраля 1801 года директору 1-го кадетскаго корпуса ген.-отъ-инф. князю Зубову повелѣно называться шефомъ онаго, а ген.-майору Клингеру директоромъ.

Ѳедоръ Ивановичъ Клингеръ (р. во Франкфуртѣ на Майнѣ 1753 г. † въ Спб. 1811 г) былъ извѣстный нѣмецкій поэтъ и писатель.

Полное собраніе его сочиненій издано въ Кенигсбергѣ въ 1809 году въ 12 томахъ.

[2]) Генералъ-майоръ баронъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ (отецъ фельдмаршала) былъ назначенъ 11-го февраля 1801 года командиромъ 1-го кадетскаго корпуса, а 11-го марта 1801 года ему повелѣно было состоять по арміи и носить общій армейскій мундиръ.

Еще будучи въ прусской службѣ, онъ не былъ любимъ и слылъ за интригана (Helldorft. Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Würtemberg Berlin. 1861 I. 80).

[3]) Не графъ ли Николай Александровичъ Толстой (р. 1761 г. † 1816 г.), впослѣдствіи оберъ-гофмаршалъ?

этотъ вечеръ у генерала Талызина. Послѣ 11 часовъ графъ Паленъ сѣлъ въ извозчичьи сани, въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ чиновниковъ, итальянскаго авантюриста Морелли [1]) и нѣкоего Тирана [2]), молодого человѣка, жившаго безъ дѣла, нѣкогда бывшаго офицеромъ въ войскахъ принца Конде и вышедшаго въ отставку, потому что долженъ былъ быть переведенъ въ одинъ изъ сибирскихъ гарнизоновъ. Послѣ революціи его имя дало поводъ къ шуткѣ, болѣе остроумной, чѣмъ справедливой будто въ Россіи отнынѣ остался одинъ только тиранъ.

Князь Зубовъ уже ожидалъ графа въ условленномъ мѣстѣ. Гвардейскіе полки были собраны; шефы и большинство офицеровъ были расположены въ пользу заговора; изъ нижнихъ же чиновъ ни одинъ не зналъ о предпріятіи, которому долженъ былъ содѣйствовать. Поэтому офицеры получили наставленіе, во время марша къ Михайловскому замку, смѣшаться съ солдатами и ихъ подготовить. Я слышалъ отъ одного офицера, что настроеніе его людей не было самое удовлетворительное. Они шли безмолвно; онъ говорилъ имъ много и долго, никто не отвѣчалъ. Это мрачное молчаніе начало его безпокоить Онъ наконецъ спросилъ: «Слышите?»—Старый гренадеръ сухо отвѣтилъ: «Слышу», но никто другой не подалъ знака одобренія.

Другіе отряды требовали, чтобы графъ Паленъ сталъ во главѣ ихъ. Когда имъ сказали, что они найдутъ его на площади передъ дворцомъ, они отвѣтили «извольте», и двинулись впередъ. Казармы гвардейскаго полка вели-

---

[1]) Не итальянецъ ли Моретти, учитель англійскаго языка при великихъ княжнахъ, пожалованный 11-го августа 1801 года въ колл. асессоры? (С.-Петерб. Вѣд, 1801 г., стр. 2448)

[2]) 19-го марта 1801 года титул. сов. Тиранъ переименованъ въ ротмистры съ опредѣленіемъ въ кирасирскій принца Александра Вюртембергскаго полкъ и съ оставленіемъ адъютантомъ при генералѣ-отъ-кавалеріи графѣ Паленѣ. (С.-Петерб. Вѣд., 1801 г, № 26, стр. 995).

каго князя Александра Павловича [1]) были самыя отдаленныя; тѣмъ не менѣе, онъ прибылъ первымъ на площадь, а полкъ императора [2])--послѣднимъ, хотя его казармы были ближе всѣхъ, на Милліонной. Третій батальонъ (полка) великаго князя былъ въ караулѣ во дворцѣ, какъ я это слыпалъ отъ самого командовавшаго карауломъ офицера; поэтому великій князь и воскликнулъ потомъ съ горестію: «Все взвалятъ на меня!»—Батальонъ Милорадовича [3]), который графъ Паленъ хотѣлъ главнымъ образомъ употребить въ дѣло, припелъ слишкомъ поздно потому будто, что ему далеко было идти, и что часы пли различно. Собственно говоря, Паленъ могъ разсчитывать только на 200 человѣкъ изъ батальона Талызина, и съ ними-то онъ исполнилъ переворотъ. Ихъ усердіе. какъ говорятъ, зашло такъ далеко, что они хотѣли стрѣлять въ окна государя [4])

Кромѣ обыкновеннаго караула, во дворцѣ стояло еще во всякое время въ особой залѣ до 30-ти человѣкъ изъ полка императора. На нихъ полагался наиболѣе Павелъ, но и они или были завлечены, или потеряли голову. Нѣсколько человѣкъ были поспѣшно сняты при словахъ «рундъ кругомъ», старый часовой сходилъ безъ всякихъ

---

[1]) Л.-гв. Семеновскаго полка. Его казармы были тамъ, гдѣ и теперь, на Загородномъ проспектѣ.

[2]) Полкомъ императора назывался л-гв Преображенскій полкъ. Въ царствованіе Павла онъ размѣщенъ былъ слѣдующимъ образомъ: 1-й батальонъ на Милліонной, возлѣ Зимняго дворца, въ теперешнемъ зданіи (тогда еще неперестроенномъ), 2-й и 3-й батальоны также на Милліонной, въ бывшемъ домѣ ломбарда, противъ Мраморнаго дворца, и, наконецъ, 4-й батальонъ на Дворцовой площади, въ домѣ, принадлежавшемъ графу Литта. (Reuners. St. Peterburg. 1805. II. 14, 15).

[3]) Вѣроятно, Депрерадовича, а не Милорадовича.

[4]) «Une partie de cette troupe alla par le jardin (тамъ, гдѣ теперь Садовая улица) se placer sous les fenetres de Paul, qui, pour son malheur, la marche des soldats ne reveilla pas, non plus que le bruit d'une multitude de corbeaux qui dormaient habituellement sur les toits et qui se mirent a croasser. M-me Vigee Lebrun, III, 82. Тоже у Helldorff, I, 140, у Bülau. III, 225

формальностей, а новый вступалъ на его мѣсто Пароль въ этотъ вечеръ былъ: «графъ Паленъ» [1]).

Когда всѣ заговорщики собрались на площади, они еще начали между собою разсуждать, слѣдуетъ ли убить императора, или только принудить его къ подписанію акта отреченія отъ престола.—«Что тутъ толковать!» вскричалъ графъ Паленъ: «чтобы сдѣлать яичницу, нужно сперва разбить яйца!»—Какъ ни сурово звучали эти слова, какъ ни безчувственна была подобная острота въ эту минуту, но Паленъ былъ правъ въ томъ отношеніи, что необходимо было или совершенно покончить это дѣло, или совершенно отъ него отказаться, ибо, если бы государь былъ только арестованъ, неминуемо вспыхнула бы кровопролитная междоусобная война [2]).

Можетъ статься, что это послѣднее совѣщаніе заговорщиковъ происходило еще раньше, потому что, по разсказу генерала Бенигсена, они условились съ графомъ, что онъ будетъ ихъ ожидать у малыхъ воротъ [3]), подъ которыми была лѣстница, приводившая къ комнатамъ императора. Они его тамъ не нашли, потому что онъ былъ занятъ войсками. Это породило недовѣріе къ нему; но ужъ нечего было мѣшкать. Флигель-адъютантъ Аргамаковъ вызвался ихъ провести. Этотъ грубый человѣкъ, Яшвиль и Николай Зубовъ были очень пьяны. Они взошли по маленькой лѣстницѣ [4]), передъ которой стоялъ одинъ только часовой, не оказавшій никакого сопротивленія.

---

[1]) Пароль этотъ, вѣроятно, былъ между заговорщиками.

[2]) См. Thiers: Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1847. II, pp. 423—424.

[3]) У такъ называемыхъ Рождественскихъ воротъ, налѣво отъ Дворцовой церкви (если смотрѣть съ Садовой, которая тогда еще не была продолжена отъ Невскаго проспекта къ Царицыну лугу). Подъ этими воротами была винтовая лѣстница, которая вела въ бельэтажъ, сперва въ небольшую переднюю, а оттуда въ библіотеку, изъ которой направо былъ черезъ двойную дверь ходъ въ спальню государя. Das merkw. Jahr. II, 219 (русскій переводъ въ Русскомъ Архивѣ 1870 года, стр. 985).

[4]) Т. е. по винтовой лѣстницѣ Часовой, стоявшій внизу, былъ, какъ и всѣ наружные часовые, отъ караула Семеновскаго полка.

Замѣчательно, что, пока шли по этой лѣстницѣ, изъ сорока, повидимому, рѣшительныхъ людей болѣе тридцати пали духомъ и одинъ за другимъ оставались позади, такъ что вначалѣ не болѣе восьми человѣкъ дошли до запертой двери у первой передней, остальные съ робостію и мало-по-малу присоединились къ нимъ впослѣдствіи. Самъ князь Зубовъ сильно дрожалъ Генералъ Бенигсенъ долженъ былъ ему напомнить, что теперь уже не время дрожать.

Въ передней спали два хорошо вооруженные камеръ-гусара. Заговорщики постучались въ дверь. На вопросъ: «что такое?» флигель-адъютантъ отвѣчалъ. «пожаръ!» А такъ какъ о подобныхъ случаяхъ онъ обязанъ былъ докладывать государю даже ночью, то гусары, хорошо знавшіе его голосъ, не задумались отворить дверь. Когда же они увидѣли, что проникаетъ цѣлая толпа, они схватились за свои сабли и хотѣли защищаться. Одинъ изъ нихъ былъ пораженъ сабельнымъ ударомъ, нанесеннымъ ему Яшвилемъ, и упалъ наземь, другой съ обнаженною саблею побѣжалъ въ сосѣднюю переднюю, гдѣ спало нѣсколько фельдъегерей, и сталъ кричать «бунтъ!» [1]).

Заговорщики тѣмъ временемъ подошли къ спальнѣ императора. Это была большая комната, имѣвшая одинъ только входъ и выходъ [2]), другая дверь, которая вела въ парадныя комнаты императрицы, и чрезъ которую, по мнѣнію многихъ, онъ могъ бы спастись, была, какъ я самъ въ томъ убѣдился за нѣсколько дней до происшествія, крѣпко заперта, потому что оставалась безъ употребленія. Дверь, чрезъ которую входили въ комнату Павла, была двойная, внутри ея направо и налѣво [3]) сдѣланы

---

[1]) Въ адресъ-календарѣ 1801 года «при верхней комватной услугѣ» четыре камеръ-гусара. Сагинъ, Кирилловъ, Сулимовъ и Ропщинскій.

[2]) Въ бельэтажѣ, по нынѣшней Садовой, съ окнами на улицу (2-е и 3-е окна отъ угла къ Царицыну лугу)

[3]) Правая и лѣвая сторона показаны здѣсь по отношенію къ тому, кто бы разсматривалъ эту дверь, выходя изъ спальни императора.

были другія маленькія двери, за которыми были: съ правой стороны небольшое пространство безъ выхода, въ которое ставились знамена, или, какъ нѣкоторые увѣряютъ, шпаги арестованныхъ офицеровъ, а съ лѣвой стороны потаенная лѣстница (escalier dérobé), по которой можно было сойти въ комнаты княгини Гагариной и оттуда пройти въ церковь Если бы Павелъ вышелъ чрезъ эту дверь, или еще имѣлъ бы возможность чрезъ нее выйти, то, разумѣется, можно полагать, что онъ спасся бы.

Но для того, чтобы оставить потаенную лѣстницу въ своемъ распоряженіи, ему надлежало не отворять внѣшней двери. Между тѣмъ шумъ въ передней уже разбудилъ его; нѣсколько разъ онъ спрашивалъ: кто тамъ? Наконецъ вскочилъ съ постели и, услышавъ голосъ своего адъютанта, самъ отворилъ дверь своимъ убійцамъ [1]).

При видѣ вторгавшейся толпы онъ поблѣднѣлъ; черты лица его судорожно скривились; онъ пробормоталъ: «Que me voulez-vous?» Князь Зубовъ выступилъ впередъ и, сохраняя почтительный, скромный видъ, сказалъ: «Nous venons au nom de la patrie prier Votre Majesté d'abdiquer parce que vous avez parfois des absences d'esprit. La sécurité de votre personne et un entretien convenable vous sont garantis par votre fils et par l'Etat» Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана актъ отреченія [2]).

---

[1]) По другимъ разсказамъ, дверь отворена была однимъ изъ камеръ-гусаровъ, спавшихъ передъ спальнею внутри двойной двери; вошедши въ спальню, заговорщики въ первую минуту не нашли Павла въ постели, его отыскалъ Бенигсенъ за ширмами

Europ. Ann 13.
Malmesbury, IV, 57.
Joseph de Maistre. 268.
Lloyd. 39
Rabbe и др

[2]) Въ подлинникѣ слова Зубова приведены по-нѣмецки. Но самъ Коцебу передаетъ и первоначальный вопросъ Павла и послѣдующій разговоръ по-французски, должно полагать, что и коротенькая рѣчь Зубова сказана была по-французски.

Конечно, никого бы не удивило, если бы въ эту минуту, какъ многіе увѣряли, государь пораженъ былъ апоплектическимъ ударомъ. И, дѣйствительно, онъ едва могъ владѣть языкомъ, однако собрался съ духомъ и весьма внятно сказалъ: «Non, non! je ne souscrirai point!» Онъ былъ безъ оружія; шпага его лежала на табуретѣ у постели. Ему легко было ее достать, но къ чему послужила бы защита предъ этою толпою? Потаенная лѣстница скорѣе могла бы спасти его, но онъ вспомнилъ о ней слишкомъ поздно. Напрасно пытался онъ внушить страхъ заговорщикамъ съ тѣмъ, чтобы потомъ скрыться отъ нихъ чрезъ маленькую лѣстницу. Николай Зубовъ схватилъ его и сильно толкнулъ, сказавши другимъ: «Pourquoi vous amusez-vous à parler à cet effréné».—Аргамаковъ съ другой стороны ударилъ его въ високъ рукояткой пистолета. Несчастный пошатнулся и упалъ. Бенигсенъ разсказывалъ, что, пока это происходило, онъ, Бенигсенъ, отвернулся, чтобы прислушаться къ шуму, доходившему изъ передней.

Въ паденіи своемъ Павелъ хотѣлъ было удержаться за рѣшетку, которая украшала стоявшій вблизи письменный столъ и выточена была изъ слоновой кости самою императрицею. Къ рѣшеткѣ придѣланы были маленькія вазы (тоже изъ слоновой кости). Нѣкоторыя изъ нихъ отломились, и я на другой день съ прискорбіемъ видѣлъ ихъ обломки [1]).

Актъ отреченія, или, вѣрнѣе, манифестъ отъ имени Павла, составленъ былъ, какъ разсказывалъ Бенигсенъ, Трощинскимъ на ужинѣ въ тотъ же вечеръ передъ этимъ у Талызина.

Helldorff, I, 140.

Sybel, 157.

[1]) Этотъ столъ описанъ Коцебу въ сочиненіи: «Das merkwürdigste Jahr meines Lebens», t. 2.

Русскій переводъ этого мѣста въ Русскомъ Архивѣ 1870 года, стр. 986.

Собравъ послѣднія силы, Павелъ могъ еще встать на ноги. Тогда Яшвиль бросился на него и снова повалилъ на землю. Въ этомъ вторичномъ паденіи Павелъ ударился головою о каминъ. Произошла

Тутъ всѣ ринулись на него. Яшвиль и Мансуровъ накинули ему на шею шарфъ и начали его душить. Весьма естественнымъ движеніемъ Павелъ тотчасъ засунулъ руку между шеей и шарфомъ; онъ держалъ ее такъ крѣпко, что нельзя было ее оторвать. Тогда какой-то изверг взялъ его за самыя чувствительныя части тѣла и стиснулъ ихъ. Боль заставила его отвести туда руку, и шарфъ былъ затянутъ [1]). Вслѣдъ за симъ вошелъ графъ Паленъ. Многіе утверждали, что онъ подслушивалъ у дверей.

Впослѣдствіи распускали множество басенъ. Увѣряли, будто Павелъ на колѣняхъ умолялъ сохранить ему жизнь и получилъ отъ Зубова въ отвѣтъ: «Въ продолженіе четырехъ лѣтъ ты никому не оказывалъ милосердія; теперь и ты не ожидай себѣ пощады», будто онъ клялся осчастливить народъ, простить заговорщиковъ, царствовать съ кротостію и т. п. Достовѣрно однако, что до послѣдняго издыханія онъ сохранилъ все свое достоинство. Одною изъ самыхъ ужасныхъ для него минутъ была, безъ сомнѣнія, та, въ которую онъ услышалъ, какъ на дворѣ солдаты слишкомъ рано закричали: «ура!» и въ комнату стремглавъ вбѣжалъ одинъ изъ заговорщиковъ со словами: «Dépêchez-vous, il n'y a pas un moment à perdre!».

Самая смерть не примирила съ нимъ этихъ грубыхъ изверговъ. Многіе офицеры бросались, чтобы нанести его

около него суматоха, въ которой опрокинутъ былъ ночникъ Вся остальная сцена происходила впотьмахъ.

Rabbe, I, 33—307.

Helldorff, I, 142.

[1]) Бенигсенъ, вышедшій за огнемъ, вернулся въ спальню государя, когда все уже было кончено (Helldorff, I, 143).

D'Allonville (Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat, VIII, 87) пишетъ: «Un chirurgien anglais (Вилліе) qui avait empêche l'Impératrice de voler au secours de son époux, est appele, et il porte le dernier coup a l Empereur en lui coupant les arteres».

Но Вилліе былъ позванъ только для бальзамированія, и это обстоятельство дало поводъ къ весьма распространенному слуху, который передаетъ d'Allonville.

трупу какое-нибудь оскорбленіе, пока наконецъ князь Зубовъ не сказалъ имъ съ негодованіемъ· «Господа, мы пришли сюда, чтобы избавить отечество, а не для того, чтобы дать волю столь низкой мести»

Относительно того, какъ долго продолжались мученія императора, показанія разнорѣчивы: кто говоритъ—часъ, а кто—полчаса, другіе утверждаютъ даже, что все было дѣломъ одной минуты.

Какое страшное спокойствіе между тѣмъ царствовало во всемъ дворцѣ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства Одинъ молодой офицеръ, князь Вяземскій, былъ посланъ графомъ Паленомъ, чтобы остановить какой-то батальонъ, который пошелъ слишкомъ далеко. По возвращеніи своемъ онъ болѣе не нашелъ заговорщиковъ, они уже вошли во внутреннія покои Онъ хотѣлъ пойти за ними чрезъ главный входъ дворца, заблудился и попалъ въ первую залу нижняго этажа, гдѣ стояли на караулѣ гренадеры [1]) Всѣ спали. Одинъ только офицеръ проснулся и спросилъ, что ему нужно.—«Я ищу графа Палена», со страхомъ сказалъ Вяземскій.—«Онъ здѣсь не проходилъ», отвѣчалъ офицеръ и безпрепятственно пропустилъ его. Вяземскій взошелъ по парадной лѣстницѣ и снова наткнулся на двухъ часовыхъ, которые при видѣ его задрожали безъ всякой причины. Онъ тоже задрожалъ, повторилъ свой вопросъ, получилъ тотъ же отвѣтъ и также тутъ не былъ задержанъ. Проникая дальше [2]), онъ встрѣтилъ двухъ истопниковъ, которые бѣжали въ испугѣ и хотѣли шумѣть; увидѣвъ его, они еще болѣе испугались и повернули назадъ. Наконецъ онъ отыскалъ заговорщиковъ; тогда только онъ ободрился, потому что при совершеніи подобныхъ злодѣйствъ люди бываютъ храбры только толпою, а въ отдѣльности каждый изъ нихъ трепещетъ

---

[1]) Въ нижнемъ этажѣ овальная зала, примыкавшая съ лѣвой стороны къ парадной лѣстницѣ, если идти со двора

[2]) Въ длинную залу (въ 10 сажень) съ античными статуями и бюстами, позади церкви.

Въ то время, какъ все рѣшалось внутри дворца, графъ Паленъ дѣлалъ въ городѣ необходимыя распоряженія. Заставы были заперты. Комендантъ Михайловскаго замка Котлубицкій [1]), оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, генералъ-прокуроръ и нѣкоторые другіе были арестованы. Потомъ графъ обратился къ войскамъ, объявилъ имъ о происходившемъ и закричалъ «ура» новому императору. Онъ ожидалъ, что вся толпа, по обыкновенію, отвѣтитъ ему тѣмъ же крикомъ, но обманулся: мертвое молчаніе не было нарушено, одинъ только молодой унтеръ-офицеръ изъ дворянъ отозвался своимъ одинокимъ, внятнымъ голосомъ. Графъ не потерялъ присутствія духа: хорошо зная, какъ нужно обходиться съ русскими солдатами, онъ началъ ихъ всячески ругать, и громкое «ура» огласило воздухъ.

Тогда онъ отправился за новымъ императоромъ [2]) При входѣ его въ переднюю Александръ, уже одѣтый, вышелъ къ нему навстрѣчу изъ своей спальни: онъ былъ очень блѣденъ и дрожалъ. Подробности эти передавала прислуга, которая спала въ передней и только въ эту минуту проснулась Отсюда выводили заключеніе, что великій князь зналъ обо всемъ Казалось, иначе и не могло быть: ибо, если бы великій князь былъ въ невѣдѣніи о томъ, что дѣлалось, какъ же случилось, что онъ былъ совершенно одѣтъ безъ того, чтобы его разбудили?

За разъясненіемъ этого важнаго обстоятельства я обратился къ самому графу Палену и получилъ отъ него слѣдующій удовлетворительный отвѣтъ.

Когда заговорщики уже пошли къ Павлу, графъ Паленъ разсудилъ, что въ подобныхъ случаяхъ всякая минута

---

[1]) Николай Осиповичъ Котлубицкій. Его разсказы объ императорѣ Павлѣ напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1865 года.

[2]) Великій князь Александръ Павловичъ жилъ въ нижнемъ этажѣ Михайловскаго замка и занималъ весь уголъ, выходящій къ Фонтанкѣ и Лѣтнему саду. Въ его комнаты вели со двора одна большая и двѣ маленькія лѣстницы.

дорога, и что необходимо было новаго императора показать войскамъ немедленно по окончаніи предпріятія. Знакомый со всѣми входами и выходами дворца, онъ отправился къ камерфраy великой княгини, которыя спали позади спальни великаго князя, разбудилъ ихъ и приказалъ имъ разбудить также великаго князя и его супругу, но сказать имъ только, что происходитъ что-то важное, и что они должны скорѣе встать и одѣться. Такъ и было сдѣлано. Этимъ объясняется, почему Александръ могъ выйти одѣтый въ переднюю, когда графъ вошелъ въ нее чрезъ обыкновенную дверь, и почему, съ другой стороны, прислуга должна была предполагать, что онъ вовсе не ложился спать.

Александру предстояло ужасное мгновеніе. Графъ поспѣшно повелъ его къ войскамъ и воскликнулъ: «Ребята, государь скончался; вотъ вамъ новый императоръ!» Тутъ только Александръ узналъ о смерти отца своего: онъ едва не упалъ въ обморокъ, и его должны были поддержать. Съ трудомъ возвратился онъ въ свои комнаты. «Тогда только», разсказывалъ онъ самъ своей сестрѣ: «пришелъ я снова въ себя!»

Достовѣрные люди утверждаютъ, что еще раньше, послѣ неоднократныхъ тщетныхъ попытокъ получить его согласіе на переворотъ, графъ Паленъ со всѣмъ авторитетомъ твердаго и опытнаго человѣка принялся его убѣждать и наконецъ объявилъ ему, что, безъ сомнѣнія, его воля— согласиться или нѣтъ, но что дѣла не могутъ долѣе оставаться въ такомъ положеніи, на что Александръ въ отчаяніи будто бы отвѣчалъ: «Пощадите только его жизнь».

Всѣ свидѣтельства положительно сходятся въ томъ, что онъ ничего не зналъ объ исполненіи заговора и не желалъ смерти своего отца.

Графъ Паленъ, который во все это время вполнѣ сохранилъ свое присутствіе духа, не забылъ также немедленно поставить обо всемъ въ извѣстность оберъ-гофмейстерину графиню Ливенъ, прося ее разбудить импер-

рицу, сообщить ей о происшедшемъ и утѣшить ее [1]). Графиня жила въ верхнемъ этажѣ у молодыхъ великихъ княженъ. Она тотчасъ одѣлась и хотѣла сойти внизъ, но на всѣхъ лѣстницахъ нашла часовыхъ, которые не хотѣли ее пропустить. «Ребята», сказала она: «я графиня Ливенъ; я 18 лѣтъ служила императрицѣ Екатеринѣ; пропустите меня для исполненія моей обязанности». При этихъ словахъ солдаты съ почтеніемъ отняли свои ружья.

Она подошла къ постели императрицы, которая въ испугѣ приподнялась: «Чего хотите вы въ такое необычайное время? Вы, вѣрно, пришли съ какимъ-нибудь непріятнымъ извѣстіемъ?»—«Разумѣется».—«Не заболѣлъ ли кто изъ моихъ дѣтей?»—«Хуже».—«Не боленъ ли мой мужъ?»—«Очень боленъ».—«Онъ, вѣрно, умеръ?»— «Да!»

Императрица вскочила съ постели и хотѣла бѣжать къ своему супругу: часовые не пропустили ея [2]). Она умоляла ихъ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ; все было напрасно. Наконецъ, рыдая, она бросилась на землю и въ отчаяніи вскричала: «Я жена вашего государя. Пропустите меня! Я должна пойти къ нему! Дайте мнѣ исполнить мой долгъ!»—Солдаты стали предъ нею на колѣни и говорили:

---

[1]) Ея внукъ, князь Александръ Христофоровичъ Ливенъ, передавалъ мнѣ, со словъ своихъ родителей, этотъ разговоръ слѣдующимъ образомъ. Графиня Ливень, вышедши къ Палену, спросила его: «Was wollen sie?»—«Ich komme vom Kaiser Alexander», отвѣтилъ онъ. «Was haben sie denn mit dem Andern gemacht?»

[2]) Императрица бросилась сперва въ комнату, отдѣлявшую ея спальню отъ спальни императора. Выше сказано было, что дверь была заперта. Кромѣ того, тутъ уже поставлено было нѣсколько солдатъ отъ караула Семеновскаго полка, подъ командою капитана Александра Волкова, двоюроднаго брата Саблукова.

(Саблуковъ, стр. 321).

По другимъ извѣстіямъ, въ этомъ мѣстѣ поставленъ былъ поручикъ Семеновскаго полка Константинъ Марковичъ Полторацкій съ 30-ю солдатами, и сохранилось преданіе, что, когда Полторацкій объявилъ императрицѣ, что не можетъ ее пропустить, она дала ему пощечину.

(Rabbe, I, 310).

«Матушка, мы тебя любимъ; ни тебѣ, ни твоимъ дѣтямъ мы не сдѣлаемъ вреда, но не смѣемъ тебя пропустить».

Тутъ подошелъ Бенигсенъ. Онъ почтительно поднялъ императрицу и сказалъ ей, что если она непремѣнно желаетъ пройти къ государю, то, по крайней мѣрѣ, не должна разговаривать съ солдатами. Она все еще не знала, что именно случилось, такъ какъ графиня умолчала ей о самомъ ужасномъ. Выраженія Бенигсена поразили ее; свѣтъ блеснулъ въ ея умѣ. Съ возмущеннымъ достоинствомъ она ему сказала: «Croyez-vous être à Paris, où l'on capitule avec les sujets?» отвернулась отъ него и пошла въ свои комнаты. Такъ разсказывала она сама это обстоятельство тайному совѣтнику Николаи [1]).

Вскорѣ припили къ ней съ ласковымъ порученіемъ отъ Александра, но оно не успокоило ея. Эта благородная женщина выказала въ этомъ тяжеломъ испытаніи все свое сердце. Она удалила отъ себя графиню Ливенъ подъ предлогомъ, что присутствіе графини необходимо при дѣтяхъ, и снова пошла къ комнатамъ императора, въ надеждѣ проникнуть туда черезъ другой ходъ. Но, не будучи хорошо знакома съ лабиринтомъ Михайловскаго замка, она заблудилась и попала въ одинъ изъ дворовъ. За нею слѣдовала одна изъ ея камерфрау, которая машинально захватила съ собою графинъ воды и стаканъ. На дворѣ императрицѣ сдѣлалось дурно. Камерфрау предложила ей выпить воды и налила стаканъ. Императрица взяла его, какъ вдругъ часовой [2]), стоявшій весьма спокойно въ

---

[1]) Баронъ Андрей Львовичъ Николаи, р. въ Страсбургѣ 20-го декабря 1737 г. † въ Монрепо (близъ Выборга) 7-го ноября 1818 г. Былъ при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ секретаремъ и библіотекаремъ, а по вступленіи его на престолъ президентомъ академіи наукъ. Пользовался постояннымъ довѣріемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны.

[2]) Этотъ часовой былъ Семеновскаго полка солдатъ Перекрестовъ. Онъ по прошенію переведенъ былъ изъ какого-то армейскаго полка въ Семеновскій. (Слышано мною отъ императора Александра Николаевича). По расположенію мѣстности, должно полагать, что им-

отдаленіи, закричалъ: «Стой! кто это съ тобою, матушка?» Камерфрау испугалась и сказала: «Это императрица.»— «Знаю», отвѣчалъ солдатъ: «выпей ты сперва этой воды». Она выпила. Это успокоило часового, потому что онъ думалъ, что хотѣли отравить императрицу.— «Хорошо, хорошо», сказалъ онъ: «теперь можешь наливать». Отрадная черта преданности среди страшной картины этой ночи, исполненной вѣроломства!

Обыкновенно императрица никогда не ложилась спать прежде 12 часовъ; въ этотъ же вечеръ она случайно легла раньше. Несмотря на близость ея комнатъ отъ покоевъ государя, она ничего не слыхала и въ горести своей дѣлала себѣ самые горькие упреки.

Всего болѣе заговорщики опасались преданности графа Кутайсова. Онъ имѣлъ обыкновеніе возвращаться отъ госпожи Шевалье въ 11 часовъ вечера. Рѣшили его въ это время поймать и отвезти къ графу Палену, гдѣ его должны были задержать до окончанія переворота. Но случилось, что въ этотъ вечеръ онъ вернулся домой въ половинѣ одиннадцатаго, и такимъ образомъ ему удалось ускользнуть отъ заговорщиковъ. Переодѣтый въ крестьянское платье, онъ побѣжалъ черезъ Лѣтній садъ. За нимъ погнались; говорятъ даже, что по немъ стрѣляли. Онъ спѣшилъ на Литейную къ какому-то господину Ланскому [1]); дорогою онъ потерялъ башмакъ, упалъ и вывихнулъ себѣ руку. Но на другой же день онъ переѣхалъ въ свой собственный домъ напротивъ Адмиралтейства, притворился больнымъ, а, можетъ быть, и дѣйствительно заболѣлъ. Къ вечеру онъ послалъ просить графа Палена дать ему караулъ, потому что опасался отъ черни какихъ-нибудь

ператрица сошла въ небольшой трехугольный дворикъ, который находился между собственнымъ ея подъѣздомъ и винтовою лѣстницею императора, и что она хогѣла пройти по этой лѣстницѣ, тутъ стоялъ часовой, о которомъ сказано выше

[1]) Къ Степану Сергѣевичу Ланскому (р. 1760 г. † 1813 г.), отцу министра внутр. дѣлъ графа Ланского. (Саблуковъ, стр. 322).

оскорбленій; къ нему послали караулъ и просили быть совершенно покойнымъ. И точно, онъ, повидимому, вскорѣ успокоился, потому что, когда 14-го числа дочь его родила [1]), онъ весело вошелъ въ комнату родильницы, казался весьма довольнымъ и обнялъ акушера.

Разсказывали, что отъ него одного зависѣло предотвратить революцію; что къ вечеру ему принесли записку, открывавшую весь заговоръ, что, по возвращеніи домой, онъ нашелъ ее на столѣ, но не распечаталъ и легъ спать. Долго не удавалось мнѣ разъяснить это важное обстоятельство; наконецъ мнѣ представился къ тому самый удобный случай. Я встрѣтился съ графомъ Кутайсовымъ въ Кенигсбергѣ. Онъ уже не былъ прежнимъ надменнымъ, неприступнымъ любимцемъ. Въ Петербургѣ, хотя и случалось ему мимоходомъ сказать мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ, никогда не пришло бы мнѣ въ голову вступить съ нимъ въ откровенный разговоръ. Здѣсь онъ принялъ меня чуть не съ сердечною радостью, потому что видѣлъ во мнѣ вѣрнаго слугу своего обожаемаго государя, и потому что я доставлялъ ему рѣдкій случай вдоволь наговориться о его благодѣтелѣ.

Когда я спросилъ его, дѣйствительно ли въ этотъ злосчастный вечеръ онъ получилъ какую-то таинственную записку и оставилъ ее нераспечатанною,—онъ улыбнулся и покачалъ головою. «Это отчасти справедливо», сказалъ онъ: «но записка эта не имѣла никакого значенія. Уже давно графъ Ливенъ, по болѣзни, желалъ мѣста посланника, и я обѣщалъ ему это выхлопотать у государя [2]).

---

[1]) Вѣроятно, старшая дочь, Марія Ивановна, бывшая за барономъ Владимиромъ Ѳеодоровичемъ Васильевымъ, племянникомъ государственнаго казначея.

[2]) D'Allonville (Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat, t. 8, p. 7) пишетъ: «Un faux frere neanmoins est prêt de faire manquer le complot; le prince Mestcherski (князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій, бывшій с-петербургскій губернаторъ, отрѣшенный отъ должности 1-го іюня 1800 года?), personnage vil et salement taré, soit remords,

Въ этотъ день оно мнѣ удалось. Послѣ обѣда я о томъ въ нѣсколькихъ строкахъ извѣстилъ графа и поѣхалъ со двора. Когда я вечеромъ возвратился домой, на моемъ столѣ лежала записка. Я спросилъ своего камердинера: отъ кого? Получивъ въ отвѣтъ, что то было благодарственное письмо отъ графа Ливена, я оставилъ его нераспечатаннымъ. Ночью всѣ мои бумаги, въ томъ числѣ и эта записка, были взяты; я ихъ получилъ обратно на слѣдующій день, а съ ними и эту нераспечатанную записку, которая дѣйствительно ничего другого не содержала, какъ вѣжливое изъявленіе благодарности».

Какъ часто вкрадываются въ исторію опибки потому только, что подобныя мелкія обстоятельства остаются неразъясненными!

Графъ также совершенно опровергнулъ вообще довольно распространенное предположеніе, будто императоръ Павелъ подозрѣвалъ существованіе заговора и вслѣдствіе сего вызвалъ барона Аракчеева. «Если бы мы имѣли хотя малѣйшее подозрѣніе», сказалъ онъ: «стоило бы намъ только дунуть, чтобы разрушить всякіе замыслы», и при этихъ словахъ онъ дунулъ на раскрытую свою ладонь.

Госпожа Шевалье была тогда съ нимъ въ Кенигсбергѣ. Она была крайне смущена послѣдними своими похожденіями. Въ роковую ночь ее тоже арестовали на нѣсколько часовъ [1]). Когда въ ея домъ пришелъ офицеръ съ карауломъ, ея смѣтливая горничная не хотѣла впустить его въ спальню, но онъ безъ церемоніи оттолкнулъ ее и подошелъ къ постели. Красавица сильно испугалась такого неожиданнаго посѣщенія и закричала: «Мой мужъ

---

peur ou cupidité, écrit a Paul pour lui dénoncer la conjuration et ceux qui en font partie, remet sa lettre a Koutaisoff, qui, appelé a la table de l'Empereur, l'oublie dans l'habit qu'il vient de quitter».

[1]) То же въ Merkw. Jahr, II, 285.

Офицеръ, посланный къ госпожѣ Шевалье, былъ плацъ-майоръ Иванъ Саввичъ Горголи, красивый молодой человѣкъ (онъ умеръ сенаторомъ и дѣйств. тайнымъ сов.). Саблуковъ, стр. 321.

въ Парижѣ!»—«Не вашего мужа», отвѣчалъ офицеръ, «мы ищемъ въ вашей постели, а графа Кутайсова».

Говорятъ, что нашли у нея бланки съ подписью государя, что рылись въ ея брильянтахъ, и что отняли у нея перстень съ вензелями Павла. Этому послѣднему обстоятельству, кажется, противорѣчитъ великодушное съ нею обращеніе новаго императора; ибо, когда черезъ нѣсколько дней по смерти Павла, она просила паспортъ для выѣзда за границу, Александръ приказалъ отвѣтить ей, что онъ крайне сожалѣетъ, что здоровье ея требуетъ перемѣны воздуха, и что ему всегда будетъ пріятно, если она вернется и снова пожелаетъ быть украшеніемъ французской сцены. Можно предполагать, что настоящею цѣлью незваннаго посѣщенія ея дома было не столько желаніе найти графа Кутайсова, — такъ какъ даже не разбудили ея брата [1]), который спалъ недалеко отъ ея спальни, и у котораго онъ весьма легко могъ быть спрятанъ,— сколько познакомиться съ ея письменными тайнами. За отобранный у нея перстень она, какъ увѣряютъ, жаловалась графу Палену, но онъ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ. Если изъ всѣхъ безчисленныхъ своихъ брильянтовъ она ничего другого не потеряла, какъ этотъ перстень, должно изъ этого заключить, что не хотѣли оставить въ ея рукахъ столь знаменательную драгоцѣнность, и что офицеръ дѣйствовалъ по особому высшему приказанію.

Во все время этой сцены она была въ одной рубашкѣ и должна была выслушать весьма легкія рѣчи. Другого мщенія она не испытала [2]) и удалилась изъ Россіи, обремененная сокровищами всякаго рода. На своей же совѣсти она, повидимому, не чувствовала никакого бремени.

---

[1]) М-l Auguste, танцоръ. (Das merkw. Jahr, t. 2, p. 277).

[2]) Саблуковъ (стр. 322) тоже говоритъ, что Горголи, хотя и былъ поклонникомъ женскаго пола, не заплатилъ, однако, никакой дани прелестямъ госпожи Шевалье, и что красавица «en a ete quitte pour sa peur».

Говорили также, что если бы не было революціи, она должна была черезъ два дня, какъ объявленная фаворитка, занять во дворцѣ комнаты княгини Гагариной. Не знаю, на чемъ основанъ былъ этотъ слухъ; если же въ самомъ дѣлѣ она ожидала, что вскорѣ достигнетъ высшей степени государевой милости, то она должна была вдвойнѣ чувствовать всю горесть своего паденія.

Народъ выразилъ свое презрѣніе къ ней самымъ грубымъ образомъ. На Исаакіевской площади какой-то мужикъ показывалъ за деньги суку, которую онъ звалъ мадамъ Шевалье. Главное искусство этой суки состояло въ томъ, что, когда ее спрашивали: какъ дѣлаетъ мадамъ Шевалье? она тотчасъ ложилась на спину... Нельзя себѣ вообразить, сколько народу приходило на это зрѣлище: даже порядочные люди проталкивались сквозь толпу, чтобы насладиться удовольствіемъ спросить у собаки: «какъ дѣлаетъ мадамъ Шевалье?»

Однако, какъ ни хитра была эта женщина, какъ ни старалась она обворожить государя, ей не удалось приковать его постоянства, и, когда онъ умеръ, двѣ женщины, обратившія на себя его вниманіе, были близки къ разрѣшенію отъ бремени. Относительно одной изъ нихъ его камердинеръ Кисловъ [1]) уже говорилъ съ акушеромъ Сутгофомъ и обѣщалъ ему награжденіе 5.000 рублей. Дитя должно было получить хорошее воспитаніе. Что изъ него вышло, мнѣ неизвѣстно.

Къ оберъ-гофмаршалу Нарышкину въ ту страшную ночь явился офицеръ съ обнаженною шпагою и двумя солдатами и сказалъ камердинеру: «Убью тебя, если ты станешь шумѣть!» Потомъ онъ попелъ въ спальню, гдѣ Нарышкинъ въ величайшемъ испугѣ былъ до крайности смѣшонъ, началъ дрожать за свою жизнь и предложилъ

---

[1]) Въ подлинникѣ: «Kisleff»

Это былъ тайный камеръ Василій Степановичъ Кисловъ (съ 2-го января 1801 г.).

солдатамъ пачку ассигнацій. Они ее приняли и арестовали его. Его повели на гауптвахту, но черезъ нѣсколько часовъ позволили ему возвратиться въ свои комнаты, а послѣ 7 часовъ возвратили шпагу. Въ 9 часовъ утра императоръ самъ разговаривалъ съ нимъ и сказалъ ему весьма ласково: «Я лишился отца, а вы друга и благодѣтеля, но будьте покойны». Безхарактерный, изнѣженный Нарышкинъ, по всей справедливости, не имѣлъ никакого значенія въ глазахъ заговорщиковъ. Когда я у него былъ въ первый разъ на слѣдующій день, онъ старался быть веселымъ, говорилъ, что переворотъ былъ необходимъ для блага государства, что самъ онъ чувствовалъ себя въ постоянной опасности, что такую жизнь не могъ бы долѣе вынести, и что теперь одного только желаетъ—спокойствія и позволенія путешествовать. За 48 часовъ передъ этимъ онъ думалъ или говорилъ совершенно противное.

Къ генералу Обольянинову также пришелъ офицеръ съ командою, окружилъ его домъ, вошелъ и потребовалъ, чтобы Обольяниновъ присягнулъ новому императору. Обольянинovъ отказался, потому что, къ величайшему удивленію своему, впервые слышалъ о переворотѣ и не зналъ сообщившаго ему о томъ офицера. Его арестовали и повели пѣшкомъ въ ордонансгаузъ, который былъ довольно далеко [1]). Дорогою онъ испыталъ нѣсколько вполнѣ заслуженныхъ оскорбленій. Вскорѣ, однако, его выпустили на свободу, и снова, какъ въ прежнее время, увидѣли множество экипажей у его подъѣзда. Возникло подозрѣніе, не затѣваетъ ли онъ чего-нибудь, какъ вдругъ узнали, что онъ уволенъ и уже не можетъ вредить.

Такъ поступили при кончинѣ императора съ преданными ему людьми. Послѣ этого отступленія я возвращаюсь къ главному происшествію.

Немного отдохнувъ, Александръ вышелъ изъ своей комнаты, блѣдный и разстроенный. Онъ потребовалъ карету.

---

[1]) Мертваго говоритъ также объ арестѣ Обольянинова. См. его Записки, стр. 119, 120. Русскій Архивъ 1867 года.

Камеръ-гусаръ побѣжалъ ее заказать; вслѣдъ за нимъ побѣжалъ и самъ князь Зубовъ. Прошло полчаса, пока нашли карету. Между тѣмъ гвардія спокойно разошлась по казармамъ, и Александръ пошелъ къ тѣлу своего отца. Никому не было дано подмѣтить его ощущенія въ эту минуту.

Наконецъ подана была карета, онъ сѣлъ въ нее съ княземъ Зубовымъ; на запятки стали камеръ-гусаръ и братъ Зубова. Такъ поѣхали они въ Зимній дворецъ [1]). Дорогою Александръ сохранялъ сумрачное молчаніе. Когда пріѣхали во дворецъ, онъ собрался съ духомъ и, какъ самъ разсказывалъ своей сестрѣ, сказалъ заговорщикамъ: «Eh bien, messieurs, puisque vous vous êtes permis d'aller si loin, faites le reste; déterminez les droits et les devoirs du souverain; sans cela le trône n'aura point d'attraits pour moi».

Графъ Паленъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, благотворное намѣреніе ввести умѣренную конституцію; то же намѣреніе имѣлъ и князь Зубовъ. Этотъ послѣдній дѣлалъ нѣкоторые намеки, которые не могутъ, кажется, быть иначе истолкованы, и бралъ у генерала Клингера «Англійскую конституцію» Делольма для прочтенія [2]). Однако, несмотря на требованіе самого императора, это дѣло встрѣтило много противодѣйствія и такъ и осталось.

Изъ Зимняго дворца императоръ, въ сопровожденіи своего брата Константина, поѣхалъ верхомъ въ гвардейскіе полки, и тутъ уже безъ всякаго принужденія начальства былъ встрѣченъ громкими «ура».

---

[1]) Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ 12-го марта 1801 года значится: «Великій князь Александръ Павловичъ, принявъ всероссійскій престолъ, отбылъ съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ въ 2 часа ночи въ Зимній дворецъ въ прежнія свои комнаты».

[2]) Delolme: Constitution d'Angleterre, Géneve. 1787. 2 vol in 8°.

Переведено на русскій языкъ Ив. Ив. Татищевымъ (авторомъ французско-русск. словаря). Москва. 1806. 2 части.

Въ 2 часа ночи графъ Паленъ съѣздилъ домой и разбудилъ свою жену, чтобы сказать ей, что отнынѣ она можетъ спать спокойно.

Когда разсвѣло, князь Зубовъ принялъ на себя просить императрицу-мать, чтобы она тоже переѣхала въ Зимній дворецъ. Она въ горести своей накинулась на него: «Monstre! Barbare! Tigre! C'est la soif de régner qui vous a porté à assassiner vorte souverain légitime. Vous avez regné sous Catherine Seconde; vous voulez régner sur mon fils». Потомъ она объявила самымъ положительнымъ образомъ, что не тронется съ мѣста. «Je mourrai à cette place».

Такъ какъ князь ничего не могъ добиться отъ императрицы, то къ ней отправился графъ Паленъ. Она и его приняла такимъ же образомъ. «Васъ я до сихъ поръ еще почитала честнымъ человѣкомъ», сказала она, рыдая. Графъ старался ей доказать, что она сама только выиграла отъ переворота.—«Я остановилъ два возстанія», сказалъ онъ: «третье врядъ ли удалось бы мнѣ остановить, и тогда не только императоръ, но, можетъ быть, вы сами со всею вашею фамилею сдѣлались бы его жертвами».

Въ эти первые часы она была еще до того поражена неожиданностью удара, что вовсе не понимала его доводовъ; но наконецъ склонилась на просьбу выѣхать изъ дворца и въ 9 часовъ сѣла въ карету [1]). Когда караулъ, какъ обыкновенно, ей отдалъ честь, она испугалась и прошептала: «Убійцы!» [2]).

Сначала она тоже имѣла мучительное для матери подозрѣніе, что ея сынъ зналъ обо всемъ, и потому ея первое свиданіе съ императоромъ дало поводъ къ самой трогательной сценѣ. «Саша!» вскричала она, какъ только его

---

[1]) Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ 12-го марта значится, что вдовствующая императрица прибыла въ Зимній дворецъ въ 10 часовъ утра.

[2]) Караулъ Семеновскаго полка.

увидѣла: «неужели ты соучастникъ!» — Онъ бросился передъ нею на колѣни и съ благороднымъ жаромъ сказалъ «Матушка! такъ же вѣрно, какъ то, что я надѣюсь предстать предъ судомъ Божіимъ, я ни въ чемъ не виноватъ!»—‹ Можешь ли поклясться?» спросила она. Онъ тотчасъ поднялъ руку и поклялся. То же сдѣлалъ и великій князь Константинъ. Тогда она привела своихъ младшихъ дѣтей къ новому императору и сказала. «Теперь ты ихъ отецъ». Она заставила дѣтей стать передъ нимъ на колѣни и сама хотѣла то же сдѣлать. Онъ ее предупредилъ, поднялъ, рыдая, дѣтей, рыдая, поклялся быть ихъ отцомъ, повисъ на шеѣ своей матери и не хотѣлъ оторваться отъ нея. Графъ Салтыковъ пришелъ его позвать, онъ хотѣлъ было идти, и снова бросился въ объятія своей матери.

Ея горе было долгое время невыразимымъ. Ей вездѣ казалось, что она видѣла кровь, каждаго, кто входилъ, она спрашивала: вѣренъ ли онъ ей? Она непремѣнно хотѣла узнать всѣхъ убійцъ своего супруга, сама разспрашивала о нихъ раненаго камеръ-гусара, котораго осыпала благодѣяніями; но ударъ, который онъ получилъ, до того ошеломилъ его, что онъ не могъ назвать по имени ни одного изъ заговорщиковъ Тогда она приказала провести черезъ залу своихъ младшихъ дѣтей въ глубокомъ траурѣ и черезъ графиню Ливенъ приказала ихъ гувернанткѣ, полковницѣ Адлербергъ [1]), обратить особое вниманіе на лица присутствовавшихъ и наблюдать, не изобличитъ ли самъ кто-нибудь себя. Лицо Зубова нисколько не измѣнилось; весьма равнодушно онъ сказалъ своему сосѣду: «Удивительно, до какой степени маленькій великій князь Николай похожъ на своего дѣда». Талызинъ, напротивъ того, поблѣднѣлъ, но полковница сочла болѣе благо-

---

[1]) Юлія Ѳеодоровна Адлербергъ, рожд Вагговутъ (р 1760 г. † 1839 г.), мать графа В Ѳ. Адлерберга.

разумнымъ не сообщать этого замѣчанія вдовствующей императрицѣ [1]).

Эту послѣднюю въ ея печали новая императрица покидала какъ можно рѣже и выказывала ей самыя нѣжныя дочернія чувства. Марія Ѳеодоровна была весьма тронута этимъ вниманіемъ Тайный совѣтникъ Николаи находился у нея въ то самое время, когда доложили о молодой императрицѣ Онъ просилъ позволенія тутъ же повергнуть ей свое почтеніе «Сдѣлайте это», сказала Марія Ѳеодоровна весьма громко, когда входила Елизавета: «ей никогда нельзя въ достаточной степени оказать почтенія». Потомъ пошла къ ней навстрѣчу, и обѣ со слезами обнялись.

13-го числа вся императорская фамилія въ первый разъ поѣхала въ Михайловскій замокъ для того, чтобы, согласно обычаю, собраться у тѣла. Императрица-мать не хотѣла до тѣхъ поръ видѣть генерала Бенигсена [2]), но въ этотъ день я самъ замѣтилъ, что, уходя, она опиралась на его руку, когда сходила съ лѣстницы. Этотъ человѣкъ обладалъ непостижимымъ искусствомъ представлять почти невиннымъ свое участіе въ заговорѣ.

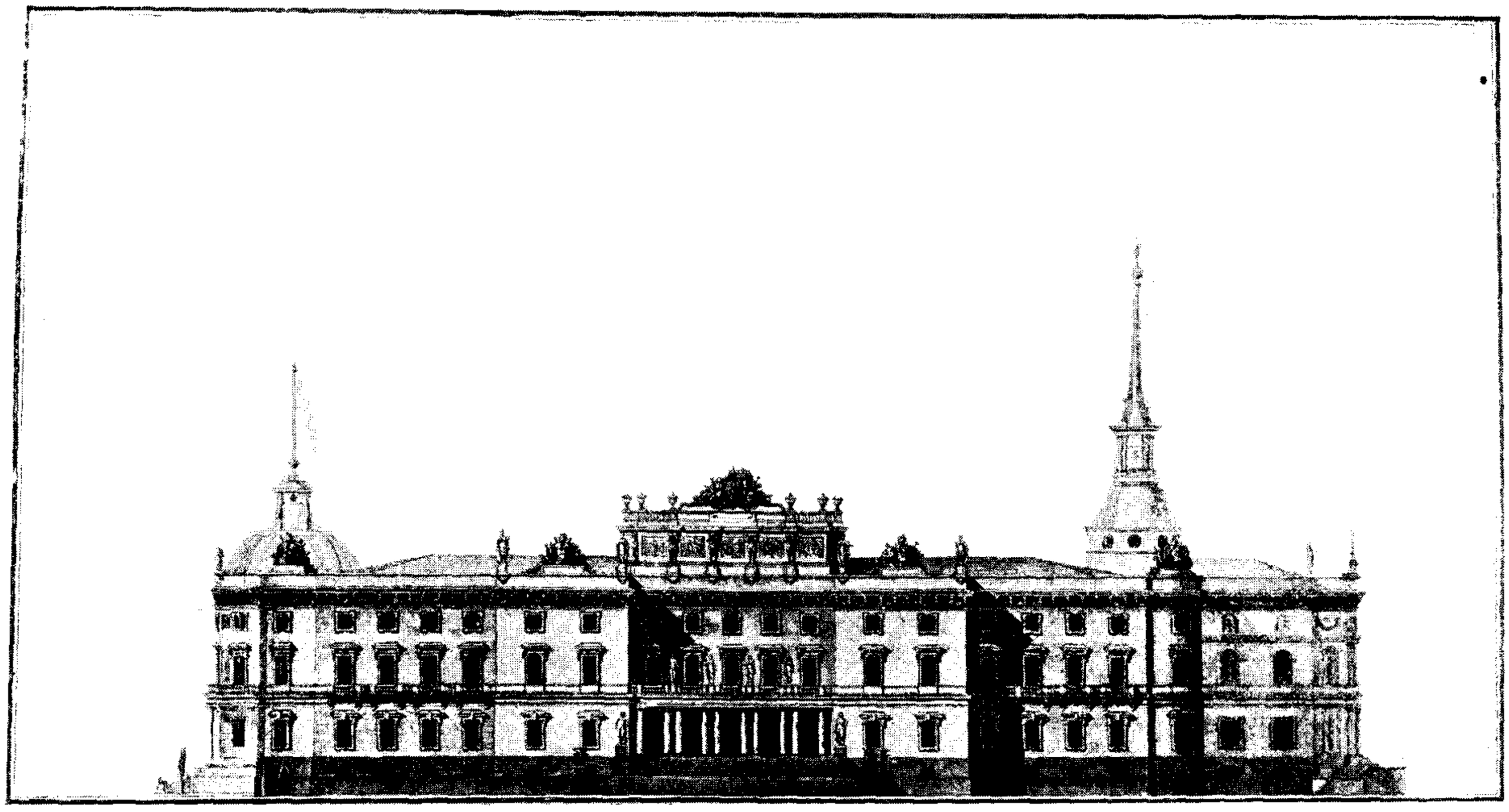
Тѣло Павла было набальзамировано, и, такъ какъ всей этой операціей распоряжался ст. сов. Гриве, я обязанъ

---

[1]) Прошли года Императоръ Александръ скончался въ Таганрогѣ. Тѣло его, привезенное въ Петербургъ, было выставлено въ Казанскомъ соборѣ и оттуда по Невскому проспекту и Садовой, мимо Михайловскаго замка, перевезено въ Петропавловскую крѣпость. Въ погребальномъ шествіи за колесницею ѣхали въ одной каретѣ обѣ императрицы, Марія Ѳеодоровна и Александра Ѳеодоровна Когда карета поровнялась съ Михайловскимъ замкомъ, императрица Марія Ѳеодоровна сказала «Alexandre n'a jamais osé punir les meurtriers de son pere, j'espere maintenant que Nicolas le fera!»

(Слышано лично 9-го ноября 1869 года отъ великой княгини Маріи Николаевны, которой это разсказано было императрицею Александрою Ѳеодоровною).

[2]) Бенигсену повелѣно было 12-го марта быть начальствующимъ въ Михайловскомъ замкѣ (камеръ-фурьерскій журналъ).



Фасадъ Михайловскаго замка со стороны Лѣтняго сада.

ему подробнымъ отчегомъ во всемъ, что онъ замѣтилъ. На тѣлѣ были многіе слѣды насилія Широкая полоса кругомъ шеи, сильный подтекъ на искѣ (отъ удара, нанесеннаго Аргамаковымъ, или, какъ говорятъ другіе, Николаемъ Зубовымъ, посредствомъ рукоятки пистолета), красное пятно на боку, но ни одной раны острымъ орудіемъ, какъ полагали сначала, два красные шрама на обѣихъ ляжкахъ,—вѣроятно, его сильно прижали къ письменному столу; на колѣняхъ и далеко около нихъ значительныя поврежденія, которыя доказываютъ, что его заставили стать на колѣни, чтобы легче задушить. Кромѣ того, все тѣло вообще покрыто было небольшими подтеками, они, вѣроятно, произошли отъ ударовъ, нанесенныхъ уже послѣ смерти

Когда Павелъ выставленъ былъ на парадной постели [1]), на немъ былъ широкій галстукъ, а шляпа надвинута была на лицо [2]) Такимъ образомъ прикрыты были и красная полоса кругомъ шеи и шишка на искѣ. Сверхъ того, приняты были мѣры, чтобы народъ, проходя передъ тѣломъ, могъ его видѣть только въ нѣкоторомъ отдаленіи. Мнѣ показалось, что его нарумянили и набѣлили, дабы на посинѣвшемъ лицѣ сдѣлать менѣе замѣтными слѣды задушенія,

---

[1]) Тѣло Павла, лежавшее до того времени въ его почивальной сперва на обыкновенной его кровати, а съ 17-го марта на парадной постели, 20-го марта положено было въ гробъ и перенесено въ большой залъ надъ главными (Воскресенскими) воротами (Merkw. Jahr, II 197 и кам-фурьерск. журналъ).

[2]) На парадной постели Павелъ одѣтъ былъ въ императорскую мантію, возлѣ постели былъ небольшой столъ, покрытый малиновымъ бархатомъ съ золотымъ газомъ, а на столѣ таковая же подушка, на которой была императорская золотая корона (Кам.-фурьерск. журналъ).

Саблуковъ (стр. 320) тоже говоритъ, что на Павла была надѣта шляпа такъ, чтобы какъ можно болѣе скрыть лѣвые глазъ и високъ.

Въ большомъ траурномъ залѣ гробъ стоялъ на катафалкѣ, по сторонамъ его, на столѣ и табуретахъ, расположены были императорскія регаліи и орденскіе знаки. (Кам.-фурьерск журналъ).

ибо, хотя каждый зналъ, какою смертью умеръ императоръ, но открыто говорили только объ апоплектическомъ ударѣ, и самъ Александръ, какъ увѣряютъ, долго полагалъ, что испугъ убилъ его отца

Если бы покушеніе не удалось, пострадали бы не одни исполнители, но и многіе другіе, которые, только зная о существованіи заговора, по легкомыслію слишкомъ рано этимъ хвастали. Одинъ офицеръ, который въ эту ночь находился въ веселомъ обществѣ, налилъ себѣ въ 12 часовъ бокалъ вина и пилъ за здоровье новаго императора. Въ другомъ домѣ камергеръ Загряжскій въ 12 часовъ вынулъ изъ кармана часы и сказалъ присутствовавшимъ: «Messieurs, je vous annonce qu'il n'y a plus d'empereur Paul» [1]).

Мнѣ остается еще разсказать о впечатлѣніи, которое это столь же ужасное, сколь неожиданное происшествіе произвело на всѣхъ жителей Петербурга.

Рано поутру, на разсвѣтѣ царствовала мертвая тишина. Передавали другъ другу на ухо, что что-то случилось, но не знали, что именно, или, вѣрнѣе, никто не рѣшался громко сказать, что государь скончался, потому что, если бы онъ былъ еще живъ, одно эго слово, тотчасъ пересказанное, могло бы погубить.

Я самъ всталъ на разсвѣтѣ Квартира моя была въ Кушелевомъ домѣ на большой площади, прямо противъ Зимняго дворца. Я подошелъ къ окну и въ первую четверть часа видѣлъ, какъ войска проходили черезъ площадь въ разныхъ направленіяхъ. Это меня не удивило; я думалъ, что назначено было ученіе, какъ это часто бывало. Вскорѣ послѣ того пришелъ мой парикмахеръ. Его,

---

[1]) Вѣроятно, оберъ-шенкъ (не камеріеръ) Николай Александровичъ Загряжскій (ум. 1821 г.), женатый на графинѣ Н. К. Разумовской.

D'Allonville Mémoires tirés des papiers d un homme d'Etat, Paris, 1834 (t 8, p 88), говоритъ, что это происходило за ужиномъ у князя Бѣлосельскаго.

видимо, тяготила какая-то тайна. Я едва успѣлъ присѣсть, какъ онъ впопотомъ спросилъ меня, знаю ли я, что государя отвезли въ Шлиссельбургъ, или даже—что онъ умеръ. Эти смѣлыя слова меня испугали; я приказалъ ему молчать и сказалъ, что хочу притвориться, будто ничего не слышалъ отъ него. Но онъ сталъ меня увѣрять, что навѣрное произошло что-то важное, потому что самъ видѣлъ, какъ въ 12 часовъ ночи гвардія прошла по Миллионной, мимо его квартиры.

Я былъ взволнованъ, тотчасъ приказалъ подать экипажъ и поѣхалъ въ Михайловскій замокъ. Дорогою, хотя и было довольно далеко, я ничего не замѣтилъ; народъ былъ еще спокоенъ; на улицахъ, какъ обыкновенно, были прохожіе. Но уже издали, у воротъ, которыя ведутъ во дворецъ, и гдѣ обыкновенно стояли два часовыхъ, я замѣтилъ цѣлую роту подъ ружьемъ Это было мнѣ вѣрнымъ знакомъ, что произошло чго-то необыкновенное. Я хотѣлъ, какъ всегда, въѣхать въ ворота, но меня не пропустили и объявили, что дозволенъ проѣздъ однимъ только придворнымъ экипажамъ. Сначала я сослался на повелѣніе государя, которое ставило мнѣ въ обязанность находиться каждое утро во дворцѣ. Офицеръ пожалъ плечами. Я сталъ ему доказывать, что карета моя придворная, потому что поставлялась отъ двора. Но онъ мнѣ объяснилъ, что покуда подъ названіемъ «придворный экипажъ» слѣдуетъ разумѣть только такія кареты, у которыхъ на дверцахъ императорскій гербъ, а у моей кареты этого герба не было. «Для чего все это?» спросилъ я наконецъ въ недоумѣніи. Онъ снова пожалъ плечами и замолчалъ

Черезъ нѣсколько часовъ входъ во дворецъ былъ свободенъ, и я поспѣшилъ къ оберъ-гофмаршалу, но его нельзя было видѣть. Черезъ канцелярскаго чиновника я наконецъ получилъ первыя достовѣрныя свѣдѣнія.

Ослѣпленная чернь предалась самой необузданной радости. Люди, другъ другу вовсе незнакомые, обнимались на улицахъ и другъ друга поздравляли. Зеленщики, прода-

вавшіе свой товаръ по домамъ, поздравляли «съ перемѣною» [1]), подобно тому, какъ они обыкновенно поздравляютъ съ большими праздниками Почтосодержатели на Московской дорогѣ отправляли курьеровъ даромъ. Но многіе спрашивали съ боязнью: «Да точно ли онъ умеръ?» Кто-то даже требовалъ, чтобъ ему сказали, набальзамировано ли уже тѣло; только когда его въ томъ увѣрили, онъ глубоко вздохнулъ и сказалъ «слава Богу!» [2])

Даже люди, которые не имѣли повода жаловаться на Павла и получали отъ него одни только благодѣянія, были въ такомъ же настроеніи. «Eh bien», спросилъ мимоходомъ князь Зубовъ у генерала Клингера «qu'est ce qu'on dit du changement?» — «Mon prince», отвѣчалъ Клингеръ въ противность столькимъ прямодушнымъ и твердымъ правиламъ въ его сочиненіяхъ: «on dit que vous avez été un des Romains».

Около полудня я поѣхалъ къ графу Палену безъ всякаго дѣла, съ единственною цѣлью въ его пріемной дѣлать наблюденія надъ людьми и, прежде всего, надъ нимъ самимъ. Его не было дома. Мы долго ждали Наконецъ онъ пріѣхалъ: волосы его были въ безпорядкѣ, но выраженіе лица было веселое и открытое.

Вечеромъ у меня собралось небольшое общество. Мы стояли кружкомъ посреди комнаты и болтали Между тѣмъ почти совсѣмъ стемнѣло Нечаянно обернулся я къ окну и съ ужасомъ увидѣлъ, что городъ былъ иллюминованъ. Никакихъ приказаній для иллюминаціи не было, но она была блистательнѣе, чѣмъ обыкновенно въ большіе праздники. Одинъ только Зимній дворецъ стоялъ темною массою передо мной и представлялъ собою величественный контрастъ. Грусть овладѣла всѣми нами

---

[1]) Въ нѣмецкомъ подлинникѣ слово «перемѣна» написано латинскими буквами по-русски.

[2]) «Слава Богу» въ нѣмецкомъ подлинникѣ написано латинскими буквами по-русски.

Уже съ утра [1]) присягали въ дворцовой церкви императору. Изъ императорской фамиліи присутствовалъ одинъ только великій князь Константинъ. Онъ первый приложился къ евангелію, за нимъ Нарышкинъ, потомъ высшіе чины государства, между которыми недоставало только графа Панина и графа Кутайсова: первый стоялъ внизу между войсками, а второй сказался больнымъ. Достойно замѣчанія, что въ присягѣ упоминалось только о томъ наслѣдникѣ престола, который назначенъ будетъ впослѣдствіи [2]). Стало быть, узаконенія Павла поэтому отмѣнялись. На слѣдующій день графъ Кутайсовъ также поѣхалъ во дворецъ и былъ милостиво принятъ: Александръ, казалось, хотѣлъ поступить съ нимъ, какъ тотъ французскій король, который не помнилъ обидъ, сдѣланныхъ дофину.

Отрадный манифестъ, изданный Александромъ, извѣстенъ [3]). Онъ написанъ былъ Трощинскимъ, который нѣкогда былъ секретаремъ императрицы Екатерины. Обольяниновъ былъ отставленъ; на его мѣсто назначенъ былъ Беклешовъ, человѣкъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и бывшій губернаторомъ въ Ригѣ. Графъ Васильевъ сдѣланъ былъ снова государственнымъ казначеемъ, графъ Воронцовъ—посломъ въ Англіи; Бенигсенъ принятъ на службу съ чиномъ генералъ-лейтенанта.

---

[1]) Т.-е. съ утра 12-го марта.

[2]) Установленная при императорѣ Александрѣ форма клятвеннаго обѣщанія была слѣдующая. «Я, нижепоименованный, обѣщаюсь и клянусь... что хочу и долженъ его императорскому величеству... императору Александру Павловичу... и его императорскаго величества всероссійскаго престола наслѣднику, который назначенъ будетъ, вѣрно и нелицемѣрно служить» и т. д.

П. С. 3 12-о марта 1801 г. № 19.779 и 18-го апрѣля 1801 года № 19.841.

[3]) А. М. Тургеневъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ, что сперва Козицкій написалъ проектъ манифеста, но что его редакція признана была неудовлетворительною, и что тогда Трощинскій взялся за перо и написалъ тотъ манифестъ, который былъ обнародованъ.

Ненавистная тайная экспедиція [1]), въ которой постоянно въ послѣднее время находился палачъ [2]), была уничтожена. Всѣ заключенные были освобождены. На стѣнахъ крѣпости, какъ на частныхъ домахъ, читали эти слова: «свободенъ отъ постоя».

Говорили, что великій князь Константинъ самъ отправился въ крѣпость, съ ужасомъ увидѣлъ всѣ орудія мученій и приказалъ ихъ сжечь. Это невѣрно. Ст. сов. Сутгофъ по обязанности былъ въ крѣпости и нашелъ въ ней только розги; комнаты тайной экспедиціи показались ему, впрочемъ, приличными и съ достаточнымъ воздухомъ, одни голько такъ называемые «cachots» [3]) возбудили его ужасъ.

Императоръ поѣхалъ въ сенатъ [4]), чего Павелъ ни разу не сдѣлалъ, снова назвалъ его «правительствующимъ», издалъ много указовъ о помилованіи [5]); вернулъ изъ Сибири невинныхъ, туда сосланныхъ; освободилъ 152 несчастныхъ, которыхъ слишкомъ ретивый губернаторъ... [6]) выслалъ изъ Харькова въ Дюнамюнденскую крѣпость; отмѣнилъ, кромѣ того, много наказаній и возстановилъ всѣ права народа [7]).

---

[1]) Въ нѣмецкомъ подлинникѣ слова «тайная экспедиція» написаны по-русски, но латинскими буквами.

[2]) Въ нѣмецкомъ подлинникѣ «ein Knutmeister».

[3]) Въ нѣмецкомъ подлинникѣ по-французски «cachots.

[4]) Императоръ Александръ былъ въ общемъ собраніи сената 2-го апрѣля 1801 года. Государь поѣхалъ также въ синодъ 23-го мая 1801 года

[5]) П. С. З.
№ 19.782.
№ 19.784.
№ 19.786.
№ 19.788
№ 19.798.
№ 19 814.

[6]) Въ нѣмецкомъ подлинникѣ имя пропущено.
Вѣроятно, слободо-украинскій губернаторъ П. О. Сабуровъ

[7]) Подъ имемъ народа здѣсь должно разумѣть одно только дворянство.

Не были болѣе обязаны снимать шляпу передъ Зимнимъ дворцомъ, а до того времени было, въ самомъ дѣлѣ, крайне тяжело: когда необходимость заставляла идти мимо дворца, нужно было въ стужу и ненастье проходить нѣсколько сотъ таговъ съ обнаженною головою изъ почтенія къ безжизненной каменной массѣ. Не обязаны были выходить изъ экипажей при встрѣчѣ съ императоромъ; одна только вдовствующая императрица еще требовала себѣ этого знака почтенія.

Александръ ежедневно гулялъ пѣшкомъ по набережной въ сопровожденіи одного только лакея; всѣ тѣснились къ нему, всѣ дышали свободно. Въ Милліонной онъ однажды засталъ одного солдата, который дрался съ лакеемъ.—«Разойдетесь ли вы?» закричалъ онъ имъ: «полиція васъ увидитъ и возьметъ обоихъ подъ арестъ». — У него спрашивали, должно ли размѣстить во дворцѣ пикеты, какъ при его отцѣ.—«Зачѣмъ?» отвѣтилъ онъ: «я не хочу понапрасну мучить людей. Вы сами лучше знаете, къ чему послужила эта предосторожность моему отцу».

Привозъ книгъ былъ дозволенъ [1]); изданъ былъ образцовый цензурный уставъ [2]) (который, къ несчастію, болѣе не соблюдается). Разрѣшено было снова носить платья, какъ кто хотѣлъ, со стоячимъ или съ лежачимъ воротникомъ. Чрезъ заставы можно было выѣзжать безъ билета отъ плацмайора [3]). Всѣ пукли, ко всеобщей радости, были обстрижены [4]). Эта небольшая вольность принята была

Указы, на которые намекаетъ здѣсь Коцебу, суть слѣдующіе:

II С. З.

№ 19.790 о возстановленіи дворянскихъ выборовъ на точномъ основаніи Екатерининскаго учрежденія о губерніяхъ.

№ 19.810 и 19.856 о возстановленіи дворянской грамоты.

[1]) II. С. З, № 19 807.

[2]) Уставъ о цензурѣ 9-го іюля 1804 года. П. С. З. № 21.388.

[3]) П. С. З

№ 19.801.

[4]) II. С. З.

№ 19.826.

всѣми, а въ особенности солдатами, какъ величайшее благодѣяніе.

Круглыя шляпы тоже снова появились, и я былъ свидѣтелемъ суматохи, внезапно происшедшей въ одно утро въ пріемной графа Палена: всѣ бросились къ окнамъ; я не могъ понять — зачѣмъ: проходила по улицѣ первая круглая шляпа [1]). Обыкновенно народъ придаетъ подобнымъ мелочамъ такую цѣну, что государямъ никогда бы не слѣдовало стѣснять его въ этомъ отношеніи. Можно безъ преувеличенія сказать, что разрѣшеніе носить круглыя шляпы произвело въ Петербургѣ болѣе радости, чѣмъ уничтоженіе отвратительной тайной экспедиціи.

Нельзя, однако, умолчать, что это первое опьянѣніе вскорѣ прошло. Народъ сталъ приходить въ себя. Онъ вспомнилъ быструю и скорую справедливость, которую ему оказывалъ императоръ Павелъ; онъ началъ страшиться высокомѣрія вельможъ, которое должно было снова пробудиться, и почти всѣ говорили: Павелъ былъ нашъ отецъ. На первомъ парадѣ, когда солдаты собрались въ экзерциргаузѣ, офицеры пошли между ними ходить, поздравляя ихъ, и говорили: «Радуйтесь, братцы, тиранъ умеръ».— Тогда они отвѣчали: «Для насъ онъ былъ не тиранъ, а отецъ».

Много содѣйствовало этому настроенію то, что офицеры полка новаго императора [2]) хвастались, выставляли, какъ великую заслугу, свое участіе въ переворотѣ и тѣмъ раздражали противъ себя офицеровъ другихъ полковъ. Не все было такъ, какъ бы слѣдовало; но и взрыва неудовольствія нельзя было опасаться, хотя суевѣріе уже разглапало о привидѣніи, появившемся въ Михайловскомъ замкѣ и громко требовавшемъ мщенія, и хотя утверждали, что въ ночь на 15-е число графъ Паленъ охранялъ себя нѣсколькими полицейскими солдатами съ заряженными

---

[1]) То же разсказано въ Merkw. Jahr, t. 2.

[2]) Семеновскаго полка.

ружьями и приказалъ сказать смѣненному генералъ-прокурору, чтобы онъ принималъ поменьше посѣтителей.

13-го числа императоръ въ первый разъ явился на парадѣ безъ мальтійскаго креста; графъ Паленъ также пересталъ его носить; но на Адмиралтействѣ все еще развѣвался мальтійскій флагъ, и только впослѣдствіи рѣшили его снять. Замѣтили также, что на парадѣ государь взялъ князя Зубова подъ руку и дружески прохаживался съ нимъ взадъ и впередъ

Въ тотъ же день графъ Паленъ далъ большой обѣдъ, на которомъ, между прочимъ, князь Куракинъ всячески унижался передъ Зубовыми, полагая, что заговорщики сдѣлаются новыми любимцами. Мнѣніе это было ошибочно, но вначалѣ раздѣлялось многими. Я не сомнѣваюсь однако, что, по крайней мѣрѣ, графъ Паленъ силою и умомъ удержался бы, если бы не сдѣлалъ непостижимой для опытнаго царедворца ошибки, удаливпись изъ Петербурга. Нужно было осмотрѣть кордонъ, учрежденный на берегахъ Балтійскаго моря противъ англичанъ, и онъ самъ вызвался имѣть надзоръ за исполненіемъ этого порученія. Онъ поѣхалъ и болѣе не увидѣлъ столицы. До сихъ поръ онъ живетъ въ своихъ курляндскихъ имѣніяхъ, но совершенно забытъ. О немъ не вспомнили даже тогда, когда въ походахъ противъ французовъ нуждались бы въ столь энергичномъ человѣкѣ.

Князь Зубовъ также долженъ былъ удалиться въ свои имѣнія. Весьма правдоподобно, что когда кто-то поздравилъ его съ тѣмъ, что переворотъ ограничился одною только жертвою, онъ, получившій образованіе при Екатеринѣ, отвѣтилъ: «Этого недостаточно; нужно еще, чтобы никто изъ участниковъ не былъ наказанъ».—Когда же выразили ему опасенія насчетъ Обольянинова и Аракчеева (который впослѣдствіи дѣйствительно пріѣхалъ), онъ только сказалъ: «C'est de la canaille». Мнѣ самому онъ сказалъ на третій день въ разговорѣ, который я имѣлъ съ нимъ съ глазу на глазъ: «Цицеронъ правъ, говоря въ

одномъ изъ своихъ писемъ: если бы у него было однимъ порокомъ больше, онъ былъ бы лучше».—И къ этому онъ прибавилъ: «Отецъ Павла былъ пьяница; если бы Павелъ имѣлъ тотъ же порокъ, намъ пришлось бы менѣе страдать отъ него».

Нарышкинъ и графъ Кутайсовъ получили позволеніе путешествовать. Послѣдняго государь призвалъ къ себѣ передъ его отъѣздомъ и сказалъ ему милостиво: «Я никогда не забуду, что вы 30 лѣтъ служили моему отцу. Если вы когда-либо будете въ затруднительномъ положеніи, разсчитывайте на меня».

Но не одну только милость, а также прекраснѣйшую для царей добродѣтель — справедливость, выказалъ Александръ въ первые дни своего царствованія.

Нѣкоторый генералъ Арбеневъ постыдно бѣжалъ во время похода въ Голландіи, и императоръ Павелъ объявилъ тогда во всеобщее свѣдѣніе, что онъ бѣжалъ 40 верстъ, не переводя духу. Между тѣмъ, у него были сильные друзья, которые за него ходатайствовали, и Трощинскій представилъ новому императору о его помилованіи. Александръ отказалъ, сказавши: «Можетъ ли мое помилованіе сдѣлать изъ него храбраго человѣка?» Трощинскій повторилъ свою просьбу, и государь наконецъ уступилъ. Указъ былъ написанъ и представленъ къ его подписи. Александръ его подписалъ; но, отдавая его Трощинскому, сказалъ: «Я тебѣ сдѣлалъ удовольствіе, теперь твоя очередь: разорви его» [1]).

---

[1]) Иванъ Іоасафовичъ Арбеневъ, генералъ-маіоръ, съ 7-го декабря 1797 года по 24-е октября 1799 года шефъ Днѣпровскаго мушкатерскаго полка, бывшаго въ голландской экспедиціи.

Ростопчинъ писалъ 29-го октября 1799 года къ Суворову: «Какое постыдное поведеніе войскъ нашихъ въ Голландіи! Въ первомъ дѣлѣ бросились грабить, оставили генераловъ, и оттого разбиты въ другомъ. Не хотѣли идти; полкъ легъ на землю. О, проклятые! Генералъ-маіоръ Арбеневъ, штабъ-офицеръ и еще три офицера бѣжали, и море ихъ одно могло остановить за 40 верстъ. Арбеневъ исключенъ, а тѣ ошельмованы».

Мы готовы сердечно радоваться этому восходящему солнцу, не предавая, однако, проклятію отошедшаго и не поступая, какъ тотъ мужикъ, который на торжественномъ погребеніи Павла [1]) бросился къ графу Палену, ѣхавшему впереди верхомъ, и поцѣловалъ его сапогъ.

Многіе изощряли свой умъ насчетъ мертваго льва. Графъ Віельгорскій [2]) распространилъ стихотвореніе, которое оканчивалось слѣдующими строками:

«Que la bonte divine, arbitre de son sort,
«Lui donne le repos, que nous rendit sa mort».

Одинъ нѣмецъ написалъ:

Das Volk war seiner Laune Spiel;
Er starb gehasst, wie Frankreichs letzter König;
Er hatte der Macht über uns zu viel
Und über sich selbst zu wenig [3]).

Другой:

Kommt, Ihr, Wanderer, und tretet
An dies Grab,—doch nur von weitem!
Hier liegt Paul der Erste,—betet:
Gott bewahr uns vor dem Zweiten! [4]).

Павелъ, конечно, заслужилъ слѣдующую лучшую надгробную надпись. Народъ и солдаты говорили:

«Онъ былъ нашъ отецъ».

---

[1]) Погребеніе Павла происходило въ страстную субботу, 23-го марта 1801 года.

[2]) Графъ Юрій Михайловичъ Віельгорскій (р. 1753 † 1808 г.), д. т. сов., сенаторъ.

[3]) Народъ былъ игрушкою его каприза; онъ умеръ ненавидимъ, какъ послѣдній французскій король. Надъ нами онъ имѣлъ слишкомъ много власти, а надъ собою слишкомъ мало.

[4]) Сюда, прохожій! Подойди къ этой могилѣ, — но не слишкомъ близко. Здѣсь лежитъ Павелъ Первый; молись, да избавитъ насъ Господь отъ Втораго.

Дополнительныя примѣчанія князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго къ запискѣ Коцебу.

1.

Въ день своей кончины, т. е. 11-го марта 1801 года, императоръ Павелъ дѣйствительно отправилъ двухъ курьеровъ: одного въ Берлинъ, другого въ Парижъ. По этому случаю въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ сохранилась слѣдующая замѣтка, писанная рукою князя Александра Борисовича Куракина:

«Le 11 mars 1801 S. M. l'Empereur a fait expédier par courrier deux rescripts signés de sa propre main:

«1) au baron de Krudener pour lui prescrire d'insister auprès de la Cour de Prusse à se décider, dans l'espace de 24 heures, à faire occuper par ses troupes l'Electorat de Hanovre, et de quitter Berlin en cas de répons négative.

«2) à M-r de Kolytcheff pour lui enjoindre d'inviter le Premier Consul à faire entrer les troupes républicaines dans l'Electorat de Hanovre, vu l'indécision de la cour de Berlin de faire occuper ce pays par les siennes.

«Le Prince Kourakine».

Курьеръ, посланный въ Берлинъ, нисколько не былъ задержанъ Наленомъ. Онъ вручилъ нашему посланнику барону Криднеру собственноручный рескриптъ Павла слѣдующаго содержанія:

«Cha. Mich. ce 11 mars 1801».

«Déclaré Monsieur au Roi que si il ne veut pas se décidé à occuper Hanovre vous avé à quitter la cour dans les 24 heures.

«Paul».

Этотъ рескриптъ находится въ архивѣ нашего посольства въ Берлинѣ, гдѣ я его списалъ (съ сохраненіемъ правописанія подлинника). На немъ нѣтъ той приписки графа Палена, о которой говоритъ Bignon (Histoire de France. Paris. 1829. T. I, p. 440.

«L'empereur ne se porte pas bien aujourd'hui».

Thiers (Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris. 1847. T. 2, p. 430) передаетъ эту приписку (post-scriptum) почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и прибавляетъ, что генералъ Бёрнонвиль, бывшій французскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, сообщилъ объ ней своему правительству. Должно полагать, что Паленъ написалъ барону Криднеру отдѣльную записку.

Объ этихъ двухъ рескриптахъ Павла сравнить:

«Сборникъ Р. Ист. Общ.», II, 12: статья К. К. Злобина — Дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею.

Vehse: Geschichte des Preussischen Hofes, V, 189, 190.

2.

Спб., генваря 29, 1801.

Открылъ я, графъ Иванъ Петровичъ, переписку Г. Гр: Панина, въ которой титулуетъ онъ кн. Репнина Цинцинатомъ, пишетъ о нѣкоторой мнимой теткѣ своей (которой у него однакоже здѣсь никакой нѣтъ), которая одна только изъ всѣхъ насъ на свѣтѣ душу и сердцѣ только и имѣетъ, и тому подобныя глупости. А какъ изъ сего я вижу, что онъ все тотъ же, то и прошу мнѣ его сократить, отославъ подалѣ, да отвѣчать, чтобъ онъ въ передъ ни языкомъ, ни перомъ не вралъ. Прочтите ему сіе и исполните все.

Есьмь вашимъ благосклоннымъ

Павелъ.

(Получ. 1 февр. 1801).

Мих: Зам: Февр: 7. 1801.

Въ улику тому и другому, о чемъ и кемъ дѣло было, посылаю къ вамъ копіи съ перлюстрированныхъ Панина писемъ, которыми извольте его уличить. И, какъ я уже далъ вамъ и безъ того надъ нимъ волю, то и поступите уже по заслугѣ и такъ какъ солжецомъ и обманщикомъ. Вы можете для прочтенія его къ себѣ съ надежнымъ провожатымъ на то только время привѣсти. Въ про: сіе все уже ваше дѣло, и вамъ за сіе и за него и отвѣчать.

Вамъ благосклонный

Павелъ.

(Получ. 9 февр. 1801).

3.

Seume (Zwei Briefe uber die neuesten Veränderungen in Russland Zürich. 1797, стр. 74) разсказываетъ это происшествіе слѣдующимъ образомъ:

По приказанію государя приготовлена была въ Ригѣ торжественная встрѣча для короля Станислава Понятовскаго, при проѣздѣ его въ С.-Петербургъ. Въ назначенный день разставлена была на улицахъ стража изъ городскихъ жителей (Bürger Compagnien) и приготовленъ былъ большой обѣдъ въ домѣ Черныхъ Головъ (auf dem Hause der Schwarzen Häupter). Понятовскій въ этотъ день не пріѣхалъ, а вмѣсто него пріѣхалъ князь Зубовъ. Стража отдала ему честь, какъ русскому генералу, а часть обѣда, изготовленнаго для короля, послужила къ обѣду Зубова. Обо всемъ этомъ посланъ былъ донось къ государю, и съ слѣдующею почтою получено повелѣніе объ исключеніи графа Палена изъ службы. Впослѣдствіи, узнавши, какъ это было, государь снова принялъ Палена на службу.

Указъ, или, вѣрнѣе, рескриптъ, о которомъ говоритъ Коцебу, былъ слѣдующаго содержанія:

«Господинъ генералъ-лейтенантъ Паленъ. Съ удивленіемъ увѣдомился я обо всѣхъ подлостяхъ, вами оказанныхъ въ проѣздъ князя Зубова чрезъ Ригу; изъ сего и дѣлаю я сродное о свойствѣ вашемъ заключеніе, по коему и поведеніе мое противъ васъ соразмѣрно будетъ.

«Сіе письмо можете показать ген.-лейт. Бенкендорфу

(подп.) «Павелъ».

26-го февраля
1797 года.

(Изъ дѣлъ военной коллегіи въ архивѣ военнаго министерства).

Въ тотъ же день, 26-го февраля 1797 года, графъ Паленъ былъ выключенъ изъ службы.

Военные приказы: «С.-Петерб. Вѣд.» 1797 года, № 18.
«Русская Старина», XI, стр. 189

20-го сентября 1797 года графъ Паленъ приказомъ, объявленнымъ при паролѣ, былъ снова принятъ на службу, и по этому случаю, во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 1-го октября, онъ писалъ къ государю, что, «прибывъ въ Ригу, увѣдомился онъ о всемилостивѣй-

шемъ помѣщеніи его въ высочайшей службѣ, и просилъ удостоить принять подобострастное приношеніе живѣйшей благодарности и кромѣ всеподданнѣйшія увѣренія, что онъ жизнь свою по гробъ посвящаетъ съ радостію высочайшей службѣ и для того предъ лицемъ его, государя повергаетъ себя къ священнымъ стопамъ его величества».

4

«Вспомнили послѣдния слова графа Палена за ужиномъ: «qu'il faut commencer pal casser les oeufs», и привели ихъ буквально въ исполненіе Многихъ называли, которые тутъ выказали свою грубость и звѣрство, желая отомстить императору личныя обиды, полученныя отъ него, били, гонтали, всячески старались изуродовать его несчастное тѣло»

Саблуковъ (англ. подч, 319, 320).

Сангленъ (въ неизданныхъ запискахъ) разсказываетъ, что однажды, нѣсколько лѣтъ спустя, императоръ Александръ спросилъ его. «Вы знаете, что такое Болговской (Дмитрій Николаевичъ, бывшій шт-капитаномъ Измайловскаго полка)? Il a pris la tête morte de son père par les cheveux, l'a heurté contre la terre et a dit: voilà le tyran!»

О Болговскомъ см. «Полярную Звѣзду» на 1855 годъ. Изд 2-е Лондонъ, 1858, стр 133

5

Нужно полагать, что собраніе полковъ имѣло цѣлью придать перевороту, до нѣкоторой степени, характеръ народнаго движенія и устранить нареканіе въ одной голько дворцовой интригѣ. Изъ этого можно также заключить, что до послѣдней минуты убійство Павла не было предопредѣленною и явною цѣлію заговора; иначе собраніе полковъ было бы распоряженіемъ не только излишнимъ, но даже опаснымъ Совѣщанія, происходившія въ самый вечеръ 11-го марта между заговорщиками, доказываютъ, что главный вопросъ: что цѣлать, если Павель не согласится на отреченіе? оставался между ними неразрѣшеннымъ и былъ предоставленъ случайности. Сильнѣе всѣхъ, какъ увѣряютъ, возставалъ противъ убійства графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ. Сангленъ (въ неизданныхъ запискахъ, стр 48) говоритъ, что «на дворѣ Михайловскаго

замка (въ ночь 11-го марта) стояла карета, готовая на первый случай отвезть Павла въ Петропавловскую крѣпость», по Сангдену безусловно вѣрить нельзя

Для того, чтобы совершенно понять подробности разсказа Коцебу, необходимо имѣть передь глазами планы Михайловскаго замка, гравированные П. Колпаковымъ по рисункамъ К. Росси, Овсянникова и Канаева, подъ наблюденіемъ строителя замка, архитектора Бренна (15 листовъ).

Они существуютъ въ двухъ или, вѣрнѣе, въ трехъ размѣрахъ 1) въ 4 ку, 2) въ листъ, и 3) самые планы въ листъ, а виды фасадовъ и разрѣзовъ въ большой листъ

6

Караулъ, который наряжался каждый день поочередно изъ всѣхъ полковъ гвардіи, помѣщался на гауптвахтѣ, устроенной въ нижнемъ этажѣ замка, въ углу, тотчасъ направо при входѣ на дворъ чрезъ главныя (такъ называемыя Воскресенскія) ворота. Въ этотъ день, 11-го марта, въ карауле былъ Семеновскій полкъ, и карауломъ командовалъ какой-то капитанъ, изъ бывшихъ гатчинскихъ офицеровъ, понимавшій одну только фронтовую службу, но нисколько не подозрѣвавшій, для чего она установлена Саблуковъ (англійскій подлинникъ, стр 313)

Въ нижнемъ этажѣ, въ овальномъ залѣ, примыкавшемъ съ лѣвой стороны (если идти со двора) къ парадной лѣстницѣ, парадная же лѣстница была въ углу, тотчасъ налѣво при входѣ на дворъ чрезъ главныя ворота. Караулъ, который находился въ этомъ залѣ, состоялъ изъ 30-ти человѣкъ и постоянно наряжался изъ одного только Преображенскаго полка Das merkwurdigste Jahr, II, 194.

(Русскій переводъ этого мѣста въ «Русскомъ Архивѣ» 1870 года, стр. 974).

11-го марта этимъ карауломъ командовалъ поручикъ Преображенскаго полка Сергѣй Никифоровичъ Маринъ, уже давно готовый на содѣйствіе заговорщикамъ

7.

Самъ Коцебу не увѣренъ, Аргамаковъ ли нанесъ первый ударъ Павлу, или Николай Зубовъ

«Императоръ говорилъ громко и размахивалъ руками. Графъ Николай Зубовъ, полушьяный, человѣкъ исполинскаго роста и необыкновенной силы, ударилъ государя по рукѣ и сказалъ ему. «что ты кричишь?». Въ отвѣтъ на это оскорбленіе императоръ съ гнѣвомъ оттолкнулъ лѣвую руку Зубова; тогда Зубовъ правымъ кулакомъ, въ которомъ держалъ массивную золотую табакерку, нанесъ Павлу въ лѣвый високъ сильный ударъ, отъ котораго государь упалъ безъ чувствъ».

Саблуковъ (англійскій подлинникъ, стр. 319).

Почти такъ же разсказываетъ и Чичаговъ

«Alors le comte Nicolas Zouboff, homme fort et colossal, s'écria «Messieurs, vous ne pourrez jamais lui faire entendre raison Nous perdrons notre temps, et nous nous exposons à de grands malheurs par nos hésitations. Voici le langage qu'il faut tenir à un homme comme lui». Puis avec une boite d'or qu'il tenait à la main, il lui appliqua sur la tempe un coup qui le renversa»

Mémoires de l'amiral Tchichagoff. Leipzig, 1862, p. 42.

8.

Въ бельэтажѣ къ парадной лѣстницѣ примыкалъ, съ лѣвой стороны, овальный залъ, въ которомъ постоянно находился караулъ отъ конной гвардіи.

(Das merkwurdigste Jahr, II, 219).

Этотъ залъ былъ по дорогѣ отъ парадной лѣстницы къ внутреннимъ покоямъ государя Караулъ состоялъ изъ 1 офицера, 3-хъ унтеръ-офицеровъ и 24 солдатъ; въ этотъ день въ карауле былъ корнетъ Андреевскій

(Саблуковъ, 313)

9

Саблуковъ (стр 318) разсказываетъ, что въ конной гвардіи солдаты не хотѣли присягать новому императору, не убѣдившись сперва въ смерти Павла Посланы были въ Михайловскій замокъ знаменами унтеръ-офицеръ Григорій Ивановъ и нѣсколько солдатъ при корнетѣ Филатьевѣ Ихъ допустили къ гѣлу покойнаго императора и, когда, по возвращеніи въ казармы, Саблуковъ спро-

силъ Григорія Иванова, убѣдился ли онъ въ смерти государя: «Да, ваше благородіе», отвѣчалъ Григорій Ивановъ, «онъ крѣпко умеръ» —«Будешь ли теперь присягать императору Александру?»— «Буду, хоть онъ и не лучше, но, такъ или иначе, кто ни попъ, тотъ и батька»

10.

1-го ноября 1800 года состоялся указъ, коимъ дозволялось «всѣмъ выбывшимъ изъ службы или исключеннымъ... паки вступить въ оную» (П С. З. №№ 19 625 и 19 626)

23-го ноября 1800 года князь Зубовъ назначенъ директоромъ 1-го кадетскаго корпуса.

6-го декабря 1800 года графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ назначенъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса.

1-го декабря 1800 года графъ Николай Александровичъ Зубовъ, бывшій прежде шталмейстеромъ, назначенъ шефомъ Сумскаго гусарскаго полка. (По смерти Павла, 20-го марта 1801 года, пожалованъ въ оберъ-шталмейстеры)

Леонтій Леонтьевичъ Бенигсенъ, р. 1745 † 1826. Его послужной списокъ напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1874 г., I, 826.

Петръ Александровичъ Талызинъ, р. 17-го января 1767 † 11-го мая 1801 года Генералъ-лейтенантъ, командиръ Преображенскаго полка

Ѳеодоръ Петровичъ Уваровъ, р. 1769 † 1824. Генералъ-лейтенантъ съ 5-го ноября 1800 года Шефъ кавалергардскаго корпуса съ 11-го января 1799 года.

Иванъ Ивановичъ Вильде, генералъ-лейтенантъ, шефъ артиллерійскаго полевого батальона въ С-Петербургѣ, съ 7-го февраля 1798 года по 11-е апрѣля 1799 года (и снова съ 1-го октября 1799 года) Отставленъ отъ службы 27-го января 1800 года. Въ 1801 году присутствовалъ въ артиллерійской экспедиціи и 27-го февраля уволенъ въ отпускъ на двѣ недѣли.

Князь Петръ Петровичъ Долгоруковъ (сынъ).

Александръ Васильевичъ Аргамаковъ 1-й, поручикъ, полковой адъютантъ Преображенскаго полка (не адъютантъ государя) съ 29-го сентября 1800 года

Князь Владиміръ Михайловичъ Яшвиль, изъ капитановъ гвардіи артиллерійскаго батальона произведенный 5-го мая 1800 года

въ полковникъ съ опредѣленіемъ въ конный батальонъ Богданова 2-го (20-го марта 1801 года, по смерти Павла, переведенъ въ л.-гв. артиллерійскій батальонъ), у него былъ старшій братъ, князь Левъ Михайловичъ Яшвиль, изъ полковниковъ 6-го артиллерійскаго полка произведенный 13-го ноября 1800 года въ генералъ-майоры съ назначеніемъ цейхмейстеромъ флота, генералъ-отъ-артиллеріи 1-го января 1819 года. † 1836.

Владиміръ Александровичъ Мансуровъ (р 1766 † 1806, хол.), полковникъ Измайловскаго полка съ 3-го марта 1801 года (не былъ выключенъ изъ службы).

‹Il était très considéré par l'empereur Alexandre Un jour que j'accompagnai Sa Majesté dans un voyage, Elle daigna prendre des nouvelles de ma famille et me parla de l'oncle Vladimir, comme d'un officier très distingué et qu'Elle regrettait beaucoup».

Изъ письма генералъ-адъютанта Мансурова, бывшаго флигель-адъютанта императора Александра, изъ Гамбурга отъ 18-го (30-го) ноября 1877 г, къ Н. П. Мансурову.

Александръ Ивановичъ Талызинъ, капитанъ Измайловскаго полка.

Алексѣй Николаевичъ Мордвиновъ 1-й, подпоручикъ Измайловскаго полка съ 24-го сентября 1800 года.

Кондратій Ивановичъ Филатовъ, подпоручикъ Измайловскаго полка съ 24-го сентября 1800 года.

Всѣ трое 4-го марта 1801 года отставлены отъ службы безъ абшидовъ, а 6-го марта 1801 года снова приняты въ тотъ же полкъ.

У Алексѣя Николаевича Мордвинова было въ Измайловскомъ полку два брата, подпоручики Иванъ и Дмитрій Николаевичи Мордвиновы. Первый изъ нихъ (Иванъ Николаевичъ) былъ 27-го октября 1800 года исключенъ изъ службы за дерзость, а 6-го ноября 1800 года снова принятъ на службу въ тотъ же полкъ.

Въ числѣ заговорщиковъ были также:

Командиръ л.-гв. Семеновскаго полка генералъ-майоръ Леонтій Ивановичъ Депрерадовичъ.

Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ (впослѣдствіи графъ).

Генералъ-майоръ, причисленный 23-го декабря 1800 года къ лейбъ-гусарскому полку, полковникъ кавалергардскій Николай Михайловичъ Бороздинъ (женатый на дочери О. А. Жеребцовой).

Полковникъ Измайловскаго полка Николай Ивановичъ Бибиковъ (предлагавшій на ужинѣ у Талызина убить не только Павла, но и всю императорскую фамилію).

Саблуковъ называетъ (стр. 318) — полковника (Николая Ѳедоровича?) Хитрова, двухъ генераловъ Ушаковыхъ, артилерійскаго полковника Татаринова и многихъ другихъ

Helbig (Russiche Günstlinge, p 306) называетъ также какого-то генерала Орлова въ числѣ заговорщиковъ

D'Allonville (Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat, VIII) причисляетъ къ заговорщикамъ Муравьева (стр 84 и 89), «ancien cavalier du grand-duc Constantin, devenu le secrétaire intime de l'empereur Alexandre», Ивашова (генералъ-майора?) и Полторацкаго (стр. 84).

Коцебу еще называетъ: «Suboff's Oheim Kositzki». Онъ мнѣ неизвѣстенъ. Екатерининскій статсъ-секретарь Григорій Васильевичъ Козицкій умеръ въ 1775 году, оставивъ только двухъ дочерей.

Кому принадлежалъ этотъ шарфъ?

Одни говорятъ (Историческій Сборникъ Герцена, Лондонъ, 1859, 1861, I, 57 и II, 48, 131), что взяли шарфъ Аргамакова, который одинъ былъ въ шарфѣ; другіе, какъ, напримѣръ, Саблуковъ (англ подл., 319), что Скарятинъ [1]) (род. 24-го октября 17 .) взялъ шарфъ самого императора, висѣвшій на стѣнѣ надъ его кроватью.

Чичаговъ (стр. 42): «Avec une des écharpes dont la chambre était ornée, on mit fin à cette funeste existence».

Кромѣ Яшвиля, Мансурова и Скарятина, участвовали въ этой сценѣ:

1) Отставной полковникъ артиллеріи Татариновъ. Выключенъ изъ службы 5-го мая 1800 года, снова принятъ въ оную 17-го марта 1801 года.

(Ив Мих. Татариновъ, мужъ извѣстной Екатерины Филипп Татариновой, рожд. Буксгевденъ?).

2) Полковникъ Измайловскаго полка, князь Иванъ Григорьевичъ Вяземскій (братъ графини М. Г Разумовской).

3) Корнетъ Кавалергардскаго полка Евсей Степановичъ Гарденовъ.

---

[1]) Яковъ Ѳеодоровичъ Скарятинъ, шт.-капитанъ, съ 15-го октября 1800 года, Измайловскаго полка

Графъ де-Местръ (Blanc. 318) пишетъ:

«Le premier auteur du complot avait proposé de faire déclarer l'état de démence (il aurait pu dire rage) par la simple déposition et d'agir légalement, si ce mot peut paraître au milieu de ces horreurs. De parricides polissons s'emparèrent du projet et l'exécutèrent à leur manière».

12

Кромѣ Котлубицкаго, Нарышкина и Обольянинова, арестованы были въ эту ночь:

1) командиръ Измайловскаго полка генералъ-лейтенантъ Петръ Ѳедоровичъ Малютинъ, и

2) инспекторъ кавалеріи Литовской и Лифляндской инспекціи генералъ-лейтенантъ Андрей Семеновичъ Кологривовъ, какъ бывшіе офицеры гатчинскихъ войскъ и любимцы Павла.

Кологривовъ арестованъ былъ у себя на дому Павломъ Васильевичемъ Кутузовымъ, который, играя съ нимъ въ карты, вынулъ въ половинѣ 12-го часы и объявилъ ему, что онъ подъ арестомъ. (Саблуковъ, 321).

Кажется, былъ также арестованъ Григорій Григорьевичъ Кушелевъ, жившій въ Михайловскомъ замкѣ, въ верхнемъ этажѣ.

13

Графъ Паленъ. независимо отъ другихъ должностей, былъ въ то же время генералъ-губернаторомъ прибалтійскихъ губерній. Государь повелѣлъ ему отправиться туда Паленъ хорошо понялъ, въ чемъ дѣло, и со станціи Кипени послалъ прошеніе о полной отставкѣ.

Графъ Паленъ уволенъ былъ по прошенію отъ службы 17-го іюня 1801 года. Онъ умеръ 13-го февраля 1826 года въ Митавѣ.

Да самой кончины своей онъ сохранилъ глубокое убѣжденіе, что совершилъ величайшій подвигъ гражданскаго мужества и заслужилъ признательность своихъ гражданъ.

Семейное преданіе говоритъ, что на смертномъ одрѣ онъ сказалъ:

«Gott, vergieb nur meine Sunden. Mit dem Paul bin ich schon fertig»

14.

Вотъ какъ судилъ объ этихъ конституціонныхъ попыткахъ одинъ современникъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ:

«Трое ходили тогда съ конституціями въ карманѣ: реченный Державинъ, князь Платонъ Зубовъ съ своимъ изобрѣтеніемъ, и графъ Никита Петровичъ Панинъ съ конституціею англійскою, передѣланною на русскіе нравы и обычаи. Новосильцову стоило большого труда наблюдать за царемъ, чтобы онъ не подписалъ какого-либо изъ проектовъ; который же изъ проектовъ былъ глупѣе, трудно описать: всѣ три были равно безтолковы Жалѣю очень, что въ бумагахъ моихъ въ С.-Петербургѣ я не нашелъ второго мнѣнія Державина, которое извѣстно подъ названіемъ «Его кортесовъ». Кажется, что покойный дядюшка мой, испугавшись взятія меня до Karmelitów, изволилъ истребить все, что было у меня любопытнѣйшаго и въ домѣ его хранилось» [1]).

Почтенный издатель сочиненій Державина (Я. К. Гротъ), приводя эту замѣтку, вѣроятно, по неисправному списку, напечаталъ: картоновъ, вмѣсто кортесовъ Я пользовался современнымъ списком, принадлежащимъ П. А. Валуеву. Кортесами, какъ извѣстно, называются представительныя собранія въ Испаніи и Португаліи.

Графъ Никита Петровичъ Панинъ, тотчасъ по вступленіи императора Александра на престолъ, былъ вызванъ въ С.-Петербургъ и снова назначенъ вице-канцлеромъ (21-го марта 1801 года).

Въ своей запискѣ «О Древней и Новой Россіи» Карамзинъ также пишетъ объ этомъ времени:

«Два мнѣнія были тогда господствующими въ умахъ: одни хотѣли, чтобы Александръ, къ вѣчной славѣ своей, взялъ мѣры для обузданія неограниченнаго самовластія, столь бѣдственнаго при его родителѣ; другіе, сомнѣваясь въ надежномъ успѣхѣ такого предпріятія, хотѣли единственно, чтобы онъ возстановилъ разрушенную систему Екатерининскаго царствованія, столь счастливую и мудрую въ сравненіи съ системою Павла».

15.

Въ 1799 году, при слободо-украинскомъ губернаторѣ, д. ст. сов. Петрѣ Ѳеодоровичѣ Сабуровъ (27-го декабря 1798—19 іюля 1800),

---

[1]) Соч. Державина, т. VII, стр. 341.

высланы были, по высочайшему повелѣнію, изъ Слободо-Украинской (Харьковской) губерніи на островъ Эзель на поселеніе, а оттуда переведены въ Дюнамюнденскую крѣпость на работы духоборцы съ ихъ женами и дѣтьми (казаки и однодворцы изъ селеній Салтовскаго-Терноваго и Большихъ Проходовъ), число которыхъ съ родившимися послѣ ссылки простиралось до 156 душъ.

Императоръ Александръ повелѣлъ 17-го марта 1801 года возвратить ихъ всѣхъ на родину, съ учрежденіемъ наблюденія за ихъ поведеніемъ.

(Справка изъ подлиннаго дѣла, доставленная мнѣ харьковскимъ губернаторомъ кн. Крапоткинымъ).

Въ августѣ того же 1799 года высланы были, по высочайшему повелѣнію, изъ Новороссійской губерніи, духоборцы, числомъ 31 человѣкъ, въ Екатеринбургъ на работу въ рудникахъ, какъ «отвергающіе вышнюю власть на землѣ, предѣломъ Божіимъ поставленную» (П. С. З. № 19.097).

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Ни одинъ смертный не проявлялъ въ себѣ такихъ контрастовъ свѣта и тѣни, какъ Павелъ. Его умъ и страсти, воспріимчивость и жестокость, добродѣтели и пороки, энтузіазмъ въ дружбѣ, переходившій потомъ въ ненависть, его признательность за все, что, по его мнѣнію, дѣлалось для него отъ всего сердца, и его ярость при малѣйшей оплошности, которую онъ замѣчалъ относительно себя, все это проявлялось въ немъ въ высшей степени. И это нагроможденіе въ немъ противоположныхъ и враждебныхъ одно другому качествъ должно было привести его къ гибели.

Баронъ Гейкингъ.

Трагическая судьба императора Павла Перваго долго еще будетъ занимать исторіографовъ, какъ труднѣйшая для разрѣшенія задача. На пути строго-научной, безпристрастной оцѣнки кратковременнаго царствованія «коронованнаго Гамлета», долго еще будетъ стоять прочно установившаяся, столѣтняя традиція полемическаго взгляда на Павла Петровича, какъ на умалишеннаго тирана, какъ на карикатуру человѣчества и только. Казалось бы, самая ужасная смерть этого государя является искупленіемъ его ошибокъ, его увлеченій. Эта смерть требуетъ строгаго, но праведнаго и человѣчнаго суда исторіи. Между тѣмъ даже настоящее изданіе, несмотря на свое научное, объективное направленіе, вызвало въ «крайней» печати недовольство.

Несмотря на то, что изданіе является лишь сводомъ историческихъ памятниковъ, освѣщеніе которыхъ въ предисловіи строго держится фундамента логики и фактовъ, косность установившихся взглядовъ, этихъ «клише» либеральной традиціи, вступаетъ въ слѣпую борьбу съ самой очевидностью. Это заставляетъ насъ подкрѣпить новый взглядъ на личность и царствованіе императора Павла, установившійся послѣ ряда работъ авторитетныхъ изслѣдователей, еще нѣсколькими фактами и соображеніями.

Баронъ Гейкингъ, которому трудно приписать пристрастіе къ Павлу, послѣ всего того, что онъ претерпѣлъ отъ непостоянства его характера, однако говоритъ въ своихъ мемуарахъ: «Вы, которые хорошо знали Павла за два первые года его царствованія, скажите, развѣ не было у него чувствительнаго сердца, благожелательства, просвѣщенной души? Если онъ бывалъ несправедливъ, то развѣ это не вытекало изъ его слишкомъ сильной любви къ правосудію, и развѣ всегда, когда у него слагалось убѣжденіе, что онъ ошибся, не выказывалъ онъ мужества исправить эту ошибку?»

«Просвѣщенная душа» императора Павла въ первые годы его царствованія сказалась очевидно для всякаго, не ослѣпленнаго предвзятымъ, ходячимъ, полемическимъ взглядомъ, въ отношеніи этого государя къ масонамъ и польскимъ патріотамъ. Тутъ факты говорятъ сами за себя. Мы ихъ и приведемъ.

Извѣстно, что преслѣдованія, которымъ подверглись московскіе мартинисты при Екатеринѣ II, главнымъ образомъ объясняются сношеніями послѣднихъ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, въ которыхъ ихъ заподозрѣла императрица. Извѣстная записка Карамзина императору Александру объясняетъ: «Одинъ изъ мартинистовъ или теософистскихъ масоновъ, славный архитекторъ

Баженовъ, писалъ изъ С.-Петербурга къ своимъ московскимъ друзьямъ, что онъ, говоря о масонахъ съ тогдашнимъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, удостовѣрился въ его добромъ о нихъ мнѣніи. Государынѣ вручили это письмо. Она могла думать, что масоны или мартинисты желаютъ преклонить къ себѣ великаго князя». Въ дѣлѣ о Новиковѣ и его товарищахъ (V томъ «Лѣтописей русской литературы и древности», Тихонравова) вопросный пунктъ, предложенный княземъ Прозоровскимъ захваченнымъ масонамъ гласитъ: «4) какимъ образомъ вы и товарищи сборища вашего заботились въ сѣти сборища вашего уловить извѣстную особу, о коей имѣли вы съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ и переписки? То открыть вамъ, для чего вы такія вредныя предпріятія имѣли и чему изъ того быть надѣялись, гдѣ объяснить о всѣхъ товарищахъ, въ семъ дѣлѣ съ вами соучаствующихъ и помогающихъ?» (стр. 48). На этотъ пунктъ князь Николай Трубецкой отвѣчалъ: «Покойный профессоръ Шварцъ предлагалъ намъ, чтобъ извѣстную особу сдѣлать великимъ мастеромъ въ масонствѣ въ Россіи. А я передъ Богомъ скажу, что, предполагая, что сія особа принята въ чужихъ краяхъ въ масоны, согласовался на оное изъ единаго того, чтобъ имѣть покровителя въ оной. Но чтобъ я старался уловить оную особу, то предъ престоломъ Божіимъ клянусь, что, не имѣвъ того въ намѣреніи и, слѣдовательно, ни соучастниковъ. ни помощниковъ имѣть въ ономъ не могъ».

Переговоры архитектора Баженова, а также пересылка «къ извѣстной особѣ» мистическихъ масонскихъ книгъ не подлежатъ сомнѣнію. Бригадиръ Тургеневъ показывалъ: «Слыша же отъ Баженова, что великая сія особа привязана къ масонству, говорилъ объ этомъ и съ нимъ и съ Новиковымъ. Съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ о пере-

пискѣ по сему я не вѣдалъ и не вѣдаю. О томъ, что Баженовъ говорилъ съ важною тою особой, вѣдалъ я, Новиковъ, Гамалея, Трубецкіе, такъ равно и всѣ сіи мои товарищи». По мнѣнію проф. Ешевскаго, мысль привлечь Павла Петровича въ орденъ принадлежала Густаву III во время его посѣщенія Петербурга въ 1777 году. Россія была VIII-й провинціей ордена; а генеральнымъ мастеромъ всѣхъ провинцій состоялъ герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій. 30 сентября 1776 года князь Александръ Борисовичъ Куракинъ отправился въ Стокгольмъ съ нотой о бракосочетаніи Павла съ Софіей-Доротеей Вюртембергской (Марія Ѳеодоровна). Провинціальная петербургская ложа дала ему порученіе къ шведскимъ масонамъ, главной ложи въ Стокгольмѣ. Начальникомъ главнаго шведскаго капитула былъ братъ короля герцогъ Зюдерманландскій. Тамъ возвели Куракина въ высшія должности, и съ актами, дипломами, уставами Куракинъ возвратился въ С.-Петербургъ въ 1777 году, и князь Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ, въ фіолетовой лентѣ черезъ плечо, открылъ главную масонскую ложу въ С.-Петербургѣ уже по шведской системѣ («строгаго наблюденія»). Лѣтомъ 1777 года шведскій король Густавъ III посѣтилъ С.-Петербургъ. Въ 1781 году извѣстный Шварцъ отправился за границу, но по дорогѣ заѣхалъ въ Митаву. Тамъ заявилъ онъ гросмейстеру курляндскихъ масоновъ, что отправленъ изъ Москвы, чтобы отыскивать истинное масонство. Курляндскій гросмейстеръ сказалъ Шварцу, что онъ долженъ принять шведское масонство. Онъ далъ Шварцу письмо въ Берлинъ къ Іоанну-Христофу Вельнеру и другу его Шадену, берлинскому лейбъ-хирургу. 1-го октября 1781 года Шварцъ выѣхалъ изъ Берлина въ Брауншвейгъ къ герцогу Карлу-Вильгельму и тамъ познакомился съ извѣстнымъ ученымъ Іерузалемомъ, воспитателемъ владѣтельнаго герцога Брауншвейгскаго и его братьевъ. Вскорѣ

послѣ отъѣзда Шварца за границу, именно 19-го сентября 1781 года, отправился въ чужіе края великій князь Павелъ Петровичъ съ своею супругою, въ свитѣ которыхъ были между прочимъ: любимецъ его, камергеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, игравшій значительную роль въ петербургскомъ масонствѣ 1776 и 1777 г., какъ уже было указано, и Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ, впослѣдствіи одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотоварищей Новикова. Есть преданіе, что великій князь, по примѣру большей части тогдашнихъ принцевъ, вступилъ въ число масоновъ во время своего заграничнаго путешествія. По другимъ извѣстіямъ, великій князь посвященъ былъ въ масоны въ С.-Петербургѣ принцемъ Генрихомъ Прусскимъ въ 1776 году или королемъ шведскимъ въ 1777 году. Что масонство оставило слѣдъ въ душѣ Павла, видно изъ глубоко мистическаго его настроенія съ одной стороны, а съ другой, изъ его свободнаго отношенія ко всѣмъ христіанскимъ церквамъ. Личное же расположеніе къ московскимъ мартинистамъ проявилось сейчасъ же по восшествіи его на тронъ.

По воспествіи на престолъ Павелъ немедленно приказалъ выпустить Новикова изъ крѣпости и разрѣшилъ ему пользоваться полною свободою. Затѣмъ освобожденъ отъ надзора И. В. Лопухинъ. Князю Н. Н. Трубецкому и И. П. Тургеневу разрѣшено выѣхать изъ деревень, куда они были сосланы, и жить, гдѣ пожелаютъ. Вышелъ указъ о возвращеніи изъ Сибири сосланнаго туда въ 1790 году Радищева. Повышены и отличены орловскіе масоны З. Я. Карнѣевъ и А. А. Лѣнивцевъ. Отличены — М. М. Херасковъ, И. П. Тургеневъ. Князь Н. В. Репнинъ произведенъ въ фельдмаршалы на третій день по воцареніи Павла.

«Говорятъ, что въ началѣ царствованія былъ составленъ проектъ общей организаціи русскаго масонства, по

что исполненіе его остановилось за принятіемъ государемъ въ 1798 году гросмейстерства Мальтійскаго ордена, при чемъ съ извѣстныхъ масоновъ взята была подписка не открывать ложъ безъ особаго разрѣшенія, что очень повредило успѣху масонства въ Россіи». (Encyclop. der Freymaurerei, ч. 3, стр. 271. Цитата Лонгинова: Новиковъ и московскіе мартинисты, стр. 364).

Освобожденіе Новикова изъ крѣпости и возвращеніе Радищева изъ Сибири! Вотъ чѣмъ началъ свое царствованіе императоръ Павелъ. Это слишкомъ крупный фактъ, чтобы о немъ можно было забывать. И въ то время, несомнѣнно, отношеніе къ московскимъ мартинистамъ являлось надежнѣйшимъ показателемъ просвѣщенности ума, такъ какъ то были представители высокогуманныхъ началъ въ чувственномъ и грубомъ русскомъ обществѣ.

Не менѣе характерно отношеніе Павла Петровича къ польскимъ патріотамъ — генералу Костюшкѣ, Нѣмцевичу, Килинскому и другимъ, содержавшимся подъ стражей.

«Не было государя,— пишетъ Чарторыйскій,—ни болѣе ужаснаго въ порывахъ жестокости, ни болѣе щедраго въ порывахъ великодушія. Но въ его благосклонности не было никакого постоянства. Одного слова въ разговорѣ, случайно вырвавшагося или сказаннаго съ намѣреніемъ, тѣни подозрѣнія было достаточно, чтобы заставить его превратить расположеніе въ преслѣдованіе. Наиболѣе взысканные сегодня его милостями трепетали, что завтра они будутъ устранены отъ двора и высланы въ отдаленныя мѣста. Таково было состояніе страны въ продолженіе всего его царствованія. Тѣмъ не менѣе императоръ желалъ быть справедливымъ. Душѣ его, рядомъ съ прихотливыми и безпорядочными выходками, присуще было глубокое чувство справедливости, которое часто побуждало его къ дѣйствіямъ, достойнымъ всякой похвалы.

«Не разъ случалось, что, удаливъ кого-либо, прогрессивно увеличивая преслѣдованія, Павелъ призывалъ его вновь, обнималъ его, почти просилъ прощенія, увѣрялъ его, что былъ обманутъ, подозрѣвалъ его несправедливо, и осыпалъ его новыми милостями, чтобы вознаградить за претерпѣнное. Страхъ, который Павелъ часто самъ испытывалъ, онъ внушалъ и всѣмъ чиновникамъ имперіи, и это всеобщее опасеніе производило нѣкоторый оздоровляющій эффектъ. Въ то время, какъ въ Петербургѣ и въ центрѣ управленія неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ терзала и волновала всѣхъ, въ провинціи гражданскія власти, генералъ-губернаторы и военные начальники, страшась, чтобы злоупотребленія, которыя они себѣ позволяли, не дошли до свѣдѣнія императора, и чтобы въ одно прекрасное утро и безъ всякихъ дальнихъ околичностей они не были липены должности и водворены въ какомъ-нибудь изъ городовъ Сибири, перемѣнили тонъ съ ихъ подчиненными, остерегались позволять себѣ чрезмѣрно воліющія злоупотребленія. Особенно въ польскихъ провинціяхъ обыватели могли замѣтить эту перемѣну, и донынѣ еще въ нашихъ провинціяхъ поминаютъ царствованіе Павла, какъ время, когда злоупотребленія, несправедливости, мелочныя придирки, которыя необходимо сопровождаютъ чужестранное владычество, наименѣе давали себя чувствовать.

«Одной изъ первыхъ мыслей Павла по восшествіи его на тронъ, и, безъ сомнѣнія, одной изъ благороднѣйшихъ, было возвращеніе свободы польскимъ плѣнникамъ.

«Подобно тому, какъ его отецъ посѣтилъ въ темницѣ Ивана (Ангоновича), онъ самъ навѣстилъ Костюшку, обнадеживъ его участіемъ и обѣщаніями; онъ сказалъ ему, что если бы онъ былъ на тронѣ, онъ не сочувствовалъ бы раздѣлу Польши, что онъ сожалѣетъ, что этотъ несправедливый и антиполитическій актъ совершился, но разъ

дѣло сдѣлано, онъ не имѣетъ власти повернуть его обратно и долженъ поддерживать положеніе вещей.

«Императоръ, по просьбѣ Костюшки, постепенно возвратилъ свободу всѣмъ остальнымъ плѣнникамъ, настоявъ лишь на томъ, чтобы они принесли присягу на вѣрность.

«Костюшко, удрученный скорбью, покрытый еще не залеченными ранами, ослабѣвшій, носившій тогда на своемъ лицѣ выраженіе утраченной надежды, трогательнаго раскаянія, почти угрызенія совѣсти, что онъ еще живетъ, тогда какъ ему не удалось спасти свое отечество, въ этомъ состояніи могъ только интересовать императора, трогать его, не внушая ему никакого опасенія или подозрѣнія. Онъ часто посѣщалъ Костюшку, въ сопровожденіи всей императорской фамиліи, которая свидѣтельствовала генералу участіе, я почти готовъ сказать—истинную нѣжность.

«Можно представить себѣ, какъ были счастливы плѣнники, когда могли наконецъ свидѣться, послѣ столь долгой и скорбной разлуки, утѣшаясь общими сожалѣніями и слезами.

«Славнѣйшіе члены великой Діэты 1788—1792 гг. соединились: графъ Потоцкій, графъ Тадеушъ Мостовскій, знаменитый Юліанъ Нѣмцевичъ, Закржевскій, городской голова Варшавы, извѣстный неподкупностью, патріотизмомъ и безстрашіемъ; генералъ Сокольницкій, который добровольно уединился съ ними, чтобы ихъ не покидать; Килинскій и Капосташъ, достойные граждане Варшавы, первый — сапожникъ, а второй—банкиръ или мѣняла, имѣвшіе огромное вліяніе на варшавскую чернь».

Такъ пишетъ Адамъ Чарторыйскій. Оставляя въ сторонѣ тѣ замѣчанія, которыя съ національной русской точки зрѣнія можно было бы сдѣлать хотя бы относительно «достойныхъ гражданъ» Варшавы, остается тотъ фактъ, что Павелъ Петровичъ. по восшествіи на престолъ, съ одной

сгороны освобождаетъ Новикова и Радищева, и съ другой—Костюшку и Нѣмцевича.

Но уваженіе его какъ къ безмѣрнымъ страданіямъ Польши, такъ и къ пламенному патріотизму ея лучшихъ людей выразилось и потомъ, въ снисхожденіи, оказанномъ провинившимся полякамъ, какъ объ этомъ сообщаетъ въ запискахъ своихъ баронъ Гейкингъ.

Нѣсколько поляковъ были отправлены въ крѣпость по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Императоръ приказалъ разобрать это дѣло до самыхъ мелкихъ подробностей въ полномъ собраніи сената. Однимъ изъ обвиняемыхъ былъ ксендзъ Домбровскій, братъ генерала Домбровскаго, командовавшаго во Франціи польскимъ легіономъ. Въ сессіи участвовало семьдесятъ сенаторовъ и почти всѣ склонялись къ тому, что поляки не виновны. Но ихъ письмо къ французскому правительству Директоріи, отъ котораго они не отрекались, и клятва ввести съ помощью Франціи республиканское устройство въ Польшѣ, въ которой они сознались, дѣлали ихъ спасеніе почти невозможнымъ. Письмо это составлялъ Домбровскій, который былъ главою этого тайнаго общества. Центральнымъ мѣстомъ, отъ котораго шли нити съ одной стороны въ Литву, а съ другой черезъ Варшаву во Францію, былъ Львовъ. Имѣлось даже письмо Барса (адвокатъ въ Варшавѣ), который былъ въ Парижѣ агентомъ польской республиканской партіи. Доказательствъ было даже слишкомъ много. Всѣ обвиняемые лично присягали императору. По буквѣ закона всѣ они были приговорены къ лишенію дворянства, наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Сибирь. Между тѣмъ сенатъ представилъ государю докладъ, гдѣ было указано на старость одного, молодость другого, ограниченность третьяго. Павелъ измѣнилъ строгій приговоръ сената. Старика онъ сослалъ на родину въ Литву безъ всякаго наказанія. Дру-

гіе же отдѣлались только страхомъ. Ихъ ввели на эшафотъ и здѣсь объявили помилованіе, т. е. они избавлены были отъ наказанія кнутомъ, а ихъ ссылка длилась очень короткое время, благодаря смерти Павла и милости Александра, который всѣхъ ихъ вернулъ въ ихъ отечество.

Просвѣщенный умъ и стремленіе къ справедливости и правосудію, которые находятъ въ императорѣ Павлѣ и признаютъ лица, которыхъ никакъ нельзя заподозрѣть въ пристрастіи, и подтверждаемые фактами, конечно, только усугубляютъ трудность разрѣшенія загадки: какимъ образомъ при такихъ задаткахъ несчастный государь перешелъ въ исторію, какъ примѣръ совершеннаго деспота?

Баронъ Гейкингъ приводитъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о стремленіи Павла насадить въ Россіи правосудіе «Я долженъ», говоритъ онъ, «упомянуть объ одномъ фактѣ, въ которомъ обнаруживается желаніе императора ускорить ходъ правосудія въ интересахъ его подданныхъ. Услыхавъ, къ своему удивленію и неудовольствію, что въ сенатѣ скопилось около 10 тысячъ нерѣшенныхъ дѣлъ. онъ назначилъ временный сенатъ для окончанія старыхъ процессовъ и такимъ образомъ облегчилъ разсмотрѣніе новыхъ дѣлъ. Для этого онъ пожертвовалъ болѣе 100,000 рублей. Хотя это и было важно для счастья его народа, но никто не призналъ этого акта доброты и справедливости».

Обращаемъ вниманія на подчеркнутыя слова. А между тѣмъ даже Сиверсъ упоминаетъ объ этомъ: «Въ царствованіе Екатерины дѣла на засѣданіяхъ докладывалъ Вяземскій, не обращая вниманія на текущій ихъ номеръ. Оттого ко времени восшествія на престолъ Павла надо было перевозить чрезъ Неву около 11 тысячъ номеровъ».

Вотъ краснорѣчивое изображеніе высшаго въ имперіи судебнаго установленія, «хранилища законовъ», екатерининскаго сената очевидцемъ барономъ Гейкингомъ.

Сенатъ помѣщался за Невою, въ старомъ петровскомъ зданіи 12 коллегій, гдѣ нынѣ университетъ. «Грязная опускающаяся внизъ лѣстница вела въ довольно большую переднюю, гдѣ была кухня старыхъ солдатъ, которая отравляла входъ въ святилище правосудія ѣдкимъ чадомъ.

«Оттуда попадаешь въ канцелярію и въ залу засѣданій. Все носило на себѣ печать обветшанія, разрушенія, запустѣнія. Кресло президента, изъѣденное молью, повидимому, было когда-то крыто краснымъ сукномъ. Я пробѣжалъ нѣкоторые протоколы и бумаги, валявшіяся на столѣ секретаря: во всемъ сказывался безпорядокъ и небрежность.

«Передо мной открылась какъ будто берлога кляузничества, а не храмъ правосудія.

«Вице-президентъ Акимовъ былъ 70-тилѣтній старикъ, разбитый параличомъ... Онъ рѣшительно не имѣлъ никакого понятія объ основныхъ началахъ права. Старѣйшій членъ, отставной пѣхотный майоръ, не зналъ сносно ни одного (sic!) языка... Секретаря нельзя было упрекнуть въ невѣжествѣ... но за деньги онъ былъ на все способенъ. Представлялись мнѣ и чиновники. Между ними я замѣтилъ двухъ молодыхъ людей, которые были одѣты получше. Одинъ изъ нихъ былъ племянникъ перваго члена, второй—сынъ умершаго вице-президента. Я спросилъ ихъ, гдѣ они учились. «Въ Петербургѣ у родителей». Имѣя чинъ титулярнаго совѣтника, они занимались перепиской бумагъ и хотя не могли написать двухъ строкъ безъ ошибки, тѣмъ не менѣе получали тройной окладъ... Непотизмъ царилъ здѣсь».

Вотъ въ какомъ видѣ представлялось высшее правосудіе екатерининскихъ временъ! Павелъ расчистилъ эту «берлогу кляузничества», обновивъ составъ сената и вдохнувъ въ него энергію. Необходимо имѣть въ виду, что

высшія сословія Россіи, развращенныя семидесятилѣтнимъ женскимъ правленіемъ, не могли бы сочувствовать искренно ни просвѣщенному уму на престолѣ, ни стремленію къ правосудію и справедливости, проявляемому монархомъ, хотя бы это и былъ монархъ, липенный тѣхъ глубокихъ недостатковъ характера, которыми отличался Павелъ. Истинное просвѣщеніе не много находило старонниковъ и поборниковъ въ развращенномъ фаворитизмомъ обществѣ; оно замѣнялось въ немъ наружнымъ фальшивымъ блескомъ спесиваго, роскошнаго барства. Еще менѣе могло встрѣтить въ этомъ обществѣ поддержки и сочувствія стремленіе къ правосудію и справедливости. Напротивъ, Екатерина царствовала, потворствуя и потакая общественной распущенности; она жила и давала другимъ не столько жить достойной человѣка жизнью, сколько живиться на счетъ ближняго. Поддерживая привилегіи высшаго класса, осыпая подарками любимцевъ, потворствуя во всемъ преторьянцамъ, возведшимъ ее на престолъ, Екатерина оставила печальное наслѣдіе несчастному своему сыну. Огромный государственный долгъ екатерининскаго царствованія легъ въ основаніе неудержимо затѣмъ возраставшей задолженности Россіи. Расхищеніе земель великороссійскаго и малороссійскаго духовенства, вопіющія злоупотребленія съ секвестромъ и раздачей польскихъ земель послѣ второго раздѣла и революціи 1792 года,—картина беззаконія и несправедливости, которая, однако, никого не возмущала.

Чарторыйскій отмѣчаетъ странную снисходительность русскаго общества къ порокамъ своей императрицы. Ей все прощалось. Все въ ней восхищало ея подданныхъ.

«Императрица Екатерина», говоритъ Чарторыйскій, «о которой внѣ ея столицы судили, что она не обладаетъ ни добродѣтелью, ни даже благопристойностью, свойственной женщинѣ, сумѣла пріобрѣсти въ своей странѣ, и въ осо-

бенности въ своей столицѣ, обожаніе и даже любовь своихъ служителей и подданныхъ. Въ долгіе годы ея царствованія армія, привилегированные классы, администрація пережили дни благоденствія и блеска. Считалось выше всякаго сомнѣнія, что со времени ея восшествія на престолъ имперія московитовъ вознеслась въ уваженіи иностранцевъ, а въ отношеніи внутренняго порядка ушла далеко впередъ отъ предшествовавшихъ царствованій Анны и Елизаветы. Умы были тогда еще полны древняго фанатизма и низкаго (?) обожанія своихъ самодержцевъ. Благополучное царствованіе Екатерины еще болѣе укрѣпило русскихъ въ ихъ рабствѣ, хотя нѣкоторый проблескъ европейской цивилизаціи уже проникъ въ ихъ среду. Такъ вся нація, не исключая ни малыхъ, ни великихъ, нисколько не была скандализирована развратомъ, преступленіями и убійствами, совершенными ихъ монархиней. Ей все было позволено. Ея сладострастіе было священно. Никому никогда и на мысль не приходило осудить ея распутство. Такъ древніе почитали преступленія и распутство олимпійскихъ боговъ и римскихъ Цезарей.

«Что касается Олимпа московитовъ, то онъ былъ трехъэтажный. Первый этажъ былъ занятъ молодымъ дворомъ, то-есть молодыми великими князьями и княгинями; всѣ они, полные очаровательности, возбуждали надежды на прекраснѣйшее будущее. Второй этажъ былъ занятъ единственнымъ жильцомъ—великимъ княземъ Павломъ, сумрачный характеръ и фантастическое расположеніе духа котораго внушали ужасъ, порою презрѣніе. На вершинѣ зданія находилась Екатерина, окруженная всѣмъ престижемъ своихъ побѣдъ, своихъ удачъ и довѣріемъ любви своихъ подданныхъ, которыхъ она умѣла увлекать по волѣ своихъ прихотей.

«Этотъ легкій набросокъ поможетъ уяснить то пристрастіе, то идолопоклонство, которое всѣ обыватели Пе-

тербургa исповѣдывали въ честь ихъ Юпитера женскаго пола (Jupiter femelle).

«Было весьма трудно, почти невозможно для чужестранца, прибывшаго въ Петербургъ, уклониться отъ впечатлѣнія, видя даже и предразсудки, съ его точки зрѣнія, столь сильно укоренившимися. Разъ вступивъ въ атмосферу двора и ведшихъ туда гостиныхъ, онъ нечувствительно погружался въ вихрь общихъ всѣмъ представленій и чаще всего кончалъ тѣмъ, что присоединялъ и свой голосъ къ хору похвалъ, немолчно раздававшихся вокругъ трона. Въ доказательство можно привести знаменитыхъ путешественниковъ, каковы принцъ де-Линь, лордъ де-Сентъ-Эленъ, графы Сегюръ и Шуазель, равно какъ и много другихъ. Въ толпѣ иностранцевъ и туземцевъ, которые подымали на зубокъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и ради краснаго словца не щадили никого, невозможно, кажется, назвать ни одного, позволившаго себѣ какую бы то ни было выходку насчетъ Екатерины. Ничего не уважали. Надо всѣмъ издѣвались; презрительная и циническая усмѣшка часто сопровождала имя великаго князя Павла; но какъ только произносилось имя Екатерины, всѣ лица мгновенно принимали важный и преданный видъ. Ни улыбочекъ! Ни шуточекъ! Никто не осмѣливался даже пробормотать жалобу или упрекъ, какъ будто бы несправедливѣйшія оскорбительнѣйшія дѣйствія императрицы, причиненныя ею страданія были велѣніями рока, которыя должно переносить съ покорной почтительностью.

«Екатерина была честолюбива, злобна, мстительна, самовластна, безстыдна; но къ ея честолюбію примѣшивалась любовь къ славѣ, и хотя въ томъ случаѣ, когда она дѣйствовала въ силу личнаго интереса или своихъ страстей, все ей должно было помогать, ея деспотизмъ не имѣлъ въ себѣ ничего капризнаго. Страсти ея, сколь безпорядочны

онѣ не были, подчинялись власти ея разума и смышлености. Ея тиранія была расчетлива. Она не совершала преступленій безполезныхъ, которыя бы не приносили ей выгоды. Она соглашалась даже порою быть великодушной въ безразличныхъ дѣлахъ, съ тою цѣлью, чтобы блескъ справедливости могъ подымать великолѣпіе ея трона. Болѣе того: ревнивая ко всякаго рода славѣ, она жаждала титла законодательницы, чтобы въ глазахъ Европы и исторіи прослыть справедливой. Она превосходно знала, что монархамъ должно если не быть, то хотя казаться правосудными. Она дорожила общественнымъ мнѣніемъ, и пока оно не было противно ея видамъ, она въ немъ заискивала, въ противномъ же случаѣ она имъ пренебрегала. Политическое преступленіе, совершенное надъ Польшей, было оправдано государственной необходимостью и военной славой. Она лишила имущества поляковъ, проявившихъ особую ревность въ борьбѣ за независимость своего отечества, но, экспропріируя эти богатства, она ихъ распредѣлила между главнѣйшими русскими фамиліями, и сладость беззаконнаго пріобрѣтенія побудила всѣхъ ея приближенныхъ прославлять пристрастіе императрицы къ преступной, безпощадной, завоевательной политикѣ.

«Если бы мы не боялись унизить Людовика XIV, мы бы сказали, что дворъ Екатерины представлялъ извѣстное подобіе двора великаго короля. Не будетъ, однако, униженіемъ для памяти великаго короля напомнить, что его любовницы играли абсолютно такую же роль въ Версалѣ, какъ фавориты Екатерины въ Петербургѣ. Что касается безнравственности, распущенности, интригъ, низостей куртизановъ Петербурга, то мы ихъ сравнимъ съ византійскимъ дворомъ. А что касается покорности, обожанія народа, мы можемъ найти подобный примѣръ лишь въ Англіи, зачарованной Елизаветой, въ равной степени жестокой и че-

столюбивой, но обладавшей великими способностями и мужской энергіей.

«Самая распущенность Екатерины помогала ея успѣху у націи, то-есть у арміи, двора и привилегированныхъ классовъ. Все офицерство, всѣ молодые люди, которые обладали физическими достоинствами, мечтали о фаворѣ у своей государыни, которую обожали. Но если бы она спускалась столь же часто со своего Олимпа, какъ это дѣлали древніе боги, чтобы вступать въ связи съ смертными, подданные не почитали бы такъ ея могущество и авторитетъ; напротивъ, теперь они не знали, какъ имъ восхвалить ея осторожность, ея умъ».

Вотъ жестокая характеристика великой императрицы, сдѣланная перомъ поляка. Въ началѣ этой характеристики Адамъ Чарторыйскій самъ говоритъ, что одно имя императрицы Екатерины, непосредственной виновницы раздѣла Польши, внушаетъ ужасъ, проклято для каждаго, въ чьей груди бьется польское сердце.

Тѣмъ не менѣе нельзя признать, чтобы Чарторыйскій сгустилъ краски. И на русскій взглядъ его характеристика, какъ самой монархини, такъ и русскаго общества въ общемъ справедлива. Екатерина правила, потакая всѣмъ слабостямъ и порокамъ своего времени съ тою цѣлью, чтобы и ей прощались ея пороки и слабости, а главное—тѣ средства, при помощи которыхъ она взошла на тронъ, ея мужеубійство, ея узурпаціи правъ законнаго наслѣдника Павла Петровича.

Если бы послѣдній не обладалъ характеромъ, невозможнымъ для правителя, то одно можно сказать: глубоко распущенная, деморализованная среда потому бы именно противъ него вооружилась, что онъ обладалъ просвѣщеннымъ умомъ и стремленіемъ къ правдивости, справедливости, правосудію. Сибариты екатерининскаго правленія, profession de foi которыхъ такъ излагаетъ Державинъ:

Мнѣ часъ покоя моего
Дороже, чѣмъ въ исторьи вѣки!
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть, гнесть черн ярмомъ—
Стыдъ, совѣсть слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! Нѣтъ Бога!

Эти сибариты-вольтерьянцы, смѣявшіеся надо всѣмъ, но сдѣлавшіе себѣ кумира изъ хитрой и сластолюбивой ангальтъ-цербстской принцессы, конечно, вооружились бы противъ всякаго государя, который задумалъ бы положить конецъ ихъ распутству и расхищенію имп государства и вступили бы съ нимъ въ жестокую, не стѣсняющуюси въ средствахъ борьбу.

Возможная вещь, что другой государь, съ инымъ политическимъ идеаломъ, съ иными свойствами характера, вышелъ бы побѣдителемъ изъ этой борьбы. Но Павелъ Первый погибъ, и не могъ не погибнуть, благодаря именно несчастной неуравновѣшенности своей природы и благодаря тому политическому идеалу, которымъ вдохновлялся. Идеалъ этотъ лишилъ его поддержки народа и лучшихъ элементовъ общества въ борьбѣ съ придворной камарильей, преторьянцами, бюрократами и крѣпостниками. Неуравновѣшенность характера сдѣлала его игрушкой интригъ партій, которыми руководили иностранные агенты.

Политическій идеалъ императора Павла Перваго—Фридрихъ Великій. Павелъ копировалъ этого государя въ мельчайшихъ обычаяхъ его частной жизни. Между тѣмъ съ правдивою и правдолюбивою, бурной, неуравновѣшенной и романтической душой Павелъ Петровичъ всего менѣе могъ уподобиться этому искушенному въ коварствѣ, холодно расчетливому властелину. Всѣ недостатки такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма въ личности Павла и въ его правленіи сказались съ удесятеренной силой.

Въ то же время эта подражательность, эта копировка прусскаго образца доказываетъ, что, задумавъ переустройство всей гражданской и военной системы Россіи, Павелъ Первый не обладалъ самобытнымъ геніемъ. Много полезнаго онъ, однако, сдѣлалъ. Но все же онъ былъ подражатель и неудачникъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Копированіе Фридриха Великаго объясняетъ весьма многое въ поступкахъ Павла Петровича, объясняетъ, почему эти поступки въ его глазахъ находили полное оправданіе. Павелъ Петровичъ считалъ, что онъ поступаетъ образцово, по-прусски, по-фридриховски. Что обаяніе Санъ-Суси сказывалось даже и на Александрѣ, свидѣтельствуетъ восклицаніе, которое вырывалось у Благословеннаго, когда онъ былъ доволенъ чѣмъ-либо «образцовымъ»: «Это по-нашему, по-гатчински!»

«По-гатчински» значитъ именно «по-фридриховски».

Но оба, и Павелъ, и Александръ, забывали, что Россія все же не Пруссія. Подражательность, пруссофильство, западничество—вотъ что губило благія намѣренія Павла Петровича и, несмотря на его просвѣщенный умъ и стремленіе къ справедливости, сдѣлало его синонимомъ деспота.

Читая характеристику Фридриха Великаго, хотя бы у Маколея въ его историческихъ «Essais», мы скоро начинаемъ въ чертахъ подлинника различать черты списка, Павла Перваго; мы видимъ, что достаточно немного усилить эти черты, чтобы найти объясненіе поступкамъ несчастнаго русскаго самодержца. Съ начала царствованія Фридрихъ отдался съ горячностью, неизвѣстной среди королей, государственнымъ дѣламъ. Людовикъ XIV, правда, самъ былъ своимъ собственнымъ первымъ министромъ. Онъ самъ осуществлялъ верховный надзоръ надъ всѣми частями управленія. Но этого было недостаточно Фридриху. Онъ

не довольствовался быть первымъ министромъ. Онъ хотѣлъ быть самъ единственнымъ своимъ министромъ. Около него не было мѣста не только Ришелье или Мазарини, но даже Кольберу, Лувуа или Торси. Онъ слишкомъ любилъ самъ на себя работать. Онъ испытывалъ ненасытимую, нетерпѣливѣйшую потребность приказывать, направлять, заставлять чувствовать свою власть; онъ чувствовалъ къ себѣ подобнымъ слишкомъ глубокое недовѣріе и пренебреженіе, чтобы спрашивать ихъ совѣта, довѣрять важные секреты или снабдить кого-либо значительными полномочіями. Подъ его управленіемъ высшіе исполнители были чистѣйшими приказчиками, и къ нимъ король не имѣлъ большаго довѣрія, чѣмъ какимъ пользуются вѣрные приказчики со стороны хозяевъ предпріятія. Онъ былъ свой собственный казначей, свой собственный генералъ, свой собственный интендантъ общественныхъ работъ, свой собственный министръ торговли и юстиціи, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, собственный свой шталмейстеръ, камергеръ и гофмейстеръ. Въ этой удивительной монархіи король лично рѣшалъ множество вопросовъ, которыми въ другихъ странахъ не занимались и министры. Если путешественникъ желалъ получить удобное мѣсто на парадѣ, стоило ему только написать Фридриху; онъ на другой же день получалъ, черезъ посланца короля, отвѣтъ Фридриха, подписанный его собственной рукой. То была какая-то болѣзненная и экстравагантная дѣятельность. Система Фридриха истекала изъ его личныхъ особенностей. Онъ не могъ выносить въ государствѣ никакой иной воли, кромѣ своей. Помощниками онъ хотѣлъ имѣть лишь настоящихъ приказчиковъ, достаточно образованныхъ, чтобы переводить съ французскаго (Фридрихъ очень плохо зналъ нѣмецкій языкъ), переписывать, разбирать его черновики и придавать официальную форму его краткимъ «oui» и

«поп». Его рвеніе въ работѣ превосходило все, чего можно ожидать отъ человѣческаго тѣла и духа.

Въ Потсдамѣ, его обыкновенной резиденціи, Фридрихъ лѣтомъ поднимался въ три часа, а зимою въ четыре утра. Пажъ приносилъ тотчасъ же огромную корзину, наполненную корреспонденціей. Тутъ были депеши пословъ, рапорты офицеровъ, планы сооруженій, проекты осушенія болотъ, жалобы лицъ, считавшихъ себя обиженными, всевозможныя просьбы и т. д Фридрихъ все это читалъ, распредѣляя по различнымъ пакетамъ. Потомъ онъ клалъ резолюціи, обыкновенно значкомъ, часто двумя-тремя словами, иногда въ видѣ ѣдкой эпиграммы. Въ восемь часовъ эта часть королевской работы была окончена. Генералъ-адъютантъ тогда являлся за дневными инструкціями для всего военнаго управленія королевства.

Затѣмъ король отправлялся на вахтъ-парадъ или ревю гвардіи. Но онъ присутствовалъ не такъ, какъ обыкновенно монархи на парадахъ, но съ мелочной внимательностью и строгостью стараго сержанта. А между тѣмъ четыре секретаря трудились, составляя по утреннимъ резолюціямъ короля отвѣты на письма. Потомъ Фридрихъ ихъ подписывалъ, и они отсылались по назначенію въ тотъ же вечеръ. Главная цѣль короля была имѣть многочисленную, могущественную и хорошо дисциплинированную армію. И отношеніе, которое существовало въ Пруссіи между числомъ солдатъ и обывателей, было баснословно. Среди зрѣлаго возраста изъ семи одинъ былъ подъ ружьемъ, и помощью парадовъ, разводовъ, ученій, розогъ и палокъ громадная армія изучала всѣ эволюціи съ поразительной быстротой и отчетливостью, изумлявшими знатоковъ дѣла.

Прусская армія тогда не была проникнута тѣми благородными чувствами, которыя необходимы для превосходныхъ армій. Въ ея рядахъ не замѣчалось ни рели-

гіознаго и патріотическаго энтузіазма войскъ Кромвеля, ни патріотическаго огня, жажды славы, преданности великому полководцу, которыя воспламеняли старую гвардію Наполеона.

Но въ отношеніи всей механической части военнаго искусства прусскія войска превосходили англійскія и французскія войска той эпохи.

Фридрихъ былъ первымъ изъ числа западныхъ монарховъ, который отмѣнилъ судебныя пытки. Безъ его санкціи не приводился въ исполненіе ни одинъ смертный приговоръ. И онъ рѣдко давалъ свою санкцію. Но относительно войска онъ держался иной системы. Военныя преступленія въ его арміи наказывались съ такою жестокостью кнутомъ, что солдаты предпочитали быть прямо разстрѣляннными. Смерть казалась меньшимъ наказаніемъ. Главнѣйшій недостатокъ администраціи Фридриха можно резюмировать такъ: страсть вмѣшиваться во все. Неутомимая дѣятельность ума Фридриха, его властный характеръ, военныя привычки, все приводило его къ этой ошибкѣ.

Онъ такъ же дрессировалъ свой народъ, какъ и своихъ гренадеръ. Въ судебной практикѣ онъ не считался ни съ судьями, когорымъ нерѣдко давалъ пинка ногой, ни съ закономъ. Онъ между тѣмъ не хотѣлъ быть несправедливымъ, нѣтъ. Онъ просто полагалъ, что всегда правъ и защищаетъ слабыхъ отъ сильныхъ. Та же страсть все направлять и всѣмъ командовать проникала всякую вѣтвь политики короля. Въ концѣ концовъ правленіе его было истинно невыносимо.

Павелъ слѣдовалъ системѣ Фридриха. Онъ такъ же вставалъ на зарѣ, и въ Михайловскій, объявленный загороднымъ, замокъ почтовая повозка привозила утромъ и отвозила вечеромъ съ резолюціями императора безчисленныя бумаги.

Такъ же ежедневно съ усердіемъ стараго фельдфебеля муштровалъ онъ гвардейцевъ на вахтъ-парадѣ. Такъ же вмѣшивался во все, регламентировалъ все, неутомимый, вѣчно дѣятельный. И такъ же былъ невыносимъ для подданныхъ. Но система, которой онъ слѣдовалъ, проводилась и въ два позднѣйшія царствованія. Только, принявъ прусскую систему, Павелъ не проявлялъ прусской послѣдовательности. Воплощенное противорѣчіе, перемѣнчивый, впечатлительный, онъ по системѣ во все входилъ самъ, но вносилъ тѣмъ во все хаосъ своей необычайной натуры. Этимъ и воспользовались, чтобы сдѣлать его правленіе не только невыносимымъ, но и разрушительнымъ, безсмысленнымъ, гибельнымъ для подданныхъ.

Насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не сопоставляли личность, систему и трагическую кончину Павла Перваго съ не менѣе въ своемъ родѣ печальною участью другого подражателя Фридриха Великаго, съ Іосифомъ II-мъ. Между тѣмъ общихъ чертъ много. Съ 1765 г. Марія-Терезія взяла себѣ въ помощники 25-лѣтняго сына, вообще весьма почтительнаго. Однако изъ этого соправленія ровно ничего не вышло. Какъ только заходила рѣчь о правительственныхъ дѣлахъ, отношенія между матерью и сыномъ сразу поргились. Хотя Марія-Терезія и жаловалась на старость, на самомъ дѣлѣ она твердой рукой держала бразды правленія. Совѣтуясь съ кронпринцемъ, она поступала по-своему и въ то же время заставляла Іосифа подписываться подъ указами, которые тотъ считалъ безполезными или вредными. Іосифъ томился жаждой дѣятельности, порывался все по-своему повернуть, но годы проходили за годами, а матушка царствовала и царствовала. Такъ 15 лѣтъ изнывалъ Іосифъ. Но именно долгимъ ожиданіемъ объясняется, почему, получивъ власть, онъ могъ начать реформу сразу, почему она была всесторонней и

велась по строгому плану. Все было заранѣе обдумано и свалилось, какъ сѣть, на Австро-Венгрію, едва Іосифъ воцарился. Аналогія между положеніемъ Павла при Екатеринѣ и Іосифа при Маріи-Терезіи и самой выработки реформы и введенія ея — напрашивается сама собой. Фридрихъ Великій такъ отозвался о Іосифѣ: «человѣкъ, снѣдаемый честолюбіемъ, таящій въ себѣ великіе замыслы и нетерпѣливо желающій свергнуть иго, которое на него наложила мать». Не таковъ ли былъ и Павелъ Петровичъ цесаревичемъ — «горе богатырь-Косометовичъ»? Конечно, принимая во вниманіе явное недружелюбіе къ нему Екатерины. Марія-Терезія любила сына, однако мучила его безконечнымъ царствованіемъ. Какъ мы сказали, Іосифъ, какъ и Павелъ, слѣдовалъ гражданской и военной системѣ Фридриха Великаго, что и не удивительно: во всей Европѣ регламенты послѣдняго, военный уставъ и организація были приняты за образецъ. Гражданская система Іосифа, сообразно выбранному образцу проявляла тенденцію всѣмъ управлять и все регламентировать, наказывать, стѣснять и поощрять.

Подданнымъ объясняли вредныя послѣдствія украшенія домовъ березками въ Троицынъ и Духовъ день (регламентація, которой занимались въ Россіи урядники еще въ 80-хъ годахъ XIX столѣтія!); повелѣвалось во время лѣтнихъ работъ не пить колодезной воды, а смѣшивать ее съ уксусомъ, приказывалось не позволять дѣтямъ ѣсть болотныя и луговыя травы безъ разбору, ибо между ними есть ядовитыя и т. д. и т. д. Приказы подобнаго рода сыпались на подданныхъ дождемъ и заставляли Екатерину высказаться объ Іосифѣ передъ смертью: «о союзникѣ моемъ я много жалѣю, и странно, какъ, имѣя ума и знанія довольно, онь не имѣлъ ни единаго вѣрнаго человѣка, который бы ему говорилъ: пустяками не раздражать подданныхъ; теперь онъ умираетъ ненави-

димъ всѣми». Точно сказано о Павлѣ Первомъ! И онъ, «имѣя ума и знанія довольно», по ложной системѣ «пустяками раздражалъ подданныхъ»...

Хотя Іосифъ и умеръ отъ болѣзни, естественною смертью, но проживи онъ еще немного—страшныя послѣдствія его деспотизма во имя общей пользы сказались бы съ разрушительной силой. Взрыва можно было ожидать каждый день.

Аналогично у Павла и Іосифа то, что оба раздражили и возстановили противъ себя вельможъ, пользовавшихся привилегіями при долгомъ женскомъ правленіи. За 40-лѣтнее царствованіе мягкой и милостивой Маріи-Терезіи привилегированный классъ привыкъ къ щедрой раздачѣ подачекъ и къ тому, что правила и законы не для нихъ написаны. Іосифъ сократилъ пенсіи, при чемъ, дабы оправдать свой образъ дѣйствій, онъ открыто объявилъ покойную родительницу расточительницей. То же почти сдѣлалъ Павелъ, указывая въ актахъ на дефициты, созданные царствованіемъ его матери. Іосифъ II обременялъ себя массой пустячныхъ дѣлъ, какъ Фридрихъ и Павелъ. Онъ работалъ съ утра до ночи, по 18 часовъ въ сутки и положительно уходилъ себя и умеръ отъ полнаго истощенія силъ. Преслѣдуемый неудачами, Іосифъ сталъ подозрителенъ, угрюмъ и раздражителенъ. Замѣтно было, что всѣ испытываютъ паническій страхъ передъ нимъ. Онъ требовалъ, какъ и Павелъ, экономнаго образа жизни отъ своихъ подданныхъ. Число общественныхъ баловъ во время мясоѣда было сокращено до двухъ. Жизнь въ легкомысленной и веселой прежде Вѣнѣ стала однообразной и монотонной. Полная аналогія съ Павломъ Первымъ! Послѣдніе дни Іосифа были мучительной агоніей. «Все, что онъ любилъ, и все, чѣмъ онъ дорожилъ,—говоритъ русскій изслѣдователь его царствованія,—было у него отняго.

Живой по характеру—онъ не могъ и двинуться; изнывавшій безъ работы—онъ съ трудомъ лишь подписывалъ бумаги; властный и строгій—онъ кругомъ видѣлъ бунтъ и неповиновеніе; славолюбивый—онъ погубилъ свою армію; страстно преданный общему благу—онъ чувствовалъ, что всѣ его ненавидятъ».

И тѣ немногіе, которые о немъ сожалѣли, выражали это въ формѣ, совершенно подобной доброжелательнымъ словамъ о Павлѣ Первомъ: «о, если бы государь остался такимъ, какимъ онъ хотѣлъ быть, судя по данной имъ въ началѣ царствованія присягѣ! Тогда его желанія стали бы для народа закономъ, а теперь все дѣлается насильно и по принужденію». На начало царствованія Павла, сголь разошедшееся съ концомъ, указываютъ и тѣ, которые хотѣли хотя что-либо сказать въ его пользу...

Три главныхъ партіи боролись за обладаніе волею Павла: французскихъ легитимистовъ, бонапартистовъ и англійская партія, какъ называетъ баронъ Гейкингъ. Но такъ какъ легитимисты сами шли на помочахъ политики англійскаго премьера, то можно сказать, что судьбою Павла распоряжались послѣдовательно только двѣ партіи: партія Наполеона Бонапарта и партія Вильяма Питта—ганноверская партія.

Баронъ Гейкингъ въ запискахъ своихъ даетъ полную схему борьбы этихъ партій и называетъ всѣхъ главныхъ представителей, такъ-сказать «лидеровъ» этихъ партій.

Немедленно по восшествіи на престолъ Павелъ вызвалъ въ Петербургъ барона Гейкинга и назначилъ его президентомъ юстицъ-коллегіи. Женатый на дочери начальницы Смольнаго, де-Лафонъ, Гейкингъ принадлежалъ къ партіи Нелидовой и императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ рядахъ которой были еще Куракины, Буксгевденъ, Ховенъ и французскіе эмигранты. Эта партія первой коа-

лиціи европейскихъ державъ противъ революціонной Франціи, созданной геніемъ Вильяма Питта. Въ январѣ 1797 года Павелъ учреждаетъ особый департаментъ по дѣламъ католиковъ при юстицъ-коллегіи. Дѣла католиковъ подчиняются лютеранину барону Гейкингу; противъ этого начинаетъ дѣйствовать митрополитъ могилевскій, тѣмъ болѣе, что баронъ Гейкингъ, какъ это видно изъ собственныхъ словъ его. задумалъ наложить руку на доходы католической церкви въ Россіи. Опасаясь якобинскаго духа нѣмецкихъ университетовъ, Павелъ выразилъ желаніе, чтобы въ пасторы не посвящались лица, воспитывавшіяся въ этихъ университетахъ. Но гдѣ же тогда подготовлять пасторовъ? Гейкингъ указалъ, что у католиковъ есть университеты и семинаріи въ Вильнѣ, Кіевѣ, Могилевѣ, есть и средства. Но у лютеранъ и кальвинистовъ ихъ нѣтъ. Гейкингъ просилъ разрѣшенія запросить отъ юстицъ-коллегіи католическихъ епископовъ о состояніи и средствахъ ихъ семинарій. Павелъ разрѣшилъ. Запросъ разосланъ и, конечно, епископы всполошились, отлично понимая, къ чему идетъ дѣло. «Съ этого времени,—говоритъ Гейкингъ,—начинается тайная интрига противъ меня, которая заставила меня удалиться изъ юстицъ-коллегіи». Во главѣ интриги стоялъ римско-католическій архіепископъ могилевскій, который, по увѣренію барона Гейкинга, «началъ свою карьеру гусарскимъ офицеромъ и лютераниномъ».

Умеръ Станиславъ-Августъ Понятовскій, бывшій польскій король. Въ день погребенія архіепископъ могилевскій надѣлъ митру, на которой красовался шифръ Павла I. За это императоръ пожаловалъ ему андреевскую звѣзду и сталъ отличать его при дворѣ.

Вскорѣ умеръ герцогъ Вюртембергскій, отецъ Маріи Ѳеодоровны. Съ похоронъ его чувства государя къ архіепископу стала раздѣлять и императрица. Католическій де-

партаментъ отдѣленъ былъ отъ юстицъ-коллегіи и поступилъ въ управленіе архіепископа могилевскаго

А въ концѣ 1798 года баронъ Гейкингъ не только былъ отставленъ отъ юстицъ-коллегіи, но даже высланъ сначала въ Митаву, а потомъ и изъ Митавы въ свое имѣніе и уже до кончины Павла I не покидалъ Курляндіи.

Но до этой опалы совершились два событія: замѣна фаворитки Нелидовой юной Лопухиной и принятіе Павломъ гросмейстерства Мальтійскаго ордена, повидимому, отстранившее отъ трона масонскій орденъ.

По словамъ Гейкинга, создался «планъ перемѣнить всѣхъ окружающихъ императора лицъ»; «подземные кроты», Кутайсовъ и Паленъ, создали свою «коалицію» и повели подкопъ прежде всего противъ князя Куракина и генерала Буксгевдена. Какъ дѣйствовали на Павла Петровича? Кутайсовъ, зная всѣхъ тайныхъ шпіоновъ императора, умѣлъ ловко пользоваться ихъ услугами, чтобы, повидимому, совершенно естественнымъ образомъ при случаѣ расхваливать (или, конечно, опорочивать) того человѣка, котораго нужно было помѣстить куда слѣдуетъ или, наоборотъ, свергнуть съ занимаемаго поста. Можно думать, что, сдѣлавшись петербургскимъ генералъ-губернаторомъ и начальникомъ всей явной и тайной полиціи, Паленъ тоже прибѣгалъ къ этому средству чрезъ шпіоновъ играть настроеніями, милостью и немилостью императора.

18 іюня 1798 года островъ Мальта былъ сданъ французамъ. Англійская политика не могла этого допустить. Въ Петербургѣ англійскимъ дворомъ поручено было послу лорду Уитворду совмѣстно съ графомъ Литтой взять это дѣло въ свои руки. Павелъ возмущался позорной сдачей резиденціи ордена, покровителемъ котораго онъ только что себя объявилъ. Князь Безбородко, кн. Алексѣй Куракинъ, австрійскій посланникъ гр. Кобенцель, гр. Віель-

горскій, гр. Буксгевденъ, баронъ Гейкингъ и нѣкоторыя другія лица составили верховный трибуналъ для суда надъ гросмейстеромъ ордена Гомпетомъ. Въ полчаса онъ былъ низложенъ. Павелъ не только сталъ гросмейстеромъ суверенпаго ордена іоаннитовъ, но объявилъ себя самодержавнымъ сюзереномъ ордена и новое свое званіе внесъ въ россійскій императорскій титулъ. А гр. Литта сталъ замѣстителемъ гросмейстера, значитъ пріобрѣлъ огромное значеніе. Все это было нужно, по объясненію Гейкинга, «окружавшимъ императора флибустьерамъ». Буксгевденъ уволенъ и высланъ. Адмиралъ Плещеевъ уволенъ и выслапъ. Гофмаршалу графу Віельгорскому приказано отправиться въ Вильну и не выѣзжать оттуда безъ высочайшаго позволенія. Графа Строганова, одного изъ самыхъ осторожныхъ людей, бывшихъ при дворѣ, екатерининскаго стараго вельможу, Павелъ изгналъ изъ Павловска за то, что тотъ не во время сказалъ государю, что скоро будетъ дождь.

Огромную роль сталъ играть Ростопчинъ. Баронъ Гейкингъ ѣдко замѣчаетъ о талантахъ графа Ростопчина: «Въ составленіи любовныхъ писемъ не было ему равнаго. Онъ могъ даже умно написать и дѣловое письмо».

Отецъ новой фаворотки, Лопухинъ, сталъ генералъ-прокуроромъ, и всѣ сгибались передъ нимъ. Наконецъ 13 сентября 1798 г. баронъ Гейкингъ отставленъ и высланъ.

Вотъ картина борьбы придворныхъ партій въ первую половину четырехлѣтняго царствованія Павла Перваго. Центральными личностями являются двѣ фаворитки, Нелидова и Лопухина. Вмѣстѣ съ смѣной одной другою государя окружили новыми людьми. Но все же пока эта смѣна придворныхъ «кротовъ» и «флибустьеровъ» не угрожала ничѣмъ Павлу и не имѣла еще международнаго значенія. Онъ энергично дѣйствовалъ въ коалиціи Питта,

Суворовъ сражался за чужіе алтари и престолы, внѣшняя политика Россіи шла за англійской кормой.

Во второй половинѣ царствованія дѣло становится серьезнымъ.

Графъ Литта внезапно отставленъ. Несмотря на его итальянскую хитрость и пронырливость, противъ него нашли средство и показали импературу письма его брата нунція, который, несмотря на свое званіе папскаго посла, былъ высланъ за границу.

Очевидно, партія Палена употребила Литту лишь какъ временное орудіе. Затѣмъ, по миновапіи нужды, онъ былъ вышвырнутъ.

На одномъ изъ парадовъ императоръ внезапно объявилъ во всеобщее свѣдѣніе: «Фельдмаршалъ князь Репнинъ увольняется въ отставку съ мундиромъ». Лопухинъ получилъ отставку. На его мѣсто назначенъ Беклешевъ. Перемѣщеніе едва ли не съ обоюднаго согласія Лопухина съ «флибустьерами»... Генералъ-прокуроръ есть око государево, Лопухину удобнѣе было замѣнить себя Беклешевымъ, чѣмъ жмурить самому око на приготовленія къ грядущему. Но и Беклешевъ оказался неудобенъ. Павелъ замѣнилъ его генераломъ Обольяниновымъ, справедливость котораго Паленъ превозносилъ до небесъ. Кочубей былъ уволенъ, а вице-канцлеромъ назначенъ графъ Панинъ.

«Всѣ эти насильственныя перемѣны,—говоритъ баронъ Гейкингъ,—которыя ставятся на счетъ Павлу, являются только слѣдствіемъ глубокозадуманной комбинаціи и такой искусной паутины, что для этого нужна была дьявольская ловкость».

Конституціонные проекты Панина и его планъ регентства Александра, при живомъ, но отрекшемся отъ престола Павлѣ, не имѣли еще внѣшней опоры для осуществленія. Эта Архимедова точка нашлась, и опять-таки въ видѣ злополучной Мальты.

Англія снова отняла у французовъ островъ Мальту. Это было бы ничего. Но вслѣдъ затѣмъ англичанамъ должно было передать Мальту ея гросмейстеру. Они этого не сдѣлали, то-есть совершили то самое преступленіе относительно Павла, которое раньше позволилъ себѣ первый консулъ Наполеонъ Бонапартъ. Павелъ вскипѣлъ гнѣвомъ и сблизился съ Бонапартомъ, который теперь предлагалъ ему Мальту. Надо думать, что это сближеніе приготовлялось постепенно. Въ пользу Бонапарта работалъ аббатъ Губеръ. Перемѣну внѣшней политики возвѣщала уже внезапная высылка герцога Шуазеля и генерала Ламберта. Дѣйствительно, гроза скоро разразилась надъ проживавшимъ въ Митавѣ Людовикомъ XVIII и его дворомъ.

Графъ Карамонъ, присланный въ Петербургъ Людовикомъ XVIII въ качествѣ его посла, былъ высланъ. А уже 3 января 1801 года генералъ Ферзенъ получилъ отъ Палена бумагу такого содержанія: «Вы передадите Людовику XVIII, что императоръ совѣтуетъ ему снова сойтись съ его супругой въ Килѣ». Итакъ, Людовику XVIII и бывшимъ съ нимъ въ старомъ дворцѣ Анны Іоанновны въ Митавѣ герцогамъ Ангулемскому, Беррійскому, де-Викмеръ, графамъ Аварэ и Сенъ-При, герцогамъ Граммону. де-Флери, виконту д'Агу, кардиналу Монморанси, всѣмъ приходилось убираться по добру, по здорову изъ Россіи. Возникъ вопросъ о лейбъ-гвардіи короля, которая носила русскій мундиръ и состояла на жалованьи у императора. Запросили въ Петербургъ. Оттуда сейчасъ примчался фельдъегерь съ краткимъ приказомъ:

«Всѣ безъ исключенія французы должны выѣхать и при томъ возможно скорѣе». Выдача обѣщанной королю денежной помощи, которая раньше аккуратно выплачивалась, 1-го января была пріостановлена. Съ трудомъ разрѣшили королю и герцогамъ устроить распродажу своей мебели, чтобы собрать деньжонокъ на отъѣздъ...

Баронъ Гейкингъ предполагаетъ, что высылка Людовика XVIII устроена была пѣвицей Шевалье, любовницей Кутайсова. Можно думать, что Кутайсовъ и Шевалье работали въ пользу Наполеона Бонапарта, и заговоръ Палена совершенно былъ имъ чуждъ и противоположенъ ихъ интересамъ. Паленъ «усыпилъ» Кутайсова, устроивъ ему награду въ видѣ великолѣпнаго имѣнія въ Курляндіи, объясняетъ бар. Гейкингъ. Кстати баронъ Гейкингъ спрашиваетъ: «Какимъ образомъ могло случиться, что Павелъ угрожалъ неминуемою войной англичанамъ, которые, по его мнѣнію, составили противъ него заговоръ, и въ то же время взялъ себѣ въ повариxи англичанку которая жила почти рядомъ съ нимъ?»

Оставляя въ сторонѣ «повариху», нельзя не обратить вниманіе на подчеркнутыя слова бар. Гейкинга.

Въ ночь съ 11 на 12 марта 1801 года, въ рѣшительную минуту передъ несчастнымъ монархомъ вырастаетъ длинная, худая, блѣдная и угловатая фигура генерала Бенигсена, ганноверца, иностранца, подданнаго англійскаго короля Георга и агента Питта, со шляпой на головѣ и съ обнаженной шпагой въ рукѣ. Сопоставимъ это съ тѣми фактами, что ганноверскій домъ царствовалъ въ Англіи и что именно 11 марта, за нѣсколько часовъ до роковой развязки, Павелъ послалъ курьера съ предложеніемъ прусскому двору и первому консулу Французской республики занять войсками Ганноверъ. Если бы прусскій дворъ отказался занять Ганноверъ, то баронъ Крюденеръ, русскій посолъ долженъ былъ бы въ 24 часа оставить Берлинъ, и тогда предлагалось первому консулу двинуть въ Ганноверъ республиканскія войска.

Мы видимъ, что весьма небольшое число лицъ, окружавшихъ Павла Перваго, боролись между собою за вліяніе надъ нимъ и что въ концѣ концовъ онъ былъ ону-

танъ интригой и погибъ благодаря полному одиночеству на вершинѣ государства. Причиной тому была система единоличнаго управленія, роковымъ образомъ приводившая къ торжеству интригановъ.

Въ конечномъ выводѣ должно признать, что ходячее, полемическое, карикатурное представленіе о личности императора Павла Перваго, какъ о невѣжественномъ, грубомъ, безумномъ, свирѣпомъ деспотѣ, ложно. Павелъ имѣлъ просвѣщенную душу, что доказалъ отношеніемъ къ московскимъ мартинистамъ и къ польскимъ плѣннымъ патріотамъ. Павелъ освободилъ изъ крѣпости Новикова и возвратилъ саблю генералу Костюшкѣ. Этого нельзя вычеркнуть.

Стремленіе къ правосудію и справедливости онъ доказалъ преобразованіемъ сената, «берлоги кляузничества». рѣшеніемъ одиннадцати тысячъ скопившихся тамъ дѣлъ,— восходящихъ до сената дѣлъ!—и настояніемъ, чтобы комиссія составленія законовъ представила въ возможно краткій срокъ проекты гражданскаго и уголовнаго уложенія. Долгіе годы въ Гатчинѣ Павелъ Петровичъ вырабатывалъ реформу военнаго и гражданскаго управленія имперіи, намѣтилъ людей и благодаря этому, едва вступилъ на престолъ, могъ съ чудесной быстротой осуществить преобразованіе. Разумныя и полезныя основанія этого преобразованія несомнѣнны. Павелъ, по мнѣнію компетентныхъ изслѣдователей, вѣрно опредѣлялъ зло и находилъ правильныя средства исцѣленія. Изученіе этой дѣловой стороны царствованія Павла Перваго въ высшей степени важно, а ему только лишь положено начало. Изучены ли финансовыя мѣропріятія Павла? Въ сопоставленіи съ итогами екатерининскихъ дефицитовъ они дадутъ разительную картину.

Установивъ, что при всѣхъ недостаткахъ неуравновѣшенной натуры несчастный императоръ былъ полонъ

нравдивости, глубокаго сознанія царственнаго долга, ч
онъ жаждалъ справедливости и правды, должно приня
во вниманіе нравственный уровень русскаго общест
весьма низменный. Разительную картину нравовъ т
эпохи, между прочимъ, можно найти въ романѣ Изма
лова «Евгеній», вышедшемъ въ 1799—1801 году. Долж
признать, что именно достоинства императора Павла, имен
благородныя и высокія стремленія его въ высшей ст
пени сложной натуры и возбудили противъ него прив
легированные классы. Солдаты и крестьяне Павла любил
Гибельными для несчастнаго государя были именно свѣ
лыя стороны его натуры. Общество простило бы е
взбалмошность и даже грубый произволъ, если бы онъ
коснулся его неправыхъ доходовъ, его злоупотреблен
его привилегій, угнетавшихъ народъ и разрушавшихъ
сударство. Все, начиная съ сокращенія хищническа
дворцоваго хозяйства и ограниченія воровства въ придво
номъ вѣдомствѣ, продолжая уничтоженіемъ огромныхъ
кестровъ музыки и хоровъ пѣвчихъ при полкахъ, все ш
противъ привычнаго распутства безчисленныхъ тунея
цевъ, которые хищно, алчно и нагло живились,
то время, какъ сѣверная Семирамида жила во все с
удовольствіе.

Но затѣмъ выступаютъ тѣ гибельныя причины, к
торыя таились какъ въ политическомъ идеалѣ импер
тора Павла, такъ и въ его личномъ характерѣ.

«Гатчинская», «павловская» система есть систе
«прусская», «фридриховская», система просвѣщеннаго сам
властія, покоящаяся на опредѣленномъ финансово-хозяйстве
номъ строѣ патріархальныхъ полувотчинныхъ отношен
Невозможно разсматривать эту систему уединенно, в
связи съ послѣдующими царствованіями, съ александр
ской и николаевской эпохой. Насколько намъ извѣст

такого сравненія еще не было дано. Что касается отличія павловскаго просвѣщеннаго самовластія отъ екатерининскаго абсолютизма, то разница прежде всего обусловливалась разницей положенія Екатерины и Павла. Екатерина не имѣла законныхъ правъ на тронъ, который занимала. Конечно, она занимала его по праву удачи и генія. Но также и помощью предоставленія огромныхъ выгодъ совершеннаго ею переворота въ пользу преторьянцевъ, ее возведшихъ на престолъ. Екатерина правила чрезъ фаворитовъ, проконсуловъ и сатраповъ. «Просвѣщенный абсолютизмъ» въ различныхъ частяхъ ея имперіи осуществляли отдѣльные намѣстники. Изъ нихъ намѣстникъ Бѣлоруссіи Чернышевъ задавался, напримѣръ. задачей превратить Бѣлоруссію... въ Голландію. Павелъ не нуждался въ заискиваніи предъ вельможами. Онъ ощущалъ полноту законныхъ, державныхъ правъ своихъ и усилилъ централизацію власти. Но въ этомъ отношеніи и Александръ, и Николай шествовали по его стопамъ. Правда, Павелъ раздавалъ фельдмаршальскіе жезлы направо и налѣво. Но это было съ его стороны реакціей противъ властолюбивыхъ генералъ-фельдмаршаловъ Екатерины, изъ которыхъ особенно ненавистенъ былъ Павлу «великолѣпный князь Тавриды» Потемкинъ.

Обращаясь къ внѣшней политикѣ Павла Перваго, мы должны признать. что именно эта политика, или, точнѣе, перемѣна въ ней. погубила несчастнаго государя. Его погубили чрезмѣрно грандіозные замыслы, но онъ совершенно вѣрно оцѣнилъ значеніе и роль Наполеона Бонапарта послѣ Маренго. Если бы императору Павлу удалось упрочить союзъ съ Наполеономъ, если бы онъ не погибъ именно въ моментъ этого союза, то, конечно, судьба Европы и Россіи была бы иная. Павелъ изгналъ Людовика и его дворъ съ безпримѣрной жестокостью. Но для интере-

совъ Россіи, надо думать, былъ гораздо гибельнѣе шагъ императора Александра, вдругъ выступившаго съ широковѣщательнымъ протестомъ въ 1804 году, послѣ осужденія и казни герцога Энгіенскаго военной комиссіей Наполеона, когда всѣ дворы Европы не только противъ этого не протестовали, но даже не спѣшили наложить трауръ, по сему случаю, достаточно щекотливому.

Этотъ шагъ логически привелъ Россію сперва къ Тильзиту, а потомъ къ нашествію двадесяти языковъ и сожженію Москвы. Союзъ Павла съ Наполеономъ и коалиція сѣверныхъ нейтральныхъ флотовъ создали бы Россіи и на материкѣ и на моряхъ грандіозное поприще. Этому не суждено было сбыться. Императоръ Павелъ погибъ. Зато генералъ Бенигсенъ имѣлъ возможность отличиться въ «Отечественную войну».

Планъ нижняго этажа Михайловскаго Замка.

1 Тройной мостъ, ведущій отъ Констабеля въ большой дворъ.

2. Подъемные мосты.

3 Парадный подъѣздъ.

4 Лѣстницы ведущія въ нижній этажъ.

5 Сѣни.

6 Парадная лѣстница.

7 Церковь

8 Колонада на большой лѣстницѣ со стороны Лѣтняго сада

9. Малый театръ.

10. Гауптвахта.

11. Наружный входъ къ церкви.

12. Лѣстницы ведущія въ покои.

13. Большая лѣстница со стороны Лѣтняго сада.

14. 15. 16. 17. Апартаменты.

19. Лѣстница со стороны Фонтанки.

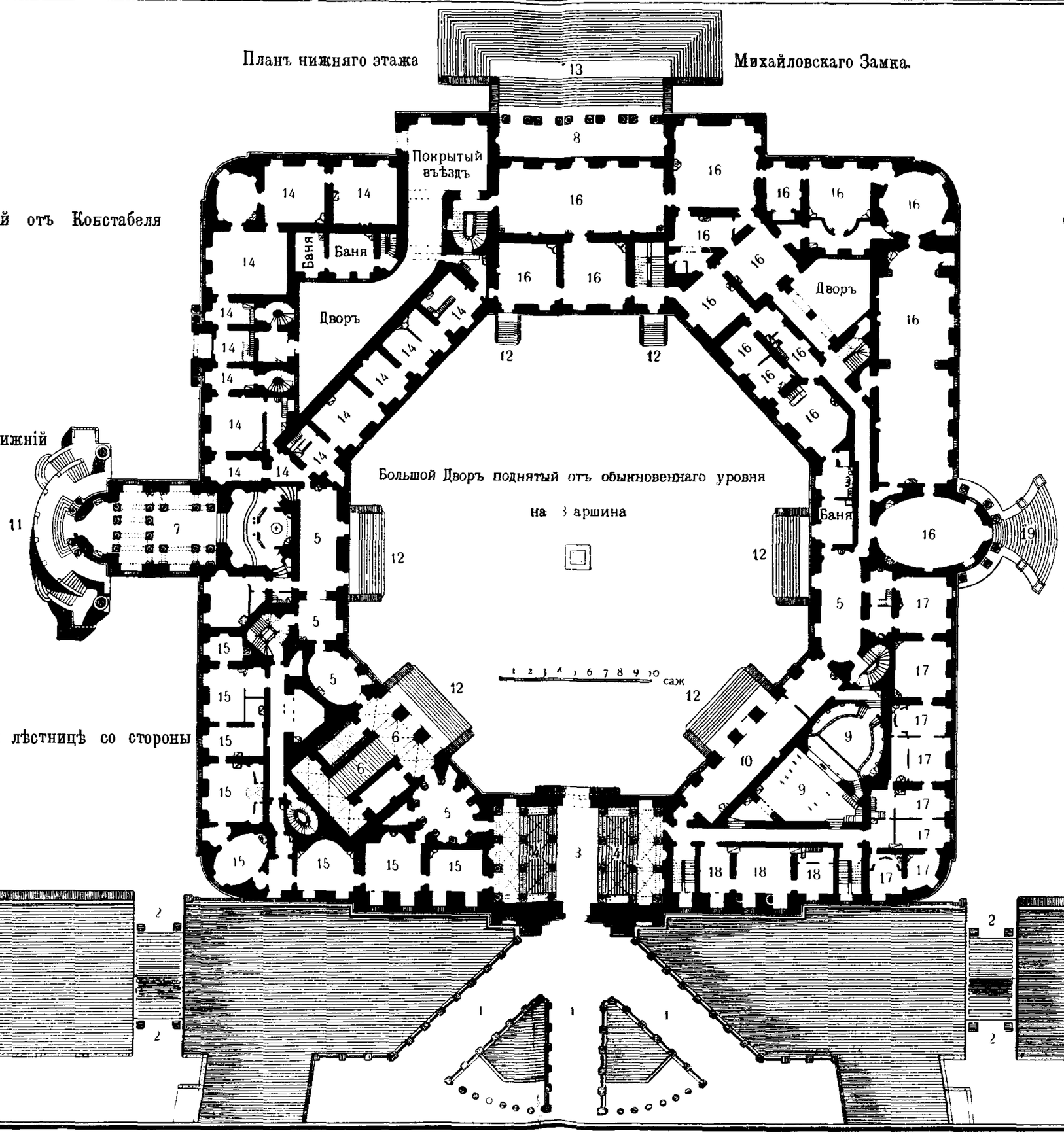


Рис архитекторъ Бренна

Планъ бель-этажа Михайловскаго Замка.

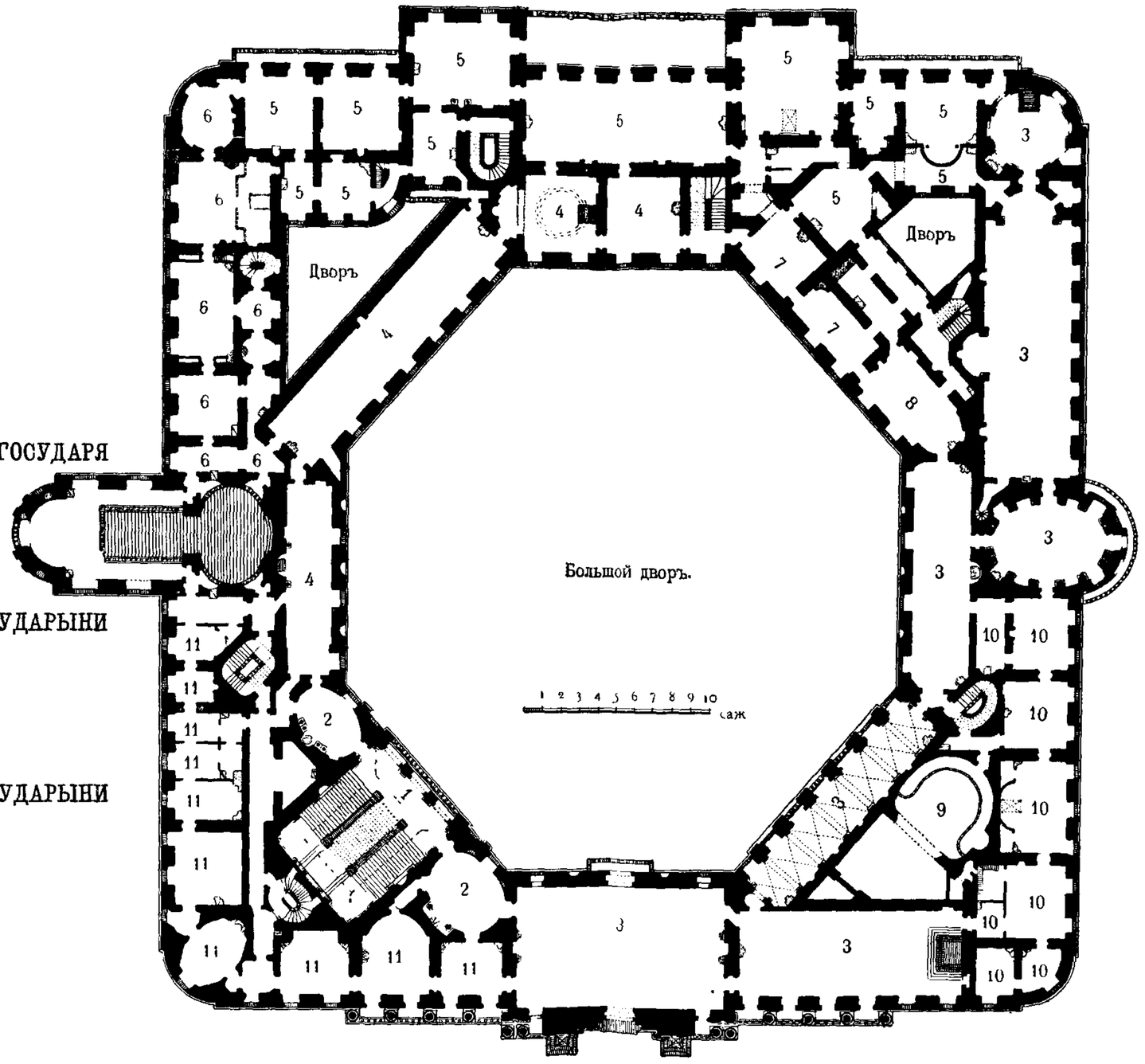
1. Парадная лѣстница.

2. Вестибюль для гвардіи.

3. Парадные апартаменты ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

4. Парадные апартаменты ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

5. Внутреннія комнаты ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ.



6. Внутреннія комнаты ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

7. Передняя.

8. Столовая.

9. Малый театръ.

10. 11. Апартаменты.

Рис архитекторъ Бреннъ